ОСИРИС

ЛАРРИ НАЙВЕН

ЛЕТАЮЩИЕ КОЛДУНЫ

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РОМАНЫ

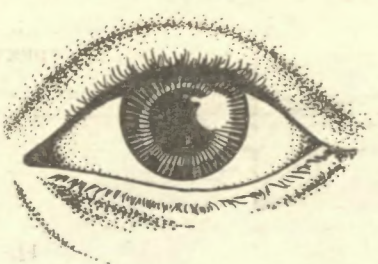
ЛЕТАЮЩИЕ КОЛДУНЫ
ЛАРРИ НАЙВЕН

1

ЛАРРИ НАЙВЕН

ЛЕТАЮЩИЕ КОЛЬЦА

фантастические романы



ЦЕНТРПОЛИГРАФ
Москва
1992

ББК 84.7 (США)
Н36

Серия "Осирис" выпускается с 1992 года

Выпуск 1

Найвен Ларри

Н36 Летающие колдуны: Фантастические романы. — Пер. с англ. — "Осирис". Вып. 1 — М.: Центрполиграф, 1992. — 617 с.

Ларри Найвен вошел в американскую фантастику в самом конце шестидесятых, когда казалось, что королевство фантазии исследовано до самых крайних пределов, что не осталось уже ни одного сюжета, ни одного открытия и изобретения, которое не было бы обыграно в книгах и на экране. И все же Найвену удалось создать в романах, связанных общими сюжетными линиями, свой собственный мир, удивительный и непредсказуемый.

Начало ему было положено на рубеже XXI века, когда ученые Земли создали новую расу человекоподобных существ, обладающих колоссальной психической энергией. Перед их натиском отступили извечные враги человечества — неравенство, бедность, болезни. Но немного времени прошло, прежде чем новые, неведомые дотоле враги появились на горизонте...

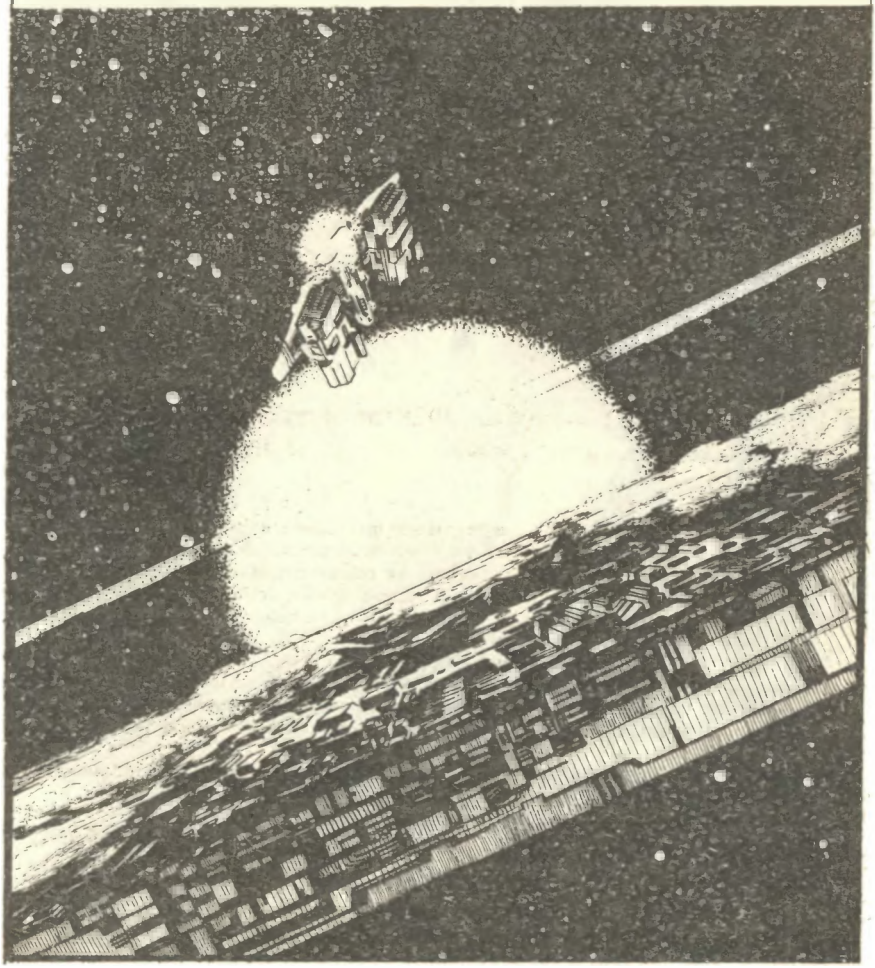
Найвен Вас ошеломляет. Вы не можете ему не поверить. Вы не сможете его забыть.

ББК 84.7 (США)

ISBN 5-7001-0052-5

© Состав и художественное оформление торгово-издательское объединение "Центрполиграф", 1992 г.

МИР – КОЛЬЦО



Глава первая

Луи Ву

В погруженном в темноту Бейруте, в самом его сердце, в одной из многочисленных кабин трансфера, материализовался Луи Ву.

Его тридцатисантиметровая коса блестела снежной белизной, кожа и обритая голова были желтыми, а глаза — золотыми. Одет он был в голубую одежду, на которой золотом был вышит объемный дракон. Когда он материализовался, на его лице играла широкая улыбка, обнажавшая красивые, жемчужные, вполне стандартные зубы. Он усмехался и махал рукой. Однако постепенно улыбка исчезала. Лицо Луи Ву приняло вид резиновой маски, слегка обвисшей. Годы давали себя знать.

Некоторое время он наблюдал кипящую жизнь Бейрута, людей, появляющихся в кабинах неизвестно откуда, толпы пешеходов, идущих по выключенным на ночь пешеходным дорожкам. Часы начали отбивать одиннадцать ночи. Луи Ву выпрямился и вышел в ожидавший его мир.

В Раште, где еще продолжалось веселье, было уже утро следующего дня. Следующего после дня его рождения. Здесь, в Бейруте, было на час меньше. В ресторане под голым небом Луи поставил всем желающим по нескольку рюмок ракии и пел вместе со всеми на арабском и всемирном языках. Около полуночи он перенесся в Будапешт.

Интересно, заметили ли уже в Раште его исчезновение с собственного приема? Наверно, думают, что он скрылся вместе с какой-нибудь из женщин и появится через несколько часов. Однако Луи Ву исчез один, убегая перед наступающей полночью. Двадцать четыре часа — это слишком мало, чтобы отпраздновать двухсотый день рождения...

В Будапеште его ожидало вино, танцы, местные жители, счи-

тавшие его богатым туристом, и туристы, видевшие в нем состоятельного туземца. Он пил вино, танцевал и исчез около полуночи.

Его знакомые и приятели могут сами побеспокоиться о себе.

В Монако Луи Ву пошел погулять.

Воздух был теплый и чистый, и у него несколько прояснилось в голове.

Он шел ярко освещенными тротуарами, добавляя темп своего шага к их десятимильной скорости. У него промелькнула мысль, что в каждом городе на Земле существуют движущиеся тротуары, и все жители двигаются со скоростью десяти миль в час.

Эта мысль была невыносима. Она была не нова и все же невыносима. Насколько одинаковыми были города: Бейрут такой же, как Монако, как Рашт, как Сан-Франциско, Токио, Лондон, Амстердам... Во всех магазинах, вдоль которых двигались тротуары, можно было купить одно и то же. Все люди выглядели одинаково и одинаково одевались. Не американцы, не немцы, не египтяне — просто люди.

Эта унификация неисчерпаемой, казалось бы, разнородности была заслугой действующих три с половиной столетия трансферовых кабин, которые покрывали весь мир густой сетью мгновенных связей. Разница между Москвой и Сиднеем составляла долю секунды, и переход из одного города в другой стоил десять старов. За прошедшие столетия города так перемешались между собой, что их названия стали реликтами далекого прошлого.

Сан-Франциско и Сан-Диего составляли северный и южный конец одного громадного, растянутого вдоль побережья города. Но много ли людей знали, где они в действительности находятся? Вероятно, мало.

Мысли Луи были довольно пессимистичные, если учесть, что это был его двухсотый день рождения.

Но объединение и перемешивание городов было реальностью. Все это происходило на глазах Луи. Разнообразные местные, национальные нерациональности перемешивались сейчас в одну большую, напоминающую туманную серую пасту реальность города. Разве сейчас кто-нибудь говорит на немецком, английском, французском или испанском? Каждый пользуется всемирным языком. Мода изменяется сразу в целом свете в одном конвульсивном мощном спазме.

Может быть, пришло время на очередной Отлет? Одному, в небольшом корабле, в неизвестность, с кожей, глазами и волосами, имеющими свой собственный цвет, с бородой, растущей, как ей вздумается...

— Глупость, — сказал сам себе Луи Ву, — ведь я только что вернулся.

Двадцать лет тому назад...

Приближалась полночь. Луи Ву занял свободную кабину, вложил в щель счетчика свою кредитную карточку и набрал код Севильи.

Луи Ву материализовался в комнате, освещенной солнечными лучами.

— Что случилось? — удивился он, зажмуривая глаза, привыкшие к темноте. Вероятно, что-то испортилось в кабине, ведь в Севилье в это время не должно быть солнца. Луи Ву поднял было руку, чтобы попробовать еще раз, но когда огляделся, то замер в удивлении.

Он находился в гостиничном номере, совершенно обычном номере, и потому увиденное казалось еще более невероятным.

На Луи смотрело что-то такое, что вообще не было человеком, не было даже гуманоидом. Существо стояло на трех ногах и рассматривало Луи глазами, расположенными на двух плоских головах, которые покачивались на стройных гибких шеях. Кожа существа была белой и казалась очень нежной. Между шеями, вдоль позвоночника и на бедре тыльной ноги, росла густая и длинная грива. Две передние ноги были широко расставлены, так, что небольшие когтистые подковки составляли почти равносторонний треугольник.

Луи понял, что это существо является каким-то животным с чужой планеты. В этих плоских головках не нашлось бы места мозгу необходимой величины. Но тут его внимание привлекла выпуклость между шеями, охраняемая густой гривой.

И вдруг возникло погребенное под стосемидесятилетним слоем времени воспоминание.

Это был кукольник, кукольник Персона. Его череп и мозг находились именно под этим горбом. Он не был животным — его интеллект по крайней мере был равен человеческому. Глубоко посаженные глаза кукольника, по одному на каждой голове, неподвижно смотрели на Луи Ву.

Луи попробовал открыть двери кабины. Заперто.

Он был замкнут в кабине, а не снаружи. Луи мог в любую минуту набрать код и исчезнуть, но такая мысль даже не пришла ему в голову. Не каждый день можно встретить кукольника. Они исчезли из исследованного космоса задолго до рождения Луи.

— Чем могу служить? — вежливо спросил он.

— Действительно, можешь, — прозвучал голос, взятый прямо из роскошного сна подростка. Женщина, обладающая таким голосом, должна быть в одно и то же время и Клеопатрой, и Еленой Прекрасной, и Мерилин Монро, и Лорелеей Ганс.

— Черт побери!

Проклятие было совершенно не к месту. Нет в мире справедли-

вости! Чтобы таким голосом говорило существо с двумя головами и полом, который невозможно определить?!

— Не расстраивайся, — проговорил кукольник. — Ведь ты можешь исчезнуть, если захочешь.

— В школе нам показывали таких, как ты. Но они исчезли давным-давно... Во всяком случае, так считают.

— Когда мой род оставил известный вам космос, меня с ним не было, — возразил чужак. — Я остался в известном космосе, потому что мой род в этом нуждался.

— А где же ты прятался? И где, черт меня побери, мы вообще находимся?

— Ты не должен об этом беспокоиться. Твое имя Луи Ву?

— Ты знаешь мой код? Ты следил за мной?

— Да. Мы можем контролировать сеть трансферовых кабин этого мира.

Луи сообразил, что это в принципе вполне возможно. Правда, при этом надо было затратить целое состояние на взятки, но это не проблема.

— А зачем?

— Это очень долго объяснять...

— Ты можешь выпустить меня отсюда?

Кукольник немного подумал.

— Думаю, что мне придется это сделать. Но прежде я хочу сказать тебе, что у меня есть оружие. Если ты захочешь напасть, я смогу тебя остановить.

Луи Ву фыркнул.

— Зачем мне нападать на тебя?

Кукольник не ответил.

— Ах, догадываюсь! Вы — трусы. Вся ваша система этики основана на трусости.

— Хоть это и не совсем так, не стану возражать.

— Собственно говоря, могло быть и хуже, — пробормотал Луи. Каждая культура имела какие-то особенности. Во всяком случае, легче было договориться с кукольником, чем с генетически параноидальным триноком, изинти с несдерживаемыми рефлексами убийства или с неподвижным грогсом, у которого... ну, мягко говоря, шокирующие хватательные приспособления.

Вид стоящего перед ним кукольника вызвал у Луи целую лавину запутанных, обрывочных воспоминаний. Научные данные об их торговой империи, контактах с людьми, а потом об их неожиданном исчезновении были перемешаны в его мозгу со вкусом первой папиросы, неумелой работой на пишущей машинке, целыми страницами всемирного языка, которые необходимо было заучить на память, с уверенностью и разочарованиями молодости. Он слышал о кукольниках на уроках истории, а потом забыл о них на долгие

годы. Невероятно, сколько может вместить в себя человеческий мозг!

— Я могу остаться в кабине, если тебе так больше нравится, — проговорил Луи.

— Нет, мы должны встретиться.

Под гладкой кожей кукольника задрожали мышцы. Дверь открылась, и Луи Ву вышел из кабины.

Кукольник отступил на несколько шагов.

Луи сел в кресло не потому, что он устал и хотел сесть, а принимая во внимание психический комфорт кукольника.

Если он будет сидеть, это укажет на отсутствие агрессивных намерений. Кресло было такое же, как и везде, — самоприспосабливающееся к фигуре, предназначенное исключительно для людей. В воздухе чувствовался какой-то приятный, деликатный запах — что-то среднее между аптечной лавкой и киоском сладостей с ароматическими приправами.

Кукольник присел на подвернутой задней ноге.

— Ты удивлен, что я препроводил тебя сюда? Необходимо более подробное объяснение. Что ты знаешь о моем виде?

— Уж очень много лет прошло с тех пор, как я был школьником. Я знаю, что у вас была торговая империя. Да? То, что мы называем «изученным космосом», составляло только небольшую часть этой империи. Мы знаем, что вы торговали с триноками. Мы же столкнулись с ними только двадцать лет тому назад.

— Да, мы имели с ними дело. Главным образом при помощи роботов-посредников, насколько я припоминаю.

— У вас была империя протяженностью в сотни световых лет, и существовала она несколько тысячелетий. Почему же вы исчезли, оставив все это? Почему?

— Неужели об этом уже забыли? Мы бежали от взрыва ядра Галактики.

— Да, я помню. — Луи смутно припоминал, что цепная реакция Новых была открыта именно кукольниками. — Но почему именно в это время? Ядра солнц превратились в Новые десять тысяч лет тому назад, а свет их придет сюда через двадцать тысяч лет, не раньше.

— Люди не должны быть слишком самонадеянными, — возразил кукольник. — Уверен, что вы способны нанести себе вред. Неужели вы не видите опасности? Вместе со светом появится космическое излучение, которое превратит эту часть Галактики в пустыню!

— Двадцать тысяч лет — это громадный промежуток времени!

— Уничтожение остается таковым даже за двадцать тысяч лет. Мой род ушел в направлении Магеллановых Облаков. Но часть из нас осталась на случай, если бы возникла какая-нибудь опасность. Сейчас это произошло.

— Да? А какая же опасность?

— Я не могу ответить тебе на этот вопрос сейчас. Но посмотри на это, — произнес кукольник, беря предмет, лежащий на столе.

И Луи, который все время пытался понять, где у кукольника находятся руки, увидел, что руками у него являются его губы.

«И совсем неплохими руками», — подумал он, когда кукольник подал ему предмет, который оказался голограммой. Большие, как бы резиновые, губы кукольника вытягивались на несколько сантиметров. Они были сухими, как пальцы человека, и были окружены небольшими выростами. За сточенными, плоскими зубами растительноядного существа Луи увидел движение подвижного языка.

Он посмотрел на голограмму.

Сначала вообще ничего нельзя было понять, и Луи терпеливо ждал, пока образ не уложится в его мозгу в логическую целостность. Небольшой, интенсивного белого цвета диск, как солнце типа СО, К8 или К9. Часть диска отсечена черным ровным ударом. Нет, это не могло быть солнцем. Частично скрытая за диском, отчетливо выделяясь на черном фоне, виднелась полоса удивительно чистой голубизны. Полоса эта была совершенно ровной, с острыми краями. На вид она была шире белого круга.

— Выглядит, как звезда, окруженная ободом, — проговорил Луи. — Что это такое?

— Можешь оставить снимок у себя, если хочешь. Сейчас я уже могу назвать причину, по которой я перенес тебя сюда. Я предлагаю создать группу из четырех исследователей, включая в это число тебя и меня.

— И что же мы станем исследовать?

— Вот этого я пока не могу тебе сказать.

— Не смеши меня. Надо быть ненормальным, чтобы решиться на участие в экспедиции, о целях которой ничего не знаешь.

— Желаю тебе всего самого наилучшего и поздравляю тебя с днем рождения, — сказал кукольник.

— Благодарю, — ответил несколько удивленный Луи.

— Почему ты ушел со своего праздничного приема?

— Это тебя не касается.

— Касается. Извини меня, Луи Ву, но все же ответь: почему ты ушел?

— Я просто решил, что двадцать четыре часа — это слишком мало, чтобы хорошо отметить двухсотый день рождения. Поэтому я продлил день, уходя перед полночью. Ты не можешь этого понять, не будучи человеком.

— Ты переполнен радостью этого события?

— Ну... не совсем так... Пожалуй, нет...

Даже наверняка нет. Хотя прием удался. Он начался через минуту после полуночи. Луи не хотел терять ни одной минуты этого

праздничного дня. Приятели его жили во всех часовых поясах. Кто хотел, мог в уютной миниспальне недолго поспать, к услугам других были возбуждающие средства.

На день рождения прибыли гости, которых Луи не видел уже сто лет, были и те, кого он видел каждый день. Некоторые из них давно уже стали его смертельными врагами. Были женщины, которых он не мог припомнить. Луи сам удивлялся, сколько раз за жизнь менялись его вкусы.

Только на то, чтобы поздороваться со всеми гостями, ему пришлось потратить несколько часов. Громадное число имен, которые нужно было запомнить! Слишком многие приятели стали за прошедшие годы совершенно чужими людьми.

За несколько минут перед полуночью Луи Ву вошел в трансферную кабину и исчез.

— Мне все это смертельно надоело, — признался он. — «Луи, расскажи нам о своем последнем Отлете», «Как ты можешь жить в одиночестве, Луи?», «Как хорошо, что ты пригласил посла триноков, Луи!», «Давно не виделись, Луи!», «Эй, Луи, знаешь, сколько нужно джанксян, чтобы покрасить высотное здание? — Ну, сколько? — Что, сколько? — Этих джанксян? — А-а-а. — Нужно трех, чтобы красили, и двух, чтобы двигали небоскреб». Слышал этот анекдот еще в детском саду. Все, что было в моей жизни и прошло, все старые анекдоты, все вместе в одном громадном доме... Не смог этого выдержать.

— Ты беспокойный человек, Луи Ву. Твои Отлеты — ведь они начались с тебя?

— Не помню. Знаю, что они быстро стали распространенным обычаем. Сейчас этим занимается большинство моих знакомых.

— Да, но не так часто, как ты. Примерно раз в сорок лет тебе надоедает общество людей. Тогда ты забираешься в небольшой корабль и летишь на окраину исследованного космоса. В одиночестве. И летишь до тех пор, пока не начинаешь ощущать потребность в общении. С последнего, четвертого, Отлета ты вернулся двадцать лет назад... В тебе живет беспокойство, Луи Ву. На каждой планете, где живут люди, ты был достаточно долго, чтобы считаться местным жителем. Сегодня ты сбежал с собственного дня рождения. Может, тебя снова охватывает беспокойство?

— Ну, это касается только меня, не так ли?

— Да. Но я хочу тебя завербовать. Ты был бы хорошим членом исследовательской группы. Рискуешь, но сначала тщательно оцениваешь степень риска. Не боишься одиночества. Достаточно разумный и ловкий, чтобы жить более двухсот лет. На вид тебе можно дать двадцать лет, ибо ты хорошо обращаешься со своим телом. Наконец, и это очень важно, любишь общество инопланетян.

— Это правда, — признался Луи. — Знал несколько ксенофобов и считал их ослами. Жизнь была бы бесконечно скучной, если бы вокруг тебя были одни только люди.

— Но ты не хочешь принять решение вслепую? Может, тебя убедит довод, что кукольник будет с тобой? Всего, что было бы опасно для тебя, я буду бояться в два раза сильнее. Ведь разумная осторожность моей расы вошла в пословицы.

— Да, в этом ты прав, — подтвердил Луи.

Откровенно говоря, он уже проглотил приманку. Все вместе — и внутренний непокой, и любопытство, и интерес к инопланетянам — перевесили соображения осторожности. Куда бы ни собрался идти кукольник, Луи пойдет с ним. Но он все же хотел побольше узнать о цели исследовательской группы.

Луи находился в выгодном положении. Инопланетянин никогда не выбрал бы для себя такого помещения. Обстановка комнаты, с человеческой точки зрения, совершенно обычная, была приготовлена для вербовки.

— Если ты не хочешь сказать, что мы будем изучать, — проговорил Луи, — то, может быть, ты скажешь, где это находится?

— Двадцать световых лет отсюда. В направлении Малого Магелланового Облака.

— Путешествие с гиперпространственным двигателем займет два года.

— Нет. У нас есть корабль, который движется гораздо быстрее. Проходит световой год за минуту с четвертью.

Луи открыл рот, но не сумел издать ни звука. За минуту и пятнадцать секунд?!

— Не удивляйся, Луи Ву. Разве иначе могли бы мы выслать исследователей к ядру Галактики и узнать о начавшейся цепной реакции? Ты сам мог бы додуматься до существования такого корабля. Если моя миссия закончится удачно, вместе с чертежами я передам тебе и сам корабль. Этот корабль будет твоей наградой, зарплатой — как хочешь, так и называй. Ознакомишься с ним, когда мы догоним миграцию кукольников. И там же ты узнаешь, что является целью нашей экспедиции.

«Когда мы догоним миграцию кукольников...»

— Я согласен, — ответил Луи Ву. Увидеть миграцию целой расы! Гигантские корабли, несущие в себе сотни миллионов кукольников, целые экологические системы, поддерживаемые...

— Хорошо, — кукольник встал с места. — Наша группа будет состоять из четырех членов. Сейчас мы идем к третьему.

И отправился трусцой в трансферную кабину.

Луи спрятал таинственную голограмму в карман и двинулся за кукольником. В кабине он попытался увидеть код, который набрал тот, но все произошло так быстро, что Луи ничего не увидел.

Луи Ву вышел вслед за кукольником из кабины и оказался в роскошном зале ресторана, погруженном в полумрак. Судя по расшитым золотом черным ливреям официантов и неэкономной расстановке столиков, это был ресторан «Крошка» в Нью-Йорке.

При появлении кукольника раздался возбужденный шепот. Метрдотель, бесстрастный робот, провел их к столику. Вместо одного из кресел была принесена большая подушка, на которую уселся кукольник.

— Тебя здесь ожидали, — констатировал Луи.

— Да, я заранее заказал этот столик. Здесь всегда хорошо принимают инопланетян.

Только сейчас Луи заметил, что кукольник был не единственным представителем чужой расы; за соседним столиком сидело четверо кзинов и еще какие-то катлины на другом конце зала. Принимая во внимание, что неподалеку находилось здание Объединенных народов, в этом не было ничего удивительного. Луи заказал себе текилу — кислую мексиканскую водку и сразу же занялся ей.

— Это хорошая мысль, — проговорил он, — умираю с голоду.

— Мы пришли сюда не для того, чтобы есть, — возразил кукольник. — Нам необходимо найти третьего члена нашей группы.

— Здесь? В ресторане?

Кукольник громко заговорил, но совсем не для того, чтобы ответить на вопрос Луи.

— Ты никогда не видел моего кзина? Его зовут Кхула-Ррит. Я держу его дома. Очень забавный звереныш.

Луи чуть не поперхнулся своей текилой. У столика за спиной кукольника каждая из четырех гор оранжевого меха была огромным живым кзином. Сейчас все четверо, оскалив свои острые, как кинжалы, зубы, смотрели в их сторону. Могло показаться, что они улыбались, однако такая гримаса у кзинов никогда не указывала на улыбку.

Фамилия Ррит принадлежала семье Патриарха Кзинов. Луи, которому удалось проглотить свою несчастную текилу, понял, что это вообще ничего не меняет. Оскорбление было смертельным, а съеденным можно быть только один раз.

Кзин, сидящий рядом с кукольником, встал с места.

Густой оранжевый мех с черными пятнами вокруг глаз покрывал то, что можно было назвать жирным котом, если бы он не был восьми футов высотой. А вместо жира везде бугрились мышцы, неестественно уложенные вокруг такого же неестественного скелета. Ладони, напоминающие черные перчатки, были вооружены громадными высовывающимися когтями.

Четверть тонны обладающего разумом хищника нависло над кукольником и спросило:

— Ты думаешь, что можешь оскорблять Патриарха Кзинов и после этого оставаться в живых?

Кукольник ответил без следа дрожи в голосе:

— Однажды на планете, которая вращается вокруг Бета Лиры, я ударил кзина по имени Куфт-Каптейн в живот и сломал три слоя его внутреннего скелета. Я ищу мужественного кзина.

— Говори дальше, — сказал черноглазый кзин. Несмотря на ограничения, которые налагало строение его рта, выговор у него был безукоризненный. В голосе не чувствовалось ярости, и посетитель мог подумать, что кзин и кукольник говорят, например, о погоде.

Но кушанье, от которого кзин только что оторвался, состояло исключительно из кровавого, дымящегося мяса, подогретого до температуры тела. Остальные кзины все это время широко улыбались.

— Этот человек и я, — продолжал кукольник, — будем изучать место, о котором не знает ни один кзин. Найдется ли среди вас настолько отважный, чтобы пойти туда, куда поведет его кукольник?

— Говорят, что кукольники — растительноядные существа и что они чаще убегают от потасовки, чем стремятся к ней.

— Ты сможешь оценить это сам. Твоей наградой будут планы космического корабля нового типа плюс сам корабль. Премия за риск, если тебе, конечно, удастся остаться живым.

Кукольник сделал все, чтобы заострить ситуацию. Кзину никогда не предлагают премию за риск. Кзин никогда ничего не боится и никогда не обращает внимания ни на какую опасность.

Однако кзин на все это ответил одним словом:

— Согласен.

Трое его соплеменников что-то проворчали ему.

Он отфыркнул ответ.

Один кзин, говорящий на своем родном языке, производит впечатление целой стаи дерущихся котов. Четыре кзина в оживленной дискуссии напоминали войну котов с применением атомного оружия. В ресторане сразу же включились глушители шума, но спор все равно был ясно слышен.

Луи Ву заказал себе следующую рюмку. Из того, что ему было известно, он заключил, что эти кзины прошли неплохую школу. Кукольник был все еще жив.

Спор наконец утих, и кзин с черными пятнами вокруг глаз спросил:

— Как тебя зовут?

— Я принял человеческое имя Несс, — сказал кукольник. — На самом деле меня зовут... — И в этом месте из двух глоток кукольника поплыли глубокие музыкальные звуки.

— Хорошо, Несс. Пусть станет тебе известно, что мы — представители кзинов на Земле. Вот это Карч, это Фтансс, этот, с желтыми полосами, — Хррот. Я, как их помощник и кзин низкого рода, не имею имени. Меня называют по моей работе — Говорящий-со-Зверями.

Луи от бешенства заскрипел зубами.

— Проблема состоит в том, что мы здесь необходимы. Сложности в торговых переговорах... Однако вас это не касается. Мы решили, что мое присутствие здесь необязательно. Если твой корабль действительно хорош, я присоединяюсь к вам. Если нет, я докажу свою храбрость другим способом.

— Согласен, — проговорил кукольник и встал со своего места.

Луи не двинулся и только спросил:

— А как называют тебя другие кзины?

— На языке Богатырей это звучит так... — и кзин промяукал что-то высоким сопрано.

— Тогда почему ты нам этого не сказал? Хотел нас оскорбить?

— Да, — ответил Говорящий-со-Зверями. — Был на вас зол.

Луи, привыкший к человеческому поведению, ожидал, что кзин соврет. Тогда Луи мог бы сделать вид, что верит ему, благодаря чему кзин в будущем был бы повежливее... Но сейчас было уже поздно.

Луи промедлил долю секунды, потом сказал:

— Что по обычаю делают в таком случае?

— Мы должны вступить в рукопашный бой сразу же, как ты меня вызовешь. Или кто-то из нас должен извиниться.

Луи встал. Он прекрасно понимал, что это самоубийство, но также хорошо видел, что другого пути нет.

— Вызываю тебя, — проговорил он. — Ногти против когтей, зубы против клыков — нам обоим нет места в мире.

— Я прошу прощения за моего товарища, Говорящего-со-Зверями, — не поднимая головы, проговорил кзин по имени Хррот.

— Что? — запнулся Луи.

— В этом состоит моя функция, — объяснил кзин. — Находиться рядом в ситуациях, когда кзины видят только два выхода: драться или извиняться. Мы знаем, что происходит, когда мы вступаем в битву. Сейчас нас осталось в восемь раз меньше, чем было тогда, когда мы первый раз встретились с людьми. Наши колонии стали вашими колониями, наши рабы стали вольными и изучают человеческую технологию и человеческую этику. Поэтому в ситуации, когда надо сражаться или извиняться, моя функция состоит в том, чтобы извиняться.

Луи снова сел. Кажется, ему удастся еще пожить.

— Я так бы не смог, — сказал он.

— Вероятно, что нет, раз ты решился вызвать кзина на поединок. Но наш Патриарх считает, что я не гожусь больше ни на что другое: у меня не блестящий ум, здоровье тоже плоховато, координация движений слабая. Как я в таком случае смог бы заслужить себе имя?

Луи выпил глоток, моля бога, чтобы кто-нибудь сменил тему беседы. Столь покорный кзин смущал его.

— Закончим обед, — предложил Говорящий-со-Зверями. — Ведь наша миссия начинается уже сейчас?

— Нет, — возразил Несс. — У нас еще не полностью укомплектована группа. Как только мои агенты отыщут четвертого члена отряда, мне сообщат. А сейчас мы можем заняться едой.

Прежде чем вернуться к своему столику, Говорящий-со-Зверями сказал:

— Луи Ву, твой вызов был слишком многословен. Достаточно обычного вопля ярости. Очень просто: вопишь и прыгаешь.

— Вопишь и прыгаешь, — повторил Луи. — Я запомню.

Глава вторая

...И его разнообразная компания

Луи Ву знал людей, которые, пользуясь трансферовой кабиной, зажмуривали глаза. Иначе у них кружилась голова. Луи считал, что это чепуха, но некоторые из его приятелей имели и более странные причуды.

Луи выбрал код с открытыми глазами. Наблюдающие за ним инопланетники исчезли, а кто-то закричал:

— Смотрите! Уже вернулся!

У дверей кабины стояла группа людей, мешая выйти из нее.

— Неужели вы все еще здесь? — Луи Ву взмахом руки отодвинул их в сторону. — Сделайте проход, бездельники. Сейчас прибудут новые гости.

— Прекрасно! — воскликнул кто-то, втискивая ему в руку наполненный стакан.

Луи обнял шесть или семь ближайших к нему людей, обрадованный теплым приемом...

Луи Ву. Издалека можно было принять его за жителя Востока. Кожа его имела бледно-желтый цвет. Богатая голубая туника была задрапирована так небрежно, что, казалось, должна была сковывать движения. Но не сковывала.

Вблизи все оказывалось фальшивым. Кожа была не бледно-желтая, а темно-желтая, как у героя комикса Фу Манчу. Коса у него достаточно толстая, седина же ненатуральная. Волосы были белы-

ми с оттенком голубизны. Как у всех жителей равнин, цветами Луи Ву были цвета искусственных красителей.

Житель равнины. Это было заметно с первого взгляда. Черты его лица не были кавказскими, монголоидными или негроидными, хотя в них можно было заметить следы всех трех рас. Совершенная помесь, для создания которой потребовались долгие столетия. При земной силе тяжести его фигура была естественна и грациозна. Он сжал стакан в руке и улыбнулся гостям.

Так уж получилось, что улыбка досталась паре серебристых глаз, находящихся рядом.

В общей тесноте Тила Браун оказалась лицом к лицу с Луи. Ее голубая кожа была покрыта паутиной тоненьких серебряных ниточек, прическа искрилась ярко-оранжевым огнем, а глаза были как два серебряных зеркальца. Ей было двадцать лет — Луи уже успел с ней поговорить раньше. То, что она высказывала, было банально и полно поверхностного энтузиазма, но сама она была прехорошенькой.

— Я должна тебя спросить, — сказала она, — как тебе удалось пригласить на прием тринока?

— Только не говори мне, что он еще тут.

— Ох, нет. У него кончился воздух, и он ушел.

— Враки, — объяснил ей Луи. — У него запас на несколько недель. А если тебя это действительно интересует, то могу сказать, что именно этот тринок был когда-то моим гостем и одновременно заключенным. Его корабль погиб вместе со всем экипажем на границе исследованного космоса, и мне пришлось доставить его на Маргарв, чтобы там ему обеспечили необходимые для жизни условия.

В глазах девушки светилось восхищение. Луи было приятно, что ее глаза находились на уровне его глаз. Хрупкая красота Тилы Браун делала ее меньше, чем она была на самом деле. Взгляд Тилы остановился на ком-то за спиной Луи, ее глаза расширились.

Из трансферной кабины вышел кукольник Несс.

Перед тем как покинуть «Крошку», Луи попытался уговорить Несса рассказать побольше о цели их экспедиции, но кукольник опасался подслушивающих лучей.

— Тогда загляни ко мне, — предложил Луи.

— Но твои гости...

— Гостей в кабинете нет. А кабинет мой совершенно безопасен. Кроме того, подумай о впечатлении, которое ты произведешь на оставшихся гостей.

Впечатление было такое, которое и ожидал Луи. Единственным звуком в помещении оказалось «тук-тук-тук» маленьких копыт кукольника. В это время в трансферовой кабине показался Говоря-

щий-со-Зверями. Он осмотрел море человеческих лиц, обращенных к нему, и неторопливо обнажил зубы.

Кто-то пролил выпивку. Стоявшие в углу говорящие орхидеи что-то нервно защебетали. Люди отшатнулись от кабины. Послышались замечания:

— Ничего с тобой не случилось. Я тоже их вижу.

— Отрезвляющие таблетки? Сейчас, сейчас, где-то у меня были...

— Ну, придумал, а?!!

— Старый добрый Луи!

— Простите, как это называется?

Гости явно не представляли, как следует реагировать на появление Несса. Большинство проигнорировало появление кукольника, боясь оказаться в глупом положении. Еще удивительней было их отношение к кзину: когда-то самый опасный враг человечества сейчас вызывал уважение, как какой-нибудь герой.

— Иди за мной, — проговорил Луи, обращаясь к кукольнику. — Прошу прощения, извините! — повторял Луи, протискиваясь через толпу. И на вопросы только таинственно усмехался.

Благополучно добравшись до кабинета, Луи впустил Несса и Говорящего-со-Зверями и старательно запер двери. Затем он включил противоподслушивающее приспособление.

— Порядок. Кто хочет выпить?

— Если можно, разогрей немного бурбона, с удовольствием выпью, — ответил кзин. — Если подогреть сложно, выпью так.

— Несс?

— Я выпил бы любой растительный сок. Может, у тебя есть теплый морковный сок?

— Бр-р, — вздрогнул Луи, но проинформировал бар, который через пару минут подал стакан теплого морковного сока.

Несс уселся на задней подогнутой ноге, а кзин тяжело опустился на кресло, наполненное воздухом, которое под его весом могло лопнуть, как детский шарик. Один из самых страшных врагов человека выглядел сейчас смешно и забавно, балансируя на маленьком пневматическом сиденье.

Войны между человечеством и кзинами были многочисленными и страшными. Если бы кзинам удалось выиграть первую, человек навеки оказался бы в роли невольника кзинов и откормочной скотины. Однако этого не случилось, а в последующих войнах кзины понесли потери гораздо более значительные, чем люди. Они бросались в атаку раньше, чем были готовы к ней. Кзины не имели таких черт в характере, как терпение, жалость, сострадание. Каждая война заканчивалась для них потерей значительной части популяции и нескольких планет, колонизированных ими ранее.

Уже почти два с половиной столетия кзины не воевали с людь-

ми, не вторгались в космос, занятый человечеством. Им было нечем и некем воевать. Со своей стороны люди тоже не атаковали планет, занятых кзинами, — ни один кзин не мог этого понять. Вообще кзины не понимали людей.

Кзины были твердыми и жестокими, и Несс, представитель расы, боязливость которой стала поговоркой, оскорбил публично сразу четверых взрослых кзинов.

— Расскажи-ка мне о вашей врожденной осторожности, — попросил Луи кукольника. — То, что я сегодня видел, не укладывается у меня в голове.

— Знаешь, может, это и не совсем честно с моей стороны, но я не сказал тебе, что мои сородичи считают меня безумцем.

— Чудесно, — процедил Луи и глотнул из стакана, в котором была водка с фруктовым соком и льдом.

Хвост кзина неспокойно шевельнулся.

— Значит, мы должны лететь с сумасшедшим? Наверно, ты на самом деле безумец, если хочешь взять с собой кзина.

— Вы напрасно беспокоитесь, — проговорил кукольник своим мягким, ласковым, нестерпимо чувственным голосом. — Каждый кукольник, с которым встречались люди, был, относительно принятых у нас стандартов, более или менее безумен. Ни один человек не видел еще планеты кукольников и ни один нормальный кукольник не полетел бы в хрупкой скорлупе космического корабля на чужие, полные смертельных опасностей планеты.

— Безумец-кукольник, кзин и я. Вероятно, четвертый член нашей экспедиции будет психологом?

— Нет, Луи. Среди кандидатов нет ни одного психолога.

— А почему?

— Я все рассчитал. — Несс говорил одним ртом, тогда как другой потягивал из своего стакана морковный сок. — Сначала был я. Наша экспедиция должна принести пользу моей расе, поэтому необходимо наше участие. Кукольник должен быть достаточно безумен, чтобы отправиться в неизвестность, но в то же время достаточно нормален, чтобы использовать свой интеллект и суметь выжить. Так получилось, что я отвечаю этим требованиям.

Затем у нас были важные поводы для того, чтобы включить в экспедицию кзина. Я тебе открою одну тайну. Мы давно наблюдаем за расой кзинов и знали о ней еще до того, как они первый раз напали на людей.

— Ваше счастье, что вы тогда не показывались, — проворчал кзин.

— Я тоже так считаю. Сначала мы думали, что вы настолько же грозные, как и бесполезные. Были проведены исследования с целью установления, можно ли вас безопасно и без проблем уничтожить.

— Я свяжу твои шеи узлом! — зарычал кзин.

— Ты ничего подобного не сделаешь.

Кзин поднялся с места.

— Он прав, — проговорил Луи. — Садись, Говорящий. Убийством кукольника ты не добудешь большой славы.

Кзин сел. И на этот раз кресло чудом выдержало.

— Мы отказались от этого намерения, — продолжил Несс. — Войны с людьми оказались достаточным условием, ограничившим экспансию кзинов. Вы становились все менее и менее опасными. А мы продолжали наблюдать. На протяжении шести столетий кзины шесть раз нападали на планеты, населенные людьми. Шесть раз они были побеждены, и каждый раз погибало около двух третей мужского населения кзинов. Стоит ли говорить о том, что это свидетельствовало о вашей неспособности извлекать уроки? Но вам не грозило полное исчезновение: война не убивала ваших самок, поэтому сравнительно быстро популяция восстанавливалась. И все же постепенно уменьшалась ваша империя, на создание которой вы потратили несколько тысячелетий. В последнее время мы поняли, что вы стали быстро развиваться.

— Развиваться?!

Несс проворчал что-то на языке Богатырей. Луи подпрыгнул от удивления, он не думал, что горла кукольника способны на т а к о е!

— Да, именно э т о ты сказал, — подтвердил Говорящий-со-Зверями. — Не понимаю, что ты имеешь в виду?

— Развитие, эволюция зависит от выживания особей, наилучшим образом приспособившихся к жизни в изменившихся условиях. Столетия войн с людьми доказали, что лучше всего приспособлены те, кто избегал этой борьбы. Результаты налицо. Уже два с половиной столетия между кзинами и людьми царит мир.

— Война не имела бы смысла! У нас нет шанса выиграть!

— Но это не останавливало ваших предков.

Говорящий-со-Зверями поперхнулся огромным глотком бурбона. Его хвост, голый и розовый, как у крысы, нервно бил по полу.

— Из вас выжил только каждый десятый, — говорил дальше кукольник. — Все живущие сейчас кзины — это потомки тех, кто не участвовал в войнах. Некоторые мои соотечественники считают, что кзины обладают достаточно высоким разумом, выдержкой и осторожностью, чтобы жить в мире с другими расами.

— И поэтому ты рискуешь своей жизнью, чтобы отправиться в экспедицию в товариществе кзина?

— Именно, — согласился Несс и вздрогнул. — Но у меня есть еще одна веская причина. Если все закончится благополучно и экспедиция принесет пользу моим соплеменникам, мне, может быть, разрешат иметь потомство.

— Не думаю, что это веская причина для участия кзина в экспедиции, — заметил Луи.

— Есть еще одна причина для участия кзина. Мы окажемся на чужой территории, среди неизвестных опасностей. Кто же меня защитит? Кто сможет сделать это лучше кзина?

— Защищать кукольника?

— А что в этом удивительного?

— Все, — ответил Говорящий-со-Зверями.

— А кроме того, это вызывает во мне чувство юмора. Ну, а Луи Ву?

— Для нас сотрудничество с людьми очень полезно. Вот почему мы решили, что один из участников должен быть человеком. Луи Гридли Ву со своим беззаботным образом жизни выделяется, вместе с тем, необыкновенной способностью к выживанию.

— Это точно, что беззаботный. И слишком оригинальный! Вызвать меня на поединок...

— А ты принял бы вызов на поединок, если бы не вмешательство Хоррта? Напал бы на него?

— Чтобы меня немедленно отправили домой за нарушение дипломатического протокола? Но ведь ты не об этом спрашиваешь?

— Может быть, и об этом. Луи живой, а ты убедился в том, что не можешь влиять на него, играя на страхе. Ты понимаешь, что из этого следует?

Луи скромно молчал. Если кукольник хочет представить его как расчетливого, хитроумного игрока, то он не возражает.

— Ну что ж, — проговорил Говорящий-со-Зверями. — Свои мотивы ты высказал. Поговорим сейчас о моих. Что ты можешь мне предложить? Что я получу за согласие участвовать в экспедиции?

Начался торг...

Для кукольника самым ценным в мире была гиперпространственная П-тяга. Благодаря ей космический корабль мог преодолеть расстояние одного светового года за минуту и пятнадцать секунд. Обычный корабль тратил на это три дня. Правда, он мог брать с собой какой-то груз.

— Мы установили двигатель в корпусе Дженерал Продактс номер 4, самом большом из тех, что выпускается сейчас. Когда работа стала приближаться к концу, оказалось, что почти все пространство внутри корпуса занято приборами и машиной. Потому нам, к сожалению, будет несколько тесновато.

— Экспериментальный экземпляр, — пробормотал кзин. — Как тщательно он был испытан?

— Корабль летал к Ядру Галактики.

И это был его единственный полет. Кукольники были слишком заняты своей миграцией. По этой же причине они не нашли никого, кто бы занялся кораблем. Сам корабль не нес на себе никакого груза, хотя длина его достигала почти мили. Кроме того, каждое уменьшение скорости сразу же возвращало корабль в нормальное космическое пространство.

— Корабль нам уже не нужен, — продолжал Несс, — в отличие от вас. Мы передадим корабль экипажу вместе со всеми чертежами. Без сомнения, вы сможете внести в него множество усовершенствований.

— За корабль мне наверняка дадут имя, — заметил кзин. — Собственное имя. Я должен увидеть этот корабль в деле.

— Можешь на нем и полететь.

— Сам Патриарх дал бы мне имя. Наверняка. Какое имя он бы выбрал для меня? Может... — И кзин прорычал что-то ужасно громко.

Кукольник ответил ему на том же языке.

Луи нетерпеливо обернулся. Он не мог участвовать в разговоре, который велся на языке Богатырей. Он уже хотел оставить их наедине, как вдруг вспомнил, что в кармане у него находится таинственная голограмма. Он вытащил ее и кинул кзину.

Говорящий-со-Зверями схватил голограмму, осторожно взял ее пальцами и посмотрел на свет.

— Выглядит как звезда, окруженная каким-то кольцом, — заметил он через минуту. — А что это на самом деле?

— Это связано с нашей экспедицией, — ответил кукольник. — Пока больше не могу вам ничего сообщить.

— Какая таинственность! Когда мы вылетаем?

— Думаю, что через несколько дней. Мои агенты ищут кандидата на место четвертого члена нашей экспедиции.

— Значит, нам остается только ждать. Луи, нельзя ли присоединиться к твоим гостям?

Луи встал и потянулся.

— Разумеется. Пусть и гости развлекутся. Говорящий, прежде чем мы уйдем, хотел бы тебе кое-что предложить. Только не сочти это за оскорбление твоего достоинства.

В это время присутствующие разбились на несколько групп. Одни смотрели стереовизор, другие играли в бридж и покер, некоторые занимались сексом. Кое-кто рассказывал анекдоты и забавные истории. Некоторые пали жертвами разнообразной выпивки. На траве в свете встающего солнца можно было увидеть группу этих последних и нескольких ксенофилов. С ними и были Несс, Говорящий-со-Зверями, Луи Ву, Тила Браун и работающий изо всех сил самодвижущийся бар.

Газон в парке был выкошен по старому британскому способу. Трава была зеленая, блестящая, по-настоящему естественная. Никто не рылся в ее генах, отыскивая сомнительные примеси. У подножия травянистого склона находился теннисный корт, на котором маленькие фигурки бегали туда-сюда, с энтузиазмом махая ракетками.

— Спорт великолепен, — лениво заметил Луи. — Я мог бы вот так сидеть и смотреть целый день.

Смех Тилы Браун его удивил. Он подумал о миллионах шуток, которые она никогда не слышала и не услышит, потому что их уже никто не рассказывает. Из тех миллионов, которые знал Луи, 90% уже устарело. Прошлое и настоящее не слишком хорошо соединялись между собой.

Луи лежал на траве, его голова покоилась на коленях у Тилы. Небольшой Бар наклонился над ним, чтобы было удобно манипулировать клавиатурой. Луи заказал две порции мокса и вручил один стакан Тиле.

— Ты напоминаешь мне девушку, которую я когда-то знал, — проговорил он. — Ты никогда не слышала о Пауле Черенков?

— Это художница? Из Бостона?

— Да. Сейчас она уже не работает.

— Это моя прапрапрабабка. Когда-то я даже у нее была в гостях.

— Давным-давно она была причиной моего страшного сердцебиения. Ты могла бы быть ее сестрой.

— Обещаю тебе, что с моей стороны ничего подобного тебе не грозит. При условии, если ты мне объяснишь, что это такое.

Луи задумался. Это было им изобретенное выражение для описания его тогдашнего состояния. Он не слишком часто его употреблял, но никогда ему не приходилось объяснять, что это такое. Собеседник всегда понимал, что означает это выражение.

Спокойное, ласковое утро. Чувствовалась легкая усталость. Ему было хорошо и удобно лежать на коленях у Тилы.

Половину гостей Луи составляли женщины, большинство из них были когда-то его любовницами или женами.

Все говорило о том, что он уже вряд ли испытает это сердцебиение. Двести лет оставили довольно много шрамов в его душе. А сейчас он удобно лежал, и его голову поддерживала женщина, похожая на Паулу Черенков.

— Я очень любил ее, — проговорил он. — Мы были знакомы много лет. Однажды мы о чем-то говорили, и я понял, что влюблен. Мне показалось, что и она любит меня. В ту ночь мы были вместе. Я спросил, не выйдет ли она за меня замуж. Она ответила, что нет. Ей хотелось сделать карьеру, и у нее не было времени на такие вещи, как замужество. Несмотря на это, мы запланирова-

ли совместный отдых в Амазонском Народном Парке, своеобразную замену медового месяца.

В следующую неделю мое настроение металось от розового до самого черного. Я купил билет и зарезервировал номера в отеле... Не случалось ли тебе любить кого-нибудь, кого ты считала выше себя?

— Нет.

— Я был тогда очень молод. Два дня я уговаривал себя, что я ровня Пауле, и наконец мне это удалось. И именно тогда она заявила, что не поедет. Не помню уже, почему; во всяком случае, повод был.

Мы еще несколько раз вместе бывали на обедах. Я перестал уговаривать ее, но это стоило мне громадных усилий. Наверно, она поняла, чего мне все это стоило. А потом все прояснилось. Она сказала, что чувствует ко мне симпатию, что нам было хорошо вдвоем и мы должны остаться добрыми друзьями.

Я был не в ее вкусе. Но я любил ее. Может, и она так о себе считала, по крайней мере, какую-то неделю. Она не была жестокой, просто не понимала, что происходит...

— Но что же с этим страшным сердцебиением?

Луи посмотрел на Тилу. Серебряные глаза отвечали ему зеркальным отображением, и Луи понял, что она все прослушала.

Луи часто имел дело с чужаками. И всегда он инстинктивно чувствовал, когда какой-то образ не может быть ими понят, как слишком чуждый. Здесь он имел дело с такой же, невозможной для преодоления, преградой.

Какая пропасть разделяла Луи Ву и эту молодую двадцатилетнюю девушку! Неужели он на самом деле так стар? А если это так, остается ли вообще он человеком?

Тила спокойно ожидала ответа.

— Проклятие! — облегчил Луи душу и вскочил на ноги.

Несс рассказывал об этике. Он остановился на миг (прервал сам себя, к удовольствию зрителей и слушателей: одна голова прервала другую), чтобы ответить на вопрос Луи. Нет, он не получил еще никаких донесений о четвертом участнике экспедиции.

Говорящий-со-Зверями был окружен небольшой группой, которая с удовольствием глазела на эту оранжевую гору. Две женщины осторожно почесывали его за ушами. Его необычные уши привлекали всеобщее внимание: они могли раскрываться, как китайские зонтики, могли плотно прижиматься к голове, могли стоять торчком. Сейчас Луи мог рассмотреть вытатуированный на каждом ухе рисунок.

— Ну как? — обратился Луи к нему. — Хорошее занятие я тебе предложил?

— Превосходное, — ответил кзин, не изменяя положения.

Луи усмехнулся про себя. Кзин — грозное существо. Но кто будет бояться кзина, которому чешут за ушами? И гости Луи, и сам кзин чувствовали себя свободно. Да и каждое существо любит, когда его чешут за ушами.

— Они все время сменяются, — проворчал кзин сонно. — Подошел какой-то мужчина и сказал женщине, что ему это тоже понравилось бы, после чего они вдвоем исчезли. Вероятно, приятно принадлежать к расе, имеющей два разумных пола.

— Иногда это даже слишком приятно.

— На самом деле?

Девушка, которая занималась сейчас кзином (ее кожа напоминала черную бездну космоса с блестящими звездами и галактиками, а волосы — развевающийся хвост кометы), оторвалась от своего занятия.

— Тила, теперь твоя очередь, — весело сказала она. — Мне захотелось перекусить.

— Тила Браун, познакомься с Говорящим-со-Зверями. Желаю вам...

Рядом вдруг раздалась странная, прерывистая музыка.

— ...жить долго и счастливо. Что это такое? А, это Несс. Что-нибудь случилось?

Источником музыки были два чудесных горла кукольника, который бесцеремонно протиснулся между девушкой и Луи и спросил:

— Ты Тила Ядрова Браун? Номер ССТУ...?

Девушка казалась удивленной, но не испуганной.

— Действительно, это мое имя, а номер я не помню. А что такое?

— Уже неделю мои агенты ищут тебя по всей Земле! А я вдруг встречаюсь с тобой на приеме! Мои агенты не заслуживают одобрения.

— Нет, только не это... — тихо простонал Луи.

Тила стояла в недоумении.

— Я совсем не пряталась ни от тебя, ни вообще от кого бы то ни было. Но что случилось?

— Подожди! — Луи встал между девушкой и кукольником. — Несс, Тила не может быть изыскателем. Выбери кого-нибудь другого!

— Но, Луи...

— Минуту, — отозвался кзин, усаживаясь. — Пусть кукольник сам выбирает членов нашего отряда.

— Но ты только посмотри на нее!

— Посмотри на себя! Меньше двух метров ростом, худой... Разве ты выглядишь изыскателем? А Несс?

— Что происходит? — спросила повышенным тоном Тила.

— Луи, пройдем в кабинет, — настойчиво сказал Несс. — Тила,

у меня есть предложение. Ты можешь на него не согласиться, можешь даже не выслушивать его, но я ручаюсь, что оно может тебя заинтересовать.

Продолжение разговора последовало в кабинете Луи.

— Она отвечает моим требованиям, — настаивал Несс. — И поэтому мы должны рассмотреть ее кандидатуру.

— Невозможно, чтобы на Земле не нашлось других кандидатов для участия в экспедиции...

— Послушай, Луи. Конечно, есть. Но мы пока не смогли их найти.

— А почему я вам так нужна?

Кукольник начал объяснять. И тут выяснилось, что Тила Браун совершенно не интересуется космосом, никогда не оставляла Землю и даже не была на Луне. И вообще ей и в голову не приходила мысль забираться за границы исследованного космоса. Гиперпространственная П-квантовая тяга совершенно ее не интересовала.

Когда на лице Тилы появилось выражение смущения и тревоги, заговорил Луи:

— Несс, а какие требования ты предъявляешь к четвертому члену экспедиции?

— Мои агенты разыскивали потомков людей, которые выигрывали в Лотерее Жизни.

— Не понимаю. Ты на самом деле сумасшедший?

— Вовсе нет. Такое требование я получил от Лучше Укрытого, который руководит всеми нами. Его решения всегда самые мудрые. Сейчас я вам все объясню.

Контроль рождаемости уже давно не был проблемой для человечества. На предплечье каждого пациента помещали небольшой кристаллик, который растворялся в течение года. И в течение всего этого времени человек не мог завести ребенка. В прошлом для этой же цели применяли более грубые и не столь действенные методы.

К середине двадцать первого века численность населения Земли составляла восемнадцать миллиардов и больше не возрастала, потому что Совет Народов разработал и провел в жизнь правила контроля рождаемости. С тех пор, уже примерно пятьсот лет, эти правила оставались неизменными: двое детей на семью, если Совет не распорядится иначе. Совет Народов решал, кто и сколько раз может обзаводиться ребенком. Он мог дать разрешение на третьего ребенка или отобрать это разрешение – все зависело от степени необходимости данного генотипа.

— Невероятно, — пробормотал кзин.

— А почему? Ведь это не шутка — восемнадцать миллиардов людей в капкане примитивной технологии.

— Если бы Патриарх задумал ввести такое право, его бы попросту растерзали.

— Но люди не кзины. Право действует почти пятьсот лет, и никто не возражал. Правда, около двухсот лет назад начались разговоры о непорядочности Совета. Скандал, последовавший за этим, принес изменения в правила о рождаемости.

Каждый человек, несмотря на свое здоровье и гены, имел право на одного ребенка. Право на другого ребенка он мог получить, если имел высокую степень интеллекта, был телепатом, обладал парапсихологическими способностями, происходил от долгожителей или, например, имел непортящиеся зубы.

Право на рождение ребенка можно было купить. За миллион. А почему бы и нет? Способность зарабатывать деньги также ценное качество. Кроме этого, исчезла всякая основа для взяточничества.

Если кто-нибудь еще не использовал своего Первого Права и желал рискнуть, он мог сразиться на арене. Выигравший получал сразу Второе и Третье Право. Побежденный терял Первое Право и свою жизнь. Счет оставался равным.

— Видел я эти битвы в ваших стереопрограммах, — заметил кзин. — Я думал, что это для развлечения.

— Нет. Это все всерьез, — ответил Луи.

Тила рассмеялась.

— А Лотерея при чем?

— Сейчас скажу и об этом. Несмотря на все увеличивающийся процент долгожителей, каждый год умирало больше детей, чем рождалось.

И вот каждый год Совет Народов суммировал, с одной стороны, количество смертей и число эмигрировавших, с другой — число новорожденных и приехавших на Землю. Получавшаяся разница и становилась главным выигрышем Лотереи Жизни.

В Лотерее мог участвовать каждый. При удаче можно было рожать десять или двенадцать детей — конечно, если это можно назвать счастьем. В Лотерее мог принять участие даже преступник, находящийся в заключении.

— У меня было четыре ребенка, — сказал Луи Ву. — Из них один по Лотерее. Вы могли бы увидеть трех моих детей, если бы появились пораньше.

— Все это странно и очень сложно, — проговорил кзин. — Когда наше население станет слишком большим...

— ...вы нападете на ближайшую планету, населенную людьми.

— Вот уж нет, Луи. Мы сражаемся между собой. Чем теснее у нас становится, тем чаще вспыхивают ссоры, и проблема решается сама собой. Поэтому у нас никогда не будет так тесно, как на этой планете.

— Кажется, я начинаю понимать, — отозвалась Тила Браун. — Мои родители — результат выигрыша в Лотерее Жизни. — Она нервно рассмеялась. — Если бы не это, я никогда бы не родилась. Когда я начинаю вспоминать, то мне кажется, что мой дедушка...

— Все твои предки, Тила, на протяжении шести поколений рождались исключительно благодаря выигрышу в Лотерее.

— В самом деле?! Я об этом не знала...

— В этом нет ни малейшего сомнения, — уверил ее Несс.

— Но ты не ответил на мой вопрос, — напомнил Луи. — Какое отношение это имеет к нашей экспедиции?

— Те-Которые-Правят в нашем флоте установили, что счастье передается по наследству.

— Что?!!

Тила Браун от удивления чуть не выскочила из кресла. Без сомнения, она впервые в жизни видела сумасшедшего кукольника.

— Подумай о Лотерее, Луи. Подумай об эволюции. Семьсот лет люди рождались согласно простой арифметике: двое детей на семью. Некоторые могли добыть Третье Право или потерять Первое. Но большинство, абсолютное большинство людей, имели двоих детей.

А потом право изменилось. Уже двести лет десять процентов людей появляются на свет благодаря выигрышам в Лотерее Жизни. Что же решает, кто выиграет и будет иметь потомство? Исключительно счастливый случай.

Таким образом, Тила Браун — потомок шести поколений счастливчиков...

Глава третья

Тила Браун

У Тилы уже иссякли все силы от смеха.

— Успокойся, — проговорил Луи. — Можно унаследовать густые брови, но не счастье!

— Можно унаследовать телепатические способности.

— Это не одно и то же. Телепатия не какая-то таинственная психическая сила. Ее центр помещается в правой половине мозга, и это давно известно. Только у большинства людей этот центр почему-то не действует.

— Когда-то люди считали телепатию сверхчувственной способностью. Сейчас ты уверяешь, что счастье тоже является чем-то сверх...

— Счастье — это счастье. — Ситуация казалась действительно смешной, однако Луи понимал, что кукольник говорил вполне серь-

езно. — Это все случайность. Изменится какой-то микроскопический фактор, и ты выходишь из игры. Как динозавры... Или начинаешь выбрасывать десять ряд подряд шестерку и...

— Неоднократно люди могут на это воздействовать.

— Извини, я привел неправильный пример. Дело в том...

— Вот именно, — заворчал кзин. — Дело в том, что мы согласны на каждого, кого выберет кукольник. — Когда Говорящий говорил, его голос заставлял дрожать стены. — Это твой корабль, Несс. Так кто будет четвертым членом нашей экспедиции?

— Минутку! — Тила вскочила с места. Серебряная паутинка поблескивала на ее голубой коже, а огненные волосы развевались от легкого ветерка, дующего из климатизатора. — Это просто смешно! Я никуда не лечу. Зачем мне это?

— Несс! Выбери кого-нибудь другого. Я уверен, что у тебя есть и другие кандидаты.

— Есть, хотя их и немного. У нас в списке несколько тысяч фамилий. Мы имеем точный адрес или код трансферных личных кабин большинства из них. Предки этих людей, по крайней мере в течение пяти поколений, рождались благодаря выигрышам в Лотерее.

— И что же?

Несс прошелся по комнате.

— Многих пришлось вычеркнуть из-за преследующих их неудач. А с остальными мы не можем связаться. Если мы звоним, они отсутствуют. Когда звоним вторично, компьютер связывает нас с другими индивидами. Если мы хотим поговорить с членом их семьи, начинают звонить все видеотелефоны в Южной Америке. Уже были жалобы. Это очень неприятно.

— Даже не сказали мне, куда вы хотите лететь, — пожаловалась Тила.

— Об этом еще рано говорить.

— Красные когти фингала! Даже этого нам не скажешь?!

— Посмотри на голограмму, которая есть у Луи. Это единственная информация, которую я могу вам предоставить.

Луи передал ей голограмму с ослепительным диском, окруженным голубой ленточкой. Тила долго разглядывала ее. Луи заметил, что кровь бросилась ей в лицо, выражая степень ее ярости.

Когда она заговорила, то казалось, что она выплевывает каждое слово, как будто это были косточки от апельсина.

— Это самая безумная история, о которой я слышала. Ты думаешь, что Луи и я полетим за границы известного космоса в компании кукольника и кзина, имея в качестве всей информации голограмму светлого пятна и голубой ленточки? Это... это... смешно!

— Как я понимаю, ты говоришь «нет»?

Брови Тилы вопросительно поднялись.

— Я должен иметь ясный ответ. В любой момент мои агенты могут найти следующего кандидата.

— Я отказываюсь, — ответила Тила.

— В таком случае я напоминаю, что ты должна сохранить в тайне все, что тут узнала. Тебе будет заплачено как консультанту.

— И кому же я могла бы об этом рассказать? — громко рассмеялась Тила. — Кто бы мне поверил? Луи, неужели ты действительно собираешься принять участие в этом неслыханном...

— Да. — Луи уже думал о другом, в частности, как выпроводить ее из кабинета. — Но не сейчас. Прием еще не закончен. Слушай, ты не могла бы мне помочь? Переведи воспроизводитель с четвертой полосы на пятую, хорошо? И скажи тем, кто будет меня спрашивать, что я через минуту появлюсь.

Когда Тила вышла, Луи сказал:

— У меня есть к тебе просьба, Несс. Для твоей же пользы. Позволь мне оценить, подходит ли данный человек для того, чтобы лететь в неизвестность.

— Ты сам знаешь, кто мне нужен, — возразил Несс. — И знаешь, что нам не из кого выбирать.

— Ты говорил, что у тебя список...

— Многие не подходят, других не можем отыскать. Может, ты все-таки скажешь, чем тебя не устраивает Тила?

— Она слишком молода.

— Следующий кандидат может оказаться ее ровесником.

— Счастье в наследстве! Ладно, ладно, не будем об этом спорить. Я знаю еще больших счастливчиков, и некоторые из них еще тут... К тому же она не является ксенофилом.

— Но она и не ксенофоб. Не боится никого из нас.

— В ней нет искры... Нет... нет...

— В ней нет беспокойства, — подсказал Несс. — Она счастлива. Это, конечно, минус. Хотя откуда мы можем об этом знать? Мы же не спрашивали ее об этом...

— Ладно, ищи других кандидатов, — проворчал Луи и открыл дверь кабинета.

— Луи! Говорящий! — почти запел кукольник. — Сигнал! Один из моих агентов нашел еще одного кандидата!

— Чертовщина! — выругался Луи. В центре комнаты стояла Тила Браун, рассматривая только что прибывшего кукольника.

Луи медленно просыпался. Он вспомнил, как вошел в спальню, надел головную повязку и запрограммировал часовой сон. По-видимому, время истекло, и его разбудило усилившееся давление повязки...

Но на голове ее не было.

Он резко поднялся.

— Я сняла ее, — проговорила Тила Браун. — Тебе нужно было выспаться.

— О боже, который час?

— Немного больше шестнадцати.

— Нечего сказать, хороший из меня хозяин! Как там прием?

— Осталось еще около двадцати человек. Не огорчайся, я им все объяснила, и меня все поддержали.

— Хорошо. — Луи встал с постели. — Спасибо. Может, вернемся к этим терпеливым гостям?

— Я хотела бы с тобой поговорить перед этим.

Луи опять уселся. Сонное отупение понемногу проходило.

— О чем? — спросил он.

— Ты на самом деле собираешься отправиться в эту сумасшедшую экспедицию?

— Собираюсь.

— Не понимаю, зачем.

— Я старше тебя в десять раз. Мне не надо зарабатывать на жизнь. У меня не хватит терпения, чтобы стать научным работником. Когда-то собирался писать, но оказалось, что это очень тяжелая работа. Что же мне остается? Вот я и развлекаюсь, как могу.

Она тряхнула головой, и на стенах заплясали огненные тени.

— Это совсем не похоже на развлечение.

Луи пожал плечами.

— Мой главный враг — скука. Она умертвила многих моих приятелей, но я ей не дамся. Когда мне скучно, я рискую.

— Но ты хотя бы должен знать, в чем состоит риск.

— Я получу за это много денег.

— Они тебе не нужны.

— Да, но видишь ли, человечеству нужно то, что имеют кукольники. Ты же слышала о корабле с гиперпространственным двигателем? Это единственный в своем роде корабль во всем известном космосе. Он может преодолеть световой год быстрее, чем наши, в четыреста раз!

— А зачем так быстро летать?

У Луи не было желания читать ей лекцию на тему взрыва ядра Галактики.

— Идем-ка лучше к гостям.

— Нет! Подожди.

— Хорошо. Жду.

У Тилы были большие ладони с длинными, тонкими пальцами...

Они блестели отраженным светом, когда она расчесывала свои длинные огненные волосы.

— Черт, не знаю, как сказать... Луи, у тебя есть сейчас кто-то, кого ты любишь?

Луи пришел в замешательство.

— Пожалуй, нет.

— Я на самом деле похожа на Паулу Черенков?

В полумраке спальни она была похожа на пылающую жирафу с картины Дали. Ее волосы сияли, как огненно-оранжевые языки пламени. В их свете фигура Тилы Браун казалась тенью, кое-где выступающей в случайном отблеске. Все отсутствующие детали Луи находил в своей памяти: длинные, великолепные ноги, изумительная круглая грудь, нежные черты лица. Первый раз он увидел ее четыре дня назад с Тедроном Дохини, прибывшим на Землю специально для участия в праздновании дня рождения Луи.

— Я думал, что это Паула приехала с Дохини. Она сейчас живет на Нашем Деле и могла приехать вместе с ним... Но между вами есть и некоторые различия. У тебя более красивые ноги, но походка Паулы плавнее. И ее лицо... выражение... более холодное. А может, я уже все позабыл, и мне так только кажется...

За дверью послышался каскад звуков — дикая компьютерная музыка, чистая и какая-то неполная без светового сопровождения.

— О чем ты думаешь? — спросил Луи. — Не забывай, что кукольник может выбрать кандидата и сделает это в любое мгновение. Идем?

— Идем...

— Тила, ты останешься со мной, пока мы не улетим?

Тила кивнула своей огненной головой.

Через четыре дня снова появился кукольник.

Луи и Тила сидели на солнце. С нарочито-серьезным видом они играли в волшебные шахматы. Луи только что взял ее коня и теперь начинал об этом жалеть. Тила играла, руководствуясь скорее инстинктом, чем рассудком, и каждый ее ход был неожиданным. А кроме того, она сражалась насмерть.

Тила размышляла над очередным ходом, когда к ним подъехал робот и негромким писком привлек внимание Луи.

Тила грациозно встала.

— У вас, наверно, секреты?

— Может быть. А что ты будешь делать?

— Я хотела кое-что прочесть. — Она погрозила ему пальцем. — Не дотрагивайся до шахмат.

В дверях она столкнулась с кукольником. Тила приветливо махнула ему рукой, но тот шарахнулся в сторону.

— Ох, извини, — пропел он своим чувственным контральто. — Ты испугала меня.

Тила подняла брови и, ничего не говоря, исчезла за углом.

Кукольник уселся около Луи. Один его глаз уставился на него, а вторая голова вертелась во все стороны, разглядывая обстановку.

— Эта женщина может за нами следить?

— Конечно, — ответил Луи. — Ты же знаешь, что на открытом пространстве нет преграды от подслушивающих лучей.

— И каждый может за нами следить. Луи, пойдем в твой кабинет.

— Черт! — Луи было очень удобно, и совсем не было желания отсюда уходить. — Перестань крутить своей головой! Ведешь себя так, как будто смертельно чего-то боишься.

— Боюсь, потому что понимаю, что моя смерть ничего бы не решила. Сколько метеоритов падает ежегодно на Землю?

— Не имею понятия.

— А мы находимся вблизи от пояса метеоритов. Но это не имеет значения, так как я все еще не могу найти четвертого члена экспедиции.

— Это плохо. — Поведение Несса удивило Луи. Как будто он был человек. — Надеюсь, ты не отказался от экспедиции?

— Нет, хотя у меня сплошные неудачи. Последние дни мы искали некоего Нормана Хайвуда, прекрасного кандидата для четвертого члена отряда.

— И?..

— Абсолютно здоров, ему двадцать четыре и одна треть земного года, его предки в шести поколениях рождались благодаря выигрышам в Лотерее. Кроме того, он любит путешествовать, в нем есть нужное нам беспокойство. Разумеется, мы попробовали связаться с ним. Три дня мои агенты шли за ним по пятам, всегда отставая на один трансфер. Они шли, когда Норман Хайвуд ездил на лыжах в Швейцарии, занимался серфингом на Цейлоне, прогуливался по магазинам Нью-Йорка, навещал приятеля в Скалистых Горах и ездил на Гималаи. Вчера вечером мои агенты догнали его в тот момент, когда он садился на корабль, отлетающий на Джинкс. Корабль взлетел, прежде чем они смогли победить страх перед вашей техникой.

— Понимаю. У меня тоже бывают дни, когда ничего не удается. А почему вы не послали ему известие сверхпространственным передатчиком?

— Луи, эта экспедиция должна остаться тайной.

— Да-а...

Расположенная на длинной змеиной шее голова кукольника непрестанно поворачивалась, отыскивая скрытые опасности.

— И все же нам должно повезти, — сказал Несс. — Тысяча потенциальных кандидатов не могут скрываться без конца, правда, Луи? Ведь они даже не знают, что мы ищем!

— Разумеется, ты кого-нибудь найдешь!

— Как мне хочется, чтобы ничего не было! Луи, как я могу лететь в неизвестность с чужаками в экспериментальном корабле,

оборудованном только для пилота? Ведь это же сумасшествие!

— Несс! Я не пойму тебя! Что случилось? Ведь вся эта экспедиция — твоя инициатива!

— Нет! Я получил приказ от Тех-Которые-Правят, за двести световых лет от меня!

— Несс, что тебя испугало? Я должен знать, ведь еще недавно у тебя хватило отваги, чтобы публично оскорбить четырех кзинов! Эй, спокойнее, спокойнее!

Кукольник спрятал головы между передними ногами и свернулся в клубок.

— Хорошо, хорошо, вылазь. — Луи погладил кукольника по его шее. Несс задрожал. Его кожа была мягкой, как бархат, и очень приятной на ощупь. — Выбирайся. Ничего с тобой не случится. Моим гостям никогда не угрожает опасность.

— Это безумие! Безумие!— застонал где-то под брюхом кукольник. — Неужели я на самом деле оскорбил четырех кзинов?

— Ну, выходи, выходи. Тебе ничего не грозит. Посмотри. — Плоская голова вынырнула из укрытия и с тревогой огляделась. — Тебе нечего бояться.

— Четырех кзинов? Не трех?

— Ты прав, четырех там не было, я ошибся.

— Извини меня. Это был приступ паники. — Появилась вторая голова. — Я сейчас в стадии депрессии.

— Ты можешь с этим бороться? — перед глазами Луи появилась довольно невеселая перспектива: экспедиция в критической ситуации, а у кукольника депрессия.

— Нужно ждать, пока это пройдет. Я могу прятаться, если это возможно, а могу делать так, чтобы это не влияло на мое сознание.

— Бедный Несс! Ты уверен, что не узнал ничего нового?

— А разве того, что я знаю, недостаточно, чтобы ужаснуть любой нормальный рассудок? — Кукольник неуверенно поднялся на ноги. — А откуда здесь появилась Тила Браун? Я был уверен, что она уже далеко отсюда.

— Она будет со мной до полета.

— Зачем?

Луи и сам задумывался над этим. Она не была похожа на Паулу Черенков, да и Луи очень изменился с того времени.

Это правда, что спальни предназначены для двоих... но ведь на приеме были и другие девушки. Разве что не такие красивые, как Тила. Но неужели старый, умный Луи попался на одной только красоте?

В этих блестящих глазах было что-то более сложное.

— В целях прелюбодеяния, — ответил Луи Ву. Он помнил, что разговаривает с чужаком, который не способен понять такие чисто человеческие проблемы. Он только сейчас заметил, что кукольник

продолжает мелко дрожать. — Пойдем ко мне в кабинет, — добавил он. — Кабинет находится под землей, и там нет никаких метеоритов.

Когда кукольник ушел, Луи разыскал Тилу. Она сидела в библиотеке перед экраном для чтения и «перелистывала» страницы удивительно быстро даже для того, кто знал искусство быстрочтения.

— Эй, — приветствовала она его. — Я хотела бы узнать, как поживает наш долгоногий двухголовый приятель?

— Боится до потери сознания. Мне нелегко с ним пришлось.

Тила заметно повеселела.

— Расскажи мне о сексуальной жизни кукольников, — попросила она.

— Я знаю только то, что Несс не имеет разрешения на потомство, и его это очень беспокоит. Мне кажется, что это для него главная проблема. Больше мне ничего не удалось узнать.

— О чем же вы в таком случае разговаривали?

Луи махнул рукой.

— Триста лет страха — столько лет Несс находится в нашей части космоса. Он почти не помнит кукольников и свою планету. И все это время он боролся со страхом.

Луи тяжело опустился в кресло. Попытка понять чуждую психику истощила его интеллект и весь запас его воображения.

— А что делала ты? Что ты читаешь?

— О взрыве Ядра Галактики, — ответила Тила, указывая на экран.

Там были видны звезды, громадная их часть была сгруппирована в облака, туманности. Их было так много, что весь космос был освещен.

Именно так выглядело Ядро Галактики с радиусом в пять световых лет. Шаровое скопление звезд. Там побывало только одно живое существо на экспериментальном корабле кукольников двести лет тому назад. Звезды сверкали красным, голубым, зеленым светом. Самыми большими были красные звезды. В центре снимка находилось ослепительно сияющее белое пятно, на котором можно было различить области света и тени, но даже пятна тени светили сильнее любой из окружающих звезд.

— Именно поэтому нам нужен корабль кукольников?

— Да.

— Как это случилось?

— Звезды в Ядре находились близко друг от друга, — ответил Луи. — Среднее расстояние составляло половину светового года. И чем ближе к центру, тем теснее. А в Ядре звезды были так близко, что нагревали одна другую. Разогретые, они быстрее сгорают... и быстрей стареют.

Десять тысяч лет назад все звезды в Ядре оказались на грани перехода в Новые.

Одна из звезд вспыхнула и освободила огромное количество энергии. И звезды превратились в Новые.

Освободившаяся энергия разогрела следующие, после чего началась цепная реакция, которую ничто уже не могло остановить. Это белое пятно — Суперновая. Если хочешь, то в этой книге можно найти математику, которая все это объясняет.

— Нет, спасибо, — отказалась она, как и ожидал Луи. — Ведь все это давно уже закончилось.

— Да. Излучение еще не дошло до нашей Галактики, но цепная реакция закончилась приблизительно десять тысяч лет тому назад.

— Так о чем же вы беспокоитесь?

— Излучение. Быстрые частицы всякого рода. Изученный Космос — это маленький кусочек Галактики, отдаленный от ее оси на тридцать световых лет. Цепная реакция началась примерно десять тысяч лет назад, это значит, что волна излучений дойдет до нас через двадцать тысяч лет. Согласна?

— Разумеется.

— Через двадцать тысяч лет нам придется эвакуировать каждую планету, о которой ты когда-либо слышала, а может быть, и больше...

— Но двадцать тысяч лет — это масса времени. Если эвакуацию начать сейчас, то, наверно, можно обойтись и имеющимися у нас кораблями.

— Ты не права. При скорости один световой год за три дня первый из наших кораблей достиг бы Магеллановых Облаков не раньше, чем через шестьсот лет. Знаешь, как все это будет выглядеть? Паника начнется тогда, когда люди собственными глазами увидят первые признаки взрыва. А после этого в нашем распоряжении останется не более ста лет.

Кукольники поступили по-другому. Они отправили исследовательский корабль к Ядру Галактики. Пилот прислал эти снимки. И прежде, чем он вернулся, кукольников уже не было на их планете. Но у нас так не получится. Мы будем ждать и ждать, а когда решим действовать, возникнет проблема эвакуации из Галактики триллионов людей. Нам будут нужны гигантские и самые быстрые из кораблей, какие только существуют, и притом в громадном количестве. Нам уже сейчас нужны гиперпространственные двигатели, чтобы начать работы по их совершенствованию. Кроме этого...

— Все, хватит. Лечу с вами!

— Что?! — только и смог выговорить Луи.

— Лечу с вами, — уверенно повторила Тила Браун.

— Ты что, сошла с ума?

— Но ведь ты же летишь?

— Черт побери!

Луи с трудом сдерживал рвущееся из него раздражение. Когда он снова заговорил, голос его был спокоен и тих.

— Конечно, я лечу. Но у меня есть мотивы, которых у тебя нет. Кроме того, я опытный изыскатель и хорошо знаю, как остаться живым там, где ты сможешь погибнуть. Я старше тебя, Тила, мне уже двести лет.

— А я — счастливчик! Несс сам это сказал.

Луи с презрением фыркнул.

— Кроме того, у меня тоже есть свои причины, чтобы лететь. Может, они и не такие важные, как твои, но для меня они важны. Да, да, важны! — Тила повысила голос, в котором слышался сдерживаемый гнев.

— Представляю себе!

Тила постучала пальцем по экрану.

— А это разве не повод?

— У нас будет корабль кукольников, независимо от того, полетишь ты или нет. Слышала, что сказал господин Несс? У него в списке тысяча таких, как ты!

— Но в этом списке нахожусь и я!

— Да, но что это меняет?

— Почему ты так беспокоишься обо мне? Я разве просила твоей опеки?

— Извини. Я не имею права ничего тебе запрещать. Ты уже взрослая.

— Спасибо, что ты наконец-то это заметил. Я собираюсь лететь с вами, — официальным тоном проговорила Тила.

Она на самом деле была взрослой. И ее нельзя было принудить к чему-либо, а кроме того, это всего лишь свидетельствовало бы о плохом воспитании Луи и не возымело никакого действия. Но если попробовать ее уговорить...

— Подумай только о том, — сказал Луи Ву, — что Несс делает все, чтобы наша экспедиция осталась в тайне. Почему? Что он скрывает?

— Это его дело. Возможно, там есть что-то ценное, что-то такое, что можно украсть.

— Даже если это так, это не играет роли. Ведь цель полета находится на расстоянии в двести световых лет. Только мы сможем добраться туда.

— В таком случае речь может идти о самом корабле.

Да, что ни говори, глупенькой ее не назовешь. Возможно, она была права в своем предположении.

— Посмотри на состав нашей группы, — не уступал Луи. — Двое людей, кукольник и кзин. И ни один из них не является профессиональным исследователем.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду, Луи. Я отправляюсь с вами. Очень сомневаюсь, что тебе удастся меня удержать.

— Ты даже не знаешь, что нас ждет. Почему у нас такой странный состав экспедиции?

— Это дело Несса.

— И наше тоже. Несс получает распоряжения от Тех-Которые-Правят. По-моему, он только несколько часов тому назад понял, насколько они опасны. Он сейчас в тревоге. Эти... эти жрецы выживания играют одновременно на четырех досках, не говоря уж о самой цели экспедиции. — В глазах Тилы появился интерес, и Луи с удвоенной энергией продолжил: — Во-первых, Несс. Если в нем есть достаточно безумства, чтобы сесть на неизвестную планету, то достаточно ли в нем здравого рассудка, чтобы выжить? Те-Которые-Правят должны это знать. Когда они доберутся до Магеллановых Облаков, то начнут создавать заново свою торговую империю. И для этого им будут необходимы именно такие сумасшедшие кукольники, как Несс.

Во-вторых, наш пушистый приятель. Как представитель своей расы на чужой планете, он должен быть одним из самых известных кзинов. Сможет ли он ужиться с нами? Или убьет нас для увеличения своего жизненного пространства и для получения свежего мяса?

В-третьих, ты и твоя удача. В-четвертых, я. Я, как мне кажется, являюсь контрольным объектом. Знаешь, что я обо всем этом думаю?

Луи уже давно стоял, выливая из себя потоки слов, с идеальным самообладанием, благодаря которому он блестяще проиграл сто тридцать лет назад выборы Генерального Секретаря ФОН. Луи не хотел ни к чему принуждать Тилу, но очень сильно хотел ее убедить в своей правоте.

— Я думаю, что кукольникам совершенно не нужна планета, на которую мы летим. Зачем она им, если они покидают Галактику? Это, собственно говоря, еще один тест. Прежде, чем мы умрем, кукольники узнают о нас много интересного.

— Это не планета, — задумчиво протянула Тила.

— К черту! Какое это имеет значение? — взорвался Луи.

— Если нам суждено умереть, то хорошо бы знать, где и почему. Мне кажется, это космический корабль.

— Что?

— Громадный, в форме кольца, с силовым полем для сбора атомов водорода. Кольцо все время вращается для создания на его внутренней поверхности центробежной силы.

— Гм-м-м, — хмыкнул Луи, вспоминая странную голограмму. Вероятно, он слишком мало размышлял над ней. — Возможно. Большой, примитивный и трудноуправляемый корабль... Почему же им интересуются Те-Которые-Правят?

— На этом корабле могут. быть беглецы — существа, которые жили ближе к Ядру Галактики и намного раньше узнали о взрыве.

— Может быть, и так... А тебе здорово удалось переменить тему разговора. Я уже сказал, в чем заключается, по-моему, игра кукольников. Я же лечу только потому, что это меня забавляет. А вот почему ТЫ хочешь лететь? Альтруизм — это хорошая вещь, но не уверяй меня, что ты думаешь на двадцать тысяч лет вперед.

— Скажите пожалуйста, он может быть героем, а я — нет! А еще ты ошибаешься, говоря о Нессе. Он бы не принял участие в опасной экспедиции. Да и к чему кукольникам изучать нас? Они улетают из нашей Галактики и никогда с нами не встретятся.

Да, она не глупа. Но...

— Ты не права. У кукольников есть серьезный повод, чтобы как можно больше узнать о нас.

По взгляду Тилы он понял, что может продолжать.

— Все, что мы знаем о миграции, это то, что каждый здоровый нормальный кукольник принимает в ней участие. Знаем также, что они улетают со скоростью, равной скорости света. Кукольники боятся гиперпространства.

А теперь: при такой скорости они достигнут Магеллановых Облаков примерно через восемьдесят тысяч лет! И кого они там встретят? Нас, конечно, — он широко улыбнулся Тиле. — Нас — людей и кзинов. Может быть, еще и кладлинов и перинов. Они понимают, что мы будем тянуть до последней минуты, понимают, что мы используем для бегства гиперпространственные корабли. Когда они достигнут Облаков, им придется иметь дело с нами... или с теми, кто уничтожит нас. Зная нас, они будут знать и наших победителей. Да, они имеют достаточный мотив для опыта над нами.

— О'кей.

— Ты изменила свое решение?

Тила отрицательно покачала головой.

— Почему?

— Это касается только меня.

Ну что с ней делать? Если бы ей было девятнадцать лет, он обратился бы к ее родителям. Но ей уже исполнилось двадцать, и официально она считалась взрослой.

Она имела право выбора, имела право ожидать от Луи уважения, ее решение нельзя было отменить. Луи мог только убеждать. К сожалению, это ему не удалось.

Неожиданно Тила взяла его ладони в свои и ласково, с улыбкой попросила:

— Возьми меня с собой, Луи. Я на самом деле приношу удачу. Если бы Несс не выбрал меня, тебе пришлось бы спать одному.

Она смогла обезоружить его.

— Что ж, хорошо, — вздохнул Луи. — Я сообщу ему...

Ночи в одиночестве никогда не приносили ему радости.

Глава четвертая

Говорящий-со-Зверями

— Я согласна участвовать в экспедиции, — проговорила Тила в экран видеофона.

Кукольник протяжно просвистел: «с-с-с-с».

— Что?

— О, извините, — опомнился Несс. — Утром в 8.00 на Австралийском Стартовом Поле. Личные вещи в пределах 25 килограммов. А-а-а, — кукольник поднял обе головы и протяжно застонал.

— Ты что, заболел? — с беспокойством осведомился Луи.

— Нет. Но я вижу свою смерть. Я не надеялся, что твои аргументы будут такими доходчивыми. До свидания. Встречаемся на Стартовом Поле.

Экран потемнел.

— Ну вот! Видишь, что получилось из твоего неслыханного красноречия?

— Я сделал все, что мог. И не обвиняй меня, если погибнешь страшной смертью.

Ночью, опускаясь в бездонную пропасть сна, Луи услышал ее слова:

— Я люблю тебя. Лечу с тобой, потому что люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя, — пробормотал он с сонной любезностью, и только после этого до него дошел смысл ее слов. — Что? Летишь за двести световых лет только потому, что не хочешь со мной расставаться?

— Угу...

— Спальня, легкий свет! — проговорил Луи. Включились лампы.

Они парили в воздухе между двумя плоскостями. Коса Луи была сейчас гладкая и черная, а обычно выбритый череп начал зарастать седой щетиной. Загорелая, бронзовая кожа и карие глаза существенно изменили его внешность.

Тила тоже сильно изменилась. Волосы, черные и мягкие, она завязала в конский хвост. Кожа ее стала бледно-розовой. На овальном лице — громадные глаза и небольшой серьезный рот; нос небольшой, почти незаметный. В излучаемом двумя плоскостями поле «кровати» она парила легко и свободно, как масло на поверхности воды.

— Ты даже никогда не была на Луне.

Тила кивнула головой.

За два дня и две ночи она ни разу не солгала, не сказала полуправды, не старалась избегать ответов на любые вопросы. Она рассказала Луи о двух своих любовниках, с одним она рассталась через полгода, другой эмигрировал на Перспективную Гору. Луи был намного сдержаннее в своих рассказах, она это принимала спокойно. Но сама Тила была чертовски открыта и задавала прямолинейные вопросы.

— Так почему все-таки я? — Луи хотел получить ответ на этот вопрос.

— Не имею понятия, — признавалась Тила. — Может, виновато твое обаяние? Ты герой.

В настоящее время он был единственным из оставшихся в живых среди тех, кто первым столкнулся с внеземной цивилизацией. Неужели этот эпизод с триноками будет тянуться за ним без конца?

Он попробовал зайти с другой стороны.

— Знаешь, так получилось, что мой приятель — лучший в мире любовник. Это его хобби. Он пишет об этом книги. Защитил докторские степени по физиологии и психологии. Последние сто тридцать лет...

Тила закрыла уши руками.

— Перестань, — попросила она, — перестань.

— Я не хочу твоей гибели. Ты для этого слишком молода. Подумай об этом, прежде чем отправишься путешествовать по стране снов. В кабине будет тесновато...

— Ты хочешь сказать, что мы не сможем заниматься любовью? Меня не волнует, будут на нас смотреть чужаки или нет.

— Но меня это волнует.

Снова удивленный взгляд.

— А если бы это были люди? Неужели бы ты их стеснялся?

— Да. Я старомоден.

— Заметно...

— Помнишь того приятеля, о котором я говорил? Так вот, у него была знакомая, которая научила меня частице его искусства. Только для этого необходима сила тяжести. — И добавил: — Спальня, выключить поле!

— Луи, ты уходишь от темы.

— Ты права.

— Подумай еще об одной вещи. Твой кукольник мог бы взять в экспедицию представителей не трех, а четырех рас. Тогда тебе пришлось бы заниматься этим не со мной, а с представительницей триногов...

— Ужасная перспектива. Ну, вернемся к нашему занятию. Начнем.

... Утром Луи был рад, что они летят вместе. Когда сомнения снова вернулись к нему, было уже слишком поздно. Собственно говоря, поздно было уже давно.

Внешние торговали информацией. Они хорошо за нее платили. Но то, что купили один раз, продавали многократно, так как район их деятельности охватывал целый рукав Галактики. Они имели неограниченный кредит во всех банках всех планет.

Вероятнее всего, их раса появилась на свет на каком-нибудь холодном, неуютном спутнике газового гиганта. Там они жили, а затем вышли в межзвездное пространство на огромных космических кораблях самого разнообразного вида. Если какая-нибудь планетная система имела потенциальных клиентов и если поблизости был подходящий спутник, Внешние арендовали там участок и строили торговый центр. Пятьсот лет тому назад они взяли в аренду Нереиду.

— Вероятно, тут у них и должен находиться Центр, — проговорил Луи, указывая на группу зданий.

Нереида расстилалась перед ними ледяной равниной, освещенной отблеском звезд. Солнце же казалось отсюда большой яркой точкой, которая давала не больше света, чем на Земле давала полная Луна. Этот блеск освещал лабиринт, выстроенный из невысоких стен. Там и тут стояли куполообразные здания и орбитальные корабли. Но больше всего места занимал лабиринт.

— Интересно, зачем им лабиринт? — сказал Говорящий-со-Зверями. — Для обороны?

— Это нечто вроде пляжа, — ответил Луи. — Внешние функционируют благодаря термоэлектрическим элементам. Они ложатся головой к солнцу, а хвост у них остается в тени. Разница температур вызывает электрический ток. Лабиринт дает много места, где тень граничит со светом.

Несс во время полета вел себя относительно спокойно. Он обошел все системы безопасности, делая при этом множество замечаний. Его скафандр в виде удлиненного баллона казался легким и удобным. В месте, где располагался мозг кукольника, скафандр был усилен. Регенерирующие системы были неправдоподобно малы.

Перед стартом Несс удивил весь экипаж. В кабине вдруг раздались звуки удивительной музыки, тоскливой, как песня охваченного сексуальной манией компьютера. Это пел Несс. Благодаря своим горлам, мускулы которых не уступали по силе мускулам рук, он мог выступать в роли целого оркестра.

Несс настоял, чтобы кораблем управлял Луи. Его вера в ма-

стерство человека была так велика, что он даже не застегнул ремни безопасности. Луи заподозрил, что на корабле кукольников были добавочные системы безопасности.

Говорящий-со-Зверями явился на корабль с багажом, состоящим почти исключительно из микроволновой печи для разогрева мяса и огромного куска сырого мяса, скорее всего, неземного происхождения.

Неизвестно почему, Луи считал, что скафандр кзина будет напоминать средневековый панцирь, но он выглядел совершенно иначе. Он напоминал громадный баллон, абсолютно прозрачный, с рюкзаком огромных размеров, напоминающим мыльный пузырь. Переключатели внутри шлема приводились в действие языком. Хотя у кзина не было видно никакого оружия, сам рюкзак подозрительно напоминал военное обмундирование, и кукольник потребовал, чтобы он находился в багажном отделение.

Большую часть пути кзин попросту проспал.

А сейчас все стояли за спиной Луи и разглядывали расстилающуюся под ними равнину.

— Высадимся у корабля Внешних, — предложил Луи.

— Нет. Летим дальше. «Счастливый случай» расположен в укромном месте.

— Вы боитесь, что Внешние будут шпионить?

— Нет. Пламя от его двигателей могло бы повредить Внешним.

— Почему вы назвали корабль «Счастливый случай»?

— Его так назвал Воевульф Шеффер, единственный, кто на нем летал. Он вел этот корабль к Ядру Галактики. Разве «Счастливый случай» не имеет ничего общего с азартом?

— Имеет. Вероятно, этот Шеффер не надеялся вернуться обратно. Знаешь, хочу тебе сразу объяснить: я никогда не пилотировал корабли с плазменным двигателем. У моего корабля двигатели обычные, как вот у этого.

— Ну что ж, тебе придется научиться, — ответил Несс.

— Минуточку, — прервал их кзин, — я умею управлять плазменными двигателями. Я поведу «Счастливый случай».

— Это невозможно. Кресло пилота и все приборы приспособлены к управлению корабля человеком.

Из горла кзина вырвалось недовольное ворчание.

— Смотри, Луи. Прямо перед нами.

Луи, делая круги над кораблем, не мог найти свободного места на нем, не занятого зелено-коричневыми двигателями и приспособлениями для гиперпространственного движения. Сам корпус был стандартным корпусом «Дженерал Продактс» номер 4. Этот корабль был так велик, что его обычно применяли для транспортировки новых колоний. «Счастливый случай» вообще не был похож на космический корабль. Скорее он казался огромным, примитив-

ным спутником, построенным существами с весьма ограниченной технологией.

— А где будем находиться мы? — поинтересовался Луи. — Наверху?

— Кабина расположена внизу. Приземляйся у корабля.

Луи осторожно опустил корабль на лед, затем завел его под огромную выпуклость на корпусе корабля.

Система жизнеобеспечения светилась цветными огнями. В кабине экипажа находилось два небольших помещения: в нижнем с трудом размещалось противоперегрузочное кресло, индикатор массы и пульт управления. Верхнее было также мало. Кзин фыркнул:

— Интересно. Как я понимаю, Луи будет находиться в нижней кабине, а мы в верхней?

— Да. Нам с трудом удалось разместить там три койки. Каждая имеет статическое поле. Ограниченность места не имеет значения — при полете поле будет все время включено.

Кзин еще раз фыркнул. Луи выключил двигатель корабля.

— Я хочу кое о чем договориться, — сказал он. — Тила и я получаем на двоих такое же вознаграждение, как Говорящий.

— Хочешь добавочной платы? Я подумаю над этим.

— Я хотел бы узнать координаты планеты кукольников.

Головы кукольника вздрогнули на своих змеиных шеях, затем переглянулись.

— Зачем это тебе? — спросил кукольник после долгой паузы.

— Когда-то положение планеты кукольников было самым большим секретом в известном космосе. Вы заплатили бы любую сумму, чтобы никто об этом не узнал. Искатели счастья обыскали все звезды типа С и К. Даже сейчас за эту информацию каждое правительство заплатило бы хорошую сумму.

— А если эта планета находится вне пределов известного космоса?

— М-м-м, — пробормотал Луи. — Именно такое предположение высказал мой учитель истории. Но в любом случае такая информация дорого стоит.

— Прежде, чем мы отправимся в экспедицию, — медленно произнес Несс, — ты получишь координаты планеты кукольников. Думаю, что эта информация принесет тебе больше удивления, чем пользы.

Головы кукольника еще раз переглянулись.

— Обращаю ваше внимание на четыре конические...

— Да, да. — Луи раньше заметил отверстия недалеко от кабины.

— Это дюзы плазменных двигателей?

— Именно. Ты увидишь, что корабль движется и на обычных двигателях, с той лишь разницей, что в нем нет поля искусственного тяготения. Не хватило места, чтобы установить приспособления.

Что же касается гиперпространственного П-квантового двигателя, то обратите внимание...

— Прошу всех сохранять спокойствие, — проговорил кзин. — У меня оружие.

Смысл этих слов не сразу дошел до Луи. Он обернулся, стараясь не делать резких движений.

У противоположной стены стоял кзин, зажав в ладони что-то, напоминающее большую рукоятку рулевого рычага. За три метра от этой рукоятки светилась красная точка. Сам меч между рукоятью и этой точкой был слишком тонким, чтобы его можно было разглядеть, но Луи не сомневался, что он опасен. Поддерживаемый полем Слейвера, меч мог рассечь любой металл, даже тот, из которого было сделано кресло пилота. Кзин стоял так, чтобы контролировать всю кабину.

На полу лежал громадный кусок мяса. Он был разорван, а внутри виднелось углубление для меча.

— Мне бы хотелось иметь более гуманное оружие, — сказал кзин, — но у меня есть сейчас только это. Луи, убери руки с рычагов управления и положи их на ручки кресла.

Луи выполнил это распоряжение. У него мелькнула мысль, что можно резко изменить силу тяготения, но кзин успел бы рассечь его пополам прежде, чем Луи дотянулся до переключателей.

— А сейчас я расскажу вам, что будет дальше.

— Объясни, зачем ты это сделал? — отозвался Луи. Он старался возможно быстрее оценить ситуацию. Красная точка указывала кзину, где находится конец меча. Если бы удалось схватить меч и не потерять при этом пальцев...

Нет, ничего не получится.

— Ясно для чего, — ответил кзин. Черные круги придавали ему вид гангстера из комикса. Кзин не был слишком напряженным или чересчур расслабленным. Он стоял так, что его нельзя было ничем достать. — Я хочу завладеть кораблем. Имея его за образец, мы построим много подобных кораблей и в следующей войне с людьми будем иметь громадное преимущество. Понятно?

— Может, ты испугался отправиться в экспедицию? — спросил Луи с сарказмом.

— Нет, — кзин не обратил внимания на оскорбление. Или вообще не понял.

— Теперь вы должны раздеться, чтобы я удостоверился, что у вас нет оружия. Потом кукольник наденет скафандр, и мы с ним перейдем на «Счастливый случай». Вы останетесь здесь. Вероятно, Внешние появятся прежде, чем у вас закончится кислород.

Луи Ву готов был использовать малейшую ошибку кзина. Краем глаза он посмотрел на Тилу и остолбенел.

Тила готовилась к прыжку.

Один взмах руки кзина, и она будет убита.

Луи должен был реагировать, и причем быстро.

— Только без глупостей! Луи, ты вставай и медленно иди к стене. Первый достаа-а-а-а...

Продолжением фразы было только раздирающее уши вытье.

Луи не понял ничего.

Говорящий-со-Зверями стонал или, скорее, выл высоким голосом. Он раскинул руки, как будто хотел обнять весь мир. Невидимый меч рассек емкость с водой, она хлестала на пол.

— Забери у него оружие, — сказал Несс.

Луи очнулся. Он осторожно приблизился к кзину, готовый в любой миг отпрыгнуть. Кзин едва шевелился. Луи взял меч, нажал кнопку, и красная точка, как бы притягиваемая магнитом, приблизилась к рукоятке и исчезла.

— Держи его у себя, — сказал Несс.

Он осторожно повел кзина к койке. Говорящий послушно опустился на нее. Он перестал выть и только смотрел куда-то вдаль невидящим взглядом.

— Что случилось? Что ты с ним сделал?

Кзин что-то негромко проворчал.

— Смотри, — проговорил Несс и осторожно отодвинулся от койки, на которой лежал одурманенный кзин. Его шеи были напряжены, глаза пристально смотрели на кзина.

Тот очнулся. Посмотрел на всех и сказал на международном языке:

— Это удивительно приятно. Жаль, что...

Он замолчал, потом повернулся к кукольнику:

— Что бы ты ни сделал. прошу, никогда не делай этого больше.

— Я выбрал тебя как одного из самых рассудительных и умных кзинов, — сказал Несс. — Я не ошибся. Только в таком существе тасп может вызвать беспокойство за рассудок.

— Ах! — вздохнула Тила.

— Тасп? — спросил Луи. — А что это такое?

Кукольник тем временем объяснял кзину:

— Ты понимаешь, что я буду применять тасп при любой опасности с твоей стороны. И ты скоро станешь целиком зависеть от таспа. Поскольку он хирургически вживлен в мое тело, ты сможешь достать его, лишь убив меня. Но и это тебе не поможет, и ты станешь безумцем.

— Да, очень изобретательно, — сказал кзин. — Необычная тактика. Я больше не буду доставлять тебе хлопот.

— Проклятие! Вы можете объяснить мне, что такое тасп?!

Все с удивлениеи посмотрели на Луи.

— Тасп возбуждает центр удовольствия в мозгу, — объяснила Тила.

— На расстоянии? — Луи и подумать не мог, что подобное возможно.

— Разумеется. Если в мозгу у тебя электроды и кто-то пустил через них ток — действие то же самое. Разве что тасп не требует электродов. Это маленькая коробочка, помещающаяся даже на ладони.

— Что, ты пробовала его? Понимаю, это не мое дело, но...

Тила усмехнулась, его деликатность рассмешила ее.

— Да. Я знаю, какое ощущение вызывает тасп. Это как бы... Нет, я не могу этого описать. Никто таспом не пользуется в одиночестве. Весь фокус, чтобы применить его на том, кто этого не ожидает. Полиция вылавливает в парках тех, кто таким образом использует тасп.

— Ваши таспы действуют максимум секунду, — вступил в разговор Несс. — Мой — десять секунд.

Его действие, очевидно, очень значительно, если произвело столь сильное впечатление на кзина. Луи в голову пришла интересная мысль.

— Прекрасно! Только кукольнику придет в голову употребить оружие, которое вызывает у врага чувство удовольствия!

— Но только гордое и утонченное существо будет его опасаться! — сказал кзин. — Кукольник прав: я больше не стану рисковать. Я мог бы стать его невольником, потерять разум! Нет, никогда!

— Пора перейти на «Счастливый случай», — прервал дискуссию Несс. — Мы потеряли много времени.

Луи первым поднялся в корабль.

Почти полное отсутствие тяжести на поверхности Нереиды не мешало ему. Однако он подсознательно ожидал, что на корабле будет нормальная сила тяжести, и едва не упал, встретившись с ее отсутствием.

— Хорошо, — бормотал он, втискиваясь в кабину. — Можно бы, например... ой!

Кабина была до невозможности примитивна. Однако в ней было множество углов и ребер, о которые замечательно разбивать колени и локти. Все было выполнено топорно, указатели плохо размещены...

Кроме того, кабина была ужасно мала. При таком громадном корпусе не хватило места для экипажа. Еще немного, и пилоту негде было бы сидеть.

Стойка с инструментами, датчик массы, небольшая плита, кресло-койка занимали все пространство этого помещения.

Говорящий-со-Зверями молча направился в верхнее помещение. Для единственного пилота корабля оно было чем-то вроде ком-

наты отдыха. Сейчас из него убрали все спортивные приспособления и экраны для чтения, а на освободившемся месте установили три койки. На одну из них забрался Говорящий.

За ним вошел Луи, все время держа на виду меч.

Он закрыл крышку над койкой и нажал кнопку. Койка превратилась в огромное непрозрачное яйцо. Внутри его время останавливалось до момента выключения статического поля. Если бы корабль столкнулся с антиматерией, то даже корпус Дженерал Продактс превратился бы в облако ионов. Но находящийся в статическом поле кзин остался бы невредим.

Все это напоминало какой-то магический ритуал, но цель была совершенно реальна. Кзин имел причину захватить корабль. Тасп ничего не изменил. И поэтому следовало действовать так, чтобы шансов выполнить желаемое у кзина не осталось.

Луи вернулся в кабину пилота.

— Входите, — позвал он Несса и Тилу.

Через сто часов они оказались за пределами Солнечной системы.

Глава пятая

Розетка Кемплерера

Гиперпространственная математика полна всяческих аномалий. Одна из аномалий находится вблизи каждой достаточно большой массы в эйнштейновом пространстве. Вне этих аномалий корабли могут двигаться со скоростью, большей скорости света. Если они попробуют преодолеть барьер скорости света, находясь внутри аномалии, — они погибнут.

«Счастливый случай», удаленный от Солнца на восемь световых часов, находился за пределами окружающей его аномалии.

Луи Ву пребывал в невесомости.

Все его мускулы были напряжены, он стоически боролся со спазмами и ему казалось, что желудок в любой момент вывернется наизнанку. Но все это, к счастью, скоро должно окончиться.

К тому же страшно хотелось летать.

Он летал много раз, хотя бы во Внешнем Отеле — прозрачном громадном шаре, в котором не было силы тяжести. Отель кружился по окололунной орбите. Здесь, если бы он хоть раз посмел взмахнуть руками, наверняка разбил бы что-нибудь необходимое.

Солнечную систему они покинули с гравитацией в два «же». Почти пять дней Луи работал, ел и спал в своем кресле-койке. Несмотря на все удобства кресла, он чувствовал себя грязным и непричесанным. Проспав за пять дней пятьдесят часов, он чувствовал себя крайне утомленным.

Небо глубокого космоса почти не отличалось от того, которое можно увидеть с Луны. Только в направлении юга Галактики светила ясная звезда — Солнце.

Луи дотронулся до рукоятки управления, и звезды передвинулись под его ногами.

«Двадцать семь, триста двенадцать, тысяча» — такие координаты продиктовал ему Несс, прежде чем замкнуть крышку своей койки. Это были координаты флота кукольников. Только сейчас Луи понял, что указанное место не находилось на пути к Магеллановым Облакам. Кукольник соврал.

«Однако, — подумал Луи, — ведь это было двести световых лет отсюда. Может, они решили уходить по прямой, чтобы потом, уже находясь вне Галактики, взять направление на Облака. Благодаря этому они могли бы избежать столкновения с космическим мусором: пылевыми облаками, скоплениями водорода, остатками комет».

Собственно говоря, это не имело большого значения. Луи установил координаты и, как пианист, поднял руки над клавиатурой.

Удар пальцев.

«Счастливый случай» исчез.

Луи старался не смотреть на прозрачный пол. Некоторых это зрелище сводило с ума, другие переносили его спокойно. Предыдущий пилот «Счастливого случая» принадлежал, вероятно, ко второй категории.

Луи внимательно смотрел на детектор массы, прозрачный шар, находящийся над пультом, из середины которого выходили светящиеся голубые линии. Детектор, несмотря на недостаток места, был больше обычного. Луи откинулся в своем кресле, наблюдая небесные линии.

Они изменялись, медленно передвигаясь по поверхности шара. Это было необычно и действовало угнетающе. При обычном гиперпространственном полете линии оставались без изменения целыми часами.

Палец Луи держался на кнопке аварийного выключения двигателей.

Миниатюрная кухонька-плита угостила его ароматным кофе и какой-то холодной закуской, распавшейся у него в руках и обнажившей слои мяса, сыра и каких-то листьев. Эта плита уже сто лет тому назад требовала ремонта.

Линии на детекторе массы стали шире, поползли быстрее и исчезли на верху шара. Снизу появилась еще одна, очень широкая линия с размытыми краями.

Луи нажал кнопку.

Под его ногами появилась неизвестная красная звезда-гигант.

— Слишком быстро! — с раздражением проворчал Луи. —

Слишком быстро! С нормальными двигателями можно контролировать датчик массы раз в шесть часов, а здесь я не могу отвести от него глаз.

Луи посмотрел на кроваво-красный диск.

— Проклятие! Мы уже покинули известный космос!

Он повернул корабль так, чтобы можно было увидеть звезды. Под его ногами двигалось незнакомое небо. Потом появилась та же красная звезда. Луи слишком приблизился к ней, и теперь ему надо было ее обогнуть.

Это происходило на девяностой минуте полета.

Еще через девяносто минут корабль снова выскочил из гиперпространства.

Он находился в открытом космосе. Луи заблокировал рычаги и наконец смог позволить себе расслабиться.

— Боже, глаза у меня, как вареные луковицы.

Он отстегнул ремни и повис в воздухе, потирая левую ладонь. Три часа она была в напряжении и теперь почти не ощущалась.

Под потолком висели гимнастические снаряды. За несколько минут с их помощью ему удалось размять мышцы, но он по-прежнему чувствовал себя очень усталым.

Разбудить Тилу? Он с удовольствием поболтал бы с ней. Да, это хорошая мысль. В следующий раз он возьмет в полет девушку. В статическом поле, разумеется.

Однако сейчас он чувствовал себя трупом столетней давности, лежащим в неудобной позе. Сейчас собеседник из него никудышный...

Ох, не надо было брать ее с собой! Конечно, для него это неплохо. Казалось, что его роман с Паулой Черенков получил счастливое продолжение. Но она... В ней было что-то поверхностное. Это не только из-за возраста. У него были приятели разных возрастов, и некоторые из молодых отличались глубиной чувств. Они могли страдать, как будто страдание составляло неотъемлемую часть их жизни. Может, и на самом деле это было так.

Тила не могла сочувствовать, сострадать чужому горю.

В то же время она чувствовала чужое наслаждение, реагировала на него и сама становилась его причиной... Она была прекрасной любовницей. До боли открытая, свежая, чувственная, как кошка.

Однако вся ее чувственность не нужна была в этой экспедиции.

Жизнь Тилы протекала счастливо и беззаботно. Два раза она влюблялась, и оба раза она первая принимала решение о разрыве. Никогда ей не приходилось оказываться в настоящей стрессовой ситуации, она еще не встречалась с глубокой обидой. При первой встрече с опасностью она наверняка впадет в панику.

— Однако я сам выбрал ее в любовницы, — сказал сам себе Луи. — Черт бы побрал этого Несса!

Если бы Тила хоть раз в жизни встретилась с опасностью или оказалась в какой-нибудь грозной ситуации, Несс отклонил бы ее кандидатуру.

Ее присутствие в полете будет дополнительной нагрузкой, нужно будет охранять ее, вместо того, чтобы заботиться о собственной безопасности.

Что может им угрожать? Кукольники были хорошими торговцами. Они никогда не переплачивали, а «Счастливый случай» имел громадную ценность. Луи предчувствовал, что у них будет достаточно оказий, чтобы отработать эту плату.

Или даже превысить ее.

Он вернулся в кресло, поспал часок и снова нырнул в подпространство.

Через пять с половиной часов после первого прыжка — новое торможение.

Указанные кукольником координаты составляли куб со стороной в половину светового года. В этом кубе, если верить приборам, находился «Счастливый случай». Известный космос остался далеко позади.

Луи не стал разыскивать флот, поскольку не представлял, как он может выглядеть. Он подошел к койке Несса.

Кукольник, вцепившись в стойку для гимнастических упражнений, смотрел Луи в лицо.

— Надо отыскать некоторые звезды, чтобы сориентироваться. Дай на экран вон ту зелено-белую звезду-гигант.

В кабине пилота стало до невозможности тесно. Луи почти лежал на циферблатах, охраняя приборы от беззаботно размахивающего копытами кукольника.

— Анализ спектра... Ага... Теперь ту, двойную, желто-голубую...

— Что мы разыскиваем? Остатки плазмы? Нет, скорее, вы...

— Выключи телескоп. Поймешь, когда увидишь.

Множество чужих звезд. Луи постепенно увеличивал изображение, пока, наконец...

— Пять точек, составляющих правильный пятиугольник, правильно?

— Это и есть наша цель.

— Сейчас определю расстояние... Черт! Здесь что-то не так, Несс. Они слишком далеко.

Кукольник промолчал.

— Но это не могут быть космические корабли, даже если испортился определитель расстояний. Ведь ваш флот движется почти со скоростью света, а это было бы заметно.

Пять затемненных точек в вершинах пятиугольника. Они, не видимые невооруженным глазом, находились на расстоянии полови-

ны светового года от корабля. Принимая во внимание расстояние, эти точки были размером с хорошую планету. На экране телескопа одна из точек была менее голубой, чем другие.

Розетка Кемплерера. Очень странно.

Берется три или больше предметов одинаковой массы. Устанавливаются на вершинах равностороннего многоугольника и получают одинаковую угловую скорость по отношению к центру их общей массы.

Тогда эта фигура находится в состоянии абсолютного равновесия. В центре фигуры может находиться какое-либо тело, но с тем же успехом его может и не быть. Это не имеет значения. Фигура будет стабильной в любом случае.

Единственная проблема состоит в том, что случайное возникновение розетки Кемплерера совершенно невероятно.

— Удивительно, — бормотал Луи. — Чудеса! Никто еще не видел розетки...

Он внезапно замолчал.

Они находились в межзвездном пространстве. Что же освещало эти тела?

— О, нет, не может быть! — медленно протянул Луи. — Никогда не поверю в такое. Ты что, считаешь меня идиотом?

— Чему ты не хочешь верить?

— Сам прекрасно знаешь чему!

— Ну, если ты так считаешь. Это цель нашего путешествия, Луи. Подойди еще ближе, нам навстречу будет выслана шлюпка.

Эта шлюпка имела корпус номер 3. Она была цилиндрической, с округленными концами и приплюснутым днищем. Окрашена в ярко-оранжевый цвет и совершенно без окон. Не было видно никаких двигателей. Вероятно, на ней применялись классические двигатели или что-то в этом роде.

С помощью плазменных двигателей «Счастливый случай» преодолел бы расстояние, отделяющее его от «флота» кукольников, за несколько месяцев. Поэтому Луи терпеливо ждал шлюпку кукольников. Она появилась примерно через час.

Было очевидно, что переход на корабль кукольников не будет легкой операцией. На «Счастливом случае» было слишком мало места, чтобы всем одновременно покинуть корабль, а кроме того, для Говорящего это был последний шанс захватить корабль.

— Наверняка он попробует, — сказал Луи. — Знаешь, что мы сделаем?

Он отключил рулевое управление и пульт от главного двигателя. Конечно, располагая временем, кзин сумел бы все это исправить. Только Луи не собирался давать ему это время...

Несс прошел сквозь причальную трубу, неся в зубах скафандр

Говорящего. Картина была замечательной: кукольник шел на ощупь, с закрытыми глазами.

— Невесомость, — проговорила Тила, когда раскрылась ее койка. — Мне нехорошо. Помоги. Что случилось? Мы уже на месте?

Луи кратко описал ей ситуацию, но казалось, что ее больше всего волнует взбунтовавшийся желудок. Она была очень несчастна.

— Там будет нормальная гравитация, — проговорил Луи, показывая ей на пятиугольную розетку.

Она была уже видна невооруженным глазом. Удивленная Тила резко повернулась к нему. При этом чувство равновесия нарушилось и, прежде чем за ней закрылись двери шлюза, Луи увидел, как лицо ее стало зеленым.

Да, розетка Кемплерера интересная вещь, но куда деться от влияния невесомости?

Когда открылась последняя койка, Луи проговорил:

— Без резких движений — я вооружен.

Оранжевая физиономия кзина оставалась неподвижной.

— Мы прибыли?

— Да. Я отключил двигатели. Быстро их не исправишь. И, кроме того, мы на прицеле у лазерной пушки.

— А если бы я ушел в гиперпространство? Хотя нет, мы, вероятно, вблизи аномалии.

— Вблизи пяти аномалий!

— Пяти? На самом деле? Однако с лазерной пушкой ты меня обманываешь. Стыдно, Луи...

Кзин спокойно встал с койки. Луи шел за ним с мечом наготове. В шлюзе кзин остановился, удивленный видом пяти светящихся точек, установленных в розетку.

Картина действительно впечатляла.

«Счастливый случай» вышел из гиперпространства на расстоянии получаса от флотилии кукольников (примерно такое же расстояние отделяет Землю от Юпитера). Но кукольники двигались с огромной скоростью, и, когда проснулась Тила, розетку можно было увидеть невооруженным глазом. А сейчас ее невозможно было не заметить, и она все время увеличивалась.

Пять бледно-голубых пятнышек, находящихся в вершинах пятиугольника и растущих с каждой минутой...

Через мгновение «Счастливый случай» был окружен пятью планетами. А еще через минуту планеты исчезли. Не удалились, не потемнели, а просто исчезли. Отраженный от них свет перешел в инфракрасную область спектра, не видимого человеческим глазом.

Луи очнулся. Говорящий-со-Зверями держал меч в своих руках.

— Черт! — взорвался Луи. — Неужели у тебя совершенно отсутствует любопытство?

Кзин немного подумал.

— Есть, но гордости у меня значительно больше. — Он спрятал лезвие в рукоятку и вручил ее Луи. — Каждая угроза — это вызов. Идем.

Корабль кукольников не имел экипажа. Всю его внутренность занимало большое помещение. Посредине стояли четыре кровати, приспособленные для существ, которым они предназначались.

Сила тяжести, к удовольствию Луи, была. Однако это была не земная гравитация, воздух также был не земной. Он имел запах не то чтобы неприятный, но странный. Луи почувствовал наличие озона, каких-то углеводородов, запах кукольников — целой их популяции, еще какие-то непонятные запахи.

Внутри не было ни одного острого угла или ребра. Выпуклая стена плавно переходила в пол и потолок. Кровати и столик с напитками производили впечатление слегка оплавленных. В мире кукольников что-либо острое, твердое не имело право на существование. Не было ничего такого, обо что можно было удариться или пораниться.

Несс лежал на кровати и казался удовлетворенным.

— Не хочет разговаривать! — пожаловалась Тила насмешливо.

— Ну, конечно, — возразил кукольник. — Ведь все равно сейчас бы пришлось весь рассказ начинать сначала. Без сомнений, интересуют вас...

— Летающие планеты, — подхватил кзин.

— И розетка Кемплерера, — добавил Луи.

Едва слышимый шум подсказал ему, что корабль пришел в движение. Луи и Говорящий-со-Зверями заняли свои места на койках, а Тила вручила Луи стакан с питьем интенсивно красного цвета.

— Сколько у нас времени? — спросил Луи кукольника.

— Приземляемся через час, — ответил Несс. — Вот тогда вы и узнаете все о цели нашей экспедиции.

— Хорошо, а теперь расскажи нам: что это за планеты? Вероятно, небезопасно двигаться во Вселенной целыми планетами?

— Безопаснее не может быть, — возразил кукольник. — Более безопасного способа мы не знаем. Кроме того, мы имеем большой опыт таких путешествий.

— Опыт? О чем ты говоришь?

— Для того, чтобы вы поняли, я должен буду начать с теплоты... и контроля рождаемости. Вам это не будет неприятно?

Отрицательно покачав головой, Луи едва сдержал смех, а Тила не смогла — фыркнула.

— Вы должны знать, что контроль над рождаемостью для нас очень трудное дело. Существует только два способа предотвращения рождения потомства. Первый — это хирургическое вмешательство. Второй — отказ от половых сношений.

— Но ведь это... это... чудовищно! — произнесла, заикаясь, Тила.

Луи удивленно присвистнул.

— Ничего себе! Значит, основой вашей системы контроля является сила воли?

— Да. Нежелание воздерживаться приводит к серьезным последствиям. Результат налицо: чрезмерный рост популяции. Пятьсот тысяч лет тому назад нас было полбиллиона. В системе исчисления кзинов это будет...

— Я достаточно хорошо знаю вашу математику, — прервал его кзин. — Однако то, о чем ты рассказываешь, не имеет ничего общего с вашей удивительной флотилией. — Кзин не жаловался, он просто констатировал факт. Он взял со столика емкость с двумя ручками и с почти полгаллоновой вместимостью.

— Имеет, уверяю тебя. Популяция, состоящая из половины биллиона членов, выделяет огромное количество тепла.

— У вас была развитая цивилизация уже пятьсот тысяч лет тому назад?!

— Разумеется. Разве примитивная культура смогла бы прокормить такую громадную популяцию? Мы уже давно использовали всю имеющуюся у нас землю и, чтобы прокормить население, вынуждены были переделать две планеты нашей системы для выращивания пищевых культур. Для этого мы передвинули их поближе к солнцу. Понимаете?

— Так вы приобрели опыт в передвижении планет? Как я понимаю, применяя корабли-автоматы...

— Разумеется. После этого проблема питания была решена. Место для жилья никогда не было проблемой. Уже тогда мы строили высотные здания. Лучше всего мы себя чувствуем в большой группе.

— Это называется «стадный инстинкт». Именно поэтому корабль пахнет, как целое стадо кукольников?

— Да. Мы чувствуем себя в безопасности, ощущая запах других особей. Единственная проблема, которая нас долго волновала, — выделяемое тепло.

— Тепло?

— Тепло является побочным продуктом любой цивилизации.

— Не понимаю, — сказал Говорящий-со-Зверями.

Луи, который прекрасно все понял, удержался от комментариев. Земля была заселена намного гуще, чем планета кзинов.

— Приведу пример. Хотел бы ты иметь ночью источник света? Ведь без света можно только спать.

— Разумеется.

— Допустим, что у тебя совершенный источник света, он имеет лучеиспускание исключительно в видимой части спектра. Но даже

в этом случае часть света будет поглощена стенами и предметами обихода. Энергия света превратится в тепло. На Земле, например, не хватает пресной воды, и ее получают из океанов. При этом выделяется огромное количество тепла. На наших планетах, население которых больше в тысячи раз, невозможно остановить этот процесс ни на минуту.

Еще пример. Средства передвижения тоже являются источником выделения тепла. Космический корабль, привезший зерно с другой планеты, при приземлении выделяет громадное количество тепла. И еще большее количество — когда стартует.

— Но ведь существуют системы охлаждения...

— Большинство таких систем попросту перемещают тепло из одного места в другое, прибавляя к нему еще свое.

— Хм-м-м, начинаю понимать. Чем больше кукольников, тем больше тепла...

— Теперь ты понимаешь, что тепло, выделяемое нашей планетой, делает жизнь на ней невозможной?

«Смог, — подумал Луи, — это двигатели внутреннего сгорания. Ракетные двигатели. Промышленные отходы в океанах... Порой мы близки к тому, чтобы нас задушили собственные отходы. Наверно, если бы не Совет Народов, Земля сварилась бы в собственном тепле».

— Невероятно, — проговорил кзин. — Почему вы не создаете колоний на других планетах?

— Кто согласится подвергнуть свою жизнь опасности, ожидающей в космосе? Только такие безумцы, как я. Кому нужна планета, населенная безумцами?

— Вы могли бы высылать корабли с замороженными эмбрионами. А пилотами были бы эти самые «безумцы».

— Мне трудно объяснить связанные с половой жизнью аспекты. Ваша биология не позволяет применять такие методы... Да и зачем? Ведь количество жителей на планете от этого не уменьшится, и мы продолжали бы умирать от собственного тепла!

— Очень жаль, что нельзя выглянуть наружу, — не к месту произнесла Тила.

Кукольник замолчал от удивления.

— Ты уверена? — спросил он наконец. — И ты бы не испугалась?

— Бояться? На корабле кукольников?

— Ну, ладно. Открытые иллюминаторы не увеличат опасности.

Он что-то мелодично просвистел, и стены корабля исчезли.

Они видели друг друга, койки, столик с напитками и больше ничего. Вокруг был космос. И пять планет, светящихся за черными волосами Тилы.

Все планеты были приблизительно одинаковой величины — как

двойная масса Луны, наблюдаемая с Земли. Они составляли равносторонний пятиугольник. Четыре планеты были окружены цепочками небольших светлячков — орбитальных искусственных солнц, дающих бледно-желтый свет. Эти четыре планеты были одинаковы, если принимать во внимание освещенность и внешний вид; немного затуманенные голубые шары... Зато пятая...

Пятая планета не имела ни одного солнца на своей орбите. Она светила своим собственным светом.

— Никогда не видела такой красоты, — произнесла Тила голосом, дрогнувшим от восхищения. Луи, который видел в жизни гораздо больше Тилы, был с ней согласен.

— Невероятно, — пробормотал Говорящий-со-Зверями. — Забрали с собой свои планеты!

— Кукольники не доверяют космическим кораблям, — заметил Луи. Со смешанным чувством удивления и боязни он подумал, что Несс мог бы выбрать кого-нибудь другого, и он никогда бы не увидел розетку кукольников...

— Но как?

— Я уже объяснил вам, что мы разрешили все проблемы, кроме проблемы лишнего тепла. Наша цивилизация задыхалась в нем. У нас не было другого выхода, как отодвинуть планету от Солнца.

— Но ведь это опасно!

— Еще как! В тот год сошли с ума миллионы кукольников; мы тот страшный год хорошо запомнили. Мы купили у Внешних специальный двигатель. Можете представить, сколько они запросили! Платим за него до сих пор. Сначала мы передвинули две сельскохозяйственные планеты. Потом экспериментировали с ненаселенными планетами. Наконец научились. И передвинули нашу планету.

В следующее тысячелетие мы достигли населения в один биллион. Недостаток света заставил освещать наши улицы и днем. Эмиссия тепла увеличилась. В нашем солнце начали появляться аномалии.

Через некоторое время мы пришли к выводу, что солнце нам скорее вредит, чем помогает. И мы отодвинулись от него на расстояние одной десятой светового года. Солнце стало для нас пристанью, не более того. Если бы нам не были нужны сельскохозяйственные планеты, мы вообще отказались бы от солнца.

— Так, — проговорил Луи. — Теперь мне понятно, почему никто не смог найти планету кукольников.

— Отчасти и из-за этого.

— Минутку, Несс. Кто-то же должен был наткнуться на ваши сельскохозяйственные планеты, установленные в розетку Кемплерера.

— Вы искали не там, где следовало.

— Почему? Мы обшарили все желтые карлики, а ведь это ваша звезда!

— Действительно, наша родная звезда — это желтый карлик, очень похожий на Процион. Но, как тебе должно быть известно, через полмиллиона лет Процион перейдет в стадию красного гиганта.

— Черт побери! Так вот что случилось с вашей звездой!

— Именно это. Наше солнце стало расширяться. В то время твои предки еще разбивали друг другу головы бедренными костями антилопы. Когда вы начали задумываться о месторасположении нашей звезды, она уже стала красным гигантом.

Мы перевезли еще две планеты из соседних систем, увеличив число рабочих планет до четырех, и установили их в розетку Кемплерера. Таким образом, когда нам пришлось отправиться в дорогу, мы были хорошо подготовлены...

Розетка все время увеличивалась. Сейчас планеты кукольников блестели под ногами, стремительно увеличиваясь в размерах. Звезды, мигающие в океанах, оказались архипелагами бесчисленных островов. Континенты отражали солнечный блеск.

Когда-то Луи был на Горе Зрелищ. Великая Река, завершающаяся самым большим водопадом, который когда-либо видел человек, ошеломила его. Наполовину загипнотизированный, Луи поклялся, что будет жить вечно. Как же иначе можно увидеть все, что обязательно стоит увидеть?

Сейчас он повторил свою клятву.

— Мы проиграли, — сказал кзин, нервно подергивая своим розовым голым хвостом. — Наше презрение к вам было основано на вашей осторожности, и оно ослепило нас. Вы очень опасны. Если бы вы захотели нас уничтожить, мы не смогли бы сопротивляться.

— Нет, это невозможно, чтобы кзин боялся обыкновенного вегетарианца.

Несс сказал это без всякой насмешки, но Говорящий взорвался:

— Какое разумное существо не испугалось бы такого могущества?!

— Ты меня беспокоишь. Вместе со страхом тобой овладевает ненависть. Следовало бы ожидать, что кзин бросится в атаку на то, чего боится.

Разговор перешел на скользкие темы. «Счастливый случай» только начинал путешествие, а уже находился за сотни световых лет от известного космоса. Путешественники были в полной власти у кукольников и, если те решат, что чужие опасны для них...

Нужно переменить тему разговора. И немедленно...

Луи открыл рот...

— Эй! — весело вмешалась Тила. — Все время вы говорите о розетке Кемплерера. А что это такое?

Кзин и кукольник начали ей объяснять, а Луи вдруг подумал о том, что еще недавно он принял Тилу за обыкновенную глупышку.

Глава шестая

Голубая лента

— Да, ты сделал из меня осла, — признался Нессу Луи Ву. — Сейчас я действительно знаю, где находится планета кукольников. Благодарю тебя, Несс. Ты сдержал слово.

— Я предупреждал тебя, что моя информация тебя удивит, но не пригодится.

— Не ожидал, что кукольники имеют чувство юмора, — отозвался Говорящий-со-Зверями.

Они находились над небольшим морем и приближались к острову, который вырастал на глазах. Луи показалось, что он видит высокие стройные здания. Остров. Ну, конечно, трудно было ожидать, что кукольники будут доверять им настолько, что пустят чужаков на континент.

— Мы никогда не шутим, — сказал Несс. — У кукольников отсутствует чувство юмора.

— Странно. Я всегда считал, что юмор — отличительная черта цивилизованного существа.

— Нет. Юмор связан с ослаблением оборонного механизма.

— И все же...

— Ни одно цивилизованное существо не будет ослаблять свой оборонный механизм.

Корабль опускался все ниже; пятна света становились все отчетливее: освещение улиц, окна в зданиях. В последнюю минуту перед глазами Луи мелькнули высокие, с милю высотой, здания, после чего они уже были на земле. В парке, полном неизвестных цветов и растений.

Никто не пошевелился.

Кукольники были наиболее беззащитными существами, которые когда-либо населяли космос. Они были несмелыми, странными и слишком маленькими, чтобы кто-нибудь их боялся. Были просто забавными существами.

Однако вдруг Несс перестал быть маленьким смешным Нессом, а стал представителем расы настолько сильной, что ее возможности трудно было и представить. Безумный кукольник сидел неподвижно, разглядывая своих подчиненных. И был совершенно не смешон. Его сородичи могли двигать планеты. Пять планет сразу.

Внезапный смех Тилы прозвучал, как удар.

— Я подумала, — сказала она, — что единственным способом

ограничения количества кукольников является полное воздержание. Не так ли, Несс?

— Да, именно так.

Она снова рассмеялась.

— Нет ничего странного в том, что у вас отсутствует чувство юмора.

Они шли через парк — слишком симметричный, слишком упорядоченный.

Воздух напоминал патоку из-за всепроникающего пряно-химического запаха кукольников. Планета пахла и будет пахнуть ими до конца своего существования.

Несс пританцовывал: его маленькие когтистые подковки почти не дотрагивались до мягкой поверхности тротуара. Кзин двигался пружинистым, кошачьим шагом, ритмично ударяя оранжево-розовым хвостом. Тила перемещалась так же тихо, как и кзин. Из всей четверки наиболее неуклюжим оказался Луи Ву.

А почему бы и нет? Престарелая обезьяна, эволюция так и не приспособила ее для хождения на земле. Миллионы лет его предки ходили на четвереньках и при малейшей возможности карабкались на деревья.

Плейстоцен со своими миллионолетними засухами положил этому конец. Леса исчезли, оставив предков Луи голодными и беззащитными. В отчаянии они начали есть мясо. А когда открыли, что бедренной костью антилопы можно разбивать головы, стали жить намного лучше...

А сейчас Тила Браун и Луи Ву переставляли ноги, на которых еще сохранялся такой ненужный орган, как пальцы.

Они шли за представителями чужих рас через город кукольников.

С чужими? Они все были тут чужие, даже Несс с растрепанной гривой и бегающими глазами. Говорящий тоже не был спокоен. Его глаза непрестанно обшаривали окружающие кусты, как будто отыскивая притаившиеся существа с ядовитыми зубами и острыми когтями. Так действовал инстинкт. Однако кукольники не позволили бы, чтобы в их парках находились опасные существа.

Они дошли до куполообразного здания, блестевшего, как жемчужина.

— Я должен вас оставить, — проговорил Несс. — Я иду на встречу с Теми-Которые-Правят, — Несс говорил быстро. — Говорящий, если я не вернусь, что ты сделаешь?

— А что, ты можешь не вернуться?

— Да. Тем-Которые-Правят может не понравиться то, что я хочу им сказать...

И Несс покинул их.

— Чего он боится? — удивилась Тила. — Ведь он сделал то, что ему приказали. С какой стати они могут иметь к нему претензии?

— Думаю, что он что-то комбинирует, — ответил Луи. — Что-то дьявольское. Но что?

Голубое пятнышко света сдвинулось с места, и они вошли за ним в жемчужный купол.

Купол исчез. Или его стены были идеально прозрачными, или это была проекция.

Воздух источал запах кукольников.

Чужой кукольник подошел к ним (вдруг Луи понял, что думает о Нессе как о человеке. Когда же произошла эта перемена?). Грива у этого кукольника была серебристой и искусно заплетенной в косички. Голос был такой же, как у Несса, — вибрирующее контральто.

— Извините, что лично не приветствую вас. Можете называть меня Хирон.

Значит, проекция. Луи и Тила пробормотали банальные приветствия, а кзин обнажил клыки.

— Тот, кого вы называете Несс, должен присутствовать в другом месте. Он рассказывал мне о том, какое впечатление на вас произвели наши инженерные способности.

Луи скорчил гримасу. Кукольник продолжал:

— Вы можете оказать нам большую помощь... А теперь я покажу вам то, что во много раз превосходит и наши способности.

Половина купола погасла.

Это была половина, находящаяся в противоположной от кукольника стороне. Луи потребовалось бы две головы, чтобы одновременно смотреть на кукольника и на импровизированный экран. Темная сторона купола заблестела бесчисленными звездами, составляющими фон для небольшого, ослепительно белого диска. Он был окружен кольцом. Перед ними было увеличенное изображение голограммы, находящейся у Луи в кармане.

Диск напоминал Солнце, наблюдаемое с орбиты Юпитера. Кольцо было большого диаметра, но узкое. Ближайшая часть кольца была черной и имела острые края, отдаленно напоминая растянутую в космосе бледно-голубую ленту.

Луи понемногу привыкал к чудесам, но не столько, чтобы выдвигать какие-либо гипотезы. Вместо этого он спросил:

— Похоже на звезду, окруженную кольцом. Что это такое?

— Это на самом деле звезда, окруженная кольцом. Искусственным кольцом.

Тила захлопала в ладоши и рассмеялась. Ей с трудом удалось принять серьезный вид, однако глаза блестели озорством. Луи прекрасно ее понимал. Звезда, окруженная кольцом, — совершенно новая игрушка в доброй, старой Вселенной.

(Возьмем пятьдесят футов бледно-голубой ленточки шириной в

один дюйм, поставим в середине свечку, окружим ее ленточкой так, чтобы внутренняя сторона отражала свет.)

Хвост кзина размеренно ударял о пол.

(Но это была не свечка, а настоящее большое солнце.)

— Как вы знаете, мы уже много лет летим в направлении севера Галактики, вдоль ее оси. Согласно вашему счету времени, это будет...

— Знаю, двести семнадцать лет, — прервал кзин кукольника.

— Именно. Все это время мы наблюдали космос и уже давно видели, что звезда ЕС-1752 окружена необычным кольцом материи. Мы предполагали, что оно состоит из обломков скал или замерзших газов. Однако недавно мы поняли, что кольцо является монолитной конструкцией огромной прочности.

— На основе чего вы определили его прочность? — спросил Говорящий-со-Зверями.

— Анализ спектра и другие точные измерения позволили нам определить относительную скорость. Кольцо обращается вокруг солнца со скоростью 770 миль в секунду. Очевидно, что конструкция, выдерживающая такое огромное напряжение, должна иметь необычайную прочность.

— Сила тяжести, — задумчиво произнесла Тила.

— Она равняется 9,9 метра в секунду.

— Немного меньше, чем на Земле.

— Там кто-то живет на внутренней стороне кольца... — Луи вздрогнул и почувствовал, как тихо стало вокруг, и только хвост Говорящего ритмично постукивал по полу.

Уже не в первый раз люди сталкивались с существами, которые стояли выше их на ступеньках цивилизации. До сих пор людям везло...

Неожиданно Луи встал с места и подошел к изображению. И сразу понял, что это ничего не даст. Изображение отдалялось, пока Луи не подошел к стене купола. Но он обратил внимание на одну особенность: голубая лента была разделена равномерными прямоугольными пятнами тени.

— Не можете ли вы улучшить изображение?

— Его можно увеличить.

Звезда надвинулась на Луи и исчезла. Теперь он видел только освещенную внутреннюю поверхность кольца. Хотя картина была нечеткая, можно было понять, что светлые, почти белые пятна — это облака, темно-голубые — земля, а ясно-голубые — океаны.

И тени: длинная область света, короткая тень, опять — свет и тень... и опять. Точки и тире.

— Что это за тени? — пробормотал Луи. — Что-то на орбите?

— Совершенно верно. Двадцать прямоугольников на орбите в виде розеток Кемплерера. Назначение их неизвестно.

— Можно предположить, что благодаря этим прямоугольникам

в кольце создается цикл: день-ночь. Иначе все время там был бы полдень.

— Вот для чего нам нужна помощь. У вас иное мышление.

— Какой величины кольцо? Вы посылали исследовательские зонды?

— Мы изучили его достаточно основательно, но нам нельзя замедлить движение и обратить на себя внимание. Разумеется, зондов мы не высылали. Для управления нам понадобилось бы послать радиоволны, а это могло бы указать на наше местоположение.

— Но ведь установить, откуда идет гиперволна, невозможно, даже теоретически!

— Те, кто построил такое кольцо, могут иметь иную теорию.

— Гм-м...

— Мы изучали кольцо всеми возможными способами, делали снимки и голограммы во всех участках спектра. Однако сильные потери в гравитационных полях, солнечный ветер и пылевые облака не позволили нам получить все необходимые данные.

— Значит, в итоге вам немного удалось узнать?

— Я бы сказал, что все же достаточно. И кое-что удивительное: материя кольца задерживает около 40 процентов нейтрино.

Лицо Тилы выражало обычное удивление, но Говорящий-со-Зверями даже фыркнул, а Луи присвистнул.

Обычная материя, даже сжатая в ядре звезд, не в состоянии задержать ни одного нейтрино. Кусок олова толщиной в несколько световых лет задержал бы, в лучшем случае, одно нейтрино.

Предмет, находящийся в статичном поле Славера, отражал все нейтрино, так же, как корпус Дженерал Продактс.

Однако невозможно было представить себе материю, которая пропускала бы 60 процентов нейтрино и задерживала остальные.

— Это что-то новое, — признал Луи. — Вы не знаете, какой толщины Кольцо? И сколько оно весит?

— Масса кольца два на десять в тридцатой степени, радиус — 0,95 на десять в восьмой степени миль, а ширина примерно десять в шестой степени.

Луи не мог себе представить абстрактные степени и переложил для себя это в привычные единицы.

Диаметр кольца составлял около девяноста миллионов миль, ширина от края до края примерно такая же, как у Юпитера.

— Это не слишком большой вес, — заметил Луи. — Конструкция подобных размеров должна весить гораздо больше.

— Это выглядит так, будто миллиарды существ живут на поверхности из алюминиевой фольги, — добавил кзин.

— Это не совсем так, — возразил кукольник. — Если бы кольцо было выполнено из такого же материала, как корпуса наших кораблей, то оно могло бы быть толщиной в пятьдесят футов.

— Пятьдесят футов? В это трудно поверить.

Тила быстро шевелила губами.

— Совпадает, — наконец сказала она. — Но... зачем все это? Зачем надо было строить такой перстень?

— Для жизненного пространства.

— Пространства?

— Жизненного пространства, — повторил Луи. — Только для этого. Шестьсот биллионов квадратных миль поверхности — это в три миллиона раз больше поверхности Земли. Три миллиона планет, по которым можно пройти пешком! Это раз и навсегда решает вопрос о перенаселении.

Кажется, для них это было большой проблемой. Такое грандиозное строительство не затевают от скуки или для удовольствия.

— Совершенно верно, — сказал кзин. — Хирон, в других системах вы не наблюдали подобных колец?

— Нет.

— Так. Они построили кольцо потому, что не имели гиперпространственных двигателей. Если бы имели, то начали бы заселять другие системы. Поэтому такое кольцо только одно.

— Я согласен с тобой.

— Хорошо. Хоть в этом мы имеем перед ними преимущество, — кзин поднялся со своего места. — Значит, мы должны исследовать поверхность кольца?

— Спуск на поверхность может быть рискованным...

— Чепуха! Когда мы можем стартовать?

Из обоих горл кукольника вырвался немодулированный протяжный свист.

— Ты сумасшедший! Подумай, какой мощью обладают те, кто построил кольцо и там живет! По сравнению с ними даже моя раса — варвары!

— Или трусы.

— Как хочешь. Вы сможете осмотреть корабль, когда вернется Несс. А до того вы должны узнать еще многое.

— Ты злоупотребляешь моим терпением, — проговорил кзин, однако сел на место.

«Обманщик! — подумал Луи. — Прекрасно сыграл. Я горжусь тобой».

Сам Луи чувствовал неприятные спазмы в желудке. Голубая лента висела между звездами, а человек снова повстречал чужих с более высоким уровнем цивилизации.

Первыми были кзины.

Когда люди впервые применили на своих кораблях термоядерные двигатели, военный флот кзинов уже давно использовал поля-

ризаторы гравитации. Их корабли были быстрее и маневреннее. Земные корабли вообще не смогли бы обороняться, если бы не Принцип Кзинов: каждое напряжение является оружием.

Первое нападение кзинов было для людей шоком. Столетия мира давно заставили людей забыть о том, что такое война. Однако земные корабли приводились в действие фотоновыми двигателями с термоядерной энергией, для включения которых на астероидах были смонтированы лазерные пушки.

И хотя телепаты кзинов в сотый раз повторяли, что у людей нет никакого оружия, в нападающие корабли кзинов ударила стена огня.

Военные действия длились десятки лет. Однако рано или поздно, но кзины выиграли бы эту войну.

Выиграли, если бы на маленькой колонии Земли, называемой Наше Дело, не приземлился корабль Внешних, которые продали губернатору колонии технологию гиперпространственных двигателей. Колонисты в то время еще не знали о войне между людьми и кзинами и узнали об этом, только построив корабли, движущиеся быстрее света.

После этого кзины уже не могли иметь ни единого шанса.

Позднее появились кукольники и включили весь известный космос в свою торговую империю.

Человечество на самом деле имело счастье. Три раза люди встречали расы с более высоким развитием цивилизации; кзины уничтожили бы людей, если бы не гиперпространственные двигатели Внешних. Внешние со своей стороны ничего не хотели, кроме информации и места для базы, но и это они покупали, а не отбирали. Вообще-то Внешние, хрупкие существа с метаболизмом, основанным на гелии-2, не переносили тепло и силу тяжести, так что не могли воевать. А кукольники, обладающие неизмеримой мощью, были слишком трусливы.

Но те, кто построил это Кольцо? Может, на этот раз они встретились с расой воинов?

Несколько месяцев спустя Луи понял, что это был переломный момент его жизни. До этой минуты он мог еще отказаться от участия в экспедиции — из-за Тилы. Кольцо ужасало. Но приблизиться к нему, высадиться...

Луи был свидетелем, как поразили кзина летающие планеты кукольников. Взгляд Луи скользнул по Тиле, он выругался про себя. Ее лицо выражало только удивление и восторг, причем настолько искренний, насколько фальшивый он был у кзина. Неужели она была так глупа?

Над внутренней поверхностью кольца находилась атмосфера. Анализы ее спектра показали, что она состоит из кислорода и азота и приближается к земной, ею может дышать как человек, так

и кзин и кукольник. Почему она не улетучивалась, было загадкой. Чтобы ее разгадать, нужно было полететь туда.

Вокруг солнца С-2 не было ничего, кроме Кольца. Ни планет, ни комет, ни астероидов.

— Хорошо вымели, — заметил Луи. — Не хотели, чтобы что-то ударило в Кольцо.

— Разумеется, — согласился кукольник. — Любой предмет ударил бы в Кольцо со скоростью 770 миль в секунду. И несмотря на прочность материала, мог бы нанести повреждения.

Сама звезда была немного меньше и холоднее Солнца Земли.

— Вероятно, нам понадобятся термические скафандры, — сказал Говорящий.

— Нет, — возразил Хирон. — Температура внутренней поверхности Кольца пригодна для всех нас.

— Откуда это известно?

— Инфракрасное излучение, испускаемое внутренней...

— Какой я глупец!

— Ну, совсем нет. Мы уже давно изучаем Кольцо, а об этом узнали недавно. Температура внутренней поверхности 290 по шкале Кельвина. Для Луи и Тилы это оптимальная температура, для тебя — где-то на десять градусов больше.

— Пусть вас не беспокоит и не тревожит наше задание, — проговорил Хирон. — Вы сделаете посадку только в том случае, если вам позволят строители Кольца. И все же вам надо быть готовым к любой неожиданности.

Все промолчали.

— Возвращается Несс, — проговорил Хирон, после чего исчез.

Глава седьмая

Трансферовые диски

— Ну, это не свидетельствует о хорошем воспитании, — заметила Тила.

— Вероятнее всего, он не хотел встречаться с Нессом. Кукольники считают, что у него не все в порядке с головой.

— Все они немного тронутые.

— Они так не считают... Ты все еще хочешь лететь?

Тила с насмешкой посмотрела на него.

— Значит, хочешь, — печально сказал Луи.

— Разумеется, кто бы не захотел? Почему кукольники этого так боятся?

— Ну, это понятно, — ответил кзин. — Они же трусы. Но вот почему они так хотят разузнать об этих строителях? Ведь они уже

минули их и летят дальше со скоростью, почти равной скорости света. Какое им дело до этих строителей? Опасности для кукольников они не представляют, ведь у них нет гиперпространственных двигателей. Не понимаю, — проговорил кзин.

— Ну, это-то как раз понятно.

— Ты хочешь меня оскорбить?

— Нет, конечно. Но у кукольников проблема перенаселения. Попробуй себе представить планету, населенную биллионами кукольников. Представляешь?

— Фу-у-у, она вся бы провоняла кукольниками!

— А теперь представь, что они все живут на Кольце. Это уже лучше, не так ли?

— Гм-м-м. Но все равно это не имеет смысла. Ведь не станут же кукольники воевать?

— Да. Но вопрос звучит по-другому: можно ли построить другое Кольцо?

— Идет Несс. — Тила встала со своего места и подошла к невидимой стене. — Он выглядит, как пьяный. Разве кукольники пьют?

Несс двигался с преувеличенной осторожностью, его головы вертелись из стороны в сторону, окидывая окрестности испуганным взглядом. Когда он подходил к куполу, черная бабочка уселась ему на зад. Несс заверещал, как истеричная женщина, и сделал рекордный прыжок в высоту. Падая, он прокатился несколько шагов и замер, свернувшись в тесный клубок.

Луи уже бежал к нему.

— Депрессивная фаза цикла! — крикнул он на бегу. Благодаря хорошей памяти, он быстро нашел выход из купола и через мгновение был уже снаружи.

Все цветы пахли кукольниками.

(Если вся жизнь на планете основана на подобных химических соединениях, то каким образом Несс мог усваивать соединения из морковного сока?) Луи обогнул оранжевый куст и подошел к Нессу.

— Это я, Луи, — он вытянул руку и начал осторожно гладить спутанную шерсть гривы.

Несс вздрогнул и еще плотнее сжался в клубок.

— Не волнуйся, ты в безопасности. Тебе чем-то угрожало то, что уселось на тебя?

— Это? Нет. — Соблазнительное контральто Несса звучало немного глухо, однако все же прекрасно. — Это только цветочки.

— Как прошел твой разговор с Теми-Которые-Правят?

Несс нервно вздрогнул.

— Я выиграл.

— Прекрасно.

— Я выиграл право иметь двух потомков и двух партнеров.

— И именно поэтому ты боишься? — Это вовсе не было неве-

роятным. Несс мог быть в положении самца черной вдовы, для которого любовь являлась подписанием смертного приговора... или вообще нервной девицей. Он мог быть любого пола... или даже двуполым.

— Я мог проиграть, Луи, — сказал кукольник. — Я им угрожал.

— Расскажи, как все происходило.

К ним подошла Тила и кзин. Луи все время поглаживал кукольника по гриве, но тот не шевелился.

— Те-Которые-Правят, — начал Несс, — дали мне право на потомка. Разумеется, если я вернусь живым из этой экспедиции. Но этого мне было мало. Ведь мне надо было иметь партнеров, а кто согласится быть партнером безумного кукольника? И я потребовал, чтобы мне нашли партнеров, или я отказываюсь от участия в экспедиции. А если я это сделаю, то от экспедиции откажется также и кзин. Я им сказал, и это их рассердило.

— Представляю себе.

— Однако они пошли на уступки. Ведь должен же найтись желающий, сказал я, который согласится стать моим партнером.

— Прекрасно сыграно. Ну и что, нашлись желающие?

— Один из них является у нас... собственностью. Они неразумны. И мне, таким образом, нужен только один партнер. Те-Которые-Правят...

— Почему ты просто не говоришь «руководители» или «правящие»?

— Я стараюсь наиболее точно переводить наш термин, — ответил Несс. — Собственно говоря, более точный перевод: «Те-Кто-Руководит-с-Тыла». Среди них выбирается один руководитель, или Говорящий-со-Всеми... В точном переводе этот титул звучит «Находящийся-в-Наиболее-Безопасном-Месте». И именно он согласился быть моим партнером.

Луи присвистнул.

— Вот это да! Ну что ж, лучше трястись сейчас, когда все уже позади. Однако, Несс... Я не знаю, как теперь быть с местоимениями. Ведь или о тебе, или о Находящемся-в-Наиболее-Безопасном-Месте надо говорить, как о «ней», а не как о «нем».

— Это очень неделикатно с твоей стороны, Луи. С представителями другой расы у нас не принято разговаривать о вопросах пола. — Появилась одна голова и с укоризной посмотрела на Луи. — Ведь ты и Тила не совокуплялись бы в моем присутствии, не так ли?

— Интересно, однажды мы с Тилой говорили на эту тему, и Тила...

— Ты меня шокируешь, — возмущенно проговорил кукольник.

— А почему?

Голова кукольника мгновенно спряталась.

— Успокойся. Ведь я тебе ничего не сделаю!

— Правильно?

— Пра... то есть, правда. Я считаю, что ты большой хитрец.

Кукольник выпрямился.

— Ты назвал меня хитрецом?

— Да, — Тила посмотрела на оранжевое тело Говорящего-со-Зверями, — и ты тоже, — великодушно добавила она.

— Я бы не хотел, чтобы ты обиделась, — проговорил кзин, — но больше так не говори. Никогда.

На физиономии Тилы появилось выражение неподдельного изумления.

Парк был окружен оранжевым забором метра три в высоту, на котором висели какие-то щупальца. Судя по их виду, этот забор был когда-то хищником. Несс решительно двинулся в направлении забора.

Луи ожидал, что сейчас должна появиться какая-нибудь калитка, и был очень удивлен, когда Несс подошел прямо к забору, и стена расступилась, пропуская его, а затем снова сомкнулась.

Они поспешили за Нессом.

Только что над ними было нежно-голубое небо, а сейчас, когда они оказались на другой стороне, оно стало черно-белым. На фоне вечной ночи блестели, освещенные огнями города, облака.

На первый взгляд, единственным, что отличало этот город от земных, была его величина. Здания были высокими, окна и балконы, казалось, возносились в бесконечность, и там, на страшной высоте, кончались зазубренной линией горизонта.

Но почему же не было видно парка? Луи предположил, что парк был окружен полями, искривляющими световые лучи. Но он не стал спрашивать кукольника — это не было самым большим чудом этого города.

— Наш корабль находится на другой стороне полуострова, — проговорил Несс. — Пользуясь трансферовыми дисками, мы можем добраться за минуту. Сейчас я вам продемонстрирую.

— Ты уже в порядке?

— Да, Тила. Как сказал бы Луи, самое плохое уже позади. — Кукольник скакал впереди них. — Буду любиться с Находящимся-в-Наиболее-Безопасном-Месте. Только надо вернуться с Кольца.

Они шли по мягкой удобной тропинке, сделанной на вид из бетона, но пружинистой, как влажная земля. Тропинка заканчивалась чем-то вроде перекрестка.

— Идите за мной, — сказал Несс. — На первый диск не становитесь.

Они увидели большой голубой прямоугольник. С каждого его края находился голубой диск.

— Если хотите, можно становиться на прямоугольник, но будьте внимательны, чтобы не стать на диск, ведущий в другое направление.

Несс прошел через прямоугольник, стал на диск и исчез.

С минуту никто из них не шевелился. Затем Тила радостно взвизгнула, прыгнула на тот же самый диск и тоже исчезла.

Говорящий-со-Зверями последовал ее примеру. Луи остался один.

— Клянусь всеми демонами Страны-уманов, — проворчал он с удивлением в голосе, — у них открытые трансферовые кабины.

И ступил на диск...

Через мгновение он стоял на голубом прямоугольнике между кзином и кукольником.

— Твоя партнерша выскочила раньше нас, — сказал Несс, — надеюсь, она подождет немного.

Он сделал три шага и оказался на следующем диске. И снова его не стало.

— Вот это да! — выкрикнул Луи. — Просто шагаешь, и все. Три шага и скачок. И можешь скакать куда угодно. Просто колдовство!

Но его уже никто не слышал.

Луи сделал три шага.

Это выглядело так, будто на ногах у него были семимильные сапоги. Он легко бежал вперед, и через каждые три шага вокруг него все менялось. Знаки на домах были кодами адресов, по которым любой мог сориентироваться в направлении.

Вдоль улиц тянулись ряды выставок, которые Луи с интересом осматривал. А может, это были не выставки?.. Остальные значительно опередили его, и Луи поспешил за ними.

Вдруг он оказался лицом к лицу с кзином и кукольником.

— Я боялся, что ты заблудишься, — проговорил кукольник и шагнул еще на один диск.

— Подождите, — кзин тоже исчез.

Где же Тила? Луи тоже сделал шаг...

Он бежал, а в его голове роились мысли. Разноцветные трансферовые диски... открытые трансферовые кабины... Кукольники достигли удивительно высокого технического уровня. Каждый диск был около одного ярда в диаметре и начинал действовать еще до того, как ты прочно становился на нем. Как смешно выглядели бы рядом с ними движущиеся тротуары!

В воображении Луи появился высокий, в несколько миль высотой, кукольник, который изящно и осторожно перескакивал с острова на остров, причем очень осторожно, чтобы случайно не замочить себе копыта. Громадный кукольник рос и рос... Теперь

он уже перескакивал с континента на континент... с планеты на планету...

Диски окончились. Луи стоял на берегу спокойного черного океана. Над горизонтом светили три громадные луны. Между ним и горизонтом сиял миллионами огней другой остров. Кзин и кукольник ожидали Луи.

— Где Тила?

— Не имею понятия, — ответил Несс.

— Проклятие! Несс, как мы ее теперь найдем?

— Это она должна найти нас. Не волнуйся. Когда...

— Несс, но ведь она заблудилась на совершенно чужой планете! С ней может что-нибудь случиться!

— Только не здесь, Луи. Во всей Вселенной нет более безопасного места. Когда Тила окажется на берегу острова, то обнаружит, что диски не действуют. Тогда она двинется вдоль берега, пока не найдет необходимый диск.

— Она что, компьютер?! Это всего лишь двадцатилетняя девушка!

Вдруг рядом с ними появилась Тила.

— Эй! Я немного заблудилась. Что случилось?!

Говорящий-со-Зверями с усмешкой посмотрел на Луи, и тот почувствовал, что краснеет. Но Несс только сказал:

— Идите за мной.

Над берегом находился темно-коричневый пятиугольник. Они вошли в него. И оказались на голой, ярко освещенной скале. Это, собственно говоря, был маленький скалистый островок, величиной с небольшой космодром. В центре его высился высокий холм, а рядом — одинокий космический корабль.

— Вот наш корабль, — показал на него Несс.

Тила и Говорящий-со-Зверями почувствовали себя обманутыми и с сожалением оглянулись на остров, с которого они только что прибыли. Луи, напротив, несколько расслабился. Он уже устал от всяких чудес... Трансферовые диски, огромный город, четыре луны, висящие над горизонтом... Все это угнетало его. А корабль был чем-то знакомым. Это был корпус Дженерал Продактс № 2, установленный на треугольном крыле, из которого торчали знакомые дюзы двигателя.

Но кзин позаботился о том, чтобы это чувство у Луи пропало столь же быстро, как и появилось.

— Странная конструкция. Разве не безопасней было бы, если бы все эти приспособления находились внутри корпуса?

— Нет. Корабль совершенно новой конструкции. Идемте, я вам все покажу.

Замечание кзина было резонным.

Космические корабли, которыми торговал Дженерал Продактс,

были четырех размеров: от баскетбольного мяча до шара диаметром в тысячу футов. Корпус № 2 напоминал узкую сигару; обычно он предназначался для одного человека.

Такие корпуса свободно пропускали свет, но для любого вида электромагнитных волн, всех видов материи являлись непреодолимой преградой. Корпорация гарантировала это, и ее репутация ни разу не подвергалась сомнению вот уже сотни лет.

Насколько мог судить Луи, внутри этого корпуса находились только системы жизнеобеспечения и комплекс гиперпространственных двигателей. Все остальное — малые и большие плазменные двигатели, навигационная аппаратура и так далее — было расположено на громадном крыле дельтовидной формы. Таким образом, примерно половина необходимого для функционирования корабля оборудования находилась вне корабля. Почему же не используют больший корпус?

Кукольник провел их к сужающейся корме корабля:

— Нам нельзя было нарушать оболочку корпуса.

Сквозь прозрачную стенку Луи заметил толстую связку кабелей, выходящих наружу и расползающихся по крылу. Потом он увидел двигатель, который в любую минуту мог втянуть кабель внутрь и закрыть люк.

— Корпус обычного корабля имеет отверстия в разных местах, что значительно ослабляет его прочность. В этом корпусе у нас только два отверстия: вот это и входной шлюз. Оба отверстия могут в случае необходимости закрываться. Наши инженеры покрыли корпус слоем прозрачного проводника. Когда оба люка будут закрыты, создается монолитная, проводящая поверхность.

«Статическое поле», — подумал Луи.

— В случае необходимости мы можем воспользоваться полем Славера. Мы не настолько глупы, чтобы доверять только прочности корпуса. Лазерный луч, действующий в видимой части спектра, может проникнуть сквозь корпус, убивая пассажиров и не причиняя вреда кораблю. То же и с антиматерией: корпус тут не поможет.

— Вот уж не думал об этом!

— Потому что никто и никогда не говорил на эти темы.

Луи присоединился к кзину, который внимательно изучал дюзы двигателей.

— Зачем столько двигателей?

— Разве люди уже забыли принцип кзинов? — фыркнул Говорящий-со-Зверями.

Каждый кукольник и каждый кзин знали об этом принципе. Любой род энергии является одновременно и средством уничтожения с силой действия прямо пропорциональной его мощи. Эти дюзы могли служить исключительно для мирных целей, но в них дремала могучая сила.

— Теперь я понимаю, почему ты умеешь пилотировать корабли с плазменными двигателями.

— Нет ничего удивительного в том, что я прошел подобное обучение, не так ли, Луи?

— На случай войны с людьми.

— Может быть, продемонстрировать то, чему меня учили?

— У тебя еще будет для этого возможность, — сказал Несс. — Наши инженеры приспособили рулевое управление к требованиям кзинов. Хочешь осмотреть?

— Да. Мне, кроме этого, нужны данные испытательных полетов, записи действия приборов и так далее. Здесь обычный гиперпространственный двигатель?

— Да. Но пробных полетов вообще не было.

«Это типично для кукольников, — подумал Луи, — построили корабль и стали ждать нас. Ни один нормальный кукольник не рискнет полететь на нем».

— Куда исчезла Тила?

Он уже открыл рот, чтобы задать этот вопрос, как она вдруг появилась перед ним на трансферовом диске. Она вошла с ними, но все время оглядывалась на сверкающий огнями город кукольников.

Луи хотел отругать ее. Она уже один раз сумела заблудиться — этого вполне достаточно.

— Ох, Луи, я так рада, что прилетела сюда! Этот город, он... он прекрасен! — Она схватила его за руку и сжала ее. Она вся прямо лучилась счастьем.

И Луи не стал ее огорчать.

— Я рад за тебя, — сказал он и крепко поцеловал. Потом обнял и повел в сторону пульта управления.

Теперь он уже знал, что ни разу в жизни Тила не встречалась даже с обидой. Она просто не представляла, что чего-то можно бояться. Первое горе, с которым она столкнется, может ее просто погубить.

Луи решил сделать все, чтобы такого не произошло никогда.

Боги не заботятся о глупцах. О них заботятся еще большие глупцы.

Корпус Дженерал Продактс № 2 имел длину сто футов и сужался с обоих концов.

Сам корпус был достаточно вместителен, чтобы в нем расположились три каюты, коридор, рубка управления и множество вспомогательных кладовых. Пульт управления был переделан для удобства кзина. Луи, впрочем, подумал, что в случае необходимости он и сам бы мог пилотировать корабль.

В кладовых находилось различное оборудование. Там, правда,

не было ничего, на что Луи мог бы указать пальцем и сказать: «Это оружие!», но множество предметов могло служить, в случае необходимости, оружием. Кроме того, Луи заметил четыре скутера, четыре наплечных винтокрыла, приборы для анализа пищи, врачебные комплекты, фильтры.. Кто-то был дьявольски уверен, что корабль достигнет цели.

Собственно, почему бы и нет? Жители Кольца могут пригласить их к себе. Может быть, кукольники именно на это и рассчитывали?

В корабле не было оружия, однако... Экипаж корабля состоял из представителей трех рас. А следовательно, строители Кольца смогут увидеть, что различные расы могут успешно сотрудничать между собой.

Корабль стартовал с помощью инерционных двигателей, чтобы не уничтожить островок. Через полчаса путешественники оказались вне зоны притяжения розетки кукольников. И только тогда Луи сообразил, что кроме Несса и голограммы Хирона он не увидел ни одного кукольника.

После вхождения в гиперпространство Луи часа полтора изучал содержимое кладовок. «Лучше удивиться сейчас, чем потом», — сказал он себе. Все это оборудование вызывало в нем плохие предчувствия.

Слишком много оружия. Но одновременно каждый предмет мог употребляться и в мирных целях... Легкие лазеры. Метатели плазмы...

Когда в первый день полета устроили крестины корабля, Луи предложил, чтобы его назвали «Дьявольский Обманщик». Тила и Говорящий согласились, а Несс не запротестовал.

...Они летели уже неделю; преодолели около двух световых лет. Когда они вернулись в нормальное пространство, неподалеку блестела звезда типа С-2, окруженная голубым кольцом. Плохие предчувствия не оставляли Луи.

И все же кто-то был уверен, что они приземлятся на Кольце.

Глава восьмая

Кольцо

Планеты кукольников летели на север Галактики почти со скоростью света. Говорящий-со-Зверями, после вывода корабля в подпространство, свернул на юг, и, когда «Обманщик» вернулся в эйнштейновское пространство, он мчался прямо на опоясанное таинственной конструкцией Солнце.

Звезда светила ослепительным белым светом. Она очень напо-

минала земное Солнце, видимое с орбиты Плутона. Однако эта звезда имела едва видимое гало — именно так наблюдатель видел Кольцо невооруженным глазом.

Кзин тормозил не только главными двигателями, но и вспомогательными, и сила тяжести достигла 200 «же».

Если бы не поддерживаемая внутри корпуса искусственная гравитация, путешественники превратились бы в мокрые пятна.

Даже в полете кзин не включал поляризацию стенок корпуса. В чем-то, что казалось абсолютной пустотой, мчались островки материи: кзин в своем кресле-койке, окруженный подковой зеленых и оранжевых огоньков, матовые стены кают и, разумеется, треугольник крыла. Вокруг светили звезды. Вселенная казалась одновременно и близкой, и... статичной, так как звезда находилась прямо напротив носа корабля, и они не могли видеть, как она стремительно приближается.

Воздух имел запах озона и кукольника. Несс, который должен был бы прятаться где-нибудь в углу, дрожа от страха, спокойно сидел вместе со всеми за столом, поставленным в расширении коридора.

— Наверняка они не знакомы с пространственными волнами, — рассуждал Несс. — Гарантию этого дает математика, на которой основано Кольцо. А кроме того, подпространственные волны составляют...

— А если они открыли эти волны просто случайно?

— Нет, Тила. Конечно, мы можем попробовать послушать, но...

— Ох, как это скучно! Ждать и ждать. — Тила сорвалась с места и выбежала из помещения.

В ответ на вопросительный взгляд кукольника, Луи только молча пожал плечами.

У Тилы было отвратительное настроение, но не мог Луи даже ради нее изменить законы физики!

— Надо ждать, — подтвердил Говорящий-со-Зверями. — Нет никаких подпространственных передач. Гарантирую, что жители Кольца не пытаются связаться с нами.

Проблема контакта оставалась самой главной. Пока они не смогут завязать разговор с хозяевами, их присутствие здесь будет, можно сказать, нелегальным. Однако ничто не указывало на то, что их заметили.

— Я все время прослушиваю пространство, — сказал кзин. — Если они захотят связаться с нами на электромагнитных волнах, мы их услышим.

— Может, стоит попытаться предпринять еще что-нибудь?

— Вполне возможно. Многие расы пользуются излучением жидкого водорода.

— Например, закатане.

Вселенная звучит на все голоса в радиодиапазоне. Кроме волн длиной двадцать один сантиметр, которые очищены за бесконечные годы холодным межзвездным водородом. Каждая разумная раса, желающая войти в контакт с другими существами, посылала бы сигналы на этой длине волны. К сожалению, выбрасываемый «Обманщиком» водород заглушал именно ее.

— Помните, — проговорил Несс, — что наша трасса не должна пройти через Кольцо.

— Ты уже говорил это сто раз. У меня прекрасная память.

— Мы не можем позволить, чтобы жители Кольца сочли нас угрозой для себя.

— Кукольники никому и ничему не доверяют.

— Успокойтесь, хватит, — проговорил Луи. Эти колкости вносили разнообразие в полет, однако лучше бы обойтись без них.

Проходили часы. «Обманщик» все медленней и медленней приближался к таинственной звезде.

Приборы не указывали ни единого сигнала.

В течение прошедшей недели Говорящий-со-Зверями большую часть своего времени проводил с людьми. Луи и Тила полюбили его каюту: в ней была создана несколько большая гравитация, чем на всем корабле, стены украшали голограммы желто-оранжевых джунглей, старинных таинственных замков, а в воздухе чувствовался запах, острый и привлекательный. В своей кабине они видели на стенах деревенские домики и поля в океане, покрытые подстриженными водорослями. Кзину эта картина нравилась гораздо больше, чем им.

Однажды они попробовали вместе пообедать, но кзин поглощал пищу как голодный волк и еще жаловался при этом, что еда пахнет паленым мусором. Больше они таких попыток не делали.

Сейчас Тила и кзин тихо разговаривали на одном конце стола, а на другом Луи вслушивался в работу двигателей.

Он уже привык к мысли, что их жизнь зависела от безошибочной работы приборов искусственного тяготения.

— Несс, — прервал он тишину.

— Да?

— Скажи мне, что ты знаешь о пространстве?

— Не понимаю...

— Пространство ужасает тебя, а вот полет на столбе света — нет. Как строители «Счастливого случая», вы должны знать что-то о пространстве, чего не знаем мы.

— Возможно.

— Так расскажи, что же это?

Тила и Говорящий замолчали. Уши кзина, обычно почти невидимые, были сейчас развернуты, как два прозрачных оранжевых зонтика.

— Мы, так же, как и вы, не достигли бессмертия. И мы боимся смерти, потому что это конец всему.

— И?..

— Корабли входили в подпространство и исчезали. Ни один кукольник никогда бы не приблизился к какой-либо аномалии. И, несмотря на это, корабли исчезали. Во всяком случае, тогда, когда на борту был экипаж. Я доверяю инженерам, которые построили «Обманщика», я доверяю генераторам искусственной гравитации и уверен, что они не подведут нас...

Потом пришла «ночь», за ней «день», во время которого Тила и Луи пришли к выводу, что уже не могут и посмотреть друг на друга без раздражения. Тиле было смертельно скучно.

В этот вечер «Обманщик» повернул на 180 градусов. Звезда, к которой они стремились, величественно выползла из-за носа корабля. Она была белой, чуть яснее Солнца, и окружена узкой голубой тесьмой.

Все столпились за плечами Говорящего-со-Зверями, наблюдая, как кзин включает увеличитель телескопа. Он нащупал голубую полоску поверхности Кольца, нажал кнопку сближения...

И сразу прояснилась одна из загадок.

— Что-то на экране! — сказал Луи.

— Держи это в поле зрения, — скомандовал кукольник.

Край Кольца увеличивался все больше. Стена на краю Кольца вырастала под прямым углом к его поверхности в сторону Солнца. Они видели ее наружную темную сторону на фоне голубого пейзажа. Невысокий барьер в сравнении с размерами Кольца.

— Если ширина Кольца составляет около миллиона миль, то высота этой стены около тысячи миль. Теперь понятно, благодаря чему сохраняется атмосфера.

— Разве этого достаточно?

— Да. Центробежная сила создает притяжение около 1 «же». Немного воздуха, конечно, теряется, но эти потери восполнимы. Тем более, что строители Кольца должны иметь технологию превращения материи.

— Интересно, как это выглядит?

Говорящий нажал другую кнопку, и картина начала передвигаться, однако увеличение не позволило разглядеть подробности ландшафта: через экран промелькнули различные оттенки синевы и граната...

Затем появилась противоположная стена. На этот раз они смотрели на ее внутреннюю сторону.

Несс, высунув обе головы над плечом кзина, попросил:

— Дай-ка максимальное увеличение.

Картина двинулась к ним.

— Горы! — воскликнула Тила. — Как красиво!

Стена не была ровной, она выглядела как вздымающиеся горы и напоминала Луну.

— Горы высотой в тысячу миль.

— Дай максимальное увеличение.

— Все. Нужно приближаться к Кольцу.

— Сначала мы попробуем установить контакт, — сказал кукольник. — Мы уже затормозили?

Кзин посмотрел на экран компьютера.

— Сближаемся со звездой со скоростью тридцать миль в секунду. Не слишком быстро?

— Нет. Начинай передачу.

«Обманщик» не уловил ни единого лазерного луча.

На крыле «Обманщика» открылись люки приемно-передающих устройств, на поверхность Кольца понеслись радиоволны всевозможных видов, лучи лазера слабой мощности, даже плазменные двигатели передавали точки и тире Морзе.

— Наш компьютер рано или поздно справился бы с расшифровкой каждого сигнала, — сказал Несс. — Не следует считать, что их компьютеры хуже.

— А может этот чудесный компьютер расшифровать абсолютное молчание? — ядовито спросил кзин.

— Веди передачу в направлении стены. Если у них есть космодромы, то они должны находиться именно там. Приземление в любом другом месте опасно.

Кзин что-то фыркнул на языке Богатырей, и на этом разговор закончился. Однако кукольник не покинул свое место, продолжая вертеть головами.

— Луи, ты хотел что-то рассказать о сфере Дайсона, — напомнила Тила.

— Кольцо — это компромисс между планетой и сферой Дайсона, — начал Луи. — Дайсон был древним философом, еще доатомного периода. Он выдвинул гипотезу, что развитие цивилизации лимитируется количеством энергии, которой она может распоряжаться. Если человечество хочет использовать солнечную энергию, оно должно построить вокруг Солнца огромную сферу, не выпускающую солнечные лучи наружу.

Если бы ты перестала хихикать, то поняла бы, о чем идет речь. На Землю попадает только одна биллионная доля испускаемой Солнцем энергии. Если бы можно было использовать всю энергию...

В то время эта идея не была безумной. Ведь не существовало никаких предпосылок теории гиперпространства. Если ты можешь припомнить, они *никогда* не существовали, ведь это не наше открытие.

А что было бы, если бы корабль Внешних не приземлился на Нашем Деле? Как бы мы жили, если бы не был создан Совет Че-

ловечества? Долго ли выдержало бы оно, если бы на Земле жил биллион человек, а мы располагали бы только кораблями с термоядерными двигателями? Водорода из всех океанов хватило бы не больше, чем на сто лет.

Но сфера Дайсона — это не только использование энергии.

Поверхность сферы так велика, что биллион людей мог бы ходить по ней всю жизнь и не встрѐчаться друг с другом, ибо поверхность ее в миллиард раз больше поверхности Земли.

Необходимы были только генераторы силы тяжести, чтобы...

— Чтобы все стояло на поверхности? — прервала его Тила.

— Да. А внутренняя поверхность...

А что было бы в случае поломки генераторов?

Что было бы, если бы тетка имела усы... Ну что ж, тогда весь этот биллион людей полетел бы на Солнце. Вместе с растениями и всем остальным.

— Мне это совсем не нравится, — с убежденностью сказала Тила.

— Успокойся. Существуют способы, которые могли бы исключить такую возможность, свести вероятность до нуля.

Для всякой развивающейся цивилизации наступает время, когда она начинает нуждаться в сфере Дайсона. И вот это Кольцо является компромиссом между сферой Дайсона и нормальной планетой: цивилизация получает дополнительную поверхность, значительное количество энергии, и не следует заботиться о генераторах гравитации.

Если кукольники мыслят подобно Дайсону, то могут ожидать, что застанут на Магеллановых Облаках сотни подобных Колец. И именно поэтому мы им нужны...

Из рубки донеслось гневное фырканье кзина.

— Это оскорбление! Они намеренно нас игнорируют! Они провоцируют атаку!

— Успокойся, — невозмутимо проговорил Несс. — Может, они не пользуются радио и лазерами.

— Не пользуются радио, не пользуются лазерами, не пользуются подпространственными волнами? Как же они передают информацию? Телепатией? Гонцами? Зеркалами?

— Попугаями, — сказал Луи, входя в рубку. — Выращивают огромных попугаев, которые сидят на верхушках скал и кричат один другому.

Кзин повернулся и посмотрел на Луи.

— Уже четыре часа пытаюсь навязать им контакт и не получил ни единого сигнала. У меня дрожат все мышцы, глаза слезятся, вся шерсть у меня помята, мясо на исходе, микроволновая плита сломалась и все время дает одну температуру. Если бы не твоя помощь и доброжелательные замечания, я сошел бы с ума!

— Неужели они утратили все достижения своей цивилиза-

ции? — размышлял Несс. — Это было бы довольно глупо, принимая все во внимание.

— Может, они все вымерли, — проговорил с ненавистью кзин. — Это тоже было бы глупо. Но наибольшая глупость в том, что они не хотят установить с нами контакт. Приземлимся и выясним, в чем тут дело?

— Приземлиться? В месте, которое, возможно, убило своих же строителей? Это безумие, — запел кукольник.

— А как же иначе мы что-либо узнаем?

— Верно! — поддержала кзина Тила. — Ведь мы не для того забирались так далеко, чтобы вечно кружиться здесь!

— Я не согласен. Говорящий, попытайся все-таки установить контакт.

— Я уже закончил.

— Значит, начни снова!

— Нет!

Было самое время вмешаться Луи.

— Несс, Говорящий прав. Эти с Кольца не желают с нами разговаривать. Если бы хотели, то сумели бы дать нам знак.

— Что же нам делать?

— Займемся другими делами. А они пока пусть поразмышляют.

Кукольник кивнул головами.

Корабль медленно двигался вокруг Кольца. Говорящий-со-Зверями нацелил его таким образом, чтобы он не пролетал над внутренней поверхностью Кольца. Это было уступкой Нессу.

Край Кольца вырос из тонкой линии в огромную черную стену высотой в тысячу миль. Корабль мчался со скоростью 770 миль в секунду, и все подробности пейзажа размывались этой огромной скоростью.

И вот в эти последние мгновения что-то стало двигаться прямо на них из бесконечности.

Острый край, а за ним ряд черных отверстий. Все это неслось прямо на корабль, на Луи. Он закрыл глаза, из чьего-то горла вырвался крик ужаса. Сейчас наступит смерть, сейчас...

Когда же ничего не произошло, Луи открыл глаза. Отверстия были под ними. Их размер составлял не менее пятидесяти миль в диаметре.

Несс лежал, свернутый в шар. Тила, опершись ладонями о стену, оцепенело смотрела перед собой. Говорящий спокойно сидел за пультом, как будто ничего не происходило. Вероятно, только он один смог правильно оценить расстояние.

Несс развернулся, огляделся и сказал:

— Говорящий, уравняй нашу скорость со скоростью Кольца. Мы должны тщательно изучить эти отверстия.

Кзин, не говоря ни слова, выполнил поручение Несса. Вскоре «Обманщик» висел как бы не двигаясь у стены Кольца, в то время как его экипаж наблюдал космопорт.

Сам космодром находился в узкой щели. В нем было два корабля огромных размеров.

Это была совершенно неизвестная конструкция, но можно было предположить, что двигатели были термоядерными. Они могли пополнять запасы топлива, захватывая атомы водорода, находившиеся в космическом пространстве. Один из кораблей был частично размонтирован.

В корпусе другого, целого корабля блестели тысячи иллюминаторов.

И все они были темны. У Луи создалось впечатление, что космодром давно уже заброшен.

— Не понимаю, зачем эти отверстия, — проговорила Тила.

— Электромагнитные пушки, — машинально ответил Луи. — Для старта.

— Нет, — отрезал кзин.

— Что «нет»?

— Скорее для приземления. Могу даже предположить, как это происходило. Корабль выходил на орбиту, потом выключал двигатели. Электромагнитные поля, испускаемые пушками, быстро сообщали ему скорость Кольца — 770 миль в секунду. Затем корабль снижался и приземлялся. Этим исключалась опасность разрушения Кольца двигателями. Очень оригинальное решение.

— Но они могли служить и для старта.

— Вероятнее всего, нет. Обрати внимание на конструкцию с левой стороны.

— Черт побери!

— «Конструкция» — громадный шлюз, сейчас закрытый. Ничего больше не нужно для старта.

Каждая точка на поверхности стены мчалась со скоростью 770 миль в секунду. Старт состоял в том, чтобы вытолкнуть корабль в пространство, а там пилот мог сразу включать двигатели.

— Космопорт кажется совершенно покинутым, — сказал Луи.

— Приборы не показывают никакой энергетической активности, ни тепловой, ни электромагнитной. Разумеется, могут действовать устройства, которые потребляют так мало энергии, что наши приборы этого не обнаруживают.

— И какие выводы?

— Все устройства порта могут находиться в полной готовности. Может, сделаем попытку приземления?

Несс моментально свернулся в клубок.

— Нет, — проговорил Луи. — А вдруг устройства включаются по сигналу? Или реагируют на металлический корпус? Если же они

не схватят нас в нужный момент, можно врезаться в этот порт и устроить там хороший балаган.

— Я пилотировал корабль в подобных условиях во время боевых маневров.

— Давно?

— Довольно давно. Но не в этом дело. Что ты предлагаешь?

— Посмотри на Кольцо снизу.

Кукольник поднял обе головы.

Корабль висел в пространстве под нижней стороной Кольца.

— Включите свет, — сказал Несс.

Мощные рефлекторы «Обманщика» давали свет на полтысячи миль.

— Давайте я освещу Кольцо плазменными двигателями, — предложил кзин.

— Давай!

Говорящий раскрыл дюзы вспомогательных двигателей на полную ширину. Две струи огня показали экипажу черный низ Кольца.

Он не был гладким, на его поверхности были выступы и впадины различных размеров.

— Я думала, что он совершенно гладкий, — сказала Тила.

— Почему? — ответил Луи. — Вероятно, там, где гора — снизу впадина, а где море — выступ.

Когда корабль приблизился к Кольцу, они увидели другие подробности. Медленно плыли они над фантастическим пейзажем...

Луи вздрогнул. Постепенно он начинал понимать всю грандиозность Кольца. Это было не очень приятно.

Он с трудом оторвал взгляд от горизонта и посмотрел на поверхность под ними.

— Все моря кажутся одинаковыми по размерам, — заметил Несс.

— Я видела несколько меньших, — возразила Тила. — Я там... Это, наверно, река. Но я нигде не увидела океана.

Морей было много. Разумеется, если эти выпуклости действительно являлись морями. Размещены они были равномерно: так, чтобы ни одна область не находилась далеко от воды.

— Они плоские. Все моря имеют абсолютно плоское дно, — заметила Тила.

— Действительно, — подтвердил Несс.

— Отсюда можно видеть, что все моря мелкие. Значит, они живут на суше. Кроме того, моря имеют сложную береговую форму, там есть масса заливов, и, значит, жители Кольца не боятся воды. В противном случае им не были бы нужны эти заливы.

— Луи, они должны быть похожими на людей. Кзины не выносят воды, а мы боимся утонуть, — сказал Несс.

«Как много можно узнать о мире, глядя на него снизу», — подумал Луи.

— Это, должно быть, очень приятно — сделать такую землю, какая тебе нужна, — сказала Тила.

— А тебе твоя земля не нравится?

— Ты прекрасно понимаешь, что я хотела сказать!

Далеко впереди показалась какая-то огромная выпуклость — свет плазменных двигателей не мог осветить ее до конца.

Если предыдущие выпуклости были морями, то это наверняка был океан. Его дно не было плоским, оно напоминало топографическую карту Тихого океана с многочисленными долинами, подъемами и впадинами.

— Чтобы сохранить морскую флору и фауну, нужен хотя бы один океан, — сообразила Тила.

Океан был, может быть, и не слишком глубоким, но достаточно большим, чтобы поместить в нем всю землю.

— Хватит, — неожиданно проговорил кзин. — Теперь мы должны увидеть внутреннюю поверхность.

— Хорошо, — уступил Несс. — Но сначала долетим до другого конца.

Кое-где виднелись кратеры, оставленные метеоритами. Их было немного, но все же они были. Вероятно, они залетели из другой звездной системы, ведь строители Кольца должны были в целях безопасности вычистить свое пространство. Один из метеоритов, очень крупный, сделал кратер, над которым они сейчас продвигались. На его дне Луи заметил что-то блестящее.

Это, вероятно, была основа Кольца, сделанная из субстанции настолько густой, что задерживала 40 процентов нейтрино. И необычайно прочной. Над ней находилась почва, моря, города. Под ней был слой губчатого материала, охранявшего Кольцо от ударов метеоритов.

Далеко сбоку показался закругленный край Кольца.

Под ними промелькнуло еще одно закругление метеоритного кратера.

Луи не обратил на него внимания. Его мозг, уставший от всего увиденного, не мог сообразить, каким громадным должен быть метеорит, чтобы сделать подобную впадину.

Глава девятая

Черные прямоугольники

Из-за черного края Кольца показалось ослепительно белое солнце.

Когда кзин включил поляризацию кабины и Луи смог посмот-

реть на солнце, стало заметно, что часть его была закрыта черными прямоугольниками.

— Будьте внимательны, — проговорил Несс. — Если мы будем долго находиться внутри Кольца, то можем подвергнуться нападению.

Говорящий что-то проворчал в ответ. После стольких часов, проведенных за пультом управления, должно быть, достаточно измучился.

— Можешь ли ты мне сказать, чем они будут нас атаковать? Ведь у них нет даже порядочной передающей станции!

— Мы ничего не знаем о том, как они пересылают информацию. Может, они используют телепатию, а возможно, у них связь осуществляется по проводам. Ничего мы не знаем и о вооружении жителей Кольца. Приближаясь к их жилищам, мы будем представлять для них угрозу и можем спровоцировать нападение.

Луи кивнул головой. Вообще, по своему характеру, он не был слишком уж осторожным, но сейчас кукольник был прав.

Летящий над внутренней поверхностью Кольца «Обманщик» был для жителей Кольца попросту метеоритом, и к тому же большим. Даже при орбитальной скорости он представлял значительную угрозу. А жители Кольца явно не могли легкомысленно относиться к метеоритам. Одна пробоина — и вся атмосфера вытекла бы наружу.

Говорящий-со-Зверями повернулся в их сторону, и его физиономия оказалась напротив голов кукольника.

— Ну, говори же, что делать?

— Прежде всего затормози до орбитальной скорости...

— А потом?

— Ускоряйся в направлении солнца. Мы сможем осмотреть внутреннюю поверхность Кольца. Наша цель — черные прямоугольники.

— Твоя осторожность противна мне! Это уже трусость! Черные прямоугольники нас совершенно не интересуют!

— Сто чертей! — Луи был измучен, голоден и ему совершенно не хотелось играть роль третейского судьи между кукольником и кзином. Слишком долго он был на ногах, но кзин на это не обращал внимания.

— Интересуют, и даже очень, — возразил Несс. — Их поверхность получает больше солнечного света, чем само Кольцо. Не исключено, что они являются термоэлектрическими генераторами.

Кзин фыркнул что-то на языке Богатырей, но на международном языке сказал удивительно спокойно:

— Я тебя не понимаю. Какое нам дело до того, какой источник энергии у Кольца! А если нас это интересует, можно приземлиться и спросить у туземца!

— Я не согласен на приземление.

— Не доверяешь моим способностям пилота?

— А ты не доверяешь моим способностям руководителя?

— Если ты сам затронул этот вопрос...

— Не забывай, что тасп все еще у меня. Я решаю, что будет со «Счастливым случаем», и я являюсь Находящимся-в-Наиболее-Безопасном-Месте на этом корабле! Помни, что...

— Ну, хватит! — прервал их Луи.

Оба посмотрели на него...

— Рановато вы начали ссориться. Может быть, нам все же получше рассмотреть прямоугольники через телескоп? Тогда у нас будет больше данных, которыми вы сможете кидать друг в друга. К тому же вы получите при этом больше удовольствия.

Головы кукольника переглянулись. Когти у кзина импульсивно прятались и снова появлялись.

— А сейчас, может займемся более веселыми делами? — спросил Луи. — Все голодны, измучены, нервы у всех на пределе. Неужели вам нравится ссориться на пустой желудок? Во всяком случае, я предпочитаю часок поспать. И вам советую то же самое.

— Ты не хочешь смотреть? — удивленно спросила Тила. — Ведь мы будем пролетать над внутренней поверхностью Кольца.

— Расскажешь мне о том, что увидишь, — дружелюбно сказал Луи и вышел.

Когда он вернулся, почувствовал сильный голод, и голова у него закружилась. Он соорудил себе огромный сандвич и только потом отправился в рубку.

— Как дела?

— Все закончилось, — холодно сообщила Тила. — Драконы, черти, великаны — все сразу. И Говорящий дрался голыми руками.

— Несс?

— Они решили, что мы летим к черным прямоугольникам. Кзин пошел отдыхать.

— Есть что-то новое?

— Есть кое-что. Сейчас покажу.

Кукольник что-то регулировал на пульте. Вероятно, он был знаком с письменностью кзинов.

Картина на экране напоминала Землю с большой высоты: горы, реки, долины, озера, бесплодные поверхности, которые могли быть пустынями.

— Пустыни?

— Кажется, да. Говорящий измерил температуру и влажность. Все указывает на то, что Кольцо частично вышло из-под контроля своих строителей. Нужны ли кому-нибудь пустыни?

На противоположной стороне открыли еще один океан, такой

же большой, как и первый. Изучение спектра показало, что вода в нем соленая.

— Твое предложение оказалось очень кстати, — продолжал Несс. — Хотя и я, и Говорящий являемся хорошими дипломатами, ты все же лучше. Когда Говорящий посмотрел в телескоп на черные прямоугольники, он сразу согласился туда лететь.

— Да? И почему же?

— Там что-то непонятное. Эти прямоугольники движутся со скоростью большей, чем орбитальная.

Луи от удивления открыл рот.

— Это вполне возможно, — ответил сам себе кукольник. — Они могут обращаться вокруг солнца по эллиптической орбите, не поддерживая стабильное расстояние от солнца.

Луи удалось все-таки проглотить кусок, застрявший у него в горле.

— Но это же безумие! Все время изменялась бы длительность дня и ночи.

— Сначала мы думали, что речь идет о изменении типа «зима — лето», — вступила в разговор Тила. — Но это тоже не имело смысла.

— Конечно, нет. Прямоугольники делают один оборот в неполный месяц. Кому нужен год, длящийся три недели?

— В этом вся проблема, — сказал Несс. — Эта аномалия слишком мала, чтобы мы смогли ее увидеть раньше. Почему она возникла? Может, вблизи солнца есть скачок гравитации и, как следствие, возникает большая скорость? Во всяком случае, черные прямоугольники заслуживают того, чтобы их рассмотреть поближе.

Течение времени отмечалось передвижением черного прямоугольника через щит солнца.

Кзин вышел из своей кабины, немного поговорил с людьми, а затем заменил Несса у пульта.

Через некоторое время он повернулся с блестящими от ярости глазами. Он не сказал ни слова, но кукольник, дрожа всем телом, начал отступать перед этим убийственным взглядом.

— Ну, что еще? — вздохнул Луи. — В чем дело?

— Этот пожиратель листьев... — начал Говорящий, но голос плохо повиновался ему. Он начал снова: — Этот шизофреник вывел нас на орбиту, требующую наименьшего потребления горючего. С такой скоростью мы доберемся до пояса прямоугольников не раньше, чем через четыре месяца!

И кзин начал сыпать проклятиями на языке Богатырей.

— Я только хотел выйти из плоскости Кольца, — ответил кзин. — А потом мы могли бы сразу направиться к прямоугольникам и были бы там через несколько часов, а не месяцев!

— Не кричи на меня, Говорящий! Если бы мы направились с большой скоростью в сторону прямоугольников, наша траектория была бы нацелена в Кольцо. Я же хотел этого избежать.

— Но мы можем направляться прямо к солнцу, — заметила Тила.

Все обернулись.

— Если жители Кольца наблюдают за нами, — объяснила она спокойно, — то в случае нашего движения к солнцу мы перестанем быть для них опасными. Понимаете?

— Совсем неглупо, — проворчал кзин.

Кукольник сделал жест, соответствующий пожатию плечами.

— Ты пилот. Делай, как считаешь нужным, но не забывай...

— Не бойся, я не собираюсь лететь через солнце.

Кзин занялся приборами.

Луи понимал состояние кзина. Кольцо ужасало его, а поскольку Говорящий был уверен, что садиться рано или поздно придется, то хотел сесть как можно скорее, пока отвага не покинула его.

— Через четырнадцать часов мы достигнем орбиты прямоугольников, — проговорил кзин. — Знаешь, что я скажу тебе, Несс. Мы, воины Патриарха, с детства учимся терпению. Но вы, кукольники, терпеливы, как мертвецы.

— Разворачиваемся, — неестественно спокойно произнес Луи и поднялся с места.

Нос корабля все сильнее отклонялся от намеченного курса. Несс пронзительно вскрикнул и прыгнул вперед. Он был еще в воздухе, когда «Обманщик» осветился ужасающим блеском, как огромная лампочка, и закачался...

Невесомость...

Они почувствовали это, несмотря на искусственную гравитацию. Свернутый в клубок кукольник сильно ударился о стену. Какую-то часть секунды господствовала тьма, потом все озарилось фиолетовым блеском.

Этот блеск охватывал весь корпус.

«Вероятно, Говорящий-со-Зверями вывел «Обманщика» на траекторию, ведущую к солнцу, и включил автопилот, — подумал Луи. — А компьютер принял солнце за огромный метеорит и принял меры безопасности».

Гравитация вернулась к норме. Луи поднялся с пола. На первый взгляд ничего не случилось.

— Не действует половина приборов на пульте управления, — проговорил кзин.

— Ничего страшного, — ответила Тила. — Ведь мы потеряли крыло.

— ЧТО?!!

— Потеряли крыло...

На самом деле, так оно и было. Вместе с крылом они утратили все двигатели. Остался только чистый гладкий корпус Дженерал Продактс. И то, что в нем находилось.

— В нас стреляли, — сказал кзин. — И стреляют сейчас. По-видимому, из лазеров. Корабль вступил в состояние войны. Я принимаю руководство.

Несс не протестовал, поскольку лежал без движения под стеной, свернутый в клубок. Луи опустился перед ним на колени и начал его осторожно ощупывать.

— Черт меня побери! Я не изучал физиологию кукольников и не могу понять, что с ним.

— Просто перетрусил. Пытается спрятаться в собственном брюхе. Привяжи его к койке.

Луи с удивлением обнаружил, что с охотой подчиняется приказам кзина. У него тоже был шок: минуту назад он находился в космическом корабле, а сейчас этот корабль был лишь большой стеклянной иглой, падающей на солнце.

Вместе с Тилой уложили кукольника, привязав его к койке страховочными ремнями.

— Мы имеем дело с воинствующей цивилизацией, — сказал кзин. — Лазер на лучах, без всякого сомнения, военное оружие. Если бы не наш корпус, мы были бы уже мертвецами.

— Вероятно, включилось статическое поле, — отозвалась Тила. — Этот фиолетовый блеск — фосфоресцирующие остатки того, что находилось снаружи.

— Распыленные лазерным лучом... Кажется, он уже слабеет.

Действительно, фиолетовый блеск ослабевал.

— К сожалению, мы располагаем только легким оружием. Да иначе и быть не могло, ведь на корабле кукольник! — фыркнул кзин. — Даже плазменные двигатели были снаружи. А мы все еще под обстрелом. Ну, они увидят, что значит атаковывать кзина!

— Может, хочешь проучить их?

Кзин не почувствовал иронии.

— Разумеется!

— Чем! — взорвался Луи. — Знаешь, что у нас осталось? Надпространственные двигатели и система жизнеобеспечения! И это все! У нас нет ни одного маневрового двигателя. У тебя мания величия, если ты считаешь, что в таких условиях можно воевать!

— Так думает враг! Но он же...

— Какой враг?

— ... думает, что, атакуя кзина...

— Это автоматы, ты понимаешь? Живой неприятель открыл бы огонь сразу, как только мы оказались бы в поле лазера!

— Меня тоже удивила подобная тактика.

— Говорю тебе, что это автоматы. Направляемые компьюте-

ром лазеры для уничтожения метеоритов. Они запрограммированы на то, чтобы уничтожить все, могущее ударить по внутренней поверхности Кольца. Когда компьютер рассчитал, что наша траектория пересечет Кольцо, он тут же подал команду, и — бах!

— Это... да, это вероятно. — Кзин начал отключать энергию от недействующих приборов. — Однако надеюсь, что ты ошибаешься.

— Ну, конечно. Всегда приятнее, когда есть на кого свалить вину.

— Было бы лучше, если бы мы не пересекли плоскость Кольца, — проговорил кзин. — Наша скорость велика, и благодаря ей мы можем выбраться из этой системы с создаваемой в ней аномалией. Затем мы включим надпространственные двигатели и догоним флот кукольников. Но прежде всего надо избежать столкновения с Кольцом.

Луи не заглядывал так далеко.

— И зачем ты так спешил?

— Мы теперь, по крайней мере, знаем, что не летим на солнце. В противном случае, нас бы обстреливали.

— Обстрел продолжается, — прокомментировала Тила. — Если мы упадем на Кольцо, то погибнем?

— Спроси Несса. Это его коллеги спроектировали корабль. Только сначала попробуй его развернуть!

Кзин фыркнул. На пульте светилось всего несколько огоньков, свидетельствующих о том, как мало осталось приборов, которые работают.

Тила наклонилась над кукольником и начала осторожно поглаживать его плечи. Вопреки ожиданиям Луи, она никогда еще не впадала в панику.

— Ты трусливое, глупенькое существо, — ласково обратилась она к кукольнику. — Ну, покажи свои головки. Посмотри на меня. Ты пропустишь самое интересное...

Двенадцать часов спустя Несс все еще находился в состоянии глубокой кататонии.

— Что я ни делаю, он сворачивается еще больше, — пожаловалась Тила Луи. Они пошли перекусить, но Тиле кусок в горло не проходил. — Наверное, я что-то не так делаю...

— Ты все время говоришь ему о том, что тут происходит. Как раз этого и не нужно. Вообще, оставь его в покое. Он не делает ничего плохого ни себе, ни нам. Когда нужно будет спасаться, он очнется. А сейчас пусть прячется в свою брюхо.

Тила неуверенно ходила по небольшой каюте. Хотела что-то сказать, но передумала. Наконец она выдавила:

— Боишься?

— Конечно.

— Я так и думала, — кивнула она головой. Через минуту спросила: — А почему Говорящий не боится?

С самого начала атаки кзин был все время чем-то занят: проверял вооружение, старался хоть как-то вычислить курс, время от времени он выдавал короткие, отрывистые команды.

— Я думаю, что он сильно испуган. Помнишь, как он отреагировал на картину розетки кукольников. Он боится, но никогда не позволит, чтобы кто-то об этом догадался.

Тила покачала головой.

— Не понимаю. На самом деле, не понимаю! Почему все боятся, а я нет?

Нежность хлынула в сердце Луи горячим потоком.

— Несс был прав, — попытался он объяснить ей. — До сих пор ты не встречалась ни с чем плохим, правда? Ты слишком счастлива, и, что бы с тобой ни случилось, все хорошо кончается. Мы боимся боли, но ты с ней не встречалась.

— Это безумие! Действительно, я никогда не ломала себе ни ног, ни рук, но разве только в этом счастье?

— Нет, конечно. Удача, счастье — просто статистика. Было бы удивительно, если бы среди сорока трех миллиардов людей Несс не нашел кого-нибудь вроде тебя. Знаешь, что он делал? Он определил группу людей, потомков тех, которые выигрывали в Лотерее Жизни.

— Ну и что?

— Он взял их под микроскоп и начал рассматривать. Этот в детстве сломал себе палец. Другой часто дерется, и его вроде бьют. Третья имеет плохой характер. Тот испытывал космические корабли и в одном полете сломал себе ноготь. И так далее. Понимаешь? Он это делал, пока не нашел человека, у которого никогда ничего подобного не случалось. Тебя. Независимо от того, сколько раз у тебя падал хлеб с маслом на пол, он всегда падал ненамазанной стороной вниз.

— Значит, это вопрос вероятности, — проговорила Тила задумчиво. — Но, Луи, здесь что-то не так. Например, я никогда не выигрывала в рулетку.

— Но никогда много и не проигрывала... Вот это и нужно было Нессу.

— Ты говоришь, что я являюсь каким-то неправдоподобным неудачником...

— Ну, совсем нет! Несс отбрасывал всех кандидатов, которым хоть что-то не удавалось, пока не напал на тебя. Ты как раз везунчик. Тебе везет. И Несс думает, что так будет всегда. А я считаю, что когда ты в следующий раз бросишь монету, ты будешь иметь одинаковые со всеми шансы на выигрыш. Счастье не имеет памяти.

Тила со вздохом села.

— Да, Несс ошибся во мне; на этот раз я не принесла вам счастье.

— Ничего, это пойдет ему на пользу.

Уголки ее губ задрожали.

— Давай проверим!

— Что?

— Закажи хлеб с маслом. Начнем кидать.

Черный прямоугольник заслонил часть голубой ленты Кольца. И он все время рос.

Луи нашел очки с поляризованными стеклами. Говорящий тоже надел очки.

Луи видел диск солнца, как черный диск, окруженный ярко-оранжевой короной. Помещение корабля сильно нагрелось. Кондиционер выл из последних сил.

Тила открыла двери рубки и моментально захлопнула их. Через минуту она вошла в поляризованных очках.

Прямоугольник казался огромной пустотой, как будто кто-то в этом месте стер все белые точки звезд мокрой тряпкой.

Шум кондиционера делал невозможным любой разговор.

«Каким образом и куда он отдавал тепло?» — подумал Луи. Потом он понял, что кондиционер не отдавал, а накапливал тепло. Где-то внутри находилась точка, горячая, как звезда. И она стремительно увеличивалась.

Еще один повод для тревоги.

Черный прямоугольник заслонил уже половину Вселенной. Солнце тоже исчезло, и наступила темнота.

Часть корабля была раскалена добела.

Это кондиционер выбрасывал накопленное тепло. Луи вздрогнул, как в кошмарном сне.

Вытье кондиционера внезапно затихло.

— Жаль, что от телескопа остался только экран, и мы уже ничего не увидим, — сказал Говорящий.

— А мы падаем на солнце?

— Нет. Полчаса мы будем в тени этого прямоугольника, а потом пройдем между солнцем и следующим прямоугольником.

Через некоторое время появился солнечный свет. И включился кондиционер.

Луи внимательно вглядывался в следующий прямоугольник, когда внезапно ударила молния.

Ударила без предупреждения, как стрела, ослепляя всех страшным блеском, будто они оказались в самом сердце Вселенной. Корабль задрожал...

Невесомость...

Свет погас. Луи начал протирать слезящиеся глаза.

— Что это было? — вскрикнула Тила.

Луи постепенно обретал зрение. Когда цветные пятна исчезли, он увидел, что Несс выдвинул одну голову, а Тила смотрит прямо на него.

Нет, не на него, а на что-то находящееся за его плечами. Он обернулся.

Солнце выглядело ядерным кружком, намного меньшим, чем раньше... За время, которое они были в статичном поле, солнце сильно уменьшилось. По-видимому, прошло несколько часов.

Снаружи что-то горело.

Тонкая черная нить, окруженная бледно-фиолетовым светом. Один ее конец исчезал в солнце, другой где-то далеко впереди, слишком далеко, чтобы можно было увидеть.

Нить извивалась, подобно разрезанному червяку.

— Кажется, мы во что-то врезались, — спокойным голосом сказал Несс, как будто он с самого начала контролировал ситуацию. — Говорящий, тебе надо выйти наружу. Надевай скафандр.

— Мы находимся в состоянии войны, — проговорил кзин. — Командую я.

— Прекрасно! И что же ты намерен предпринять?

Кзин был настолько разумен, что не стал отвечать. Как раз в это время он закончил готовить свой шарообразный скафандр.

Кзин взял один из скутеров — аппарат, напоминающий торпеду с сиденьем для пилота.

Остальные с интересом разглядывали, как он маневрирует у черной нити. Вероятно, она уже немного остыла. Шарообразная фигура кзина вылезла из скутера и направилась к нити. Они слышали его учащенное дыхание в динамике. Через некоторое время послышалось удивленное фырканье, но кзин ничего не сказал. Он пребывал снаружи корабля почти полчаса.

Когда он вернулся, все молча ждали, что он скажет.

— Она и на самом деле толщиной с паутину, — проговорил кзин. — Как видите, у меня остался только кусок хватателя.

И он показал им инструмент. Его рукоятка была ровно срезана. Поверхность среза блестела, как зеркало.

— Когда я приблизился настолько, чтобы увидеть, какой она толщины, я случайно задел нить хватателем. Она прошла сквозь него, как сквозь масло. Я не почувствовал никакого сопротивления.

— То же самое сделал бы твой меч.

— Но меч сделан из проволоки, выдержанной в поле Славера, и не может сгибаться. Эта... нить вьется. Вы сами видели. Это уже что-то новое. Что-то необычайно тонкое, легкое и прочное.

Оно сохранило свою прочность при температуре плазмы... Совершенно новое. Но откуда эта нить взялась?

— Давайте подумаем. Пролетая между прямоугольниками, мы на что-то наткнулись. Затем мы увидели нить, раскаленную до звездной температуры. Ясно, что мы наткнулись именно на нее, и нить нагрелась от удара. По-моему, она была натянута между прямоугольниками.

— Может быть, и так. Но для чего она служила?

— Об этом можно только догадываться. Строители Кольца поместили черные прямоугольники на околосолнечной орбите для того, чтобы на внутренней поверхности Кольца был цикл «день-ночь»... Поэтому они должны находиться в заранее рассчитанном положении. Например, им нельзя повернуться к звезде ребром. Чтобы это исключить, они связали все прямоугольники нитью в одну цепь. А затем придали этой цепи скорость больше, чем орбитальная, чтобы нить все время находилась в натяжении.

— Нам необходима эта нить, — проговорил Луи. — Трудно даже представить все возможности ее применения.

— Я не смог бы отрезать даже кусочек.

— В результате удара наш курс мог измениться, — прервал их кукольник... — Это можно как-нибудь определить?

Все промолчали.

— Мы могли бы выйти из плоскости Кольца, но это столкновение забрало часть нашей энергии и скорости. Возможно, мы навсегда останемся пленниками этой звезды, — горевал кукольник. — Тила, твое счастье изменило тебе.

Она пожала плечами.

— Я никогда не утверждала, что являюсь талисманом.

— Это вина Наилучше-Спрятанного. Если бы он был тут, уж я бы ему сказал!..

Ужинали они как-то торжественно. Это был последний ужин на корабле. Тила Браун, одетая в развевающееся черно-оранжевое платье, которое весило не более нескольких граммов, была прекрасна.

Кольцо за ее плечами росло с каждой минутой. Время от времени Тила оглядывалась, чтобы посмотреть на него. Но если Луи догадывался о чувствах кзина и кукольника, то у Тилы он видел только любопытство, и ничего больше.

Когда ночью они лежали рядом, он не смог ответить улыбкой на улыбку.

— Луи, ведь мы находимся в корпусе Дженерал Продактс!

— А если вдруг статическое поле выключится? Корпус останется цел, а из нас получится желе...

— Перестань, наконец, бояться!

Луи притянул ее поближе, чтобы она случайно не заметила выражение его лица...

Когда Тила уснула, Луи вышел из кабины. Он принял горячий душ, стоя под струйками воды со стаканом холодного бурбона в руке.

Были еще на свете удовольствия, от которых не хотелось отказываться.

Ясная голубизна чередовалась с гранатом... Кольцо заслоняло уже почти все небо. Сначала начали вырисовываться атмосферные подробности: бури, фронты, осадки. Потом появились рисунки морей. Поверхность Кольца наполовину была покрыта водой.

Все находились в своих койках, привязанные предохранительными ремнями, а Несс свернулся в клубок.

— Лучше бы ты наблюдал за поверхностью, — посоветовал ему Луи. — Знание топографии может нам пригодиться.

Несс послушался: из клубка высунулась одна голова, рассматривая несущийся на них ландшафт.

Океаны, вытянутые ленты рек, горные цепи.

Никакого признака жизни. Только с высоты в тысячу миль можно рассмотреть следы цивилизации. Поверхность Кольца проносилась под ними, стирая подробности так же быстро, как они появлялись. Собственно, это и не имело большого значения — все равно они упадут в неизвестной области.

Корабль мчался со скоростью двухсот миль в секунду. Если бы не Кольцо на их пути, скорости бы хватило, чтобы выйти за пределы этой звездной системы. Если бы не Кольцо.

Оно приближалось и приближалось. Показалось море, мигнуло и исчезло. Внезапно ударила фиолетовая молния...

Невесомость...

Глава десятая

Поверхность Кольца

Мгновение ярко-фиолетового ослепительного блеска. Сто миль атмосферы, спрессованные в долю секунды в тонкий слой плазмы, ударили в корабль.

Луи непроизвольно мигнул, и они уже были внизу, на поверхности Кольца.

— Проклятие! — услышал он гневный вскрик Тилы. — Ничего не увидела!

— Наблюдение титанических происшествий всегда опасно и часто фатально заканчивается, — возразил кукольник. — Благодари поле Славера, а может, свое счастье.

Луи слышал все это как будто издалека.

Этот скачок от ужасающего падения к полной неподвижности был сам по себе ошеломляющим, к тому же «Обманщик» лежал на боку под большим углом. Искусственная гравитация продолжала действовать, поэтому казалось, что это не корабль, а местность внезапно перевернулась.

Небо выглядело примерно так, как в умеренном поясе Земли. Но местность вокруг была странная: абсолютно гладкая, блестящая поверхность с разорванными краями. Больше ничего нельзя было рассмотреть.

Луи расстегнул ремни и встал с койки.

Сделал он это очень осторожно, так как его глаза и вестибулярный аппарат имели совершенно разное представление о том, где находится низ. Спокойно. Спешить больше некуда. Опасность уже позади...

Он повернулся и в этот момент увидел Тилу, открывающую дверь шлюза. Она была без скафандра.

— Тила! Ты сошла с ума. Вылезай оттуда! — крикнул Луи.

Слишком поздно. Она не могла его услышать. Он бросился к двери.

Анализаторы воздуха, размещенные на крыле, исчезли со всеми остальными приборами. Чтобы определить пригодность атмосферы Кольца для дыхания, надо было выйти наружу в скафандре и воспользоваться переносным анализатором.

Разве что Тила упадет замертво в дверях шлюза... Тогда уже не надо будет проводить анализы.

Открылись наружные двери шлюза.

Автоматика в тот же момент отключила искусственную гравитацию, и Тила рухнула головой вниз. В последнее мгновение ей удалось схватиться вытянутой рукой за край люка. Она перевернулась на 180 градусов и упала не на голову, а на противоположную часть тела.

Луи молниеносно надел скафандр, застегнул его и накинул шлем. А Тила медленно поднималась на ноги, потирая ушибленное место. О, чудо, она все еще была жива!

Луи бросился в шлюз. Он не стал определять запас воздуха в скафандре, так как не собирался пробыть в нем больше, чем нужно для анализа воздуха.

В последний момент он вспомнил, в каком положении находится корабль, схватился за край выходного отверстия и спрыгнул.

Ноги моментально соскользнули, и Луи оказался лежащим на спине.

Гладкая, сероватая, полупрозрачная поверхность была неправдоподобно скользкой. Луи тщетно пытался встать, потом он прекратил свои попытки. Сидя, он посмотрел на показания анализатора.

— Луи, ты слышишь меня? — спросил кзин.

— Ага.

— Можно дышать воздухом?

— Да. Только атмосфера немного разрежена. Примерно такая, как в миле над повехностью Земли.

— Можно выйти?

— Разумеется, только возьмите с собой веревку и привяжите ее к чему-нибудь в шлюзе, иначе мы не сможем вернуться. Будьте внимательны, здесь практически нет трения.

Скользкая поверхность не слишком волновала Тилу. Она стояла в ожидании, когда наконец Луи перестанет глупить и снимет шлем.

— Я должен с тобой поговорить, — заявил Луи, снимая шлем.

И сказал он это не самым вежливым тоном.

Он сказал, что спектральный анализ атмосферы, проведенный с расстояния двух световых лет, не дает уверенности о ее действительном составе. Он сказал о трудноотрываемых ядовитых веществах, соединениях металлов, пыли и органических соединениях, микроорганизмах, которые можно определить только непосредственно в пробе воздуха. Он сказал о чудовищной легкомысленности и невероятной глупости. Сказал о безответственности тех, кто играет роль морской свинки. Он сказал все это, пока кукольник и кзин выбирались из корабля.

Говорящий-со-Зверями опустился на веревке и сделал несколько осторожных шагов, как танцор, пробующий скользкий паркет. Кукольник сошел подобным же образом, употребляя вместо рук две пары своих губ.

Если кто-то и заметил смущение Тилы, то не показал этого. Они всем экипажем стояли у корпуса «Обманщика» и разглядывали окрестности.

Они находились в огромной борозде. Ее дно было сероватого цвета и гладкое, как огромное стекло. С обеих сторон корабля, на расстоянии ста ярдов, мягко поднимались края, состоящие из завалов темно-красной лавы. Луи казалось, что лава все еще течет многочисленными ручейками на дно котловины. Она еще не успела остыть, разогретая до больших температур падением «Обманщика».

Борозда тянулась так далеко, что нельзя было увидеть ее конца.

Луи осторожно поднялся.

Кзин вынул из кобуры свой ручной лазер и прицелился в поверхность борозды неподалеку от себя. Все в молчании наблюдали за зеленым лучом. Когда Говорящий опустил лазер, на скользкой поверхности не осталось ни следа.

— Мы находимся в борозде, вырытой при падении «Обманщи-

ка». Наш полет остановила только сама основа Кольца. Несс, что ты можешь сказать о ней? — спросил Говорящий.

— Это что-то совершенно неизвестное, — ответил Несс. — Такое впечатление, что этот материал не проводит тепло, но в то же время это не похоже на стенки корпуса Дженерал Продактс и на поле Славера.

— Погодите, — сказал Луи. — Я попробую взобраться на вал.

Он единственный был одет в термический скафандр.

— Я пойду с тобой! — крикнула Тила.

Луи не отреагировал. Чем быстрее она научится осторожности, тем дольше будет жить.

Они прошли по склону какие-то двенадцать ярдов, когда Тила внезапно вскрикнула и начала подпрыгивать, как сумасшедшая. Затем она повернулась и помчалась обратно. Добежав до скользкой поверхности, она упала и проехала по ней до самого корабля. Поднявшись, она посмотрела на Луи одновременно удивленным, гневным и испуганным взглядом.

«Могло быть хуже, — подумал Луи. Она могла упасть и обжечься. Но все равно я прав».

Он продолжал карабкаться, заглушая в себе чувство вины.

Стена лавы была примерно в сорок футов высоты. Наверху она уступала место чистому, белому песку.

Они приземлились в пустыне. Луи не заметил нигде ни воды, ни следов растительности. Это был вариант не самый плохой, ведь с той же вероятностью они могли вспахать город или даже несколько городов.

Борозда тянулась на несколько миль белой пустыней. Вдали был виден ее конец, но чуть дальше начиналась следующая борозда. Приземляясь, «Обманщик» несколько раз касался поверхности, оставляя за собой прерывистый след.

Взгляд Луи тянулся вдоль этого следа все дальше и дальше... Луи смотрел в бесконечность.

У Кольца не было горизонта. Не было линии, которой кончалась земля и начиналось небо, — казалось, что они смешивались вдали между собой. Созерцание места, в котором все исчезало, действовало гипнотически.

Луи с трудом отвел взгляд.

— Мир плоский! — крикнул Луи товарищам.

Те посмотрели на него с удивлением.

— Мы приземлились в пустыне, здесь нет ничего живого. Там, куда мы упали, все перепахано. А перед нами...

Он повернулся и замер.

— Проклятие! Высочайшая гора, которую я когда-либо видел...

— Луи! Луи!

Они его не расслышали.

— Гора! — крикнул он. — Посмотрите!

Вероятно, они хотели иметь гору именно такой высоты, чтобы от нее не было никакой пользы. Удивительно! Даже на лыжах нельзя кататься!

Одинокая громадная гора, напоминающая вулкан, вернее, псевдовулкан, четко вырисовывалась вдали, благодаря разреженности воздуха. Вершина блестела снежной белизной.

— Строители Кольца начинают мне нравиться, — проворчал Луи себе под нос. — Неужели в мире, сконструированном «на заказ», столь необходима такая гора?

Но каждый мир должен иметь хотя бы одну непокорную гору.

Оставшаяся тройка ожидала Луи у корпуса. Все их вопросы слились в один:

— Видны ли следы цивилизации?

— Нет, — коротко ответил Луи.

Он описал им все, что увидел. Определил направление: вдоль вырытой борозды — по направлению вращения Кольца — назад; против вращения Кольца — в направлении горы — вперед.

— Не видны ли края Кольца с какой-либо стороны?

— Нет. Не понимаю, почему.

— Плохо, — сказал Несс. — Что-то видно, кроме пустыни?

— Нет. Слева, правда, что-то голубело, но это, может, только показалось из-за расстояния.

— Луи, мы должны найти их цивилизацию.

Это было очевидно. Ведь для того, чтобы покинуть Кольцо, им нужна помощь цивилизованного народа. Дикари в этом не могли им помочь.

— В этом есть одна положительная сторона. — сказал Луи. — Нам не нужно ремонтировать корабль. Если удастся перевезти «Обманщика» на край Кольца, то сила вращения сама выбросит корабль за пределы аномалии звезды, и можно будет сразу войти в надпространство.

— Но сначала нам нужно найти помощь.

— Или заставить их помогать нам, — добавил Говорящий.

— Почему вы все время только говорите? — взорвалась Тила. — Мы должны отсюда выбраться, значит, тащим скутеры и летим!

— Я боюсь оставлять корабль, — заметил Несс.

— Чего же бояться?! Луи сказал, что мы находимся в пустыне. Сколько же нам тут сидеть?

Тила не понимала, что кукольнику необходимо время, чтобы собрать в себе достаточно силы духа. «У нее совсем нет терпения», — подумал Луи.

— Наши скутеры не сдвинут «Обманщика» с места, — громко размышлял Говорящий. — Лучше всего оставить его тут.

— На краях Кольца находятся космические порты. Даже если бы цивилизация Кольца отодвинулась в прошлое на уровень каменного века, то возрождаться она начала бы именно оттуда. Нам следует направиться к краю Кольца.

— Это только твои предположения, — заметил кзин, — но я согласен с тобой. В любом случае мы сможет найти в космопортах необходимые машины. Действующие или те, что можно отремонтировать. Только... к какому краю ближе?

Последующие часы были заполнены тяжелой работой. Они вытаскивали разнообразные предметы, сортировали их, опускали на веревках из корабля.

Во время работы Луи застал Тилу одну.

— Ты выглядишь так, как будто кто-то отравил твою любимую орхидею. Хочешь мне что-нибудь сказать?

Избегая его взгляда, она отрицательно покачала головой.

— Ну, тогда я сам тебе кое-что скажу. Когда ты вышла из корабля без скафандра, я сделал тебе выговор. А через пятнадцать минут, почти босиком, ты пыталась пройтись по полю горячей лавы...

— Ты хотел, чтобы я обожглась! — Тила надула губы. Но это ей шло — она относилась к редко встречаемому типу женщин, которых плач не уродует.

— Разумеется! Не делай удивленного лица. Ты нужна нам, и мы не хотим, чтобы ты погибла. Я хочу научить тебя осторожности. Если ты не научилась этому раньше, нужно учиться сейчас. Ты запомнишь ожоги намного лучше, чем мои слова.

— Кому я нужна! Ведь ты же знаешь, зачем Несс взял меня. Как счастливый талисман, но это не оправдалось.

— Согласен. Как счастливый талисман ты себя не оправдала. Но ты нужна мне ночью, чтобы я не насиловал Несса. Кроме того, нужна, чтобы работать, как осел, пока я буду греться на солнышке. И нужна для своих неоценимых советов.

Тила попробовала улыбнуться, но вдруг взорвалась громким плачем. Всхлипывая, она прижалась к груди Луи и крепко его обняла.

— Откуда я знала, что это обжигает, — пожаловалась она его скафандру.

— Вспомни принцип Финагла: действие Вселенной идет к максимуму. Вселенная всегда враждебна человеку.

Не в первый раз женщина плакала на груди Луи. Но Тила имела к этому гораздо больший повод, чем любая из них. Луи обнял ее, ожидая, когда она успокоится.

— Но это было больно!

— Лава на тебя напала, хотела обидеть... Послушай, ты должна именно так научиться мыслить. Как Несс!

— Откуда я знаю, как мыслит Несс. Я его не понимаю. — Она подняла мокрое от слез лицо. — И тебя тоже не понимаю!

Луи провел рукой по ее спине.

— Послушай! Если бы я сказал, что Вселенная ненавидит меня, ты бы подумала, что я сошел с ума?

Она энергично закивала.

— Ну, так я говорю, что Вселенная меня действительно ненавидит. Она нападает на меня. Человек в двухсотлетнем возрасте не представляет для нее никакой ценности. Какая сила шлифует расу? Эволюция. Это она дала Говорящему прекрасное зрение и отточенное чувство равновесия. Это она привила Нессу желание бегства от малейшей опасности. Это она ликвидирует у пятидесяти — шестидесятилетнего человека сексуальное влечение, а потом перестает им интересоваться...

— Ясно, ты слишком стар, чтобы размножаться, — передразнила она его.

— Именно. Несколько сот лет тому назад некоторые ученые покопались в генах растений и дали миру то, что сейчас называется «восстановитель». Благодаря ему в двести лет я чувствую себя совершенно здоровым и бодрым. Но не потому, что Вселенная меня как-то особенно любит. Вселенная ненавидит меня. Много раз она пыталась убить меня. Жаль, что я не могу показать тебе шрамы. И будет пытаться, пока не убьет меня.

— Потому, что ты слишком старый, чтобы размножаться!

— Тила, ты не можешь даже подумать о собственной безопасности! Мы в чужом мире, не знаем здешних правил игры, не знаем, с чем мы можем встретиться! Если ты все время будешь бегать босиком по горячей лаве, то в следующий раз это может закончиться гораздо хуже, чем легкий ожог. Будь хоть немного осторожнее. Понимаешь?

— Нет, — возразила Тила. — Нет!

Затем объединенными усилиями они вытащили последний скутер. Почти полчаса Луи и Тила были совершенно одни. Может, кзин и кукольник решили их не беспокоить? Может быть. Может быть...

Снаружи, у корпуса, лежало множество самых разнообразных предметов.

— Что с водой? — спросил Луи. — Я не видел ни одного озера. Будем везти запасы с собой?

— Необязательно, — возразил Несс. Он открыл люк в нижней части своего скутера. Под люком оказался сборник и система перегонки воды из воздуха.

Скутеры являлись чудом функциональности и удобства. Два шара четырех футов в диаметре были соединены конструкцией, поддерживающей кресло. Половина задней части была предназначена для багажа. Кроме того, к скутерам можно было присоединить дополнительные двигатели. Четыре шасси, на которых они сейчас стояли, во время полета убирались.

Кресло кукольника напоминало кровать с тремя отверстиями для ног. Во время полета Несс лежал без движения, управляя приборами при помощи губ.

Кресла Луи и Тилы были оборудованы удобными подголовниками и поручнями. Кресло Говорящего отличалось своими размерами, а кроме того, по обеим сторонам были размещены какие-то приспособления, очень похожие на оружие.

— Нам необходимо взять все, что может служить оружием, — в сотый раз повторил кзин, нервно расхаживая между разнообразными предметами, вынесенными из корабля.

— У нас нет оружия, — возражал ему Несс. — Мы хотели показать, что имеем мирные намерения, поэтому не взяли с собой никакого оружия.

— А что это, по-твоему? — спросил Говорящий, указывая ему на солидную коллекцию грозно выглядевших предметов.

— Это инструменты. Вот это, — он показал на один из них, — это переносной лазер с регулируемой интенсивностью луча. Ночью он может служить прожектором. Разумеется, надо быть осторожным: он имеет большую мощность. Это — парализующие пистолеты. Они могут служить для разрешения споров среди нас, их действие длится не больше нескольких секунд. Правда, надо быть очень внимательным, чтобы не спустить вот этот предохранитель, потому что...

— Тогда они действуют час. Это же оружие Джинксов, не так ли?

— Да, Луи. А это модифицированная лопата. Может быть, вы уже слышали о подобном приспособлении, использующем поле Славера.

«Ведь это же дезинтегратор Славера», — догадался Луи. Действительно, замечательное приспособление для копания. В месте, на которое упал узкий луч, материя распалась на атомную пыль.

— Ладно, — сказал Луи. — Вряд ли мы встретимся с грозными хищниками. Ведь строители не взяли с собой тигров или москитов, правильно?

— Разве что строители Кольца любили тигров, — невинно проговорила Тила.

Но замечание, брошенное мимоходом, не было бессмысленным. Что они могли знать о физиологии строителей и жителей Кольца? Только то, что они предположительно происходили с пла-

неты, частично покрытой водой и находившейся у звезды типа К-9 или близкой к ней. Они могли выглядеть как люди, кукольники, кзины, дельфины, орки, но, скорее всего, выглядели совершенно иначе.

— Мы должны больше опасаться туземцев, чем зверей, — отозвался кзин. — Надо взять все оружие с собой. Полагаю поручить руководство экспедицией мне.

— У меня тасп.

— Я не забыл об этом. Можешь считать его своим «право вето». Подумайте только! — Кзин возвышался над ними, как настоящий великан, имеющий двести пятьдесят килограммов клыков, когтей и оранжевого меха. — Мы же разумные существа! Нас предательски атаковали, наш корабль частично уничтожен. Предстоит путешествие через совершенно неизвестные территории, жители которых обладают могущественными силами. Мы не знаем, как сильны они сейчас: они могут иметь и преобразующие лучи, и трансмутационную технику, которая была необходима для создания этой... этого... — Кзин огляделся вокруг. — Или же самым сильным оружием у них сейчас может быть стрела с каменным наконечником?

— У меня тасп, — повторил Несс. — Это моя экспедиция.

— И как тебе нравится ее течение? — спросил кзин. — Не хочу тебя обижать, я просто спрашиваю. Я должен принять руководство, поскольку только я имею военное образование.

— Может, немного подождем? — спросила Тила. — Пока мы не встретили врагов. А может быть, и не встретим...

— Вот именно, — поддержал ее Луи. Ему совсем не хотелось попасть под руководство кзина.

— Ладно. Но оружие надо забрать.

Они начали погрузку скутеров.

Кроме оружия, путешественники взяли с собой личные коммуникаторы. Они были велики и довольно неудобны.

— Зачем они нам? — спросил Луи, потому что кукольник уже раньше познакомил их с установленными в скутерах интеркомами.

— Они нужны для установления контакта с «Обманщиком». Благодаря им можно вызвать корабль, где бы мы ни находились.

— И все же для чего они нам нужны?

— Как переводчики, Луи. Если мы встретим туземцев, возникнет необходимость связаться с компьютером «Обманщика» для расшифровки языка.

— Ну, если так...

Они закончили погрузку. У корпуса осталось еще немного всякого оборудования, которое им сейчас было не нужно.

Луи сел в свой скутер и огляделся, стараясь вспомнить, не упустили ли они чего-либо. Он обратил внимание на то, что Тила смотрит вверх и лицо ее выражает удивление.

— Проклятие! — сказала она. — Все время полдень!

— Только без паники. Попросту...

— Луи! Ведь мы работали не меньше шести часов! Как же все время может быть полдень!

— Не нервничай. Ты же знаешь, что солнце здесь не заходит.

— Не заходит?..

— И мы должны к этому привыкать. Впрочем, видишь? Это край черного прямоугольника.

Солнце в зените начало внезапно гаснуть.

— В дорогу! — заторопил их Говорящий-со-Зверями. — До того момента, когда наступила темнота, мы должны быть в воздухе.

Глава одиннадцатая

Небесная дуга

Четыре скутера взмыли в небо в наступающей темноте. Блестящая рана в теле Кольца быстро исчезла из виду.

Несс заранее проинструктировал всех, как включается автопилот, и теперь все четыре скутера двигались, повторяя маневры скутера Луи. Удобно расположившись в своем кресле, он уверенно вел скутер легким движением двух педалей и рычага управления.

Над пультом с небольших экранов на него смотрели четыре головки: одна из них принадлежала черноволосой сирене, другая — грозному, быстроглазому тигру, а еще две — не слишком умно выглядевшим одноглазым питонам. Интерком действовал безупречно.

Когда скутеры взлетали, Луи наблюдал за реакцией своих товарищей.

Тила отреагировала первой. Ее глаза скользнули по окрестностям, стали вдруг большие и круглые, и лицо вспыхнуло, как солнечные лучи, проходящие сквозь тучи.

— Ох, Луи!

— Что за громадная гора! — заметил кзин.

Несс не произнес ни слова. Его головы нервно озирались вокруг.

Темнота наступила очень быстро. Она внезапно поглотила высокую гору. Солнце было только в тоненькой полосе, граничащей с бездонной чернотой. Что-то возникло в темнеющем небе...

Громадная дуга.

Она становилась все яснее. Когда же наступила полная темнота, она показалась во всей красе.

Громадная голубая дуга, разделенная полосками черноты, в основании своем была очень широкой, затем сужалась, а в зените была перерезана невидимым отсюда кольцом черных прямоугольников.

Скутеры быстро уносились в высоту в полной тишине. Звуконепроницаемое поле не пропускало даже шума рассекаемого воздуха. Тем сильнее было удивление Луи, когда в его уши ударили громкие звуки музыки.

Впечатление было такое, как будто бы вдруг взорвался паровой орган. Они были ужасающе громкими, и Луи был вынужден заткнуть уши. Только через некоторое время он сообразил, в чем дело, и нажал на кнопку интеркома. Изображение голов кукольника исчезло. Ужасная какофония сразу стала намного тише.

— Что он делает? — с удивлением спросила Тила.

— Его ужаснул этот пейзаж. Пройдет немного времени, и он привыкнет.

— К чему он привыкнет?

— Беру руководство на себя, — проинформировал кзин. — Кукольник не в состоянии принимать решения. С этого момента наша экспедиция является военной, и я ее командир.

Некоторое время Луи размышлял над единственной альтернативой, которая у него оставалась: самому назначить себя командиром или согласиться с кзином. Но ему совершенно не хотелось вступать с ним в спор. Собственно говоря, тот был лучше подготовлен к роли руководителя.

Не было ничего удивительного в том, что Несс не выдержал огромного мира, построенного живыми существами. Эта конструкция была намного больше всех десяти планет, которые составили империю кукольников. Это было ошеломляюще.

— Мне кажется, что видны боковые стены, — проговорил кзин.

Луи с усилием посмотрел налево и направо, и сердце его сжалось от холодного ужаса.

Край левой стены Кольца можно было заметить как еле видимую темно-гранатовую полоску на таком фоне. Когда он начал усиленно всматриваться, то она исчезла совсем. Эта полоса находилась там, где должен был находиться горизонт. Таким образом, это мог быть край, а могло быть что-либо совершенно другое.

С правой стороны картина была такая же. Та же высота и та же тенденция к исчезновению.

Все указывало на то, что «Обманщик» упал недалеко от середины Кольца. А это означало, что от каждой стороны его отделяло не менее миллиона миль.

Луи с трудом перевел взгляд, а затем спросил:

— Говорящий, что ты об этом думаешь?

— Мне кажется, что левая стена ближе.

— О'кей. — Луи свернул влево.

Остальные скутеры, подключенные автоматикой, послушно повторили его маневр. Луи включил интерком, чтобы посмотреть,

как себя чувствует Несс. Кукольник сжался в кресле и, спрятав голову под брюхо, громко стонал.

— Говорящий, ты уверен, что левая сторона ближе? — спросила Тила.

— Разумеется, — ответил кзин. — Она явно выше.

Луи усмехнулся про себя. Он никогда не изучал военное дело, он знал кое-что о войне. Во время пребывания на Вундерлпиде он неожиданно оказался в самом сердце революции и три месяца сражался в рядах партизан.

Он прекрасно помнил, что хороший офицер должен уметь принимать быстрые решения. И если они при этом были правильные, то это уже просто чудесно...

Они летели над темной поверхностью Кольца. Голубой лук светил намного сильнее земной Луны, однако это не слишком им помогало.

Скутеры все время увеличивали скорость, пока не достигли своей полетной скорости −1.

Луи подумал, что ему придется провести по меньшей мере месяц в кресле пилота и уселся поудобнее. Спать он не мог, так как вел все четыре скутера на автопилоте, и поэтому решил поближе познакомиться со своей машиной.

Санитарные приспособления были простыми, но требовали отбросить все мысли о достоинстве человека или о чем-нибудь в этом роде.

Луи попробовал ладонью проникнуть через защитное поле. Это был род силового поля с векторами, установленными так, чтобы струи воздуха окружали скутер. Луи показалось, что его ладонь попала под ураганный ветер. Сам же он находился в идеально спокойном глазу циклоне.

Он потянул из пружинистой трубки — дистиллированная вода. Отворил камеру питания: там находился темно-коричневый кирпичик. Луи заказал шесть таких кирпичиков, каждый попробовал, а остатки выкинул. Каждый из кирпичиков имел свой вкус и был вполне пригоден для питания.

Вероятно, еда им не наскучит.

Однако если они не найдут растений и воды, чтобы пополнить запасы «сырья», то генератор перестанет выдавать им кирпичики.

Он заказал седьмой кирпичик и съел его целиком.

Над головой сиял гигантский лук. В три миллиона раз больше площади, чем на всей Земле, — места вполне достаточно, чтобы заблудиться.

По телу Несса пробежала легкая дрожь, затем поднялись обе его головы. Кукольник включил звук и спросил:

— Луи, мы можем с тобой поговорить?

Миниатюрные лица кзина и Тилы говорили о том, что их хозяева пребывали в легкой дремоте. Луи заблокировал их интеркомы и сказал:

— Говори.

— Что случилось? — спросил Несс.

— Ты ничего не слышал?

— Органы слуха у меня находятся у губ. А поскольку головы были спрятаны, то я ничего не слышал.

— Как ты себя чувствуешь?

— Боюсь, что снова впаду в кататонию. Чувствую себя как бы... потерянным.

— Я тоже. За последние три часа мы пролетели две тысячи миль. Было бы лучше, если бы у нас были трансферовые диски или кабины.

— Наши инженеры не смогли перенести сюда трансферовые диски. — Головы кукольника посмотрели друг на друга.

Луи уже несколько раз обращал внимание на этот жест. У него мелькнула мысль — может, это что-то вроде смеха кукольников? Может, безумный кукольник приобрел чувство юмора?

— Мы повернули налево, — продолжал Луи. — Говорящий решил, что до левой стены ближе. Что до меня, то, по-моему, они на одинаковом расстоянии. Но Говорящий — теперь шеф. Он принял руководство, когда ты впал в кататонию.

— Это плохо. Его скутер находится вне поля действия моего тасна. Я должен...

— Подожди! Почему ты не хочешь, чтобы он был руководителем?

— Но... но...

— Подумай, — не уступал Луи. — При надобности ты сможешь в любой момент применить тасп. Кроме того, он на самом деле неплохой руководитель.

— Что ж, это нам не повредит, — пропел через некоторое время кукольник. — Мое руководство не даст нам лишних шансов на спасение.

— Вот именно. Вызови его и скажи, что теперь он является Лучше-Всех-Спрятанным.

Луи включился в интерком кзина, чтобы услышать интересный разговор, но был разочарован — кзин и кукольник обменялись несколькими словами на языке Богатырей, после чего кзин отключился.

— Я должен перед вами извиниться, — сказал кукольник. — Моя глупость привела к тому, что мы попали в опасное положение.

— Не волнуйся, — утешил его Луи. — Просто ты сейчас в депрессивной фазе цикла.

— Я разумное существо и умею смотреть правде в лицо. Я сде-

лал страшную ошибку, приглашая Тилу Браун в нашу экспедицию.

— Действительно, но это не твоя вина.

— Моя, Луи. Я должен был понять, почему я не могу найти других кандидатов.

— Что?

— У них было больше счастья.

Луи беззвучно присвистнул. Кукольник выдал еще одну теорию.

— И это счастье не позволило им принять участие в нашей экспедиции. Лотерея Жизни привела к возникновению новой наследственной черты: счастья. Но оно мне не сопутствует. Пытаясь вступить в контакт с потомками тех, кто выигрывал в Лотерее Жизни, я наткнулся на Тилу Браун.

— Послушай...

— Другие мне не встретились, потому что им сопутствовало счастье. Я же нашел Тилу, чтобы предложить ей участие в экспедиции, потому что она не унаследовала гены счастья. Мне очень жаль, Луи.

— Лучше поспи, а?

— Я должен извиниться перед Тилой.

— Нет. Это уже моя вина — ведь я мог удержать ее.

— В самом деле?

— Не знаю... Может быть... Иди спать.

— Не могу.

— В таком случае веди скутеры, а я отдохну.

Так они и сделали. В последнюю минуту перед тем, как заснуть, Луи удивился ровному ходу скутера. Кукольник был отличным пилотом.

Луи проснулся, когда было уже светло. Он не привык спать при нормальной силе тяжести, и к тому же сидя. Луи зевнул и попробовал потянуться. Он громко застонал, протер глаза и осмотрелся.

Свет и тени были не такие, как обычно. Он посмотрел вверх прямо на солнце. На левой стороне была темнота, усиливающаяся с расстоянием. Место, где должен был находиться горизонт, был мешаниной ночи и дня, из которой выстреливался вверх невероятный лук Кольца. А на первой стороне уже был день.

Пустыня кончалась. За их плечами огромная гора все еще заслоняла часть неба. Впереди блестели реки и озера, разделенные бежевыми и зелеными поверхностями суши. Скутеры неслись вперед. Они напоминали серебряных жуков: Луи впереди, по сторонам кзин и кукольник, Тила сзади.

— Ты уже проснулся?

— Доброе утро, Несс. Ты все еще ведешь скутеры?

— Нет, я передал управление Говорящему. Мы пролетели уже шесть тысяч миль. Атмосферное давление увеличилось.

Луи оторвал глаза от того места, где должен был находиться горизонт.

— Посмотри на указатель давления. Мы приземлились где-то на две мили выше, чем находимся сейчас.

Луи заказал на завтрак кирпичик.

— А что, это так важно?

— В чужом окружении нужно обращать внимание на все. Заранее неизвестно, что будет важным. Например, та гора, у которой мы приземлились: она выше, чем нам казалось. Или вот тот серебристый шарик впереди...

— Какой шарик?

— Почти по линии горизонта.

Луи наконец заметил: ясный, зеркальный блик.

— Отражение солнечного света... Что же это такое? Стеклянный город?

— Не может быть.

— Мягко сказано... Величина его очень большая. Громадное поле, покрытое зеркалами. Может, это огромный зеркальный телескоп?

— Если это так, то он уже давно не используется.

— Почему ты так думаешь?

— Мы уже предполагали, что цивилизация Кольца деградировала до эпохи варварства. В противном случае жители Кольца не позволили бы, чтобы такие огромные пространства заняли пустыни.

Еще недавно Луи не стал бы возражать против этого аргумента, но сейчас...

— Не знаю, может, ты слишком упрощаешь проблему. Кольцо очень велико. Я думаю, что здесь достаточно места и для высоко развившейся цивилизации, и для варваров. И для целой массы народов промежуточного развития.

— Каждая развивающаяся цивилизация имеет экспансионистские устремления.

— Ты прав, но...

Так или иначе, они смогут скоро все выяснить. Блестящая точка находилась прямо перед ними...

Луи закончил завтрак, когда заметил на пульте два зеленых огонька. Несколько секунд ушло, пока он вспоминал, что вчера отключил интеркомы Тилы и кзина. Он нажал кнопки.

— Добрый день, Луи, — проговорил кзин. — Видел рассвет? Хочется быть художником!

— Видел. Привет, Тила!

Девушка не отвечала.

Луи внимательно посмотрел на экран.

— Несс, ты не применял таспа на моей женщине?

— Нет. Зачем бы я стал это делать?

— Как давно она находится в таком состоянии?

— Каком состоянии? — заинтересовался Говорящий-со-Зверями. — Последнее время она молчит. если ты это имеешь в виду.

— Проклятие! Посмотрите на ее лицо!

Небольшая головка Тилы на экране глядела в бесконечность невидящими глазами.

— Она кажется совершенно спокойной, — сказал кзин. — Ей, вероятно, очень удобно.

— Посади нас, Говорящий! Тила находится в трансе!

— Не понимаю...

Они начали спуск. Желудок Луи почувствовал себя весьма неуверенно в свободном падении, предложенном им кзином. Луи все время наблюдал за лицом Тилы: ни на мгновение она не изменила выражение.

Мысли Луи крутились на высоких оборотах. Он старался припомнить все, что ему было известно о гипнозе.

— Найди долину, — обратился он к кзину. — Надо убрать с ее глаз этот проклятый горизонт.

— Порядок. Переходите на ручное управление. А Тилу я приземлю сам.

Квадрат распался. Говорящий направил скутер к ручейку, который он заметил ранее. Луи и Несс свернули за ним.

Снижаясь, они пролетели над ручьем, вернее, небольшой речкой. Говорящий снова повернул и теперь летел вдоль речки, выискивая место для посадки.

— Растительность очень похожа на земную, — заметил Луи.

Кзин и кукольник согласились.

Скутеры повернули, следуя изгибу речки.

В воде стояли туземцы, растягивая поперек сеть. Увидев скутеры, они подняли головы и стояли некоторое время без движения, забыв про свою сеть.

Луи, Говорящий и Несс среагировали на это одинаково: резко взмыли вверх. Туземцы моментально превратились в крохотные точки, речка — во вьющуюся голубую нитку. Буйный, дремучий лес скрыл все.

— Переключайте управление на автопилот, — приказал кзин. — Приземлимся в другом месте.

Тила не реагировала.

— Что вы скажете? — спросил Луи.

— Это были люди, — ответил кукольник.

— Ты тоже это заметил? А я уж думал, что у меня галлюцинация. Откуда здесь могли взяться люди?

Никто не пытался ответить на этот вопрос.

Глава двенадцатая

Кулак Бога

Они приземлились в небольшой долине, окруженной невысокими холмами, покрытыми лесом. Псевдогоризонт исчез за холмами. Дуга Кольца была видна при свете солнца, и можно было предположить, что они находятся на одной из планет, населенных людьми. Правда, трава была не обычной, но зеленой, и росла там, где должна расти трава.

Под ногами была земля и камни, а вокруг них — кусты с гибкими ветвями.

Растительность, как заметил Луи, была земного типа. Кусты росли там, где они и должны были расти. Анализаторы показали, что даже на молекулярном уровне растения очень близки к земным. Так же, как Луи, кукольники имели общего предка, какой-то космический вирус. Растительность Земли и Кольца были также сходны.

Несс собирал на поляне пробы растений и насекомых. Он единственный взял с собой скафандр: если бы кто-то захотел напасть на него, сначала он должен был справиться с материалом скафандра.

Тила неподвижно сидела в кресле. Сидела, как натурщица для художника. Ее зеленые глаза смотрели сквозь Луи в бесконечность.

— Не понимаю, — сказал кзин. — Что с ней случилось? Ведь она не спит, но и не реагирует ни на что.

— Дорожный гипноз, — объяснил Луи. — Она сама из него выйдет.

— Значит, ей ничего не грозит?

— Сейчас уже нет. Я боялся, что она может выпасть из скутера или начнет манипулировать с управлением. На земле ей ничего не грозит.

— Но почему она не обращает на нас никакого внимания?

Луи попробовал объяснить кзину, что происходит с Тилой.

Люди проводят часть жизни среди астероидов, окружающих Солнце. Горняк смотрит на звезды помногу часов. При этом он может потерять «душу».

Позже он понимает, что его тело выполняло все необходимые движения, а мысли его пребывали в местах, о которых он ничего не может сказать. Называют это «потерянным взглядом». Это очень опасно. Иногда душа не хочет возвращаться в тело.

На Земле есть Гора Обозрения. Стоя на вершине, человек смотрит в бесконечность. Высота Горы только сорок миль, но человеческий взор, теряясь в окружающем ее тумане, видит именно бесконечность.

Влажный туман простирается от Горы до горизонта. Эта бесконечность охватывает душу человека крепкими когтями, и человек

стоит без движения на краю бесконечности, пока кто-то не уведет его. Это называют «трансом Горы Обозрения».

— А еще есть Кольцо, а на нем нереальный горизонт...

— Короче говоря, все это — автогипноз, — резюмировал Луи.

Он посмотрел в широко раскрытые зеленые глаза. Девушка вздрогнула.

— Я мог бы вытянуть ее из этого состояния, но зачем рисковать? Пусть поспит.

— Не понимаю, что такое гипноз, — сказал кзин. — Знаю, что это, но не понимаю.

Луи кивнул.

— Это меня не удивляет. Уверен, что гипнотизер не много бы заработал у кзинов. И у кукольников тоже, — добавил он, видя, что Несс присоединяется к ним.

— Можно изучать то, чего не понимаешь, — сказал тот. — Мы знаем, например, что в человеке есть что-то, что не позволяет ему принимать уверенные решения. Гипнозу поддается тот, кто доверяет гипнотизеру и обладает большой способностью к концентрации внимания. Но началом всего является полное доверие гипнотизеру.

— Но что такое гипноз?

— Это состояние мономании, в которое человек вводится снаружи.

— А почему он впадает в это состояние?

Этого Несс не мог объяснить.

— Потому что доверяет гипнотизеру, — вмешался Луи.

Говорящий потряс своей большой головой и отвернулся.

— Такая вера в кого-либо является ненормальным явлением. Признаюсь, что я так и не понял, что такое гипноз. А ты?

— Я тоже не очень.

— Это хорошо. — Несс посмотрел на себя. — Я не смог бы кому-то так доверять.

— Ты уже разузнал что-либо о здешних растениях?

— Может быть. А может, и нет. Но самое главное то, что растения и насекомые достаточно близки нам и могут представлять опасность. Некоторые растения являются съедобными для меня, некоторые для тебя. И еще есть множество таких, которые могут служить сырьем для генераторов питания.

— Значит, голод нам не грозит.

— Этот единственный плюс не восполняет многочисленных опасностей и неудобств. И почему наши инженеры не снабдили «Обманщика» «звездным семенем»?

— Звездным семенем?

— Очень простое приспособление. Попадая в звезду, оно начинает испускать электромагнитные волны. Если бы у нас оно было, мы могли бы вызвать помощь.

— Но нам пришлось бы ждать годы!

— Неважно, Луи. Зато мы могли бы спокойно сидеть в корабле.

— И ты бы выдержал? — фыркнул Луи и посмотрел на кзина. Взгляды их скрестились.

Говорящий-со-Зверями усмехался, как Чеширский Кот из «Алисы в Стране чудес». Какое-то мгновение они мерились взглядами, потом кзин встал с наигранной небрежностью, прыгнул и исчез в зарослях.

Луи почувствовал, что произошло что-то важное. Но что? И почему? Он в недоумении пожал плечами.

Тила сидела в кресле, как будто все еще была в полосе. Вдруг ее глаза обрели осмысленное выражение. Она затрясла головой и посмотрела на Луи.

— Луи! Мы приземлились? Каким образом?

— Совершенно обычным.

— Помоги мне. — Тила протянула руку.

Луи поддержал ее и ссадил на землю. Прикосновение ее тела вызвало в нем прилив теплой чувственной волны.

— Насколько я помню, мы летели на высоте одной мили, — сказала Тила.

— Больше не заглядывайся на горизонт.

— Я заснула за рулем? — засмеялась Тила. Ее волосы рассыпались прекрасным черным веером. — А вы испугались? Извини, Луи. Но где же Говорящий?

— Погнался за каким-то кроликом. Собственно говоря, и нам можно слегка расправить кости.

— Хорошая мысль.

Они переглянулись, читая мысли друг друга. Потом Луи открыл багажник своего скутера и вынул из него одеяло.

— Я готова.

— Вы меня удивляете, — проговорил кукольник. — Ни одна разумная раса не совокупляется так часто, как вы, люди. Однако будьте внимательны, не забывайте, что вокруг вас кишит чужая жизнь.

Когда все снова собрались у скутеров, то обратили внимание на то, что мех возле рта Говорящего был забрызган свежей кровью.

— Первый раз в жизни, — проговорил тот, — добыл себе еды при помощи клыков и когтей.

Кзин, правда, послушался Несса и проглотил противоаллергическую пилюлю.

— По-моему, самое время поговорить о туземцах, — сказал Несс.

— О туземцах? — с удивлением переспросила Тила.

Луи объяснил ей, о чем идет речь.

— Но почему вы улетели? Что они могли нам сделать? И откуда тут люди?

— Без всякого сомнения, это были люди. Они, может, и не такие, как ты или Луи, но это люди. Я почувствовал их запах. Верь моему носу, Луи.

Луи верил. В конце концов, этот нос принадлежал охотнику-хищнику.

— Параллельная эволюция? — изумился Луи.

— Чепуха, — возразил Несс.

— Ты прав... Строение человеческого тела было очень удобным для разумного существа, но не более. Разум проявляется самыми разнообразными способами.

— Для нас проблема не в том, откуда они взялись. Проблема в контакте, в первом контакте.

Кзин был прав. Эскадра скутеров двигалась быстрее любой информации, разве что туземцы имели что-то вроде семафоров.

— Мы должны узнать побольше об этих людях и об их уровне развития.

— Я немного знаю антропологию, — признался Луи.

— Тогда ты будешь с ними разговаривать. Надеюсь, что наш компьютер справится с переводом. Попробуем установить контакт с первой же группой, которую встретим.

Казалось, что они летели всего несколько минут, когда густой лес внезапно уступил место обработанным полям. Через некоторое время они заметили город.

Он немного напоминал старинные земные города. Здания были невысоки — три-пять этажей.Из их массы возносились немногочисленные стройные башни, соединенные коммуникационными эстакадами.

— Может, тут мы найдем то, что ищем? — спросил с надеждой кзин.

— Мне кажется, город совершенно пустой, — сказал Луи.

Это было предположение, но, как оказалось, верное. Они убедились в этом сразу же, как только достигли города.

В дни расцвета город был невообразимо прекрасен. Одна его особенность должна была возбудить зависть жителей любого города во Вселенной: бóльшая часть зданий не стояла на земле, а висела в воздухе, соединяясь с землей лифтами и эскалаторами. Эти летающие замки, свободные от силы тяжести, ошеломляли своими формами и размерами.

Сейчас под скутерами проносился хаос разрушений. Падая, летающие здания уничтожали находящиеся под ними дома, и целые районы города представляли из себя поля разбитых бетонных

плит, кирпича и невообразимо изогнутых стальных конструкций.

Луи задумался. Люди не строили летающих зданий: они были слишком осторожны.

— Они упали все сразу, — заметил Несс. — Нигде не видно следов восстановления. Вероятно, это произошло вследствие аварий центральной энергетической системы. Говорящий, а какие у вас города?

— Мы не любим высоты. Люди могли бы так строить, но они слишком любят свою жизнь.

— Восстановитель! — воскликнул Луи. — Вот в чем дело! Просто они не изобрели восстановитель или чего-то в этом роде.

— Да, вероятно. Они жили недолго и не ценили свою жизнь, — громко размышлял кукольник. — Это очень плохо. Если они не ценят свою жизнь, то не будут ценить и нашу.

— Ты беспокоишься раньше времени.

— Скоро все выяснится. Луи, видишь тот высокий дом? Бежевый, с выбитыми окнами? — Они пролетели над ним буквально минуту назад. Луи, бывший пилот эскадры, сделал широкий вираж и вернулся к дому.

— Я был прав. Видишь, Говорящий? Дым.

Это было высокое здание, этажей в двадцать, украшенное богатым орнаментом, с круглыми черными провалами окон. Большинство из них на уровне земли было закрыто, из редких открытых окон поднимался вверх сероватый дымок.

Здание было окружено одно- и двухэтажными домами. Многие были разрушены огромным цилиндром, который при падении с неба докатился до самого здания.

Здание находилось на окраине города, за ним начинались обработанные поля. Когда скутеры снизились, пассажиры увидели фигуры, бегущие в направлении города.

Здания, которые с высоты казались почти неповрежденными, вблизи выглядели сплошными руинами. Отключение энергии и связанная с этим катастрофа произошли много веков тому назад. Уничтожение довершили вандализм, бури и коррозия.

Жители не восстановили свой город. Но и не покинули его. Просто остались жить в руинах.

Первоначальный вход в здание оказался под уровнем грунта, точнее, мусора. Когда эскадра приземлилась, из окон первого этажа с достоинством вышло пять человекоподобных особ.

Окно было двойным, и по обеим его сторонам висели черепа, весьма похожие на человеческие. Пятеро туземцев направились в сторону скутеров. Они действительно походили на людей, но не принадлежали ни к одной из человеческих рас.

Каждый был немного ниже Луи, кожа была белой и в сравне-

нии с желтой кожей Луи и ярко-розовой Тилы выглядела мертвецки-бледной. У всех были короткие туловища и длинные ноги. Пальцы также были необычайно длинны. Они могли быть в прошлом великолепными хирургами.

Но наиболее необычными выглядели их пепельно-серые волосы и бороды. Они были старательно причесаны и, по-видимому, никогда не подрезались. Из густых волос видны были только глаза.

Все были очень похожи друг на друга.

— Какие мохнатые, — шепнула Тила.

— Остаемся на скутерах, — распорядился негромким голосом Говорящий. — Подождите, пока они подойдут, и только тогда выходите. У всех есть коммуникаторы?

Луи спрятал свой в ладони. Несмотря на значительное расстояние от компьютера «Обманщика», они должны были действовать.

На площадь прибывало все больше туземцев, и вскоре у скутеров образовался круг из зрителей. При этом на площади сохранялась глубокая тишина.

Вблизи они уже не были похожи на близнецов. Отличались ростом, упитанностью. Четверо были одеты в бесформенные бурые одежды, пятый — в такую же одежду, но бледно-оранжевого цвета.

Вперед выступил самый худощавый и стал что-то говорить. Тыльная сторона его ладоней была украшена татуировкой.

Луи ему что-то ответил.

Татуированный туземец произнес небольшую речь. Для компьютера это было полезно: ему нужны были данные для перевода, он собирал слова и выражения.

Густая толпа окружила путешественников. Татуированный продолжал говорить.

Автопилот начал перевод.

— Мы называем эту гору Кулаком Бога. — Туземец указал направление, откуда прилетели скутеры. — А почему бы и нет, инженер?

Туземец, вероятно, имел в виду огромную гору, у которой они приземлились. Отсюда она не была видна.

Луи слушал, и в его воображении проявлялась картина небольшой деревеньки, прозябающей на руинах когда-то громадного города.

— Сейчас Зигнамукликлик уже не такой, каким был когда-то. Но и сейчас эти дома лучше тех, которые мы смогли бы построить сами. В домах легко удерживается тепло, можно переждать плохую погоду. В случае войны их легко защищать, и нападающим трудно их поджечь. Поэтому, инженер, хотя мы рано выходим на поля, вечером мы возвращаемся в наши дома на окраине Зигнамукликлика. Зачем нам мучиться, строя новые дома, если старые лучше?

Четверо отшельников, прилетевших на бескрылых металличе-

ских птицах. Ничего странного, что их приняли за строителей Кольца. Луи решил не возражать: объяснения заняли бы слишком много времени.

— В том здании, инженер, помещаются наши руководители. У нас живет здесь более тысячи человек. Однако мы помним время, когда в нашем городе жили тысячи тысяч людей, а здания и дворцы парили в воздухе. Мы надеемся, что вы решите вернуть те времена. Рассказывают, что в те времена весь этот мир был построен инженерами, правда ли это?

— Правда, — ответил Луи.

— И все великолепие вернется?

Луи ответил уклончиво. И почувствовал, что вызвал этим разочарование у собеседника.

Туземец говорил ласковым, певучим голосом, как будто декламировал стихи. Компьютер переводил слова Луи таким же певучим тоном, хотя к Луи обращался совершенно нормально. Луи слышал, как коммуникатор Несса тихонько свистит что-то на языке кукольников, а у Говорящего фыркает и ворчит на языке Богатырей.

Луи задавал вопросы.

— Нет, инженер, мы не любим крови. Черепа? Их полно везде в Зигнамукликлик. Лежат со времени падения города. Мы применяем их в виде украшений и символов.

Туземец поднял руку и показал Луи татуировку.

Толпа что-то неистово закричала.

Компьютер не смог перевести этого слова.

В первый раз подала голос толпа.

Что-то произошло, но Луи не мог понять, что, а времени на размышления не было.

— Покажи нам чудо! — попросил худой бородач. — Мы не сомневаемся в вашем могуществе, но ведь вы наверняка уже никогда не появитесь снова. Покажите нам чудо, чтобы мы могли рассказать о нем своим детям.

Луи задумался. Скутеры они уже видели. Дать им манны из регенераторов питания? Но вкусы могут различаться, поэтому лучше не рисковать. Может, лазер?

Когда Луи вынимал из багажника лазер, край черного прямоугольника коснулся щита солнца. Тем лучше, подумал он. В наступающей темноте свет лазера произведет большое впечатление.

Он настроил лазер на малую мощность и широкий луч, потом направил его на татуированного туземца и его помощников. Они не выказали ни малейшего удивления. Тогда Луи передвинул рукоятку мощности и направил луч на небольшую фигурку на здании. Луч сузился до тонкой зеленой линии, и на животе фигурки появился небольшой огненный кружок.

Луи ожидал криков восторга.

— Сражаешься светом, — проговорил туземец с татуировкой. — Это запрещено.

Толпа снова что-то закричала.

— Мы не знали об этом. Извините нас.

— Не знали? Как это, не знали? Разве Небесная Дуга не была выстроена, как знак Мира с Человеком?

— Какая Дуга?

Удивление туземца было явным.

— Дуга над Миром, инженер.

Только тогда Луи понял, о чем идет речь. Он громко расхохотался.

Бородач резко замахнулся и ударил Луи по лицу.

Удар был слабый, но болезненный. Луи же не привык к боли. Многие люди в его время не имели о ней и понятия. Боль, которую Луи перенес, когда сломал ногу, катаясь на лыжах, длилась всего несколько секунд. Всякая спортивная борьба, как дзю-до и каратэ, была запрещена задолго до рождения Луи. Он мог стать лицом к лицу со смертью, но не с болью.

Луи вскрикнул и уронил лазер.

Толпа ринулась на них. Двести спокойных людей превратились в мгновение ока в бешеных дьяволов. Ситуация становилась опасной.

Худой руководитель туземцев повалил Луи и прижал его к земле. Луи невероятным усилием освободился и через мгновение уже сидел в своем скутере. И тут в нем заговорил рассудок.

Рулевое управление остальных скутеров было соединено с его управлением. Если бы он стартовал, то остальные скутеры тоже поднялись бы в воздух, независимо от того, где в это время находились пассажиры.

Луи осмотрелся.

Кзин превратился в смертоносную боевую машину. Он повалил уже с полдюжины противников и в это мгновение разбивал рукояткой лазера череп седьмого.

Заросшие туземцы толпились на безопасном расстоянии.

Длинные пальцы попытались стянуть Луи с кресла. Это им почти удалось, и тут он догадался включить силовое поле.

Раздались крики, и невидимая сила отбросила нападающих от скутера.

Один из них продолжал висеть у Луи на плечах. Ему пришлось на мгновение отключить поле, чтобы выбросить своего противника за его пределы.

Он огляделся, отыскивая кукольника. Несс пробивался к своему скутеру.

Туземцы расступились перед ним, устрашенные его необычным

видом, но один все же встал на его пути, сжимая в руке металлический прут.

Несс отпрыгнул, повернулся крупом к нападающему. «Что он делает?» — подумал Луи и хотел позвать кзина на помощь.

В этот же момент Несс произвел свой маневр, и Луи остался стоять с открытым ртом.

Никто больше не попытался встать на пути кукольника, и он рысью направился к скутеру. Его задняя нога была забрызгана кровью.

Туземец, который пробовал задержать Несса, лежал без движения в луже крови.

Группа, восхищенная военным талантом кзина, все время держалась вдали от его мощных когтей и клыков. Тот презрительно сплюнул им под ноги — жест, заимствованный им от людей, — и сел в скутер.

Через несколько секунд все были в воздухе. Луи поднялся последним. Издали он увидел, что собирается сделать Говорящий, и закричал:

— Подожди! Не стреляй!

Кзин вытаскивал из багажника модифицированные приспособления для копания.

— Не делай этого! Это будет убийством! Они же ничем не могут нам повредить!

— Они могут применить твой лазер.

— Нет, не могут. Это им запрещено.

— И ты им веришь?

— Верю.

Кзин нехотя отложил оружие. Луи с облегчением вздохнул: он не надеялся так легко убедить кзина, а ведь тот мог сровнять весь город с землей.

— Откуда взялся этот запрет? Может, была война?

— Или безумец у лазерной пушки. Жаль, что некого спросить.

— У тебя из носа течет кровь...

Нос болел ужасно. Луи передал пилотирование кзину, а сам занялся лечением своего носа. Под ними, в исчезающем Зигнамукликлике, шумела возбужденная и горящая местью толпа.

Глава тринадцатая

Звездные Семена

— Они должны были упасть на колени, — объяснял Луи. — Именно поэтому я и сделал ошибку. А кроме того, автопилот все время говорил «инженер», а должен был говорить «бог».

— Бог?

— Они превратили строителей Кольца в богов. Я должен был сразу обратить внимание на их молчание! Говорить можно было только жрецу. Они вели себя так, как будто слушали давно известную молитву. Плохо только то, что я давал при этом неправильные ответы.

— Значит, религия. Очень странно. Однако ты не имел права смеяться, — отозвался интерком голосом Тилы. — Никто не смеется в соборе, даже туристы.

— Мне показалось смешным, что они забыли, что живут на Кольце. Думают, что над их головами громадная дуга.

Зигнамукликлик исчез из их поля зрения. Город не сможет отомстить демонам. Вероятнее всего, они никогда их больше и не увидят.

— Это на самом деле напоминает лук, — проговорила Тила.

— Ты права. Я не должен был смеяться. Но теперь все в порядке: мы оставляем за собой наши ошибки и не чувствуем их последствий. Нужно только вовремя взлететь.

— Некоторые ошибки останутся с нами надолго, — отозвался неожиданно кзин.

— Странно, что именно ты говоришь об этом. — Луи невольно потянулся к носу, который сейчас напоминал кусок дерева. Нос успеет зажить прежде, чем кончится действие обезболивающего средства.

— Несс! — позвал он кукольника.

— Да, Луи!

— Мне пришло в голову задать тебе один вопрос. Ты говорил, что тебя считают безумцем, поскольку ты смел. Правильно?

— Знаешь, Луи, твоя деликатность...

— Я говорю серьезно. Кукольники оценивали тебя неверно. Кукольники инстинктивно избегают опасности, не так ли?

— Да, Луи.

— А вот и нет. Кукольники инстинктивно отворачиваются от опасности, но для того, чтобы ввести в действие заднюю ногу. Это невероятно опасное оружие, Несс.

Луи прекрасно помнил, как все произошло. Кукольник повернулся плавным движением и со страшной силой ударил своим твердым, как сталь, копытом. При этом его головы были широко расставлены, чтобы тщательнее прицелиться.

— Я не мог убегать, — сказал Несс. — Тогда бы я удалялся от скутера. А это опасно.

— Но ты тогда совсем не рассуждал. Ты действовал инстинктивно. Кукольник поворачивается не затем, чтобы убегать, а затем, чтобы сражаться. Ты совсем не сумасшедший, Несс.

— Ты ошибаешься, Луи. Большая часть кукольников убегает. А нормой всегда является поведение большинства.

Стадное животное! Луи больше не спорил. Он поднял глаза, чтобы полюбоваться последними лучами заходящего солнца.

«Последствия некоторых ошибок останутся с нами...»

Что имел в виду кзин, говоря это?

Над их головами появилось кольцо черных прямоугольников. Флотилию вел Несс, но затем передал эту обязанность кзину. Говорящий всю ночь пилотировал скутеры. Над их головами из-за края черного прямоугольника начал проявляться слабый блеск. Приближался рассвет.

Отозвался Говорящий, передавая Луи контроль. Со скоростью семьсот миль в секунду мир мчался им навстречу.

Линия, отделяющая день от ночи, называется терминатором. Земной терминатор отчетливо видно с Луны или с орбиты, но на самой Земле его нельзя увидеть.

Четкие прямые линии на Кольце и являлись терминаторами. Одна из таких линий неслась им навстречу.

Солнце внезапно сверкнуло, когда часть диска показалась из-за прямоугольника. С левой стороны Луи была ночь, с правой приходил день. Удивительный, необычный мир демонстрировался специально для Луи, пришельца, туриста.

Далеко позади, над размытой серостью, блеснула горная вершина.

— Кулак Бога, — медленно проговорил Луи, как бы пробуя на вкус странное грозное название. Какое прекрасное название у этой горы! Ведь это величайшая гора во Вселенной.

Луи Ву, человек, чувствовал страшные неудобства. Если так пойдет и дальше, то он может окостенеть в этой сидячей позе. А что касается кирпичиков, то их вкус начинал напоминать вкус именно кирпичей... и он не ощущал своего носа и не мог напиться кофе...

Но Луи Ву, турист, был доволен.

Например, Звездные Семена. Какое поэтичное название! Простое приспособление, сконструированное тысячу лет назад, как сказал Несс. И ни один кукольник никогда не заикнулся о нем, по крайней мере, до вчерашнего дня.

Знали ли они, почему корабли Внешних летят в направлении сигналов, посылаемых Звездными Семенами.

Несс выключил свой интерком. Луи подумал о том, что настоящими звездными семенами были неразумные существа, питающиеся водородом космического пространства. А передвигались они благодаря фотонным парусам от ядра Галактики к краю. Там они откладывали яйца, и новорожденное существо должно было само найти дорогу к дому, летя с фотонным ветром к теплому, полному водорода Ядру Галактики.

Вслед за Звездными Семенами передвигались и Внешние.

Почему? Казалось бы, простой вопрос, но не слишком.

Примерно в то время, когда люди вели войну с кзинами, одно Звездное Семя свернуло со своего курса, отнесенное порывом фотонного ветра. Летящий за ним корабль Внешних оказался вблизи Проциона. Он задержался там и передал губернатору Нашего Дела планы надпространственных двигателей.

С тем же успехом он мог это сделать и на планете кзинов.

Не тогда ли кукольники изучали расу кзинов?

Проклятие! У меня слишком буйное воображение.

Изучали или нет? Разумеется, изучали. Это говорил сам Несс. Изучали и искали способ ликвидировать их каким-то безболезненным способом.

Война разрешила эту проблему. Корабль Внешних приземлился на Нашем Деле, и люди получили надпространственные двигатели. После этого кзины перестали быть опасными для кукольников.

— Никогда бы не подумал, — прошептал Луи. — Если бы Говорящий... — это была слишком страшная мысль. — Это их проклятый эксперимент! Они использовали нас!

— Ты прав, — отозвался Говорящий-со-Зверями.

Какое-то мгновение Луи думал, что все это снится ему в кошмарном сне. Потом увидел над пультом небольшую головку кзина: Луи забыл выключить интерком.

— Проклятие! Ты подслушивал?

— Я не хотел, Луи. Просто ты забыл выключить интерком.

— Да-а-а, — только сейчас Луи припомнил оскал-усмешку кзина, лежавшего на лугу на таком расстоянии, что, казалось, ничего нельзя было расслышать. Это было в тот момент, когда Несс рассказывал ему про Звездные Семена. Уши кзина были ушами хищника. А его усмешка была оскалом, обнажающим смертоносные клыки.

— Ты что-то говорил об эксперименте, — сказал кзин.

— Я ... я просто... так себе...

— Кукольники натравили наши две расы одна на другую, чтобы ограничить экспансию кзинов. Они уже тогда имели искусственные Звездные Семена. И применили одно из них, чтобы заманить корабль Внешних в район, колонизированный людьми. Вот что ты назвал экспериментом!

— Послушай, это только наши домыслы. Успокойся...

— Однако и ты, и я сумели это понять.

— Э-э-э...

— Я сомневался, стоит ли спрашивать Несса об этом сейчас, но раз уж ты все понял, у меня нет выбора.

— Но... — начал Луи, но закончить мысль не смог — кзин включил сирену.

Она завыла противным голосом. Длительное время этот звук

просто невозможно было выдержать. Над пультом появились головки Несса.

— Что случилось?

— Вы помогали в войне нашим врагам? — рявкнул Говорящий. — Ваши действия являются объявлением войны Патриарху Кзинов!

Тила включилась с небольшим опозданием и услышала только последние слова. Луи энергично качнул головой — не вмешивайся!

Головы кукольника в удивлении заколебались.

— О чем ты говоришь? — спросил он.

— Первая война с людьми. Звездные Семена.

Головы исчезли, как будто их сдул внезапный порыв ветра. Один из скутеров вдруг направился в сторону, отрываясь от строя. Это был скутер Несса.

Возникшая ситуация не слишком взволновала Луи. Остальные скутеры были далеко. Если бы стычка произошла на Земле, могли бы быть неприятности. Но в воздухе? Несс изменил бы себе, если бы не позаботился о том, чтобы скорость его скутера была больше, чем скорость скутера Говорящего. Он должен был иметь уверенность, что в случае опасности всегда спасется бегством.

Но кукольник не убегал. Сделав круг, он начал сближаться с Говорящим.

— Я не хочу тебя убивать, — проговорил кзин. — Не забывай, что область действия таспа может оказаться меньше, чем действие этого приспособления для копания!

Морозящий кровь крик кзина заставил вздрогнуть Луи. Он едва заметил маленькую серебряную точку, которая оторвалась от скутера кзина и полетела вниз.

— Я не хочу тебя убивать, — уже спокойнее сказал кзин. — Я хочу просто задать тебе несколько вопросов. Я знаю, что вы умеете направлять Звездные Семена.

— Да, — подтвердил Несс.

Его скутер удалялся с невероятной скоростью. Кажущееся спокойствие кзина и кукольника было обманчивым. Ведь Луи не мог рассмотреть выражение их физиономий. Несс убегал, как будто речь шла о его жизни, кзин же не оставлял своего места в строю.

— Я жду ответа, Несс.

— Ты рассуждал правильно, — проговорил Несс. — Исследования, которые проводились над дикими хищными кзинами, позволили нам сделать вывод, что у вас есть большие потенциальные возможности, которые можно будет развить и использовать с большой пользой для нашей расы. Мы предприняли шаги, которые должны были привести вас к тому, чтобы вы могли мирно жить с другими расами. Мы применили методы, не несущие непосредственную опасность...

— Несс, мне это совершенно не нравится.

— И мне тоже, — добавил Луи.

От его внимания не ушел тот факт, что кукольник и кзин разговаривали на межпланетном языке. Значит, они хотели включить в спор людей. И совершенно справедливо — ведь предмет спора относился и к ним.

— Вы использовали нас, — проговорил Луи. — Использовали нас, использовали кзинов...

— Только это привело к вашей победе и нашему поражению, — включился в разговор Говорящий-со-Зверями.

— В войне погибло много людей, — сказал Луи.

— Луи, оставь его в покое, — вступила в разговор Тила. — Если бы не кукольники, мы были бы рабами кзинов! Их остановили в последний миг перед гибелью нашей цивилизации!

— Мы тоже имели цивилизацию, — заметил со зловещей усмешкой кзин.

Одноглазая голова кукольника напоминала питона, готового к схватке. Вторая, вероятно, управляла скутером, который находился уже далеко от строя.

— Кукольники использовали нас, — процедил Луи, — использовали нас, как инструмент для развития расы кзинов.

— И им это удалось! — Рычание, вырвавшееся из горла кзина ужаснуло бы и тигра.

— И им это удалось! — повторила Тила.

— Ведь они живут сейчас в мире с другими разумными расами.

— Замолчи, человек!

Кзин вынул приспособление для копания и потряс им перед интеркомом. Тила моментально замолчала.

— Это могли быть и мы. — Луи и кзин переглянулись. — Если бы кукольники захотели выращивать для каких-то своих целей людей, то... — Он внезапно умолк. — О, боже, Тила!

Кукольник не отзывался.

Тила с тревогой заерзала под взглядом Луи.

— Что такое, Луи?!

— Извини. Мне кое-что пришло в голову... Несс, отзовись. Расскажи нам о Совете Народов и о Лотерее Жизни.

— Луи, ты с ума сошел!

— Р-р-р, — проворчал Говорящий. — Я должен был догадаться. Ну и как, Несс?

— Слушаю, — отозвался тот.

Его скутер уже напоминал маленькую точку, ее почти нельзя было заметить невооруженным взглядом. Прозрачная, смешная, одноглазая головка на экране не могла принадлежать грозному существу. Ни в каком случае.

— Вы вмешивались в проблемы человеческой популяции Земли?

— Да.

— Зачем?

— Мы любим людей. Верим им. Поддерживаем с ними торговлю. Помогая им, мы помогаем и себе, потому что люди, можно сказать это с уверенностью, раньше нас достигнут Магеллановых Облаков.

— Вы любите нас. Как это мило звучит... Ну и что с того?

— Нам хотелось немного исправить вас генетически. Но что можно исправить? Конечно, не разум — на нем стоит вся ваша могучая раса.

— Поэтому вы решили облагодетельствовать нас и воспитать из нас счастливцев! — рассмеялся Луи.

Только тогда Тила поняла. Глаза у нее округлились от удивления, она хотела что-то сказать, но не смогла выдавить ни единого звука.

— Разумеется, — подтвердил Несс. — Не смейся, Луи. Твоя раса и раньше была счастливой. В вашей истории полно таких счастливых случайностей — вы избегали катастроф, после которых от вас не осталось бы и следа. Даже о взрыве Ядра Галактики вы узнали совершенно случайно... Почему ты все время смеешься, Луи?

Луи же смеялся, потому что наблюдал за Тилой. Та покраснела до самых ушей. Ее глаза бегали, как бы отыскивая место, где можно было спрятаться. Это не слишком приятно: узнать, что ты являешься частичкой огромного эксперимента.

— Мы постарались изменить законы Земли. И все прошло чрезвычайно гладко. Наше изчезновение из ближайшего космоса привело к биржевому краху. Многие члены Совета Народов оказались на краю банкротства. Одних мы купили, других заставили шантажом. Все это обошлось нам в кругленькую сумму. В результате всех этих действий была введена Лотерея Жизни. Мы надеялись, что число счастливчиков будет все время расти.

— Ты чудовище! — крикнула Тила. — Чудовище!

Говорящий-со-Зверями спрятал оружие.

— Ты не слишком переживала, когда узнала об экспериментах с кзинами, — проговорил он. — Кукольники хотели воспитать ласкового кзина. Применяли известные методы селекции: ликвидация неприемлемых особей, размножение тех, которые подавали надежды. Ты же не видела в этом ничего плохого, утверждая, что это всем на пользу. А теперь ты почему-то возмущена. Почему?

Тила разрыдалась от бессильной ярости и выключила интерком.

— Ласковый кзин, — повторил Говорящий. — Хотели воспитать ласкового кзина. Несс, возвращайся к нам, если ты считаешь, что это вам удалось.

Кукольник не отвечал. Его скутер исчез вдали.

— Не хочешь присоединиться к нашему маленькому отряду? А как же нам защищаться от грозящих отовсюду опасностей? Хотя ты, вероятно, прав. — Кзин вытянул перед собой могучие ладони, вооруженные страшными когтями. — И ваши усилия воспитать людей-счастливчиков тоже не удались.

— Неправда, — запротестовал Несс. — Такие есть. Только мы с ними не встретились именно потому, что они имели счастье.

— Вы пробовали сыграть роль всемогущего бога в отношении людей и кзинов. Тебе все же лучше не возвращаться.

— Я буду поддерживать с вами связь.

Физиономия кзина исчезла.

— Луи, Говорящий выключился, — проговорил кукольник. — Если мне надо будет ему что-нибудь сказать, я передам через тебя.

— Разумеется, — буркнул Луи и тоже выключил интерком. Почти сразу же на пульте загорелась зеленая лампочка. Кукольник непременно хотел связаться с ним. «Пошел он к черту!» — выругался про себя Луи.

В полдень пролетели над морем величиной со Средиземное. Луи опустился пониже, чтобы осмотреться, оба скутера повторили его маневр. Значит, он по-прежнему вел всю эскадру, только никто не хотел разговаривать.

Вдоль берега тянулось огромное поле руин: когда-то здесь был город. Кроме порта, он ничем не отличался от Зигнамукликлика. Луи не стал приземляться.

Вскоре суша начала подниматься. Зелень лесов и лугов уступила место коричневым кустарникам, потом пустынной тундре, потом голым скалам...

В результате действия ветров и дождей на горном хребте, протянувшемся на полтысячи миль, не осталось ни крошки почвы или скал: грозной серостью блестел материал основы Кольца.

С уверенностью можно было сказать, что строители Кольца не допустили бы такой ситуации. Падение цивилизации должно было начаться много веков назад именно с тех местностей, которые никто не посещал.

Далеко впереди, там, где исчез Несс, ясным блеском светило таинственное пятно.

Оно могло находиться на расстоянии пяти — десяти миль. Может быть, это голая поверхность Кольца? Огромное пространство, с которого исчезла почва, высохшая и распыленная ветрами? Руины Зигнамукликлика были последней стадией упадка.

Сколько времени продолжался этот период? Десять тысяч лет? Или еще больше?

— Проклятие! Хорошо бы с кем-нибудь поговорить об этом. Это важно, — сказал Луи молчащему пульту.

Когда же они последний раз разговаривали? Прошло уже несколько часов с тех пор, как Луи вызвал Тилу, а потом и кзина. Те проигнорировали вызов так же, как Луи игнорировал зеленый огонек на пульте — вызов кукольника.

— Ну, хватит, — проговорил Луи и включил интерком.

В его уши ударили волны музыки. Только через некоторое время кукольник заметил, что интерком работает.

— Луи, надо сделать все, чтобы экспедиция снова собралась вместе, — сказал Несс. — У тебя есть какой-нибудь план?

— Да. Но это не говорит о хорошем воспитании — начинать разговор с середины.

— Извини, Луи. Благодарю тебя, что ты отозвался. Как твое самочувствие?

— Одиноко и паршиво. И все это благодаря тебе. Никто не хочет разговаривать с тобой.

— Что же мне делать?

— Ты имел что-нибудь общее с Советом Народов и Лотерей Жизни?

— Я лично руководил этими проектами.

— Это самый худший из всех возможных ответов. Ты и будешь первой жертвой контроля над рождением! Вряд ли Тила теперь отзовется!

— Ты не должен был смеяться над ней.

— Знаю. Больше всего меня удивляет не твоя проклятая самоуверенность, а то, что, проводя столь грандиозный эксперимент, ты одновременно можешь сделать такую глупость, как...

— Тила нас слушает?

— Конечно, нет. Несс, ты хоть понимаешь, что она сейчас переживает?

— Если ты предполагал, как это ее ранит, то зачем начинал разговор на эту тему?

Луи простонал. Он решил одну проблему и сделал определенные выводы. И в голову не приходило, что решение и выводы могут быть иными. Просто в голову не приходило.

— Есть ли у тебя план, чтобы снова объединить нашу экспедицию?

— Да, — ответил Луи и выключил интерком. Пусть и кукольник познакомится со сладким вкусом неуверенности.

Поверхность снова стала ближе, и она была покрыта зеленью.

Они пролетели над следующим морем и дельтой какой-то реки. Однако русло, как и дельта, было совершенно сухим. Источник, питающий реку, высох.

Луи снизился, и тогда стало ясно, что многочисленные каналы дельты были искусственного происхождения.

Пустые каналы выглядели неопрятно. Луи скривился и увеличил скорость.

Глава четырнадцатая

Появление солнечников

Луи Ву находился в состоянии очередного Отключения. Он почти забыл о том, что рядом с ним летят другие скутеры. Луи был наедине со Вселенной.

Неожиданно над пультом появилась физиономия, покрытая оранжевым мехом.

— Ты не устал? — проговорил кзин. — Могу принять у тебя руководство скутерами.

— Лучше давай приземлимся. Я весь задубел.

— Приземляйся. Ведь это ты ведешь эскадру.

— Не хочу никому навязывать свое общество. — Только сказав это, он понял, что Отключение еще не прошло.

— Ты думаешь, что Тила будет тебя избегать? Возможно, что так и будет. Она не разговаривает даже со мной, хотя мы с ней находимся в одинаковом положении.

— Не принимай это так близко к сердцу. Подожди, не отключайся!

— Я хочу побыть один, Луи. Этот пожиратель листьев покрыл меня несмываемым позором.

— Но ведь это было так давно! Ты следил за поверхностью?

— Да.

— Заметил голые участки?

— Да. Система движения масс воздуха, по-видимому, разрегулировалась очень давно. Такие разрушения не происходят мгновенно. Луи, как же это произошло, что от цивилизации, обладающей такой мощью, ничего не осталось?

— Не знаю. Возможно, ответ мы никогда не получим.

— Нам надо собрать побольше информации о туземцах, — сказал кзин. — Надо найти другие поселения.

Этого Луи и ожидал.

— У меня есть план, — сказал он, — но прежде нам нужно приземлиться.

— Согласен...

Горы высились прямо по курсу. Их склоны и перевалы блестели знакомой серой окраской.

Луи направил свою небольшую эскадру вниз, к месту, где с гор сбегал небольшой ручеек, исчезавший в густом лесу.

— Что ты делаешь? — спросила Тила.

— Приземляюсь. Я устал. Не выключайся, я хочу извиниться перед тобой.

Тила не обратила на его просьбу внимания.

— Этого я и ожидал, — буркнул Луи...

— Все это мне пришло в голову после разговоров о богах, — говорил Луи. — Его единственным слушателем был Говорящий. Тила, сойдя со скутера, испепелила Луи взглядом и исчезла в лесу.

— Будем играть роль строителей Кольца? Ты будешь богом, — предложил Говорящий.

— Благодарю.

— А Тила и я — жрецами. Несс будет пойманным демоном.

Из подушечек на ладонях кзина выскочили когти.

— Но Несс не с нами. И больше он с нами не будет, — отрезал кзин.

— Об этом я тоже хотел поговорить. Мы...

— Это не дискуссионный вопрос, Луи.

— Очень жаль, но Несс нам нужен.

— Значит, надо придумать что-то иное...

Луи поглядел на когти кзина. Неужели они появляются непроизвольно? Если бы разговор шел через интерком, то кзин отключился бы, поэтому Луи и предпочел вести его на земле.

— Для чего нужен кукольник? — начал рассуждать Луи.

— Для раздачи наград и кар. Ты, как бог, будешь раздирать сомневающихся на куски: это кара. А тех, кого захочешь поощрить, будешь награждать при помощи кукольника. Таспом.

— Нельзя ли обойтись без этого?

— А ты можешь придумать более великую награду? Наслаждение, поступающее непосредственно в мозг, без похмелья, без побочных эффектов? Тасп даже лучше секса!

— Не очень мне все это нравится. К тому же тасп действует только на кзинов.

— Думаю, ты ошибаешься. Скорее всего, у него есть еще один тасп — для людей. Зная Несса, могу предположить, что здесь не было бы ни меня, ни Тилы, если бы у него не было для нас какого-то крючка.

— Это только твои предположения.

— Давай-ка его спросим.

— Нет.

— Да, я забыл. Ты лишен любопытства.

— А ты хотел бы возбудить во мне интерес? Ничего из этого не получится. Несс будет лететь теперь сам...

И прежде, чем Луи смог еще что-либо сказать, кзин исчез в лесной гуще.

Мир восстал против Тилы Браун. Она тихонько всхлипывала, жалея себя.

Правда, для уединения ей удалось найти восхитительное место. Фоном была темная зелень. Ветви и листья над ее головой создавали густой зонтик, который не пропускал солнечный свет. У земли кусты и деревья расступались, образуя поляну. Настоящий рай для любителей природы.

Скалы окружали небольшое, кристально чистое озерцо, вода которого пенилась под струями падающего в него водопада. Тила плыла по озеру. Шум водопада заглушал ее негромкие всхлипывания, но амфитеатр скал создавал прекрасный резонанс и казалось, что сама Природа плачет вместе с ней.

Тила не замечала Луи.

Он пришел сюда по сигналу миниатюрного, непрерывно действующего передатчика-сигнализатора. Сигнал шел от одежды Тилы, лежавшей на гранитной скале.

Темно-зеленая иллюминация, шум водопада и всхлипывания Тилы. Черные волосы закрывали ее лицо.

Не было смысла ожидать, пока она заметит его. Луи снял одежду и нырнул в воду. В тот же момент он понял свою ошибку.

Вода текла из тающего ледника. Луи хотел закричать, но голова была под водой. Когда ему удалось вынырнуть, он фыркал от холода и хватал ртом воздух.

Затем пришло удовольствие...

Он медленно шевелил руками и ногами, ощущая, как холодная вода из водопада обмывает его тело холодными струями.

Тила не могла не видеть его. Луи поплыл к ней. Шум воды заглушил бы голос, поэтому Луи дотронулся до ее плеча и показал на берег. Она кивнула и поплыла за ним.

— Прости, что я смеялся над тобой, — проговорил Луи, стуча зубами, когда они выбрались на берег.

Тила неопределенно кивнула головой.

— Понимаешь, это на самом деле выглядело смешно. Чтобы кукольники, такие трусы, занимались выращиванием людей и кзинов в нужном направлении! И посмотри, чего они достигли. Предки Говорящего сравняли бы Зигнамукликлик с землей, Говорящий же не сделал этого.

Луи нежно погладил ее по плечам. Тила не отодвинулась. Ей хотелось утешения и ласки.

— Я бы хотел, чтобы мы снова были вместе, — проговорил Луи и сразу почувствовал ее нервную реакцию.

— Я ненавижу его! Ненавижу! Селекционировал нас... как зверей! — внезапно она успокоилась. — Говорящий сразу же застрелит Несса, если он появится.

— А если бы мне удалось убедить Говорящего?

— Но зачем?

— «Счастливый случай» все еще принадлежит Нессу, а это единственный шанс для людей оказаться среди Магеллановых Облаков.

— Это отвратительно, Луи.

— Погоди. Ты сама говорила, что благодаря селекции кукольников мы стали свободными, а не рабами кзинов. Это во-первых. А во-вторых, ведь это было очень давно. Неужели ты не можешь простить?

— Нет! — крикнула Тила и снова прыгнула в воду.

— Прекрасный способ заставить любого замолчать! — крикнул Луи, но голос его заглушал шум водопада.

И вдруг Тила радостно рассмеялась и быстро поплыла к Луи.

Они возвратились к скутерам, все еще вздрагивая от холода после купания.

Луи молчал.

Он кое-что узнал сейчас о Тиле.

Она не могла долго обижаться. Не могла никого оттолкнуть. Она еще ничему такому не научилась.

Луи мог бы обижать ее каждый день, а она не смогла бы возненавидеть его.

Но он не хотел ее обижать.

Они шли молча, держась за руки.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Если тебе удастся уговорить Говорящего, можешь возвращать Несса.

— Благодарю тебя, — проговорил он, не скрывая радости.

— Хотя мне кажется, что это тебе все равно не удастся...

У Говорящего было достаточно времени на охоту и на физические упражнения.

Когда он вернулся к скутеру, мех на физиономии был идеально чист. Кзин, не теряя времени, вынул из регенератора два кирпичика.

«Великий охотник» возвращается домой», — подумал Луи, старательно разглядывая небо.

Луи продолжал прерванную дискуссию через интерком:

— Говорящий, ведь это было так давно.

— Но мое самоуважение не слабеет от времени! Я докажу, что не являюсь ласковым!

— Говорящий, перестань употреблять это слово.

— Почему ты так защищаешь кукольника, Луи?

«Хороший вопрос», — подумал Луи.

Может, потому, что Луи любил чужаков?

Или потому, что кукольник был иной?

Человек в возрасте Луи мог пресытиться обществом людей. Чужаки становились для него потребностью.

— Я хочу знать его точку зрения, — проговорил Луи. — Мы находимся в чуждом странном мире, и, чтобы понять, что тут делается, нам необходимо много разных точек зрения.

Тила утвердительно кивнула. Хорошо сказано! Луи подмигнул в ответ. Говорящий не обратил на эти чисто человеческие жесты никакого внимания.

— Я не хочу, чтобы кукольник объяснял мне, что делается вокруг. Мои глаза, нос и уши сделают это сами.

— Может быть. Но тебе нужен «Счастливый случай». Он нужен всем нам.

— Это выгода. А честь важнее выгоды.

— Проклятие! Но ведь «Счастливый случай» нужен не только тебе, но и всем кзинам.

— Даже в таком случае ты не можешь ставить его выше чести.

— Моей чести ничего не грозит.

— Не будь так уверен, — сказал кзин и отключился.

— Я знала, что он это сделает, — с усмешкой сказала Тила.

— Я тоже. Да-а, трудно же будет его уговорить.

Горы остались позади, и вместе с ними озерцо с водопадами. Никогда больше они не увидят его.

Внизу, на поверхности облаков, было видно, как мчится за ними волна возмущения, вызванная тремя скутерами, летящими со сверхзвуковой скоростью.

Впереди, среди нескончаемой гряды облаков, что-то вырисовывалось. Луи подумал, что это или гора, или громадных размеров воздушная труба.

— Луи, справа просвет в облаках, — отозвался Говорящий-со-Зверями.

— Вижу.

— Как будто солнце отражается от земли.

— Действительно...

— Я хочу поближе посмотреть на это явление.

— Хорошо, — согласился Луи и начал маневр поворота.

Луи размышлял, на что же ему смотреть: на серебряную точку или на оранжевую головку над пультом? Оба изображения могли дать информацию, только различного рода.

В конце концов Луи стал наблюдать и за точкой и за кзином.

Серебряная точка влетела в просвет в облаках.

В интеркоме раздался страшный рев кзина. Скутер Говорящего засиял ослепительным блеском. Глаза у него были плотно зажмурены, а рот широко раскрыт в крике. Он кричал, стонал, выл.

Скутер кзина снова оказался над облаками, и цвет его вернулся к первоначальному. Говорящий заслонил лицо ладонями. Его мех обгорел до самой кожи.

Внизу, на серой поверхности облаков, был виден ясный круг, как будто за скутером двигался луч света, посылаемый огромным рефлектором.

— Говорящий! — крикнула Тила. — Ты что-нибудь видишь?

Он открыл лицо. Единственным местом, где остался мех, была широкая полоса у глаз. В остальных местах остались лишь жалкие обгоревшие клочки шерсти. Кзин открыл глаза, снова зажмурил их и снова открыл.

— Я ослеп, — прошептал он.

— Но ты видишь?!

Луи, устрашенный происшедшим, не обратил внимания на настойчивость Тилы. Но все же какая-то часть его разума отметила беспокойство в тоне Тилы, а кроме того, убеждение, что Говорящий ответил неправильно и надо дать ему шанс на правильный ответ.

Однако сейчас на это не было времени.

— Говорящий, переключай управление на мой скутер. Нам надо где-то спрятаться.

— Готово, — отозвался кзин. Его голос выдавал борьбу организма со страшной болью. — О каком укрытии ты говоришь?

— В горах.

— Нет. Я знаю, что напало на меня. Мы в безопасности, пока находимся над облаками.

— Что это было?

— Сам скоро узнаешь.

— Тебя необходимо осмотреть.

— Да, но сначала найди безопасное место. Снижайся там, где пелена облаков самая густая.

Под толстым слоем облаков не было темно.

Поверхность, над которой они летели, была покрыта редкими растениями, размещенными на одинаковом расстоянии. Каждое имело всего один цветок, и все они поворачивались вслед за Луи Ву.

Луи приземлился у одного из растений и выбрался из скутера.

Цветок был величиной с лицо человека: снаружи покрыт какими-то выпуклостями, напоминающими мускулатуру, а внутренняя поверхность его была гладкой и отполированной, как зеркало. В центре цветка находился зеленый нарост.

Все цветы смотрели прямо на него, ослепляя своим блеском.

Луи понимал, что они пытаются его убить, и с беспокойством поглядывал вверх: на его счастье, небо было затянуто тучами.

— Ты был прав, — сказал он в коммуникатор, — это солнечники Славера. Если бы не тучи, мы были бы уже мертвы.

— Мы можем где-нибудь спрятаться? В какой-нибудь пещере или еще где-нибудь?

— Не думаю. Район этот очень плоский.

— Клянусь лапами финагла! — нетерпеливо воскликнула Тила. — Луи, нам необходимо садиться. Говорящий ранен. Ему очень больно.

— Ну, хорошо, садитесь. Рискнем. Будем надеяться, что ветер не унесет облака.

Луи прошелся между цветами. Здесь не было ничего, кроме солнечников. Ничто не росло, не было видно нор мелких животных, не было вредителей.

Зеркальный цветок был оружием страшной силы. Он должен был концентрировать солнечные лучи на зеленом выросте в центре зеркала, чтобы ускорять процесс фотосинтеза. Но растение могло концентрировать эти лучи и на животном, и на насекомом, мгновенно сжигая его. Все, что движется, было врагом растения, поэтому все движущееся превращалось в удобрения для солнечников.

«Но откуда они здесь взялись? — задумался Луи. — Солнечники не могли существовать вместе с другими формами жизни. Значит, они не могли произрастать на материнской планете строителей Кольца. Вероятно, мифические строители Кольца добрались до Серебряноглазой, которая уже находилась в границах известного Космоса. Возможно, им понравились солнечники».

Но ведь их необходимо было оградить полосой голой земли, чтобы остановить распространение.

Однако их ничто не остановило. Хватило одного семечка. Трудно сказать, какое пространство занимают они сейчас. Луи вздрогнул. Солнечники простирались до самого горизонта.

Кто знает, может, через какое-то время они захватят все Кольцо.

Но на это нужно очень много времени. А Кольцо огромно. Достаточно огромно, чтобы на нем жили самые различные существа.

Глава пятнадцатая

Замок из сновидений

— Луи! — вывел его из задумчивости голос Говорящего... — Возьми из моего скутера приспособление для копания и сделай для нас укрытие. Тила, осмотри мои раны.

— Укрытие? — удивился Луи.

— Да, нам надо спрятаться и переждать до ночи.

— Ты прав. — Луи взял себя в руки.

Это он должен был обо всем подумать, а не тяжело раненный Говорящий. Ведь возникнет небольшой просвет в облаках, и с ними будет покончено. Солнечникам хватит одной минуты. Но ночью... Доставая приспособление для копания, Луи старался не смотреть на Говорящего. Почти все тело того было покрыто ранами и ожогами. В местах, где кожа лопнула, виднелось живое мясо. В ноздри ударял запах паленой шерсти.

Луи взял приспособление для копания и отошел в сторону. Тила, которая ничего не знала о боли, могла помочь Говорящему лучше, чем Луи.

Луи нашел противопылевую маску и принялся за сооружение укрытия. Наконец была готова яма, способная вместить их и скутеры.

Тила и кзин стояли около скутеров, и Тила обрызгивала Говорящего какой-то белой пенистой жидкостью. Кожа кзина была голая, если не считать места у глаз.

Вонь горелой шерсти и тела мешала подойти Луи поближе.

Кзин посмотрел на Луи.

— Я снова вижу!

— Очень хорошо. — Луи здорово боялся, что может быть иной исход.

— Эти лекарства военных, они лучше, чем гражданские, — проворчал кзин. Откуда они у Несса? Ведь кукольники не должны были иметь дело с войсковым снаряжением? — В голосе кзина слышался гнев.

«Может, он подозревает подкуп, — подумал Луи. — Может, он прав?»

— Я свяжусь с Нессом, — проговорил Луи, обходя кзина и Тилу широкой дугой. Кзин был весь в белой пене. Неприятный запах исчез.

— Я знаю, где ты находишься, Несс, — сказал вдруг Луи.

— Прекрасно. И где же я?

— За нами. Как только ты исчез с глаз, ты сделал большой круг и оказался у нас в тылу. Тила и Говорящий об этом не догадываются.

— Не думают же они, что кукольник станет разведывать им дорогу.

— Лучше, если они будут думать именно так.

— Они согласны, чтобы я присоединился к вам?

— Не теперь. Может, попозже. Послушай, что с нами случилось... — И Луи рассказал кукольнику о поле солнечников. Он описал ожоги кзина, и вдруг головы кукольника исчезли с экрана интеркома.

Луи подождал некоторое время, после чего выключил интерком. Несс опять впал в состояние кататонии.

До конца дня они просидели в вырытой яме.

Кзину помогли забраться в нее, после чего ввели снотворное, и он проспал большую часть времени. Пена, покрывающая его тело, загустела, и Говорящий напоминал сейчас мягкую резиновую подушку.

Луи пытался заснуть, и иногда ему удавалось забыться на какой-то момент, но вдруг он очнулся, обливаясь холодным потом. Он чуть было не поднялся, чтобы осмотреться. Если бы он это сделал, солнечники сожгли бы его в одно мгновение! Если бы светило солнце.

Но тучи все еще висели на небе, и солнечники были бессильны.

Наконец начало темнеть, и Луи стал будить товарищей.

Они летели низко, чтобы была возможность все время наблюдать за солнечниками.

Через некоторое время количество их начало уменьшаться, а потом они совсем исчезли. Теперь Луи мог спокойно поспать.

Он спал так крепко, как будто принял снотворное. Когда он проснулся, утро еще не наступило.

Он вызвал Говорящего.

— Да, Луи, — отозвался кзин. — Я вижу впереди огни.

Скутеры мчались по направлению к ним. Таинственный огонек оказался зданием в десять этажей, которое плавало в воздухе на высоте тысячи футов.

Под зданием находился город. Темный, пустой. Говорящий решил, что город очень напоминает Зигнамукликлик.

— Мне кажется, что это здание намного важнее города, — сказал он.

— Да, здание должно иметь свой собственный источник энергии, — задумчиво проговорил Луи. — В Зигнамукликлике мы такого не встречали.

Вся нижняя часть здания была покрыта окнами. Такое здание невозможно было опустить на землю. Кто же его выстроил? Бетон и сталь сплетались между собой самым невероятным образом...

Тила открыла удивительную вещь: громадный, ярко освещенный бассейн. Но он был давно высохшим, и на его дне лежал скелет бандерснатха.

— Бандерснатх встречается на многих планетах. Я бы не удивился, если бы узнал, что он заселил всю Галактику. Но кто привез его сюда?

— Его привезли для развлечения, — сказала Тила.

— Ты смеешься?

Бандерснатх напоминал Моби Дика, скрещенного с гусеничным трактором. Однако в чем-то Тила была права. Все, что тут жило, должно было быть завезено: солнечники, бандерснатхи... Что же еще?

Чужие формы жизни до сих пор не были опасными.

В здании было множество окон: четырехугольные, восьмиугольные, круглые, эллипсоидальные и просто огромные плоскости, но все закрыты. Из здания вниз вела спиральная лестница, вверху же она заканчивалась у запертых дверей...

— Черт побери! Разбейте какое-нибудь окно! — крикнула разозленная Тила.

Кзин вынул дезинтегратор Славера.

Ударила ослепительная молния. Луи закрыл глаза. Этого следовало ожидать — кзин включил дезинтегратор на полную мощность. Одновременно со светом раздался оглушающий даже сквозь звукопоглощающий защитный барьер грохот.

Когда Луи открыл глаза, Тила уже исчезла в огромном помещении. Остальные скутеры направились за ней.

Луи медленно просыпался, наслаждаясь почти утраченным чувством комфорта. Он лежал на прекрасном мягком ложе.

Он повернулся на спину и открыл глаза. Над ним был высокий белый потолок. Рядом лежала Тила. Необъятное ложе находилось в помещении, напоминающем зал.

Прежде чем они попали сюда, они увидели много чудесного. Здание было дворцом, а не отелем в стиле модерн. Банкетный зал с окном в пятьдесят футов сам по себе был чем-то необычным. Столы, стоящие в нем, окружали подиум, на котором находилось одинокое, богато украшенное кресло. Тила нашла пульт, который позволял поднимать кресло в воздух, усиливать звук голоса сидящего в нем, а также поворачивать кресло вокруг своей оси. При этом поворачивалась лепка на потолке. Она, на первый взгляд, представляла абстракцию, но, установленная под определенным углом, давала изображение совершенно лысого мужчины. Несомненно, что это было лицо человека, привыкшего к власти.

Все указывало на то, что они находились в Правительственном Дворце: трон, банкетный зал, необычайные тона, наличие у здания своего источника энергии. Луи все вглядывался в это необыкновенное лицо на потолке.

Этажи здания соединялись искусно украшенными лестницами. Однако лестницы не двигались, и поэтому все направились вниз. Огромное ложе в обнаруженной спальне магнетически подействовало на Луи и Тилу. В ней они и остались, а кзин отправился наверх...

Луи приподнялся на локте. За окном, далеко внизу, расстилался город. Большинство его зданий было довольно высокими, а неко-

торые просто громадными: их вершины достигали летающего замка. Когда-то замок не был единственным летающим зданием — тут и там можно было увидеть руины, оставшиеся после падения тысячетонных зданий.

Что-то едва видимое сверкнуло за стеклом.

Нить. Она все еще падала с неба. Луи лежал на диване и разглядывал эту бесконечную нить. Ему было спокойно и хорошо, он чувствовал себя отдохнувшим.

Нить все падала на город. Она была очень тонкой. Ее почти нельзя было заметить.

И вдруг Луи понял, что это за нить.

— Очень приятно снова встретиться, — пробормотал он и одновременно почувствовал растущее напряжение.

Это была нить, соединяющая черные прямоугольники. Она добралась и сюда...

Луи обошел пять этажей, разыскивая кухню. Вернее, не кухню, а то место, где можно позавтракать. Кухня была огромных размеров, и в ней, вероятно, работала целая армия поваров.

Луи обнаружил корзины для овощей, где сейчас лежали засохшие остатки, покрытые пылью, холодильники — пустые и теплые... Однако не было резервуаров с водой и краны были сухие...

Он еще раз осмотрел помещения. Если бы он этого не сделал, то не заметил бы самой главной вещи.

Сначала это была не кухня.

Вероятно, это был проекционный зал: одна из стен была гладкой и краска на ней выглядела более свежей, а на полу можно было заметить следы от стоявших здесь когда-то кресел или диванов.

Потом аппаратура испортилась, и никто не сумел ее исправить. И зал переделали в кухню. Вероятно, кухонь требовалось все больше, по мере того, как переставали функционировать сложные автоматические приспособления. Запасы продуктов доставлялись в здание летающими машинами.

А когда и они отказали?

Луи вышел.

Наконец он добрался до банкетного зала и там позавтракал кирпичиком из генератора питания.

Он уже почти закончил трапезу, когда увидел входящего в помещение Говорящего-со-Зверями.

Тот, по-видимому, умирал с голоду, так как без единого звука направился к своему скутеру, проглотил три кирпичика и только потом обратился к Луи.

Говорящий уже не был «резиновым» кзином. Ночью белая пена

сошла и показалась розовая кожа. Только кое-где были видны серые шрамы и фиолетовая сетка жил.

— Пошли со мной, — сказал кзин. — Я нашел комнату карт.

Глава шестнадцатая

Комната карт

Комната находилась на самом верху здания. Луи тяжело дышал, измученный подъемом по лестнице. Кзин передвигался гораздо быстрее, и, когда Луи взбирался на последние ступеньки, он уже открывал двери.

Луи оглядел комнату. Почти все помещение занимало миниатюрное Кольцо ясно-голубого цвета с чередующимися черными тенями.

У стены размещались десять вращающихся шаров. Они отличались размерами и скоростью вращения, но все имели одинаковый голубовато-зеленый цвет, характерный для планет земного типа. Под каждым шаром находилась карта.

— Я провел здесь всю ночь, — проговорил кзин. — Могу показать тебе интересные вещи. Иди сюда.

Луи хотел было опуститься на четвереньки, чтобы проползти под миниатюрным Кольцом, но вдруг подумал, что вряд ли Правитель, чьи гордые черты украшали банкетный зал, ползал здесь на полу. Луи пошел прямо на Кольцо и прошел, не чувствуя никакого сопротивления: это была голографическая проекция.

Кзин ждал его у большого прямоугольного экрана, который был окружен рукоятками регулирования, выполненными из серебра в виде голов различных зверей. Слишком вычурно, подумал Луи. Или и у них были свои декаденты?

Экран работал. Картина напоминала вид на Кольцо с орбиты черных прямоугольников.

— Хочу показать край Кольца, — проговорил Говорящий и тронул одну из рукояток.

Картина быстро помчалась вперед так, что Луи невольно отшатнулся. Перед ним был край монументальной конструкции.

Они смотрели сверху, с высоты тысячи миль. Внезапно Луи заметил ряд серебряных точек, бегущих по вершинам.

— Линейный акселератор! — воскликнул он.

— Да, — согласился с ним кзин. — В отсутствие трансферовых кабин это единственный способ перемещаться на такие громадные расстояния.

— Но ведь это на высоте тысячи миль. Там есть лифты?

— Да. Например, там.

Капельки увеличились до размера небольших петелек. У одной из них можно было заметить тоненькую нитку шахты лифта, теряющуюся среди туч.

— Вероятно, акселераторы предназначены для старта и приземления ракет. Ты не видел там следов деятельности?

— Это не имеет значения. Смотри...

Картина задрожала, передвинулась, и Луи увидел приближающиеся огни большого города.

— Город... Огни города. — Луи шумно сглотнул слюну. — Значит, еще не все погибло. Мы найдем помощь!

— Я не слишком уверен в этом. Вот, посмотри.

— Что это? Клянусь финаглом, это же наш замок! Так все это — старые ленты! А я думал...

Прекрасные, кипящие жизнью улицы. Мчащиеся во все стороны цветные огоньки летающих машин. Великолепные здания — все это были только картины, запечатленные на старых лентах.

— Я тоже так думал. До тех пор, пока мне не удалось отыскать борозду, которую проделал, падая, «Обманщик». Она ведь тянется на тысячи миль...

Говорящий снова включил аппарат. Замелькал пейзаж, проносившийся с большой скоростью, после чего Луи увидел громадный океан.

— Видишь? На нашем пути залив одного из соленых океанов. Этот залив по величине превышает самые большие океаны Земли.

— Разве мы не сможем перелететь через него?

— Может быть. Но посмотри, что нас ожидает дальше.

— Не спеши. Я хочу рассмотреть эти острова.

— Зачем? Ты хочешь задержаться на них для пополнения припасов?

— Нет... Вот здесь. — Палец Луи показал на экран. — А сейчас посмотри на эти карты.

— Ничего не понимаю.

— Десять планет, десять архипелагов. Конечно, не в масштабе один к одному, но вот этот остров величиной с Австралию...

— Ты шутишь? Это человеческое чувство юмора...

— Говорящий, это сентиментальность. Воспоминания. Первые поколения, оставившие свои планеты, хотели видеть здесь что-то знакомое. Но через три поколения это уже было просто смешно. Так бывает всегда.

Наступила тишина. Потом кзин спросил без своей обычной самоуверенности:

— Луи, как тебе кажется, вы понимаете кзинов?

Луи усмехнулся и покачал головой.

— Это хорошо, — проговорил кзин и сменил тему. — Прошлой ночью я долго рассматривал космопорт...

Они стояли в центре миниатюрного Кольца и рассматривали его прошлое. Оно было великолепным. На экране был космический порт: мягко закругленный, сияющий тысячами окон цилиндр приземлялся в электромагнитной коляске. Поля переливались огнями.

— Эта лента повторяется раз за разом, — сказал кзин. — Я ее внимательно рассмотрел. Пассажиры просто проходят через стену Кольца, как будто там осмотическая перегородка.

— Да, — пробормотал Луи. Ему стало тоскливо и неуютно. Космический порт находился так далеко, что расстояние, пройденное ими, казалось смешным.

— Луи! Я видел и старт корабля. Они не пользуются акселератором, а просто выпихивают корабль в космос. Так, как и предполагал этот пожиратель листьев... Луи! Ты меня слышишь?

— Извини. Я думаю о том, как удлиняется наша дорога. Однако порт — это наш последний шанс.

— В самом деле?

— Да. Кольцо огромно, но это только колония. Во всех колониях центрами цивилизации являются космические порты.

— В том случае, если туда прибывают корабли с родной планеты. А строители Кольца или уничтожили свои планеты, или покинули их.

— Но корабли все еще могут прибывать. Например, с каких-то окраинных планет. Или из прошлого. При такой скорости полета возникает разница в субъективном времени корабля.

— И ты надеешься застать там космонавтов прошлого, которые учат своих потомков тому, что не успели забыть? — проворчал кзин. — Я слишком устал, а до порта еще очень далеко. Что ты еще хотел бы увидеть?

— На каком расстоянии мы находимся от места падения «Обманщика»? — нетерпеливо спросил Луи.

— Я уже говорил, что не смог найти место падения. Но знаю, сколько нам еще осталось до порта: около двухсот тысяч миль.

— Хорошенький кусочек. А гора? Ты должен был найти Кулак Бога.

— Я не нашел его.

— Это мне совсем не нравится. Может, мы сбились с курса?

— Я не нашел гору, — повысил голос Говорящий-со-Зверями. — Что еще ты хотел бы увидеть? На некоторых лентах есть чистые места. Или они испорчены, или кто-то намеренно их стер, а может быть, там размещались какие-то тайные объекты.

— Чтобы узнать это, там надо побывать.

Вдруг кзин навострил уши, повернулся к двери и прыгнул.

Луи удивленно моргнул. Что случилось?

Принимая во внимание возраст, машины замка действовали удивительно бесшумно. Луи вытащил свой лазер и осторожно вышел из комнаты карт.

Кзин стоял на краю лестницы. Луи подошел к нему, спрятал оружие и с удивлением посмотрел на Тилу поднимавшуюся к ним.

— Лестницы движутся только вверх, — объяснила она им. — Вниз не хотят. А между пятым и шестым этажом вообще не действуют.

Луи помедлил с минуту, а потом спросил:

— Как тебе удалось привести их в действие?

— Нужно было толкнуть вперед стояк балюстрады. Но действует это только тогда, когда есть желание. По-видимому, так сделано в целях безопасности.

— Утром мы добирались до десятого этажа пешком. А ты?

— Я вообще не поднималась пешком. Я шла завтракать, когда споткнулась, схватилась за стояк и...

— Понятно. Все совпадает.

Тила сделала обиженную мину.

— Я разве виновата, что ты...

— Извини. Ты уже завтракала?

— Нет. Я наблюдала за людьми внизу. Под этим домом находится что-то вроде рынка или главной площади.

Уши кзина снова навострились.

— Да? И там кто-то есть?

— Есть. С самого утра идут со всех сторон. Их там уже собралось несколько сот. — Она усмехнулась. — И все поют...

Во всех коридорах замка находились обширные ниши, выложенные мягкими коврами и установленные удобными диванчиками и столиками. Такая же ниша находилась и на первом этаже. Стену и часть пола здесь заменяло выпуклое стекло.

Луи отдышался от подъема на десять этажей и стал рассматривать столешницу, на которой были вырезаны миски, тарелочки, чаши для напитков. Десятки или сотни лет оставили на столешнице заметные следы.

— Наверное, у них не было посуды, — вслух размышлял Луи. — Накладывали пищу в эти углубления, а после еды мыли весь стол. Правда, это не слишком гигиенично, но ... Они не взяли с собой мух, москитов. Могли не взять и микробов. Но микробы нужны для пищеварения. С другой стороны, хватило бы одной мутации и никто не смог бы выжить. Может, таким образом и погибла цивилизация Кольца?

Тила и Говорящий не обращали на него внимания. Они наблюдали за толпой.

Снизу в их сторону смотрело уже около тысячи человек.

— Они же не могут знать, что мы здесь находимся, — проговорил Луи.

— Может быть, они поклоняются зданию, — ответила Тила. — Или пришли сюда из-за вот этого.

— Я уже думал. Как долго это падает?

— По крайней мере, с утра. Но почему оно падает именно здесь?

Луи представил себе черные прямоугольники, отделенные друг от друга на шесть миллионов миль... и нити такой же длины, разорванные «Обманщиком» и падающие сейчас на поверхность Кольца. Ничего удивительного в этой встрече не было.

— Случайность, — пробормотал он.

— Если бы сейчас появились мифические Инженеры, то их бы приняли за богов. Луи, разыграем гамбит Бога?

Луи посмотрел на кзина и только усилием воли смог удержать смех. Это, возможно, ему бы и удалось, если бы не слова кзина, обращенные к Тиле:

— Ты и Луи играли бы роль жрецов, а Несс был бы пойманным демоном. Я был бы богом войны, грозным богом войны, который...

Тила громко рассмеялась, и Луи присоединился к ней.

Конечно, кзин был огромен, с мощными зубами и когтями. Но его кожа — розовая, как у ребенка, с молочными длинными шрамами — придавала ему вид поросеночка. Уши торчали, как два зонтика. А сохранившаяся ниже плечей шерсть выглядела, как подушка, которую он носит для удобства.

Луи, согнувшись пополам, пытался нащупать рукой кресло.

Чудовищная ладонь стиснула его плечо и подняла вверх. Слезящиеся от смеха глаза Луи в первый раз оказались на одном уровне с глазами кзина.

— Луи, объясни свое поведение.

— Не... не могу. Г... г... грозный бог... войны, — с трудом выговорил Луи.

Тила уже не могла смеяться и только тихо пищала.

Кзин поставил его на пол и молча ждал, пока он успокоится.

— Твой вид сейчас не вызывает страха или почтения, — объяснил ему Луи через несколько минут. — Без меха ты не выглядишь грозным богом войны, Говорящий. Надо подождать, пока вырастет новый мех. И тогда нам пригодился бы тасп Несса.

— Мы не знаем, где сейчас находится кукольник.

— Но...

— Как установить контакт с туземцами?

— Останься здесь, а мы с Тилой... — Луи посмотрел на Тилу, как будто увидел ее первый раз в жизни. — Тила, ты видела комнату карт?

— А что это такое?

— Тогда оставайся здесь. А я полечу сам. Вы будете слышать

меня через коммуникаторы и сможете в случае необходимости прийти ко мне на помощь. Говорящий, дай мне свой лазер.

Тот что-то проворчал под нос, но лазер отдал. У него оставался еще дезинтегратор Славера.

Тишина на площади сменилась возбужденным гулом удивления. Они увидели его — маленький серебряный шарик, оторвавшийся от одного из окон. И они снова запели.

— Страшно фальшивят, — сказала Тила. — Каждый поет по-своему.

Они пели в двенадцатизвуковой шкале. Земная шкала тоже двенадцатизвуковая, хотя ее никто не принимает за такую. Ничего удивительного, что Тила услышала фальшь.

Это была духовная музыка — медленный, торжественный напев с повторяющимися мотивами...

Площадь была огромна. На ней могло бы поместиться более десяти тысяч человек, но и тысяча человек после трех недель одиночества показалась Луи неправдоподобным количеством. Одинокий мужчина в центре площади махал руками, но никто на него уже не смотрел, все смотрели на Луи Ву.

Возвышение в центральной части площади когда-то было цоколем статуи. Теперь на нем находился какой-то алтарь.

Луи решил приземлиться именно там. Перед ним стоял лысый человек с розовым черепом — единственный среди тысячной толпы. Был он таким же высоким, как Луи. Кожа его имела светлый, почти белый цвет, как кожа альбиноса с Нашего Дела. Брился он, вероятно, несколько дней тому назад, поскольку его щеки и подбородок покрывала свежая щетина.

— Наконец-то вы прибыли! — В его голосе слышалась укоризна.

— Мы не знали, что вы нас ожидаете, — ответил Луи, что было чистой правдой.

— У тебя на голове волосы. Можно подумать, о Инженер, что твоя кровь не совсем чистая.

Вот как! Все Инженеры должны быть лысыми, значит, жрец брал с них пример, скобля свою щетину тупой бритвой. А может быть, Инженеры применяли депиляторы так, как этого требовала их мода или чувство красоты? Лицо жреца не очень отличалось от физиономии в банкетном зале.

— Это тебя не касается, — ответил Луи. — Мы летим к краю мира. Что ты можешь сказать о нашем пути?

Лицо жреца выразило крайнее удивление.

— Ты требуешь от меня информации? Ты, Инженер?

— Я не Инженер. — Луи все время держал руку на кнопке силового поля.

Жрец, казалось, удивился еще больше, если это было возможно.

— Тогда почему ты почти не имеешь волос? Каким образом ты летаешь? Или Ты украл секреты у Неба? Чего ты хочешь от нас? Может, ты хочешь забрать моих людей?

Казалось, этого он боится больше всего.

— Мы летим к краю мира, и нам нужна информация.

— Вы можете ее достать в Небе.

— Оставь свои шутки при себе!

— Но ведь ты же прибыл с Неба! Мы все видели это!

— Ах, этот замок! Мы обыскали его, но мало что нашли... Действительно Инженеры не имели волос? Иногда мне кажется, что они попросту брились, как я. А ты на самом деле такой?

— Я применяю депилятор.

Луи посмотрел на море волосатых лиц.

— А что думают они?

— Видят, что мы разговариваем на языке Инженеров, как равный с равным. Я бы хотел, чтобы и дальше так было, если ты не возражаешь.

— Они нас понимают?

— Одно слово из десяти.

Коммуникатор переводил безупречно. Луи не имел понятия, говорит ли жрец на языке Зигнамукликлика или на другом. Если бы он мог сравнить их языки, то мог хотя бы приблизительно судить о времени упадка цивилизации Кольца.

— Почему этот дворец называется Небом? Ты знаешь что-нибудь об этом?

— Легенды говорят о Зрилле и о том, как он управлял землями, лежащими вокруг Неба. — В голосе жреца появилась молитвенная напевность. — Небо возникло тогда, когда Инженеры сотворили мир и Лук Неба. Хозяин Неба распоряжался землями от края и до края мира. Он царствовал многие поколения, уничтожая непослушных молниями. Но однажды стали говорить, что он уже не может бросать молнии, и народ перестал его слушать. Когда ангелы Зрилла стали бросать сверху камни, над ними только смеялись.

Однажды люди решили забраться на Небо. Однако Зрилл сломал лестницу, а его ангелы покинули Небо на летающих машинах.

Позже люди стали жалеть, что нет Зрилла. На небе постоянно висели тучи, а урожай пропадал от сырости. И все стали молиться о возвращении Зрилла...

Луи внимательно осмотрел алтарь. Тот занимал центр большого цоколя. На прямоугольной поверхности из темного дерева были вырезаны холмы, реки и большое озеро. На них опирался золотой лук. В его центре на тонкой проволочке был прикреплен золотой полированный шарик.

— Так много событий... Солнечная проволока, ваше прибытие... Это на самом деле солнечная проволока? И Солнце теперь может упасть?

— Не думаю.

— Наша религия учит, что Солнце прикреплено к Луку необычно крепкой проволокой. А эта проволока очень крепкая: девочке, которая хотела ее поднять, отрезало пальцы.

Луи кивнул.

— Нет, Солнце не упадет, — сказал он и добавил вполголоса: — Даже черные прямоугольники не упадут. Даже если разрезать все нити, и тогда бы не упали. Только выстроились бы на новой орбите.

— А может, тебе что-нибудь известно о системе коммуникации к краю? — спросил Луи и вдруг почувствовал, что что-то изменилось. Почувствовал опасность. Но какую?

— Ты можешь повторить? — спросил жрец.

Луи повторил.

— Эта вещь, которая говорит за тебя, — объяснил жрец, — сначала сказала совсем другое. Что-то запретное...

На этот раз Луи услышал. Коммуникатор что-то сказал на совершенно чужом языке, и причем очень громко.

— Пользуешься запрещенной частотой, нарушая... дальше не помню. Лучше закончим наш разговор. Ты разбудил какое-то зло... — Жрец снова замолчал, вслушиваясь в слова, льющиеся из коммуникатора. — Нарушая параграф двадцатый, касающийся...

Коммуникатор вдруг раскалился докрасна, и Луи тут же отбросил его в сторону.

Жрец с достоинством кивнул ему. Луи ответил ему тем же, а затем нажал на включатель и начал подниматься к Небу.

И только, когда он остался один, лицо его исказила гримаса боли. Он зашипел и произнес слова, которые впервые услышал из уст человека, уронившего на пол кристалл Стейнбена тысячелетнего возраста.

Глава семнадцатая

Глаз циклона

Скутеры покинули Небо. Они летели, держась ниже сплошной пелены туч. Тучи спасли им жизнь над полем солнечников, но сейчас они действовали на психику угнетающе.

Правая ладонь Луи была покрыта толстым слоем мази. Коммуникатор кзина тоже раскалился у него в руке (пройдет несколько дней, прежде чем он сможет действовать рукой).

Пока Луи вел разговор со жрецом, Говорящий и Тила составили контурные карты их пути, начиная с нанесения на них городов, которые увидели на экране.

Сейчас, имея карты, они летели не вслепую. Если цивилизация должна была возродиться, то наиболее вероятным местом для этого были большие метрополии.

Но кому — или чему — не понравилось, что они применяют запрещенную частоту? Запрещенную кем? Почему? Луи подумал, что речь идет о какой-то машине, вроде лазерного стража, который подстрелил «Обманщика».

На пульте вдруг появилась одноглазая голова кукольника.

— Привет, Луи! — запел Несс. — Что нового?

— Мы открыли летающее здание, — ответил Луи. — С комнатой карт.

И он рассказал о Небе, об экране, картах и глобусах, о жреце и его ответах.

— Кстати, скажи-ка, твой коммуникатор действует?

— Нет, Луи. Он расскалился и очень меня испугал.

— Другие тоже не действуют. Нам придется изучать местный язык.

— Согласен.

— Жаль, что тот жрец ничего не знал о падении цивилизации. У меня возникла идея. — Луи рассказал кукольнику свою теорию мутации бактерий.

— Возможно, — проговорил Несс. — И если они утратили знание переработки первичных атомов, то эта цивилизация уже не воскреснет.

— Почему?

— Копни в любом месте. Что ты увидишь?

— Почву.

— А еще глубже?

— Снова почву. Скалы. Основу Кольца.

И тут Луи понял. Все, что окружало его, как-то изменилось, сделалось искусственным и плоским. Разница между настоящей планетой и этим была такая же, как между резиновой маской и живым лицом.

— Если бы ты копал на любой планете, — продолжил кукольник, — то рано или поздно наткнулся бы на какую-нибудь руду. А здесь натолкнешься только на основу Кольца. И все. А за ней — пустота. Цивилизация не нуждается в сырье. Или в дешевой технологии переработки первичных атомов. А посему она обязательно погибнет. Навсегда.

— Когда ты это понял?

— Довольно давно. Но это не имело отношения к нашей безопасности.

— Поэтому ты молчал? Впрочем, ясно.

Сколько времени Луи сам ломал голову над этим вопросом? А сейчас все ясно и очевидно.

Луи осмотрелся. Приближалась буря. Луи решил подняться повыше.

Он лениво размышлял над этим... и над тем...

Надо изучить местный язык, это потребует некоторого времени. Давно ли произошло падение цивилизации? С каких пор начали развиваться в языке наречия и диалекты? Насколько они отличаются друг от друга?

Окружающий ландшафт потемнел, потом исчез. Они были уже в тучах. Через несколько минут скутеры пробили тучи и оказались над ними.

С горизонта на Луи смотрел гигантский голубой глаз.

Если бы Бог имел голову величиной с Луну, то этот глаз ему бы подошел.

Осмысление увиденного заняло у Луи несколько секунд. И еще несколько минут его разум отказывался соглашаться с увиденным.

Сквозь нарастающий шум в ушах он услышал (почувствовал) чей-то крик.

Несс? Но ведь интерком был отключен.

Это была Тила. Тила, которая никогда ничего не боялась, сейчас закрыла лицо руками, чтобы не видеть этого голубого взора.

Глаз находился перед ними. Казалось, что он притягивает их с магической силой.

«Может, я умер? И это Творец, который будет меня судить? Но *какой* Творец?»

Сейчас Луи должен был решить, в кого он верит. И верит ли вообще?..

Глаз был голубовато-белый: белая бровь и темный зрачок. Белый от облаков, голубой благодаря расстоянию. Как будто он был частью неба.

— Луи, сделай хоть что-нибудь! — кричала Тила.

«Это неправда, — говорил себе Луи. — Такого не может быть!»

— Луи! — кричала Тила.

Луи пришел в себя.

— Говорящий? Что ты видишь?

Кзин ответил не сразу, а когда заговорил, его голос казался каким-то бесцветным.

— Вижу громадный человеческий глаз.

— Человеческий?

— Да.

Одно это слово все меняло. Если бы это была галлюцинация или какое-нибудь сверхъестественное явление, кзин должен был видеть глаз кзина или вообще ничего не видеть.

— Значит, это естественное явление, — проговорил Луи.

Но почему оно притягивало их скутеры? Луи повернул руль управления вправо. Скутеры совершили маневр.

— Ты свернул с курса, Луи, — сразу же отреагировал Говорящий. — Передай управление мне.

— Ты хочешь пролететь через это?

— Оно слишком велико, чтобы его обходить.

— Не слишком. Через час мы снова вернемся на курс. Зачем рисковать?

— Если боишься, облетай. Встретимся на другой стороне.

— Но почему? — хрипло спросил Луи. — Ты считаешь, что это... что случайная игра туч шлет тебе вызов?

— Речь идет о моем мужестве.

Скутеры мчались вперед со скоростью тысячи двухсот миль в час.

— При чем здесь твое мужество? И как мы потом тебя найдем?

— Да, это проблема, — согласился кзин. — Луи, ты когда-нибудь слышал о секте Кдапта красноречивого?

— Нет.

— После Четвертой Войны с людьми, которую мы снова проиграли, Кдапт красноречивый начал проповедовать новую религию. Его растерзал сам Патриарх на поединке, но созданная им вера до сих пор тайно существует. Кдапт считал, что Бог создал человека по своему подобию.

— Человека? Но... ведь Кдапт был кзином?

— Да. Вы все время побеждали нас, Луи. За триста лет четыре войны. Последователи Кдапта носили во время богослужения человеческие маски. Они надеялись обмануть Творца и победить в войне.

— Значит, когда ты увидел этот глаз, смотрящий с неба...

— Вот именно.

— С ума можно сойти!

— И все-таки я думаю, что твоя теория правдоподобнее моей, Луи.

Мысли Луи снова зашевелились.

— Может, строители Кольца поместили этот глаз сюда сознательно? Например, как украшение? Или как указатель?

— И что он должен указывать, по-твоему?

— Не знаю. Что-то значительное. Место развлечений или главный собор. Или квартиру Главного Окулиста.

— Университет частных детективов! — неожиданно включилась Тила. — Контрольный пункт стереовизии Вселенной! Я боялась так же, как и ты, Говорящий, — сказала она уже нормальным голосом. — Думала, что... сама не знаю, что я думала. Но я не оставлю тебя. Полетим через это вместе.

— Прекрасно, Тила.

— Если глаз моргнет, то мы пропали.

— Решает большинство, — сказал Луи. — Вызову Несса.

— Клянусь финаглом! Прекрасная мысль! Ведь он уже должен был пролететь через *это*...

Луи рассмеялся громче, чем обычно. Он продолжал ощущать чертовский страх.

— Не думаешь ли ты, что Несс прокладывает для нас дорогу?

— Что?

— Ведь это же кукольник! Он обошел нас с тыла и, вероятно, подключил свой скутер к скутеру Говорящего. Таким образом, он получил гарантию, что Говорящий до него не доберется. А кроме того, со всеми неприятностями первыми встречаемся мы.

— Удивляюсь твоей способности размышлять, как этот трус, — сказал кзин.

— Не относись к этому легкомысленно, мы находимся в чужом мире, и еще неизвестно, кто в конечном счете окажется прав.

Кукольник спал.

— Несс, — позвал Луи, — Несс!

Кожа на хребте кукольника задрожала, после чего появилась удивленная треугольная голова.

— Что случилась? — к первой голове добавилась вторая, и обе беспокойно озирались по сторонам.

Луи был уже не в силах смотреть в Небесный Глаз. Он отвернулся.

— Посмотри вперед и скажи, видишь ли ты скопление туч в виде человеческого глаза? Наши товарищи хотят совершить самоубийство — пролететь через этот глаз. Как ты думаешь, что это такое?

— Какая-то буря. Что-то вроде циклона. Но на Кольце не может возникнуть циклон.

— Почему?

— Движение воздуха по спирали происходит под действием кориолисовой силы и разницы в скорости перемещения воздуха на разных высотах. Каждая планета является вращающимся сфероидом. Когда с двух сторон массы движутся к центру, где возникло малое давление...

— Несс, я *знаю*, как образуются циклоны...

— Значит, ты должен понимать, что на Кольце все воздушные массы движутся с одинаковыми скоростями. Никаких спиралей.

— Ну, а ветер?

— Теплый воздух поднимается вверх, холодный опускается вниз. Но по этой причине не могло возникнуть явление, которое мы сейчас наблюдаем. Что хочет Говорящий?

— Пролететь через его центр. И Тила с ним.

Кукольник присвистнул.

— Это может быть опасно... Не понимаю, Луи... хотя... Знаю, уже знаю...

— Что знаешь?

— Представь себе, что в центре бури находится место, где воздух исчезает. Все остальное очевидно. Воздушные массы движутся со всех сторон к этому месту. Воздух, вращающийся вместе с Кольцом, будет двигаться немного быстрее, и поэтому на него будет действовать более сильная центростремительная сила. Простой же воздух будет опускаться вниз. Это — нижнее веко Глаза. Верхнее образует воздух, движущийся против «течения».

Луи смотрел на Глаз. Теперь он уже не казался таким ужасающим. Кукольник был прав — Глаз был не чем иным, как циклоном. «Веки» были тучами, освещенными солнцем. «Зрачок» — центром циклона.

— Только что это за таинственное место, где исчезает воздух?

— Может, это какой-то гигантский насос?

— Это сомнительно, Луи.

— Почему?

— А ты обратил внимание на поверхность, где материал Кольца выступает из почвы и скал? Их становится все больше. Это следствие действия эрозии. Глаз действует в радиусе многих тысяч миль на поверхности большей, чем поверхность наших родных планет.

На этот раз засвистел Луи.

— Проклятие! Теперь понимаю! Это кратер от метеорита.

Значит, материал Кольца все же не может выдерживать ударов.

Луи Ву смело посмотрел на громадный Глаз и сказал:

— В центре Глаза находится спокойный воздух... Я сейчас передам это остальным. Мы все пролетим через Глаз циклона.

Когда они подлетали к зрачку, небо над ними потемнело. Может, наступала ночь? Ответить определенно на это не было возможности — толстая пелена облаков сделала бы и ясный день темным и мрачным.

Летели прямо в Глаз Бога. Вид был поразительным. Луи хотелось одновременно смеяться и кричать от восторга и ужаса!

Они уже были в центре.

Влетели, будто в черный коридор, освещаемый непрерывными вспышками молний. Воздух был сравнительно спокоен. Но около зрачка бешено мчались тучи.

— Пожиратель листьев был прав! — прокричал Говорящий. — Это просто буря.

— Я что-то вижу! Впереди! — крикнула Тила.

Дыра внизу туннеля. Луи оскалил зубы в нервной гримасе и по-

ложил руки на пульт. Он даже не заметил, как Тила направила свой скутер вниз. И вдруг он услышал приглушенный крик.

Лицо Тилы на интеркоме выдавало сильное потрясение. Она смотрела вниз.

— Что случилось?

С трудом до него донесся обрывок ответа:

— ...ит меня!

Луи посмотрел вниз.

На самом дне туннеля что-то мигало... какая-то искорка, которая могла быть скутером, если бы нашелся глупец, желающий нырнуть в рычащий Мальстрем. Нырнуть только затем, чтобы посмотреть на дыру, за которой находилась пустота.

Луи почувствовал, как его охватило полное бессилие. Ничего нельзя было сделать. Ничего...

Над пультом он увидел лицо Тилы. Широко открытые глаза всматривались во что-то ужасное. Из носа текла кровь.

Лицо ее постепенно бледнело. Каждую секунду она могла упасть в обморок.

Ее глаза смотрели в глаза Луи и, казалось, просили: «Сделай что-нибудь. Что-нибудь».

Голова Тилы безвольно упала на пульт.

Луи почувствовал во рту вкус крови. Он даже не сомневался, что до крови прикусил губу. Луи посмотрел в воронку громадных размеров, увидел в ней серебряную искорку скутера Тилы... Искорка внезапно повернула и с огромной скоростью врезалась в стену воронки. Через несколько секунд далеко впереди, за пределами Глаза, появилась движущаяся с огромной скоростью конденсационная полоса. Ни на секунду Луи не сомневался, что это скутер Тилы.

— Что случилось? — встревоженно спросил кзин.

Луи только покачал головой, не в силах ничего сказать.

Интерком показывал опущенную голову Тилы. Черные волосы закрывали ее лицо. Она была без сознания и находилась в скутере, мчавшемся со сверхзвуковой скоростью. Что-то надо было предпринять, но что?

—Луи, она должна была погибнуть. Может быть, Несс включил какое-то устройство, о котором мы не знали?

— Не думаю.

— А мне кажется, что именно так и было, — заявил Говорящий.

— Ты сам видел, как было! Она потеряла сознание, ударилась головой о пульт, и ее скутер рванулся вбок, как будто за ним гнались дьяволы! Просто при ударе освободилась блокировка рулей, и тело направило их в нужную сторону.

— Чепуха!

— Ага... — Луи думал только о том, чтобы заснуть и избавиться от этих кошмарных мыслей.

— Подумай о теории вероятности, Луи, — кзин вдруг сообразил, и его челюсть отвисла от изумления. — Нет. Это невозможно...

— Ага... — подтвердил Луи.

— Если бы это было так, она бы не была с нами. Осталась бы на Земле...

Луи кивнул, потом неторопливо протянул руку и нажал кнопку вызова Несса.

Кукольник отозвался почти сразу, как будто ожидал этого сигнала. Луи с удивлением заметил, что кзин не выключил свой интерком. Коротко рассказал Нессу о том, что произошло.

— Кажется, мы оба были неправы относительно Тилы, Луи. Она летит на дополнительном двигателе. Его невозможно включить ударом головы. И вообще, невозможно включить случайно.

— А как он отключается? — спросил Луи. Когда Кукольник показал ему, как, Луи пробормотал: — Могла из любопытства попробовать.

— Ты так считаешь?

— Что мы можем сделать? — спросил Говорящий.

— Дайте мне знать, когда она придет в сознание, — сказал кукольник. — Я покажу ей, как уменьшить скорость и вернуться к нам.

— А до этого?

— До тех пор мы можем только ждать. Существует, правда, опасность перегрева двигателя. Однако пока скутер летит, он сам будет огибать преграды, так что она не разобьется. Ей ничего не угрожает.

— Нехватка кислорода может нарушить работу мозга.

— От этого ее будет охранять ее счастье, — возразил кукольник.

Глава восемнадцатая

Случайности Тилы Браун

Была уже глубокая ночь, когда они оказались на другой стороне Глаза. Не было видно ни одной звезды, но через многочисленные разрывы в тучах время от времени к ним добирался голубой отблеск Дуги Неба.

— Я передумал, — сказал Говорящий-со-Зверями, — если хочешь, Несс, можешь вернуться к нам.

— Хочу, — ответил Несс.

— Мы нуждаемся в твоем способе мышления. Но я никогда не забуду о том, что твоя раса сделала с моей.

— Никоим образом не хочу вмешиваться в твою память.

Луи почти не обратил внимания на победу практичного взгляда на жизнь над чувством гордости — разума над ксенофобией.

Тила все еще была без сознания. Хотя Луи неоднократно пытался связаться с ней, ему это не удавалось.

— Не понимаю, — проговорил Несс. — Если ее счастье столь велико, почему наша экспедиция потерпела катастрофу?

— Я это уже говорил!

— А если это не счастье, то почему включился дополнительный двигатель? Ну, ответь!

— Успокойтесь, — попробовал остановить их Луи. Они не обратили на него внимания.

— Наверно, счастье иногда покидает ее, — проговорил Несс.

— Никогда не поверю в наследование счастья!

— Придется поверить, — вмешался Луи. — Я должен был догадаться раньше. Тила никогда не знала боли. Помнишь, что сказала она, когда на нас напали солнечники? Она спросила тебя: «Видишь ли ты?» — «Я ослеп», — ответил ты. А она на это: «Да, но видишь ли ты?» Она просто не поверила тебе... Или ее попытка босиком пройтись по дымящейся лаве?

— Просто она не очень умна, Луи.

— Черт побери, именно умна! Просто не знает, что такое боль. Ты посмотри, как она ходит. Неуклюже, будто в любой момент может споткнуться. Но не падает. Не разбивает локтей и коленок. Ничего не разбивает. Ей просто нет необходимости быть ловкой и искусной.

— Верю тебе на слово, Луи, — проговорил Говорящий.

— И ее счастье берет нас под свою опеку. Если бы над полем солнечников не было туч, мы сейчас не разговаривали бы.

— Разумеется, — подтвердил Луи.

Однако солнечники успели обжечь кзина. В Небе Тила удобно поднималась на десятый этаж эскалатором, а Луи взбирался пешком. Его ладонь, как и ладонь кзина, еще болит, тогда как Тила отделалась только дыркой в багажнике скутера.

— Но ее счастье охраняет ее саму, а не нас, — добавил он.

— Это естественно. Тебя что-то беспокоит?

— Возможно...

Друзья Тилы никогда не рассказывали ей о своих заботах — она не понимала их. Тила не знала несчастной любви — мужчины оставались с ней, пока ей они не надоедали.

Благодаря своим способностям, Тила иногда становилась не такой, как остальные женщины. Она, сама этого не понимая, обладала непонятной силой... И именно эту женщину любил Луи...

— Но ведь она и меня любила, — пробормотал он. — А если она меня не любила...

— Я слушаю, Луи. Что ты сказал? — спросил кукольник.

— Несс, это я сам с собой...

В чем же настоящая причина того, что Тила решила присоединиться к Луи и его пестрой компании? Почему ее счастье велело ей влюбиться в неподходящего мужчину, принять участие в тяжелой и опасной экспедиции, где им всем не раз грозила смерть? Это было бессмысленно.

На пульте что-то изменилось. Луи увидел, что Тила очнулась и подняла голову. Посмотрела, ничего не понимая, и взгляд ее наполнился ужасом.

— Спокойно, Тила, — проговорил Луи успокаивающе, — только спокойно... Все в порядке...

— Но... — начала она высоким, ломающимся голосом.

— Мы уже вылетели из этого. Глаз остался далеко позади. Оглянись.

Тила повернула голову и долго смотрела назад. Когда ее лицо появилось снова на экране, оно было уже значительно спокойнее.

— Несс, расскажи ей, — попросил Луи.

— Ты уже более часа летишь с четырехкратной скоростью, — отозвался Несс своим ласковым голосом. — Теперь тебе надо тормозить. — И он объяснил, как уменьшить скорость скутера.

— А сейчас возвращайся к нам. Поворачивай влево до тех пор, пока не увидишь основу Дуги.

— Не вижу ее. Надо, наверное, подняться над тучами.

Казалось, что она уже полностью владеет собой.

Луи бросил быстрый взгляд в темноту, но Глаз, голубой в голубом свете Дуги Неба, смотрел на них...

Из глубокой задумчивости Луи вывел голос Тилы.

— Да?— отозвался Луи.

— Ты не злишься?

— Злюсь? — повторил Луи задумчиво.

Конечно, то, что сделала Тила, согласно нормам надо было оценить как безумие и страшную глупость. Он попробовал вызвать в себе гнев. Ничего не вышло.

— Поступки Тилы Браун нельзя оценить нормальными критериями?

— Нет. А что, собственно говоря, ты там увидела?

— Я могла погибнуть, — проговорила с раздражением в голосе Тила.— Погибнуть! А тебе все равно!

— А тебе?

Она дернула головой, как будто получила пощечину. Движение руки — и она исчезла.

Сначала рискует жизнью, а потом злится, что он недостаточно рассержен на нее...

Боялся ли он за Тилу Браун?

А может, он сошел с ума? Человек в таком возрасте может поверить во все... или ни во что. Везде таилось безумие.

Нет! Если Тила Браун избегает смерти только потому, что ударяется головой о пульт, то это что-то большее, чем просто случайность.

Почему «Обманщик» потерпел крушение?

Между скутерами Луи и кзина появился еще один.

— Привет, Луи! Рад вернуться к вам. Через полчаса, когда к нам присоединится Тила, мы будем в безопасности.

— С какой стати?

— Счастье Тилы будет нас охранять.

— Не будь так самоуверен. Ты считаешь, то, что хорошо для Тилы, хорошо и для тебя?

— А почему бы и нет? Если мы в одной кабине, то удар метеорита столь же опасен для меня, как и для нее.

— Ну, а если ты летишь над местом, где Тила хочет приземлиться, а ты не хочешь?

— Ерунда! Зачем бы Тиле приземляться на Кольце? Она даже не знала о нем, пока ей не сказали!

— Это все ее счастье! Значит, она должна была оказаться здесь — и оказалась. Это ее счастье, что ты ее нашел.

— Но...

— Это ее счастье, что мы здесь разбились. Припоминаешь, как ты спорил с Говорящим, кто руководит экспедицией? Теперь ты знаешь, кто.

— Но зачем?

— Не имею понятия. — Луи пригладил свои отрастающие волосы.

— Меня это беспокоит, Луи. Что на Кольце такого притягательного? Ведь здесь опасно... Страшные бури, плохо запрограммированные автоматы, поля солнечников, непонятные туземцы...

— Ха! Понял! — воскликнул Луи. — Для Тилы не существует опасности. Понимаешь? Прежде чем захочешь что-либо предпринять, прими это во внимание.

Кукольник несколько раз открыл и закрыл свои рты.

— Что, разве это не усложняет ситуацию? — засмеялся Луи. — Решение загадки всегда только часть ответа. Если принять во внимание, что...

Кукольник пронзительно заверещал.

Луи молчал. Он не ожидал, что кукольник будет настолько потрясен. Несс кричал еще с минуту, потом спрятал головы под брюхом. Над пультом осталась только его густая грива.

Рядом с ней появилось лицо Тилы с обиженным выражением.

— Вы говорили обо мне, — утвердительно сказала она без всякого выражения. — Но я не могу понять, в чем дело? Что с Нессом?

— Это я виноват. Испугал его. Как же теперь тебя найти?

— Не можешь ли ты показать мое местонахождение?

— Приборы для локации есть только на скутере кукольника. Вероятно, по той же причине, по которой он не объяснил нам, как включить дополнительные двигатели.

— Мне тоже так кажется, Луи. Меня спрашивали, почему я сюда полетела. Я полетела, потому что люблю тебя.

Луи кивнул. Ясно, если Тила должна была полететь сюда, нужен был повод. Она любила его потому, что так велело ее счастье. А он думал, что для него самого...

— Лечу над городом, — вдруг сказала Тила. — Вижу огни. Говорящий, наверно, нанес этот город на свою карту?

Звук и изображение вдруг исчезли с пульта Луи. Он некоторое время всматривался в пустой экран, потом неуверенно позвал:

— Несс!

Тишина.

Луи включил сирену. Появившиеся головки кукольника напоминали семейство змей, спасающихся из горящего зоопарка.

— Что случилось, Луи?

Появилась и физиономия кзина. Он тоже ожидал объяснений.

— Тила пропала.

— Ладно, — проговорил Несс и снова спрятал свои головы под брюхо.

Луи включил сирену, немного переждал, затем включил ее снова. Кукольник отреагировал так же, как в первый раз. Но теперь Луи заговорил первым.

— Если не узнаем, что с ней случилось, убью тебя.

— У меня есть тасп, — проговорил кукольник. — Сконструирован так, что действует и на кзинов, и на людей.

— Это меня не остановит.

— Остановит, Луи.

— Спорим?

Несс минуту подумал.

— Безопаснее будет попробовать спасти Тилу. Я забыл, что она твоя самка. — Одна из голов Несса посмотрела на пульт. — Ее интерком не работает, и я не знаю, где она.

— Это значит, что ее скутер сломался?

— Да. Передатчик расположен у двигателя. Вероятно, скутер оказался в поле действия какого-то автомата, наподобие того, который уничтожил наши коммуникаторы.

— Где она находилась в момент исчезновения?

— Я знаю место, но не расстояние.

Их скутеры отправились в нужном направлении. Через два часа они еще не видели никаких огней, и Луи стал опасаться, что они сбились с курса.

И вдруг он заметил огни.

— Стой! — прошептал он сквозь стиснутые зубы, сам не понимая, почему. Кзин затормозил.

Они висели без движения, рассматривая город. Большие дома с округлыми окнами. Узенькие улочки. Некоторые дома все еще парили над землей.

— Другой стиль, — прошептал Луи. — Не такой, как в Зигнамукликлике.

— Небоскребы, — сказал кзин. — Зачем их строить, когда вокруг столько места?

И еще они заметили блестящее оранжевое пятно довольно далеко от центра.

Они сидели у карты на втором этаже дома, напоминающего улей.

Говорящий потребовал, чтобы скутеры разместили тоже в помещении. Свет прожекторов освещал зал.

— Когда составлялись записи на лентах, которые мы видели в Небе, это был один из самых больших городов Кольца, — сказал кзин, показывая город на карте. — Он был прекрасно спланирован на берегу залива. Замок был построен значительно позже.

— Жаль, что у тебя нет плана города, — заметил Луи. В голове у него проносились хаотические мысли. «Может, она ранена? Может, лежит где-то, ожидая помощи».

Но по-настоящему он не мог в это поверить. В то же время все указывало на то, что скутер подвергся атаке какого-то автомата, который уничтожил двигатель и передатчик, а может, и весь скутер...

— Будем исходить из того, что счастье временно покинуло Тилу, — говорил кукольник. — Но из этого можно сделать вывод, что с ней ничего не случилось.

— Что? — удивился Луи. Ему показалось, что Несс подслушивает его мысли.

— Логика неумолима, Луи. Авария скутера могла закончиться ее смертью, но если она ее пережила, то с ней ничего не случилось, так как ее счастье снова начало действовать. Мы подождем до рассвета, потом осмотрим город.

— А потом?

— Если рефлекторы ее скутера все еще действуют, то раньше нас ее могут найти туземцы. Ведь она не знает, что такое опасность.

— Ты хочешь сказать, что днем мы ее не найдем? Ты прав, — согласился Луи.

— Нет, сначала мы должны обследовать этот город днем, — повторил Несс. — Найдем туземцев — прекрасно. А нет — вечером начнем поиски.

— И она будет где-то лежать более тридцати часов? Ты хладнокровный! Проклятие! Оранжевое пятно — ведь это могла быть она! Горящие дома!

Говорящий сорвался с места.

— Ты прав! Надо осмотреть это место.

— Здесь Находящийся-в-Наиболее-Безопасном-Месте. Повторяю, что...

— Мы находимся на потенциально враждебной территории, и я беру руководство на себя. — Говорящий уже сидел в скутере. — Отправляемся на розыски пропавшего члена экспедиции.

С этими словами кзин вылетел через открытое окно.

— Луи, я считаю, что это бунт, — сказал Несс. — Я остаюсь здесь.

Луи не ответил. Его скутер поднялся и присоединился к скутеру кзина.

Ночь была холодная. Блеск Дуги Неба заливал весь город. Два скутера неслись в направлении оранжевого пятна, в сторону от освещенных небоскребов центра.

Дома, дома и снова дома. Нигде ни парка, ни сквера. Зачем строить здания так тесно, имея столько пространства?

— Снижаемся, — сказал кзин. — Если это просто уличное освещение, то возвращаемся. Не исключено, что Тила все же погибла.

— Хорошо, — ответил Луи. Про себя он подумал, что кзин стал слишком осторожен.

Где же Тила? Раненная, мертвая или просто испуганная?

Они разыскивали цивилизованных жителей Кольца еще перед катастрофой «Обманщика». Может, они найдутся сейчас? А может, они окажутся врагами? Что ж, все возможно.

Скутер начал поворачивать влево. Луи скорректировал курс.

— Луи, — неуверенно проговорил кзин, — мне кажется, какие-то помехи... И вдруг он закричал острым, приказным тоном: — Поворачивай! Немедленно!

Луи моментально исполнил приказ.

Скутер продолжал лететь вперед по прямой.

Луи изо всей силы жал на рулевое управление. Бесполезно. Скутер мчался к залитому светом центру города.

— Нас что-то схватило! — крикнул Луи. — Мы марионетки!

Всемогущий и всеведущий Мастер Марионеток двигал ими по сценарию, известному ему одному. И Луи Ву знал его имя: СЧАСТЬЕ ТИЛЫ БРАУН.

Глава девятнадцатая

В западне

Практичный и трезво мыслящий кзин включил аварийную сирену. Луи размышлял, отреагирует ли кукольник. Но в эту минуту интерком ожил:

— Да? Да? Что случилось?

— Нас атаковали, — спокойно проговорил кзин. — Скутеры вышли из-под контроля. Что ты можешь предложить?

Невозможно было понять ход мыслей кукольника. Его хватательные губы непрерывно двигались, но что это означало? Поможет он им? Или впадет в панику?

— Вы ранены?

— Нет, — ответил Луи. — Но мы ничего не сможем сделать. Даже выскочить. Летим слишком высоко и быстро.

— Так. — Несс немного подумал. — Какой-то сильный сигнал заглушает ваш след. Говорящий, посмотри на приборы!

— Мне кажется, что мы летим к большому зданию в самом центре.

— Вижу его. Двойная башня с освещенной верхней частью.

— Правильно.

— Попробую вас вытащить. Луи, переключи управление на меня. — Луи выполнил указание.

В тот же момент скутер под ним рванулся назад, как будто ему дали хороший пинок в нос, после чего двигатель зарычал и замолк.

Спереди и сзади Луи появились противоударные баллоны, сжимая его, как пара заботливых ладоней. Скутер падал.

Луи снова включил ручное управление. Никакой перемены.

— Говорящий, не выключай управление, — сказал он спокойно. — Это ничего не меняет.

Торможение наступило внезапно и резко. Скутер перевернулся.

Луи Ву потерял сознание.

Когда он пришел в себя, он все еще висел вниз головой, удерживаемый в скутере противоударными баллонами. Ему казалось, что у него лопнет голова. В наполненном кровью мозгу появилась туманная фигура Великого Мастера Марионеток, который, ругаясь на чем свет стоит, распутывал веревочки в то время, как марионетка — Луи Ву — дергался на сцене, вися головой вниз.

Плавающее в воздухе здание было низким, широким и богато украшенным. Когда скутеры приблизились к нему, открылись широкие ворота и проглотили их.

Вдруг скутер кзина без малейшего усилия хозяина перевернулся вверх дном. Мгновенно выстрелили противоударные баллоны, спа-

сая Говорящего от падения. Луи усмехнулся — он находился в этом положении уже довольно долго.

— Мне кажется, вас держит электромагнитное поле, — отозвался Несс. — Ты можешь потрогать двигатель?

— Сейчас, — ответил Говорящий. — Р-р-рр. Ты был прав. Двигатели сгорели. Хорошо, что кресло не проводит тепло.

Вокруг них царила темнота. Луи попробовал нащупать включатель прожекторов скутера и повернул его. Снопы света разорвали темноту.

Рядом с ними находились еще несколько каких-то машин: маленькие, на одного пассажира, большие, наподобие их скутеров, и даже что-то вроде грузовика с застекленной кабиной.

— Свет, — заметил Говорящий, — это прекрасно.

Вступил в разговор Несс:

— Думаю, что на вас напал какой-то автомат-сторож.

Луи посмотрел вниз. Пол имел вид громадной воронки, у стен которой находились небольшие камеры-ячейки. На дно, усеянное блестящими костями, вели спиральные ступеньки.

— Мне нужно побольше данных об этом помещении, — проговорил Несс. — Я вижу только часть закругленной стены.

Они начали по очереди описывать Нессу все, что видели вокруг. Говорящий тоже включил рефлекторы своего скутера. Стало совсем светло.

— Состояние этих машин и возраст скелетов указывают на то, что сюда уже давно никто не заглядывал, — сказал кзин. — После того, как город опустел, сюда попало несколько машин, и все.

— Может быть, — ответил Несс. — Кто-то нас подслушивает.

Луи прислушался, а Говорящий развернул свои уши-зонтики.

— Нужно использовать очень сложную технику, чтобы в замкнутом помещении перехватить направленный сигнал. Интересно, понимает ли он, о чем мы говорим?

— Ты знаешь, где он находится?

— Знаю только направление, — ответил Несс. — Не исключено, что прямо над вами.

Луи попробовал посмотреть вверх, но ему это не удалось. Между ним и потолком находились баллоны и днище скутера.

— Я должен подумать, — сказал кукольник и начал петь. Он пел что-то классическое: то ли Бетховена, то ли Битлз, а потом начались его собственные вариации.

Луи почувствовал голод и жажду. И сильную головную боль.

Наконец кукольник заговорил:

— Луи, это задание для тебя. Возьми лазер и прожги его лучом баллоны, находящиеся перед тобой. Когда почувствуешь, что падаешь, ухватись за баллон и переберись на дно скутера. Потом...

— Ты сошел с ума, Несс.

— Дослушай до конца. Потом ты должен будешь уничтожить автоматические приспособления, реагирующие на оружие. Их, вероятно, два. Одно у дверей, другое где-то в помещении.

— Понятно. Не волнуйся. Только как я буду взбираться по баллону?

— Может, ты думаешь, что Говорящий сделает это за тебя?

— А разве коты не умеют лазить? — спросил Луи, намекая на Говорящего.

— Мои предки были равнинными котами, — отозвался кзин. — Но у меня еще не зажила ладонь... И вообще, его предложение — это чистое сумасшествие. Он просто ищет предлог, чтобы покинуть нас.

Луи прекрасно это понимал. Вероятно, на его лице что-то отразилось, потому что Несс проговорил:

— Нет, я пока не собираюсь покидать вас. Подожду. Может быть, вы сможете предложить лучший план, а может, появится тот, кто нас подслушивал. Я подожду.

Через некоторое время Луи утратил чувство времени. Ничего не изменилось. Через интерком слышалось насвистывание кукольника.

Луи начал считать удары сердца. Семьдесят в минуту. Более-менее.

Через десять минут он проговорил:

— Семьдесят два. Минута. Что я делаю?

— Ты что-то сказал, Луи? — спросил кзин.

— Проклятие! Говорящий, с меня хватит. Лучше умереть, чем сойти с ума. — Луи начал освобождать руки.

— Луи, мы на военном положении. Приказываю тебе сохранять спокойствие и ничего не предпринимать.

— Очень жаль.

Луи вертелся, пробуя достать лазер. Рывок, отдых, еще рывок, снова отдых. Еще и еще. Наконец лазер оказался у него в руках. Он нажал на спуск. Продырявленный баллон начал понемногу опадать, но тот, что был за плечами Луи, раздувался, заполняя освободившееся пространство. Луи поспешно спрятал лазер за пояс и крепко ухватился за оболочку.

Он почувствовал, что падает... крепко стиснул пальцы... а минутой позже уже висел на руках под скутером над девяностофутовой пропастью.

— Говорящий!

— Да, Луи. Я могу проколоть тебе другой баллон.

— Сделай это. Иначе никак не вскарабкаться наверх, а точнее, на днище скутера.

Баллон вдруг запенился облаком легкого порошка: кзин не пожалел энергии.

— Черт побери! — пробурчал Луи.

Он начал взбираться. Сначала по остаткам баллона. Все шло хорошо. Но потом, когда он добрался до самого скутера, возникли проблемы. Машина наклонилась в его сторону. Он вцепился, как мог, в скутер, обнял его руками и ногами и принялся раскачивать.

Говорящий что-то удивленно проворчал.

Луи почувствовал, что его начало мутить.

Еще один рывок, и скутер сделал полный оборот, потом качнулся вбок, еще раз и еще. Луи находился в том же положении.

Скутер продолжал колыхаться, но находился уже в нормальном положении. Наконец Луи решился посмотреть вниз.

Его рассматривала женщина.

Она казалась совершенно лысой. Черты лица и выражение были монументально неподвижны, как у богини... или у мертвеца. А он мечтал только о том, чтобы где-нибудь спрятаться.

— Говорящий, за нами наблюдают, — проговорил Луи. — Передай Нессу.

— Минутку, Луи. Дай мне прийти в себя. Я наблюдал за твоими операциями.

— Ладно. Она совершенно лысая. Нет, у нее есть узкая прядь волос, достигающая плеч. Думаю, она Инженер. Или принадлежит к их расе. Все понял?

— Да. Луи, где ты научился так ловко совершать подобные упражнения? Кто ты, Луи?

Луи громко рассмеялся, и это отняло у него остатки сил.

— Говорящий, ты последователь религии Кдапта красноречивого, — сказал он. — Признайся.

— Меня воспитывали в этой вере, но я плохо усвоил науку.

— Понятно. У тебя есть связь с Нессом?

— Да.

— Тогда передай: она находится футах в двадцати от меня. Сидит в чем-то наподобие застекленной будки и не сводит с меня взгляда.

Девушка что-то проговорила. Луи замолчал. Потом она что-то произнесла. После этого изящно встала и ушла.

— Ей, видимо, надоело, и она ушла.

— Луи, Несс говорит, что он скоро появится здесь.

— А как же с автоматами?

Ответ пришел через несколько минут.

— Не будем с ними ничего делать.

Луи позволил своей голове упасть на холодную металлическую поверхность. Он почувствовал такое облегчение, что не осталось сил даже на разговор. Он знал, что если бы Несс не был уверен в полной безопасности, то никогда не появился бы здесь.

Он задремал...

А проснулся от света прожектора.

Внутрь помещения торжественно вплывал вверх ногами кукольник.

— Привет, — процедил Говорящий. — Можешь повернуть меня в нормальное положение?

— Пока нет. Она еще не появлялась?

— Нет.

— Она еще придет. Люди очень любопытны.

Несс коснулся какой-то кнопки, и произошло чудо: его скутер сразу принял нормальное положение.

— Как? — только и смог выговорить Луи.

— Когда поле схватило меня, я все выключил. Луи, когда девушка вернется, будь к ней внимателен. Можешь вступить с ней в сексуальные отношения, если ты посчитаешь это нужным для нашей пользы. Говорящий, Луи — наш хозяин, а мы его слуги, понятно?

Луи громко рассмеялся.

— Не думаю, чтобы она была со мной приветлива, не говоря уже о большем. Она холодна, как ледниковые горы Плутона.

— Будет счастлива, как только посмотрит на нас, — ответил Несс. — Без нас ей будет чего-то недоставать. Если же она приблизится, то ей станет еще приятнее...

— Черт побери! — воскликнул Луи. — Все понятно.

— Ну вот и хорошо. Между делом я немного подучил местный язык. Мне кажется, что выговор и грамматика у меня безупречны. Если бы я знал значение слов, которыми буду пользоваться.

Кзин молчал. Сначала он ругал Несса и Луи за то, что они не хотят ему помочь. Потом устал и умолк.

Луи задремал.

Вдруг он услышал какой-то звон и моментально очнулся.

По ступенькам сходила девушка, звеня колокольчиками, прикрепленными у сандалий. Она была одета в длинное платье с несколькими большими карманами. Длинные черные волосы свисали на левое плечо.

Только спокойное благородство ее лица было прежним.

Она села и стала смотреть на Луи, затем начала бросать в него оранжевые плоды. У Луи слюна заполнила рот. Однако поймать плод он не смог.

Внезапно появился скутер кукольника, который до сих пор укрывался за какой-то машиной.

Девушка улыбнулась.

Несс что-то громко произнес на языке Инженеров.

Девушка не ответила.

Несс начал с самого маленького напряжения. Очень малого.

Он снова заговорил и на этот раз получил ответ. Голос был холоден и мелодичен.

Голос кукольника мгновенно стал похож на голос девушки.

После этого начался урок языка.

Луи ничего не понимал.

Через некоторое время девушка кинула Нессу плод, назвав его «трамб».

Затем она поднялась и вышла.

— Ну, и что ты расскажешь? — спросил Луи.

— Ей, по-видимому, надоело, — ответил Несс.

— Умираю от жажды. Может, ты дашь мне этот трамб?

— «Трамб» — это только цвет его кожуры.

Несс вручил Луи плод.

Луи очистил его и вгрызся в сочную мякоть. Ему показалось, что он еще никогда не пробовал такой вкусной пищи!

— Она вернется? — спросил он, управившись с едой.

— Не знаю. Надеюсь, что да. Луи, может, направить действие таспа на тебя?

— Нет. Я для нее дикарь, туземец. А кто же она?

— Не знаю. Она ничего не рассказывала об этом. Подождем.

Глава двадцатая

Мясо

Несс решил осмотреть помещение.

Луи скучал. Время тянулось очень медленно. Несс, как мыльный пузырь, плавал среди металлического дома.

Потом послышались шаги и звон колокольчиков.

Девушка опустилась на край платформы, рассматривая их с холодным вниманием. Потом лицо ее смягчилось, глаза расширились и углы губ приподнялись.

Несс что-то сказал.

Она немного подумала. Затем что-то ответила и опять вышла.

Скутер Несса поднялся вверх и приблизился к наблюдательной платформе. Кукольник легко перебрался на нее.

Навстречу ему вышла девушка. В одной руке она что-то держала (может, оружие?), другая рука осторожно коснулась шерсти Несса.

Затем она повернулась и пошла вверх по лестнице. Пошла, не оглядываясь, вероятно, считая, что Несс без раздумий отправится за ней. Что он и сделал.

«Хорошо, — подумал Луи. — Будь милым. Будь вежливым. Завоюй ее доверие».

Луи посмотрел на скутер кзина. Из-за зеленых баллонов выглядывала забинтованная ладонь и оранжевая физиономия с закрытыми глазами. Может, он уже мертв?

Внезапно Луи почувствовал, что его скутер мягко колыхнулся.

Что-то происходило... Машины одна за другой опускались на пол камер...

Скутер Луи завертело в каком-то водовороте электромагнитного поля и тяжело ударило о твердую поверхность. Луи вывалился из скутера и откатился от него на несколько футов.

Тяжело дыша, он лежал на боку. Потом почувствовал, что умирает от жажды. Поднялся и на негнущихся ногах поковылял на поиски источника воды.

Скутеры кзина и Луи приземлились на четвертом круге, считая от пола. Остальные два скутера лежали на третьем круге.

Чувствуя, что при каждом шаге у него подгибаются ноги, Луи спускался по лестнице. Пульт управления скутером кукольника был совсем не похож на пульт его скутера. Но самой нужной вещью сейчас была найденная гибкая прозрачная трубка.

Вода была дистиллированная, теплая и имела какой-то странный привкус, но, несмотря на все это, она была прекрасна.

Потом он попробовал и кирпичики из регенератора питания. Но их вкус был уж слишком непривычен, и Луи решил не рисковать.

Воду для Говорящего Луи принес в своем ботинке — единственном сосуде, который имел. Осторожно влил ее в рот кзина. Тот проглотил ее, но в сознание не пришел.

Потом Луи улегся и закрыл глаза.

После всего происшедшего он должен был заснуть мертвым сном, но что-то не давало ему покоя.

— Черт побери! — вдруг пробормотал он и вскочил с пола.

Его скутер с продырявленными баллонами. Рядом скутер кзина и сам кзин. Ниже скутер кукольника. И *четвертый* скутер. Скутер Тилы.

Скутер был без баллонов — значит, она должна была выпасть, когда скутер перевернулся.

Несс говорил, что «счастье Тилы не является безошибочным». А Говорящий добавил: «Если бы ее счастье обмануло ее хоть раз, она уже была бы мертва».

И она уже мертва. Без малейшего сомнения...

Как она сказала? «Приехала с тобой, потому что люблю тебя».

Лучше бы мы не встретились никогда.

Луи свернулся в клубок и заснул...

Когда он проснулся и открыл глаза, он увидел кзина.

— Луи, ты пробовал есть корм кукольника? — спросил Говорящий. — Мне совсем нечего есть.

У Луи волосы встали дыбом, когда он увидел этот дикий голодный взгляд.

— Знаешь, у тебя тоже есть еда, — проговорил он самым спокойным тоном. — Вот только не знаю, захочешь ли ты ею воспользоваться.

— Ты же знаешь, что нет. Это дело чести, и я скорее умру с голоду...

— Ну что ж! — Луи повернулся на другой бок и сделал вид, что засыпает.

Когда через несколько часов он проснулся, то понял, что на самом деле заснул. Его подсознание вполне доверяло кзину. Раз тот сказал, что скорее умрет с голоду, значит, умрет.

— Говорящий! — крикнул Луи.

Никто не отзывался. Луи прошел к одной из камер и заглянул в нее: кровать, небольшой туалет и... дневной свет, падающий через окно.

Слева и справа тянулся берег. А впереди — океан. Безбрежный, исчезающий за горизонтом...

С правой стороны надвигалась ночь. Загорелись действующие еще фонари освещения. Город и порт накрывала темнота.

Говорящий лежал на кровати. Луи усмехнулся: воинственный кзин выглядел во сне как сама невинность. Пусть спит — сон лучше всего лечит раны. А может, он заснул, чтобы не чувствовать голода?

Луи тихо вышел.

В темноте он отыскал скутер кукольника и, не обращая внимания на вкус, проглотил зеленый кирпичик.

Потом снова включил прожекторы в скутерах.

Где же задержался Несс?

Он вполне мог оставить их, если бы почувствовал какую-то опасность. И имел, по крайней мере, два повода, чтобы поступить именно так...

Говорящий наверняка предпримет еще попытки завладеть «Счастливым случаем», чтобы люди не получили гиперпространственного двигателя.

Кроме того, они оба — Луи и Говорящий — слишком много знали. Сейчас, когда Тила мертва, только они знали о вмешательстве кукольников в развитие их рас. Звездные Семена, Лотерея Жизни...

Луи уже не в первый раз думал об этом... Однако все, что он сейчас мог сделать, — это сидеть и ждать.

От нечего делать он взял дезинтегратор, пробил им стенку в соседнюю ячейку и сразу почувствовал страшный смрад. Тут кто-то умер.

Следующая ячейка оказалась пустой, и Луи остался в ней. Через

некоторое время он обошел колодец и вошел в камеру на противоположной стороне. Из ее окон прекрасно был виден неводвижный грозный Глаз Неба.

Через некоторое время он заметил рядом с Глазом какой-то небольшой треугольник.

Что это могло быть? Треугольник виднелся в серебряном тумане горизонта, а это означало, что там еще был день.

Луи взял бинокль. Неправильный треугольник, зеленовато-коричневый внизу и грязно-белый вверху... Кулак Бога. Он был значительно больше, чем Луи думал ранее... Тот факт, что он был виден с такого расстояния, свидетельствовало о том, что гора имела фантастические размеры, ее большая часть находилась над атмосферой.

С момента начала пути их скутеры пролетели более ста тысяч миль.

Луи протяжно присвистнул и снова поднес бинокль к глазам.

Послышался шум.

— Привет, Луи — закричал Говорящий, размахивая окровавленной тушей какого-то животного размерами с козу. Он жадно отгрызал огромные куски и заглатывал их.

Говорящий показал Луи оторванную заднюю ногу и крикнул:

— Это для тебя! Иди скорее. Несс не хочет видеть, как мы едим. Он в моей камере, рассматривает порт и море.

— Пусть он перейдет в мою камеру, — сказал Луи. — Знаешь, Говорящий, здесь виден Кулак Бога. На вершине горы не снег, а только...

—Луи, иди ешь!

Луи почувствовал, как его рот наполнился слюной.

— Как бы это зажарить?

Это было сделано с помощью лазера.

— Мм, мясо на самом деле не совсем свежее, — сказал кзин, критически глядя на Луи. — Но зачем же его так жечь?

Луи начал есть, ощущая на себе взгляд кзина, который не понимал, как можно так тщательно пережевывать каждый кусок. Луи, однако, казалось, что он глотает мясо, как зверь. Голодный зверь.

Чтобы не шокировать кукольника, остатки мяса выбросили через окно, после чего собрались у скутера Несса.

— Она уже зависит от таспа, — сказал Несс. Он с трудом дышал из-за запаха сырого мяса.

— Ты узнал, зачем она нас поймала?

— Да. И еще. Она входит в экипаж космического корабля.

Глава двадцать первая

Девушка с края Кольца

Ее имя было Харлоприллалар Хетруфан, и она уже двести лет входила в состав экипажа космического корабля «Пионер».

«Пионер» обслуживал дальнюю линию на четыре Солнечные системы: пять планет с кислородной атмосферой. Рейс длился двадцать четыре года, причем «год» не имел ничего общего с Кольцом — это была традиционная мера времени, принесенная с одной из родительских планет.

Перед постройкой Кольца две планеты были очень густо населены, но теперь там никто не жил. Там остались только руины городов, частично скрытые растительностью.

Харлоприллалар сделала уже восемь рейсов. На некоторых планетах росли нужные растения, а также животные, служившие источником мяса.

— Не могу понять, чем она занималась, — признался Несс. — Она не знакома с управлением машинами. Экипаж «Пионера» состоял из тридцати шести человек — это очень большой состав. И она не могла заниматься чем-либо, имевшим непосредственное влияние на судьбу корабля. Она для этого недостаточно развита.

— А каким был состав корабля по полу: сколько мужчин и сколько женщин?

— Там было три женщины...

— Тогда можешь не ломать голову насчет ее обязанностей...

Рейс длился многие годы, и вдруг однажды Кольцо перестало отвечать на вызовы «Пионера».

Так как на планетах, которые посещал «Пионер», не было электромагнитных машин, предназначенных для приземления, корабль имел топливо для этих целей. Так что корабль всегда мог самостоятельно приземлиться, вопрос был в том, где?

На поверхности Кольца невозможно: лазерные установки стерли бы корабль в порошок.

Ни один из портов не прислал ответ на запрос о посадке.

Возвращаться на одну из покинутых планет? Это было равносильно организации новой колонии из тридцати шести человек.

— Они не могли принять решения и впали в панику, — продолжал Несс. — На корабле начался бунт. Пилот успел забаррикадировать рубку и посадил корабль в одном из портов.

Луи почувствовал, что на него кто-то смотрит. Это была девушка.

Она не отрывала взгляда от них. Одна из голов Несса тоже не спускала с нее взгляда. Вероятно, в этой голове находился тасп.

— Затем они покинули корабль, — продолжал Несс. — И толь-

ко тогда поняли, в каком положении оказались. «Чилтанг брен» был неисправным (я не знаю перевода этого словосочетания), однако знаю, как это приспособление действовало. Так вот, они находились с обратной стороны стены высотой в тысячу миль. «Чилтанг брен» возбуждал поле, в котором материя Кольца пропускала любые предметы. В том числе органику. Когда эта машина действовала...

— Это осмотический генератор, — прервал его Луи.

— Может быть. Когда этот генератор действовал, воздух медленно просачивался на внешнюю сторону. А люди в скафандрах шли как будто навстречу сильному ветру. Большие предметы перевозились тягачами.

— А как перевозили сгущенный воздух?

— Его производили на месте, снаружи.

Действительно, Кольцо имело дешевую технологию переработки первичных атомов. Например, в порту находился гигантский завод по переработке олова в кислород и азот. Олово бралось в качестве сырья, потому что его легко перевозить и хранить.

Осмотические генераторы при их поломке не создавали никакой опасности, только проход оказывался закрытым.

В том числе и для возвращающихся космонавтов.

— И для нас, — добавил Говорящий-со-Зверями.

— Не торопись, — сказал Несс. — Похоже на то, что этот «Чилтанг брен» — именно то, что нам нужно, — он произнес название так, будто оно начиналось с чиха. — Создавая осмотическое поле непосредственно под «Обманщиком», можно было бы перевести его на наружную сторону Кольца.

— И застрять в противометеоритной губке, — добавил Говорящий. — Хотя нет, там мы могли бы воспользоваться дезинтегратором.

— Но ведь Харлоприллалар...

— Ох, говори просто Прилл, — предложил Луи.

— Прилл находится здесь!

Несс рассказывал дальше:

— Имевшиеся в экипаже специалисты смогли исправить «Чилтанг брен», хотя на это и ушло у них несколько лет. Во время работы произошел несчастный случай. Неконтролируемый осмотический луч упал на «Пионер». Два человека тут же погибли, а семнадцать получили сильное повреждение мозга — стали дебилами.

Остальные шестнадцать прошли через стену Кольца.

И оказались в дикой, первобытной стране.

Через несколько лет некоторые из них решили вернуться на «Пионер». Во время перехода «Чилтанг брен» сломался, замкнув четырех из них в стене. И это был конец. Они понимали, что никогда не найдут необходимых для ремонта деталей.

— Не понимаю, каким образом падение цивилизации произошло так быстро, — сказал Луи. — Один рейс «Пионера» длился двадцать четыре года, так ведь?

— Двадцать четыре года согласно субъективному времени корабля. Полетная трасса корабля составляла триста световых лет. За это время могли произойти любые перемены. Правда, общество, в котором жила Прилл, было достаточно стабильным.

— Откуда Прилл знает, что «Чилтанг брен» нельзя отремонтировать?

— Сейчас я объясню. Представьте себе опустевшую планету — родину строителей Кольца. Она заполнена мусором — ненужными упаковками, испорченными машинами, порванными книжками, разорванными микрофильмами. Океаны стали огромными свалками, в том числе и радиоактивных веществ.

Ничего удивительного, что существа, живущие на планетах, приспособились к новым условиям. Они научились жить благодаря мусору.

— Когда-то нечто подобное происходило на Земле, — сказал Луи. — Были даже дрожжи, питающиеся полиэтиленом.

— Вообразите десять таких планет, — продолжал Несс. — Бактерии приучились питаться соединениями олова и цинка, пластиками, красками, изоляцией и так далее.

Это не имело бы никакого значения, если бы на их корабле не оказалась плесень, способная питаться внутренней частью полупроводника, который применялся для множества сложных приборов.

Плесень развивалась медленно. Но вместе с новыми кораблями прибывали разновидности этой плесени, более стойкие и жизнеспособные.

И начали происходить аварии. Гибли космические корабли, отказывали «Чилтанг брен», взрывались хранилища энергии.

— Хранилища энергии?

— Энергия производилась на черных прямоугольниках, а потом направленным лучом передавалась на Кольцо.

— Но ведь можно было изготовить новый полупроводник, — отозвался кзин.

— Ты прав. Новое поколение смогло бы выжить. Однако это погибло.

Большая часть руководителей оказалась под обломками падающих с неба зданий.

Для экспериментов нужна была энергия, а ее уже не было. Остатки ее были использованы для освещения улиц, удержания в воздухе летающих зданий и других маловажных целей. И цивилизация погибла...

— Не было гвоздя, подкова упала, не было подковы, кобыла захромала... — пробормотал Луи.

— Я знаю эту историю, но в данном случае можно было спасти цивилизацию, — сказал кукольник. — Нам теперь нет никакой необходимости добираться до края Кольца.

— Таким образом, исчез последний шанс на спасение, — сказал Говорящий. — Наши скутеры испорчены, один из членов экипажа пропал...

— Погиб, — глухо сказал Луи. Когда остальные с удивлением посмотрели на него, он показал на скутер Тилы.

— Да. Ее счастье не было безошибочным, иначе она никогда бы не попала с нами на Кольцо. — Несс замолчал, а через некоторое время добавил: — Сочувствую тебе, Луи.

— Нам будет ее не хватать, — сказал кзин.

Луи кивнул. Он должен был чувствовать сильное горе, но происшедшее в центре Глаза изменило его отношение к ней — она стала казаться ему более чужой, чем Несс и Говорящий. Она стала казаться Луи мифом, в то время как кзин и кукольник были реальны.

— Нужно что-то придумать, — проговорил Говорящий. — Нам нужно найти способ вывести «Обманщика» с Кольца. Но у меня нет никаких предложений.

— У меня есть, — сказал Луи.

— Уже? — с удивлением поинтересовался кзин.

— Я еще немного подумаю. Во всяком случае, нам нужна какая-нибудь машина...

— Может, сделать сани из стены здания, а скутер кукольника повез бы их?

— Я хочу предложить кое-что получше, — перебил их Несс.— Уверен, что смогу уговорить Харлоприллалар, чтобы она показала мне работу машин, управляющих этим зданием.

— Попробуй, — кивнул Луи.

— А ты?

— Мне нужно подумать.

Внутри здание было заполнено оборудованием. Часть машин удерживала его в воздухе, остальные осуществляли вентиляцию, конденсировали воду, выполняли другую работу.

Через два часа непрерывной работы Несс поднял голову.

— Я не смог переоборудовать управление так, чтобы здание двигалось горизонтально, — сказал он. — Но мне удалось выключить приспособление, удерживающее его на одном месте. Здание может двигаться по ветру.

Луи усмехнулся:

— Или за буксиром. Привяжем его к твоему скутеру.

— Совсем не обязательно. Двигатель моего скутера может работать и внутри здания.

Несс что-то сказал Прилл на языке Инженеров и снова обратился к Луи:

— Здесь имеется запас ультратвердого пластика. Зальем им скутер, оставив только рубку и пульт. Ведь если скутер вырвется, я могу погибнуть.

— Беремся за работу.

Луи отдыхал, лежа на спине и всматриваясь в выпуклое окно, занимавшее весь потолок и часть стены.

Вероятно, эта спальня когда-то составляла часть апартаментов губернатора. Сейчас здесь была рубка. Скутер кукольника был помещен в один из шкафов и залит быстротвердеющим пластиком.

— Кулак Бога, — проговорил в темноту Луи. — Тысячемильной высоты, — он не закончил фразу, внезапно сел, как будто его что-то укололо.

— Нить с черных прямоугольников! — крикнул он.

В спальню проскользнула какая-то тень. Луи замер. Дух Тилы Браун? Галлюцинация? В темноте были едва заметны плавные движения и изящный силуэт женщины.

Черты ее лица в темноте нельзя было рассмотреть. Тонкая, мускулистая, как профессиональная танцовщица, с высокой, тяжелой грудью.

— Уходи, — тихо сказал он, снимая ее руки со своих плеч.

Прилл погладила его по спине кончиками пальцев, коснулась какого-то места на груди, потом еще раз... При каждом ее прикосновении Луи пронзала волна страсти.

Прилл ожидала, пока он разденется. Теперь он применил бы силу, если бы она вдруг вздумала уйти.

Однако какая-то часть разума сознавала, что он всего лишь марионетка в руках Прилл.

Но это не имело сейчас никакого значения.

Лицо Прилл было все так же непроницаемо.

Когда все закончилось, он сразу заснул, не увидев, как она уходила.

Проснулся Луи с вопросом: «Зачем она это сделала?»

«Не будь таким рассудительным, — тут же ответил он сам себе. — Вероятно, она уже давно одинока. Давно не имела возможности применять свои способности».

Способности... Ее знание анатомии оставило бы в замешательстве любого профессора. Докторская степень по проституции? Луи мог узнать специалиста независимо от его профессии. Прилл была специалистом высокого класса.

Необходимо только прикоснуться к нервным окончаниям в нуж-

ной очередности, чтобы вызвать необходимую реакцию. Такое умение может сделать человека послушной куклой...

...танцующей на ниточках счастья Тилы Браун.

И он понял. Ответ был так близок, что он почти удивился.

Несс и Харлоприллалар появились в дверях морозильника: они тащили за собой тело нелетающей птицы, завернутое в какую-то ткань. Это было прихотью Несса, который не хотел касаться мертвого тела.

Луи заменил Несса, кивнул головой в сторону Прилл и спросил:

— Как ты думаешь, сколько ей лет?

— Не знаю, — сразу ответил Несс.

— Она пришла ко мне ночью, — сообщил Луи. — Наверное, ты знаешь: то, что люди делают для воспроизводства, делают и для удовольствия?

— Знаю.

— Этим мы и занимались. Она должна иметь не менее трехсот лет практики.

— Это похоже на правду, Луи. У них есть средство, которое действует лучше нашего восстановителя. Одна его порция возвращает пятьдесят лет молодости.

— И сколько же порций приняла она?

— Не знаю, Луи. Знаю только, что сюда она пришла пешком.

— Пешком? Откуда?

— С края Кольца.

— Двести тысяч миль?

— Да.

— Что же с ними произошло? Ты должен мне это рассказать.

— Я спрошу ее.

И кукольник шаг за шагом начал перевод ее рассказа. Выглядело все следующим образом.

Первая группа варваров, на которую они наткнулись, приняла их за богов.

Это позволило им решить одну из главных проблем — те несчастные, которым осмотический луч поразил мозг, могли остаться под опекой жителей разных деревень. Они вызывали у туземцев чувство уважения и любви, а из-за своего младенческого разума не могли использовать свою власть для непорядочных целей.

Оставшиеся разделились на две группы: одна пошла пешком в направлении вращения Кольца, другая — в противоположную сторону. Если бы какая-либо из групп встретила следы цивилизации, она должна была разыскать и уведомить другую группу.

Все принимали их за богов. Все, кроме других богов. Все они применяли средство для омоложения, все ждали спасения и никто

не думал о том, чтобы самим начать восстанавливать цивилизацию.

Однажды их группа наткнулась на город, в котором тлели искры древней цивилизации. Путем обмена удалось получить большую автомашину за неправдоподобно большое количество эликсира молодости.

Однако через некоторое время машина испортилась. Никто не хотел идти дальше. Путешествие богов завершилось в одном из разрушенных городов.

Но у Прилл была карта, и она знала, что ее родной город находится сравнительно недалеко. Она уговорила одного из мужчин отправиться с ней туда.

Через некоторое время он ей надоел, и Прилл пошла дальше одна. Она, в случае надобности, использовала свое «божественное» происхождение, где это не помогало — продавала небольшие количества эликсира, если и этого было мало... у нее был еще какой-то способ, которым она подчиняла людей. Она пробовала мне объяснить, но я не понял.

— Я знаком с этим способом, — успокоил его Луи. — Это что-то вроде таспа.

— Так она добралась до своего родного города. Устроилась в здании полиции, которое почти без разрушений приземлилось на одной из площадей города. Ей удалось поднять это здание в воздух.

Кое-где действовали также генераторы защитного поля. Такое поле и поймало нас в ловушку. Она надеялась таким образом найти кого-то, кто пережил падение цивилизации...

Луи нахмурился. Тело птицы уже было внизу, и Говорящий занялся им.

— Мы можем уменьшить вес здания наполовину, — сказал Луи.

— Каким образом?

— Следует избавиться от нижней части здания. Но прежде надо познакомить Прилл с Говорящим.

— Попробую, — согласился Несс.

Глава двадцать вторая

Странник

Так как Харлоприллалар панически боялась Говорящего, Несс постарался усилить действие таспа, как только оранжевый силуэт кзина оказывался поблизости. Однако до сих пор и Прилл и сам кукольник избегали компании Говорящего.

Именно поэтому на наблюдательной платформе находились только Луи и Говорящий...

— Начинай! — скомандовал Луи.

Говорящий включил лазер. На стене появился ослепительный блик. Он полз по стене, оставляя за собой кроваво-красный след.

Когда упал первый кусок, здание закачалось. Луи изо всех сил вцепился в ускользающий пол. Через отверстие в стене он увидел улицы города, людей.

Он увидел деревянный алтарь, а на нем модель Небесной Дуги. Люди разбегались.

— Откуда здесь люди? — удивился Говорящий. — В центре разрушенного города, далеко от полей?

— Они приносили дары своим богам и своей богине Харлоприллалар. Благодаря им у нас есть пища. Почему тебя это волнует?

— Они могли погибнуть.

— Слушай, Говорящий, мне показалось, что там, внизу, я видел Тилу.

— Чепуха, Луи... Как ты думаешь, мы можем испытать действие наших двигателей?

Скутер кукольника был почти полностью закрыт полупрозрачным слоем пластика. Несс занял место за пультом. Через окно открывался прекрасный вид на город: порт, стройные башни, буйные джунгли, которые когда-то были городским парком. Все это простиралось в тысяче футов под ними.

Луи зажмурил глаза...

«Чувствуя на себе взгляды верного экипажа, капитан героически оставался на своем посту. Двигатели могли в любой момент взорваться, но это его не тревожило. Необходимо было остановить военные корабли кзинов, пока они не приблизились к Земле, неся смерть и разрушение!»

— Все это бессмысленно, — сказал Луи.

— Почему?

— Летающий замок! Я только сейчас понял, какое это сумасшествие!..

Здание вновь заколыхалось, и Луи оперся о стену: кукольник включил двигатели.

Город начал медленно проплывать за окном. Через некоторое время Несс выключил ускорение. Они летели со скоростью ста миль в час.

— Куда мы летим, Луи? — спросил кукольник.

Луи не отвечал.

— Луи! Куда мы летим? И я и Говорящий не в курсе твоих планов.

— Возвращаемся обратно.

— Очень хорошо. Тем самым курсом?

— Да. Прямо за Глаз. Там сделаем разворот на сорок пять градусов в направлении, противоположном вращению Кольца.

— Хочешь вернуться к Небу?

— Да.
— Мы будем там через тридцать часов. А что потом?
— Посмотрим...

— Луи, мне кажется, что пожиратель листьев весьма охотно подчиняется твоим приказам, — заметил Говорящий-со-Зверями.

Неподалеку от них тихо ворчал скутер кукольника. За окном проплывал пейзаж. Сверху равнодушно смотрел Глаз, приближаясь к ним с каждой минутой.

— Он сошел с ума, — ответил Луи. — Надеюсь, что хоть ты остался здравомыслящим?

— Луи, если у тебя есть какая-то цель, я присоединяюсь к тебе. Однако я должен знать, придется нам сражаться или нет, и, вообще, хоть что-то я хочу знать.

— Хорошо сказано.

Говорящий ожидал этих слов.

— Мы возвращаемся за нитью, которая соединяла черные прямоугольники, — наконец проговорил Луи. — За той нитью, которую разорвал «Обманщик». Она упала на город, и сейчас там, наверное, лежат тысячи миль этой проволоки.

— Зачем она нам?

— Нужно сначала добыть ее. Если Прилл хорошенько попросит, а Несс применит свой тасп, нам ее отдадут.

— А потом?

— А потом мы постараемся определить, на самом деле я сошел с ума или нет.

Дом продвигался вперед, как громадный летающий теплоход. Не было такого космического корабля, который бы имел столько свободного места. Шесть этажей в их полном распоряжении.

Другое, однако, было похуже. Запасы пищи были ограничены мороженым мясом и фруктами, не считая кирпичиков из скутера кукольника. Правда, Несс заявил, что в его кирпичиках нет питательных веществ, необходимых для Луи или Говорящего. Таким образом, рацион Луи был однообразен: кусок печеного мяса или оранжевые фрукты.

Кроме того, у них не было воды.

И не было кофе.

Луи уговорил Прилл, чтобы она принесла несколько бутылок здешнего алкоголя, и они устроили в рубке крестины корабля. Кзин тактично забился в самый дальний угол, но Прилл все равно села у дверей. Никто не согласился с предложением Луи назвать их новый корабль «Невозможный». Поэтому он получил название на четырех языках — каждый дал свое.

Вино было... в лучшем случае, кислое. Говорящий не сумел про-

глотить ни глотка, а Несс и не пытался. Но Прилл одолела целую бутылку, а оставшиеся снова спрятала.

Сделали перерыв на обед. Несс ел в одиночестве, чтобы не видеть, как Луи и Прилл едят жареное мясо, а кзин — сырое.

После еды занялись изучением языка. Все занимались с удовольствием, кроме Луи.

— Луи, ведь нам необходимо выучить этот язык! Нам не раз придется вступать в контакт с туземцами.

— Знаю, знаю. Но мне языки всегда давались с трудом...

Наступила ночь, и Луи потребовал сделать перерыв.

До Глаза оставалось еще десять часов пути.

Луи дремал, когда пришла Прилл. Он почувствовал ее прикосновение и притянул к себе.

Она отстранилась.

— Скажи, ты у них вождь? — спросила она на языке Инженеров.

— Да, — ответил Луи, поскольку сложившаяся ситуация была слишком сложна для объяснений.

— Прикажи двухголовому отдать мне его прибор.

— Какой прибор?

— Его машину, которая делает меня счастливой. Я хочу Ее! Отбери ее у него!

Луи рассмеялся.

— Ты хочешь меня? Тогда дай мне машину! — повторила уже более настойчиво Прилл.

Она не могла оказать на кукольника никакого влияния. Но могла — как ей казалось — оказывать влияние на Луи. Она считала его туземцем, человеком, родившимся после падения городов. Не принимавшим эликсира. Молодым.

— Ты совершенно права, — сказал Луи. Прилл сжала кулаки, услышав в его голосе явную иронию. — В твоих руках любой тридцатилетний парень был бы воском. Но мне несколько больше... — Он снова засмеялся.

— Машина! Где она?

Луи подыскивал слова.

— Голова. Внутри...

Прилл зло фыркнула: она поняла, что не получит таспа. Повернулась и без слов вышла.

Луи с трудом удержал себя от того, чтобы не кинуться вслед за ней. До этого он и не представлял, насколько сильно желает ее.

Луи заснул.

Когда через некоторое время он очнулся, над ним наклонилась Прилл, дотрагиваясь кончиками пальцев до каких-то точек на его груди и животе. Она играла на нем, как на инструменте.

— Ты будешь совсем мой, — ее голос дрожал, но это была дрожь не страсти, а бесконечной власти над мужчиной.

Прикосновение ее тела было сладким, как сироп. Она давно узнала один из старейших секретов мира: любая женщина несет в себе тасп, и, если она научится им владеть, для нее не будет ничего невозможного...

И вдруг что-то произошло. Выражение ее лица оставалось прежним, но Луи почувствовал перемену в ее движениях, которые становились все быстрее, резче, пока не достигли кульминации. Луи уже не был безвольным инструментом в ее руках. Теперь они играли дуэтом.

Прилл изменилась, и Луи догадывался, почему.

Утреннее небо было все затянуто тучами. Дождь заливал окно, а ветер свистел за стеной. Глаз был рядом.

Луи оделся и вышел из рубки.

В холле топтался Несс.

— Эй! — позвал его Луи.

— Да, Луи?

— Что ты сделал с Прилл?

— Луи, ты должен меня благодарить. Она хотела завладеть тобой. Я все слышал.

— Ты применил тасп!

— Да, я дал на три секунды малую мощность. Теперь она будет полностью зависеть от тебя, а не наоборот.

— Ты чудовище! Прилл такой же человек, как я, и не должна ни от кого зависеть!

— А как быть с тобой?

— Мне ничего не грозило. Прилл не смогла бы меня подчинить.

— Луи, не подходи ко мне! Не подходи!

— Ты не имел права! — Луи, конечно, не собирался нападать на кукольника. Но кулаки его были сжаты, и он сделал еще шаг вперед...

И вдруг он оказался в неистовом экстазе, трудном для описания словами.

При этом он прекрасно сознавал, что Несс включил тасп.

Обессиленный этим чудесным чувством, он слабо замахнулся и ударил Несса.

Результаты были поразительными. Несс отшатнулся и выключил тасп.

В ту же секунду Луи почувствовал всю печаль мира. Он повернулся и пошел, не зная куда.

Луи спускался по ступенькам лестницы, переполненный отчаянием. Он прекрасно понимал, что Несс сделал с Прилл. Он когда-то видел тех, кто долгое время злоупотреблял действием таспа.

В эту ночь Прилл предприняла последнюю попытку вырваться из-под действия чудесных и в то же время ужасных чар таспа.

А сейчас Луи понял силу того, с чем пыталась бороться Прилл...

Когда Луи оказался на платформе, на него налетел ветер вперемешку с тугими струями дождя. Он понемногу приходил в себя и начал выбираться из бездонной ямы отчаяния, в которой он оказался после отключения таспа.

— Я обязан ее спасти, — решил он. — Но как? Пока не видно никаких признаков депрессии... Но как быть уверенным в том, что она в любой момент не шагнет за окно? Как спасти ее?

Зависимость от таспа была в подсознании. Если бы Прилл приняла порцию эликсира, то память о таспе исчезла бы. Но это сейчас невозможно — она нужна им, ее знание машин «Невозможного». Никто не сможет заменить ее.

Нужно заставить Несса прекратить использование таспа.

И вдруг до сознания Луи дошло то, что он уже давно наблюдал...

Машина, напоминающая небольшую стрелу, с узкими щелями окон, находилась футов на двадцать ниже платформы. Она боролась с бешеным ветром, захваченная электромагнитным полем, которое никто не потрудился выключить.

Луи помчался вверх по лестнице, громко призывая Прилл.

Увидев ее, Луи потащил Прилл за собой, так как не находил слов, чтобы описать происходящее. Заметив машину, Прилл кивнула и поспешно направилась в рубку.

Через минуту стрела причалила к краю платформы. Первый пассажир выполз на четвереньках, борясь с порывами бешеного ветра.

Это была Тила Браун. Луи даже не удивился. Второй пассажир выглядел так, как будто сошел со страниц комикса. Луи не выдержал и расхохотался. На лице Тилы появилось выражение удивления и обиды.

Они пролетали Глаз. Ветер врывался через лестничную клетку и гулял по коридорам.

Все собрались в рубке. Друг Тилы беседовал в углу с Прилл, которая, однако, старалась не выпускать из поля своего зрения Говорящего. Остальные собрались возле Тилы, слушая ее рассказ.

Когда скутер Тилы попал в сферу действия электромагнитного поля, все приборы отказали. Тилу спасло то, что скутер был окружен силовым полем, действие которого продлилось еще несколько секунд. За это время скорость скутера упала ниже запрещенной, и поле выпустило его. Двигатель остался неповрежденным.

Но Тила больше не хотела рисковать. Она снизилась, высматри-

вая место для посадки. Вскоре она увидела улицы, залитые светом, падающим из овальных окон. Скутер приземлился, и Тила вышла из него. И именно в этот момент скутер взлетел. Тила упала, брошенная на землю ударной волной взлетающей машины, а когда она посмотрела вверх, скутер уже исчез.

Это было выше ее сил. Тила села и заплакала.

Как долго это длилось, она не знает. Она боялась уйти, ибо знала, что ее будут искать. А потом... пришел ОН (Тила кивнула на своего товарища). Он был удивлен. Задал какой-то вопрос, но она не поняла. Потом попытался ее утешить. Она была счастлива, что есть кто-то, желающий помочь ей.

Луи кивнул. Он понимал, что Тила может довериться первому встречному, и с ней ничего не случится.

Следовало признать, что спутник Тилы производил сильное впечатление.

Это был герой. Не было нужды представлять себе, как он сражается с драконами. Достаточно было увидеть его фигуру, оплетенную змеями мышц, короткий меч и, будто высеченные, черты мужественного лица.

Он был старательно выбрит. В нем должна была течь кровь Инженеров.

Вся его одежда состояла из короткой юбки и шкуры какого-то зверя.

— Он накормил меня,— продолжала Тила, — и защищал меня. Вчера на нас напали четверо, и он расправился со всеми! И он учит международный язык...

— На самом деле?

— Ему очень легко даются языки.

— Ну, это удар ниже пояса, — обиженно заметил Луи.

— Что?

— Ничего, ничего. Продолжай рассказ.

— Он уже стар, Луи. Когда-то принял большую дозу чего-то, вроде нашего восстановителя. Он помнит рассказы деда о падении цивилизации. Знаешь, чем он занимается? — спросила она. — Путешествует. Много лет назад он поклялся дойти до основания Небесной Дуги. Вот этим он и занимается.

— До основания Дуги? Ты, маленькая дурочка, почему не скажешь ему, что не существует никакой Дуги?

Тила улыбнулась, и в ее глазах была любовь и нежность.

— Если ты ему скажешь, я возненавижу тебя. Ведь это цель его жизни! И он учит людей!

— Странно. Он не выглядит слишком умным.

— А он действительно не слишком умен.

Судя по всему, это не имело для нее никакого значения.

— И если бы я шла с ним, то тоже смогла бы учить людей.

— Я знал, что это когда-нибудь наступит, — проговорил Луи. Однако ему было больно.

Понимала ли это Тила? Она старалась не смотреть в его сторону.

— Мы сидели с ним на улице целый день. Он рассказал мне о богине, которая захватывает в плен все,что движется, и мы отправились к ней. Мы пришли к алтарю, но в это время здание вдруг начало разрушаться, а потом оставшаяся часть улетела. Тогда Странник...

— Странник?

— Так его зовут. Если кто-то спрашивает о его имени, он рассказывает о своем путешествии к основанию Дуги, о приключениях на этом пути... Понимаешь?

— Да.

— Потом Странник начал включать разные машины. И мы нашли одну исправную и полетели за вами. И тут нас схватило полицейское поле.

Странник закончил беседу с Прилл и теперь рассматривал кзина. Тот тоже смотрел на него. Луи показалось, что оба размышляют, как бы мог пройти поединок между ними.

За окном бушевал ветер. Он стал еще сильнее.

— Надеюсь, здание достаточно прочное, — нахмурившись, сказала Тила.

Луи онемел от изумления: как же она изменилась!

Тила обратилась к Луи:

— Мне необходима твоя помощь, — сказала она. — Я хочу уйти со Странником.

— Ну а я тут при чем?

— У него какие-то странные понятия. Когда я рассказала ему о себе, он перестал со мной спать. Считает, что я принадлежу тебе. Скажи, что это не так.

Луи почувствовал, как что-то сжало его горло.

— Проще продать тебя ему. Конечно, если ты этого хочешь.

— Ты прав, Луи. Я хочу этого. Хочу путешествовать с ним по Кольцу. Я люблю его.

— Разумеется. Ведь вы созданы друг для друга. Миллиарды других мужчин не идут в счет, поскольку они не были предметом эксперимента кукольников.

Наступила тишина. Все смотрели на Луи. Даже Странник посмотрел в его сторону.

Но Луи видел только Тилу Браун.

— Мы потерпели крушение на Кольце только потому, что здешний мир как бы создан для тебя, — продолжил Луи. — Ты смогла здесь научиться тому, чему не могла научиться на Земле. Ты уже научилась!

— Научилась? Чему?

— Страху. Чувству боли. Неуверенности. Ты стала совершенно иной, чем была на Земле. Ты хотя бы когда-нибудь ушибла палец?

— Не знаю... Наверное, нет.

— А обжигала подошвы?

Тила с удивлением посмотрела на него.

— «Обманщик» разбился, потому что ты должна была оказаться на Кольце. Затем мы пролетели несколько тысяч миль, чтобы ты могла встретиться со Странником. Твой скутер привел тебя к нему, потому что именно он был человеком, которого ты должна была полюбить...

Тила улыбнулась. Луи оставался серьезным.

— Нужно было время, чтобы вы познакомились, и из-за этого я с Говорящим провисел вниз головой двадцать часов...

— Луи!

— Но это еще не все. Ты полюбила меня потому, что благодаря этому могла прилететь на Кольцо. Сейчас ты уже не любишь, потому что не нуждаешься во мне. Я же любил тебя, поскольку счастье Тилы Браун сделало из меня безвольную марионетку. Но настоящей марионеткой являешься ты. До конца жизни ты будешь танцевать на ниточках своего счастья. А если когда-нибудь и освободишься, то не будешь знать, что делать с этой свободой.

Тила стояла без движения, с лицом белее снега. Если не плакала, то только потому, что сдерживалась изо всех сил. Раньше этого она не умела.

Странник по-прежнему стоял у стены, поглядывая на них. Он видел, что Тила обижена, но понимал, что девушка принадлежит Луи...

Луи повернулся к кукольнику. Тот уже свернулся в шар. Луи схватил его за задние ноги и перевернул на спину. Несс был страшно испуган, он трясся мелкой дрожью.

— И это все из-за тебя, — проговорил Луи. — Как можно быть одновременно таким могущественным и таким глупым. Хоть сейчас-то ты понимаешь, что все, буквально все, что с нами случилось, является побочным эффектом действия счастья Тилы Браун?!

Теплый, мягкий шар свернулся еще плотнее. Заинтересовавшийся происходящим Странник внимательно следил за этой сценой.

— Возвращайся на планету кукольников и скажи своим руководителям, что опыты по селекции людей могут плохо закончиться. Несколько подобных Тил — и теория вероятности станет бесполезной. А ведь даже основные законы физики это не что иное, как теория вероятности на атомном уровне. Скажи им, что вселенная слишком опасная игрушка для таких осторожных и деликатных существ, как вы... Скажи им все это, когда вернешься домой. А теперь разворачивайся, и побыстрее! Мне нужна нить, которая соеди-

няет черные прямоугольники, и ты должен найти ее! Ну, чего ждешь?!

Кукольник развернулся и встал на ноги.

— Луи, мне очень стыдно... — начал он.

— И ты еще смеешь говорить мне это сейчас?

Кукольник умолк. Он повернулся к окну и стал рассматривать оставшийся позади Глаз.

Глава двадцать третья

Гамбит Бога

Туземцы, обожествляющие Небо, вдруг увидели перед собой два летающих здания.

Как и раньше, площадь с алтарем была полна людей. Луи хотел отыскать среди них лысый череп жреца, но это ему не удалось.

Несс с интересом рассматривал Небо. Ему очень хотелось увидеть комнату карт, но врожденная осторожность удерживала его.

— Луи, вот твоя нить!

Луи кивнул.

Неподалеку от площади над городом как будто клубился густой дым. Это была нить.

— Но как ее взять?

— Не имею представления.

«Невозможный» приземлился в районе площади. Несс не включил двигатель, чтобы тяжесть здания не расплющила наблюдательную платформу.

— Надо что-то придумать, — размышлял вслух Луи. — Может, использовать какие-нибудь руковицы? Или катушку из Материала Кольца?

— У нас нет ничего подобного, — заявил Говорящий. — Надо договориться с туземцами. Может, у них что-то есть, пригодное для наших целей.

— В таком случае, мне придется идти с вами, — с видимым неудовольствием проговорил Несс. — Говорящий плохо знает их язык. Прилл останется в здании, чтобы в случае необходимости мы могли быстро взлететь. Хотя... Луи, этот местный любовник Тилы мог бы повести переговоры от нашего имени?

Луи было неприятно, что кукольник так назвал Странника.

— Даже Тила не считает его гением... Я не рискнул бы доверить ему переговоры.

— Я тоже. Луи, нам на самом деле нужна эта нить?

— Не знаю. Если я не сошел с ума, то нужна. Если же сошел...

— Ладно, я иду, Луи. — По бархатистой коже кукольника про-

бежала волна дрожи. — Я знаю, что она будет нам нужна. Это случай, что она упала у нас на дороге, а все случайности связаны с Тилой. Если бы нить была нам не нужна, то не упала бы здесь.

Луи немного успокоился. Не потому что высказывание кукольника имело какой-то смысл, просто потому, что Несс пришел к аналогичным выводам.

Они начали спускаться на платформу: Луи с лазером, Говорящий с дезинтегратором Славера в руках. У Несса не было с собой никакого оружия. Он больше всего доверял таспу и чувству опасности.

У Странника был короткий острый меч. Всю его одежду составляла короткая юбочка.

У Тилы не было ничего.

Тила со Странником осталась бы в здании, если бы не торговая операция, состоявшаяся утром, при посредничестве Несса. Луи продал Тилу Браун за капсулку, содержащую порцию эликсира молодости.

— Я не хотел бы, чтобы он подумал, что ты не ценишь Тилу, — говорил Несс. — Теперь у него есть Тила, а у тебя эликсир молодости, который на Земле можно будет тщательно проанализировать. Кроме того, он будет нашим телохранителем до тех пор, пока мы не завладеем достаточным количеством нити.

— И чем он нас будет охранять? Этим перочинным ножичком?

Тила настояла, чтобы идти с ним. Ведь это был ее мужчина, и его ждала опасность. Луи подумал, что Несс на это и рассчитывал. В конце концов, Тила была «ходячим счастьем», которое вырастили кукольники.

В сером свете, пробивающемся через тучи, они двинулись в сторону, где упала нить.

— Только не трогайте ее, — предостерег Луи, припомнив, что говорил жрец о девочке, которой отрезало пальцы.

Даже вблизи завалы черной проволочной нити выглядели как полупрозрачный туман. Через него виднелись остовы зданий. Нить была так тонка, что ее можно было разглядеть только с расстояния в дюйм. Луи пришло в голову сравнить ее с молекулярным волокном Синклера.

— Попробуй перерезать ее дезинтегратором, — сказал он Говорящему.

В туче черного тумана появилась блестящая точка.

И в это время со всех сторон из ближайших зданий стали выскакивать люди, издавая ужасные вопли. Может, они считали происходящее оскорблением божества?

«Воюете лучами?» — припомнил Луи. Однако похоже, что они заранее готовились к нападению. Туземцы были вооружены дубинами и мечами.

«Бедняги», — подумал Луи, устанавливая лазерный луч на большую мощность. Затем он быстрыми движениями перевел луч справа налево. Нападающие отпрянули, зажимая раны, но их заросшие лица не показывали боли. Луи почувствовал горечь. Несчастные фанатики, вооруженные палками. Они не имели шансов...

Однако один из них сумел добраться мечом до руки Говорящего, и тот выпустил дезинтегратор. Кто-то схватил его, но в тот же миг Говорящий растерзал похитителя.

Однако дезинтегратор не вернулся к Говорящему. Третий туземец схватил оружие и пустился наутек. Он не пробовал применить его, а просто удирал. Луи не смог достать его лучом своего лазера.

Говорящий боролся голыми руками, разрывая туземцев здоровой и пользуясь раненой рукой вместо дубины. Он был окружен со всех сторон, однако туземцы не решались навалиться на него всем скопом: в их глазах это была живая оранжевая смерть с оскаленными зубами.

Странник стоял, опираясь спиной о стену. Перед ним лежали трупы, и нож его был весь в крови.

Несс мчался в направлении «Невозможного». Какой-то туземец встал на его пути, но тут же упал от удара задней ногой кукольника. Тот продолжал свой бег и вдруг...

Луи хорошо видел, как все произошло. Кукольник свернул в узкий переулок, когда его голова отделилась от шеи и покатилась по земле. Несс остановился и мгновение стоял не двигаясь.

Из его шеи пульсирующим ручейком текла кровь, ничем не отличающаяся от красной человеческой крови.

Вторая голова Несса жалобно завопила.

Туземцы устроили здесь ловушку из нити, соединявшей черные прямоугольники.

За свои двести лет Луи не раз видел смерть приятелей. Он продолжал сражаться, переводя луч лазера с одной цели на другую. «Бедный Несс! Сейчас настанет и моя очередь», — с горечью подумал он.

До сих пор он не получил даже царапины.

И вдруг туземцы начали отступать. Потери, понесенные ими, были ужасны.

Тила широко раскрытыми глазами смотрела на умирающего кукольника. Говорящий и Странник отступали в направлении «Невозможного».

Но ведь кукольник имеет еще одну голову!

Луи бросился к Нессу. Тила протянула ему свой шарфик. Он вырвал его из рук, наклонился, чтобы не наткнуться на нить, и повалил кукольника на землю.

Луи крепко перетянул шею Несса. А тот широко открытым гла-

зом всматривался в место, где еще недавно находилась его голова, затем глаз закрылся, и Несс потерял сознание...

Луи взвалил Несса на плечи и тяжело побежал вслед за Странником, который был готов проложить дорогу среди врагов. Но туземцы отступали.

Тила бежала следом за Луи. Последним появился Говорящий. Он подождал, пока Тила скроется внутри «Невозможного», а затем помчался назад.

Зачем?

У Луи не было времени на размышления. Он тяжело поднимался по ступенькам, и ему казалось, что кукольник становится все тяжелее. Луи положил Несса около его скутера, вытащил прибор «диагностик» и приложил его к шее. Через несколько секунд из регенератора питания выскочил длинный, гибкий провод и вонзился в вену на шее Несса. Выглядело это довольно жутковато, и Луи вздрогнул... Внутривенное питание. Очевидно, кукольник был еще жив.

«Невозможный» был уже в воздухе. Внимание Луи было поглощено Нессом, и он даже пропустил момент старта. Говорящий сидел на платформе, что-то осторожно сжимая в руке.

— Как Несс? — спросил он. — Жив?

— Да. Но он потерял много крови. — Луи присел около кзина. Силы почти оставили его. — Ты не знаешь, у кукольников бывает шок?

— Откуда я могу знать? — Кзин размышлял совершенно о другом. — А как ты думаешь, этот случай — тоже результат действия счастья Тилы Браун?

— Мне так кажется.

— Но почему? Как она может воспользоваться тем, что случилось с Нессом?

— Ты должен посмотреть на это моими глазами, — сказал Луи. — Когда я ее встретил, она была такая... такая примитивная. Она не знала, что такое боль. Ее личность не была личностью человека...

— Но почему это плохо?

— Потому, что она должна стать человеком, прежде чем Несс вырастит из нее бога по своему образу и подобию. Она является таким существом, каким бы хотел стать кукольник. С ней не может произойти несчастье. Все, что случится с ней, случится только для ее блага.

Именно поэтому она и оказалась здесь. На Кольце она научилась переживать боль, радость, опасность — научилась быть человеком. Сомневаюсь, что есть такие, как она, иначе они тоже оказались бы на «Обманщике».

Хотя... может быть, их тысячи. Как только они поймут силу своего могущества, начнут происходить странные дела. Чудеса! И нам придется уступить им дорогу.

— Что будем делать с головой пожирателя листьев? — спросил вдруг кзин.

— Она никого не жалела, — продолжал Луи. — Поэтому не могла увидеть, что ее приятелю грозит смерть.

— Я не понимаю.

— В процессе взросления человек начинает понимать ограниченность своих возможностей. Поэтому Тила не могла стать взрослой, пока не столкнулась лицом к лицу с физической опасностью.

— Вероятно, это свойственно только людям, — признался кзин в собственной беспомощности и отсутствии понимания.

Луи все пытался догадаться, что это так осторожно держит в руках кзин?

— Что это у тебя?

Говорящий показал, что он держит.

— Не прикасайся! Может отрезать пальцы!

Это была удлиненная ручка, расширяющаяся на одном конце и более узкая на другом, постепенно переходящем в тонкую черную нить.

— Я сообразил, что туземцы каким-то образом сумели устроить ловушку, и вернулся посмотреть на нее. Они просто нашли конец нити. Вероятно, этим концом она крепилась к прямоугольнику. Наше счастье, что мы нашли ее.

— Разумеется. Теперь можем тянуть нить за собой.

— А куда мы летим, Луи?

— Возвращаемся к «Обманщику».

— Да, конечно, надо спасать Несса. А потом? — поинтересовался Говорящий.

— Увидим...

Луи оставил Говорящего на платформе, а сам пошел за сверхтвердым пластиком. С его помощью конец нити удалось прикрепить к стене. Через некоторое время пластик застыл, и кзин смог, наконец, покинуть свой пост.

Тилу, Странника и Прилл они нашли в рубке.

— Мы направляемся в другую сторону, — говорила Тила. — Эта женщина говорит, что может подлететь к Небу, а мы заберемся туда через выбитое окно.

— Ну, и что дальше? Мы не сдвинем его с места.

— Странник говорит, что сможет. Я уверена, что он справится.

Луи перестал возражать. Он понял, что лучше всего сойти с ее дороги, как уходят с дороги резвящегося бондершатца.

— Если вы сможете сдвинуть здание с места, — сказал он, — просто нажми любую кнопку, и все.

— Запомню, — усмехнулась Тила. — Ухаживайте за Нессом.

Через двадцать минут Тила вместе со Странником покидали «Невозможный». Луи не промолвил ни слова.

Тело кукольника остывало, и через несколько часов стало холодным, как труп. Однако огоньки на панели прибора первой помощи продолжали перемигиваться.

«Невозможный» продолжал путь, за ним тянулась нить, которая то натягивалась, то повисала. Десятки, а может, и сотни зданий рухнули на землю, перерезанные невидимым ножом.

Прилл все время находилась около Несса. Она не могла ничем помочь ему, но и уйти не хотела.

— Надо что-то сделать для нее, — сказал Луи. — Она стала невольницей таспа и сейчас, когда таспа нет, может покончить с собой, убить Несса или меня!

— Чем же я могу тебе помочь? — спросил кзин.

— Вероятнее всего, ничем.

Луи пробовал разговаривать с Прилл, он знал, что человеку становится легче, когда он выговорится, но, во-первых, он плохо знал язык, а во-вторых, Прилл не желала разговаривать.

И все же постепенно он учился языку, а Прилл начинала его слушать. Он рассказывал ей о Тиле, о Нессе, о гамбите Бога...

— Я на самом деле думала, что я — богиня, — сказала Прилл. — На самом деле... Не знаю, почему. Ведь это не я строила Кольцо. Оно намного старше меня.

— Так тебе говорили.

— Но я и сама это чувствовала.

— Каждый хочет быть богом. Иметь власть и ни за что не отвечать.

— Потом появился двухголовый. У него была машина?

— Это был тасп.

— Тасп, — старательно выговорила Прилл. — Тасп сделал его богом. Теперь таспа нет, и он перестал быть богом. Он жив или нет?

На этот вопрос было трудно ответить...

Прилл начала, наконец, интересоваться окружающим миром: сексом, уроками языка, пейзажем, который проплывал за окнами «Невозможного». Прилл никогда до этого не видела поля солнечников. Вместе с Луи она выкопала росток солнечника и посадила его на крыше «Невозможного».

И вот, когда запасы пищи подошли к концу, Прилл перестала интересоваться кукольником. Луи понял, что она вылечилась.

В ближайшем селении Прилл и Говорящий попытались разыграть гамбит Бога. Луи с волнением их ожидал. Он хотел идти с ними, но не пошел, поскольку еще слишком плохо знал язык.

Они вернулись с дарами.

Дни превращались в недели, и Прилл с Говорящим снова разыгрывали свои роли. Мех у кзина отрос, и он снова напоминал огромную оранжевую пантеру, настоящего бога войны.

— Луи, помоги мне. Если уж пришлось играть роль бога, то я хочу делать это хорошо.

— А я тут при чем?

— Они задают вопросы. Женщины спрашивают Прилл, и это естественно. Мужчины тоже должны спрашивать Прилл, но почему-то спрашивают меня. Почему от меня, чужака, они ожидают помощи?

— Ты бог войны. А бог войны прежде всего является символом мужественности.

— Но, в таком случае, нужна какая-то система, чтобы ты мог отвечать на эти вопросы.

Прилл нашла в одном из складов переносные интеркомы, работающие на энергии здания.

После этого Луи ночью сказал Прилл:

— А у тебя больше извилин, чем это можно было ожидать от женщины для развлечений!

Прилл засмеялась.

— Глупый ребенок! Ты ничего не понимаешь. Во время длинных перелетов с планеты на планету время тянется очень медленно. Развлечения должны были быть самые разнообразные и легкодоступные. Мы должны были знать медицину тела и души, уметь любить и вести беседы. Должны были знать устройство корабля. Быть здоровыми, играть на каком-нибудь музыкальном инструменте...

Луи смотрел на нее широко открытыми глазами. Прилл мелодично рассмеялась, потом коснулась его здесь... еще тут... и еще...

Интеркомы работали прекрасно. Луи научился мгновенно выдавать такие ответы, которых можно было ожидать разве что от грозного бога войны. В этом ему помогало сознание, что они никогда больше не встретятся с туземцами, получавшими ответ, к тому же скорость их передвижения была больше скорости, с которой передавались известия о них.

Каждая встреча была первой и последней.

Проходили месяцы...

Перед ними был Кулак Бога.

С каждым днем Гора становилась все больше; Луи не сразу сообразил, что это может означать.

И тогда он обратился к Прилл.

— Ты слышала когда-либо о токах индукции? — спросил он. — Если они воздействуют непосредственно на мозг, то человек чувствует или боль, или удовольствие. На этом принципе основано действие таспа.

— Я знала, что у двухголового есть машина, — заметила Прилл. — Но зачем ты сейчас знакомишь меня с ее устройством?

— Мы покидаем Кольцо. Я хотел, чтобы ты все знала о таспе, прежде чем примешь решение.

— Какое решение?

— Хочешь остаться в ближайшем селении? Или хочешь лететь к «Обманщику»?

— Мое место на «Обманщике», — заявила Прилл. — Хватит с меня варваров. Хочу вернуться в настоящую цивилизацию.

— Тебе, возможно, будет трудно к ней приспособиться. Там, например, у всех есть волосы, как у меня. — За время путешествия у Луи выросла густая шевелюра. — Тебе придется носить парик.

Прилл скривилась.

— Не волнуйся обо мне. — Внезапно она рассмеялась. — Неужели ты хотел бы возвращаться один, без меня? Твой огромный оранжевый приятель никогда не заменит тебе женщину.

— Это — единственный аргумент, который я готов принять.

— Я помогу вам, Луи. Вы так мало знаете о сексе.

Луи тут же переменил тему...

Глава двадцать четвертая

Кулак Бога

Окрестности становились все более сухими, а воздух все менее насыщенным кислородом. Запасы овощей иссякли и мяса оставалось совсем немного. Путешественники находились у подножия Кулака Бога. Над ними в ночном небе резко выделялась Небесная Дуга и остро сверкали звезды.

Говорящий посмотрел в широкое окно.

— Ты смог бы найти на небе Ядро Галактики? — спросил он Луи.

— Зачем? Ведь мы знаем свое местоположение.

— Все же попытайся.

Луи отыскал несколько знакомых созвездий, к которым успел привыкнуть за время, пока они здесь находились.

— Там, за Дугой.

— Именно. Ядро Галактики находится в плоскости Кольца, — уточнил Говорящий.

— Я это и говорю.

— А материал, из которого он построен, задерживает нейтроны. Вероятнее всего, задерживает и другие виды космического излучения.

— Черт побери! Ты совершенно прав. Кольцо охраняет его обитателей от взрыва Ядра. Когда ты до этого додумался?

— Только что. Раньше я точно не знал, где находится Ядро.

— Какая-то часть излучения все же попадает внутрь Кольца.

— Можешь быть уверен, что когда ударная волна дойдет до Кольца, счастье Тилы Браун поместит ее от края так далеко, насколько это возможно.

— Двадцать тысяч лет... — прошептал Луи. — Клянусь улыбкой финагла! Как можно думать о таком далеком будущем?!

— Болезнь и смерть — это несчастья. Если принять это во внимание, Тила должна жить вечно.

— Но... Да, ты прав, — согласился Луи. — Ее счастье — великий Мастер Марионеток!

Два месяца Несс провел без признаков жизни. Но огоньки на его приборе мигали, и это был единственный знак, указывающий, что он еще жив.

Луи в очередной раз рассматривал Несса, когда ему в голову пришла одна мысль.

— Кукольники...

— Что? — с удивлением посмотрел на него кзин.

— Я думаю, не потому ли их назвали кукольниками, что они пытались манипулировать живыми существами, как лишенными воли куклами?

— Однако счастье Тилы Браун сделало именно такую куклу из Несса...

— Да, каждый из нас играл роль бога. — Луи показал на Прилл. — Она, ты, я. Как ты чувствовал себя в этой роли, Говорящий? Ты был добрым богом или злым?

— Не знаю. Я был чужим богом. Три недели назад я предотвратил войну. Каждой из сторон я предсказал, что она проиграет.

— Я помню. Только это была моя идея.

— Разумеется.

— Тебе придется еще раз сыграть эту роль. На кзине.

— Не понимаю...

— Кукольники выращивали людей и кзинов в нужном им направлении. А что будет, если ваш Патриарх узнает об этом?

— Будет война. — Говорящий резко фыркнул. — Наш флот немедленно направится на планету кукольников. Быть может, к нам присоединятся и люди. Ведь кукольники вмешивались и в вашу жизнь.

— Ты прав. А потом?

— Потом пожиратели листьев вырезали бы нас до последнего котенка. Луи, я никому не расскажу о Звездных Семенах, об экспериментах кукольников. Могу ли я рассчитывать, что ты будешь вести себя так же?

— Да.

— Ты именно об этом говорил, когда намекнул, что я еще раз должен буду сыграть роль бога?

— Об этом. И еще одно: «Счастливый случай». Ты все еще хочешь им завладеть?

— Возможно, — тихо ответил Говорящий.

— Это тебе не удастся. Но, предположим, это произошло. Что тогда?

— Тогда кзины будут иметь космические корабли с гиперпространственными двигателями.

— И?..

Прилл почувствовала, что их невозмутимый вид таит в себе страшное напряжение. Она встала с места, как будто собираясь вмешаться, когда они кинутся друг на друга.

— Через некоторое время у нас был бы флот, преодолевающий световой год за минуту и пятнадцать секунд. Мы захватили бы весь известный космос и стали властелинами всех рас, населяющих его.

— А потом?

— Наши амбиции на этом кончаются.

— Неправда. Обладая такими кораблями, вы захватили бы каждую встречную планету. И в конце концов захватили бы столько, что не смогли удержать... И когда-нибудь в этом огромном пространстве встретились бы с флотом кукольников или еще с кем-нибудь на могучих военных кораблях...

— Это маловероятно.

— Ты ведь уже встретился с Кольцом. Видел планеты кукольников. Почему ты думаешь, что на этом все исчерпывается?

Кзин молчал.

— Не торопись, — продолжал Луи. — Подумай об этом. Впрочем, ты и так не можешь завладеть «Счастливым случаем»...

На следующее утро «Невозможный» отыскал тянущуюся в бесконечность борозду. Они повернули и полетели вдоль нее на Кулак Бога.

Казалось, что Гора росла на глазах. Она напоминала обычную гору с покрытой снегом вершиной, только невероятно большую, как бы вышедшую из кошмарного сна. Из сна, который никак не кончался, так как Гора все росла и росла.

— Что это? — спрашивала Прилл. — Никогда не видела подобного. Зачем это построили? Такие горы нужны только на Краю, чтобы задерживать воздух.

— Я тоже думал над этим, — ответил Луи.

В этот день они увидели небольшую стеклянную бутылку, брошенную у борозды.

«Обманщик» лежал так, как они его и оставили; Луи подавил чувство облегчения — они все еще были так далеки от дома.

Прилл остановила «Невозможного» прямо над «Обманщиком». Луи легко открыл двери шлюза. Они перенесли Несса и поместили в медицинский автомат. Его возможности, по-видимому, были велики, но предусмотрели ли инженеры кукольников такую травму, как обезглавливание?

Оказалось, что да. В банке запасных органов была голова, а кроме того, множество других органов. Из них можно было сложить несколько кукольников. Все эти органы были получены, вероятно, путем клонирования — физиономии обеих голов выглядели знакомыми.

Луи забыл предупредить Прилл, и она стояла в растерянности.

— Кофе! Душ! — Луи скрылся в своей каюте. И сразу же раздался его крик:

— Прилл!

И она вошла...

Кофе Прилл не понравился. Она не могла понять, зачем Луи пьет эту горькую жидкость.

Когда Луи объяснил ей, как надо пользоваться душем, она вспомнила, что когда-то уже пользовалась им.

Больше всего ей понравились антигравитационные кровати.

Говорящий по-своему праздновал возвращение — Луи даже опасался, что тот лопнет об обжорства.

— Мясо! — рычал Говорящий перед поглощением очередного куска. — Наконец-то свежее мясо!

Прилл провела ночь на диване в кают-компании. Антигравитационные кровати ей нравились, но она считала, что они должны служить для иных целей. Луи все же с удовольствием выспался на своей любимой кровати.

Утром Луи почувствовал волчий голод.

Луи вернулся на «Невозможный» и лазером отрезал от стены конец нити. Пластик все еще оставался на ней.

Просто так перенести нить на «Обманщик» Луи не рискнул. Нить представляла большую опасность.

Говорящий наблюдал за ним, стоя в проеме шлюза.

Луи взобрался наверх по веревочной лестнице, протиснулся мимо кзина и направился на корму корабля. В самом узком месте кормы находилось отверстие, соединяющее рубку с расположенными на крыле приспособлениями и двигателями. Теперь, когда кры-

ла не было, отверстие было запломбировано. Луи открыл отверстие и вывел конец нити наружу.

— Мы вернулись именно за этим? — спросил Говорящий.

Луи закрыл двери шлюза.

— Подожди, потом все объясню, — ответил Луи. Он осторожно прошел вдоль корпуса, поднял конец нити и потянул. Двери шлюза крепко держали ее.

— Ты прав, мы вернулись именно за этим.

— И что дальше?

Нить, растянувшаяся на тысячу километров, проходила сквозь корпус «Обманщика», а ее конец был укреплен пластиком к стене «Невозможного».

— Теперь мне нужна Прилл, — заметил Луи. — Проклятие! Я совсем забыл, что у нее нет скафандра!

— Скафандра?

— Мы полетим на «Невозможном» на Кулак Бога, но «Невозможный», к сожалению, негерметичен. Придется оставить ее здесь.

— Луи, но ведь двигатель скутера не сможет поднять «Обманщика» на гору?

— У меня нет такого намерения. Я просто протяну нить сквозь «Обманщик».

— Зачем?

— Этого я тебе пока не скажу. Если окажется, что я ошибся, ты не сможешь смеяться надо мной...

Прежде чем лететь, Луи постарался облегчить «Невозможный». Они с Говорящим теперь постоянно находились в скафандрах, поэтому кухня была «отрезана». «Отрезали» многие помещения, оставив только те, что были необходимы для жизни.

С каждым днем «Невозможный» приближался к вершине Горы, на которой был гигантский кратер. Край кратера выглядел необычно: казалось, что материал основы Кольца выгнулся под ударом снаружи.

— Вызываю Прилл, — проговорил Луи в интерком. — Ты слышишь меня?

— Слышу, Луи.

— Оставайся на месте. Мы вернемся через двадцать минут.

— Хорошо.

Небесная Дуга сияла над ними. С высоты тысячи миль Луи видел, как Дуга соединялась с боковыми частями Кольца и переходила в плоскость. Он чувствовал, наверное, то же, что чувствовали первые космонавты, увидевшие землю из космоса.

— А ведь мы могли бы подняться на Гору сразу, — тихо произнес Луи. — Говорящий услышал эти слова и посмотрел на него. — И наши скутеры втянули бы «Обманщика» на вершину. Но Тила в этом случае не нашла бы Странника...

— Опять счастье Тилы Браун?

— Да. — Луи как будто очнулся и, посмотрев на Говорящего, спросил: — Я говорил вслух?

— Да, Луи.

— А ведь можно было догадаться сразу. Инженеры никогда бы не строили такой высокой Горы. Помнишь, как мы не смогли найти на карте Кулак Бога? Знаешь, почему?

Кзин не отвечал.

— Потому что его не существовало.

— Луи, что ты, собственно говоря, хочешь найти в кратере?

— Звезды.

— Твои шутки, Луи, не смешны.

Они были уже в кратере. Кулак Бога оказался пустой скорлупой.

Они падали. И кратер был полон звезд.

У Луи было прекрасно развито воображение. Он живо представил себе то, что когда-то здесь произошло.

Он видел, как в межзвездном пространстве мчится какое-то тело, направляясь к Кольцу.

Удар — и через мгновение тело превратилось в ионизированную плазму. Плазма прожгла материал Кольца, и огненный шар вырвался на свободу.

Возник Кулак Бога.

Для наблюдения на Кольце это выглядело так, как будто огромный страшный огненный кулак одним ударом пробил поверхность Кольца, как тонкую бумагу...

Внезапно возникла невесомость. Этого Луи не ожидал.

Затем снова появилась гравитация. «Невозможный» перевернулся, и теперь обзорное окно было направлено вверх.

— Я был прав? Звезды!

— Но откуда ты знал?

— Подумай, громадная поверхность, превращенная в пустыню, и внезапный упадок цивилизации, которая насчитывала тысячи лет! И все это потому, что движение воздушных масс коренным образом изменилось.

— Да. И благодаря этому я смогу еще раз увидеть заход Солнца?

Луи с удивлением посмотрел на кзина.

— Заход Солнца?

— Да, Луи. Я люблю смотреть на заходящее Солнце. Но сейчас, давай поговорим о «Счастливом случае».

— Если бы моя раса завладела им, мы покорили бы весь космос и рано или поздно встретили более могущественную цивилизацию. Мы забыли бы все, чему научились с таким трудом — умение жить в мире с другими расами.

— Ты прав, — согласился Луи.

Сила тяжести не менялась. «Обманщик», привязанный на длинную нить, взбирался вверх на Гору.

— Конечно, нам это могло бы и не удастся, если бы счастье тысяч Тил Браун велело им защищать Землю. Но могу ли я свернуть с этой дороги? Мои боги прокляли бы меня, поступи я так. К счастью, такой проблемы не существует. Ты сам сказал, что мне не завладеть кораблем. И ты прав. Корабль кукольников будет нужен для того, чтобы уйти от взрыва Галактики.

— Это действительно так.

— А если я обману тебя?

— Что поделаешь... Я не смогу обмануть такое хитрое существо, как ты.

В кратере блеснуло Солнце.

— Подумай, как мало мы видели, — сказал Луи. — Преодолели сто пятьдесят тысяч миль за пять дней, а эту же дорогу обратно — за два месяца. Это одна седьмая часть ширины Кольца. А Тила и Странник намереваются пройти его в длину...

— Глупцы...

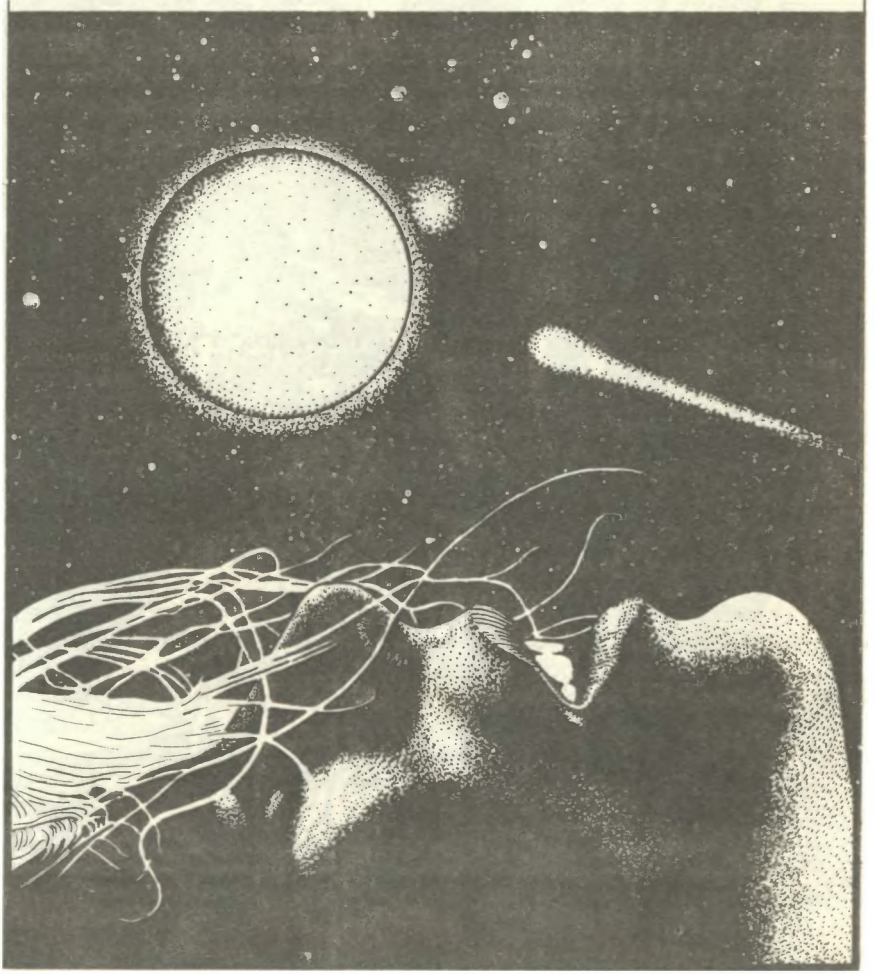
— Мы не увидели даже края Кольца... Они его увидят. И еще многое другое... Мы не видели океана, а ведь корабли Инженеров могли добраться до Земли и забрать с нее многих животных, пока они не вымерли. А люди, которых они встретят... А простор... Ведь Кольцо так огромно...

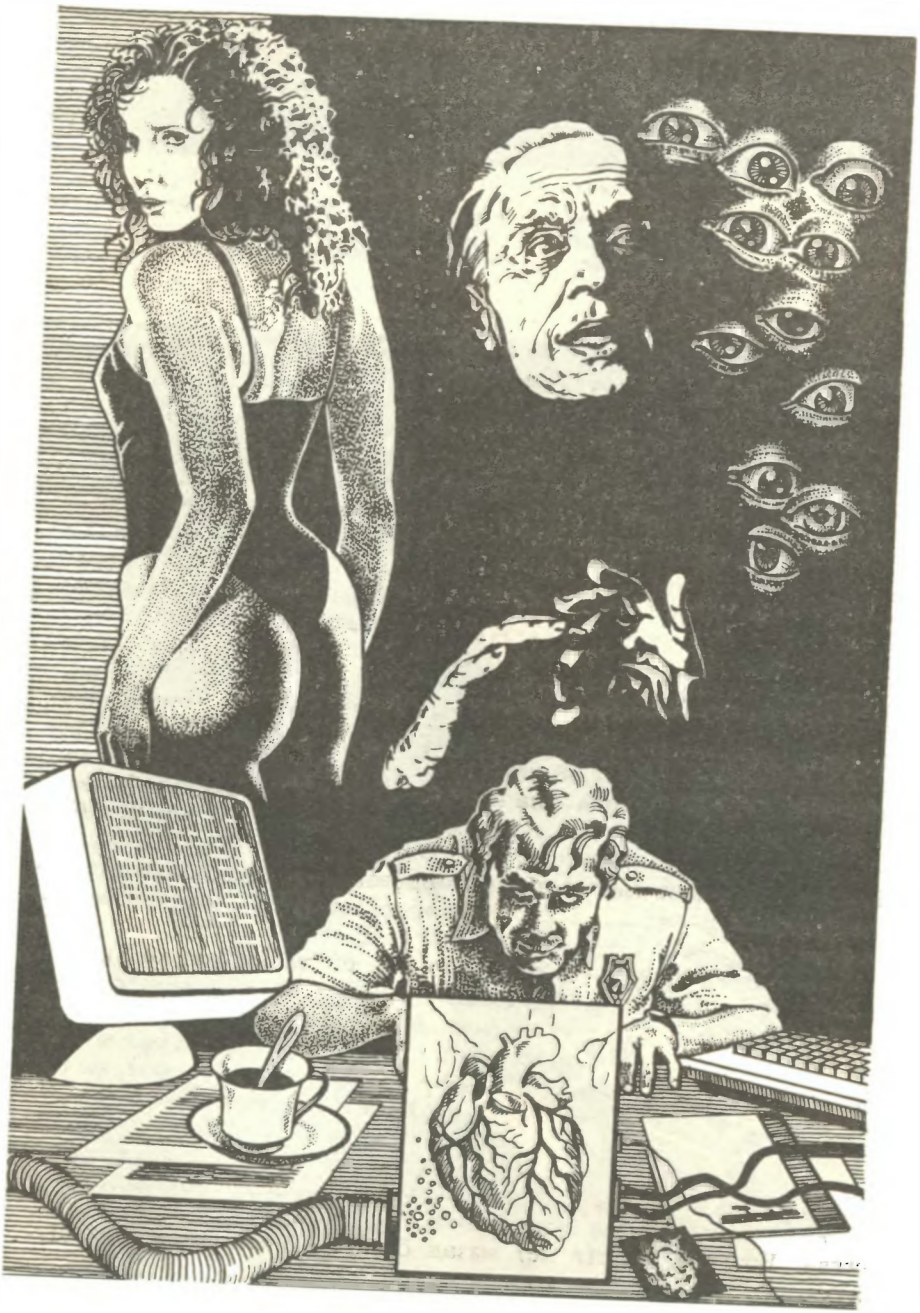
— Но мы не можем вернуться, Луи.

— Да, конечно, не можем.

— По крайней мере, до тех пор, пока не побываем дома. И пока не получим нашу награду...

ДАР ЗЕМЛИ





Глава первая

Рамробот

Рамробот был первым, кто увидел Маунт Лунитхэт.

Рамроботы были первыми разведчиками миров, пригодных к заселению. Межзвездные исследовательские роботы, с неограниченными запасами энергии, которую они черпали из космического водорода, могли перемещаться в пространстве со скоростью, близкой к скорости света. Много лет назад Объединенные нации послали к ближайшим звездам рамроботов, чтобы отыскать планеты, пригодные для обитания человека.

Странно, что первые рамроботы не могли сами менять программу исследования. Рамробот Проснок, например, опустился весной на планету Мы Сделали Ее. Случись это летом или зимой, когда ось планеты направлена на ее звезду, робот заметил бы ветры, дующие со скоростью сто пятьдесят миль в час. Рамробот Сириус отыскал две небольшие, пригодные для обитания зоны на Джинксе, но он не был запрограммирован на исследование других особенностей планеты. И вот рамробот Тау Пети приземлился на Маунт Лунитхэт.

На этой планете было пригодно для обитания только Плато. Остальная часть планеты представляла собой обжигающую черную пустыню, непригодную ни для чего. Плато было по площади меньше, чем любая планета, разрешенная Проектом Колонизации к заселению. Но Межзвездный рамробот нашел точку, пригодную для обитания, и это было все, что он должен был узнать по своей программе.

Медлительные корабли с колонистами, которые следовали за рамроботами, не были предназначены для обратного путешествия. Их пассажиры должны были где-то высадиться и остаться там навсегда. Вот так триста лет назад было заселено Плато на Лунитхэт.

* * *

Воздушные полицейские кары гнались за бегущим человеком. Он слышал их вой, похожий на жужжание пчел летом. Нет, они слишком поздно включили моторы на полную мощность. Сейчас они мчались со скоростью сто миль в час — огромная скорость для такого небольшого пространства, как Плато Лунитхэт, но недостаточная, чтобы догнать человека, которому оставалось всего несколько ярдов до края.

Фонтанчики пыли поднимались перед беглецом. Наконец полиция решилась на то, чтобы повредить тело человека. Человек рухнул в пыль, как кукла, брошенная капризным ребенком. Одна нога у него вытянулась, но он пополз дальше с помощью рук. Вот он дернулся еще раз, но продолжал карабкаться. На самом краю он увидел шар, пикирующий на него из голубой высоты.

Прикусив кончик языка, Иезус Пьетро Кастро нацеливал свой кар на бородатое, искаженное болью и гневом лицо. На дюйм ниже — и он врежется в утес, на дюйм выше — и он не попадет в человека, упустит возможность отшвырнуть его обратно на Плато. Он нажал сразу на две кнопки газа...

Слишком поздно. Человек исчез.

Потом они стояли на краю и смотрели вниз.

Иезус Пьетро часто видел группы детей, которые стояли на самом краю и, полные страха и возбуждения, старались рассмотреть самое дно. Они подзуживали друг друга, заставляя подойти ближе, еще ближе... Ребенком он сам делал то же самое и до сих пор помнил то ощущение страха и восторга, которое возникало в нем. Оно жило в нем до сих пор.

На глубине сорока миль под клубящимся морем белого тумана скрывалась истинная поверхность планеты. Плато на Лунитхэт имело площадь, равную всего лишь половине Калифорнии. Остальная часть планеты представляла собой черную печь, температура в которой была достаточна, чтобы расплавить свинец. У поверхности планеты плотность атмосферы в шестьдесят раз превышала плотность земной атмосферы.

Мэтью Келлер совершил самое худшее из всех возможных преступлений. Он бросился с края Плато, унеся с собой свои глаза, свои внутренние органы, свои мили кровеносных сосудов — все то, что могло быть использовано для замены износившихся органов других людей. Даже его ценность, как производителя, которой нельзя было пренебрегать в колонии, существующей всего триста лет, теперь была равна нулю. Может быть, теперь только вода, которая есть в его теле, вернется на плато в виде дождя в реки и озера, или в виде снега на большом северном леднике. А сейчас он уже, наверное, превратился в пепел на поверхности планеты, на сорокамильной глубине.

А может, он все-таки не упал?

Иезус Пьетро, Глаза полиции, с усилием отошел от края. Этот клубящийся бесформенный туман вызывал странные галлюцинации и странные мысли. Иезус Пьетро поймал себя на мысли, что, когда придет его время, он предпочел бы тоже броситься вниз. А это уже настоящая измена.

Майор встретился с ним глазами явно неохотно.

— Майор, — сказал Иезус Пьетро, — как вышло, что вы упустили этого человека?

Майор развел руками.

— Он на несколько минут скрылся между деревьями. А когда он бросился к краю, мои люди не сразу заметили его.

— Как он добрался до деревьев? Почему твои кары не перехватили его раньше?

Майор колебался на долю секунды дольше, чем следовало. Иезус Пьетро продолжил:

— Ты решил поиграть с ним. Он не мог уйти от тебя, не мог скрыться, и ты решил позволить себе немного позабавиться.

Майор опустил глаза.

— Вместо него пойдешь ты, — сказал Иезус Пьетро.

* * *

Игровая площадка была засажена травой и деревьями, посреди нее стояла карусель. Одноэтажное здание школы, выкрашенное в нежно-розовый коралловый цвет, окружало площадку с трех сторон. С четвертой стороны, за забором из деревянных столбов, увитых виноградной лозой, находился край Гамма Плато, откуда открывался вид на озеро Дэвидсона, расположенное на Дельта Плато.

Мэтью Лайф Келлер сидел под деревом и размышлял. Вокруг него играли дети, но они не обращали на него внимания. И дежурные преподаватели тоже не замечали его. Когда Мэт хотел остаться один, никто не подходил к нему.

Дядя Мэт исчез. Его судьба была до того ужасна, что взрослые даже избегали говорить о ней.

Полиция пришла в дом вчера вечером. Полицейские ушли, забрав с собой дядю, большого и доброго. Мэт знал, что дядю уводят в госпиталь, он пытался остановить этих огромных людей в форме, но они были суровы и непреклонны. Восьмилетний мальчик не смог их уговорить.

Через день должно было поступить сообщение об обвинениях против него, а также о том, каков будет приговор. Но теперь это уже не имеет значения. Дядя Мэт больше не вернется.

В глазах у мальчика защипало, и он понял, что сейчас заплачет.

Гарольд Лиллард прекратил свою бессмысленную беготню, ког-

да понял, что он уже давно бегает один. А он не любил оставаться один. Ему было десять лет, и он был довольно крупный для своего возраста. Он всегда нуждался в обществе. Причем желательно, чтобы вокруг него были малыши, которыми он мог бы командовать. Оглядевшись, он заметил маленького мальчика, сидевшего под деревом на краю площадки. Мальчик был маленький и сидел далеко от дежурных преподавателей.

Гарольд подошел.

Мальчик под деревом поднял на него глаза.

Гарольд сразу потерял интерес. Он сделал безразличное лицо и побежал к карусели.

* * *

Рамскун Робот № 143 включил линейный ускоритель. Перемещаясь в межзвездном пространстве, он был похож на гигантское металлическое насекомое. Во всем, за исключением содержимого грузового отсека, он походил на сорок своих предшественников. В носу был установлен рамскун генератор, тяжелый бронированный цилиндр с большой полостью в центре. По сторонам цилиндра на странной металлической конструкции, которая напоминала сложенные ноги кузнечика, были смонтированы огромные двигатели. Тело ракеты было небольшим. Там находилась только вычислительная система и система питания для компьютера.

Когда включились двигатели, Джуно, планета, с которой взлетел рамробот, стала невидимой из-за языков пламени. Немедленно после взлета начал разматываться кабель, сделанный из молекулярной цепи Спаклера. Длина его достигала тридцати миль. На конце кабеля находилась свинцовая капсула, такая же тяжелая, как сам рамробот.

Такие же грузовые отсеки уже целые столетия отправлялись к звездам. Но этот груз был особенным.

Похожий на рамроботов № 141 и № 142, уже направляющихся к Джинкусу и Вундерланду, похожий на рамробота № 144, еще не выпущенный в полет, рамробот № 143 нес в себе семена революции.

Эта революция на земле уже началась. Там она происходила спокойно, планомерно. Но на Маунт Лунитхэт все должно было произойти совсем по другому.

* * *

С двумя лучами антипичного света рамробот приближался к орбите Плутона. Плутон и Нептун находились далеко от Солнца, и поблизости не было кораблей, которым бы могло повредить магнитное поле.

Включился рамскун генератор.

Коническое поле формировалось медленно, но когда оно перестало осциллировать, стало стабильным, оно уже достигало двух сотен миль в диаметре. Ракета начала собирать в этот гигантский конус межзвездную пыль и водород. Она все еще ускорялась. Внутренняя система питания уже отключилась, и теперь она будет бездействовать в течение двенадцати лет. Горючим для ракеты теперь будет служить межзвездное вещество, которое она будет собирать в полете.

В окружающем ракету пространстве не сможет существовать ничто живое в смертельном вихре электромагнитных волн, которые излучаются при работе рамскун генератора. Сотни лет люди пытались создать эффективные экраны, которые бы позволили людям летать на таких ракетах. Однако это так и не удалось сделать. Поэтому семена и оплодотворенные яйца животных приходилось перевозить в замороженном виде в хорошо экранированных капсулах на большом расстоянии от генератора. Люди не были вынуждены путешествовать в космосе на медлительных кораблях с огромными запасами горючего. Скорость этих кораблей не превышала половины скорости света.

Скорость рамробота № 143 непрерывно возрастала. Солнце постепенно превращалось в яркую звезду, яркость которой все время уменьшалась. С увеличением скорости конус рамскуна все более противодействовал ускорению, но при этом увеличивалось количество водорода, поступающего в двигатели, и это компенсировало сопротивление конуса. Телескопы станций слежения вблизи Нептуна изредка улавливали ровное свечение ярко-голубого пламени двигателей.

Скорость уже приближалась к скорости света, и Вселенная смешалась вокруг ракеты. Звезды изменяли свое положение, и вот Солнце уже осталось позади на расстоянии одного светового года. Оно уже стало тускло-красным, а Тау Цети впереди засверкала ярко-белым светом. Два красных карлика, известных под номером Л726-8, приобрели темно-желтый цвет. Если бы на рамроботе были люди, то им показалось бы, что вся Вселенная сплющилась, как будто кто-то сел на нее.

Рамробот достиг середины своего пути — он пролетел расстояние в 6,95 световых года от Солнца.

Реле включило компьютер рамробота. Наступило время передачи. Рамскун выключился и погасли голубые огни возле дюз двигателей. Рамробот переключил всю свою накопленную энергию на луч лазера. Луч протянулся вперед, достиг системы Тау Цети. Снова включились двигатели рамробота, и ракета полетела прямо по своему лучу, который четко указывал курс.

* * *

Возле двери медицинского кабинета образовалась очередь из пятнадцатилетних мальчиков, каждый из которых держал механический сосуд с чистой желтоватой жидкостью. Один за другим они отдавали свои сосуды угрюмой мужеподобной медсестре и отходили в сторону, уступая место другим.

Мэт Келлер был третьим от конца. Когда мальчик перед ним отступил в сторону, уступая место, и сестра протянула руку за его бутылкой, не отрывая глаз от мальчика, Мэт критически осмотрел бутылку.

— Она выглядит не очень хорошо, — сказал он.

Медсестра со злостью подняла на него взгляд. Этот ублюдок колонистов задерживает ее!

— Пожалуй, я пропущу ее через себя еще раз, — сказал Мэт и выпил содержимое бутылки.

— Это был яблочный сок, — сказал он вечером своим домашним. — Если бы вы видели ее лицо! Я думал, что ее хватил удар.

— Зачем ты сделал это? — с искренним недоумением спросил отец. — Зачем ты издеваешься над мисс Прин? Ведь это нужно для того, чтобы знать о состоянии твоего здоровья. Все данные идут прямо в больницу.

— Я думаю, что это было очень смешно, — сказала Джен. Младшая сестра Мэта всегда принимала его сторону во всех спорах.

Улыбка соскользнула с лица мальчика, и оно сразу повзрослело.

— Это за дядю Мэта, — сказал он, нахмурясь.

Мистер Келлер посмотрел на Джен, затем на мальчика.

— Если ты будешь продолжать в том же духе, Мэт, ты кончишь, как и он.

Беспокойство отца тронуло мальчика.

— Не беспокойся, Генгас, — сказал он. — Мисс Прин, наверное, забыла об этом. Мне обычно везет.

— Если она не доложила о твоей проделке, то тебе действительно повезло.

— Скорее всего, так оно и есть.

* * *

В маленькой палате хирургического отделения больницы Иезус Пьетро Кастро сел в первый раз за четыре дня. Он перенес операцию несложную, но очень важную: ему заменили левое легкое. Кроме того, он получил категорический приказ от Милларда Парлета, который был из числа тех, кто высадился здесь с корабля. Ему было приказано немедленно бросить курить.

Иезус Пьетро чувствовал, как внутри у него натягиваются швы, когда он садится в постели, чтобы заняться работой с документами, накопившимися за четыре дня. Пачка бумаг, которые его помощник положил на столик возле постели, была очень толстой. Иезус вздохнул, взял перо и принялся за работу.

Через пятнадцать минут его лоб наморщился при каком-то смутном воспоминании. Он снова перечитал бумагу, затем скомкал ее. Подумав, он расправил ее и снова просмотрел.

— Матью Лейф Келлер? — задумчиво произнес он.

— Обвинен в измене, — мгновенно ответил майор Иенсен. — Шесть лет назад. Он бросился вниз с Альфа Плато. Он должен был поступить в больницу для препарирования и сохранения органов тела.

Но он не поступил туда, тут же вспомнил Иезус Пьетро. Предшественник майора Иенсена пошел туда вместо него. И все же Келлер погиб...

После минутного колебания майор Иенсен сказал:

— У него есть племянник.

— Ему сейчас около пятнадцати лет?

— Может быть. Я проверю.

«Племянник Келлера, — подумал Иезус Пьетро, — я мог бы поступить по закону и наказать его».

Нет. Пусть он думает, что ему сошла с рук его выходка. Пусть пока порезвится. Настанет день, когда он вернет тело, которое украл у нас его дядя.

Иезус Пьетро улыбнулся, но боль резко кольнула его под ребрами, и он откинулся на подушки.

* * *

Поверхность рамскун-генератора уже не была гладкой и блестящей. Она была вся усеяна раковинами, кратерами, которые возникли при ударах частиц космической пыли, прошедшей через поле генератора. Кратеры были везде: на генераторе, на двигателях, на теле самой ракеты и даже на грузовом отсеке, который тащился на буксире сзади. Весь корабль, казалось, был обработан пескоструйным аппаратом.

Но все эти повреждения не были катастрофическими. Корабль еще мог летать по меньшей мере лет сто.

И вот сейчас, отдалившись от Солнца на восемь с половиной световых лет, рамскун-генератор отключился во второй раз. Пламя из двигателей превратилось в две голубоватые струйки, которые обеспечивали ускорение всего в одну двенадцатую часть дня. Автоматически включился механизм намотки и постепенно грузовой отсек скрылся в люке.

Машина будто поколебалась немного, потом два цилиндрических двигателя качнулись, и сложенные рычаги крепления начали выпрямляться. Некоторое время двигатели находились под прямым углом к корпусу, затем рычаги снова стали складываться, но теперь двигатели были направлены вперед.

Специальный механизм развернул грузовую капсулу, и кабель снова размотался на всю длину.

Снова включился рамскун-генератор, моторы взревели на полную мощность. Водород и гелий снова начали отдавать свою энергию.

На расстоянии 8,3 световых года от Солнца, почти на половине расстояния от Солнца до Тау Цети, находилась двойная звезда под названием Л726-8. Это были красные карлики. Их главной особенностью было то, что они имели очень маленькую массу. И все же их силы притяжения хватало, чтобы удерживать вокруг себя тонкий слой атмосферы.

Войдя в нее, ракета начала тормозиться. Вселенная снова стала изменяться: звезды принимали свою обычную форму и цвет. На расстоянии 11,9 световых лет от Солнца и за сто миллионов миль от звезды Тау Цети двигатели прекратили работу. Разнообразные датчики стали осматривать небо. Вот они остановились и зафиксировали свое положение.

Корабль двинулся снова. Теперь ракета должна была долететь до своей цели, используя горючее внутреннего бака.

Тау Цети — это звезда класса X A . Она на четыреста градусов холоднее солнца, яркость ее составляет всего 49% яркости солнца. Планета Маунт Лунитхэт вращается вокруг этой звезды по круговой орбите с радиусом 67 миллионов миль. Планета не имеет ни одного спутника.

Рамробот приближался к Маунт Лунитхэт. Он двигался крайне осторожно, в точности выполняя все инструкции, заложенные в программу его компьютера. Датчики все время работали.

Температура поверхности 600 градусов по Фаренгейту. Отклонения небольшие. Атмосфера плотная, ядовитая у поверхности. Диаметр 7650 миль.

Что-то появилось на горизонте. В видимом свете это было похоже на острова в море тумана. Несколько плато, разделенные остроконечными утесами. Но рамробот мог использоваться не только видимым светом. На Плато температура была, как на Земле, воздух пригоден для дыхания человека и плотность атмосферы такая же, как на земле.

Антенны приняли два радиосигнала. Это были локаторы рамробота, отразившиеся от какого-то препятствия. Судя по всему, препятствия было два, и они находились на расстоянии четверти мили друг от друга. Это были два космических корабля Лунитхэт,

соединенные между собой замысловатой конструкцией, где размещалась больница. Так что космические корабли были теперь вовсе не корабли, а какое-то сооружение в виде космического замка. Но рамробот не знал этого, да ему и не нужно было этого знать.

Сигналы поступили. Рамробот 143 начал спуск.

* * *

Пол мягко вибрировал под его ногами. Отовсюду доносился приглушенный шум. Иезус Пьетро Кастро шел по длинным, извилистым и запутанным коридорам больницы.

Хотя торопиться ему приходилось часто, он никогда не бегал. В конце концов, он не гимназист. Он двигался, как слон, который не бегает никогда, но ходит с такой скоростью, что может легко догнать и раздавить бегущего человека. Он шел широкими шагами опустив голову. Глаза его угрюмо смотрели из-под низкого лба с выпуклыми надбровными дугами и разросшимися бровями. Его усы и седые волосы грозно топорщились. Они были в странном контрасте с землистой кожей. Полицейские при виде его поспешно уступали ему дорогу, как пешеходы, отскакивающие от автобуса. Интересно, почему они так отскакивают? Из-за его чина или из страха, что огромное массивное тело сметет их при столкновении? Они, вероятно, и сами не знали этого.

Возле большой каменной арки, стоявшей у входа в больницу, Иезус Пьетро посмотрел наверх и увидел над головой сияющую бело-голубую звездочку. Он едва успел ее заметить, как она погасла и отдаленный грохот затих.

Его уже ждал джиц. Его приказы выполнялись мгновенно. Иезус сел в машину, и водитель, не ожидая указаний, сразу же тронулся. Больница осталась позади.

Груз рамробота спускался вниз на парашютах.

Кары уже были в воздухе, сопровождая парашюты. Вероятно, большая часть груза опустится возле больницы. Рамробот нацелил их на оба корабля, между которыми, как живое существо, как коралл, выросло архитектурное сооружение — больница.

Однако сегодня ветер был очень сильный.

Иезус Пьетро нахмурился. Парашют может снести за гряду утесов, и тогда он не попадет на Альфа Плато, где выстроены дома первых поселенцев, прибывших с первым кораблем, и куда не допускались остальные колонисты. Возможно, груз попадет в район колонистов.

Так и случилось. Кары сопровождали груз, перелетая сорокафутовые утесы, отделившие Плато Альфа от Плато Бета, на котором фруктовые рощи и сады перемежались с полями, где выращи-

вались овощи и хлеб. На Бета не было домов, так как первые поселенцы не любили близкого соседства с колонистами. Колонисты работали на Бета.

Иезус Пьетро взял микрофон.

— Слушайте приказ. Груз Рамробота 143 приземлился на Бета. Сектор 22 или где-то рядом. Вышлите туда четыре отряда. Не трогать полицейские кары или поселенцев. Но каждого колониста в радиусе полмили от места приземления арестовать и задержать для допроса.

Груз приземлился на дальнем краю цитрусовой рощи. Здесь росли лимонные и апельсиновые деревья. На одном из рамроботов прибыли семена этих деревьев — настоящие чудеса земной биологической науки. Путем изменения генов удалось добиться, чтобы эти деревья не боялись никаких вредителей: они были неприхотливы и могли расти везде. Плоды их не гнили и оставались свежими в течение десяти месяцев. Всхожесть семян была поразительной: из шести семян прорастало не менее пяти.

Так как деревья нуждались в солнечном свете, у них были широкие листья и густая крона. Это был настоящий густой лес, в котором росли даже грибы, такие же, как и на Земле.

Полли уже нашла штук десять. Если кто-нибудь спросит ее, то она скажет, что пришла сюда за грибами. Но к тому времени, как появится гипотетический человек, который будет ее расспрашивать, она спрячет свою камеру.

В данный момент на Бета Плато было много колонистов. Они отдыхали, устраивали пикники, собирали грибы... Бдительный полицейский непременно обратил бы внимание на то, что люди чересчур равномерно распределились на Плато. И слишком многие из них входили в организацию Сыны Земли.

Груз рамробота приземлился в том районе, где была Полли. Она была в роще, когда услышала глухой стук. Быстро, но осторожно она пошла в направлении звука. Со своими черными волосами и кожей, темной от загара, Полли была почти невидима в сумраке между деревьями. Укрывшись за двумя толстыми стволами, она осторожно выглянула из-за них.

Большой цилиндрический предмет лежал на траве, запутавшись в стропах пяти парашютов.

«Так вот как это выглядит! — подумала она. — Неужели такой маленький предмет прилетел с безмерно далекой Земли? Впрочем, это всего лишь небольшая часть, а основное тело рамробота полетит обратно на Землю».

Но сейчас нужно было думать о грузе. Грузы, которые прибывали с рамроботами, никогда не были тривиальными. В течение шести месяцев с момента прихода сигнала лазера Сыны Земли готовились захватить капсулу рамробота № 143. В худшем случае

они передадут капсулу за плату этой шайке — первым поселенцам. А в лучшем случае они получат оружие для борьбы.

Полли уже собиралась выйти из своего укрытия, как вдруг появились кары. Почти тридцать штук приземлились вокруг капсулы.

Полли осталась в лесу.

* * *

Солдаты не узнали Иезуса Пьетро, но они поняли, что это он. Почти все, собравшиеся вокруг капсулы, принадлежали к элите. Водители из предусмотрительности оставались в машинах. Иезус Пьетро был очень осторожен, чтобы, не дай бог, не наступить кому-нибудь на ногу или даже просто не оказаться у кого-нибудь на пути.

И поэтому он оказался в последних рядах. Ему было очень плохо видно, когда Миллард Парлетт, прямой потомок первого Капитана «Планка», открыл капсулу и заглянул в нее.

Иезус Пьетро видел, как старец достал что-то и начал рассматривать при солнечном свете.

Это был прямоугольник с закругленными ребрами, завернутый в эластичный материал, который тут же начал распадаться. Нижняя половина была сделана из металла, а верхняя из отдаленного потомка стекла, материала более твердого, чем самая твердая сталь, и более прозрачного, чем простое стекло. В верхней половине плавало что-то бесформенное.

Иезус Пьетро вдруг понял, что рот его широко открыт. Но он взял себя в руки, и только его зрачки расширялись. Да, он знал, что это. Информацию об этом грузе они получили шесть месяцев назад, когда луч мазера достиг планеты.

Великий дар и великая опасность.

— Это должно сохраняться в величайшей тайне, — сказал Миллард Парлетт голосом скрипучим, как дверь. — Ни слова об этом. Если колонисты узнают об этом, они постараются захватить его любой ценой. Мы должны сказать Кастро... Кастро! Где, черт побери, Кастро?

— Я здесь, сэр!

* * *

Полли спрятала камеру в футляр и отошла в Лес. Она сделала несколько снимков, два из них с помощью телескопического объектива. Сама она не могла рассмотреть, что находилось в стеклянном ящичке, но на пленке все будет хорошо видно.

Она полезла на дерево вместе с камерой. Листья и сучья старались сбросить ее вниз, но она лезла и лезла, забиваясь в самую

гущу. И когда она остановилась, все тело ее было сжато ветвями дерева. Здесь было темно, как в пещерах Плутона.

Через несколько минут полиция начнет обшаривать все вокруг. Они подождут, пока элита не покинет этот район. Просто невидимой быть недостаточно. Полицейские будут пользоваться не только зрением, но и приборами видения в инфракрасных лучах.

Полли не в чем было упрекнуть себя. Сыны Земли не смогли расшифровать сообщение мазера, но они знали, что капсула очень ценная. И Полли тоже теперь знала. Когда восемнадцать тысяч колонистов узнают, что находилось в капсуле...

Пришла ночь. Полиция собрала всех колонистов, которых смогла обнаружить. Никто из захваченных не видел, как спустилась капсула, и все они были отпущены после допроса. Сейчас полиция обыскивала район с помощью инфракрасных детекторов. В лесу, где скрывалась Полли, были обнаружены ее следы, и по ним были произведены выстрелы из акустических ступнеров. Полли так и не узнала, что по ней стреляли. Когда она проснулась на следующее утро, она с облегчением поняла, что все еще находится на дереве. Дождавшись полудня, она спустилась и пошла по направлению к Мосту Бета-Гамма, спрятав камеру под грибами.

Глава вторая

Сыны Земли

С колокольной башни Кемпбелтауна раздались четыре громоподобных звенящих звука. Звуковые волны пронеслись через город, пересекли поля, дороги и постепенно замерли вдали. Хотя и очень слабые, они достигли шахты, и люди, прислушиваясь к ним, опустили кирки и лопаты.

Мэт улыбнулся в первый раз за весь день. Сейчас он представил себе вкус холодного пива.

Дорога от шахты вела все время под гору, и Мэт на велосипеде добрался до Челлора как раз вовремя: таверна только начала заполняться народом. Он заказал себе, как обычно, бутылку и первый стакан выпил залпом. Второй стакан он наливал уже медленнее и аккуратнее. Он сел на свободное место и начал с наслаждением смаковать пиво. В таверну заходили все новые и новые посетители.

Завтра суббота. Теперь два дня и три ночи он сможет забыть о шахте, о работе.

Чей-то локоть толкнул его в шею. Он не обратил внимания: это была старая привычка, которую его предки завезли с перенаселенной Земли и от которой так и не отвыкли. Но локоть во второй

раз ткнул его как раз в тот момент, когда Мэт поднес к губам стакан. Пиво плеснуло ему прямо за ворот. Мэт повернулся, чтобы обругать нахала.

— Прошу прощения, — сказал невысокий человек с прямыми черными волосами. У него было острое невыразительное лицо усталого клерка. Мэт всмотрелся поближе.

— Худ! — воскликнул он.

— Верно, меня зовут Худ. Но я не узнаю тебя. — В голосе человека прозвучала вопросительная интонация.

Мэт ухмыльнулся. Он любил эксцентричные жесты. Сунув пальцы за ворот, он рывком расстегнул рубашку до самого пояса.

— А теперь узнаешь? — спросил он.

Клерк разглядел небольшой шрам на груди Мэта.

— Келлер?

— Точно, — сказал Мэт, застегивая рубашку.

— Келлер, будь я проклят! — сказал Худ, и по тому, как он сказал это, стало ясно, что ругаться — дело для него непривычное. — Ведь прошло уже больше семи лет. Чем же ты занимался все это время?

— Садись поскорее, — Худ поспешно сел на освободившийся стул, едва только прежний владелец поднялся. — Я работаю нянькой червей в шахте. А ты?

— А ты... а ты не сердишься на меня за этот шрам?

— Да нет, — искренне воскликнул Мэт. — Я был сам виноват. А потом — это ведь было так давно.

Да, это было давно, когда Мэт учился в восьмом классе. Худ пришел в их класс, чтобы взять перочинный ножик и заточить карандаш. Мэт тогда впервые увидел Худа, мальчик того же роста, что и он, хотя и старше на год, щуплый и нервный. К несчастью, учителя в классе не было. Худ прошел через весь класс, не глядя ни на кого, взял ножик, заточил карандаш и повернулся, чтобы идти. Но толпа вопящих, возмущенных мальчишек преградила ему путь. Худу они показались ордой каннибалов. Впереди стоял Мэт со стулом в руках, изображая дрессировщика зверей.

Худ в ужасе бросился к выходу, и его остро заточенный карандаш оставил шрам на груди Мэта.

Впервые Мэт оказался в роли жертвы. Для него этот шрам был свидетельством его позора.

— Хорошо, — с облегчением сказал Худ. — Значит, ты теперь шахтер?

— Да, и сожалею об этом каждый день. Я проклинаю тот час, когда Земля послала нам этих маленьких змей.

— Но это лучше, чем копать землю самому.

— Ты так думаешь? Хочешь прослушать лекцию?

— Сейчас. — Худ лихо осушил свой стакан. — Я готов.

— Черви в шахтах пять дюймов длиной и четверть дюйма в

диаметре. Они возникли в результате мутации земных червей. Их входное отверстие усыпано маленькими алмазными зубами. Они грызут руду ради удовольствия, но питаются они синтетической пищей, причем у каждой разновидности червей пища своя. И каждая разновидность поглощает руды определенных металлов. Это еще больше усложняет все. В нашей шахте шесть типов червей, и каждый из них я должен кормить по-разному.

— По-моему, это не так сложно. А сами они не могут найти себе пищу?

— Теоретически могут. Но на практике не всегда. Бактерии в желудке червей заставляют их выбрасывать руду. И когда черви питаются, мы собираем вокруг них частицы металла. Но бактерии легко погибают. И тогда погибают и черви, так как руда забивает внутренний проход. Тогда другие черви съедают их, чтобы забрать руду. Но в пяти случаях из шести руда не та. Да, они едят не ту руду, не тех червей, не ту пищу, и умирают. Но даже если они делают все так, как надо, они все равно погибают в течение десяти дней. Это происходит потому, что зубы их снашиваются слишком быстро. Чтобы компенсировать это, они должны были бы размножаться со страшной скоростью, но они так заняты работой, что у них нет для этого времени. И нам снова приходится обращаться к первым поселенцам.

— Значит, вы зависите от них?

— Да, поселенцы делают, что хотят.

— Может, они подкладывают что-нибудь в пищу червей?

Мэт удивленно посмотрел на него.

— Я готов поклясться, что так оно и есть. Или же они не подкладывают то, что нужно. Благодаря этому они зарабатывают больше денег и не дают зарабатывать нам. Они... — И тут Мэт прикусил язык. Как-никак, он ведь совершенно не знает Худа, с которым не встречался столько лет.

— Пора обедать, — сказал Худ.

Они допили пиво и отправились в ресторан. Худ расспрашивал про школьных товарищей, вернее, соучеников. У Худа почти не было друзей, он плохо сходился с детьми. Затем он рассказал о себе. Худ работал учителем в школе Дельта. К удивлению Мэта, когда-то угрюмый мальчик стал великолепным рассказчиком. Его подчеркнуто сухой деловой тон делал его шутки еще более смешными. Они оба высоко ценились на своей работе и оба хорошо зарабатывали. На Плато не было настоящих бедняков.

— Поселенцам нужны не деньги колонистов, а нечто другое, — сказал Худ как бы между прочим.

За кофе Худ упомянул, что сегодня будет вечеринка.

— И мы можем пойти?

— Да.

У Мэта на этот вечер не было никаких планов, но он решил уточнить.

— А как насчет незваных гостей?

— Из незваных будешь ты один. Тебе понравится Харри Кэйн. Он — хозяин.

— Я готов.

Солнце уже садилось за край Гамма Плато. Они оставили свои велосипеды за домом. Когда они вышли к фасаду, солнце снова появилось — огненно-красный полудиск, купающийся в море вечного тумана. Дом Харри Кэйна находился в каких-нибудь сорока ярдах от гряды утесов. Юноши постояли немного, глядя, как солнце уходит в туман, затем пошли к дому.

Это было огромное бунгало, выстроенное в виде креста из местного камня, напоминающего по строению кораллы. Мэт никогда еще не видел дома, стены которого были не покрашены и даже не обработаны. Это было восхитительно.

Однако, приглядевшись, Мэт понял, что он принял за камни — еще один дар земли. Эти кораллы были мутантами обычных морских кораллов. Разрастаясь, они создавали причудливые строения. Это был самый любопытный строительный материал. Единственное, что приходилось делать, — соорудить каркас из пластиковой пленки, которая бы задала направление росту коралла. Все колонисты жили в домах из коралла. Мало кто из них получал разрешение строить дома из камня, кирпича или дерева. Однако многие колонисты старались придать своим домам вид домов на Альфа Плато. Они делали это с помощью краски, деревянных щитов и плит из камня.

Но дом Харри Кэйна был совсем не похож ни на те дома, ни на другие.

Когда они открыли дверь, резкий шум ударил им в уши. Мэт остановился на пороге, чтобы привыкнуть к этому шуму. Это была одна из дурных привычек, занесенных с Земли, где население людей в последние годы составляло девятнадцать миллиардов, и поэтому, если кто-то хотел, чтобы его услышали, должен был кричать. Эта привычка не умерла и здесь, за 11,9 световых лет от Земли. В большой гостиной было полно народу. Все ходили, все кричали наперебой, и, казалось, никто из них не замечает стульев.

Комната была очень большая, а бар так просто огромный. Мэт воскликнул:

— У этого Харри Кэйна, должно быть, куча денег.

— О да! Идем, я познакомлю вас.

Когда они проходили через комнату, Мэт слышал обрывки разговоров. Вечеринка, видимо, началась недавно, так как многие люди еще были незнакомы друг с другом. Однако пили все. Здесь были люди всех возрастов и разных профессий. Худ ска-

зал правду. Если здесь и не любили новеньких, то он этого не почувствовал.

Стены комнаты были такие же, как и наружные стены дома, — цвета розового коралла. Пол был покрыт ковром из искусственно выращенной травы. Трава была совсем как настоящая, но Мэт знал, что под ней не земля, а все тот же розовый коралл.

Они добрались до бара, слегка помятые толпами людей. Худ наклонился над стойкой и крикнул:

— Харри! Две водки с содовой! Я рад представить тебе — черт побери, Келлер, как тебя зовут?

— Мэт.

— Мэта Келлера. Я знаю его еще со школы.

— Очень приятно, Мэт, — сказал Харри Кэйн и протянул руку для пожатия. — Рад видеть вас у себя. — Харри был одного роста с Мэтом, но гораздо сильнее на вид. На его широком лице выделялся бесформенный нос и широкая улыбка. Он выглядел совсем как бармен. Харри налил в стаканы со льдом водки с содовой, протянул им напиток. — Можете развлекаться, — сказал он и пошел, чтобы обслужить двух вновь пришедших.

Худ сказал:

— Харри считает, что лучший способ встречать гостей, это служить барменом первые пару часов. А потом он поручает это тому, кто пожелает.

— Хорошая мысль, — согласился Мэт. — А тебя зовут, кажется, Джей?

— Да. Это сокращенное от Джейхок. Джейхок Худ. Один из моих предков был из Канзаса. Джейхок — это птица в гербе города Канзаса.

— Странно, что нам понадобилось восемь лет, чтобы узнать, как зовут друг друга.

В этот момент некоторые из присутствующих заметили Худа и столпились вокруг него. Худ едва успевал улыбаться и отвечать на приветствия. Мэт был озадачен. Он был уверен, что Харри Кэйн что-то передал Худу, здороваясь с ним. Мэт был достаточно воспитан, чтобы не спрашивать Худа ни о чем, и он изо всех сил старался забыть об этом.

Вскоре появились еще четыре мужчины и женщина. Из них Мэт запомнил только женщину.

Ее звали Лейни Матсон. Она была лет на пять старше, чем Мэт, — что-то около двадцати шести лет. Мэт был выше ее примерно на полдюйма. Однако она была на высоких каблуках-шпильках, а высокая прическа делала ее еще выше. Да и вся она была солидных размеров: широкие крутые бедра, высокая грудь, хорошо видная через разрез декольте. Мэт решил, что она выглядит гораздо лучше, чем есть на самом деле. Вероятно, умеет поль-

зоваться косметикой. В каждом ее движении ощущался избыток сил и какая-то щедрость.

Четверо мужчин, пришедших с ней, были примерно ее возраста: всем лет под тридцать и под стать ей: крупные, сильные. У Мэта от них в памяти остались только крепкие рукопожатия, громкие голоса и большие улыбающиеся откуда-то сверху лица. Они понравились Мэту. Он даже не мог выделить кого-либо из них.

Худ снова удивил его. Несмотря на всеобщий крик, он говорил спокойно, почти не повышая голоса и не стараясь видеть лицо собеседника. Но тем не менее он умудрялся держать нить разговора. Один из высоких людей поведал историю о том, как он устроил шутку в школе: запустил кинопленку в обратном направлении. Затем Мэт с удивлением обнаружил, что рассказывает о том, как он принес в медпункт бутылку яблочного сока и чуть не довел до шока медсестру. Кто-то тихим вежливым голосом рассказал, как однажды стащил кар, когда одна семья первых поселенцев отдыхала на природе. Затем он поставил автопилот так, чтобы кар крутился над самым краем плато. И там кар летал пять дней подряд, прежде чем рухнуть в вечный туман на виду у всей полиции.

Мэт смотрел на Джея Худа и Лейни, которые разговаривали между собой. Лейни положила руку на плечо Худа, голова которого едва доставала ей до подбородка. Они говорили быстро, перебивая друг друга, вспоминая какие-то смешные истории, анекдоты, шутки, и тем не менее они успевали принимать участие в общем разговоре.

Это, конечно, не любовь, решил Мэт, но очень похоже. Худ и Лейни чувствовали себя очень хорошо в обществе друг друга. Это заставило Мэта почувствовать себя одиноким.

Вскоре Мэт заметил, что у Лейни слуховой аппарат. Он был такой маленький и имел такую окраску, что был почти невидим. Мэт даже не был уверен, действительно ли это аппарат.

Но если у Лейни слуховой аппарат, то очень странно, что он такой устаревшей конструкции. Уже много лет слуховые аппараты в виде тонкой пластиковой пленки укреплялись на височной кости под кожей. Правда до Маунт Лунитхэт такая технология еще не дошла, а первые поселенцы вообще не нуждались в слуховых аппаратах. Они просто заменяли свои органы слуха другими, которые хранились в банках человеческих органов.

Стаканы опустели, и один мужчина из свиты Лейни пошел к бару. Люди разбились на небольшие группы, которые постоянно сливались, перемешивались, снова разбивались, но уже в новом составе. В общем, это была самая обыкновенная вечеринка. На секунду Мэт и Джей Худ остались одни среди спин и локтей гостей. Худ сказал:

— Хочешь познакомиться с прекрасной девушкой?

— Всегда хочу.

Худ повернулся, и Мэт заметил странный блеск в его ухе — то же самое он видел и у Лейни. С каких пор Худ потерял слух? Конечно, может быть, все это следствие выпитой водки, но Мэт ясно видел эти маленькие блестящие штучки. Они были такого же размера, что и предмет, который Харри Кэйн передал Худу при встрече.

* * *

— Это простейший способ провести рейд, сэр, — сказал Иезус Пьетро, откинувшись назад в кресле и положив руки на стол, — живое воплощение в высшей степени интеллигентного человека, занятого важной работой. — Мы знаем, что они покидают дом Харри Кэйна по двое и по трое. Мы будем хватать их у дома. А когда они поймут это и перестанут выходить, тогда мы войдем в дом.

Под маской спокойствия Иезус Пьетро таил тревогу. Первый раз за последние четыре года он готовил большой рейд против Сынов Земли, а Миллард Карвет выбрал именно этот вечер, чтобы посетить больницу. Почему именно сегодня? Он за последние месяцы приходил лишь однажды, слава богу. Его визиты всегда угнетающе действовали на людей Иезуса Пьетро.

По крайней мере, сегодня Парлет пришел сам. Обычно он вызывал Пьетро к себе домой, и в этом не было ничего хорошего. Здесь Иезус Пьетро был у себя, в своей среде. Его кабинет служил как бы продолжением, расширением его индивидуальности. Стол перед ним имел форму бумеранга и создавал как можно большее пространство для работы. В кабинете стояли три кресла разной степени удобства: для важных гостей, для персонала больницы и для полицейских. Кабинет имел квадратную форму, и только задняя часть стены была вогнутой, и если три стены были светло-кремового цвета, четвертая была сделана из темного полированного металла.

Кабинетом служила одна из кают «Планжа» — корабля, который принес людей на эту планету. Корабль был как бы олицетворением духовной мощи планеты, а к тому же половину электроэнергии производили именно его генераторы. Сидя за своим столом, Иезус Пьетро ощущал за спиной могущество земной цивилизации.

— Единственная наша проблема, — сказал он ровным голосом, — это то, что не все гости Харри Кейна замешаны в заговоре. По крайней мере, половина из них приглашены для камуфляжа. На то, чтобы отделить их, потребуется много времени.

— Я понимаю, — ответил старик скрипучим голосом. Он походил на высокого, тощего Дон Кихота, но глаза его не были безумными — ясные, цепкие и проницательные. Почти две сотни лет больница поддерживала его тело, разум нормально функциониро-

вал. Возможно, он уже и сам не знал, какая часть тела его собственная, а какая взята у колонистов, осужденных за разные преступления. — Почему сегодня? — спросил он.

— А почему нет, сэр? — Иезус Пьетро уже понимал, к чему клонит старик, и лихорадочно соображал. Милларда Парлет далеко не дурак. Он был их тех поселенцев, что охотно брали на себя ответственность. Большинство из тридцати тысяч поселенцев на Маунт Лунитхэт предпочитали заниматься чем-нибудь приятным — спортом, модами, разрабатывать законы и правила. Парлет предпочитал работать — иногда. Он взял на себя управление больницей. У него был острый ум, и,хотя он редко появлялся на людях, он великолепно знал все, что происходило на планете, и обмануть его было невозможно.

Вот и сейчас Миллард Парлет глядел в корень:

— Вчера прибыл рамробот. Всю ночь твои люди обшаривали окрестности в поисках шпионов. А сегодня вечером ты решил провести большой рейд в первый раз за четыре года. Ты что, полагаешь, что кто-то ускользнул от твоих людей?

— Нет, сэр! — Однако это не удовлетворило старика. — Я просто предполагаю, что, если какой-нибудь колонист имеет сведения о грузе рамробота, он обязательно будет сегодня в баре у Кэйна, даже если все демоны тумана будут стоять на его пути.

— Я не одобряю рискованных предприятий, — сказал Парлет. Иезус Пьетро отчаянно старался придумать подходящий ответ. — Впрочем, ладно, Кастро. Пусть так. Что ты сделал с капсулой рамробота?

— Я думаю, что люди из больницы уже распаковали ее, сэр. И... содержимое тщательно охраняется. Вы хотите взглянуть?

— Да.

Иезус Пьетро Кастро, глава полиции, единственный вооруженный человек на планете, поспешно поднялся, чтобы проводить важного гостя. Если они поторопятся, то он еще успеет возглавить рейд сам. Но ничто в мире не могло заставить торопиться первого поселенца.

* * *

Худ сказал правду: Полли Турнквист была действительно прекрасна, маленькая, смуглая и спокойная. Мэту очень захотелось узнать ее поближе. У нее были длинные мягкие волосы цвета беззвездной ночи, ясные карие глаза, а улыбка, казалось, не сходила с ее лица даже тогда, когда она старалась быть серьезной. Мэту показалось, что у нее есть какая-то тайна. Она не говорила, она только слушала.

— Парапсихологические способности вовсе не миф, — настаивал

Худ. — Когда «Планж» улетал с Земли, там уже было много устройств для усиления психической энергии. Телепатия стала почти управляемой. Они...

— Что значит, «почти управляемая»?

— Это значит, что специально обученные люди могли читать мысли других людей. Телепатов уже стали привлекать к расследованию дел об убийствах.

— Хорошо, хорошо, — сказал Мэт. Он в первый раз видел разговорившегося Худа. По реакции слушателей Мэт понял, что Худ оседлал своего любимого конька. Он спросил: — Где же они теперь, эти твои ведьмы?

— Они не ведьмы! Смотри, Кел... смотри, Мэт! Каждый, кто изучает пси-энергию, немного телепат. Это доказано. А ты знаешь, как они отбирали наших предков для космического путешествия длиной в тридцать один год?

Кто-то из толпы ответил:

— Всех кандидатов отправляли на орбиту вокруг Земли.

— Да. Четыре кандидата в небольшом корабле летали вокруг Земли в течение месяца. Ни один телепат не смог бы выдержать этого.

Полли Турнквист следила за спором, как зритель теннисного матча: поворачивалась то к одному говорящему, то к другому. Широкая улыбка играла на ее лице, волосы мягко раскинулись по плечам. Смотреть на Полли было одно удовольствие. И она знала, что Мэт смотрит на нее. Время от времени ее взгляд обращался на Мэта, как бы приглашая разделить ее интерес к разговору.

— Почему не смог бы? Ведь он был не один?

— Не то общество для него. В любом месте на Земле скрытый телепат окружен тысячами умов. В космосе же его окружают лишь три человека. И он не может скрыться от них даже на час. Не то что на месяц.

— Откуда ты это все знаешь, Джей? Из книг?

Глаза Полли сверкали. Мочки ушей Худа покраснели. Волосы Полли цвета воронова крыла взметнулись и открыли на мгновение правое ухо. И Мэт заметил у нее в ухе маленький, почти невидимый слуховой аппарат.

Значит, тайна у нее в самом деле есть. И Мэту показалось, что он уже знает ее.

* * *

Триста лет назад «Планж» прибыл на Маунт-Лунитхэт. Шесть членов команды бодрствовали. Они должны были по прилете вывести из состояния сна пятьдесят пассажиров. На исторических магнитных лентах описано то, как крыло нырнуло в атмосферу

планеты и много часов летало в густом ядовитом тумане, раскаленном до огромной температуры. И только потом на горизонте появились очертания гор, возвышавшихся на сорок миль над поверхностью планеты и простирающихся на сотни миль. Как будто над морем вечного тумана появился новый материк. Команда замерла в изумлении, а капитан Парлет сказал:

— Лунитхэт!

История приземления корабля не была никем написана, но была всем хорошо известна. Но когда пассажиры очнулись от сна, они обнаружили, что очутились в диктаторском государстве. Те, кто решил протестовать, а таких было мало, погибли. Когда же приземлился «Артур Кларк», а это случилось через сорок лет, картина повторилась. И ситуация на планете не изменилась, хотя население возросло и прошло уже триста лет.

Однако с самого начала существовали революционные элементы, группы. Их названия менялись несколько раз, и Мэт понятия не имел, как они называют себя сейчас. Он сам никогда не был революционером, и у него никогда не возникало такого желания. Революционеры так и не смогли ничего добиться, разве что служили пополнением для банка человеческих органов. Да и как могло быть иначе, если первые поселенцы держали в своих руках все оружие на планете и контролировали каждый ватт энергии?

* * *

Если здесь было гнездо повстанцев, то они очень хорошо законспирировались. У многих из гостей не было слуховых аппаратов, и именно эти гости были здесь явными новичками, как и Мэт. Но были тут и люди, которые во всеобщем шуме могли слышать голоса, не слышные другим.

Мэт отдался на волю своему воображению. Если нагрянет полиция, то те немногие, кто принадлежит к избранному кругу, наверняка имеют путь для бегства и воспользуются им, когда начнется паника. Мэт и остальные непосвященные нужны для отвода глаз.

Оживленный разговор о телепатии, о пси-энергии продолжался.

Мэт отогнал мысль об уходе. Безопасность? Конечно. Но здесь он мог хоть на время забыть о работе, о червях и о многом другом, что делало его жизнь такой, какой она была. К тому же любопытство овладело им. Он хотел знать, что думают эти революционеры, как они действуют, как защищают себя, чего они хотят... Он хотел знать...

Он хотел знать Полли Турнквист. Теперь больше, чем раньше. Она была маленькая, нежная, и каждый, кто видел ее, испытывал желание защитить ее. Почему эта нежная девушка решила посвя-

тить свою жизнь такому опасному делу? Ведь рано или поздно все ее внутренние органы и части тела попадут в лапы полиции, и она будет препарирована, чтобы продлевать жизнь и здоровье правящей элите первых поселенцев.

Мэт испытывал страстное желание отговорить, заставить ее уйти с ним куда-нибудь в безопасное место. Но смогут ли они найти в столь ограниченном пространстве безопасное место?

Конечно нет, но...

Но она даже не знала, о чем он думает. Если она узнает об этом, он умрет. Ни словом, ни взглядом он не должен выдать себя.

Все это очень усложнило дело. Если бы Мэт мог играть роль простого наблюдателя, смотрящего и слушающего, но ничего не говорящего... Но он не был простым наблюдателем. Теперь он тоже был замешан. Он знал Джея и любил его, ему понравились Лейни Матсон и Харри Кэйн, и он влюбился в Полли Турнквист. Эти люди положили свои жизни на алтарь борьбы. И его жизнь тоже! Он ничего не мог поделать с этим.

Мужчина среднего роста говорил с плохо разыгранным оживлением:

— Джей, ты уверяешь нас, что на Земле много занимаются проблемами пси-энергии. Но что они сделали? Они достигли огромного прогресса в биологии. Космические корабли непрерывно совершенствуются. Рамроботы летают во все концы вселенной. Но что сделано в области пси-энергии? Ничего. Абсолютно ничего. А почему?

— Потому...

— Потому что все это чепуха, суеверия, мифы.

«Э, заткнись», — подумал про себя Мэт. Все эти разговоры нужны лишь для того, чтобы скрыть истинную сущность этой встречи. Он незаметно выскользнул из круга слушателей. Никто не обратил на него внимания. Мэт пошел к бару, чтобы наполнить свой стакан.

Харри Кэйн уже покинул стойку, и его место занял парень, чуть моложе самого Мэта. Когда Мэт попробовал то, что ему налил бармен, то оказалось, что в стакане чистая водка.

Когда он снова обернулся к людям, то увидел только Полли, которая смеялась, глядя в его внезапно поглупевшее лицо.

* * *

С полдюжины задержанных сонно сидели вдоль стены в кузове патрульной машины. Полицейский медик в белом халате поднял голову, когда в фургон вошел Иезус Пьетро.

— О, это вы, сэр. Я думаю, что эти трое ни при чем, а у остальных в ушах механизмы.

Ночь была черна, как обычно,— на Маунт Лунитхэт не было луны. Иезус Пьетро оставил Милларда Парлета возле стеклянной стены банка органов размышляющим... о чем он мог размышлять? О вечной жизни? Вряд ли. Даже Миллард Парлет, стодевяностолетний старик, умрет, когда выйдет из строя центральная нервная система. Невозможно трансплантировать мозг без трансплантации памяти. О чем думал Парлет? Выражение лица его было весьма странным.

Иезус Пьетро взял голову одного из подозреваемых в руки, повернул ее, чтобы заглянуть в ухо. Безвольное тело тоже свалилось на бок.

— Я ничего не вижу.

— Когда мы хотели удалить механизм, он испарился. Так было со старухой. Вот у этой девушки механизм еще на месте.

— Хорошо. — Он наклонился над девушкой. Глубоко в ухе, так, что нельзя было достать пальцами, находилось что-то черное с розовым ободочком.

— Дайте микрофон, — приказал он.

Человек крикнул. Иезус Пьетро неторопливо ждал, когда ему принесут микрофон. Вот, наконец-то. Иезус Пьетро приложил его к голове девушки и поставил звук на максимум.

Среди треска электрических разрядов послышались какие-то звуки.

— Закрепи микрофон, — приказал Иезус Пьетро. Медик положил девушку на бок, и липкой лентой прикрепил микрофон к ее голове. В фургоне раздались глухие звуки тока крови в артериях.

— Когда первые ушли с вечеринки?

— Первыми ушли эти двое. Примерно двадцать минут назад.

Дверь фургона открылась, чтобы пропустить двух мужчин и двух женщин. Они были без сознания и лежали на носилках. У одного человека в ухе был аппарат.

— Вероятно, они не подали сигнал, что мы не заподозрили их ни в чем, — сказал Иезус Пьетро. — Глупо. — А что, если он в самом деле вышел на Сынов Земли?..

Сейчас нужно придумать, как захватить их лидеров, не дать им бежать.

Бежать? Куда? Его люди не нашли путей бегства. Соники не нащупали никаких подземных ходов.

И вдруг Иезус Пьетро услышал, что из громкоговорителя доносятся звуки, очень слабые. Он приложил ухо к громкоговорителю.

«Оставайтесь до тех пор, пока не захотите уйти сами. Помните, это обычная вечеринка, так сказать, день открытых дверей. Однако те из вас, у кого нет никаких важных сообщений, должны уйти до полуночи. Те же, кто хочет поговорить со мной, пусть используют обычные каналы. Помните, не нужно пытаться удалить аппарат

из ушей. Через шесть часов они самоуничтожатся. А пока развлекайтесь!»

— Что он сказал? — спросил медик.

— Ничего важного. Хотелось бы мне быть уверенным, что это сам Кэйн. — Иезус Пьетро кивнул медику и двум копам. — Следите за ней, — сказал он и вышел в ночь.

* * *

— Почему ты уходишь? Здесь довольно интересно.

— Я не ухожу. Просто мой стакан оказался пустым и к тому же я хотел, чтобы ты пошла со мной.

Полли рассмеялась.

— Ты, должно быть, веришь в чудеса.

— Конечно. А почему ты пошла за мной?

Находясь в самой гуще непрерывно болтающих гостей, Мэт и Полли оставались наедине друг с другом. Хорошее воспитание не позволяло другим обращать внимания на эту парочку. И никто не слушал их: ведь нельзя же одновременно участвовать в двух разговорах! И они оставались одни в небольшом пространстве, ограниченном чужими спинами и локтями, пространстве тесном, как телефонная будка.

— Я думаю, что Джей помешался на этой пси-энергии, — сказала Полли. Она не ответила на вопрос Мэта, и тот был доволен этим. Ему повезло, что удалось уйти незамеченным из круга Худа. Но Полли сама пошла за ним, и это было для него совершенно новое ощущение. Его тешили размышления о том, что заставило ее пойти за ним.

— Он об этом всегда говорит?

— Да. Он думает, что, если бы мы могли... — она замолчала. Девушка с тайной. — Забудем Джея. Расскажи мне о себе.

И он говорил о червях, о доме, о школе в девятом секторе Гамма Плато, упомянул о дяде Мэте, который был революционером и погиб. Но девушка не попалась на этот крючок. Полли рассказала о детских годах, проведенных в доме близ Университета Колонистов, затем рассказала о работе на Энергетической Станции, но она ни словом не упомянула о слуховом аппарате.

— Ты похожа на девушку с тайной, — сказал Мэт, — Может, виновата твоя улыбка?

Она придвинулась к нему совсем близко, так, что он почувствовал прикосновение ее груди, и тихо спросила:

— А ты умеешь хранить тайны?

Мэт улыбнулся уголком рта, как бы говоря, что вопрос совершенно излишен. И тогда она сказала:

— Я тоже.

И это было все. Но она не отодвинулась от него. Они улыбались друг другу. Лица их сейчас были совсем рядом. Она очень красивая, эта Полли. Лицо, влекущее к себе, но и предупреждающее об опасности. Фигурка, маленькая, стройная, женственная, словно точеная, зеленый свитер плотно облегал ее. Мэт молча смотрел в ее глаза и испытывал неописуемое блаженство. Но вот прошел момент забвения, растворения друг в друге, и они снова оказались в комнате, среди людей, среди разговоров.

Перемещения в людской массе вынесли их на середину комнаты. Они снова протолкались к бару, чтобы наполнить стаканы, но их снова унесло. В этом монотонном движении, монотонном гуле голосов таилась разгадка вечной тайны привлекательности сборищ подвыпивших людей. Во всем этом было что-то гипнотическое. Время переставало существовать. Пришел момент, когда Мэт уже созрел для того, чтобы предложить Полли проводить ее домой, и он был уверен, что она не откажется.

Но он упустил этот момент.

Что-то изменилось в лице Полли. Она, казалось, прислушивалась к чему-то, чего не слышал он. Слуховой аппарат? Мэт был готов притвориться, будто ничего не заметил, но и это ему не удалось. Полли внезапно исчезла в толпе, как будто вспомнила, что не сделала чего-то важного или же захотела поправить какую-то интимную деталь одежды. Мэт пытался идти за ней, но людское море сомкнулось перед ним.

Слуховой аппарат, сказал себе Мэт. Это он позвал ее. Мэт остался у бара, сопротивляясь волнам, которые пытались его оторвать от стойки. Он уже был пьян и рад этому. Теперь он не верил в слуховой аппарат. Просто внезапно Полли потеряла интерес к нему. Это было ему знакомо. Так уже бывало с другими девушками — они уходили от Мэта так же внезапно, как и Полли. Сейчас он был более чем разочарован. Он был уязвлен. Водка помогала ему унять боль.

Около десяти тридцати он пошел за стойку бара. Парень, который выполнял роль бармена, уже надрался и с радостью уступил место Мэту. Мэт тоже был пьян. Он подавал выпивку с достоинством, вежливо, не без подобострастия. Толпа понемногу таяла. На Лунитхэт наступила ночь. Вскоре тротуары во всех городах свернут на ночь и раскатают только на рассвете. Да, эти революционеры встают очень поздно. Им, вероятно, не нужно идти на работу, отмечаться в табели. Мэт автоматически обслуживал клиентов. Оставалась только водка, сделанная из сахара, воды и воздуха с помощью специально обученных бактерий. Пусть пьют, подумал Мэт.

Кто-то заказал водку с грейпфрутом. Мэт налил стакан и подал, не глядя. Но рука со стаканом не исчезла из его поля зрения. Мэт постепенно осознал, что это рука Лейни Матсон.

— Хэлло, — сказал он.

— Хэлло. Тебе не надоело?

— Немного.

Кто-то поменялся с ним местами — один человек из эскорта Лейни, и Лейни повела его через разредившуюся толпу к свободному дивану. Каким-то чудом в этой комнате оказался никем не занятый диван! Мэт блаженно оказался на нем. Он прикрыл глаза, и комната закружилась вокруг него в бесконечном танце.

— Ты всегда так надираешься?

— Нет. Так вышло.

— Что случилось?

Он повернулся, чтобы получше рассмотреть ее.

В пьяном тумане он увидел ее лицо, ее рот, чересчур широкий, ее глаза, странно огромные. На лице ее играла улыбка.

— Ты когда-нибудь видела девственника в возрасте двадцати одного года? — спросил он, чтобы увидеть ее реакцию.

Уголки губ Лейни дрогнули.

— Нет. — Он понял, что она старается сдержать улыбку. Мэт резко отвернулся.

Она спросила:

— Тебя не интересуют девушки?

— О, нет, напротив!

— Тогда что же?

— Она ушла от меня. — Мэту было трудно отвечать. — Все девушки, которые мне нравятся, внезапно от меня уходят.— Он махнул рукой. — Я не знаю, почему.

— Встань.

— Что?

Он почувствовал, как ее рука помогает ему встать. Он поднялся. Комната закружилась перед ним, и он понял, что сейчас ему лучше сидеть. Но он пошел за ней. Ее рука не давала ему упасть. И следующее, что он помнил, была абсолютная темнота.

— Где мы?

Ответа не было. Он ощутил, как руки ее расстегивают его пиджак. Затем эти руки с острыми ногтями пробежали по его груди. Брюки его упали на пол.

— Так вот оно что, — сказал он с удивлением, но тут же понял, что сморозил глупость.

— Не бойся, — сказала Лейни. — Черт побери, как ты нервничаешь! Иди сюда. Только не споткнись.

Он перешагнул через свои брюки, стараясь не упасть. Колени его коснулись чего-то.

— Падай лицом вниз, — приказала Лейни. — Он повиновался и упал на надувной матрац, сильно накачанный.

Ее сильные руки массировали мышцы его шеи, позвоночник,

плечи. Он чувствовал себя на седьмом небе. Он лежал, раскинув руки, а ее сильные пальцы почти отделяли один позвонок от другого, вливали в него свежесть, бодрость.

Когда он был готов, он перевернулся на спину и притянул ее к себе.

* * *

Слева была стопка фотографий высотой в фут. Прямо перед ним — три фотографии. Иезус Пьетро вытянул руку, посмотрел на них издали. Затем подписал имя под одной из них. Остальные ничего ему не напоминали, и он сунул их в общую кучу. Затем он встал и потянулся.

— Сличи их с задержанными, — велел он помощнику. Тот вытянулся, взял пачку фотографий, вышел из походного кабинета и направился в фургон. Иезус Пьетро вышел вслед за ним.

Почти половина гостей Харри Кэйна были в полицейском фургоне. Фотографии были сделаны раньше, когда гости только собирались. Пьетро, со своей феноменальной памятью, узнал почти всех.

Ночь была холодная и темная. Легкий ветерок доносил запах дождя.

Дождь.

Иезус Пьетро посмотрел на небо и увидел, что оно затянуто плотными тучами. Не хватало еще проводить рейд в бурю с дождем. Ему это совсем не улыбалось.

Вернувшись в кабинет, он включил переговорное устройство и все каналы связи.

— Слушайте все, — сказал он ровным тоном. — Пора.

* * *

— Неужели все так нервничают?

Лейни нежно улыбнулась. Теперь она могла смеяться, когда ей хотелось смеяться. Теперь она могла не бояться того, что обидит этого мальчишку.

— Я думаю, что все первый раз боятся.

— И ты?

— Конечно. Но Бен был очень ласков. Хороший человек Бен.

— Где он теперь? — Мэт ощутил теплое чувство к неизвестному ему Бену.

— Он... его нет. — По ее тону Мэт понял, что разговор продолжать нельзя. Ему показалось, что он слышит голос в слуховом аппарате.

— Может, мне зажечь свет?

— Давай, если найдешь выключатель, — сказала Лейни.

Она никак не ожидала, что он сможет отыскать выключатель в кромешной тьме, но он нашел. И ему стало невыносимо хорошо. Он пробежал глазами по ее обнаженному телу, лежащему рядом с ним, увидел темный треугольник спутанных волос пониже живота, вспомнил прикосновение теплой мягкой кожи... Он знал, что снова может прикоснуться к ней, окунуться в ее аромат, утонуть в блаженстве. Это было неведомое ему ранее ощущение.

— Мне приходится скрывать свое лицо под маской грима.

— Незабываемое лицо, — теперь он говорил правду. — А твоему телу совсем не требуется грим. — Да, это было прекрасное тело, созданное для любви, способное дарить блаженство, которому нет конца, тело, которое он по глупости считал слишком большим для любви.

— Мне нужно ходить в маске, но без одежды.

— Ты и так привлекаешь к себе всеобщее внимание.

Она рассмеялась, и Мэт приложил ухо к ее животу у пупка, прислушиваясь, как сотрясаются от смеха мышцы ее живота.

Внезапно послышался шум дождя, барабанящего в толстые коралловые стены. Они замолчали и прислушались. Вдруг Лейни стиснула пальцами его руку и прошептала:

— Рейд.

«Она имеет в виду дождь», — подумал Мэт и повернулся к ней. Она была в ужасе. Ноздри, глаза расширились. Нет, она имела в виду именно рейд!

— Тут же есть путь для бегства?

Лейни покачала головой. Она прислушивалась к тому, что звучало из слухового аппарата.

— Но он же должен быть. Не беспокойся. Я не хочу ничего знать об этом. Мне ничего не грозит. — Лейни удивленно взглянула на него, и он сказал: — Я заметил слуховые аппараты. Но это не мое дело.

— Конечно, Мэт. Тебя пригласили сюда, чтобы взглянуть на тебя и оценить. Многие из нас приводят посторонних. Некоторых мы приглашаем присоединиться к нам.

— А-а.

— Я сказала правду. Пути для бегства нет. У полиции есть способы обнаружить любой туннель. Здесь, правда, есть убежище.

— Отлично.

— Но нам до него не добраться. Полиция в доме. Они пустили усыпляющий газ. Скоро он просочится через двери.

— А окна?

— Там нас ждут.

— Мы можем попытаться.

— О'кей. — Она вскочила на ноги и набросила на себя платье.

Он даже не стал тратить время на это. Подскочив к окну, Мэт швырнул мраморную пепельницу в стекло, благодаря демонов тумана, что на Маунт Лунитхэт не делают неразбиваемых стекол. Затем он сразу бросился в окно.

Две пары рук схватили его, прежде чем его ноги коснулись земли. Мэт изо всей силы лягнул кого-то. В ответ раздался стон. Уголком глаза он видел, что Лейни выскользнула из окна и скрылась во тьме. Отлично, он отвлек внимание на себя и дал ей возможность скрыться. Мэт дергался, но его держали крепко. Сильный удар обрушился на его челюсть. Перед глазами вспыхнуло звездное небо, колени стали ватными. Но вот небо затянулось тучами, и он снова пришел в себя.

Мэт дернулся изо всех сил, и ему удалось вырвать руку. Он тут же нанес сильный удар локтем прямо в живот, чуть не до самого позвоночника. Восхитительное ощущение! И вот он свободен. Не раздумывая, он бросился бежать.

Первый раз в жизни ему удался такой удар. Полицейский теперь останется инвалидом. И если его сейчас схватят...

Влажная, скользкая, предательская трава под ногами. Один раз он поскользнулся на сыром камне и полетел вперед, сильно ударившись щекой и плечом. Дважды он попадал в луч прожектора и каждый раз падал в траву и уползал от него подальше. Затем вскакивал и снова бежал. Дождь помогал ему и мешал преследователям. Дождь и счастливая звезда Мэта Келлера. Молнии сверкали вокруг, но непонятно было, помогают они ему или мешают.

И даже когда стало ясно, что опасность миновала, он все продолжал бежать.

Глава третья

Кар

— Ну вот и все.

Миллард Парлет откинулся в кресле и с удовлетворением посмотрел на пишущую машинку. Речь его лежала на столе — последний лист сверху. Он поднял стопку бумаги длинными, узловатыми, старческими пальцами и быстро разложил листы по порядку.

— Записать ее сейчас?

— Нет. Завтра утром. Нужно посидеть и подумать, не забыл ли я что-нибудь. Все равно я не буду произносить ее раньше, чем через два дня.

Теперь все решено. Поселенцы должны понять его. Слишком долго они жили беззаботно, как правящая элита. И если теперь не приспособятся...

Даже его потомки... они редко говорят о политике, но Миллард Парлет заметил, что говорят они не о силе и могуществе, а о праве, пожизненном праве жить так, а не иначе.

Сейчас Миллард Парлет смог бы созвать целую армию своих потомков — детей, внуков, правнуков, праправнуков и так далее. Он старался воспитывать их в те редкие моменты, когда у него было время. И если кто из них предпочитал обычную жизнь первых поселенцев — игры, развлечения, модную одежду, изысканные разговоры, — то тут он ничего не мог поделать. Средний поселенец мог вести такую жизнь уже в силу одного того, что он был поселенец.

А если равновесие сил нарушится?

Они пропадут. Ведь столько времени они жили в придуманном мире, в мире, который мог измениться. И если это произойдет, они будут уничтожены.

Смогут ли они понять старого человека, человека давно ушедшего поколения?

Нет. Сейчас он устал. Миллард Парлет положил листки на стол, поднялся и вышел из кабинета. Он заставит слушать себя. По приказу Совета в два часа в воскресенье все чистокровные поселенцы должны будут слушать его выступление. И если он сможет преодолеть... нет, он должен.

Они поймут, что именно доставил им рамробот № 143.

* * *

Барабанный шум дождя заполнил весь коралловый дом, куда входила и выходила только полиция. Последний колонист, лежащий без сознания на носилках, был готов к выносу из дома, когда туда вошел майор Янсен.

Он разыскал Иезуса Пьетро. Тот, развалившись в удобном кресле, держал перед собой пачку фотографий.

— Кто это?

— Это те, кого мы еще не схватили, сэр.

Иезус Пьетро выпрямился, с неудовольствием ощутив на себе мокрую одежду.

— Как они смогли ускользнуть?

— Не могу представить. Никто не прорвался через оцепление.

— Подземных ходов нет. Эхолокаторы не обнаружили их. — Иезус Пьетро снова быстро просмотрел фотографии. Многие имена были ему знакомы. — Это ядро, — сказал он. — Мы уничтожим это отделение организации Сынов Земли, если схватим их. Где они?

Помощник молчал. Вопрос был чисто риторический. Пьетро откинулся назад, глядя в потолок.

— Где они?

— Здесь нет тайных выходов.

— Они не могли бежать. Их бы остановили, а если бы и не остановили, то хотя бы заметили. Если, конечно, в полиции не завелись предатели. Но их, конечно, нет...

Могли они добраться до утесов? Нет, вряд ли. Это место охраняется лучше всего. У этих повстанцев какая-то странная манера: они бросаются с обрыва, когда загнаны в угол...

Воздушный шар? У колонистов по закону нет каров, и сообщений об угоне тоже не поступало в последнее время. Но Иезус Пьетро всегда подозревал, что кто-то из первых поселенцев связан с Сынами Земли. У него не было никаких доказательств или конкретных подозрений, но он тщательно изучал историю и знал, что все революции начинаются на самом верху социальной структуры общества и лишь затем перемещаются вниз.

Поселенец вполне мог снабдить их каром для бегства. И кар видели, но не остановили. Ни один полицейский не имеет права останавливать кар...

— Янсен, проверь, не видели ли во время полета кар. Если видели, то разузнай, сколько и какие.

Майор Янсен вышел из комнаты, не выразив никакого удивления по поводу странного приказа.

Один офицер нашел нишу в южной стене, близ двери. В нише находилось гнездо животных, чистильщиков дома. Офицер, желая осмотреть нишу, осторожно извлек оттуда двух взрослых, находящихся без сознания, и четырех щенков.

Одежда Иезуса Пьетро сохла очень медленно и вся заскорузла. Он сидел, закрыв глаза и сложив руки на животе. Наконец он открыл глаза, вздохнул и нахмурился.

Это очень странный дом, Иезус Пьетро.

Да. Слишком роскошен для колониста.

При этой мысли лоб его еще более нахмурился.

Он посмотрел на розовые коралловые стены, на пол с выращенным ковром. Неплохо, совсем неплохо. Харри Кэйн был бакалавром.

Сколько же может стоить этот дом?

О, около тысячи звезд, не считая обстановки. А с обстановкой вдвое больше. Один ковер стоит девяносто звезд. Пара чистильщиков дома пятьдесят звезд...

А сколько стоит фундамент?

Тысяча демонов! Фундамент же делали люди! Он один, наверное, стоит двести тысяч! На эти деньги можно выстроить целую школу! Но зачем под коралловым домом фундамент, сделанный людьми?

Зачем, действительно?

Иезус Пьетро вскочил на ноги.

— Майор Янсен!

* * *

Все оказалось так, как он и предполагал. Фундамент обследовали эхолотами. Да, под домом оказалось пустое пространство. Майор Чин хотел найти вход, но это заняло бы всю ночь, а шум предупредил бы колонистов. Иезус Пьетро хотел побыстрее удовлетворить свое любопытство. Он приказал доставить взрывчатку.

Когда все успокоилось, Иезус Пьетро прошел за своими людьми в образовавшийся пролом. Они нашли повстанца, лежащего без сознания возле рубильника. Провода вели к самодельной бомбе, такой мощной, что она могла бы разнести на куски и дом, и подвал. Пока отсоединяли провода, Иезус Пьетро рассматривал человека, отметив про себя, что нужно его допросить, когда очнется. Может быть, он расколется. Такое бывало нередко.

Возле стены стоял кар, старая четырехместная модель. Иезус Пьетро не понимал, как он мог взлететь из подвала. Вероятно, дом был выращен прямо над ним. «Ну конечно, — подумал Иезус Пьетро. — Они выкопали подвал и над ним вырастили дом».

Он послал людей убрать стену, чтобы, если понадобится, забрать кар отсюда. Правда, для этого придется убрать почти весь дом.

Из подвала наверх вела лесенка. Пьетро увидел под ней бомбу и поздравил себя с тем, что не позволил майору Чину искать вход. Он тут такое бы нашел!

Бомбу разрядили и открыли люк, к которому вела лесенка. Люк выходил в гостиную, под ковер.

После того как все мертвые и находящиеся без сознания были погружены в фургон, Иезус Пьетро прошел между ними, сравнивая каждого с фотографиями. Он был доволен. За исключением одного человека он собрал всех гостей Харри Кэйна. Банк органов будет полон. Запасов хватит не только для первых поселенцев, но кое-что перепадет и верным сторонникам режима, таким, как Иезус Пьетро и его люди. Даже колонистам останется. Если запасы были достаточными, то больница не отказывала в помощи колонистам. Пусть думают, что первые поселенцы заботятся о них, блюдут их интересы.

И вскоре все Сыны Земли были мертвы. Все, за исключением одного, который был слишком молод, чтобы быть опасным.

Тем не менее Иезус Пьетро внес его имя в файлы больницы, с отметкой, что этот человек должен быть допрошен, когда его поймают.

И только когда наступил вечер и он уже собирался ложиться спать, он вдруг вспомнил, кому принадлежало это лицо. Племянник Мэтью Келлера. Уже прошло шесть лет с тех пор, как он сыграл свою шутку с яблочным соком.

Он был похож на своего дядю, как две капли воды.

* * *

Дождь к вечеру утих, но Мэт не знал этого. Укрытый от дождя утесом и густыми деревьями, он спал.

Это был утес Гамма-Бета. Он укрылся здесь, замерзший, исцарапанный, вымокший. Он мог бы идти дальше вдоль утеса или упасть прямо здесь. Он предпочел второе. Если полиция найдет его, он уже никогда не проснется. Он знал это, когда ложился спать, но был слишком измучен, чтобы думать об этом.

Он проснулся около десяти с сильной головной болью. Все тело ныло от бега и от сна на голой земле. Язык распух так, что не помещался во рту. Мэт лежал на спине, глядя в темную листву деревьев над собой.

Так много началось и окончилось в тот вечер.

Казалось, люди все еще кружатся вокруг него. Худ, Лейни, четыре высоких мужчины, парень, который напился за стойкой бара, Полли, Харри Кэйн, целый лес локтей и звуки незнакомых голосов...

Все исчезли — и мужчины, и женщины, и бармен, и Лейни! Как он мог потерять Лейни?

Все исчезли. Может, он когда-нибудь снова встретится с ними?

Но сейчас полиция ищет его, Мэта Келлера.

Он сел, и все его мышцы пронизала острая боль. Он был совершенно голый. Полиция наверняка нашла его одежду в комнате Лейни. Могут ли они опознать его по одежде? Но даже если и не смогут, то они наверняка будут искать человека, который совершенно голый бродит по улице. На Земле есть вполне легальное общество нудистов, и довольно многочисленное. Но здесь такого нет. Человек должен быть одет.

Теперь ему никак не доказать, что он не повстанец. Ему нужно постараться достать одежду. И надеяться, что они его не ищут.

Он встал, и это снова повергло его в шок. Лейни, Лейни в темноте, Лейни, смотрящая на него, ее роскошное тело освещено золотистым светом лампы. Полли, девушка с тайной. Худ. Волна слабости нахлынула на него, и он согнулся вдвое в приступе рвоты. Усилием воли он остановил спазмы. Голова его раскалывалась, удары пульса отзывались в ней, как в барабане. Он с трудом выпрямился и побрел к опушке леса.

Он находился у подножия утеса Бета-Гамма. Над ним возвышалось Бета Плато, но до него можно было добраться только по мосту, который был за много миль отсюда. Перед ним расстилался широкий луг, где паслось несколько овец. За лугом дома. Много домов. На расстоянии четырех миль отсюда и его дом. Но до него не добраться незамеченным.

А как насчет дома Харри? Лейни говорила, что в нем есть убежище. И те, что ушли до рейда... Может, они уже вернулись. Они могут помочь ему.

Но будут ли они помогать?

Нужно попытаться. Он должен добраться до дома Харри, скрываясь в высокой траве. Мэту Келлеру всегда везет. А до своего дома ему все равно не добраться.

* * *

И ему повезло. Невероятно, но ему удалось добраться до дома Харри незамеченным.

Это заняло у него два часа. Живот, колени, локти у него были зелеными. Все тело горело от порезов и царапин.

Все пространство вокруг дома было испещрено следами автомобильных шин. Вероятно, в рейде принимала участие вся полиция. Мэт не заметил охраны, но к дому он шел осторожно: вдруг там засада. Может, там полицейские, а может, охрана повстанцев — все равно и те и другие откроют огонь.

Впрочем, вряд ли в него будут стрелять. В одном можно быть уверенным: в доме наверняка спросят: где ты потерял штаны, парень?

В доме никого не оказалось. Мертвые или спящие чистильщики дома лежали у стены, возле своего разрушенного гнезда. Эти животные не любили света и обычно делали свое дело по ночам. Ковер был разворочен, и под ним виднелось темное отверстие: вход в подвал. Стены в гостиной были обезображены следами взрыва. И фундамент тоже.

В подвале тоже никого не было. Одна из стен разворочена взрывом, и за ней стоял кар. Мэт никогда не видел машину так близко. Кар совершенно не имел возможности взлететь отсюда. Интересно, зачем Харри Кэйну кар, который нельзя использовать?

Может, это из-за него был налет? Ведь колонистам было не положено иметь кары. Но почему о краже кара никто ничего не знал? Ведь кар наверняка стоял здесь еще до того, как вырос дом.

Мэт вспомнил рассказ о каре, который он слышал вечером. Украденный кар кружился над Плато, пока не кончилось горючее. И затем он упал в туман на глазах разъяренной, но ничего не могущей поделать полиции. Но, может быть, это просто официальная версия? Может, горючее вовсе не кончилось, а кар нырнул в туман, сделал круг под Плато и затем прилетел сюда, где Харри Кэйн спрятал его в подвале.

Может быть, но он этого никогда не узнает.

* * *

Душ еще работал. Мэт дрожал всем телом, встав под струи горячей воды. И вода сразу же вернула его к жизни. Она массировала его спину и шею, смывая грязь, траву, пот. Все-таки жить можно. Жизнь, несмотря на все ужасы, хороша, если есть горячий душ.

Он задумался.

Налет был очень солидный. Полиция схватила всех, участвовавших в вечеринке. Судя по всему, они схватили даже тех, кто ушел раньше. Вероятно, в больнице сейчас сотни две пленников.

Некоторые были совершенно ни в чем не повинны. Мэт это знал. Обычно полиция хорошо работала. Правда, сообщалось только о результатах расследования, но невинных почти всегда выпускали. Они возвращались из больницы.

Но это расследование не будет долго тянуться. Полиция просто выпустит всех, у кого нет в ушах слуховых аппаратов, и предупредит их, чтобы в будущем они держались подальше от вредных элементов. Те, у кого есть слуховые аппараты, будут признаны виновными.

Правда, чтобы препарировать сотню пленников, потребуется много времени. Вполне возможно, что Лейни, Худ и Полли еще живы. Нельзя же убить столько народу за такое короткое время.

Мэт вышел из душевой и стал искать одежду. Он нашел гардероб, вероятно, принадлежавший Харри Кэйну, брюки были слишком коротки и широки. Однако ему ничего не оставалось делать, как нарядиться в них, туго стянув ремнем. По крайней мере не голый.

Значит, проблема одежды решена. Теперь перед ним стояла другая проблема, более сложная.

Он понятия не имел, сколько времени занимает препарирование, но был уверен, что достаточно много. Он также не знал, будет ли полиция допрашивать всех пленников. Однако он знал, что каждая проведенная им в бездействии минута уменьшает вероятность того, что пленники останутся живы.

И Мэту Келлеру придется прожить всю жизнь, зная, что он упустил шанс спасти их.

Но он напомнил себе, что этот шанс очень мал. Ему не пробраться незамеченным на Альфа Плато. Ведь нужно пройти через два охраняемых моста, где его неминуемо застрелят.

Полуденное солнце бросало свои лучи на мир, где все содержалось в безукоризненном порядке. Правда, не всем это нравилось. Мэт нерешительно постоял у двери, затем повернулся и снова вошел в гостиную. Он должен убедиться, что это действительно невозможно. Подвал был сердцем этого кораллового дома. Сердцем, которое перестало биться. Если полиция не смогла найти какое-нибудь оружие...

В каре оружия не оказалось, однако в подвале оно явно раньше хранилось. Он нашел места, где лежали винтовки и стояли ящики с самодельными гранатами. Полиция забрала все, что казалось оружием, но кар остался неповрежденным. Возможно, они когда-нибудь вернутся за ним, если сочтут, что он стоит усилий, которые потребуются, чтобы его выкопать.

Мэт вошел в кабину и посмотрел на панель управления. Он впервые видел ее. Он смотрел на незнакомое устройство, и ему очень не хотелось уходить отсюда. И когда он заметил кнопку «Старт», он нажал на нее. Однако звука работающего мотора он не услышал.

Взрыв заставил его содрогнуться всем телом, как лягушка под током. Видимо, Харри установил бомбу, чтобы взорвать дом! Однако сам Мэт все еще был жив. И в глаза ему бил дневной свет!

Дневной свет!

Четыре фута земли над ним исчезли. Стена дома накренилась. Вероятно, Харри Кэйн был большим специалистом во взрывной технике, раз он так ловко расположил заряды.

Дневной свет. И мотор работает. Когда уши Мэта снова приобрели способность воспринимать звуки после взрыва, Мэт услышал ровный гул. Если бы ему удалось взлететь...

Тогда бы он добрался до Альфа Плато, не проходя по мостам. Сейчас он может долететь до Плато — если, конечно, сможет быстро освоиться с управлением.

А может, ему полететь домой? Тогда никто не заметит его странной одежды. Там он переоденется, сожжет эту одежду, и кто тогда сможет доказать, что он был в этом доме?

Мэт вздохнул и снова посмотрел на панель управления. Теперь он уже не мог заставить себя уйти. Может, потом он рухнет вместе с каром на землю или его остановит полиция... Но сейчас он не мог уйти. Взрыв, очистивший ему путь наверх, служил как бы предзнаменованием, которым он не мог пренебречь.

Посмотрим. Четыре рычага установлены на нулевых отметках. 1-2, 1-3, 2-4, 3-4. Он потянул один рычаг на себя. Ничего.

Небольшой стержень с тремя надписями: Нейтраль, Земля, Воздух. Он передвинул на «Земля». Ничего. Он тронул «Воздух».

Кар дернулся и чуть не опрокинулся.

Он уже был в воздухе, даже не успев ничего сообразить. В отчаянии он задергал рычагами, стараясь выровнять машину. Земля быстро удалялась, и вскоре овцы в долине были всего лишь белыми точками, а дома маленькими прямоугольниками. Наконец после долгих усилий кар начал опускаться.

Однако расслабиться Мэт не мог.

Цифры, оказывается, означали номера пропеллеров. 1, 2, 3, 4 — левый передний, правый передний, левый задний и правый задний.

Комбинации рычагов означали, какие пропеллеры крутятся в данный момент. Но как же управлять каром, как заставить его лететь вперед?

На панели были ручки «Высота» и «Поворот», но они ничего не вносили в беспорядочное движение. Мэт увидел еще один тумблер, над которым было написано какое-то сложное слово. Мэт не рискнул тронуть его. Может, опустить немного нос машины? Нажать рычаг 1-2?

Он так и сделал. Кар медленно двинулся вперед, затем быстрее. Он сильнее потянул рычаг. Кар рванулся, и Плато вдруг встало перед ним вертикальной стеной. Но он не разбился, а успел вывернуть машину, направил ее снова вверх... а потом снова взялся за тот же рычаг.

Теперь он сделал это осторожно. Кар полетел вперед, слегка опустив нос.

К счастью, он летел прямо на Альфа Плато. Иначе бы ему пришлось разворачиваться, а он не умел этого.

Он летел очень быстро. Под ним разворачивались картины, каких он никогда в жизни не видел. Поля и фруктовые леса уплывали назад. Впереди уже виднелось Альфа Плато. Гряда утесов, омываемых у подножия рекой, острыми зубцами вгрызалась в небо. И гряда и река кончались на краю Плато, и река обрушивалась в пропасть мощным водопадом. Шум водопада доходил до ушей Мэта даже через пластиковый колпак машины.

Вскоре он должен перелететь над грядой и повернуть к больнице. Мэт не знал, как она выглядит, но был уверен, что узнает громадные цилиндры космического корабля. В небе показались кары, но они летели вдалеке и не беспокоили его. Он еще не решил, насколько близко он подлетит к больнице прежде, чем приземлиться. Ведь даже первым поселенцам не было разрешено приближаться к ней. Во всяком случае, он должен сесть, пока его не опознали. Впрочем, вряд ли опознают, ведь кары были только у поселенцев, и каждый, кто увидел летящий кар, никогда не подумал бы, что это колонист.

Это была ошибка, вполне естественная. Мэт так и не понял, в чем она состоит. Он летел вполне нормально, и если бы ему сказали, что любой ребенок поселенцев летает лучше, Мэт оскорбился бы.

Но ни один ребенок не поднялся бы в воздух, не включив гироскоп.

* * *

Как обычно, хотя и с большим опозданием, Иезусу Пьетро подали завтрак в постель. Как обычно, рядом сидел майор Янсен и пил кофе. Он был готов выполнить любое поручение или ответить на вопросы.

— Как с пленниками?

— Все в виварии. Все, кроме троих. Места не хватает.

— Банк органов заполняется?

— Да, сэр.

Иезус Пьетро проглотил ломтик грейпфрута.

— Будем надеяться, что они не знают ничего важного. А как насчет случайных гостей?

— Мы отделили их от тех, что имели в ушах микрофоны, и освободили. Хорошо, что мы успели до шести часов. Ровно в шесть все микрофоны испарились.

— Испарились? Черт побери! И ничего не осталось?

— Доктор Госпин взял пробы воздуха. Может, он обнаружит в нем что-нибудь?

— Это неважно. Но работа прекрасная, если вспомнить их жалкие возможности, — сказал Иезус Пьетро.

После пяти минут чавканья и хлопанья он коротко спросил:

— А что насчет Келлера?

— Кого, сэр?

— Того, кому удалось скрыться.

После трех телефонных звонков Янсен смог доложить:

— Никаких сообщений. Домой он не пытался пройти, никаких контактов с родственниками и знакомыми не имел. Никто из полицейских его не видел.

Снова тишина, пока Иезус Пьетро, отдуваясь, пил кофе. Затем:

— Проследи, чтобы пленников приводили в мой кабинет по одному. Я хочу знать, не видел ли кто-нибудь приземление рамробота.

— У одной из девушек нашли фотографии, сэр. Они вроде бы сделаны телеобъективом.

—О! — На мгновение у Иезуса Пьетро перехватило дыхание. Миллард Парлет! Если бы он знал это... — Не понимаю, почему ты не сказал мне об этом раньше. Расследуй это поосторожнее. Иди. Нет, подожди! — сказал он, когда Янсен был у двери. — Еще одно. Может, есть еще подвалы, о которых мы ничего не знаем. Возьми людей с эхолокаторами и тщательно исследуй все дома на Дельта и Бэта Плато.

— Есть, сэр.

Янсен собрался уходить, но его остановил телефонный звонок. Майор снял трубку, выслушал, затем спросил:

— Почему звоните сюда? Подождите. — И он нерешительно сказал: — Приближается кар, сэр. Летит как-то неуверенно. Естественно, они хотят доложить вам лично.

— Хмм. Может, это тот, что мы видели в подвале Хэйна?

— Я спрошу, сэр. — И после короткого разговора: — Это он, сэр.

— Хотелось бы мне знать, как они вытащили его из подвала. Скажи им, чтобы посадили кар.

* * *

Геологи были уверены, что Маунт Лунитхэт недавнее образование. Несколько сотен тысяч лет назад часть поверхности планеты расплавилась.

Может, конвекционные потоки вынесли на поверхность сверхраскаленную магму, а может, небесный странник астероид врезался в планету, отдав ей накопленную энергию. Далее поверхность начала выпячиваться вверх, остывать, и в результате на планере появились плато, расположенные на высоте сорока миль от поверхности.

Это произошло совсем недавно. Атмосферные явления еще не успели сгладить неровности, острые пики, глубокие расщелины. Северный край новообразования был гораздо выше остальной части. Там было так холодно, что образовался нетающий ледник. Люди жить там не могли. Все реки и ручьи текли на юг и там, соединяясь вместе, текли в глубоких каньонах, которые сами пробили в базальтовых глыбах. Добравшись до края плато, они обрушивались вниз в сорокамильную глубину водопадами. Эти водопады, вероятно, были самыми грандиозными водопадами во вселенной. Большинство рек на Маунт Лунитхэт текли на юг, но были и исключения: ведь поверхность Плато не была ровной, она была изрезана глубокими трещинами, рассечена высокими грядами утесов. Поверхность плато на севере состояла из громадных каменных глыб, наваленных в чудовищном беспорядке. А между ними находились таинственные озера. На севере было трудно жить даже горным козам. Тем не менее эти области тоже когда-нибудь будут заселены.

Корабли с людьми приземлялись на юге, на самом высоком Плато. Эту территорию заняли первые поселенцы, а колонисты были вытеснены ниже. Хотя колонистов было больше, они занимали меньшую и худшую территорию. У поселенцев было оружие, были кары. Так что на Альфа Плато жили исключительно поселенцы.

Мэт видел внизу много домов. Они были самых разнообразных форм, расцветок, стилей постройки, выполнены из самых разнообразных материалов. Все, что он видел внизу, было настолько непривычно для него, что казалось похожим на обломки после взрыва машины времени, ведь сам он всю жизнь прожил в домах из коралла. Внизу под ним проплывали и коралловые бунгало, но каждый из них был больше дома простого колониста. Некоторые из них были такие же большие, как школа Мэта. Когда архитектурные кораллы появились на Плато, поселенцы полностью монополизировали их, но затем, когда коралловые дома вышли из моды, отдали колонистам.

Подавляющее большинство домов были не выше двух этажей.

Однако скоро настанет время, когда число поселенцев возрастет и им придется строить небоскребы. Впереди показались две высокие башни, вырастающие над страшным сооружением из стекла и бетона. Несомненно, больница. И прямо впереди. По мере приближения Мэт начал понимать, какое это громадное сооружение.

Мэт уже довольно-таки устал. Ему приходилось следить одновременно за панелью управления, за землей, за больницей.

Каждый из двух старых космических кораблей был выстроен так, чтобы команда — шесть первых поселенцев — жила в комфорте, а пятьдесят колонистов летали, погруженные в сон. В каждом корабле был грузовой отсек, два реактора на водородном топливе, огромный бак с водой. И все это было заключено в огромный цилиндр. Корабли были снабжены кольцевыми крыльями, которые в полете вращали корабль вокруг оси, создавая силу тяжести.

Корабли были огромны. Мэт не видел их внутри, поэтому они казались ему еще больше. И все же даже они терялись рядом с невообразимым сооружением — больницей. Большая часть ее была двухэтажной, но кое-где вздымались башни, каждая высотой с половину корабля. В одних, наверное, находились электростанции, а в других... Мэту не хотелось даже и думать об этом. Плоский голый камень окружал больницу полумильным кольцом. Он был таким же голым, каким было Плато до того, как приземлился первый корабль с колонистами и тщательно отобранной экологической средой. И только в одном месте каменной пустыни тоненький язычок леса пересекал круг и доходил до стены больницы.

Интересно, подумал Мэт, почему полиция оставила этот клочок леса?

И вдруг волна слабости, онемения прошла по нему, и его охватили паника. Излучение соника! В первый раз он оглянулся назад. Двадцать или тридцать полицейских каров летели за ним.

Его снова ударило соником. Мэт упал на рычаг 1-3. Кар нырнул влево, наклонился градусов на сорок пять. Мэт с трудом выровнял его, потом повернул резко влево и устремился к краю Альфа Плато.

Снова удар ультразвуковых волн настиг его. Мэт стиснул зубы. Они стараются заставить его приземлиться. Да нет, скорее они хотят, чтобы он потерял управление и рухнул на землю. Лишь бы он не добрался до края. В глазах у Мэта стало двоиться, он не мог шевельнуться. Кар планировал под острым углом, направляясь к земле, к краю Плато.

Но вот его отпустило, он уже мог двигаться. Но едва он шевельнул руками, как соник снова нашел его, но с гораздо меньшей интенсивностью. И он понял, почему он так резко шел на снижение, что полицейские кары не успевали за ним. Они боялись напороться на острые утесы у края. А Мэту было все равно. Это была отчаянная игра.

Сквозь туман в глазах он видел, как перед ним вырастают темные зубья утесов. Мэт проскочил в ярде от одного из них. Опасность миновала, и он посмотрел назад. Полицейские кары летели за ним. Они уже упустили Мэта, но теперь хотели убедиться, что кар Мэта упадет.

Интересно, сколько ему падать? Этого он не знал. Должно быть, многие мили. Но десятки или сотни? Они будут кружить над ним, пока кар не скроется в тумане. Назад ему пути нет. Его оглушат и соберут то, что останется после крушения. Теперь у него только один путь.

И Мэт решительно направил кар вниз.

* * *

Полицейские преследовали его, пока могло выдержать давление. Затем они принялись кружить, выжидая. Прошло несколько минут с тех пор, как кар с Мэтом исчез из виду в ядовитом тумане. Все.

— Ушел к дьяволам, — сказал кто-то. Эта фраза прозвучала по интеркому и многие согласились с этим.

Полицейские кары развернулись к дому. Пилоты отлично знали, что их кары не были герметичными. Так что лучше было не рисковать. В прошлые годы некоторые отчаянные головы спускались вниз, желая установить рекорд по глубине погружения в ядовитый туман. Уровень безопасности лежал выше, чем уровень тумана. Некто по имени Грили пошел на отчаянный шаг: он поставил кар на автоматическое управление и опустился на четыре мили. Но затем раскаленный отравленный воздух проник в кабину и он был вынужден вернуться. По счастью, все обошлось благополучно, если не считать того, что ему пришлось заменить легкие. Однако на Альфа Плато он чествовался как герой.

Но даже Грили не опускался в сам туман. И никто не мог сделать этого. Ведь это означало смерть?

Однако этого не случилось с Мэтом. Он почти ничего не понимал в технике. Техника для колонистов была непозволительной роскошью. Они имели дома, которые строились сами, ковры, которые вырастали сами, им не нужны были механические бритвы, посудомоечные машины, холодильники, кары... Поселенцы с большой осторожностью давали колонистам технику. Самый сложный технический аппарат, с которым Мэт имел дело до этого, был велосипед. На каре нельзя было летать без гироскопа, однако Мэт полетел.

Он нырнул в ядовитый туман, чтобы скрыться от полиции. Чем быстрее он будет погружаться, тем дальше оторвется от них.

Сначала его вдавило в сиденье — как будто поверхность планеты сопротивлялась его снижению. Рев ветра проникал даже сквозь

звукопоглощающие экраны. Сопротивление все ослабевало, и наконец он почувствовал себя так, как будто началось свободное падение. Но скорость падения все увеличивалась, и теперь его уже стало выталкивать из кресла. Мэт решил, что происходит что-то непонятное, необычное, но не мог понять, что именно. Когда уже не оставалось сил удержаться в кресле, он наконец нашел ремни, с помощью которых пристегнулся и вздохнул с облегчением. Ремни придали уверенности.

Стало темно. Небо почти перестало отличаться от окружающей его атмосферы, и полицейские кары исчезли из виду.

Кровь бешено пульсировала в голове. Он боялся потерять сознание и направил кар резко вверх. Страшное давление прижало его к креслу. Такого давления человек не испытывал с тех пор, как отказался от ракет с химическим топливом. Однако Мэт выдержал это. Но жара была невыносима. И боль в ушах. И жгучий вкус воздуха.

Снова он нажал рычаги, чтобы побыстрее остановиться.

Но как узнать, остановился ли полет? Вокруг был сплошной туман, и его темно-голубой цвет не давал никаких ориентиров для определения скорости. Вверху туман был светлым, внизу — темным, почти черным. Затеряться здесь было ужасно. Но он все же знал, в какую сторону лететь, чтобы вынырнуть из тумана, знал, где верх.

Воздух обжигал ему рот и дыхательные пути.

Мэт попытался закрыть рот рубашкой и дышать через нее. Ничего хорошего. Вдруг в тумане перед ним выросла черная стена. С большим трудом Мэт уклонился от столкновения.

Он, затаив дыхание, смотрел, как черная стена проплывает мимо него. Однако трудно было что-либо рассмотреть во мраке.

Но вот туман исчез. Солнечный свет ударил в глаза. Мэт решил, что этим воздухом уже можно дышать, и открыл окно. В кабину ворвался ветер, горячий, душный, но дышать было можно. Ветер был так силен, что чуть не опрокинул кар.

Над собой Мэт увидел край Плато. Он резко замедлил подъем, и желудок едва выдержал такой толчок. В первый раз с того момента, как он сел в кар, Мэт почувствовал дурноту. Его выворачивало наизнанку, голова кружилась от резкого перепада давления, все мышцы болели от воздействия ультразвуковых лучей. Мэт с трудом поднимался вверх, пока не поравнялся с краем Плато.

Вдоль края тянулась каменная стена. Мэт перевалил через стену и начал спускать кар.

До земли осталось четыре фута. Мэт открыл дверцу, но не решился выпрыгнуть. Он уже был на грани обморока. Он нащупал рычаг и нажал его. Единственное, чего ему сейчас хотелось, это лечь.

Мэт буквально вывалился из кабины. Кар поднялся на четыре дюйма над землей и начал глиссировать. Оказывается, рычаг был в таком положении, что кар стал наземной машиной. Мэт попытался догнать его, но тщетно. Встав на четвереньки, Мэт следил за каром. Он видел, как машина наткнулась на стену, отскочила, снова наткнулась и так постепенно добралась до края стены и нырнула через край Плато.

Мэт упал на спину и закрыл глаза. Ему стало наплевать на кар.

Тошнота, последствия ультразвукового облучения, отравленный воздух, которым он дышал, перепады давления — все это подействовало на него так, что ему хотелось умереть. Затем он собрался с силами и побрел. Никто не видел его. Немного погодя Мэт устало сел на землю.

Горло у него болело. Во рту стоял отвратительный вкус.

Он все еще находился на Альфа Плато. Только поселенцы могли позволить себе построить стену вдоль края Плато. Значит, теперь он обречен. Без кара ему ни за что не выбраться отсюда.

Невдалеке стоял дом. Коралловый дом. Очень большой, но все же коралловый. В нем никто не жил по крайней мере лет сорок, с тех пор как такие дома вышли из моды.

Мэт решил рискнуть. Ему нужно иметь убежище. Деревьев поблизости не было, к тому же в рощах прятаться опасно. Туда часто ходят собирать плоды и фрукты. Мэт поднялся на ноги и, шатаясь, побрел к дому.

Глава четвертая

Допрос

Больница была нервным центром мира. Мир был невелик, всего 20 000 квадратных миль, но все же он требовал жесткого контроля. Еще он требовал электроэнергии, огромного количества воды, медицинского обслуживания. Больница была огромным и сложным сооружением. На западном и восточном углах стояли два космических корабля. Внутренности этих громадных цилиндров были изрезаны лабиринтом коридоров.

Юноша, который в данный момент находился в кабинете Иезуса Пьетро, не имел понятия, где он сидит, так как его вели сюда по запутанным переходам, и он очень быстро потерял ориентировку. Теперь, даже если бы его освободили и выпустили, он не смог бы найти выход. И он полностью отдавал себе в этом отчет.

— Ты находился рядом с рубильником бомбы, — произнес Иезус Пьетро.

Юноша кивнул. Его песочного цвета волосы были подстрижены в стиле Белтера, который в свою очередь позаимствовал эту при-

ческу у древних индейцев. Под глазами — темные круги, как от недосыпания. Но на самом деле он спал все время с самого момента пленения. Так что скорее всего эти круги были результатом тревоги, внутренней депрессии.

— Ты обманул всех, — сказал Иезус Пьетро. — Ты сделал так, что бомба не взорвалась.

Юноша поднял голову. Лицо его пылало яростью. Но он не двинулся с места — это было бессмысленно.

— Не смущайся. Такие бомбы редко взрываются. Человек всегда цепляется за жизнь и не хочет расставаться с нею по доброй воле. Он часто меняет свое решение в самый последний момент. Это...

— Я был уверен, что погибну! — крикнул юноша.

— Естественно. Впрочем, давай не будем об этом. Меня это не интересует. Я хочу услышать о каре в вашем подвале.

— Вы думаете, что я трус?

— Ну зачем так грубо.

— Я украл этот кар.

— Ты? — В голосе совершенно явно прозвучало недоверие. Да, Иезус Пьетро не поверил ему. — Тогда, может, ты мне объяснишь, как это произошло?

И юноша рассказал все. Он говорил спокойно, чтобы Иезус Пьетро видел его мужество. А почему нет? Предавать уже было некого. Да и сам он будет жить ровно столько, сколько захочет Иезус Пьетро. Может, на три минуты дольше. Операционная банка органов была в трех минутах ходьбы отсюда. Иезус Пьетро вежливо слушал. Да, он помнил, как кар кружил бесцельно в течение пяти дней над Плато. Владелец кара, поселенец, проклинал Иезуса за то, что тот позволил этому произойти. Он даже требовал, чтобы кто-нибудь из полицейских спустился сверху в кар и пригнал его обратно. Терпение Иезуса Пьетро лопнуло, и он, рискуя своей жизнью, вежливо предложил поселенцу помочь в этом опасном предприятии, помочь ему самому спуститься в кар.

— Затем мы опустили кар в выкопанный подвал и вырастили над ним коралловый дом, — закончил пленник. — Мы вынашивали большие планы. — Его снова охватило отчаяние, но он продолжал говорить. — Мы достали оружие, бомбы, украли ультразвуковой стуццер и установили его в каре. Но никто уже не воспользуется им.

— Кар взлетел.

— Что?

— Сегодня в полдень. Келлер прошлой ночью скрылся от нас. Он вернулся в дом Кэйна и взлетел на каре. Он почти долетел до больницы. Мы едва успели перехватить его. Теперь только демоны Тумана знают, что он делает сейчас.

— Великолепно! Последний полет нашего... Мы так и не придумали названия кару. Это наш воздушный флот! Как вы назвали этого парня?

— Келлер. Мэтью Лейф Келлер.

— Я его не знаю. Что он хотел сделать?

— Не валяй дурака. Ты никого не защитишь. И мы скинули его в пропасть. Рост пять футов десять дюймов, возраст двадцать один год, волосы коричневые, глаза голубые...

— Я же говорю, что не знаю такого.

— Прощай. — Иезус Пьетро нажал кнопку под столом. Дверь открылась.

— Подожди минуту. Подожди...

«Лжет, — подумал Иезус Пьетро, когда юношу увели. — Может, и насчет кара лжет. Человек, который действительно украл кар, сейчас ждет в виварнуме допроса. Если, конечно, кар был украден. Но не исключено, что его передали поселенцы, кто-то один из них, предатель...»

Иезус Пьетро часто думал, почему поселенцы не снабжают его наркотиками, заставляющими говорить только правду. Ведь их так легко было бы изготовить. Однажды, находясь в хорошем настроении, Миллард Парлет попытался объяснить ему это.

— Нам принадлежат наши тела, — сказал он. — И тем не менее мы без сожалений расстаемся с больными органами и заменяем их. Так что тела все-таки не наши. Так неужели мы должны не только делиться нашими телами, но и допустить чужих в наш внутренний мир?

Странно было слышать такое от человека, у которого почти ничего не осталось от его собственного тела. Но и другие чувствовали примерно то же самое. Так что Иезусу Пьетро оставалось полагаться только на себя и свое знание психологии.

* * *

Полли Турнквист. Возраст: двадцать лет. Вес: девяносто пять фунтов. Одета она была в измятое вечернее платье, сшитое по последней колонистской моде. Иезус Пьетро не нашел в ней ничего. Она была маленькая, смуглая и, по сравнению с большинством знакомых ему женщин, слишком мускулиста. Мускулами она была обязана тяжелой работе, а никак не спорту. Руки ее загрубели. Волосы были зачесаны назад без всяких потуг на модную прическу.

Если бы она росла в таких же условиях, в каких растут дети на Альфа Плато, если бы она имела всю косметику и умела ей пользоваться, она могла бы стать красивой. Но у нее не было ничего этого. Работа не красила девушек. И девушки колонистки старились гораздо быстрее, чем девушки с Альфа Плато.

Она была всего лишь девушка-колонистка, одна из тысяч других.

Она стояла молча перед ним, пока наконец он не рявкнул:

— Ну? Ты Полли Турнквист, да?

— Конечно.

— У тебя были снимки, когда мы схватили тебя. Откуда они у тебя?

— Я предпочитаю не говорить об этом.

— Я так и думал. О чем же ты хочешь поговорить?

Полли растерялась.

— Вы серьезно?

— Конечно. Я уже допросил сегодня шесть человек. Банк органов полон, и день кончается. Я не тороплюсь. Ты знаешь, что значат эти снимки?

Она осторожно кивнула.

— Думаю, да. Особенно теперь, после рейда.

— А ты поняла, почему был произведен налет?

— Мне стало ясно, что вы больше не нуждаетесь в Сынах Земли. К тому же они всегда представляли опасность для вас.

— О, ты слишком переоцениваешь их.

— Но вы никогда не старались полностью уничтожить нас. Ведь мы служили поставщиками для ваших проклятых банков органов.

— Ты меня удивляешь. Разве ты не знала об этом, когда вступала в организацию?

— Прекрасно знала.

— Тогда почему вступила?

Она развела руками.

— Почему другие вступают? Я не хочу, чтобы все продолжалось по-старому. Кастро, что случится с вашим телом, когда вы умрете?

— Меня кремируют. Я старый человек.

— Вы ж поселенец. Так что вас кремируют. А мы, колонисты, всегда идем в банк органов.

— Я наполовину поселенец, — сказал Кастро. Ему вдруг захотелось поговорить. Можно было не стесняться перед этой девчонкой — она уже все равно что мертвая. — Когда мой, так сказать, псевдоотец достиг возраста семидесяти лет, он решил не продолжать жизнь на лекарствах, а просто покончил с собой.

Девушка была в ужасе.

— Я вижу, ты понимаешь. И немного погодя моя мать забеременела. Должен признать, что вырос я как поселенец. Я любил и мою мать и моего настоящего отца, хотя не знаю, кто он был — может, повстанец, а может, вор.

— Я вижу, что вам это безразлично? — со злобой спросила девушка.

— Нет. Впрочем, вернемся к Сынам Земли. Ты совершенно пра-

ва. Мы больше не нуждаемся в них — ни как в поставщиках банка органов, ни для чего другого. Ваша группа была самой большой на Маунт Лунитхэт. Со временем мы расправимся и с остальными.

— Не понимаю. Банк органов больше не нужен, да? Почему бы не объявить об этом? Ведь это будет праздник для всех!

— Именно поэтому мы и не сообщаем об этом. Нет, банк органов нужен. Во-первых, нам нужны кое-какие материалы, а во-вторых, он будет средством устрашения и наказания за преступления!

— Ты сукин сын, — свирепо сказала Полли. Голос ее напряженно звенел от еле сдерживаемой ярости. — По-твоему, умирать без всякой пользы для общества для нас страшнее, чем умирать, зная, что твое тело еще послужит людям?

— Вы не будете умирать без пользы, — терпеливо сказал Иезус Пьетро. — Впрочем, не будем об этом. Что ты знаешь о каре в подвале Кэйна?

— Я не буду говорить об этом.

— Ты очень упрямое существо.

Улыбка тронула губы девушки.

— Я слышала это.

Ее реакция удивила и восхитила Иезуса Пьетро, и его охватила горячая волна желания. Внезапно эта истерзанная девушка колонистка стала для него единственной девушкой на плато. Иезус Пьетро хранил на лице ледяную маску, пока волна плотского желания не отхлынула. Это заняло несколько секунд.

— А что ты знаешь о Мэтью Келлере?

— О ком? Вы имеете в виду...

— Ты не хочешь говорить о нем. Мисс Турнквист, на этой планете нет препаратов, с помощью которых мы узнали бы правду от тебя. Хотя в библиотеке есть описание разных средств, но поселенцы запретили мне использовать насилие. Следовательно, мне приходится прибегнуть к другим средствам. — Он увидел, как девушка напряглась. — Нет, нет. Это не пытки. Если я применю пытки, меня самого отдадут в банк органов. Я просто хочу предоставить тебе возможность приятно отдохнуть.

— Мне кажется, я понимаю вас. Кастро, ради чего вы работаете? Вы же сами наполовину колонист. Почему вы работаете на поселенцев?

— На планете должен существовать закон и порядок, мисс Турнквист. И есть только одна сила, которая может поддерживать и то и другое, — это поселенцы. — Иезус Пьетро нажал кнопку.

Он не расслаблялся, пока ее не увели, и затем почувствовал себя полностью разбитым. Может, она заметила его вожделение? Ах, как это неприятно! Но, может, она решила, что он просто разозлился? Ну конечно, так и есть.

Полли вели по коридорам, когда она вдруг вспомнила о Мэте

Келлере. И величавая надменность, которую она демонстрировала перед конвоем, вдруг перешла в нежность. Почему Иезус Пьетро так интересуется им? Он даже не член Лиги. Может, он бежал?

Странно. Ей понравился Мэт. Он заинтересовал ее. И затем внезапно... Ему, должно быть, показалось, будто она бросила его. Впрочем, теперь дело не в этом. Но полиция должна была освободить его. Ведь он просто прикрытие для остальных.

Кастро. Почему он так говорил с нею? Может, потому, что она обречена на смерть? Ну что же, она постарается прожить подольше. Кастро очень хочет знать, кому и что она рассказала о Рамроботе 143. Никому. Но пусть Кастро помучается.

* * *

Девушка с любопытством разглядывала закругленные стены и потолок с осыпавшейся, обесцветившейся росписью, спиральные лестницы, коричневый ковер из искусственной травы. Она смотрела на пыль, которая поднималась из-под ног, проводила руками по коралловым стенам. Ее новый джемпер казался ярким пятном в полумраке заброшенного дома.

— Странно, — сказала она с акцентом.

Мужчина, обнимавший девушку за талию, обвел рукой вокруг себя.

— Они живут в таких домах, — сказал он с тем же акцентом.— Именно в таких. Их дома можно увидеть сверху, если лететь на каре к озеру.

Мэт улыбнулся, наблюдая, как они поднимаются по лестнице. Он никогда не видел двухэтажных коралловых домов. Их было очень сложно выращивать. Почему бы им не спуститься на Дельта Плато, если им хочется посмотреть, как живут колонисты?

Но зачем им это? Их жизнь гораздо интереснее.

Это очень странные люди. Их трудно понять — и не из-за странного акцента и не из-за того, что их слова не всегда совпадали по значению со словами колонистов. Даже лица у них были чужие: с широкими ноздрями и высокими скулами.

По сравнению с колонистами они выглядели хрупкими и слабыми, но зато грациозными и красивыми. Они двигались так, как будто мир принадлежал только им.

Брошенный дом разочаровал его. Он уже думал, что все потеряно, как вдруг сюда пришла эта парочка. Мужчина и девушка ходили по дому, осматривая его, как в музее. Если ему повезет, они пробудут здесь еще немного.

Мэт быстро выскользнул из своего убежища, схватил их корзину с едой и на цыпочках побежал к двери. Он знал, где можно надежно спрятаться.

С корзиной в руке он перескочил через низкую каменную стену. Там, над краем обрыва, был трехфутовый гранитный выступ. Мэт устроился под ним. Голова его была на дюйм ниже края гребня, а ноги всего в футе от пропасти. Он открыл корзинку.

Здесь было очень много еды, гораздо больше, чем нужно для двоих. Мэт съел все: суп в термосе, яйца, сэндвичи, зелень, горсть маслин. Затем он скинул корзину и полиэтиленовые мешочки в бездну, задумчиво проводив их взглядом.

* * *

Каждый может увидеть бесконечность, взглянув в ясное ночное небо. Не только на Лунитхэт можно увидеть бесконечность, глядя вниз.

Но, конечно, это не настоящая бесконечность. Да и в ночном небе тоже. Человек может увидеть только ближайшие галактики, однако это всего лишь ничтожная часть Вселенной.

Мэт глядел в бездну. Он видел, как уменьшается в размерах падающая корзина. Все меньше и меньше. Исчезла.

Полиэтиленовый мешочек. Исчез.

И снова ничего, кроме белого тумана.

Когда-нибудь в будущем это явление назовут Транс Плато. Это одна из форм автогинеза, хорошо известная жителям Плато. Он отличается от других типов гипноза тем, что в него может впасть любой, если будет смотреть слишком долго вниз.

Уже восемь часов Мэт не имел возможности отдохнуть. И теперь он решил не упускать случая.

Он вышел из прострации со странным ощущением, что прошло много времени. Он лежал на боку, свесив голову через край и глядя в невообразимый мрак бездны. Чувствовал себя он прекрасно.

Но лишь до тех пор, пока к нему не вернулась память.

Он поднялся и осторожно перелез через стену. Руки и ноги его дрожали, желудок превратился в пластиковый экспонат из класса биологии. Как он не свалился туда в забытье?

Он отошел от стены и остановился. В какой стороне больница?

Где-то слева возвышалось что-то темное, слабо светящееся по краю. Может, там?

Вскоре под ногами трава и земля сменились камнями. Триста лет люди не касались этих камней, хотя на всей остальной части Плато вырастили травы, деревья, кусты. Он стоял на вершине каменного гребня и смотрел вниз, на больницу.

Она была в полумиле от него и вся полыхала огнями. Вокруг больницы не было домов, ее окружало пустое пространство. Дома стояли не ближе, чем в полмиле от больницы. В потоке света Мэт увидел уже знакомый ему темный клин леса.

Прямая светлая линия тянулась от больницы к скоплению домов. Дорога.

Он мог добраться до леса, передвигаясь по окраине города. Под защитой деревьев он мог бы дойти до самой стены — но это было рискованно. Почему полиция оставила этот лес, хотя все остальное пространство вокруг больницы представляло собой каменную пустыню? В этом лесу, наверное, на каждом шагу датчики обнаружения.

Он пополз по каменной пустыне.

Ему приходилось часто останавливаться, чтобы перевести дух. Все-таки этот способ передвижения очень утомителен. Однако что ему делать, когда он попадет внутрь? Больница огромная, а он ничего не знает о ее внутренней структуре. Освещенные окна беспокоили его. Интересно, там когда-нибудь спят? Сверху смотрели звезды, яркие и холодные. Каждый раз, как он останавливался передохнуть, больница становилась все ближе.

А вот и стена, окружающая больницу,— гладкая, без единой трещины.

До нее было всего ярдов сто, когда он увидел провод, голый медный провод, натянутый в нескольких дюймах над землей. Мэт, стараясь не коснуться, осторожно перешагнул через него и тут же снова упал на землю.

До него донеслись звуки тревоги. Мэт замер и затем перепрыгнул провод одним прыжком, рухнул на землю и замер.

Глаза его были закрыты. Он ощутил слабое действие ультразвукового ступпера. Видимо, расстояние было велико. Он рискнул оглянуться. Четыре прожектора обшаривали каменистую пустыню, стараясь нащупать его. Полицейские стояли на стене.

Мэт отвернулся, боясь, что в темноте будет заметно его светлое лицо. Послышался свист пуль с усыпляющим веществом. Это были стеклянные ампулы, содержимое которых всасывалось в кровь. Конечно, они стреляли наугад, но скоро одна из пуль найдет его.

И вот луч света наткнулся на Мэта. Затем другой, третий.

Со стены донесся голос, усиленный громкоговорителем.

— Прекратить огонь, — свист пуль прекратился. Снова послышался голос, громоподобный, повелительный. — Вставай. Иди, а не сможешь — мы сами принесем тебя.

Мэту захотелось закопаться в землю, как кролику, но и кролик не смог бы спастись здесь, на голом камне.

Он встал, подняв руки.

Все было тихо.

Один из лучей прожектора ушел в сторону, затем и остальные. Они еще немного побродили по каменистой пустыне, выхватывая из тьмы причудливые каменные изваяния, а затем погасли один за другим.

Снова послышался голос громкоговорителя. Он звучал немного озадаченно.

— В чем дело? Кто поднял тревогу?

Другой голос, отчетливо слышимый в ночи, ответил:

— Не знаю, сэр.

— Может быть, кролик. Ну что ж, отбой.

Люди со стены исчезли. Мэт остался один с поднятыми вверх руками. Немного погодя, он опустил их и побрел прочь.

* * *

Полицейский был высокий и тощий, с длинным лицом без всякого выражения и маленьким ртом. Его форма не была бы чище или лучше выглажена, даже если бы он надел ее только что. Он сидел возле двери. Это был человек, обреченный полжизни провести в ожидании.

Каждые пятнадцать минут он должен был вставать и смотреть в гроб.

Вероятно, этот гроб был сделан для Гильгамеша и Поля Маньяна. Он был дубовый, по крайней мере снаружи. Восемь ротаметров, установленные на стенке гроба, казались здесь совершенно не к месту и создавали впечатление, что плотник, делавший гроб, был несколько не в себе. Длинноголовый человек должен был вставать время от времени и следить за ротаметрами. Ведь что-нибудь могло произойти. Тогда нужно было действовать. Но никогда ничего не происходило, и человек возвращался на свое место и снова ждал.

Проблема.

В мозгу Полли Турнквист хранится информация, которая нужна. Но как ее добыть?

Разум это тело, а тело это разум.

Химические препараты могут заставить ее сказать правду, но они могут и повредить ей. Можно было бы и рискнуть, но использование препаратов запрещено.

Пытки? Можно вырвать несколько ногтей и сломать несколько костей, но боль подействует на адреналиновые железы, а адреналин подействует на весь организм. Длительная боль может губительно отозваться на всем организме. А кроме того, пытки неэтичны сами по себе.

Дружеское убеждение? Можно предложить ей сделку. Подарить ей жизнь и безбедное существование за то, что он услышит от нее правду. Конечно, это было бы лучше всего. Но она не пойдет на это. Ты же знаешь это.

Значит, нужно дать ей полный покой.

Полли Турнквист стала единственной живой душой в пространстве, конечно, если можно было это назвать пространством. Ни

тепла, ни холода, ни голода, ни жажды, ни звука, ни давления, ни света, ни тьмы — ничего не было вокруг нее.

Она пыталась сосредоточиться на биении своего сердца, но даже, казалось, оно исчезло, настолько регулярными были удары. Мозг не мог регистрировать их. Аналогично обстояло дело и с тьмой: тьма была настолько равномерной перед ее тщательно забинтованными глазами, что она не могла ощущать ее. Напряжение мышц тоже не вызывало никакого противодействия, так как она была закутана во что-то чрезвычайно мягкое, и в нем тонули все микроскопические движения, на которые она была способна. Рот ее был приоткрыт. Она не могла ни открыть его шире, ни сомкнуть зубы из-за подушки из пенокаучука. Она не могла даже шевельнуть языком. У нее не было никакой возможности причинить себе боль. Абсолютный покой окутал ее своими мягкими складками и унес ее, беззвучно кричавшую, в ничто.

* * *

Что случилось?

Он сидел на вершине холма и смотрел на ярко освещенные окна больницы. Кулак его мягко постукивал по колену.

Что случилось? Они не видели меня или видели?

Он пошел прочь. Растерянный, беспомощный, он ожидал услышать громовой голос из громкоговорителя. И ничего не случилось, как будто они забыли о нем. Он шел прочь, ощущая спиной смерть, ожидая ощутить воздействие ультразвукового луча, или укол ампулы с усыпляющим веществом, или раскаты голоса офицера.

Постепенно он начал понимать, что они не интересуются им.

И тогда он побежал.

Сейчас он сидел и легкие его уже пришли в себя после бешеной работы в течение нескольких долгих минут, но сердце его все прыгало в груди. Может, оно никогда не успокоится. Он бежал, пока не рухнул в изнеможении здесь, на вершине холма. Но гнал его не страх перед банком органов. Он бежал от невозможного, от того, что не подчинялось известным ему законам природы. Как получилось, что он смог бежать из этой каменной пустыни смерти и никто не преследовал его? В этом была какая-то магия, и это пугало его, приводило в ужас.

Что-то нарушило законы природы и спасло ему жизнь. Он никогда не слышал ни о чем подобном, разве что о Демонах Тумана. Но Демоны Тумана это миф, сказка. Он уже вырос из того возраста, когда верят в сказки. Демонами Тумана пугают малышей. Старухи всегда рассказывают малышам об ужасных существах. Это древняя традиция, более древняя, чем история, возможно, такая же древняя, как само человечество.

Но никто не верит в Демонов Тумана.

Они видели меня и позволили мне уйти. Почему?

Может, у них какая-то своя цель. Как можно, заметив колониста у самых стен больницы, позволить ему уйти?

Может, банк органов полон? Но неужели у них нет места, чтобы держать пленника, пока не придет его время?

Но, может, они подумали, что он поселенец? Да, наверное, так оно и есть. Кто еще может оказаться на Альфа Плато? Но тогда кто-то должен был выйти и допросить его.

Мэт в возбуждении расхаживал по холму. У него кружилась голова. Он был так близок к смерти, но спасся. Кто спас его? И почему? Что ему делать дальше? Вернуться и дать им еще один шанс? Пойти на мост Альфа-Бета и надеяться на то, что никто не заметит, как он пройдет? Перелететь через утесы, махая руками, как крыльями?

Самое ужасное, что он не знает, что же произошло. Магия. Магия. Худ говорил что-то о магии.

Да нет, не о магии. О чем-то другом. О какой-то психической энергии. А Мэт в это время не сводил глаз с Полли и не мог вспомнить теперь, что говорил Худ.

Жаль. Ведь это его единственный выход. Осталось только предположить, что он обладает психической энергией, хотя понятия не имеет, что это такое и в чем это выражается. Но по крайней мере, это в какой-то степени может объяснить, что же случилось.

— Я обладаю психической энергией, — вслух произнес Мэт. Голос его прозвучал громко и отчетливо в ночном воздухе.

Прекрасно, ну так что?

Если Худ что-либо и говорил о природе психической энергии, то Мэт ничего не мог вспомнить. Но идею о перелете через утесы Альфа-Беты он должен был отбросить. Летать он не мог, несмотря на психическую энергию.

Нет, нужно обязательно поговорить с Худом.

Но Худ в больнице. И может, уже мертв.

Тогда...

* * *

Мэту было одиннадцать лет, когда дед принес домой две игрушки. Это были миниатюрные модели автомобилей, и они светились в темноте. Мэт и Джен полюбили их с первого взгляда и навсегда.

Однажды они оставили игрушки в шкафу на несколько часов, надеясь, что они будут ярче светиться. Но когда Джен открыла шкаф, то увидела, что они совсем потухли.

Джен разрыдалась, а реакция Мэта была совсем другой. Если мрак лишил игрушки их могущества...

Тогда он положил их под лампу и оставил на час. Когда он включил свет, машинки засветились в темноте, как две маленькие голубые лампочки.

* * *

Небольшое облако плыло по ночному небу, пряча звезды. В городе постепенно погасли огни, только больница оставалась ярко освещенной. Плато засыпало, погружаясь в глубокую тишину.

Ну что же... нужно попытаться пробраться в больницу. Его обнаружили тогда. Но когда он стоял в свете прожекторов, они почему-то не видели его, не могли видеть. Причина этого оставалась для него тайной, но он был уверен, что так оно и было.

Он решил рискнуть. И пошел.

Вообще-то ему нужно было бы одеться во что-нибудь яркое — голубая рубашка с оранжевым свитером, зеленые брюки, алая кепочка с буквой «С» в желтом треугольнике... и роговые очки? Впрочем, это неважно, Мэт решил идти как есть.

Он шел по краю пустынной равнины, пока не добрался до домов. Теперь путь его лежал вдоль темной улицы. Странные дома окружали его. Хотелось бы посмотреть на них днем. Что за люди живут в них? Беспечные, веселые, вечно юные и здоровые... хорошо быть одним из них...

Однако он заметил одну любопытную закономерность. Все дома в этом городе были разными: они отличались и по форме, и по цвету, и по стилю, и по строительному материалу. Но в одном они были схожи. Их фасады смотрели в сторону от больницы, как будто она внушала им ужас.

Впереди показались огни, и Мэт ускорил шаг. Он шел уже минут тридцать. Да, это была дорога, ярко освещенная двумя рядами фонарей.

Мэт вступил на освещенную полосу дороги и направился к больнице.

Снова он ощутил всем телом присутствие смерти. Впереди его ждала опасность. Банк органов внушал ужас всем жителям планеты: это была жуткая смерть, но Мэт боялся чего-то более страшного.

Люди, которые выходили из больницы, много рассказывали о ней. Таких людей было мало, но они были и они говорили. Так что Мэт вполне мог представить, что ждет его впереди.

Они заметят его, затем в его тело вонзятся усыпляющие пули, и его тело на носилках внесут в больницу. А когда он проснется, то у него состоится первый и последний разговор с Кастро. Горящие глаза главы полиции вонзятся в Мэта.

— Келлер, да? Помню, мы упустили твоего дядю. А, Келлер!

Ты шел сюда, как поселенец с приглашением. Интересно, о чем ты думал при этом, Келлер?

Что же он ответит на это?

Глава пятая

Больница

Во сне Иезус Пьетро выглядел лет на десять старше. То, что спасало его днем — прямая спина, тугие мышцы, каменные черты лица, — во сне все расслаблялось. Пронзительные голубые глаза были закрыты, обычно тщательно причесанные волосы — растрепаны, и под ними просвечивала лысина, которую он днем скрывал. Он спал один, отделенный от жены никогда не запиравшейся дверью, он ворочался во сне, сон его был очень неспокоен, а иногда у него бывала бессонница, и он лежал целыми ночами, глядя в потолок. Поэтому Надя спала в отдельной комнате. Но этой ночью он спал спокойно.

Ему вполне можно было бы дать тридцать лет. Несмотря на стареющую кожу он был в хорошей физической форме. У него было ровное дыхание, благодаря пересаженному легкому, мышцы под морщинистой кожей и жировой прослойкой были тверды, пищеварение в норме. Великолепные зубы, правда, переставленные. Дайте ему новую кожу, новые волосы на голове, новую печень, замените некоторые кишки...

Но для этого нужно специальное постановление конгресса поселенцев. Если ему предложат пересадку, он согласится, но сам за это бороться не будет. Трансплантация была привилегией исключительно поселенцев, колонистов ею награждали лишь за выдающиеся заслуги. А Иезус Пьетро... нет, он не был слишком щепетилен, но с неохотой думал о пересадке органов. Ему не хотелось жить с органами какого-то незнакомого человека. Ему казалось, что при этом он теряет свое я. И только страх смерти заставил его несколько лет назад пересадить себе легкое.

Он спал спокойно.

И все события проходили у него перед глазами.

Снимки Полли Турнквист. Кто-то позапрошлой ночью выскользнул из его сети. А вчера от него сбежал Келлер. Какое-то странное ощущение, вернее, пока подозрение, что груз рамробота 143 имеет гораздо более важное значение, чем полагают поселенцы. Черт побери, простыни все сбились в кучу. И одеяло слишком тяжелое. К тому же он забыл почистить зубы на ночь. Келлер, падающий вниз, в бездну, в ядовитый туман. Может, это он вернулся, чтобы преследовать его, мучить его кошмарами?

Шум откуда-то с улицы. Слабый шум, который разбудил его

и который до сих пор еще не получил объяснения. Его похотливое желание по отношению к девушке и последовавшее за этим чувство вины. Он даже захотел использовать препарат, который бы заставил пленную девушку ощутить влечение к нему. Прелюбодеяние! Страшный грех!

Искушение. Беглецы. Горячие измятые простыни.

Иезус Пьетро снова проснулся.

Он лежал на спине, сложив руки и глядя в потолок. Бесполезно бороться с бессонницей. Вчера он нарушил свое расписание: позавтракал в двенадцать тридцать. Но почему он все время думает о Келлере?

Иезус Пьетро повернулся к телефону.

Незнакомый голос ответил:

— Больница, сэр. Ночной дежурный.

— Что случилось в больнице, сержант?

Вопрос был самым обычным. Иезус Пьетро задавал его каждое утро уже много лет.

— Позвольте мне взглянуть в журнал. Вы ушли в семь, сэр. В семь тридцать майор Янсен приказал освободить тех из заключенных, у кого не было в ухе микрофона. Майор Янсен ушел в девять. В десять тридцать сержант Гелиос доложил, что все освобожденные доставлены по домам. Мммм...— шелест бумаги. — Все, кто подозревается в измене, находятся под стражей. Гроб с девушкой функционирует нормально. Произошла ложная тревога в двенадцать ноль восемь, вызванная кроликом, который пересек линию. На полосе не было обнаружено ничего подозрительного.

— Почему вы думаете, что это был кролик?

— Сейчас я узнаю у дежурных по стене.

— Не нужно. Они сами не знают. — Иезус Пьетро отключился и снова лег на спину. Он стал ждать прихода сна.

Мысли его снова потекли...

...Он не был у Нади уже довольно долго. Может, начать уколы тестерона? Он поморщился при этой мысли.

...Кролик.

— А почему нет? Из леса.

Иезус Пьетро повернулся на бок.

...Как может кролик оказаться в лесу, где полно ловушек?

...Как может оказаться в лесу живое существо большее, чем мышь?

Что может кролик делать на Альфа Плато? Что он будет есть здесь?

Иезус Пьетро выругался и снова взялся за телефон. Сержант ответил, и Пьетро заговорил:

— Прими приказ. Я хочу, чтобы завтра был обыскан весь лес. Если там найдется что-либо большее, чем крыса, немедленно доложить мне.

— Да, сэр.
— Кстати, где была тревога ночью?
— Сейчас взгляну. Да, в Шестом секторе, сэр.
— В Шестом? Но это же далеко от леса.
— Да, сэр.

Иезус Пьетро попрощался и повесил трубку. Завтра лес обыщут. Полиция совсем обленилась, решил Пьетро. С этим нужно что-то делать.

* * *

Стена была наклонена наружу — двенадцать футов бетона, обмотанного колючей проволокой. Ворота тоже были наклонены под тем же углом — градусов двенадцать к вертикали. Ворота были тяжелыми, металлическими, они вдвигались в бетонную стену толщиной в двенадцать футов. Ворота были закрыты. Прожектора освещали верхний край стены и ворот.

Мэт стоял под стеной, глядя вверх. Да, через стену ему не перебраться. Если его увидят, то, конечно, откроют ворота... но они не должны увидеть его.

И пока еще не видели. Цель его логических рассуждений оказалась верной. Если нечто, что светится в темноте, прекращает светиться, нужно подержать это на свету. Если автомобиль с трудом взберется в гору, то он поедет быстро, если его пустить с горы. Если полицейские видели тебя, когда ты прятался, но не замечали, когда ты стоял у всех на виду, то они совсем не увидят тебя, если ты пойдешь не скрываясь по ярко освещенной дороге.

Но логика на этом и кончилась.

Мэт повернулся спиной к стене. Он стоял под нависающими железными воротами и смотрел вдоль дороги на город. Там уже погасли почти все огни. Плато было черно вплоть до усыпанного звездами горизонта. Справа звезды были как будто в дымке. Мэт знал, что это туман над бездной.

И затем что-то толкнуло его. Он не пытался объяснить, что именно, даже самому себе.

Он откашлялся.

— Что-то помогает мне, — сказал он громко. — Я это знаю. Мне нужна помощь, чтобы пройти в ворота. Мне нужно попасть в больницу.

Из-за стены донеслись звуки: шум шагов, голоса. Самые обычные звуки. Они не имели к Мэту никакого отношения.

А здесь, снаружи, не изменилось ничего.

— Помоги мне, — молил он кого-то или что-то. Он не знал, кого и что. Он не знал ничего.

На Плато религия не существовала.

Но вдруг Мэт осознал, что есть только один способ попасть внутрь. Он сошел с дороги и начал искать что-нибудь подходящее. Вот оно! Обломок бетонной плиты, грязный и неровный. Мэт подошел к воротам и начала барабанить в них.

— Кланг! Кланг! Кланг!

Над стеной появилась голова.

— Прекрати, ты, ублюдок!

— Пустите меня.

Голова оставалась над стеной.

— Ты колонист?

— Верно.

— Не двигайся. Стой смирно! — Человек поговорил с кем-то. Появились обе руки над стеной, в одной был пистолет, в другой — телефонная трубка.

— Хэлло, хэлло! Отвечайте, черт побери!.. Уатт? Говорит Хобарт. Какой-то идиот колонист подошел к воротам и барабанит в них. Что он хочет? Ол-райт, сейчас спрошу.

Голова посмотрела вниз.

— Ты хочешь войти?

— Да.

— Он говорит, что хочет войти. Почему он решил прийти сюда? А, ясно, Уатт. Я просто немного растерялся. Ведь такое случилось впервые.

Дежурный повесил трубку. Голова его и пистолет продолжали смотреть на Мэта. Немного погодя ворота бесшумно скользнули в стены.

— Заходи, — сказал дежурный. — Держи руки на голове.

Мэт вошел. Дежурный опустился к нему по лесенке.

— Иди вперед. Там, где огни, главный вход, видишь? Иди туда.

Главный вход было трудно не заметить. К огромной бронзовой двери вела широкая лестница с мелкими ступенями. По обеим сторонам двери стояли гигантские дорические колонны. И лестница и колонны были сделаны из мрамора или из полимерного заменителя.

— Не оборачивайся, — рявкнул дежурный. Голос его дрожал.

Когда они подошли к двери, дежурный достал свисток и свистнул. Дверь бесшумно открылась. Мэт вошел.

И только теперь дежурный расслабился.

— Что тебе нужно здесь? — спросил он более спокойно.

Страхи Мэта вернулись к нему. Он был Тут. Эти коридоры и есть больница. До этого момента он не думал. Если бы он мог, он бы побежал. Вокруг него были стены и на окнах толстые металлические решетки. Кое-где были двери, но все закрытые. Незнакомый запах висел в воздухе.

— Я спросил, что тебе...

— Я хочу, чтобы меня судили.

— Не пачкай мне мозги! Какой суд? Я обнаружил тебя на Альфа Плато. Это преступление.

Тебя посадят в вивариум, пока ты не понадобишься, а потом тебя заморозят и препарируют. Ты никогда больше не проснешься. — Это звучало так, как будто дежурный смаковал свои слова.

Голова Мэта дернулась. В его глазах был написан ужас. Дежурный отпрыгнул назад при резком движении Мэта. Маленькое дуло пистолета смотрело прямо на Мэта. Он был заряжен ампулами с усыпляющим препаратом. Мэт почувствовал, что сейчас раздастся выстрел.

Они отнесут его бессознательное тело в вивариум. И он там уже не проснется. Они препарируют его во сне. Сейчас протекают последние мгновения его жизни...

Пистолет опустился. Лицо дежурного внезапно выразило крайнюю растерянность. Он почти обезумел. Он дикими глазами осмотрелся вокруг, посмотрел на стены, на двери, на пистолет в своей руке, посмотрел на все, кроме Мэта. Вдруг он резко повернулся и побежал.

Мэт слышал его удаляющийся голос.

— О, Демоны Тумана! Я же должен быть у ворот!

* * *

В час тридцать пришел другой офицер, чтобы сменить дежурного у гроба Полли.

Униформа у нового дежурного не была так идеально выглажена, как у первого, но сам он выглядел гораздо лучше. Мышцы его были хорошо тренированы и даже в такой поздний час он выглядел свежим и отдохнувшим. Он подождал, пока длинноголовый уйдет, а затем осмотрел трубки и ротаметры.

Он методически двигался вдоль приборов, занося показания в записную книжку. Затем он отвернул крышку и оттянул ресницы, стараясь не повредить их.

Фигура в гробу не двигалась. Она была закутана, как мумия, в мягкую невесомую ткань. Рот и нос были заткнуты, однако оставались отверстия для дыхания. Уши тоже заткнуты. Руки вытянуты вдоль туловища.

Офицер долго смотрел на нее. Затем он повернулся и прислушался. Кажется, все тихо. Никаких шагов не слышно в коридоре.

Офицер освободил уши от пенокаучуковых пластин и мягко сказал:

— Не бойся. Я твой друг. Я хочу сделать так, чтобы ты поспала.

Он освободил из-под ткани руку Полли, достал пистолет и вы-

стрелил ей в кожу. С полдесятка красных пятнышек выступили на руке, но девушка не шевельнулась. Он даже не был уверен, слышала ли она его слова и чувствовала ли уколы игл.

Затем он закрыл ей веки и привел все в порядок.

Закрыв крышку гроба, он достал записную книжку и установил все приборы на те значения, что были до того, как он открыл гроб.

Теперь все приборы лгали. Они говорили о том, что Полли Турнквист бодрствует, но лежит без движения. Они говорили, что она постепенно сходит с ума. А на самом деле Полли Турнквист спала. И она будет спать все восемь часов, в течение которых будет дежурить Лорен.

Лорен вытер лицо и сел. Ему очень не хотелось подвергаться такому риску, но это было необходимо. Вероятно, девушка что-то знает, иначе она не была бы здесь. Теперь она сможет продержаться на восемь часов дольше.

* * *

Человек, которого внесли в операционную банка органов, был без сознания. Это был тот самый юноша, которого Иезус Пьетро допрашивал днем. Пьетро с ним покончил — юноша был обречен, хотя он по закону еще считался живым. Но это пустая формальность, не более.

Операционная была огромна. Вдоль длинной стены стояло двадцать шкафов на колесах, в которых хранилась медицинская аппаратура. Шкафы можно было перевозить с места на место. Спокойные доктора работали над операционными столами, этих здесь было очень много. Здесь же находились холодные ванны, жидкость в которых поддерживалась при температуре десять градусов по Фаренгейту. Возле двери стоял двадцатигаллонный бак с жидкостью соломенного цвета.

Два служащих ввезли подозреваемого в операционную, и один из них тут же вогнал в его руку целую пинту жидкости из бака. Затем его повезли к одному из столов, рядом с которым стояла холодная ванна. Подошла женщина и натянула дыхательную маску на лицо человека. Служащие наклонили стол. Юноша соскользнул в ванну без всплеска.

— Это последний, — сказал один. — Фу, я совсем валюсь с ног.

Женщина посмотрела на него с участием, которое, может быть, выражал ее рот под маской, но не глаза. Глаза были лишены всякого выражения. По голосу служащего было ясно, что тот находился в крайней степени истощения.

— Вы оба можете идти, — сказала она. — Поспите до завтра. Ваша помощь больше не нужна.

Когда они покончат с этим, банк органов будет полон. По за-

кону юноша был еще жив. Но температура его тела падала быстро, удары сердца замедлялись. Постепенно сердце остановилось. Температура тела продолжала падать. Через два часа она будет ниже точки замерзания, но жидкость соломенного цвета в его венах не позволит замерзнуть крови.

И по закону он будет еще считаться живым. Заключенных, которых хранили в таком состоянии, еще можно было оживить без всяких последствий для здоровья, хотя все последующие дни их жизни будут наполнены ужасом воспоминаний.

Теперь тело юноши подняли на операционный стол. Его череп был вскрыт. Разрез сделали по шее, разрезав спинной мозг как раз у основания головного мозга. Затем мозг извлекли, чрезвычайно осторожно, чтобы не повредить мембраны. До этого момента доктора действовали с крайней почтительностью: ведь это был человеческий мозг. Но с этого момента человек был мертв уже по всем законам.

Затем мозг сожгли и потом сложили в урну для захоронения. После этого сняли его кожу. Всю работу делали машины, однако машины не могли действовать без контроля человека. Доктора работали так, как будто они решали очень сложную, требующую терпения и аккуратности, головоломку. Каждая часть была помещена в особый бак с физиологическим раствором. Затем были проведены разнообразные анализы. Все-таки операция трансплантации никогда не была простой. Тело пациента могло отторгнуть чужеродные органы. Когда все тесты на биохимические реакции были закончены, все данные по каждому органу зарегистрированы, баки поместили в банк органов.

* * *

Мэт заблудился. Он бродил по коридорам, отыскивая дверь с табличкой «Вивариум». На некоторых дверях были надписи, на других — нет. Больница была огромна. Могло случиться так, что он будет блуждать здесь целые недели, пока не найдет этот вивариум, о котором упомянул дежурный у ворот.

Изредка ему в коридорах встречались люди — один в полицейской форме, другие в белых халатах и масках. Мэт прижимался к стене и стоял неподвижно. Никто не заметил его. Странная невидимость хорошо укрывала его.

Но он так ничего и не нашел.

Карта, вот что ему нужно.

Некоторые из этих дверей вели в офисы. Там наверняка можно найти карту. Возможно, она вделана в стену или в стол. Все-таки Больница была так велика, а коридоры так запутаны... вот дверь с надписью: «Посторонним вход воспрещен». Может быть...

Он открыл дверь и замер на пороге, потрясенный до глубины души.

Стеклянные сосуды заполняли все пространство комнаты от пола до потолка. Стеллажи с ними стояли, как книжные шкафы в библиотеке. В первый момент Мэт не понял, что находится в сосудах. Но по асимметричной форме содержимого, по темно-красному цвету нетрудно было догадаться.

Мэт вошел в комнату. Он потерял контроль над ногами, и они несли его сами. Эти темно-красные предметы, эти прозрачные пленки, эти округлые очертания... Да, это все части человеческих тел. И на сосудах надписи, как эпитафии:

Тип АБ, РМ, содержание глюкозы... РД...

Тироид Гланд, мужской. Класс С2, ПН, В1, сверхактивен для тела весом менее...

Левый хумерус, тип Марроу О, РМ, И, 0,2, Длина... Следует учесть: перед использованием в глазницах провести испытания.

Мэт закрыл глаза и прижался горячим лбом к одному из сосудов. Поверхность стекла была холодной, и это привело его в чувство. Он всегда был слишком чувствителен. Ему сейчас требовалось время, чтобы оплакать этих незнакомцев. Спасибо Демонам Тумана, что они незнакомцы.

Поджелудочная железа. Классы Ф, 4, пр.21, тенденция к диабету. Использовать только железы секреции, не трансплантировать.

Дверь открылась.

Мэт скользнул за один из сосудов и стал наблюдать из своего убежища. Женщина в халате и маске что-то вкатила. Мэт видел, что она переложила что-то с тележки в сосуды.

Кто-то только что умер.

Женщина в маске — это чудовище. Если бы у нее под маской были ядовитые клыки, Мэт и то не боялся бы ее больше, чем сейчас.

Через открытую дверь послышались голоса.

— Нам больше не нужны сухожилия. — Голос женщины оказался высоким, почти пронзительным. Она произносила слова с акцентом, как поселянка.

Саркастический мужской голос ответил:

— Так что нам делать, выбросить их?

— А почему нет?

Секунда тишины. Женщина с тележкой закончила свою работу и двинулась к двери. Затем:

— Мне никогда это не нравилось. Человек умирает, чтобы дать нам здоровье, живые связки и сухожилия. А ты хочешь, чтобы мы выбросили их, как... — закрывающаяся дверь оборвала фразу.

— Как объедки с пира хищников, — закончил фразу Мэт.

Он повернулся к двери, где заметил сосуды, не похожие на остальные. Их было четыре, и все они стояли возле двери. В сосу-

дах находились какие-то механизмы, качающие воздух. В ближайшем сосуде было шесть маленьких человеческих сердец. Ну конечно, это сердца. Они бились. Маленькие, не больше детского кулака. Мэт коснулся стенки сосуда. Теплая. В другом сосуде находились печени. Маленькие, совсем маленькие.

Одним прыжком Мэт выскочил в коридор. Он прижался к стене. Плечи его вздрагивали, он стонал, в глазах все еще стояли эти маленькие сердца, эти маленькие печени...

Кто-то вышел из-за поворота и остановился.

Мэт повернулся и увидел большого толстого человека в полицейской форме. Мэт с трудом произнес:

— Где вивариум? — Голос его был сдавлен, но слова вполне разборчивы.

Человек посмотрел на него, затем взмахнул рукой.

— Иди направо и дойдешь до лестницы. Поднимешься на один этаж, затем направо и потом налево. Увидишь табличку. Большая дверь с лампой над ней. Ты не пропусти ее.

— Благодарю, — Мэт повернулся, чтобы идти. Живот у него страшно болел, руки дрожали. Ему очень хотелось упасть прямо здесь, но он заставлял себя идти.

Что-то кольнуло его руку.

Мэт повернулся и поднял руку. Боль от укола уже исчезла, но рука онемела и стала всего лишь куском мяса. На кисти появились следы красных уколов.

Большой человек смотрел на Мэта с явным любопытством. В руке его был пистолет.

Галактика бешено закружилась в глазах Мэта.

Капрал Халли Фокс посмотрел, как падает колонист, затем вложил пистолет в кобуру. Куда катится мир? Сначала эта смехотворная таинственность вокруг рамробота, затем две сотни пленников за один вечер, так что весь персонал больницы сбился с ног. И вот теперь! Колонист бродит по коридорам больницы и спрашивает, где находится вивариум!

Ну что же, он его найдет. Халли Фокс поднял колониста, взвалил на плечи, кряхтя от усилий. Доложи и забудь об этом. Он поправил свою ношу и направился к лестнице.

Глава шестая

Вивариум

На рассвете острые вершины утесов Маунт Лунитхэт плавали в море тумана. Те, кто вышел в это время на улицу, увидели, что небо из черного превратилось в серое. Туман не был ядовитым, как

в бездне. Это был всего лишь толстый слой водяного пара, такого густого, что для тех, кто в это время вышел на улицу, дома их совершенно исчезли в тумане. Люди ходили и работали в маленькой вселенной в десять ярдов диаметром.

В семь часов утра отряды полицейских направились в лес. Лучи прожекторов со стен пронизывали весь лес насквозь. Полицейские, дежурившие ночью, ушли домой, а те, что сменили их, не имели понятия, кого им искать в лесу. Некоторые думали, что ищут колонистов.

В девять часов все отряды встретились посреди леса, недоуменно пожали плечами и покинули его. Ни человека, ни крупного животного они там не обнаружили. Тем не менее четыре кара поднялись в воздух и несколько раз прошлись над лесом, опыляя его ядохимикатами.

В девять тридцать...

* * *

Иезус Пьетро разрезал грейпфрут на две части и выдавил одну половину в стакан. — Нашли они кролика? — спросил он.

Майор Янсен задержал руку с чашкой кофе, не донеся ее до губ.

— Нет, сэр. Но они нашли колониста.

— В лесу?

— Нет, сэр. Он барабанил в ворота камнем. Дежурный впустил его в больницу, но затем все стало как-то непонятно...

— Янсен, мне уже непонятно. Зачем этот человек стучал в ворота? — Ужасная мысль пришла к нему. — Это поселенец?

— Нет, сэр. Это Мэтью Келлер. Абсолютно точно.

Грейпфрут выскользнул из рук Пьетро.

— Келлер?

— Да.

— Тогда кто же был в каре?

— Думаю, мы этого никогда не узнаем, сэр. Может, вызвать добровольцев, которые решатся осмотреть тело?

Иезус Пьетро хохотал громко и долго. Янсен был чистокровный колонист, но весь его род так долго служил поселенцам, что теперь Янсен во всем походил на поселенца. Он никогда не шутил со своими начальниками на людях, но наедине мог себе это позволить.

— Я давно думаю, как бы мне встряхнуть полицию, — сказал Иезус Пьетро. — Это был бы для них неплохой урок. Ладно. Значит, пришел Келлер и стал барабанить в ворота камнем?

— Да, сэр. Дежурный позвонил Уатту и повел задержанного. Уатт подождал с полчаса и затем позвонил дежурному. Тот не мог вспомнить, что же случилось с того момента, как они вошли в

больницу. Он вернулся на свой пост и ничего не мог сказать вразумительного. Конечно, он должен был обо всем доложить Уатту, но не сделал этого, и Уатт посадил его под арест.

— Уатт не должен был ждать полчаса. Где был Келлер потом?

— Капрал Фокс нашел его у двери в банк органов, выстрелил в него капсулами и притащил в вивариум.

— Значит, и дежурный и Келлер ждут нас. Прекрасно. Мне не уснуть больше никогда, пока я не выясню все. — И Иезус Пьетро поспешно закончил завтрак.

Затем ему показалось, что тайна гораздо глубже, чем он полагает. В конце концов, как Келлер добрался до Альфа Плато? Охранники не пустили бы его через мост.

На каре? Но единственный кар, замешанный в это дело...

* * *

Хобарт был перепуган. Он был перепуган точно так же, как и любой другой подозреваемый на его месте. Хобарт и не скрывал своего страха.

— Я не знаю! Я привел его в больницу. Я шел позади, чтобы он не мог прыгнуть на меня...

— И он не прыгнул?

— Я ничего не помню.

— Может, удар по голове вызвал у тебя амнезию. Сиди спокойно. — Иезус Пьетро обошел Хобарта и тщательно ощупал его голову. Ни шишек, ни ссадин. — У тебя голова не болит?

— Я хорошо чувствую себя.

— Хорошо. Вы вошли в больницу. Ты говорил с ним?

Хобарт кивнул седой головой.

— Я только хотел узнать, почему он стучался в ворота. Он не сказал.

— А потом?

— Я внезапно... Я... — Хобарт остановился, судорожно глотая слюну.

Иезус Пьетро терял терпение.

— Ну?

Хобарт заплакал.

— Прекрати. Ты начал что-то говорить. Говори.

— Я... внезапно вспомнил, что... должен быть у ворот.

— А Келлер?

— Кто?

— Как насчет твоего пленника?

— Я не помню!

— А, пошел вон! — Иезус Пьетро нажал кнопку. — Заберите его обратно в вивариум и дайте мне Келлера.

* * *

Вверх по ступеням, затем направо, а потом налево.

Вивариум. За огромными дверями находился зал с большим количеством кушеток. Все, кроме двух, были заняты. Здесь было девяносто восемь пленников всех возрастов, от пятнадцати до пятидесяти восьми лет, и все спали. На голове каждого было надето какое-то устройство. Все спали спокойно, более спокойно, чем в обычном сне. Они дышали глубоко и ровно, лица были безмятежны, их не мучили кошмары. Да, в этом зале спали все.

Даже охранник клевал носом. Он сидел в удобном кресле. Двойной подбородок свешивался на грудь, руки сложены на животе.

Более четырех сотен лет назад, в середине 19 века, в России появился человек, умевший усыплять людей. И у него это иногда получалось. Но сейчас, в двадцать четвертом веке, этим искусством владели все.

Возьмите три электрода, легких электрода. Теперь закройте глаза, приложите два электрода к векам, а третий к основанию головы — к затылку. Пропустите слабый пульсирующий ток через мозг. Если через два часа выключить ток, то окажется, что этот принудительный сон был равносилен нормальному восьмичасовому сну.

А если не отключать ток? Прекрасно. Это не повредит спящему. Он будет спать. Он будет спать, независимо от того, что происходит вокруг него. Его можно будить, чтобы он поел, попил, размялся. Если вы не хотите, чтобы спящий жил долго, можно исключить разминку.

Но эти пленники долго в вивариуме не оставались.

За дверью послышались тяжелые шаги. Охранник насторожился. Когда дверь открылась, он уже был весь внимание.

— Садись сюда, — сказал один из сопровождающих Хобарта. Хобарт сел. Лицо его было заплакано. Он сам надел на голову устройство, лег и заснул. Лицо его сразу стало умиротворенным. Охранник спросил:

— Где Келлер?

Дежурный посмотрел в книгу записи.

— Девяносто восьмой.

— О'кей. — Человек подошел к стенной панели и нажал кнопку под номером девяносто восемь. Когда Келлер зашевелился, они подошли к нему, чтобы надеть наручники, затем они сняли с его головы аппарат.

Глаза Мэта открылись.

Охранники заученным движением ловко поставили его на ноги.

— Иди за нами, — сказал один. Растерянный Мэт почувствовал, как его тащат за руки. Вскоре они уже были в коридоре. Мэт успел

бросить один взгляд назад до того, как дверь за ним закрылась.

— Подождите, — сказал он, упираясь.

— Тебе хотят задать несколько вопросов. Смотри, если ты не захочешь идти, мы понесем тебя.

Угроза подействовала. Мэт перестал сопротивляться. Он предполагал проснуться мертвым, и эти первые мгновения пробуждения повергли его в растерянность. К тому же кто-то проявляет к нему интерес.

— Кто хочет видеть меня?

— Джентльмен по имени Кастро. — Бросил один из полицейских. Диалог происходил самый обычный. Любого пленника имя Кастро приводило в состояние прострации, парализовало мозг. Если этот тип имеет мозги, то он использует время, пока они идут, чтобы приготовиться к беседе. Охранники так долго служили здесь, что все пленники им казались на одно лицо.

Кастро. Это имя эхом отозвалось в мозгу Келлера.

Зачем ты пришел сюда, Келлер? Ты пришел в больницу, как будто тебя приглашали сюда. Ты думаешь, что обладаешь тайным могучим оружием? О чем ты думал, когда шел сюда, Келлер? О чем ты думал...

И вот уже пленник снова идет между охранниками, охваченный ужасом. Но вот он дернулся назад, как рыба на леске. Охранники мгновенно напряглись и взглянули на пленника с негодованием. Один сказал:

— Идиот!

Другой вытащил пистолет.

Они стояли, глядя друг на друга в замешательстве. Пистолет опустился вниз. Мэт снова дернулся. Один из охранников в изумлении посмотрел на свою кисть, затем достал ключ и открыл наручник на своей руке.

Мэт теперь был прикован только к руке второго охранника. Он повис на наручнике всей тяжестью. Охранник зарычал и дернул свою руку. Мэт упал на него, случайно ударив его в живот. Охранник взмахнул рукой и попал прямо в челюсть Мэту. Затем он тоже вынул ключ и отомкнул наручник. Глаза у него были очень странными.

Мэт отскочил назад с наручниками, болтавшимися у него на руках. Охранники смотрели, но не на него, а в его сторону. С их глазами было что-то странное. Мэт попытался вспомнить, где же он видел такие глаза? Может, у дежурного возле ворот?

Охранники повернулись и пошли прочь.

Мэт покачал головой, скорее от удивления, чем от радости, и пошел обратно туда, откуда пришел. Вот и дверь вивариума. Мэт, когда выходил оттуда, обернулся назад. Он был уверен, что видел Харри Кэйна.

Дверь оказалась запертой.

Мэт поднял ладони, в нерешительности постоял, а затем трижды ударил в дверь. Она открылась сразу. Круглое невыразительное лицо выглянуло, и тут же на нем появилось выражение крайнего удивления. Дверь начала закрываться, но Мэт налег на нее и открыл.

Толстый охранник с луноподобным лицом решительно не знал, что ему делать. Мэт был милостив к нему. Он ударил в двойной подбородок. Охранник не упал, и Мэт ударил снова. Охранник потянулся за пистолетом, но Мэт перехватил его руку и ударил еще раз. Тот повалился на пол.

Мэт забрал пистолет и сунул себе в карман. Рука его болела. Он потер рукой челюсть, которая тоже болела, и пробежал глазами по рядам спящих. Вот Лейни! Лейни! Лицо ее побледнело, царапина пробежала от виска к подбородку, в волосах цвета заката спрятался усыпляющий аппарат. Тяжелые груди двигались еле заметно в такт дыханию. А вот и Худ. Во сне он был похож на ребенка. И вдруг какое-то теплое чувство родилось в душе Келлера. Он так долго был наедине со смертью. Вот тот высокий человек, который уговорил его стать барменом. В тот вечер! Это был Харри Кэйн, сильный и могучий даже во сне.

Полли здесь не было.

Мэт еще раз внимательно осмотрел всех, но не обнаружил ее.

Где же она? И тут же в памяти всплыли стеклянные сосуды в банке органов. Он вспомнил сосуды с человеческой кожей, сосуды с волосами — длинными и короткими, светлыми, темными и рыжими, волосами, которые колыхало легкое движение холодной жидкости в сосудах. Он не мог вспомнить, какого цвета были волосы у Полли. Может, их не было в тех сосудах. Он не мог сказать этого с уверенностью.

Он снова осмотрелся вокруг. Панель с кнопками? Он нажал одну кнопку. Кнопка с легкостью подалась. Но больше ничего не случилось.

Тогда он начал нажимать все кнопки — одну за другой, ряд за рядом. Когда он дошел до шестидесятой кнопки, он услышал движение.

Спящие просыпались.

Мэт нажал остальные кнопки. Шум пробуждения становился громче: заспанные, сонные голоса, кашель, и затем восклицания, когда проснувшиеся начали понимать, где они находятся. Послышался чей-то голос:

— Мэт? Мэт?

— Я здесь, Лейни!

Она пробивалась через ряды сонных людей, поднимавшихся со своих диванов. И вот они уже сжали друг друга в объятиях так

крепко, как будто боялись, что внезапный вихрь унесет их друг от друга. Мэт внезапно ощутил, что ноги у него дрожат от слабости. — Значит, ты не сделала то, что хотела?

— Мэт, где мы? Я хотела броситься в пропасть...

Раздался чей-то крик.

— Мы в вивариуме. — Голос, как лезвие топора, прорезал нестройный шум голосов. Это был голос Харри Кэйна, который снова принял на себя роль лидера.

— Правильно, — сказал Мэт как можно спокойнее.

Ее глаза были всего в двух дюймах от его глаз.

— О, но ведь не ты же сделал это?

— Я. Пришел сюда сам.

— Но... как?

— Вопрос в точку. Но я и сам не знаю ответа.

Лейни засмеялась.

В другом конце комнаты раздался крик. Среди проснувшихся обнаружился человек в форме полицейского. Крик ужаса потряс воздух и затем резко оборвался, перейдя в стоны. Еще секунда и все стихло. Лейни перестала смеяться.

Харри Кэйн вскочил на стул. Он сжал кулаки и прокричал:

— Эй, вы, заткнитесь! Каждый, кто знает план больницы, соберитесь здесь! — В толпе началось движение. Лейни и Мэт все еще обнимали друг друга, но уже не так обреченно. Они повернулись к Харри, признав его лидерство. — Взгляните сюда остальные! — кричал Харри. — Вот люди, которые выведут нас отсюда. Сейчас мы пойдем! Следите за... — и он назвал восемь имен, среди которых было и имя Худа. — Некоторые из нас будут убиты, но вы все время следуйте за одним из этих восьмерых. Если все восемь будут убиты и я тоже, — он сделал драматическую паузу, — ...разбегайтесь! Старайтесь посеять как можно больше паники среди них. Иногда и это может оказаться полезным.

— А кто же разбудил нас?

— Я, — сказал Мэт.

Шум мгновенно стих. Все смотрели на Мэта. Харри спросил:

— Как?

— Я сам не понимаю, как мне удалось попасть сюда. Мне бы хотелось поговорить об этом с Худом.

— О'кей, поговори с Джеем, Келлер. Ведь ты Келлер? Мы тебе очень благодарны. Что означают эти кнопки? Я вижу, ты поработал с ними.

— Они отключают то, что усыпляет нас. Разбудите его. А потом верните все кнопки в исходное состояние. Пусть думают, что все это произошло случайно. А ты Келлер? Ты сам случайно проснулся?

— Нет.

Харри Кэйн удивился, но Келлер ничего не стал объяснять, и Кэйн просто пожал плечами.

— Ватсон, Чек, установите кнопку как нужно. Джей, поговори с Келлером. Остальные, вы готовы идти?

Послышался шум. Когда он улегся, одинокий голос спросил:

— Куда?

— Если мы вырвемся на свободу, бегите к коралловым домам у южной оконечности Альфа-Бета утесов. Есть еще вопросы?

Все промолчали, включая и Мэта. К чему спрашивать, если никто не знает ответа? Мэт с удовольствием предоставил Харри Кэйну право решать. Его решение, может быть, и неправильно, но девяносто восемь повстанцев представляли собой могучую силу, даже когда шли не туда. А Харри Кэйн был прирожденным лидером.

Лейни освободилась из объятий Мэта, но руку его не отпустила.

Вдруг Мэт вспомнил о наручниках, которые болтались на его кистях. Джей Худ подошел к нему и пожал руки, улыбаясь. Но улыбка не могла скрыть страх в его глазах. Да разве был хоть один человек в этом зале, кто бы не боялся? Если и был, то это не Мэт. Мэт вытащил из кармана брюк ультразвуковой пистолет.

— Пошли, — скомандовал Харри Кэйн и широким плечом вышиб дверь. Все устремились за ним в холл.

* * *

— Я займу немного твоего времени, Уатт, — Иезус Пьетро удобно развалился в кресле. Он любил тайны и ему доставляло удовольствие разгадывать их. — Я хочу, чтобы ты доложил мне подробно о всех событиях ночи, начиная со звонка Хобарта.

— Да никаких подробностей не было, — старший сержант Уатт уже устал повторять одно и то же. — Через пять минут после вашего звонка позвонил Хобарт и сказал, что у него пленник. Я приказал привести пленника ко мне. Но Хобарт так и не появился. Наконец я позвонил на пост у ворот. Хобарт был там, но без пленника. Он не смог ничего объяснить мне, и я приказал посадить его под арест.

— Его поведение весьма загадочно. Поэтому я и спрашиваю тебя обо всем. Почему ты не позвонил на пост раньше?

— Сэр?

— Твое поведение так же загадочно, как и поведение Хобарта, Уатт. Неужели ты думал, что Хобарту нужно полчаса, чтобы добраться до твоей канцелярии?

— Ох, — вздохнул Уатт. — Хобарт сказал, что этот парень сам пришел к воротам и начал барабанить в них камнем. Когда я увидел, что Хобарт задерживается, я решил, что Хобарт сам хочет допросить пленника. Ведь если бы он сразу привел его ко мне,

он никогда бы не узнал причин столь странного поведения колониста.

— Весьма логично. А тебе не приходило в голову, что колонист мог напасть на Хобарта и одолеть его?

— Но у Хобарта был соник.

— Уатт, ты когда-нибудь участвовал в налетах?

— Нет, сэр.

— Некоторые возвращаются из налета с переломанными костями, но они ведь тоже вооружены сониками.

— Да, сэр. Но ведь это в налете, сэр.

Иезус Пьетро вздохнул.

— Благодарю, сержант. Можешь идти. Сейчас сюда приведут твоего пленника.

Уатт вышел с явным облегчением.

Да, думал Иезус Пьетро, вероятно, в больнице все охранники думают одинаково — они считают, что пистолет — символ неуязвимости и могущества. А почему бы и нет? Охранники из больницы никогда не бывали в налетах, да и колонистов они видели только в бессознательном состоянии. Изредка Иезус Пьетро устраивал учебные налеты, в которых полицейские играли роль колонистов. Однако это было не совсем то, что надо, — ведь пистолеты были с усыпляющими пулями. И все же люди, вооруженные пистолетами, всегда побеждали. Весь опыт охранников говорил им, что человеку с пистолетом бояться нечего, кроме другого пистолета.

А что делать? Изредка менять местами охранников и налетчиков? Нет, привилегированные налетчики не согласятся нести скучную службу в больнице.

А стоит ли беспокоиться об этом?

Неужели на больницу когда-нибудь нападут? Нет, колонистам нет пути на Альфа Плато.

Но Келлер проник.

Иезус позвонил по телефону.

— Янсен, выясни, кто был на мосту Альфа-Бета прошлой ночью. Пришли их сюда.

— Это займет минут пятнадцать, сэр.

— Прекрасно.

Как же Келлер прошел мимо них? На Гамма Плато был один кар, но он погиб. Вместе с пилотом? Может, Келлер был пилотом? Или... умеют ли колонисты включать автопилот?

Где же, черт побери, этот Келлер?

Иезус Пьетро начал расхаживать по комнате. У него не было причин беспокоиться, но он беспокоился. Инстинкт? Он не верил в инстинкты.

В динамике послышался голос секретаря.

— Сэр, вы вызывали двух охранников?

— Из охраны моста?

— Нет. Внутрибольничная охрана.

— Нет.

— Благодарю вас.

Что-то вызвало тревогу той ночью. Только не кролик. Вероятно, Келлер сделал попытку пробраться к стене. Если охранники у стены упустили его, а потом в рапорте скрыли это, он спустит с них шкуру!

— Сэр, эти охранники уверяют, что вы их вызывали.

— Черт бы их побрал. Хорошо. Впусти.

Они вошли, два здоровых сильных человека. Они тщетно старались скрыть свое раздражение тем что им пришлось ждать у дверей.

— Когда я посылал за вами? — спросил Иезус Пьетро.

— Двадцать минут назад, — ответил один из них, рискуя назвать Иезуса Пьетро лжецом.

— Вы должны были привести пленника?

— Нет, сэр. Мы отвели Хобарта в вивариум, усыпили его и тут же обратно.

— И вы не помните...

Второй охранник вдруг побледнел.

— Д... Дэйв. Мы действительно кого-то должны были привести. Келлер. Кажется, Келлер.

Иезус Пьетро добрых двадцать секунд смотрел на них. Лицо его окаменело. Затем он нажал кнопку связи.

— Майор Янсен. Тревога: побег заключенного.

* * *

— Подождем немного, — сказал Мэт.

Толпа колонистов катилась мимо них. Худ заставил себя задержаться.

— Что случилось?

Мэт пошел назад в вивариум. Один человек лежал на полу с аппаратом на голове. Мэт сорвал с него обруч, два раза хлопнул по щекам спящего. Когда веки человека затрепетали, Мэт рывком поднял его на ноги и подтолкнул к двери.

Ватсон и Чек уже закончили с кнопками и тоже побежали.

— Бежим! — закричал Худ, стоявший у двери. В голосе его был ужас. Но Мэт стоял, прикованный к месту ужасным зрелищем.

Охранник! Они разорвали его на части.

— Келлер!

Мэт долго стоял, наконец повернулся, побрел к двери. И вот уже двое мужчин и Лейни бегут по коридору, стараясь догнать толпу.

* * *

Толпа колонистов катилась вниз по лестнице, как водопад. Плотно сбитая людская масса, несущаяся вперед и полная решимости вырваться отсюда.

Впереди Харри Кэйн. В его сердце холодная уверенность и понимание того, что он будет первой жертвой при встрече с вооруженными охранниками.

Вскоре появился и первый вооруженный охранник. Он повернулся и с изумлением смотрел на ревущую толпу, накатывающуюся на него. Он так и не двинулся, пока толпа не захлестнула его, не поглотила, не погребла под собой. Кто-то забрал его пистолет и тут же, размахивая им, стал пробиваться во главу толпы. Толпа пронеслась вперед, оставив после себя распростертое тело охранника.

Коридор был длинным. По обеим стенам шли двери. Каждая из них, казалось, готова была распахнуться. Колонист с пистолетом был начеку, палец его лежал на спусковом крючке. Каждый, кто высовывал голову из дверей, падал на пол. Толпа колонистов текла вперед и после них оставались изуродованные трупы. Колонисты не знали пощады.

Толпа растянулась. Одни шли быстрее, другие понемногу отставали. Кэйн и еще шестеро были впереди, когда они завернули за угол.

Два полицейских сидели безмятежно с чашками в руках. Они повернули головы, чтобы узнать причину шума, и застыли на месте. Затем чашки, расплескивая горячую коричневую жидкость, полетели в стороны, и из их пистолетов вырвались языки пламени. В ушах Харри Кэйна что-то зажужжало, но, падая на пол, он в последний момент заметил, что полицейские тоже падают.

Он лежал, как сломанная кукла. В глазах стоял туман, в ушах непрерывный гул, голова кружилась, тело было сковано и не могло шевельнуться. Он ощущал себя замороженным цыпленком. Возле него с шумом двигались ноги. Несмотря на полное онемение всего тела он почувствовал, как кто-то нечаянно задел его. Но вот четыре руки схватили его за руки и за ноги, и он снова потерял сознание, отдавшись на милость своим спасителям. Харри Кэйн был доволен. Он всегда считал, что люди, собравшиеся в толпу, не способны на добрый поступок, на милосердие. Но толпа была лучше, чем он ожидал. Сквозь гул в его ушах пробился звук сирены.

* * *

Они догнали толпу в самом низу лестницы. Лейни впереди, Худ и Мэт позади. Мэт простонал.

— Стойте! Пистолет!

Лейни сразу поняла все и остановилась. Если они начнут пробиваться вперед через толпу, то пистолет будет бесполезен, они не смогут воспользоваться им в случае необходимости.

Значит, они должны оставаться сзади и прикрывать толпу с тыла.

Но никто не гнался за ними. Весь шум был впереди. Они проходили мимо распростертых тел — полицейский... а вот две женщины в белых халатах. Мэту стало нехорошо. Свирепость повстанцев была ему не по душе. Как и улыбка Худа, улыбка хладнокровного убийцы, так не вяжущаяся с его лицом ученого.

Снова вперед. Мэт и Худ остановились, подхватили тело Харри Кэйна и устремились за толпой.

— Надеюсь, кто-то встал во главе! — крикнул Худ.

Звук сирены заполнил все пространство. Он был таким громким, что мог разбудить Демонов Тумана. Он сотрясал бетонные стены, он до костей пронизывал людей. Но вот сквозь вой послышался металлический лязг. Железный щит упал с потолка, перегородив коридор и разделив толпу пополам. Под этим щитом погиб один из колонистов. Хвост толпы, состоящий из десятка мужчин и женщин, наткнулся на щит и смешался.

Ловушка. Другой конец коридора тоже уже был блокирован. Но по обеим сторонам коридора были двери. Один из мужчин побежал по коридору, заглядывая в двери.

— Сюда! — крикнул он, махая рукой. Все последовали за ним.

Это была комната отдыха. Четыре широких дивана, стулья, два карточных стола, огромный аппарат для приготовления кофе. И окно. Когда Мэт вошел в комнату, человек, первым ворвавшийся в комнату, уже выбил стулом стекло.

Но вот беззвучный гул, и Мэт ощутил действие ультразвука. Стреляют в дверь! Мэт захлопнул дверь.

Автоматика?

— Бенни! — закричала Лейни, схватив один край дивана. Человек у окна бросил стул и побежал ей на помощь. Это был один из мужчин, сопровождавших Лейни на вечеринке у Кэйна.

Они вместе положили диван на подоконник и колонисты начали вылезать в окно.

Худ открыл какой-то шкаф. Это было все равно, что открыть ящик Пандорры. С полдесятка мужчин в белых халатах набросились на Худа. Еще мгновение, и они разорвут его на куски. Мэт выстрелил из своего соника. Все попадали на пол, включая и Худа. Мэт взвалил его на плечо и последовал за остальными. Худ оказался тяжелее, чем он думал.

Мэт опустил тело Худа на траву и сел рядом. Невдалеке виднелась стена больницы, наклоненная наружу. Вдоль стены были протянуты провода, очень тонкие, не различимые в тумане. Мэт снова

взвалил Худа и осмотрелся. Люди бежали вдоль здания больницы за высоким мужчиной, которого звали Бенни. Мэт поковылял за ними.

Они добрались до угла — у этой чертовой больницы, наверное, миллион углов, — и вдруг Мэт опустил Худа на траву, достал соник.

Из разбитого окна высунулась рука с пистолетом. Мэт выстрелил, и полицейский упал. Но он знал, что там есть еще полицейские. Мэт пробрался под окно, затем внезапно выпрямился и стал стрелять. В ответ ему тоже загремели выстрелы. Правая рука Мэта онемела, и он выронил пистолет. Затем опустился сам под прикрытием стены. Сейчас они его прикончат. Бенни подбежал к нему. Мэт бросил Бенни пистолет полицейского, и взял свой в левую руку.

Люди в комнате не ожидали Бенни. Они пытались пристрелить Мэта, и неожиданное нападение застало их врасплох. В полминуты все было кончено.

Бенни сказал:

— За углом площадка каров. Охраняется.

— Они знают, что мы здесь?

— Не думаю. Демоны Тумана подарили нам туман. — Он сам улыбнулся своему каламбуру.

— Хорошо. Мы воспользуемся этими пистолетами. Возьми Джея. У меня рука не действует.

— Джей был единственным, кто умел водить кар.

— Я умею, — сказал Мэт.

* * *

— Майор Янсен. Объяви тревогу: побег заключенных.

И тут же раздался звук сирены. Иезус Пьетро даже не успел решить, правильно ли он поступает. Ему казалось, что он делает ужасную глупость. Это может ему дорого стоить...

Но нет. Келлер должен попытаться освободить пленников. Келлера здесь нет, значит, он, на свободе. И первое, что он сделает, это освободит Сынов Земли. Если бы охранник в вивариуме остановил Келлера, то он позвонил бы сюда. Но звонка не было, значит Келлеру удалось проникнуть в вивариум.

Но, может, он там спит просто-напросто? Чепуха. Почему же охранники забыли о нем? Они вели себя точно так же, как и Хобарт. Чудо продолжалось. Чудо, которое Иезус Пьетро начал связывать только с Келлером. Во всем этом наверняка есть какой-то смысл.

Келлер свободен.

И теперь наверняка все коридоры больницы заполнены рассвирепевшими повстанцами.

Все это очень плохо. Они будут убивать всех на своем пути. Стальные щиты уже опущены, коридоры перегорожены. Так что опасность скорее всего позади. Если, конечно, повстанцы не успели вырваться на свободу. Но сколько вреда они успели нанести?

— Идите за мной, — сказал Пьетро двум охранникам. Он пошел к двери. — Оружие держите наготове, — бросил он через плечо.

Охранники опомнились и поспешили за ним. Они не имели ни малейшего понятия, что происходит, но Иезус Пьетро был уверен, что они сумеют вовремя выстрелить, если возникнет необходимость. Это хорошие охранники.

* * *

Десять колонистов, двое в шоке от ударов ультразвука. Семь захваченных пистолетов.

Мэт оставался за углом, неохотно подчинившись приказу Бенни. С ним были две женщины: Лейни и женщина среднего возраста — настоящая тигрица, по имени Лидия Хэнкок. Здесь же были двое пострадавших, Джей Худ и Харри Кэйн.

Мэт хотел бы участвовать в нападении, но он понимал, справедливость решения Бенни — нельзя рисковать единственным человеком, умеющим управлять каром. И поэтому он сейчас сидит здесь, в то время как рискуют другие.

Стоянка каров была устроена на большой поляне. Кары находились в центре площади, и вокруг них суетились люди, обслуживающие их. В утренних лучах солнца над травой стелился и поблескивал туман. Колонисты бесшумно бежали к карам.

Они были уже на середине пути, когда охранник на стене больницы направил на них свой луч соника. Повстанцы попадали на землю, как трава под косой. Механики каров тоже. Люди без сознания лежали на земле, и утренний туман клубился вокруг них.

Мэт укрылся за углом, когда увидел, что дуло соника направляется в его сторону. Но даже и стена не полностью спасла его. Мэт почувствовал онемение во всем теле.

— Может, нам выждать, пока они отведут дуло, а затем бежать?

— Я думаю, они нас заметили, — сказала Лейни.

— Что-то делает меня иногда невидимым, — сказал Мэт. — Если вы хотите рискнуть и если вы будете рядом со мной, это может защитить и вас.

Худ что-то неразборчиво пробормотал. Он был неподвижен, и только глаза его смотрели на Мэта.

— Худ, я не знаю, что это, но это правда. Я думаю, что это пси-могущество.

— Соник стреляет в другую сторону, — сказала Лейни.

— Моя рука не действует. Лейни, ты и миссис...

— Называй меня Лидией.

— Ты и Лидия положите Худа на мое левое плечо, сами берите Харри. Идите рядом со мной. Но идите спокойно, и не старайтесь прятаться. Но я заранее прошу у всех вас прощения, если нас убьют.

— Идем.

Глава седьмая

Кровоточащее сердце

Когда они увидят это... Иезус Пьетро содрогнулся. Он видел, как охранники пятятся в ужасе, но не могут оторвать глаз от того, что видят. Когда они увидят это, они меньше будут полагаться только на свои пистолеты.

У этого охранника был пистолет. Может, он не успел вовремя достать его, а второго шанса ему не представилось.

Сейчас он был похож на то, что плавало в сосудах банка органов.

Хобарт лежал мертвый у дальней стены вивариума. Вид его был не лучше. Иезуса Пьетро кольнуло ощущение вины. Он не хотел такой судьбы Хобарту.

Вивариум пуст. Естественно.

Иезус Пьетро осмотрелся вокруг себя и увидел на блестящей стальной поверхности двери какое-то темное пятно.

Это какой-то символ — Иезус был уверен в этом. Но что за символ? Символ Сынов Земли представлял собой круг, а в нем — очертания американского континента. Этот символ не был похож ни на что, но Пьетро казалось, что он знаком ему. К тому же нарисован он был человеческой кровью.

Две широких симметричных дуги. Три маленьких замкнутых окружности внизу.

Иезус Пьетро потер глаза. Что бы это ни было, об этом нужно пока забыть. Потом он спросил об этом у пленников.

— Предположим, — размышлял он вслух, — что они пошли к главному выходу. — И если охранники и удивились тому, что он говорит сам с собой, то виду они не подали. — Идем, — сказал Пьетро.

Налево, направо, вниз по лестнице... Мертвый полицейский на полу. Он сам и его полицейская форма разорваны на части. Иезус Пьетро прошел мимо него, не замедлив шага. Когда они дошли до металлического щита, перегородившего коридор, Пьетро достал

ультразвуковой свисток. Щит медленно поплыл вверх. Перед ним открылась ужасающая сцена. Как будто они присутствовали при взрыве банка органов. Трупы, которые валялись тут и там, трудно было признать человеческими. Многие из них даже не были при жизни полицейскими. Медики, электрики...

О, внутрибольничная охрана получит прекрасный урок! Иезусу Пьетро стало дурно, но он постарался не показать этого, только опустил голову.

Вот и второй стальной щит. Он поднялся, и Пьетро увидел груду тел колонистов. Они все были в таких положениях, как будто хотели вырваться из ловушки, даже будучи в бессознательном состоянии. Полицейский вызывал по радио людей с носилками.

Иезус Пьетро долго стоял над телами колонистов.

— Я еще никогда не ненавидел их так сильно, как сейчас, — сказал он.

* * *

— Келлер, грскоп...

— Что? — Келлер не мог отвлекаться. Он пытался вести кар одной рукой, и машина с трудом подчинялась ему.

— Гр...скоп! — с трудом произнес Худ.

— Что я должен сделать с ним?

— Включи...

Мэт поставил тумблер с надписью Гироскоп в положение Вкл. Что-то зажужжало. Кар задрожал, выпрямился и полетел прямо.

Келлер повернул ручку, и кар начал набирать скорость. Он летел ровно и быстро.

— Мы не может лететь к коралловым домам сейчас, — сказал Мэт.

— Конечно, — сказал Харри Кэйн. Он говорил медленно, но вполне разборчиво. — Полиция туда нагрянет сразу же. Я не могу отправить сотни людей туда, откуда мы вырвались.

— Тогда куда же?

— Лети в большой пустой дом, который принадлежит Джефри Парлет.

— Сейчас он с семьей на Исте. Плавают, ловят рыбу, играют. У меня есть контакты с Альфа Плато, Келлер.

— Парлет... он.

— Это его внук.

— Но это же опасно.

— И ты говоришь об этом, Келлер!

Это был комплимент, который подействовал на Мэта, как шесть сухих мартини. Ведь он совершил это! Он вошел в больницу, освободил пленников, оставил там свой знак и вышел оттуда свободным!

— Мы можем спрятать кар, пока не уляжется шум,— сказал он. — Затем перелетим на Гамма...

— Мы оставим наших людей в виварiуме? Я не могу пойти на это. И там еще осталась Полли Турнквист.

Полли. Девушка, которая... Да.

— Я не повстанец, Харри. Моя миссия кончилась. Честно говоря, я шел только за Лейни. Теперь я могу бросить все это.

— Ты думаешь, Кастро оставит тебя в покое? Он наверняка знает тебя. Он выследит тебя обязательно. А кроме того, я не могу отдать тебе кар. Он нужен нам для борьбы.

Мэт поморщился. Это же его кар, разве нет? Он ведь украл его. Впрочем, с этим потом.

— Почему ты вспомнил о Полли?

— Она видела снижение рамробота. Кастро, вероятно, нашел у нее снимки. Он должен теперь выяснить у нее, кто еще знает об этом.

— Что знает?

— Пока я сам не знаю. Знает только Полли. Но что-то чрезвычайно важное. Полли так думает. Ты не знаешь, где спустился рамробот?

— Нет.

— Они хранят это в тайне. Такого еще никогда не бывало.

Заговорила Лейни:

— Полли считала, что узнала что-то очень важное. И хотела переговорить с нами в тот вечер. Но Кастро помешал нам. Я думаю, что причиной налета как раз и был рамробот.

— Она может быть уже в банке органов, — сказал Мэт.

— Не думаю,— заметил Харри. — Если, конечно, Кастро нашел у нее снимки. Она наверняка ничего ему не сказала, и он решил применить гроб, чтобы она заговорила. Но это требует времени.

— Гроб?

— Да. Но сейчас это неважно.

Неважно или важно, но Мэту совсем не понравилось это название.

— Как ты намереваешься освободить их?

— Я пока не знаю.

Дома и зеленая трава проплывали под ними. С гироскопом кар летел намного ровнее и устойчивее. Вокруг небо было чистым. Не было никаких следов погони.

— Значит, — сказала Лейни, — ты пробрался в больницу, чтобы освободить меня? Как у тебя это вышло?

— Я летел на украденном каре. По пути совершил маленькое путешествие в туман бездны.

Широкий рот Лейни расплылся в полуулыбке, полуусмешке.

Миссис Ханкок заговорила с заднего сиденья.

— Хотелось бы мне знать, почему они не поразили нас лучами там, на стоянке каров.

— И ты знал, что они этого не сделают, — сказала Лейни. — Откуда ты это знал, Мэт?

— Я сам ничего не понимаю.

— Но ты знал, что так будет?

— Да.

— Откуда?

— Хорошо. Худ, ты слышишь?

— Да.

— Это долгая история. Я начну с того дня, когда была вечеринка.

— Начни с вечеринки.

— Все говорить?

— Все. — Лейни произнесла это с ударением. — Сейчас все может оказаться важным.

Мэт пожал плечами.

— О'кей. Может быть, и так. Я встретил Худа в баре после восьми лет разлуки.

* * *

Иезус Пьетро стоял и смотрел, как мимо него проносят носилки в вивариум. В другую сторону несли носилки с мертвыми и ранеными в операционную. Некоторым вернут жизнь и здоровье, а у безнадежных заберут те части тела, которые могут оказаться полезными живым.

— Что это? — спросил Иезус Пьетро.

— Я не знаю, — ответил майор Янсен. Он отошел подальше от двери, чтобы лучше видеть. — Что-то знакомое. Это нарисовал колонист?

— Разумеется. Ведь кроме колонистов тут живых не осталось.

Майор Янсен отошел еще дальше и рассматривал рисунок, покачиваясь с пятки на носок. Наконец он сказал:

— Это сердце, сэр.

— Со слезами.

— Сердце со слезами. Тот, кто нарисовал это, не в своем уме. Сердце, сердце. Почему Сыны Земли решили оставить нам сердце, нарисованное кровью?

— Кровь. Кровоточащее сердце, сэр. Они хотят сказать, что они против того, чтобы мы помещали части человеческого организма в банки органов.

— Очень выразительно, — сказал Иезус Пьетро. Он посмотрел в вивариум. Тела Хобарта и охранника были убраны, но следы ужасной резни еще остались. Он сказал: — Этот символ совсем не вяжется с их действиями.

* * *

Тридцать тысяч пар глаз ждали выступления по телевизору.

Четыре камеры окружали его. Сейчас они не работали и четыре оператора возились вокруг них, обмениваясь замечаниями, которые Миллард Парлет даже не пытался понять. Через пятнадцать минут все население планеты будет видеть его на экранах своих приемников.

Миллард Парлет начал листать свои заметки. Пришло время перемен.

Вступление.

Ввести в курс дела, обозначить проблему, упомянуть о грузе рамробота.

Удастся ли доказать народу, что проблема чрезвычайно важна? Последняя чрезвычайная сессия, насколько мог вспомнить Миллард Парлет, состоялась почти век назад, в 2290 году, когда разразилась Великая эпидемия чумы. Многие из нынешних слушателей еще не родились в то время.

Значит, выступление должно захватить их внимание.

П. Проблема банка органов.

А. Земля считает это проблемой, мы — не считаем. Значит, земля знает больше по этому вопросу.

Б. Каждый человек с помощью банка органов может намного продлить свою жизнь. Он может жить до тех пор, пока функционирует его центральная нервная система.

В. Однако банк органов не может дать больше того, что в нем имеется. Значит, каждый должен заботиться о пополнении его запасов.

Г. Единственный способ пополнения банка органов — это наказание преступников. (Доказать это, показать, что все другие методы гораздо менее эффективны.)

Д. Тело преступника может спасти жизнь десятков людей. Серьезных аргументов против применения смертной казни к опасным преступлениям нет. Каждый, кто хочет жить долго и быть здоровым, проголосует за применение смертной казни к преступникам. И чем меньше запасы в банке органов, тем менее значительны будут преступления, за которые назначается смертная казнь.

Проблема банка органов могла начаться еще в 1900 году, когда Карл Ландштайнер разделил кровь людей на четыре группы: А, В, АВ и О. Или в 1914 году, когда Альберт Хустия обнаружил, что содиум цитрат предохраняет кровь от свертывания. Или в 1940 году, когда Ландштайнер и Винер открыли Резус-фактор. Теперь банки крови могли легко пополниться за счет осужденных преступников. Но никто этого не понял.

А работы Гамбургера в Парижском госпитале по пересадке се-

лезенки? Или в 210 году, когда Мосталь и Гранович провели свой блестящий эксперимент?

И никто не увидел сложности проблемы вплоть до середины двадцать первого века.

Во всем мире появилась сеть банков органов, которые пополнялись за счет людей, добровольно пожертвовавших свои тела на службу медицине.

Но много ли пользы от тела человека, дожившего до старости? А людей погибших в дорожных катастрофах, не так уж много, к тому же редко удается вовремя препарировать их. И вот в 248 году в Арканзасе ввели смертную казнь и постановили использовать тела казненных для пополнения банков органов.

Эта идея распространилась, как лесной пожар... как моральная чума, по выражению одного критика. Миллар Парлет внимательно изучил весь вопрос, исключил из своей речи исторические реминисценции, опасаясь, что это отвлечет внимание аудитории. Люди не любили, когда им читают скучные лекции.

Е. Значит, правительство, которое контролирует деятельность банка органов, более могущественно, чем самый могущественный диктатор в истории. Диктатор имел власть только над смертью и над жизнью людей.

1. Жизнь. Банки органов могут спасти жизнь любого, и правительство может давать указания, кто из граждан страны достоин спасения.

2. Смерть. Никто не будет протестовать, если правительство осудит преступника и приговорит его к смертной казни. Ведь его смерть может дать многим людям жизнь.

Однако всегда и везде есть альтруисты. Пусть. Они не смогут помешать.

Ш. Проблема банка органов в колониях.

А. Аллопластика: наука о внедрении чужеродных материалов в тело человека.

Б. Примеры:

Имплантирование слухового аппарата.
Имплантирование искусственного сердца.
Пластиковые вены и артерии.

В. Аллопластика применяется на Земле полтысячи лет.

Г. В колониях нет аллопластики, так как она требует очень высокого уровня технологии.

Д. В каждой колонии есть свой банк органов. Сами корабли, на которых летят колонисты, по прибытии на планету назначения становятся банками органов.

Е. Следовательно, банки органов необходимы в колониях и даже аллопластика не сможет отменить их.

IV. Проблема банка органов с точки зрения политики на Маунт Лунитхэт.

А. Соглашение.

Миллард Парлет нахмурился. Как средний поселенец отреагирует на правду о Соглашении?

Все то, что им говорят о нем в школе, в основном правда. По этому соглашению первые поселенцы получили власть над колонистами и колонисты подписали это соглашение.

Соглашение вполне справедливое, ведь первые поселенцы взяли на себя весь риск, все страдания, чтобы достичь цели. Колонисты мирно спали все эти долгие годы. Конечно же власть принадлежала первым поселенцам по праву.

Но... все ли поселенцы знали, что колонисты подписали соглашение под дулом пистолета, что восемь из них решили погибнуть, но не подписывать документ, лишающий их свободы?

Должен ли Парлет говорить им сейчас об этом?

Да, должен. Они должны понять основу своей власти. И он оставил эту заметку без изменения.

Б. Больница:

Контроль электроэнергии.
Контроль радио- и телевещания.
Контроль юстиции: полиция, суд.
Контроль за медициной, банк органов.

В. Замена органов колонистам? Да!

Хорошие, честные колонисты заслуживают право на медицинскую помощь.

Очевидно, что те, кто может надеяться на медицинскую помощь, на замену органов, будут поддерживать правительство в вопросе о банке органов.

V. Капсула рамробота.

Показать фотографии, дать небольшие объяснения.

Обязательно нужно сказать еще кое-что! Это заставит их примолкнуть.

VI. Опасность капсулы рамробота.

Миллард посмотрел на свою правую руку. Уже сейчас контраст с необработанной левой рукой был поразительным.

А. Капсула не сделает банк органов излишним. В ней содержится всего четыре варианта. Чтобы полностью исключить банк органов, нужно несколько сотен, а то и тысяч вариаций.

Б. Однако недопустимо, чтобы колонисты узнали об этом. Они потребуют отмены смертной казни.

Миллард Парлет посмотрел вокруг себя и вздрогнул. Невозможно хладнокровно думать о том, что привез рамробот 143. Просто увидеть груз — уже потрясение.

Если его речь окажется скучной и неэффективной, он просто покажет груз рамробота.

Г. Смертную казнь нельзя отменять ни в коем случае.

1. Если уменьшить жестокость наказания, неизмеримо вырастет преступность. (Привести несколько примеров из истории Земли.)

2. Что может заменить смертную казнь? Тюрем на этой планете нет. А все угрозы и предупреждения имеют смысл только в том случае, если существует опасность попасть в банк органов.

VII. Заключение.

Насильственным или мирным путем, но власть поселенцев кончится, если колонисты узнают о рамроботе 143.

Осталось три минуты. Больше уже нет времени для корректировки речи!

Главный вопрос — нужна ли сама речь! Следует ли говорить тридцати тысячам поселенцев о том, что прибыло на рамроботе? Смогут ли они оценить всю важность? И смогут ли сохранить все в тайне?

Члены Совета отчаянно сопротивлялись его решению произнести эту речь. И только знанием всех слабостей членов Совета, только решимость Милларда Парлета, непоколебимая уверенность привели к тому, что сейчас он готовится предстать перед камерами.

И все поселенцы планеты сидят перед телеприемниками и ждут чрезвычайного сообщения. В небе планеты нет ни одного кара, в снегах северных плато нет ни одного лыжника, все игорные дома и холы Иоты закрыты.

Осталась одна минута. Уже поздно отменять сообщение.

Смогут ли тридцать тысяч поселенцев сохранить все в тайне? Ну конечно, не смогут.

Смогут ли тридцать тысяч поселенцев сохранить все в тайне? Ну конечно, не смогут.

* * *

— Вон тот большой дом с плоской крышей, — сказал Харри Кэйн.

Мэт повернул кар направо. Он продолжал:

— Я подождал, пока охранники скроются, затем вернулся в виварium. Охранник открыл мне дверь, и я пристукнул его. Затем нашел панель с кнопками и стал нажимать их.

— Садись в сад, а не на крышу. Ты понимаешь, что случилось с их глазами?

— Нет. — Мэт ворочал руки и рычаги, стараясь сесть в сад. Старый, огромный сад, целый лабиринт дорожек, полянок, клумб, зарослей кустарника. Дом тоже состоял как бы из углов. Дом с плоской крышей, совсем небольшой, он, казалось, был сначала сделан как обычный, а потом, с течением времени, к нему добавляли разные пристройки. Джефри Парлет, видимо, хотел с помощью

старого метода постройки получить что-то совершенно новое, необычное.

Но Мэту было не до рассуждений. Для него все дома на Альфа Плато были странными и не похожими ни на что.

Он посадил кар у самого обрыва. Кар коснулся земли, подпрыгнул, снова сел.

— Не забудь гироскоп, — сказал Худ.

— Тебе нужно еще потренироваться летать, — сказал Харри Кэйн. — Ты закончил свой рассказ?

— Может, я что-нибудь забыл?

— Ну ладно, потом поговорим подробнее. Мэт, Лейни, Лидия, вытащите меня отсюда и затем займитесь Джеем. Джей, ты можешь двигать руками?

— С трудом. Чертов ступпер.

Мэт и две женщины помогли выбраться Харри и Худу. Харри встал на ноги и попытался устоять и даже сделал несколько шагов. Он отверг все попытки помочь ему.

— Мэт! — крикнула Лейни. Она стояла на самом краю пропасти.

— Отойди оттуда!

— Нет! Иди сюда!

Мэт подошел. За ним миссис Ханкок. Все трое они стояли и смотрели вниз в бездну.

Солнце было у них за спиной. Водяной пар наполнял пропасть и клубился у самых ног. Они смотрели, как их тени проникают в толщу тумана, и каждому из них казалось, что его голова окружена радужным нимбом.

Вот к ним присоединилась и четвертая тень, двигающаяся с трудом.

— О, здесь нужна камера, — простонал Харри.

— Я еще никогда не видел такого, — отозвался Мэт.

— Я видел, только очень давно. И решил, что это видение свыше. В тот же вечер я вступил в ряды Сынов Земли.

Приглушенный шум послышался сзади них. Мэт повернулся и увидел кар, который скользил по траве. Затем он приблизился к краю бездны, поплыл над туманом и нырнул в него.

Харри повернулся и спросил:

— Это ты сделал?

Худ стоял на коленях в траве там, где только что стоял кар.

— Да. Кар вернется в полночь, постоит пятнадцать минут, затем нырнет в туман снова. И так будет повторяться три ночи. Кто-нибудь поможет мне добраться до дома?

Мэт наполовину понес, наполовину поволок его через лужайку. Ноги Худа двигались, но не держали его. Худ тихонько спросил:

— Мэт, что ты нарисовал на двери вивариума?

— Кровоточащее сердце.

— Почему?

— Я не знаю. Когда я увидел, что сделали с охранником, мне показалось, что я снова очутился в банке органов. Я вспомнил своего дядю Мэта. — Он в волнении стиснул руку Худа. — Они забрали его, когда мне было восемь лет. Я так и не узнал, за что. Я чуть не сошел с ума, Худ, когда увидел, что такое банк органов. Я не знаю вашего символа, поэтому нарисовал свой.

— Неплохо. Я покажу тебе наш символ потом. Там очень страшно, в банке органов?

— Ужасно. Но самое худшее — это маленькие сердца и печени. Дети! Джей, я и не знал, что они препарируют детей!

Худ вопросительно посмотрел на него. Затем Лидия Ханкок открыла для них дверь, и им пришлось полностью переключить внимание на ступени крыльца.

* * *

Иезус Пьетро был в ярости.

Он долго просидел в своем кабинете, полагая, что там он будет полезнее, и теперь вышел на стоянку каров, чтобы наблюдать, как уносили оглушенных ударами соника повстанцев. С секретарем он мог связаться с помощью портативного передатчика.

Он никогда раньше так не ненавидел колонистов.

Для Иезуса Пьетро все люди делились на две категории: поселенцы и колонисты. Вероятно, в других мирах все по-другому, но он служил на Маунт Лунитхэт. Поселенцы здесь были хозяева — умные и добрые. Колонисты были предназначены для того, чтобы служить.

Конечно, и там, и тут были исключения. Среди поселенцев попадались такие, которые не были мудры, которые хотели только пользоваться своими привилегиями, но не хотели нести никакой ответственности. И среди колонистов были такие, кому не нравился установленный порядок и которые предпочитали стать преступниками, но не служить. Сталкиваясь с поселенцами, которых он не любил, Иезус Пьетро обращался с ними со всей почтительностью, как того требовал закон. А ренегатов-колонистов он выслеживал и наказывал. Этого тоже требовал закон.

Он ненавидел их так же, как Мэт ненавидел червей. Ренегаты были частью его жизни, его работой. Они вели себя так потому, что были колонистами и Иезус Пьетро изучал их повадки так, как студенты изучают бактерии, микробов и тому подобное. Когда кончался рабочий день, Иезус Пьетро терял интерес к колонистам, если, конечно, не происходило ничего необычного.

И вот теперь все изменилось. В своем безумии колонисты ворвались в его жизнь. Он не мог ненавидеть их больше, если бы они

ворвались в его дом, изломали мебель, убили слуг, подсыпали яду чистильщикам дома.

Зажужжал зуммер. Иезус Пьетро взял микрофон.

— Кастро.

— Янсен, сэр. Я звоню из вивариума.

— Ну?

— Пропало шесть повстанцев. Вам нужны их имена?

Иезус Пьетро осмотрелся. Они унесли всех еще десять минут назад. Остались только носилки со служащими больницы.

— Должны быть все. Ты проверил операционную? Я видел там одного мертвого под дверью.

— Я проверю, сэр.

Стоянка каров была приведена в порядок. У повстанцев не было времени все сокрушить здесь, как они это сделали в больнице. Пьетро раздумывал, возвращаться ли ему в кабинет, или попытаться проследить путь повстанцев, но его привлек разговор двоих людей у гаража. Он подошел к ним.

— Ты не имел права отсылать Бесси! — кричал один, который был в форме налетчика.

— Вы, чертовы налетчики, думаете, что все, в том числе и кары, принадлежит вам, — презрительно сказал механик.

Пьетро усмехнулся.

— О чем спор? —спросил он.

— Этот идиот не может отыскать мой кар. Прошу прощения, сэр.

— А какой кар?

— Бесси. Я летаю на Бесси уже три года, а сегодня утром этот идиот послал кар на опрыскивание леса. И вот! Его нет! Они его потеряли, сэр!

Иезус Пьетро посмотрел холодными голубыми глазами на механика.

— Ты потерял кар?

— Нет, сэр. Я просто не знаю, куда его поставили.

— Где кары, которые вернулись с опрыскивания?

— Вот один из них.— И механик показал на стоянку. — Мы разгружали его, когда эти бродяги напали на нас. Должен сказать, что мы разгружали два кара. — Механик почесал голову. Он очень неохотно встретился глазами с Иезусом Пьетро.— Больше я не видел второго кара.

— Пропали пленники. Ты это знаешь? — Пьетро не ждал ответа механика. — Описание Бесси и номер его передай моему секретарю. Если кар найдется, сообщи в канцелярию. Я убежден, что кар украли.

Механик повернулся и побежал в канцелярию. Пьетро передал по телефону все распоряжения относительно пропавшего кара.

Янсен снова вышел на связь.

— Один повстанец мертв, сэр. Значит, исчезло пять.— Он перечислил всех.

— Ол-райт. Похоже на то, что они похитили кар. Узнай, не видели ли чего-нибудь охранники.

— Они бы позвонили.

— Я не уверен. Узнай.

— Сэр! Стоянка была атакована. Охранники непременно сообщили бы о похищении кара.

— Янсен. Я думаю, что они забыли. Ты понимаешь меня? — В голосе его зазвенела сталь. Янсен вздохнул, но не стал протестовать.

Иезус Пьетро посмотрел на небо и разгладил усы. Украденный кар будет легко найти. Сейчас в небе нет никаких каров. Миллард Парлет произносит речь. Однако если кар был украден на виду у охранников и они ничего не заметили, значит, он был украден привидениями.

Это очень хорошо согласуется со всем тем, что произошло в больнице.

Глава восьмая

Глаза Полли

Дом Джефри Парлета внутри оказался совсем не таким, каким казался снаружи. Большие комнаты, обставленные с хорошим вкусом. Много комнат. Кухня больше, чем гостиная в доме Харри Кэйна. В доме был и небольшой уютный зал с экраном — видимо, здесь можно было смотреть кинофильмы. Мэт, Лейни и Лидия Ханкок обошли весь дом с пистолетами наготове. По всему было видно, что дом давно заброшен.

Лидия с трудом заставила Мэта вернуться в гостиную. Мэт был так потрясен домом, что хотел исследовать его досконально.

В гостиной на втором этаже стоял электрокамин. В нем — для виду — лежали поленья. Вокруг камина были расставлены удобные кресла. Все с удовольствием развалились в них. Харри Кэйн все еще передвигался осторожно, но уже почти оправился от воздействия ультразвука. Худ уже мог говорить, но все еще не двигался.

Мэт устроился поудобнее в кресле, а затем с удовольствием вытянул ноги. Было так приятно почувствовать себя в безопасности.

— Маленькие сердца и печени, — сказал Худ.

— Да, — сказал Мэт.

— Это невозможно.

Харри Кэйн вопросительно посмотрел на них.

— Я видел их, — сказал Мэт. — Там ужасно все, но это ужаснее всего.

Харри Кэйн насторожился.

— В банке органов?

— Да, черт побери, в банке органов. Ты не веришь мне? Они находятся в специальных сосудах, и насосы гонят живую кровь. Даже стекло теплое.

— Сосуды не могут быть теплыми, — заметил Худ.

— И полиция не забирает детей, — добавил Харри Кэйн. — Если бы забирали, мы бы знали об этом.

Мэт просто смотрел на них.

— Сердца и печени. Но чьи? И больше ничего там нет? — спросил Худ.

— Я ничего не заметил. Нет, подожди. Там было еще два сосуда. Один был пуст, а второй... мне показалось, что там какая-то муть.

— Ты долго там был?

— Достаточно долго, чтобы меня затошнило. Черт побери! Мне было не до этого. Я же искал карту.

— В банке органов?

— Хватит, — сказала Лейни. — Успокойся, Мэт. Дело не в этом.

Миссис Ханкок ушла искать кухню. Вскоре она вернулась с кувшином и пятью стаканами.

— Я нашла только это. Почему бы нам не воспользоваться едой, что осталась?

Все согласились, и Лидия наполнила стаканы.

Худ сказал:

— Меня больше интересует твоя предполагаемая психическая энергия. Я никогда не слышал ни о чем подобном. Это что-то совсем новое.

Мэт кивнул.

— Должен сказать, что все, кто верит в так называемую пси-энергию, считают, что сами обладают ею. — Худ говорил сухим тоном профессионала. — Может, мы ничего не обнаружим у тебя.

— Тогда как же мы оказались здесь?

— Может, нам никогда этого не узнать. Какие-нибудь полицейские штучки? А может, Демоны Тумана полюбили тебя, Мэт.

— Я тоже думал об этом.

— Когда ты пытался проникнуть в больницу, — продолжал Худ, — тебя обнаружили. Должно быть, ты попал в сеть электронных глаз. Ты не пытался бежать?

— Они направили на меня четыре прожектора. Я просто встал.

— Значит, они не обратили на тебя внимания? Они дали тебе спокойно уйти?

— Да. Я шел и все время ждал приказа остановиться, но его не последовало. Затем я побежал.

— А человек, который ввел тебя в больницу? Что-нибудь случилось до того, как он обезумел и побежал назад к воротам?

— Что именно?

— Что-нибудь со светом?

— Нет.

Худ выглядел разочарованным. Лейни заговорила:

— Похоже на то, что люди забывают о тебе.

— Да. И так было всю мою жизнь. Учителя никогда не вызывали меня, если я не знал урока.

— Хотелось бы мне быть таким везучим, — сказал Худ.

Лейни задумалась над этой идеей.

— Глаза, — сказал Харри Кэйн и помолчал, размышляя. Он все это время сидел в позе мыслителя, подперев подбородок кулаком и уткнув локоть в колено. — Ты сказал, что с глазами охранника произошло что-то странное.

— Да, но я не знаю что. Я уже видел такой взгляд раньше, но не могу вспомнить, где именно...

— А тот, что выстрелил в тебя? У него тоже были странные глаза?

— Нет.

Лейни очнулась от своих дум.

— Мэт, ты думал, что Полли пойдет с тобой домой с вечеринки?

— Какого черта ты это спрашиваешь?

— Не сходи с ума, Мэт. У меня есть причина спрашивать.

— Я не могу понять...

— Ты же сам хочешь понять все.

— Хорошо. Да. Я думал, что она пойдет со мной.

— А она внезапно повернулась и ушла.

— Да. — Мэт хотел что-то еще добавить, но сдержался. Только сейчас он понял, как больно поразил его поступок девушки. — Она ушла так, как будто вспомнила что-то. Что-то более важное, чем я, хотя и не жизненно важное. Лейни, может, это связано со слуховым аппаратом?

— Да нет, вряд ли. Харри, ты не вызывал ее отдельно?

— Я сказал ей, что мы будем говорить после полуночи, когда все разойдутся по домам. Все могли это слышать.

— Значит, у нее не было причин бросать меня, — сказал Мэт. — Впрочем, я не вижу оснований для того, чтобы копаться в этом.

— Странно, — сказал Худ. — Я думаю, что нам не вредно проанализировать твою жизнь.

— Ты очень обиделся? — спросила Лейни.

— Конечно. Кому понравится, когда с ним играют, а потом бросают, как ненужную игрушку.

— Ты не оскорбил ее?

— Конечно нет. Я напился уже потом.

— Ты говорил, что с тобой и раньше бывало такое.

— Да, черт побери. Каждый раз. Я не знал ни одной девушки до этой ночи. — Мэт затравленно оглянулся. Все промолчали. — Вот почему я не понимаю, что толку в этом разговоре. Для меня в поступке Полли не было ничего необычного.

— Но на Полли это непохоже, — сказал Худ. — Полли никогда не была легкомысленной. Разве я не прав, Лейни?

— Да, она всегда серьезно относилась к сексу и никогда не стала бы кокетничать с тем, кто ей не нравится. Ты говорил о глазах охранника. А ты не заметил ничего странного в глазах Полли?

— К чему ты клонишь?

— Ты сказал, что каждый раз, когда девушка тебе нравилась и ты хотел лечь с ней в постель, она уходила от тебя. Почему? Ты не урод. И достаточно вежлив. И чистоплотен. Так было что-нибудь странное с глазами Полли?

— Черт побери, Лейни... Глаза... Что-то изменилось в лице Полли. Она, казалось, прислушивалась к чему-то, чего не слышал никто, кроме нее. Она смотрела сквозь меня, и глаза ее были как у слепой...

— Было похоже, что она о чем-то глубоко задумалась, а затем повернулась и ушла.

— Это случилось внезапно? Может, она...

Мэт вскочил. Больше он не мог терпеть. Нервы у него натянулись до предела. Еще никто и никогда не вторгался так бесцеремонно в его интимную жизнь! Он не мог себе представить, что женщина, разделившая с ним постель, подарившая ему блаженство, может выслушивать все излияния его души и подвергать их бесстрастному анализу. Он ощущал себя так, как будто его препарируют, чтобы поместить в банк органов.

И он уже готов был сказать это в самых изощренных выражениях, когда вдруг заметил, что на него никто не смотрит.

На него никто не смотрит.

Лейни смотрела на искусственный огонь в камине. Худ смотрел на Лейни, Харри Кэйн по-прежнему сидел в позе мыслителя. Все они были погружены в размышления и вряд ли видели что-либо перед собой.

— Остается главное, — сонно сказал Харри Кэйн. — Как мы освободим остальных, если спаслись только четверо. — Он осмотрел всех присутствующих, а затем вновь погрузился в созерцание своего пупка изнутри.

Мэт почувствовал, как волосы зашевелились у него на голове. Харри смотрел прямо на Мэта, но не видел его. Глаза Харри стали какими-то странными.

Мэт наклонился и заглянул в глаза Харри, как будто тот был восковой куклой.

Харри подскочил, как будто его стукнули. Он смотрел на Мэта с изумлением. — Мммм... Ох. Ты сделал это с нами!

В этом не было сомнения. Мэт кивнул.

— Вы все внезапно забыли обо мне.

— А как наши глаза? — Худ готов был прыгнуть на Мэта, так велико было его нетерпение.

— Что-то случилось с ними. Но я не понял. Я хотел поближе и внезапно все кончилось.

Харри Кэйн употребил словечко, которое наш редактор не рискнул оставить в этой книге.

— Внезапно? — сказал Худ. — Я не помню ничего внезапного.

— А что ты помнишь?

— Ничего. Мы говорили о глазах... или о Полли? Да, о Полли. Мэт, тебе этот разговор не нравился.

Мэт откашлялся.

— Значит, поэтому ты и сделал все это. Ты не хотел, чтобы мы видели твое смущение.

— Возможно.

Худ довольно потер руки.

— Отлично. Значит, мы теперь знаем, что в тебе есть что-то, что не подчиняется твоему сознанию, что находится под контролем подсознания. Что еще осталось невыясненным? Глаза? — Худ смотрел на присутствующих, как преподаватель на не слишком способных и не очень умных учеников. — Во-первых, какую роль играют глаза во всем этом? Во-вторых, почему охранник все же выстрелил в тебя? И в третьих, почему ты используешь свою способность, чтобы прогонять от себя девушек?

— Черт побери! Худ...

— Келлер!

Это был приказ. Харри Кэйн снова был в позе мыслителя, глядя в пространство.

— Ты сказал, что Полли глубоко задумалась. Мы тоже задумались сейчас?

— Когда вы забыли обо мне? Да.

— И я тоже?

— Да. Погоди.— Мэт встал и обошел вокруг Харри, разглядывая его. Поза мыслителя: подбородок на кулаке, локоть на колене, лицо опущено, брови сведены, глаза затуманены... Затуманены? Но... нет, нет.

— Нет. Ты не такой. Что-то неправильно.

— Что?

— Глаза.

— Опять все то же, — разочарованно сказал Харри. — Ну подойди, посмотри в глаза, скажи, что в них не так.

Мэт опустился на колени и взглянул в глаза Харри. Но ничего не понял. Что-то не так, но что именно? Он вспомнил, как они стояли с Полли, касаясь друг друга руками и коленями, всем телом... Он чувствовал, как теплая волна поднялась в нем... и вдруг...

— Слишком большие, — сказал Мэт. — Зрачки слишком большие. Когда человек забывает обо всем вокруг, у него сужаются зрачки.

— А глаза Полли? — спросил Худ. — Они тоже сузились?

— Да. Зрачки стали как две точки. И глаза охранника тоже. Да, да. Именно поэтому мне их глаза показались странными. Зрачки сузились до предела.

Худ вздохнул с облегчением.

— Тогда все ясно, — сказал он. И встал. — Я думаю, что нам пора подумать об обеде.

— Подожди! — Тон Харри Кэйна был повелительным. Худ рассмеялся.

— Прекрати смеяться, — сказал Харри. — Чем бы ни обладал Келлер, он нам нужен. Говори все, что ты думаешь о нем.

Чем бы ни обладал Келлер, он нам нужен. Мэт хотел протестовать. Он вовсе не намеревался служить Сынам Земли. Но пока он решил помолчать.

— У него очень ограниченная форма телепатии, — сказал Худ. — Именно поэтому она чрезвычайно чувствительна ко многим факторам, от многого зависит. — Он улыбнулся. — Мы должны назвать этот феномен каким-то новым названием. Телепатия сюда не совсем подходит.

Три человека слушали терпеливо, но пока ничего не понимали.

— Мэт может с помощью своего разума управлять нервами и мышцами, которые сокращают зрачки других людей. — И он улыбнулся, ожидая реакции слушателей.

— Ну так что из того? — спросил Харри.

— Ты не понимаешь? Ах да, конечно. Вы знаете что-нибудь об исследовании мотивации?

Все трое ответили отрицательно.

— Эти исследования были заброшены на Земле много лет назад, так как их результаты могли использоваться в преступных целях. Однако были обнаружены очень интересные вещи. Например, относительно расширения и сужения зрачка.

Во-первых, по расширению или сужению зрачков можно судить об интересе человека к предмету, который ему показывают. Причем такая реакция зрачков абсолютно непроизвольна. Человек не знает о ней.

Может, именно поэтому, продолжал Худ, улыбаясь, в наиболее дорогих ресторанах обычно полутемно. Парочки, сидящие за столиками, не могут видеть глаза друг друга и не знают подлинных чувств партнера. Как вы думаете?

— Я думаю, что сейчас нам следует говорить о Келлере, — сказал Харри Кэйн.

— Он же все сказал, — заметила Лейни. — Неужели ты не понимаешь, что Келлер боится, когда на него смотрят, и тогда он непроизвольно воздействует на зрачки человека, и, естественно, тот теряет интерес к Мэту.

— Точно, — Худ улыбнулся Лейни. — Но, Мэт, это не действует, если человек только слышит тебя, но не видит...

— Или если я не сконцентрируюсь на этом. Так случилось, когда охранник выстрелил в меня.

— Я все еще не понимаю, как это получается, — сказала Лейни. — Я немного занималась с тобой телепатией, Джей. Значит, Мэт воздействует на мозг!

— Мы этого не знаем. Но глазные нервы неотделимы от мозга.

Харри встал и потянулся.

— Сейчас дело не в этом. Главное, что это существует. Это как шапка-невидимка. Сейчас нужно думать, как лучше использовать этот дар.

* * *

Пропавший кар все еще не был обнаружен. Его не нашли ни в воздухе, ни на земле. Очевидно, он все же был украден.

Для Иезуса Пьетро это было весьма тревожным событием. Украденный кар — одно дело, но кар,украденный в таких условиях, когда украсть невозможно, совсем другое.

Для него Келлер ассоциировался с чудесами: чудо, что Келлер остался жив после того, как кар рухнул в бездну, чудо, которое лишило Хобарта памяти... И поэтому он подал сигнал «Побег заключенных». Но увы, заключенные бежали и причинили много зла.

Да, это чудо, что заключенные бежали, что пропал кар с несколькими пленниками. И это все Келлер со своими чудесами.

Позвонил майор Янсен из вивариума. Оказалось, что все усыпляющие аппараты работали. Но как же бежали девяносто восемь пленников?

Чудеса! С кем же ему приходится сражаться? С одним человеком или со многими? Кем был Келлер — пассажиром или водителем кара? Были ли в каре еще пассажиры? Это явление открыли Сыны Земли, или же за все случившееся ответственен один Келлер?

Мысли тревожным роем кружились в мозгу Пьетро. Мэтью

Келлер вернулся из бездны в образе племянника, чтобы отомстить своему убийце... Иезус Пьетро фыркнул.

Он удвоил охрану на мосту Альфа-Бета. Зная, что мост — единственный путь отсюда, он тем не менее поставил охранников возле утесов. Ни один колонист не сможет покинуть Альфа Плато без кара. Но ведь здесь замешано что-то сверхъестественное...

Колонисты не смогут вылететь отсюда и на каре. Иезус Пьетро приказал полицейским летать только парами. Значит, кар с беглецами сразу будет обнаружен: он ведь только один.

Будучи не чистокровным поселенцем, Иезус Пьетро не получил разрешения слушать речь Милларда Парлета, но он знал, что выступление закончилось. Кары поселенцев появились в небе. Если бы у колонистов был не полицейский кар, а гражданский, у них появился бы шанс выбраться отсюда. Иезус Пьетро распорядился, чтобы ему немедленно докладывали о краже любого кара. Да, но когда был украден полицейский кар, ему никто не доложил, ему пришлось выяснять это самому.

В покинутых коралловых домах не было найдено никого и ничего.

Оставшиеся пленники спокойно спали в вивариуме, откуда они умудрились бежать, даже не выключив усыпляющих аппаратов.

Иезус Пьетро не привык иметь дело с привидениями.

Для этого требовалось что-то другое.

Он угрюмо сидел и размышлял.

* * *

Спор начался во́ время обеда.

Обед был подан в необычное время, в три часа. Он был хорош, очень хорош. Лидия Ханкок, все еще походившая на желчную старую каргу, в глазах Мэта искупила все свои недостатки кулинарным искусством. Когда они покончили с жарким из баранины, Харри Кэйн вернулся к делам.

— Нас осталось пятеро, — сказал он. — Что мы можем предпринять для спасения остальных?

— Мы можем взорвать насосную станцию, — предложил Худ. Это значило, что Альфа Плато лишится единственного источника воды. Станция была расположена у подножия утесов Альфа-Бета, и Сыны Земли уже давно пробили штольни для закладки зарядов. — Это может дать нам шанс для нападения.

— Лишить воды и лишить энергии, — сказал Мэт, вспомнив, что горючее для генераторов — водород — добывается из воды.

— О, нет. Электростанция использует всего несколько стаканов воды в год, Келлер. Ну хорошо. Другие предложения есть?

— Мэт. Он уже выручил нас. И может сделать это еще раз. Ведь он теперь знает...

— Э, нет. На меня не рассчитывайте. Я не революционер. Я сказал вам, зачем я пошел в больницу. Но больше я не хочу идти туда.

Начались уговоры.

Мэту сказать было нечего. Он не хотел идти снова в больницу. Если бы он мог, он с удовольствием вернулся бы на Гамма Плато и жил бы своей прежней жизнью, доверив своей психоэнергии свою защиту. Если же ему придется прожить всю жизнь, прячась на Альфа Плато, пусть будет так. Конечно, жизнь его будет не сахар, но зато он будет жить, а не находиться в банке органов.

Он не испытывал ни к кому особой симпатии, даже к Лейни. Она в споре то обращалась к его патриотизму, то взывала к его любви, то прибегала к угрозам... Джей Худ был более агрессивен. Можно было подумать, что это он подарил Мэту его способность, что это он является владельцем всей психоэнергии. Спор был очень горячим. Они молили его, упрашивали, угрожали — и все без всякого успеха. В какой-то момент им удалось действительно напугать его, и тут же случилось то, из-за чего шел спор, — Сыны Земли вдруг забыли о нем, зрачки их глаз сузились до размера булавочной головки.

Когда это произошло во второй раз, Харри Кэйн приказал прекратить спор, видя его полную бесплодность.

— Иди отсюда, — сказал он Мэту. — Если ты не хочешь помогать нам, то нечего тебе слушать наши разговоры. Пусть у нас шансы на успех очень малы, но мы не можем доверить тебе наших планов. Вдруг ты захочешь продать нас Кастро в обмен за разрешение вернуться на Гамма Плато.

— Ты неблагодарный сукин сын, — сказал Мэт. — Я требую, чтобы ты извинился передо мною.

— Хорошо. Я извиняюсь. А теперь оставь нас.

Мэт вышел в сад.

На планету снова опустился туман, который сделал небо серостальным, стер все краски в саду, окружил Плато бездонным куполом. Мэт нашел каменную скамью, сел на нее и опустил голову на руки.

Он очень устал. Такая массированная словесная атака могла выбить из колеи кого угодно, могла лишить человека самоуважения, вселить в его душу сомнения. Да, силы были неравны: он один против четверых. Он не мог закончить ни одного предложения, его все время прерывали, не выслушивали его аргументов. Он все время терял нить разговора. Он забывал свои основные аргументы, так как ему не давали возможности воплотить их в слова. Единственное, что он мог сделать, это уйти.

Постепенно его смятение перешло в ярость. Неблагодарные!.. Он дважды спасал их, и где их благодарность? Черт с ними! Они ему не нужны. Он никогда не нуждался в них.

Теперь он знает, кто он. Худ многое объяснил ему. Теперь он знал себя и может сознательно пользоваться своей способностью.

Он мог стать самым удачливым вором планеты. Он мог грабить магазины при белом свете. Он мог пройти невидимым по любому охраняемому месту и работать на Гамме, когда его ищут, например, на Эте... Эта... прекрасное место для воровства... Игорные дома, казино... Там находится половина всех богатств планеты...

Чтобы выбраться отсюда, нужно проделать долгий путь пешком. Кар был бы очень нужен. Можно было бы забрать этот кар, у него полные права на эту машину, но для этого нужно дождаться ночи.

Мэт грезил наяву, и это успокоило его.

Руки перестали дрожать и гнев испарился. Сейчас он уже мог понять те мотивы, что двигали этими четырьмя. Лейни, Харри, Лидия, Худ — все они были фанатиками. Иначе зачем бы они стали рисковать жизнью ради такого безнадежного дела, как революция? Они фанатики и поэтому у них одна этика: делать все, что поможет им достичь своей цели, и не думать о том горе и несчастьях, которые они могут причинить другим.

Он все еще не знал, куда он пойдет отсюда. Но он знал одно: не с Сынами Земли.

С севера потянуло холодом. Туман стал сгущаться.

Наверное, сейчас очень хорошо у электрического камина. Но Мэт вспомнил о той враждебной атмосфере, что царила в комнате.

И он остался здесь, пряча спину от холодного ветра.

...Почему Худ думает, что он, Мэт, отталкивает женщин от себя? Может, Худ считает его сумасшедшим? Или дефективным? Нет, он тогда обязательно упомянул бы об этом в споре.

Мэт ведь не оттолкнул Лейни.

И это воспоминание согрело его. Сейчас Лейни была потеряна для него. Их пути разошлись, и она неминуемо кончит свои дни в банке органов. Но ведь у них была одна ночь, ночь, полная блаженства...

...Глаза Полли. Ее суженные зрачки. Суженные, как у охранника, как у Харри, Худа, Лейни, Лидии... Почему?

Мэт прикусил губу.

Значит, если он оттолкнул от себя Полли (хотя он не мог понять, почему), значит это не ее вина, что она бросила его.

Но Лейни не бросила, Лейни осталась.

Мэт вскочил на ноги. Теперь у него есть железный довод, почему он не может идти с ними.

Он повернулся и увидел в сером небе три кара, которые то скрывались в тумане, то снова появлялись. Они постепенно снижались.

* * *

Он все еще стоял спокойно. Он не был уверен, что кары приземлятся здесь, хотя они с каждой секундой увеличивались в размерах. Вот они уже над головой, но Мэт не двигался с места. Он знал, что бежать некуда, и только его чудесный дар может спасти его. А он должен сработать, ведь Мэт был очень напуган.

Один из каров чуть не сел ему на голову. Значит, он по-настоящему невидим.

Высокий сухощавый человек вышел из кара, что-то переключил на панели управления. Кар взлетел и сел на крышу. Сели и два других кара. Это были кары полиции. Из одного кара вышел полицейский и подошел к высокому человеку. Они о чем-то переговорили. Видимо, высокий благодарил полицейского, что тот сопровождал его. Полицейский вернулся в машину, и оба полицейских кара взлетели в воздух и скрылись в тумане.

Высокий вздохнул и позволил себе расслабиться. Страхи Мэта испарились. Этот поселенец не был опасен. Он был слишком стар и измучен. Однако какой идиот этот Харри! Ведь он уверен, что в этот дом никто не прилетит!

Человек пошел к дому. Хотя он был очень стар, шел он, как полицейский на параде. Мэт выругался и пошел за ним.

Старик вошел в гостиную и сразу понял, что здесь кто-то есть. Сейчас он позовет на помощь, если Мэт не остановит его.

Старик открыл дверь и вошел в комнату. Мэт за ним.

Он увидел, что старик напрягся, но не крикнул, не потянулся к портативному телефону. Он поворачивал голову направо и налево, рассматривая стаканы, тарелки, включенный камин. Когда Мэт увидел его лицо, то понял, что старик задумался. Не испугался, не рассердился. Задумался.

И когда старик улыбнулся, улыбка его была медленной, напряженной, улыбка шахматного игрока, видящего партию на много ходов вперед. Старик улыбался, но мышцы лица под морщинистой кожей напряглись, кулаки сжались. Он повернул голову, прислушиваясь.

Затем он резко повернулся и очутился лицом к лицу с Мэтом.

— Чему ты улыбаешься? — спросил Мэт.

Поселенец поднял бровь. Он тихо спросил:

— Ты один из Сынов Земли?

Мэт покачал головой.

Старик казался разочарованным. Почему? Мэт сжал кулак.

— Не вздумай сопротивляться, — сказал он и намотал цепь наручника на руку. Это было мощное орудие. Старик рассматривал его. Трое таких, как он, не могли бы оказать сопротивление молодому крепкому парню.

— Я хочу обыскать тебя, — сказал Мэт. — Подними руки. — Он обошел старика сзади и ощупал его карманы. Телефона не было.

Мэт отступил, задумался. Он никогда не обыскивал никого, и старик вполне мог одурачить его.

— Что тебе нужно от Сынов Земли?

— Я скажу, когда увижу их. — Несмотря на акцент, Мэт легко понимал старика.

— Говори.

— Случилось нечто очень важное, — старик, казалось, пришел к трудному для себя решению. — Я хочу кое-что сказать о грузе рамробота.

— Ол-райт. Иди вперед. Сюда.

Они пошли в другую комнату. Старик, за ним Мэт.

Дверь внезапно распахнулась, и Лидия, увидев поселенца, выстрелила в него из соника. Мэт подхватил падающего старика.

— Дура, — сказал он. — Старик хотел говорить с вами.

— Он может поговорить, когда проснется, — сказала Лидия.

Осторожно выглянул Харри Кэйн. В каждой руке его было по пистолету.

— Он один?

— Один. Его сопровождали полицейские, но они улетели. Лучше обыщи его. Может, у него спрятан телефон.

— О боги! Это же Миллард Парлет!

— О! — Мэт слышал это имя, но никогда не видел Парлета. — Я думаю, он хотел видеть вас. Когда он понял, что в его доме кто-то есть, он не испугался. А когда я сказал ему, что не принадлежу к Сынам Земли, он сказал, что хочет поговорить о рамроботе.

Харри Кэйн хмыкнул.

— Он будет спать несколько часов. Лидия, ты будешь сторожить его, и я пойду приму душ. Потом я сменю тебя.

Харри ушел наверх. Лидия и Худ приняли старика от Мэта и усадили его у стены. Старик обмяк, как кукла.

— Душ — это хорошо, — сказала Лейни.

— Я хочу поговорить с тобой. И с Худом, — сказал Мэт.

Они прошли в гостиную, и Худ с Лейни сели у камина. Мэт был слишком возбужден, чтобы сидеть.

— Худ, я хочу знать. Почему ты считаешь, что я использую свою пси-энергию, чтобы прогонять от себя женщин?

— Вспомни, это сказала Лейни, а не я. Но ее предположение мне кажется справедливым. Ты сомневаешься в том, что Полли бросила тебя потому, что ты заставил ее забыть о тебе?

Конечно, он сомневался в этом. Но возразить не мог. Он посмотрел на Лейни.

— Для тебя это важно, Мэт?

— Да.

— Ты помнишь, как ты спрашивал меня, все ли нервничают так же, как и ты в первый раз?

— Ммм... Да, помню.

— О чем вы говорите? — с недоумением спросил Худ.

— Джей, ты помнишь, как ты в первый раз... Как ты перестал быть мальчиком?

Худ расхохотался.

— Что за вопрос, Лейни. Никто такого не забывает. Это было...

— Правильно. Ты нервничал?

Худ нахмурился.

— Да, очень. Ведь я ничего не знал. Я очень боялся, что у меня ничего не получится.

Лейни кивнула.

— Я уверена, что в первый раз все боятся и нервничают. И ты тоже, Мэт. Ты понимаешь, что Это приближается, ты весь напрягаешься, и тогда девушка моментально забывает о тебе.

Мэт грязно выругался. Это было то, чего он не хотел слышать.

— А как насчет тебя, Лейни? Почему я не испугался тебя?

— Я не знаю.

— Какая разница? — рявкнул Худ. — Что бы это ни было, ты не собираешься помогать нам.

— Я хочу знать.

Худ пожал плечами, встал и подошел к огню.

— Ты был очень расстроен, — сказала Лейни. — Может, в этом причина?

— Может быть.

Она не знала, почему это так важно для Мэта, но старалась помочь ему.

— Может, это потому, что я старше тебя. Может быть, ты решил, что я сама знаю, что делать.

— Я ни о чем не думал. Я был слишком пьян. И очень расстроен.

Она встала, резко отвернулась, но затем снова повернулась к нему.

— Мэт, я вспомнила! Тогда было темно.

Мэт закрыл глаза. Да, конечно. Он даже не понимал, что происходит, пока не закрылась дверь и не стало темно. Он тяжело вздохнул, чувствуя себя полностью опустошенным.

Худ сказал.

— Ну вот. Ты с нами закончил?

— Да.

Худ вышел, не оглянувшись. Лейни, готовая уйти, колебалась. Мэт был смертельно бледный, как будто все силы покинули его.

Она коснулась его руки.

— Что случилось, Мэт?

— Это я прогнал ее. Она ушла не сама.

— Полли? — Она улыбнулась. — Почему это беспокоит тебя? Ты провел ночь со мной.

— Ах, Лейни, Лейни. Она, может быть, уже в банке органов! Она, может быть, лежит в гробу, хотя я не знаю, что это такое.

— Ты тут ни при чем. Если бы ты нашел ее в вивариуме...

— Нет, я отомщу за нее! — Мэт порывисто схватил руки Лейни и больно сжал их.

— Ты тут ни при чем, — повторила она. — Ты бы спас ее, если бы мог.

— Конечно. — Но он не слушал ее. Он отпустил ее руки. — Я пойду за ней, — сказал он медленно, как бы пробуя эти слова на вкус. — Да. Я пойду за ней.

Он повернулся и вышел.

Глава девятая

Путь обратно

— Вернись, идиот!

Мэт остановился у двери.

— Что? Разве вы не хотели этого?

— Вернись! Как ты собираешься проникнуть через стену? Не будешь же ты снова барабанить в ворота?

Мэт повернулся. Он был как в лихорадке, совершенно не мог соображать.

— Кастро уже подготовился к этому. Он не знает, как все произошло, но чувствует что-то неладное.

— Вернись и сядь... Ты не должен недооценивать этого человека, Мэт. Нужно все обдумать.

— Эта стена. Как мне перелезть через нее? Черт побери, черт побери!

— Ты устал. Почему бы тебе не подождать Харри? Тогда мы обсудим все.

— Ну, нет. Я не приму помощи Сынов Земли. Я не хочу иметь с ними ничего общего.

— А я? Ты примешь помощь от меня?

— Конечно, Лейни.

Она не стала акцентировать внимание на нелогичности Мэта.

— Отлично. Тогда начнем. Как ты собираешься добраться до больницы?

— Да. Это слишком долгий путь. Ммм. Кар Парлета. Он на крыше.

— Но если Кастро схватит тебя, он сразу же будет здесь.

— Тогда я буду ждать до полуночи, чтобы взять другой кар.

— Да, наверное, это единственный путь. — Лейни не устала, она прекрасно выспалась в вивариуме. Но она чувствовала необходимость освежиться. Горячая ванна — вот что ей нужно! Но она постаралась выкинуть это из головы. — Может, напасть на какой-нибудь дом и захватить другой кар? Потом мы поставим кар Парлета на автопилот, и он вернется сюда.

— На это потребуется время.

— Все равно нам придется ждать темноты, чтобы начать.

— Зачем нам темнота?

— Это может помочь.

Мэт встал и расправил затекшие мышцы.

— Хорошо. Мы пойдем к больнице. Как мы попадем туда? Лейни, ведь там везде электронные датчики.

— Я знаю. Это невидимые лучи. Ультрафиолетовые или инфракрасные.

— Я должен пройти через них.

— Мы.

— Ты не можешь быть невидимой, Лейни.

— Я буду, если пойду близко к тебе.

— Чепуха.

— Мне все равно придется идти с тобой. Ты же не умеешь включать автопилот.

Мэт принялся ходить взад-вперед по комнате.

— Хорошо, оставим это. А как мы перелезем через стену?

— Есть один способ. Предоставь это мне.

— Скажи.

— Не могу.

Внезапно в комнате стало холодно, и Лейни поежилась, хотя сидела возле электрокамина. Туман за окнами стал сгущаться.

— Нам нужны пистолеты, — сказала она. — Я знаю, что в доме колониста всегда есть оружие. Колонисты любят спорт и, в частности, охоту.

Они поднялись на второй этаж, и там нашли комнату с оружием. Они взяли несколько пистолетов и большой запас усыпляющих капсул.

* * *

— Джей!

Худ остановился на полпути к гостиной, повернулся и подошел к ним.

Лидия Ханкок склонилась над Миллардом Парлетом. Она показала на его сложенные на груди руки.

— Посмотри.

Худ взглянул. Парлет приходил в себя. Глаза его были открыты, хотя еще не могли ничего видеть. Худ присмотрелся к рукам.

Они были разными. Кожа на одной руке дряблая и сморщенная, хотя и было видно, что Парлет менял кожу. Правда, очень давно. Новая кожа уже успела состариться. Худ знал, что за свою долгую жизнь Парлет не раз обращался в банк органов.

Кожа на правой руке была совершенно гладкой и розовой, как у ребенка. И почти прозрачной.

— Да, этот старикашка сделал трансплантацию кожи совсем недавно, — сказал Худ.

— Нет. Посмотри сюда, — Лидия показала на кисть. Там Худ увидел полоску шириной в дюйм. Она была молочно-белого цвета и совсем не походила на человеческую кожу.

— И вот здесь. — Такая же полоска была вокруг первого сустава пальца Парлета.

— Верно, Лидия. Но что это? Искусственная кисть?

— Может быть, с вмонтированным пистолетом. Или радио.

— Нет, не радио. Иначе они были бы уже тут. — Худ взял правую руку Парлета и под кожицей младенца пощупал старческие суставы. — Это настоящая рука. Но почему он не трансплантировал ее целиком?

— Он сам скажет нам все.

Худ встал. Он вымылся, хорошо поел, отдохнул. Этот дом неплохое местечко, где можно с удобством ждать, пока Парлет заговорит.

— Как у Лейни с Мэтом? — спросила Лидия.

— Я не знаю. И не стараюсь узнать.

— Странно, — Лидия рассмеялась своим лающим смехом. — Ты провел полжизни, стараясь отыскать на планете пси-энергию. А теперь, когда ее источник нашелся, ты не можешь уговорить его помогать нам.

— Тем не менее я прав, не так ли? Пси-энергия существует. И мы можем использовать ее в нашей борьбе.

— Сможем?

— Лейни умеет убеждать. Уж если она не сможет, то никто не сможет.

* * *

— Я знаю, — сказала Лейни. — Мастерская должна быть в подвале.

И действительно. Вскоре они стояли в комнате, все стены которой были увешаны инструментами.

— Парлет-младший, похоже, мастер на все руки.

— Совсем необязательно. Может, это просто хобби. Клади сюда руки. Я возьму эту пилу.

Через двадцать минут Мэт потирал руки, свободные от наручников. Они теперь стали на добрых десять фунтов легче.

* * *

Бремя ожидания тяжело давило на Иезуса Пьетро.

Он давно уже должен быть дома. Из окна он видел в темном тумане темное смутное пятно леса. Иезус позвонил Наде и сказал, чтобы она не ждала его сегодня. Ночь опускалась на больницу, где Иезус Пьетро выставил дополнительную охрану.

Скоро должно случиться то, чего он ждал. А сейчас он пытался решить, что же сказать полицейским.

Он не хотел ошарашивать их сообщением о том, что все пятеро пленников так и не найдены, но находятся где-то на Альфа Плато. Тем более что полицейские наверняка знали это.

Иезус Пьетро включил систему внутренней связи.

— Мисс Лауссоан, соедините меня с больницей.

— Сейчас. — Она крайне редко называла его сэр. В ней текло больше крови поселенцев, чем в Пьетро. И у нее были могущественные покровители. К счастью, она была довольно приятной девушкой и хорошим работником. И если она когда-нибудь нарушит дисциплину...

— Все готово.

— Говорит Кастро, — произнес Пьетро. — Вы все знаете, что прошлой ночью человек проник в больницу. Этим утром он и еще несколько пленников бежали. Я получил информацию, что он проник сюда для разведки и подготовки нападения на больницу, которое произойдет сегодня.

Ночью Сыны Земли нападут на больницу. Вы все получили карты больницы, где указаны дополнительные защитные средства, установленные в разных местах. Запомните их и не попадите в ловушки. Я отдал приказ увеличить дозы в капсулах. Так что оружие может убивать. Запомните: может убивать.

Я не думаю, что повстанцы предпримут лобовую атаку, — Пьетро улыбнулся при этих словах. Действительно, какой дурак полезет в лобовую атаку. — Будьте внимательны и осторожны. Они могут попытаться проникнуть в больницу в вашей форме. Держите наши удостоверения под рукой. У каждого неизвестного спрашивайте документы и сличайте фотографии.

Последнее: не перестреляйте друг друга.

Он отключился, затем попросил соединить его с энергостанцией.

— Отключите энергию от колонистских домов до утра, — сказал он.

Служащие станции гордились своей работой. Для них было делом чести снабжать энергией людей. Поэтому сейчас они запротестовали, но Иезус Пьетро резко отверг все протесты. — Делайте, что приказано.

Снова он подумал о том, что приказал выдать ампулы со смертельной дозой наркотика. Теперь полицейские будут бояться застрелить друг друга. Хуже того, они будут бояться собственного оружия. Еще никогда со времени Соглашения полиция не использовала смертельного оружия. Впрочем, эти ампулы хранились так долго, что, может быть, потеряли способность убивать.

Пьетро был уверен, что сегодня ночью что-то произойдет. Он чувствовал это всем существом. И вовсе не потому, что для повстанцев сегодняшняя ночь была последним шансом освободить пленников из вивариума. Просто Пьетро испытывал холодную уверенность в этом.

На планете уже была ночь, и вдруг вспыхнули все прожекторы больницы, превратив все пространство вокруг в день. Кто-то принес Пьетро ужин, он торопливо поел и снова сел, прихлебывая кофе.

* * *

— Спускайся, — сказала Лейни.

Мэт кивнул и нажал на рычаги. Они опустились на дом среднего размера, похожий на плоский стог сена. По сторонам стога были окна, а кроме того нечто, похожее на крыльцо с навесом. Сразу же возле крыльца был виден причудливой формы бассейн. В окнах светились огни, и весь бассейн был залит светом. Сама вода подсвечивалась изнутри. На крыше не было места для посадки, но возле дома виднелись два кара.

— Я бы предпочел пустой дом, — заметил Мэт. Он не осуждал Лейни, так как давно уже решил полностью довериться ей, как эксперту в таких делах.

— И что? Даже если бы ты и нашел кар, у тебя бы не было ключей от него. Я решила выбрать этот дом, так как сейчас все находятся в бассейне. Видишь? Опускай кар, и я посмотрю, что можно сделать.

Они долго летели вдоль края бездны, стараясь держаться в тумане, чтобы их не заметили. Наконец, отлетев несколько миль, они повернули на Плато. Под рукой Мэта на сиденье лежал пистолет. У него никогда не было такого мощного оружия, и теперь он чувствовал себя в безопасности.

Лейни сидела сзади, готовая открыть огонь, если бы их атаковали с тыла. И вот они были у цели. Мэт не мог сказать, сколько человек находится в бассейне. Но пистолеты имели телескопические

прицелы. Мэт услышал позади себя звуки, словно бы лопнули воздушные шарики.

— Один, — сказала Лейни. — Два, вот и третий... О'кей. Мэт, можешь садиться, только побыстрее.

Кар еще не коснулся земли, как она выскользнула и бросилась к дому. Мэт последовал за ней. Он увидел возле бассейна двух лежащих поселенцев. Третий лежал у самой двери в дом. Мэт почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо. Все они были голые. Мэт не знал, что поселенцы купаются голыми. Но вот он заметил кровь, стекающую по шее женщины, и сразу пришел в себя. При чем здесь одежда?

С земли дом все еще выглядел, как стог сена, но уже была видна прочная конструкция. Внутри же дом был совсем не таким, как дом Парлета. Стены округлой формы, а середину комнаты занимал конический камин. Однако на всем лежал все тот же налет роскоши.

Мэт снова услышал звук лопнувшего шара и побежал.

Он открыл дверь и услышал второй хлопок. Возле полированного стола стоял человек и крутил диск телефона. Он уже начал падать, когда Мэт увидел его: загорелый поселенец, среднего возраста, на котором не было ничего, кроме нескольких капель воды и выражения ужаса на лице. Он смотрел на Лейни. Рука прижимала кровавое пятно на ребрах. Он падал, и выражение ужаса стиралось с его лица, но Мэт запомнил его. Он уже был жертвой погони, но понимал, что быть жертвой обнаженной еще хуже. Одежда давала какую-то иллюзию защиты.

— Посмотри наверху, — сказала Лейни. Она перезарядила пистолет. — Нам нужно найти, где они раздевались. В одежде должны быть ключи. Торопись, нам нельзя здесь долго находиться.

Через несколько минут он спустился, и на пальце его болталось кольцо со связкой ключей.

— Вот, — сказал он.

— Прекрасно. Выбрось их.

— Почему?

— Я нашла вот эти. — У нее тоже были ключи. Это ключи от кара хозяина дома. Но я думаю, что нам следует взять кар гостя. Тогда полиция не сможет узнать, откуда мы появились.

Они прошли к кару Парлета. Лейни покопалась на панели управления.

— Пожалуй, не стоит его посылать обратно, — пробормотала она. — Харри возьмет другой кар. Я направлю кар, чтобы он летел все время на юг. О'кей, Мэт, все готово.

Они подобрали ключ к одному из каров на крыше. Мэт повел кар на северо-восток к больнице.

Туман был необычно плотным у земли, и Мэт летел почти час, прежде чем заметил внизу желтое пятно.

— Больница, — подтвердила Лейни, и они повернули к ней.

Смутное желтое пятно внизу, и вдруг яркий свет прожекторов.

Мэт мгновенно бросил кар вниз.

Они оказались в воде. Через мгновение они вынырнули, и Мэт чуть не задохнулся от холода. В панике крякали дикие утки.

Белые лучи прожекторов пронизывали воздух.

— Где мы?

— Я думаю, это Парлет Парк.

Мэт встал на ноги, подняв пистолет над собой. Глубина оказалась небольшой: всего по пояс. Над прудом со свистом пронесся кар. В лучах его прожекторов туман казался серо-желтым.

Внезапная мысль озарила его.

— Лейни! Пистолет у тебя?

— Да.

— Проверь его.

Он услышал выстрел.

— Отлично, — сказал он и выбросил свой пистолет.

Лучи прожекторов бороздили воду вокруг него.

Мэт поплыл туда, где слышал выстрел Лейни. Вскоре он был уже рядом с ней. Он схватил ее за руку и прошептал:

— Держись ближе ко мне. — Они стали приближаться к берегу. Мэт чувствовал, что Лейни дрожит. Вода была холодной, но ветер был еще холоднее.

— Что с твоим пистолетом?

— Я выбросил его. Ведь чтобы стать невидимым, мне нужно испугаться. Но я не могу испугаться с пистолетом в руке. — Они вышли на берег. Лучи прожекторов шарили по траве, с трудом пробиваясь сквозь туман. В их свете виднелись черные силуэты бегущих людей. На воду позади них опустился кар, мягко, как лист дерева.

* * *

— Соедините меня с шефом, — сказал майор Чин. Он оставался на заднем сиденье своего кара. Кар покачивался на воздушной подушке над одним из прудов Парлет Парка. В таком положении на него напасть было невозможно.

— Сэр? Мы нашли украденный кар. Да, сэр. Он был украден и летел прямо к больнице. Он спустился, как только мы заметили его. Думаю, что мы находимся в двух милях к юго-востоку от вас. Те, кто был в каре, покинули его сразу после приземления.

Да, сэр. Очень профессиональный пилот. Он успел поставить кар на автопилот... Номер Б—Г—Ж—И... Нет, сэр, никого, но мы окружили весь район. Они не смогут уйти. Нет, сэр, еще никого не видели. Наверное, они среди деревьев, но мы выкурим их оттуда.

Озадаченное выражение появилось на его круглом гладком лице.

— Да, сэр, — сказал он и вздохнул. Он подумал, что стоило бы отдать приказ полицейским, прочесывающим парк, но все шло по плану и вмешательства не требовалось. Когда найдут кого-нибудь, ему сообщат.

Но что означает последняя фраза шефа? «Не удивлюсь, если вы никого не найдете».

Глаза майора сузились. Кар всего лишь приманка? Но что он прикрывает? Какие действия колонистов?

В небе появился еще один кар. Значит, этот пустой кар должен был отвлечь его внимание, чтобы проскочил второй?

Он взял микрофон.

— Карсон, ты здесь? Подними свой кар. На тысячу футов. Выключи прожектора и следи за обстановкой в инфракрасном свете. Оставайся там, пока не придет сигнал отбоя.

* * *

— Вызываю майора Чина, — сказал Дохени, кружащий на высоте ста футов над Парлет Парком. В его ровном голосе чувствовалось возбуждение охотника, заметившего добычу.

— Сэр. Я обнаружил на инфралокаторе пятно, движущееся от пруда. Возможно, это два человека. Туман мешает точности восприятия. Западный берег. Они движутся по направлению к основной группе полицейских. Вы их не видите? Они там, я клянусь... О'кей, о'кей. Но если их нет, значит, мой локатор не в порядке. Да, сэр.

Обиженный, но исполнительный, Дохени откинулся на спинку сиденья и смотрел на красное пятно на экране инфраскопа. Пятно отделилось от массы людей вокруг кара и двинулось прочь.

* * *

Задыхаясь от долгого бега, они наконец выскочили из Парлет Парка на какую-то деревенскую дорогу. Пока они бежали, Мэт держал Лейни за руку, чтобы она не отстала. Когда добежали до дороги, Лейни оперлась на его руку.

— О'кей... теперь можно отдохнуть.

— Далеко до больницы?

— Около... двух миль.

Далеко впереди них сияли прожектора полицейских каров, преследующих пустой кар, поставленный на автопилотирование. А далеко впереди виднелось слабое сияние: огни больницы.

Дорога, по которой они шли, была выложена красным кирпичом. По бокам росли деревья, за которыми виднелись старые дома.

Ветер раскачивал деревья, сбивая туман в клубящиеся вихри, пронизывая Мэта и Лейни насквозь.

— Нам нужно где-нибудь переодеться, — сказал Мэт.

— Мы еще встретим кого-нибудь. Еще рано.

— Как поселенцы купались в такую погоду?

— Вода в бассейне была горячей. Хотелось бы и мне искупаться там.

— Нам нужно забрать тот кар.

— Твое могущество не спасло бы нас в нем. Полицейские со своих каров, наверное, уже обстреляли его сониками. Хорошо, что мы не в нем.

— А почему ты заставила меня раздеть того полицейского? А потом сама же выбросила его форму?

— Черт побери, Мэт. Ты доверяешь мне?

— Прости. Но одежда бы пригодилась нам обоим сейчас.

— Дурак! Зато теперь они будут думать, что один человек переодет в форму полицейского. А ну-ка, иди вперед, быстрее!

Впереди у одного из домов вспыхнул свет. Мэт встал впереди Лейни, и они двинулись на свет, касаясь друг друга. Затем Мэт наклонился, чтобы она могла использовать его спину как опору для пистолета.

Этот прием сработал в Парлет Парке. Он сработал и теперь. В освещенном круге появились два поселенца. Они обернулись и махали хозяевам дома, где они были в гостях. Затем они спустились по ступеням на дорогу и пошли вперед, покачиваясь от ветра. Свет из открытой двери падал на них, но затем дверь закрылась, и теперь были видны только темные силуэты. Поселенцы вступили на кирпичную мостовую, и тут их настигли две капсулы, пущенные из пистолета Лейни.

Мэт и Лейни раздели их и оставили возле забора, чтобы их могли обнаружить днем.

— Слава Богу, — сказал Мэт, который все еще не мог согреться, несмотря на сухую одежду.

Лейни уже обдумывала план дальнейших действий.

— Мы будем держаться ближе к домам, пока будет возможно. Они хорошая защита от инфракрасных лучей обнаружения. Даже если нас засекут с кара, то пилоту придется опуститься, чтобы убедиться, что мы те, кого он ищет.

— Хорошо. А когда мы выйдем из-за прикрытия домов?

Лейни долго молчала. Мэт не пытался настаивать. Наконец она заговорила.

— Мэт, я должна тебе кое-что сообщить.

Он снова не стал спрашивать ее.

— Когда мы проникнем через стену — если нам удастся это, — я пойду в вивариум. Ты можешь не идти туда, но я пойду.

— Но это ведь первое, что они ждут от нас.

— Возможно.

— Тогда лучше не ходить туда. Лучше сначала освободить Полли. Нам нужно постараться как можно больше поднять шума. Может, Сыны Земли... — Он взглянул на нее и замолчал.

Лейни смотрела вперед. Лицо ее походило на неподвижную маску. И голос тоже был жестоким, невыразительным.

— Поэтому я и говорю с тобой сейчас. Я иду в вивариум. За этим я здесь. — Она хотела замолчать, но после колебания заговорила снова: — Я здесь потому, что там Сыны Земли, а я одна из них. Я здесь не потому, что нужна тебе, а потому, что нужна им. Мне нужен ты, чтобы я могла проникнуть в больницу. В противном случае, я бы попыталась сделать это одна.

— Ясно, — сказал Мэт. Он хотел продолжать, но не решился. Слишком сильный и слишком неожиданный удар получил он от Лейни. Но, справившись с собой, он спросил как ни в чем не бывало:

— А как насчет тайны Полли?

— Ее знает и Миллард Парлет. Кажется, он будет говорить. А если не захочет, Лидия сумеет заставить его.

— Значит, вам больше не нужна Полли?

— Верно. И если ты думаешь, что я здесь из-за любви к тебе, то тоже выброси это из головы. Я не грубая и не жестокая, Мэт. Я просто хочу, чтобы ты правильно понимал ситуацию и мог сделать разумный выбор.

Ты лишь средство, Мэт. Мы нуждаемся в помощи друг друга, чтобы проникнуть в больницу, но цели у нас разные. Я сразу же иду в вивариум, а ты можешь делать все, что хочешь.

Некоторое время они шли молча, рядом друг с другом, как пара поселенцев, возвращающихся домой из гостей. Изредка им попадались навстречу люди. Все они шли, закутавшись в плащи и ежась от ветра. Никто не обращал на Мэта и Лейни внимания, все хотели побыстрее попасть домой, в тепло. Однажды десяток полупьяных мужчин и женщин вывалились на улицу, с шумом и гамом прошли по ней, а затем стали барабанить в дверь одного из домов. Вскоре дверь открылась, и пьяная компания ввалилась внутрь. Внезапно Мэт почувствовал себя страшно одиноким. Он крепче сжал руку Лейни, которая спокойно шла впереди.

Кирпичная мостовая все еще была у них под ногами, но по правую руку домов уже не было, только возвышались деревья, темные и враждебные. Они закрывали вид на больницу. Видимо, сразу за деревьями начиналась голая каменная пустыня.

— Теперь куда?

— Пойдем по периметру. Я думаю, что нам нужно пробраться к опушке леса..

Она ждала его вопроса, но Мэт ничего не спросил. Тогда она сама объяснила.

— Сыны Земли давно планируют нападение на больницу. Только нам ни разу не представилось подходящего случая. Мы решили идти по опушке леса. Лес так напичкан разными ловушками, что охранники мало обращают внимания на него.

— А что ты знаешь о защитных системах самой больницы?

— Ты же сам был там прошлой ночью. Хорошо, что у тебя хватило ума не соваться в лес. Вокруг стены два кольца с фоточувствительными датчиками. Стену ты видел. На ней прожектора и пистолеты. Кастро на ночь, вероятно, установил дополнительную охрану.

— А внутри?

— Охранники. Мэт, мы предполагаем, что они плохо обучены. Ведь они все время находятся без работы. Если бы нас было побольше...

— Но мы ведь одни?

— Да, но мы будем иметь дело с охранниками, которые уверены в том, что обороняться им не от кого.

— А ловушки? С техникой мы не сможем бороться.

— В больнице их практически нет. Возможно, что Кастро сейчас установил кое-что. Кроме того, наверняка есть ловушки в космических кораблях, этого мы не знаем, но туда мы не пойдем. Правда, есть еще эти проклятые вибрирующие двери.

Мэт кивнул, резко мотнув головой.

— Эти двери были для нас сюрпризом. Почему-то нас о них не предупредили.

— Кто?

— Не твое дело. Подожди... Нет. Мы пойдем здесь.

— Лейни.

— А? Здесь заложены провода. Так что старайся ступать только на корни деревьев.

— Что произошло в пятницу?

Она повернулась к нему, вглядываясь в его лицо, стараясь понять, что он имеет в виду.

— Я случайно узнала, что ты нуждаешься во мне.

Мэт медленно кивнул.

— Ты не ошиблась.

— О'кей. Для этого я здесь. Сыны Земли в основном мужчины. Иногда они впадают в отчаяние. Все время планируют действия и действуют крайне редко, а если действуют, то всегда проигрывают. При этом они впадают в еще большую депрессию. Но мне иногда удается заставить их чувствовать себя мужчинами.

— Мне кажется, что я тоже стал мужчиной и мне нужна ты.

— Все, что тебе сейчас нужно, брат, это хорошенько испугаться. Постарайся испугаться, и все будет ол-райт. Мы пройдем...

— Знаешь, о чем я думаю?

— Что еще?

— Если бы мы остались здесь на ночь, то неплохо бы провели время.

— Ты идешь? И не забывай ступать на корни.

Глава десятая

Рука Парлета

Темнота опустилась на планету Маунт Лунитхэт.

Но поселенцы об этом не знали. Альфа Плато, как всегда, было залито солнцем. И даже те, кто жили на краю Плато и могли бы видеть вдали дома на Бета, Гамма, Йота Плато, сегодня из-за густого тумана их не видели. И откуда им было знать, что на всей планете, кроме Альфа Плато, воцарилась тьма?

Гнев и страх охватили все поселения колонистов, но что могли они поделать? Их гнев не достигал Альфа Плато.

В отключении энергии не было никакой опасности. В поселениях колонистов не было больниц, где пациент мог умереть во время операции, когда отключали свет. У колонистов не было ни машин, ни каров, которые могли бы столкнуться на темных улицах. И никто не мог умереть от голода, так как все склады были полны припасов.

Но в поселениях царил страх и гнев. Может, на энергостанции что-то произошло? А может, это наказание... или эксперимент полиции?

В темноте нельзя было продвигаться. Большинство людей оставались там, где их застигла тьма. И они ложились спать, где могли, так как наступило время сна. Все они ждали возвращения света.

* * *

Их опасаться нечего, думал Иезус Пьетро. Если сегодня ночью и возникнет угроза, то она придет не оттуда.

Пьетро был уверен, что Сыны Земли нападут на больницу, хотя их всего пятеро. Харри Кэйн не оставит своих людей в больнице, где их ждет смерть. Он сделает что сможет, несмотря на риск.

И майор Чин упустил одного. Это всего в двух милях от больницы. Беглец одет в полицейскую форму. Судя по тому, что он бежал, что он был один и что его никто не видел, это был Мэт Келлер.

Пять досье на пятерых беглецов. Харри Кэйн и Джейхок Худ:

это старые друзья, наиболее опасные из всех Сынов Земли. Элен Матсон, Лидия Ханкок и Мэтью Келлер: с этими он должен был поближе познакомиться вчера днем.

Самое тощее досье было на Мэта Келлера. Две с половиной странички. Работает на шахте... семья небольшая... несколько любовных интрижек. Никаких доказательств, что он входит в организацию Сынов Земли.

Иезус Пьетро был обеспокоен. Сыны Земли, если прорвутся в больницу, сразу же бросятся в вивариум, чтобы освободить своих товарищей. Но если Мэтью Келлер...

Если Альфа Плато угрожают не Сыны Земли, а нечто другое, имеющее свою непредсказуемую цель...

Иезус Пьетро был обеспокоен. Последний глоток кофе показался ему отвратительным, и он со злостью отшвырнул чашку. Выглянув в окно, с удовлетворением отметил, что туман рассеивается. На столе его лежала пачка из пяти досье, шестое — отдельно от всех. И еще пистолет.

* * *

В сиянии больничных прожекторов небо казалось жемчужно-серым. Стена чудовищной массой возвышалась перед ними. На ней выделялись черные силуэты, слышались чьи-то шаги.

Они долго пробирались сюда. Им пришлось прыгать через луч света, который прижимался датчиком и при пересечении которого сразу же возникла бы тревога. Мэт прыгнул первым, а за ним Лейни. Мэт в это время стоял, смотрел на стену и отчаянно желал, чтобы ее никто не видел.

И ее никто не увидел.

— Мы можем пройти к воротам, — сказал Мэт.

— Нет, Кастро мог отключить энергию, и тогда ворота не открыть. Нет, есть путь лучше.

— Покажи.

— Нам придется немного рискнуть.

— А что?

— Заряд. Правда, я не уверена, что он заложен.

— Заряд?

— Видишь ли, в полиции в основном чистокровные колонисты. Но с ними нужно быть очень осторожными. Мы потеряли много людей в попытках завязать с ними контакт. Однако кое-что удалось.

— Кто-то для вас заложил бомбу?

— Я надеюсь. В полиции есть два Сына Земли, но оба могут оказаться предателями. — Она сунула руку в карман. — Черт побери, у этой суки даже не было зажигалки. А в твоем кармане есть?

— Сейчас посмотрю. Вот.

Она взяла зажигалку и сказала:

— Со стены могут увидеть огонек. Нужно прикрыть его. — И склонилась над огоньком, побежавшим по шнуру.

Мэт тоже распростерся над проводом. Желтый огонек с шипением пробежал под ним и скрылся под стеной.

Лейни схватила его руку.

— Бежим! Вдоль стены! — Он последовал за ней. — Теперь ложись!

Он упал на живот возле Лейни. Послышался оглушительный взрыв. Осколки засвистели в воздухе. Один из них оторвал клочок уха Мэта, и тот схватился за рану и выругался.

Однако нельзя было терять времени. Лейни рывком подняла его, и они бросились к месту взрыва. В стене зияло отверстие. Мэт поднял голову, ожидая увидеть сотни глаз, устремленных на него. И вдруг все вокруг ярко осветилось.

— Сюда! — Лейни упала на колени и поползла. Мэт услышал свист пуль возле себя. Он тоже упал на колени и последовал за Лейни.

Сначала отверстие было достаточно большим, чтобы пробираться на четвереньках, но затем оно сузилось, и им пришлось ползти на животе. Острые камни царапали бока. Здесь тоже был яркий свет, такой яркий, что у Мэта слезились глаза.

— Я боюсь, — пробормотал он.

— Заткнись, — рявкнула Лейни и обернулась к нему. Они были уже на другой стороне стены. В ярком свете Мэт увидел, как изменились ее глаза. Затем она повернулась и побежала прочь. Уже через мгновение она была далеко, и Мэту было ее не догнать.

Со всех сторон слышался топот бегущих ног. Их окружали. К его удивлению, никто не остановил бегущую Лейни. Однако за ней погнались.

И никто не пытался остановить Мэта. Он был невидим. Но он потерял Лейни. Без него она была беспомощна. Правда, пистолет... И он не знал, как добраться до Полли. Он стоял на месте, как растерявшийся мальчишка.

* * *

Нахмурившись, Харри Кэйн рассматривал руки Парлета, которые были не похожи одна на другую. Он видел раньше трансплантированную кожу, но такую работу видел впервые.

— Это ведь не искусственная рука? — спросила Лидия.

— Нет. Но это и не обыкновенная трансплантация.

— Он уже должен прийти в себя.

— Я уже очнулся, — сказал Парлет.

— Ты можешь говорить?

— Да. — Голос Парлета напоминал скрип двери. Однако в нем ясно слышался акцент поселенца. Он говорил медленно, тщательно выбирая слова. — Могу я попросить стакан воды?

— Лидия, дай ему воды.

— Пожалуйста, — Лидия поднесла к губам старика стакан, и тот начал пить маленькими глотками.

Харри рассматривал Парлета. Они посадили его, прислонив к стене. Он еще не мог двигаться, но лицо уже ожило, и теперь на нем появилось осмысленное выражение.

— Спасибо, — сказал он уже окрепшим голосом. — Ты не должна была стрелять в меня.

— Ты хотел нам что-то сообщить, Парлет?

— Ты — Харри Кэйн. Да, у меня есть что сказать тебе. Я хочу предложить тебе сделку.

— Я готов договориться. Что за сделка?

— Ты поймешь, когда я все скажу. Может, мне начать с груза рамробота? Это будет самое лучшее.

— Лидия, позови Джея. — Лидия быстро вышла. — Я хочу, чтобы он слышал все. Я не силен в технике.

— Джейхок Худ? Он тоже здесь?

— Кажется, ты много о нас знаешь.

— Конечно. Я изучал вашу организацию задолго до того, как вы появились на свет. Джей умный человек. Подождем его.

— Значит, ты изучал нас. Зачем?

— Я попытаюсь объяснить тебе, Кэйн. Это потребует времени. Ты считаешь, что ситуация на Лунитхэт очень хрупкая, ненадежная?

— Если бы ты пытался ее изменить так же долго, как и я, ты бы не считал ее хрупкой.

— Я серьезно, Кэйн. Наше общество полностью зависит от технологии. Измени технологию, и ты изменишь общество. Больше всего при этом изменяется этика человека.

— Странно. Этика есть этика.

Губы старика презрительно скривились.

— Дай мне договорить, Кэйн.

Харри замолчал.

— Вспомни о хлопке, — сказал Парлет. — Он мог расти только на юге Соединенных Штатов, но не на севере. И вот на юге оставалось рабство еще долго после того, как оно было отменено на севере. Расовая проблема еще целые столетия существовала в США.

Теперь вспомни о рыцарских доспехах. Вся этика рыцарей основывалась на том, что их доспехи служат надежной защитой от любого врага, который не имеет таких же доспехов, как у него. Но вот изобрели арбалеты, затем порох — и рыцарство умерло. Возникла совершенно новая этика.

Сначала война была в руках дипломатов, — продолжал Парлет. Он остановился и перевел дух. — Да, так было. Но потом появился отравляющий газ, водородная бомба. И каждое смертельное изобретение делало войну все менее и менее пригодной для того, чтобы с ее помощью один человек добивался какой-то цели. Вернее, не человек, а нация. И национализм постепенно исчез.

А когда человек вышел в космос, появилась совершенно новая этика. Ведь теперь любая оплошность человека в космосе автоматически означает то, что он подписал сам себе приговор. — Старик снова замолчал, задыхаясь.

— Я не историк, — сказал Харри. — Но, по-моему, мораль есть мораль. То, что неэтично здесь, неэтично и в любом другом месте.

— Кэйн, ты не прав. Этично наказывать человека за воровство?

— Конечно.

— А ты знаешь, что в двадцать первом веке психологи занимались излечением преступников?

— Но это же глупо. Зачем заниматься этим, если их можно использовать для пополнения банков органов... А, тогда же не было банков органов.

Старик улыбнулся, показав великолепные белые зубы. Сверкающие зубы и острые серые глаза — под морщинистой маской лица показался настоящий Парлет.

Настоящий, подумал Харри. Только зубы не его. Черт с ним.

— Продолжай, — сказал он.

— И вот однажды я понял, что ситуация на Лунитхэт весьма неустойчива. Ведь она может внезапно измениться в любой момент, так как с Земли к нам поступают все новые и новые открытия. И я решил быть готовым к этому.

На лестнице послышались торопливые шаги. Вошли Лидия и Худ. Харри представил Худа Парлету. Худ пожал Парлету руку, хотя внутренне он содрогнулся, так как в руки старика жизнь еще не вернулась.

— Посмотри на мою руку, — сказал Парлет.

— Мы уже осматривали ее.

— И ваше мнение?

— Мы хотим спросить тебя о ней.

— Вероятно, на Земле произошла биологическая революция. Там достигли грандиозных успехов в биологии. Рамробот принес нам четыре подарка с полными инструкциями, как пользоваться ими. Один — вирус фунгус симбиот. Я погрузил в него свой мизинец. И кожа на моей руке стала меняться.

— Меняться? Прошу прощения. — Худ перевел дух. Старик говорил так медленно, что его было трудно не перебить.

— Да, меняться. Сначала растворился апидермис и обнажились живые клетки. Затем возникла новая кожа. Вы, наверное, знаете,

что вирусы не воспроизводятся. Они просто заставляют существо, в котором они находятся, производить другие вирусы и только сообщают новым вирусам свои свойства.

— Великолепно! Значит, этот вирус создает новую кожу! Но что произойдет, если вирус дойдет до глаз?

— Не знаю. В инструкциях ничего не сказано об этом. Я решил поэкспериментировать на себе. Вирус даже уничтожает шрамы на коже.

— Это большое достижение,— сказал Харри.

— Но ты не понимаешь, как это важно. Я показал тебе только первый дар. Остальные еще более изумительны. Один из них меняет печень человека.

Глаза Харри расширились от изумления. Лидия протяжно свистнула.

— Да, да. Печень. Правда, у нас будут сложности с вращиванием этой искусственной печени в организм.

— Значит, Келлер не солгал. Маленькие печени и сердца! — воскликнул Харри. — Парлет, а третий дар заменяет человеческое сердце?

— Да. Почти целиком. Но тоже требует сложности...

— Черт возьми! — и Харри пустился в пляску. Он подхватил Лидию и стал кружить ее. Худ смотрел на них, глупо ухмыляясь. Кэйн отпустил Лидию и бросился к Парлету. — А четвертый?

— Ротифайер.

— ...ротифайер?

— Да. Он существует, как симбиот в крови. Он производит то, чего не может создать человеческий организм. Кэйн, меня всегда поражало то обстоятельство, что эволюция не смогла создать ничего совершенного. Например, она не дала человеку долгих лет жизни. Потребовались громадные усилия медиков, чтобы скомпенсировать...

— Что делает этот ротифайер?

— Он борется с болезнями. Вымывает жировые отложения в венах и артериях. Растворяет тромбы. Правда, он не может проникать в маленькие капилляры и погибает при контакте с воздухом. Кроме того, он укрепляет слабые стенки артерий, что весьма необходимо для людей преклонного возраста.

Харри Кэйн стоял, покачиваясь с пятки на носок.

— Значит, с банками органов покончено. Они больше не нужны. Неудивительно, что ты хотел сохранить все в тайне.

— Не будь идиотом.

— Что? — Парлет открыл рот, но Харри осадил его.

— Я говорю тебе, что банки органов больше не нужны. Слушай, Парлет! Кожа человека меняется сама собой. И сердце... и печень. А ротифайер обеспечивает защиту от многих болезней! Что еще бы ты хотел?

— Еще многое. Селезенку, желудок, легкие.

— Он прав, — сказал Худ. — То, что прибыло на рамроботе, далеко не достаточно. Как ты заменишь сломанную ногу или руку, ослепший глаз? — Он стал расхаживать по комнате. — Чтобы банки органов стали ненужными, необходимо получить еще несколько сотен различных вирусов и симбионов.

— Хорошо. Заткнись, — сказал Харри Кэйн. Худ замолчал. — Парлет. Ты, конечно, прав. Но подумай: предположим, что колонисты на Маунт Лунитхэт узнают о прибытии рамробота и о его грузе. Не анализ Худа и не твои рассуждения, а только сам факт. Что тогда?

Парлет улыбнулся. Он не должен был улыбаться, но его зубы сверкнули в мирной улыбке, совсем не вымученной, а вполне натуральной.

— Они будут считать, что банки органов больше не нужны. И они будут уверены, что полиция вот-вот будет распущена.

— Да, а когда окажется, что полицию не распускают, колонисты восстанут! Все колонисты на планете! Сможет ли больница устоять против них?

— Ты слишком прямолинеен, Кэйн. Я склонен думать, что больница устоит против любого нападения, хотя мне бы не хотелось проверять это. Однако я точно знаю, что в этой кровавой бойне погибнет половина населения планеты.

— Значит, ты уже думал об этом!

Лицо Парлета искривила гримаса. Он замахал руками, как будто его вновь поразил удар соника.

— Ты считаешь меня идиотом, Харри Кэйн? Я никогда тебя не считал дураком. Когда я впервые услышал о грузе рамробота? Шесть месяцев назад, когда пришло мазерное сообщение. Я тогда сразу понял, что близится конец правлению поселенцев на Плато.

* * *

Лейни пробежала налево, обогнула округлую башню «Планка» и исчезла из виду. Мэт сначала кинулся за ней, но затем взял себя в руки и остановился. Наверное, она знает другой вход, и наверняка она добежит до него раньше, чем он догонит ее. А если он последует за ней в больницу, то заблудится в лабиринте коридоров.

Но ее нужно отыскать. Ведь она постаралась ничего ему не сказать, и сейчас он так же мало знал, как и раньше. Может, она боялась сказать ему что-либо важное? Она не говорила о бомбе, пока они не приблизились к ней; не говорила о способе проникновения в больницу...

Постепенно она сказала бы ему, как найти Полли, но сейчас он этого не знал.

Или...

Он побежал к главному входу, обогнав толстого полицейского, бежавшего туда же. Ведь он может встретить Лейни в вивариуме, они же собирались туда. Однако Мэт знал единственную дорогу в вивариум.

Огромная бронзовая дверь открылась, когда он подбежал к лестнице. Мэт замер внизу. Электронный глаз? Затем три полицейских появились в дверях, и Мэт проскочил между ними. Никакой электронный глаз не смог бы зафиксировать, что в больницу проник посторонний.

Двери захлопнулись, едва не прищемив его. Мэт выругался и едва успел отскочить в сторону, пропуская полицейского с ультразвуковым свистком. Мэт уже видел такой свисток. Он ему пригодится, когда нужно будет выбираться из больницы, но сейчас не до него.

Ноги его отчаянно болели. Мэт шел, держась за стену, и старался не стонать.

... направо, вверх по лестнице, снова направо и затем налево...

ВИВАРИУМ. Он увидел дверь и тут же остановился, прислонившись к стене. Он ужасно устал. Он будет ждать Лейни здесь. Ноги его совсем онемели, в голове стоял звон, и ему не хотелось ничего, только дышать. Во рту стоял отвратительный вкус ядовитого тумана бездны. Видимо, он слишком долго бежал, слишком сильно боялся, и в его крови образовалось чересчур много адреналина. Он опирался на стену, и стена казалась ему мягкой.

Было очень хорошо отдыхать, дышать, согреваться. Покопавшись в кармане, Мэт нашел пригоршню каштанов. Неочищенных поджаренных каштанов.

Капрал Халли Фокс вышел из-за угла и остановился. Он увидел возле стены поселенца. Кусочек уха его был оторван, струйка крови стекала за воротник. Он чистил и ел каштаны, бросая скорлупу на пол.

Это было странно, но не очень.

Халли Фокс родился в семье, три поколения которой служили в полиции. Естественно, что и он стал полицейским. Его реакция была недостаточно быстрой, чтобы стать налетчиком, и он был скорее исполнителем, чем лидером. Поэтому он занимал твердое положение в полиции, выполняя обязанности, не требующие инициативы и ответственности.

А прошлой ночью он задержал колониста, проникшего в больницу.

Утром произошел побег из вивариума, впервые со времени его основания. Капрал Фокс впервые в жизни увидел кровь. Человеческую кровь. Не залитую в сосуды банка органов, а текущую по платам пола вивариума — следствие человеческой жестокости.

Вечером шеф предупредил о возможном нападении на больницу.

Он даже сказал, чтобы полицейские не перестреляли друг друга! И все приняли его слова всерьез.

Несколько минут назад на улице раздался страшный взрыв, и все полицейские бросили посты, чтобы посмотреть, что же произошло.

Капрал Фокс не бросил свой пост. Все, что происходило сейчас, было ему не по душе. Единственное, что еще оставалось для него незыблемым и постоянным, — это его инструкции. И поэтому, когда возле стены он увидел поселенца, который ел каштаны, он отсалютовал и сказал:

— Сэр.

Мэт взглянул и увидел полицейского, стоявшего перед ним навытяжку и придерживавшего рукой пистолет.

Мэт моментально исчез, а капрал Фокс продолжал свой обход коридора, в котором находилась дверь вивариума. В конце коридора он остановился, повернулся и упал.

Мэт с трудом поднялся на ноги. Сердце его едва не остановилось при появлении охранника.

Вбежала Лейни. Она увидела Мэта, подняла пистолет.

— Стой! Это я!

— Ой, Мэт. Я думала, что потеряла тебя.

Он пошел к ней.

— Я видел, как за тобой погнался полицейский. Ты убила его?

— Да, — она посмотрела на капрала Фокса. — Они все плохо обучены, так что это было просто.

— Где ты научилась так стрелять?

— Не твое дело. Идем. — Она двинулась к вивариуму.

— Постой. Где мне найти Полли?

— Я действительно не знаю. — Она тронула ручку двери. Мэт схватил ее за кисть. — Идем, Мэт, — сказала она.

— Подожди, дверь — это ловушка.

— Да?

— Я видел, как охранник осторожно проходил мимо нее.

Лейни нахмурилась. Затем сняла пояс с Мэта, привязала его к ручке двери и отошла, насколько позволял пояс.

Мэт отступил.

— Прежде, чем ты сделаешь это, скажи, пожалуйста, как мне найти Полли.

— Я не знаю, Мэт, — Лейни даже не пыталась скрыть от Мэта то, что он ее совсем не интересует.

— О'кей. Где канцелярия Кастро?

— Ты сошел с ума.

— Я фанатик. Как и ты.

Это вызвало усмешку.

— Ты сумасшедший, ну да ладно. Иди по тому коридору, по

которому пришла я. Ты дойдешь до второй лестницы. Поднимись и иди дальше и смотри на таблички. Канцелярия находится возле корпуса «Планка». Но если ты мне поможешь сейчас, я потом помогу тебе.

— Тогда тяни.

Лейни потянула.

Ручка повернулась и раздался щелчок. Тут же с потолка раздались выстрелы. Пули прочесали то место, где стоял бы человек, открывающий дверь. А затем завыла сирена.

Лейни подскочила от неожиданности и ударилась о стену. Дверь приоткрылась на несколько дюймов!

— Вперед! — крикнула Лейни и бросилась в вивариум. Мэт за ней.

В вое сирены не было слышно звуков выстрелов, но Мэт увидел в вивариуме четырех человек, которые стреляли, как в тире. Они продолжали стрелять даже тогда, когда Лейни упала.

* * *

— Конец власти поселенцев? Да? — Голос Харри звучал с недоверием. Он не ожидал такой быстрой капитуляции.

— Сколько всего Сынов Земли?

— Этого я не скажу.

— Я скажу, — ответил Парлет. — Менее четырех сотен. В течение трех сотен лет ты и тебе подобные стремились поднять восстание. И вы не достигли никакого прогресса.

— Пожалуй, да.

— Вы набираете своих сторонников из колонистов. Но вся ваша беда в том, что большинство колонистов не хотят, чтобы поселенцы теряли власть. Они счастливы тем, что они есть. Ваше движение крайне непопулярно среди них. Я уже пытался объяснить тебе причину, и позволь мне попытаться еще раз. — С очевидным усилием он сложил руки на коленях. Изредка мышцы на его плечах подрагивали.

— Это не потому, что они не уверены в том, что смогли бы управлять планетой. Нет, так не думает никто. Но они бояться полиции, они не хотят рисковать собой, так как все оружие в руках полиции. И энергия тоже.

Но дело давно и не в этом. Все дело в том, что они не считают правление поселенцев неправильным и несправедливым.

Все определяется банками органов. С одной стороны, это жестокое наказание. Но, с другой стороны, банк органов — это обещание здоровья. Человек, даже колонист, который может заплатить за лечение, сможет вернуть себе здоровье. Без банка нет лечения. И тогда человека ждет смерть.

Ты знаешь, что произойдет, если колонисты победят поселенцев? Одни будут требовать упразднения банка органов, и они будут убиты своими же товарищами. Другие будут требовать, чтобы банки органов остались, но для их пополнения будут использовать поселенцев.

Голова его уже твердо держалась на шее, и он смотрел на них. Хорошие, внимательные слушатели. Кажется, он их зацепил.

— Сейчас, — продолжал он, — вы не сможете начать восстание, так как не убедите всех в справедливости вашего дела. А когда станет известно о грузе рамробота, вот тогда вы с легкостью сумеете это сделать. После этого вы немного подождете разоружения полиции, но когда этого не случится, вы выступите.

Харри Кэйн сказал:

— Именно так я и думаю. Но ты высказал мою мысль. Почему же ты назвал меня дураком?

— Ты сделал глупое предположение. Ты решил, что я пытаюсь сохранить в тайне груз рамробота. Совсем наоборот! Только сегодня я...

— Наконец я все понял, — сказал Худ. — Ты решил перейти на сторону будущих победителей. Да, Парлет?

— Ты идиот. Настоящий идиот.

Джей Худ вспыхнул. Он резко выпрямился, кулаки его сжались. Старик шевельнулся, и это причинило ему боль. Он сказал:

— Неужели ты думаешь, что я способен на такую низость?

— Успокойся, Джей. Парлет, если ты хочешь что-то сказать, говори. Если мы что-то неправильно поняли, объясни.

Парлет заговорил медленно и монотонно.

— Я хочу предотвратить кровопролитие. Вам это ясно? Я пытаюсь предотвратить гражданскую войну, которая унесет половину жизней.

— Тебе этого не предотвратить, — сказал Кэйн. — Война идет.

— Кэйн, я предлагаю тебе вместе разработать новую конституцию для Маунт Лунитхэт. Соглашение уже исчерпало себя.

— Да.

— Сегодня я произнес речь на чрезвычайной сессии. Ты знаешь, что это означает?

— Да. Ты говорил перед всеми поселенцами на планете.

— Я сказал им о грузе рамробота 143, показал его. Я сообщил им о проблеме банка органов, об этике и об зависимости от технологии. Я сказал, что если тайна груза рамробота станет известна колонистам, то сразу же произойдет восстание. Я сделал все, что мог, Кэйн, чтобы поселенцы наложили в штаны.

Я знал с самого начала, что тайну рамробота нам не сохранить. А теперь, когда она известна тридцати тысячам поселенцев, это

уже не тайна. Я сделал все, Кэйн, чтобы предупредить их. Испугать их. Когда они поймут, что это уже не тайна, они испугаются настолько, что согласятся на переговоры.

Я давно это планировал, Кэйн. Тогда я даже не знал, что пришлет Земля. Это могла быть технология регенерации тела, простая аллопластика или даже новая религия. Все,что угодно. Но пришло это, и теперь мы должны думать, как предотвратить бойню. — У Парлета исчезла одышка, голос стал сильным и звучным, как будто он не испытывал ультразвукового удара незадолго до того. Он говорил выразительно, внимательно следя за интонацией, хотя и немного хрипло. — Мы должны попытаться. Может быть, мы выработаем условия, которые удовлетворят и поселенцев, и колонистов.

Он замолчал, и три головы кивнули, почти с уважением.

Глава одиннадцатая

Разговор с шефом полиции

Он увидел четырех человек и видел, как Лейни упала. Он хотел бежать, но тут услышал грохочущий звон, как будто очутился внутри колокола. И Мэт отскочил к стене, понимая, что огромная комната наполнена ультразвуковыми излучениями.

— Закрой эту чертову дверь, — рявкнул кто-то. Один из охранников прыгнул к двери и закрыл ее. Мэт почувствовал онемение в ногах, словно они стали ватными. Он не сводил глаз с четверых противников.

Один наклонился над Лейни.

— Одна, — сказал он. — Сумасшедшая. Интересно, где она взяла одежду.

— Может быть, убила поселенку.

Другой охранник расхохотался.

— Заткнись, Рик. Давай, бери ее за руки. Усадим в кресло.

— Охотничий пистолет. Ты хотел бы, чтобы тебя убили из такого?

Снова смех.

— Баллон с газом не работает. — Один из охранников пнул баллон с газом и немедленно раздалось шипенье. — Быстро противогазы!

Они быстро достали из сумок маски и натянули на себя.

— Отлично. Это следовало сделать сразу. Если мы наполним комнату газом, то любой, вошедший сюда, немедленно уснет.

Мэт не упустил ни слова. Он задержал воздух в груди сразу, как только раздалось шипенье. Теперь он подошел к одному из

охранников и сорвал с него маску. Тот ахнул от удивления, взглянув на Мэта, а затем упал.

Маска туго прилегала к лицу и дышать через нее было можно, хотя и не очень приятно.

— Рик. Ох, идиот. Где, черт побери, его противогаз?

— Готов поклясться, что он забыл его.

— Дайте майора Янсена, пожалуйста. — Один из охранников взял микрофон. — Сэр? В вивариум пыталась проникнуть девушка. Да, девушка, в одежде поселенки. Да, только одна... сейчас она спит в одном из кресел, сэр...

У Мэта все еще кружилась голова, хотя дверь блокировала излучение соника. Может, в него попала одна из капсул?

Он наклонился к Лейни. Она, конечно, спала. В нее вонзилось много ампул, легкие наполнились усыпляющим газом, и ритмичный усыпляющий ток течет в ее мозгу...

Мэт нащупал три проводка, которые подводили ток к аппарату на ее голове, и оборвал их. Теперь, когда кончится действие ампул и газа, она проснется.

— Еще одно, сэр. В комнате полно газа. Я думаю, нам здесь делать нечего. Я посмотрю. — Он отключил микрофон. — Уотт, посмотри в коридоре, нет ли там убитых.

— Но сонники еще работают.

— Они должны быть отключены. Попытайся.

Из кармана охранника, лежащего без сознания, торчала авторучка. Мэт схватил ее и быстро нарисовал на его лбу сердце, с которого капала кровь, стекая по носу.

Тот, кого звали Уотт, открыл дверь. Он не ощутил удара сонников. Тогда он открыл ее шире.

— Ой! — он выскочил в коридор и побежал к лежащему Фоксу. Мэт сразу же за ним.

— Это охранник! — крикнул полицейский.

— Проверь удостоверение.

Уотт обшарил карманы Фокса. Он взглянул на Мэта, проскользнувшего рядом, и продолжал свое дело.

* * *

— Это Элен Матсон, — сказал Иезус Пьетро. — Она была одна?

— Если бы с ней кто-нибудь был, он тоже спал бы здесь. Я уверен, что она была одна.

Эти слова звучат разумно, подумал Пьетро, но вряд ли есть полная гарантия.

— Благодарю, Янсен. Что делают поисковые отряды?

— Они ничего не нашли, сэр. Они все еще обшаривают Альфа

Плато. Я поеду взгляну, чем они занимаются в данный момент.

— Хорошо. Только позвони. — Он повесил трубку и откинулся на спинку кресла. Лоб у него нахмурился.

Они где-то на Альфа. И почему-то не нападают на больницу.

Элен Матсон. Захвачена в плен. Отлично. Она, должно быть, устроила этот взрыв, чтобы прикрыть свое проникновение в больницу. Была ли она одета в форму полицейского? Может быть. Она прошла большой путь и вполне могла где-нибудь завладеть одеждой поселенца.

Может быть. Может быть.

Он взял шестое досье. То самое, что лежало на столе отдельно от остальных.

Жизнь Полли Турнквист.

Родилась двадцать два года назад в семье, никак не связанной с Сынами Земли. Отец ее получил левый глаз из банка органов. Хороший, лояльный колонист. Дисциплинированный.

Выросла на Дельта Плато, в четвертом секторе. Получила образование в колонистском университете. Там она встретилась с Джеем Худом, своей первой любовью. Почему? Что она нашла в нем? Маленький, хлипкий и вовсе не красивый. Но некоторые девушки предпочитают в мужчине ум.

После окончания университета пошла работать на ретрансляционный пункт на Дельте. Вскоре любовь к Худу угасла и постепенно перешла в дружеские отношения. Тем не менее она вступила в организацию Сынов Земли. Молодость? Отец ее направил бы девушку на путь истинный, если бы узнал об этом...

Все это так, но сейчас она в гробу. Уже тридцать часов. Если сейчас к ней придет голос — единственное, что она может воспринять в своем замкнутом микрокосмосе, — она поверит этому голосу. Особенно, если этот голос умело тронет струны ее души, связанные с прошлым.

Но пока она должна подождать. Сыны Земли пришли первыми. Одной уже нет, осталось четверо... Иезус Пьетро взял чашку уже остывшего кофе.

Тысячи вопросов теснились в его мозгу. Он поморщился, нажал кнопку и сказал:

— Мисс Лауэссен, закажите мне еще кофе.

И добавил, не успев запретить себе говорить:

— И принесите мне дело Мэтью Келлера. Но не то, что у меня на столе, а то, что находится в шкафу, где хранятся дела умерших.

Она вошла минутой позже, стройная, холодная, недоступная блондинка, с подносом, на котором стоял кофейник и лежала папка. Иезус сразу открыл папку. Она нахмурилась, спросила что-то. Но он не слышал ее, не отвечал на вопросы, и она после минутного колебания вышла.

Мэтью Келлер. Родился... Получил образование... Вступил в организацию в сентябре 2384 года в среднем возрасте. Почему так поздно? И вообще, почему вступил? Стал профессиональным убийцей и вором, выполняющим задания организации. Он убивал полицейских, которые беззаботно заходили в районы колонистов. Вор? Черт побери! Значит, Келлер-старший украл тот кар? Тот самый, на котором Келлер-младший нырнул в бездну? Схвачен в секторе 28, Бета, в апреле 2397 года. Обвинен в измене, препарирован в банке органов. О, Иезус Пьетро, ты лжец! Половина персонала больницы знает, что на самом деле он прыгнул в бездну всего за полсекунды до того... Он упал в сорокамильную бездну, он прыгнул к Демонам Тумана, в их адский огонь...

Итак? Иезус Пьетро выплеснул холодный кофе и налил себе свежего.

Вдруг он краем глаза заметил какое-то движение. Шум. Кто-то в комнате. Чашка дрогнула в руке, и он обжег себе губу. Он быстро поставил ее на стол и осмотрелся.

Затем вернулся к досье.

Мэтью Келлер. Какого черта он заставил принести это дело? Келлер-старший давно мертв. Он прыгнул в бездну...

— Кастро...

Иезус Пьетро посмотрел наверх. Затем вниз. Галлюцинация? Это плохо, но не катастрофа. Банк органов полон. И материалов для него в вивариуме полно.

— Кастро!

Иезус Пьетро вздрогнул. Такое уже с ним бывало. Сначала шум. Потом кто-то называет его имя... Но кто может без предупреждения очутиться в его кабинете? Он осторожно поднял взор...

Одежда поселенца.

Разорванная и грязная. Не по росту. Руки на столе с грязными ногтями... Колонист в одежде поселенца. В кабинете Иезуса Пьетро. Без предупреждения. Он прошел мимо мисс Лауэссон, и та не доложила о нем...

— Ты?

— Да. Где она?

— Ты Мэтью Келлер?

— Да.

— Как ты проник сюда? — Ему как-то удалось сохранить повелительный тон, и это подбодрило его.

— Не твое дело. Где она?

— Кто?

— Не изображай идиота. Где Полли?

— Я не могу сказать тебе этого. Да и ничего другого, — сказал Иезус Пьетро. Он не сводил глаз с золотой пряжки пояса.

Своим периферийным зрением он увидел две большие грязные

руки, которые тянулись к его правой руке. Человек внезапно схватил руку Пьетро, и, когда тот попытался вырвать ее, ему это не удалось. Затем посетитель взял средний палец и начал отгибать его назад.

Боль была ужасной. Рот Пьетро широко открылся, в глазах появилась мольба.

Пьетро протянул руку к делу Полли Турнквист, но затем отдернул ее, как от пылающего очага.

Средний палец был уже отогнут под прямым углом.

— Черт, он же его сломает!

— Ну, Кастро?

Кастро снова вспомнил, даже не посмотрев вверх. Кто-то или что-то находится в его кабинете. И этот кто-то или что-то обладает способностью заставлять людей забывать о нем. Он подумал и сказал:

— Ты?

— Да, я. Где Полли?

— Ты Мэтью Келлер. Значит, ты пришел ко мне?

— Не валяй дурака. Где Полли?

— Ты был в каре, который летел к больнице? Ты упал в...

— Да.

— Тогда...

— Заткнись, Кастро. Скажи, где сейчас Полли? Она жива?

— От меня ты ничего не узнаешь. Как ты выбрался из бездны?

— Я взлетел.

— Но это невозможно.

— Кастро, я переломаю все твои пальцы. Где Полли? Она мертва?

— Как я могу говорить, если ты мучаешь меня?

Минута колебания. Затем снова Иезус Пьетро завыл от дикой боли и попытался вцепиться в эти глаза...

...Он просматривал свои записи, когда страшная боль пронизала его руку. Пальцы его правой руки оказались вывернуты назад. Стиснув зубы, чтобы сдержать крик, Иезус Пьетро включил систему связи.

— Вызовите мне доктора.

— Что случилось?

— Вызовите... — снова глаза его уловили чье-то движение. Кто-то был в кабинете вместе с ним!

В его памяти шевельнулось что-то, и это что-то запретило ему поднимать голову.

— Ты, Мэтью Келлер!

Тишина.

— Ответь мне, черт возьми! Как ты выбрался оттуда?

Снова две руки сомкнулись на правой руке Иезуса Пьетро. Шеф полиции едва сдержал крик боли. Он схватил пистолет, и его глаза лихорадочно обшаривали кабинет в поисках мучителя.

Он все осматривался, когда вошел доктор.

— Ничего страшного, — сказал доктор. — Пальцы просто вывихнуты. Их можно вправить. — Он обезболил руку Пьетро, вправил пальцы. — Как это у вас получилось?

— Не знаю.

— Не знаете? Вы вывернули себе два пальца и не знаете...

— Я же сказал, что не могу вспомнить, как это случилось. Но мне кажется, что к этому имеет отношение привидение Мэтью Келлера.

Доктор бросил на него странный взгляд. И вышел.

Иезус Пьетро с любопытством посмотрел на свою правую руку. Он совершенно не мог ничего вспомнить!

Поэтому он продолжал думать о Мэтью Келлере.

Но почему он думает о Полли Турнквист?

Уже можно было бы заняться ею. Но она еще может подождать. Конечно, может.

Он попробовал кофе. Очень холодный. Он выплеснул его и налил свежего из кофейника.

Рука его полностью онемела.

Почему он все еще думает о Полли Турнквист?

— Тьфу! — он с трудом встал, придерживая руку. — Мисс Лауэссен! — сказал он в микрофон. — Пришлите мне двух охранников. Я пойду на «Планк».

— Одну минуту.

Пьетро протянул руку к ступперу, и вдруг взгляд его упал на папку с делом Мэтью Келлера-старшего. На желтой обложке четко выделялся грубый рисунок.

Две дуги. И три окружности внизу.

Кровоточащее сердце. Раньше его не было.

Пьетро открыл папку. Он уже почти физически ощущал свой страх, который, казалось, пропитал все вокруг. Даже его одежду.

Как будто этот страх владел им уже несколько часов.

Фас и профиль. Голубые глаза, желтые волосы, кожа, покрытая морщинками...

Что-то шевельнулось в памяти Иезуса Пьетро. На мгновение лицо на фотографии в папке стало моложе. На лице появилось смешанное выражение страха и злости. Воротник окрашен кровью, которая капала с оторванной мочки уха.

— Охранники здесь, сэр.

— Благодарю. — Он бросил последний взгляд на фотографию давно умершего человека и закрыл папку. Перед тем, как уйти, он сунул в карман пистолет.

* * *

— Хотелось бы мне сейчас предупредить Лейни, — сказал Харри Кейн, — ведь теперь многое изменилось.

— Ты даже еще не знаешь, что ей сказать. Вот, возьми лучше это. — Она держала в руках поднос со стаканами горячего сидра.

Сейчас они были на кухне. Худ остался в гостиной с Парлетом, которого они с трудом перетащили в кресло.

Ветер завывал за окнами. Четыре заговорщика сидели возле огня со стаканами горячего сидра в руках.

— Ты размышлял над этим больше, чем мы, — сказал Харри. — Мы и не думали, что с поселенцами может быть достигнут компромисс. Что же ты хочешь предложить нам?

— Для начала амнистию всем Сынам Земли: вам и тем, кто сейчас находится в вивариуме. Вы нужны нам. Ведь вы единственная сила, которая сможет поддерживать закон и порядок в местах проживания колонистов.

— Так.

— Теперь поговорим о медицинской помощи, — сказал Парлет. — Это трансплантация органов, использование симбиота с рамробота и мелкая медицинская помощь. Сейчас в ваших селениях открыты филиалы больницы, где можно получить необходимое лечение. Мы расширим их сеть и возможности. Кроме того, я думаю, что можно открыть свободный доступ к вирусам и симбиотам. Сначала это будет только в больнице, а потом мы построим станции повсюду.

— Отлично. Как насчет банка органов?

Миллард Парлет обхватил себя руками и стал смотреть в огонь.

— Об этом я еще ничего не могу сказать, так как не знаю, что нам пришлют с Земли. А каково твое мнение?

— Полное упразднение, — твердо сказала миссис Ханкок.

— Выбросить тонны трансплантанта? Выплеснуть в грязь?

— Да.

— Вы сможете упразднить и преступления? Ведь банк органов — это единственное средство для наказания воров и убийц. На Маунт Лунитхэт нет тюрем.

— Тогда постройте тюрьмы. Вы достаточно долго убивали нас!

Парлет покачал головой.

Вмешался Харри Кэйн.

— Это не поможет. Лидия, я понимаю твои чувства, но мы не сможем сделать этого. Если мы уничтожим банк органов, то восстановим всех против себя. Мы даже не сможем устранить карательную роль банка органов, так как в этом случае преступники не будут бояться ничего и совершенно обнаглеют. Если мы откажемся от банка органов, на планете вспыхнет война.

Лидия с мольбой повернулась к Худу.

— Я считаю, — сказал Худ, — что вы все кое-что упускаете из виду.

— Что? — спросил Харри.

— Я еще сам точно не знаю. Я подожду и посмотрю. Говорите пока.

— Я не понимаю, — сказала Лидия. — Я не понимаю никого из вас. За что мы боролись? За что умирали? За то, чтобы уничтожить банк органов!

— Миссис Ханкок, — мягко сказал Парлет. — Вы кое-что упускаете из виду. Дело вовсе не в том, согласятся ли с этим колонисты или поселенцы. Они, конечно, не согласятся. Но я сам не позволю вам сделать это.

— Да? — Лидия презрительно подняла брови. — Ведь тогда вы умрете, не так ли?

— Да, я умру. А вы нуждаетесь во мне.

— Почему? Зачем вы нужны нам? Разве, что сначала нужно ваше влияние и ваши советы.

— Моя армия. У меня более сотни верных людей. Они готовились к этому дню очень долго. Все они подчинятся моим приказам беспрекословно. И все они хорошо вооружены.

Лидия хрипло выдохнула.

— Мы сделаем все, что можно, миссис Лидия. Банк органов мы не уничтожим, но мы устраним несправедливости.

— В первую очередь мы должны разработать закон, в соответствии с которым каждый колонист имеет равные права с поселенцами на медицинскую помощь больницы и банка органов, — сказал Харри Кэйн.

— Нельзя слишком давить, Харри. Помни, что мы должны удовлетворить обе группы людей.

— Тьфу! — сказала миссис Ханкок, и было непонятно, что она собирается делать — заплакать или броситься в драку.

Все они сидели вокруг стола, держа в руках забытые стаканы. Худ сидел чуть поодаль, забытый всеми и чего-то выжидающий.

— Самое главное, — сказал Парлет, — что мы можем сделать всех равными перед законом. Мы можем сделать это, но при этом не производить перераспределения богатств. Вы согласны с этим?

— Не совсем.

— А что вас беспокоит?

— Нам нужны свои электростанции.

— Прекрасно. Сначала вся планета будет свободно пользоваться существующими станциями, но со временем мы построим энергостанции и на Гамме и на Дельте.

— Хорошо. Мы еще хотим гарантированный доступ в банк органов.

— Это проблема. Банк есть банк, и вы не можете взять оттуда больше, чем положили. Мы будем иметь все меньше осужденных преступников, которые будут делать вклады в банк, и все больше больных людей, которые нуждаются в помощи банка.

Худ откинулся на спинку кресла и положил ноги на стол. Глаза его были полузакрыты, как будто он погрузился в сладкие грезы.

— Значит, нужно организовать лотерею. И обязательно интенсивные исследования в области аллопластики, которые должны финансироваться поселенцами.

— Почему поселенцами?

— Потому что все деньги у них.

— Хорошо, мы договоримся об этом. Что-нибудь еще?

— Есть много несправедливых законов. Мы не хотим никаких ограничений ни в строительстве домов, в которых живем, ни в одежде, которую носим. Хотим свободно передвигаться по планете. Иметь право покупать любую технику за ту же цену, какую платят и поселенцы. Мы хотим ограничить права полиции.

— Почему? Это же полиция. Она будет защищать ваши же законы.

— Парлет, если бы когда-нибудь в твой дом врывалась полиция, если бы в тебя стреляли усыпляющими пулями, душили газом...

— Я никогда не был повстанцем.

— Ты говоришь черт знает что.

Парлет улыбнулся. И голова его стала похожа на череп.

— Меня никогда не хватала полиция.

— Все дело в том, что полиция может делать все, что угодно. И в любое время. Причем она не оправдывается и не извиняется, даже если во время налета не найдено свидетельств преступления.

— Мне не хотелось бы ограничивать полицию. Это приведет к хаосу. — Парлет глотнул вина. — Как же это сделать поумнее? Может, ввести ордера на обыск, которые не позволят полиции войти в дом, если нет четких доказательств причастности хозяина дома к преступлению.

— Это звучит неплохо.

— Я могу поподробнее изучить этот вопрос.

— Еще одно. Сейчас дело обстоит так, что полиция имеет исключительное право хватать людей и осуждать их. Даже на смерть. Мы хотим каким-то образом участвовать в судебном разбирательстве.

— Я думал над этим, Кэйн. Я предлагаю создать закон, по которому человека можно считать виновным, только если в суде его признают виновным большинство. Судить будут пять поселенцев и пять колонистов. Все суды будут публичными и передаваться по телевидению.

— Прекрасно.

И тут вступил в разговор долго молчавший Худ.

— Вы понимаете, что любое ваше предложение ослабляет положение и могущество больницы?

Парлет нахмурился.

— Возможно. Ну и что.

— Вы говорите так, как будто на планете существует только две группы. Но их три! Вы, мы и больница! Причем больница — самая могущественная группа. Парлет, ты изучал нашу организацию черт знает сколько времени. А сколько времени ты изучал Иезуса Пьетро Кастро!

— Я давно знаю его, — задумчиво сказал Парлет. — Я знаю, что он умен. Но вряд ли я знаю в точности, каковы его мысли.

— Харри знает. Харри, скажи, что сделает Кастро, если мы захотим уменьшить права полиции?

— Я не понимаю тебя, — ответил Парлет. — Кастро хороший, преданный человек. Он всегда делает только то, что в интересах поселенцев. Возможно, я недостаточно хорошо его знаю, но я твердо знаю, что он слуга поселенцев. Все, что хорошо для поселенцев, хорошо и для него. Он примет все, что примут поселенцы.

— Черт побери, Худ прав, — сказал Харри Кэйн. — Я знаю Кастро лучше, чем своего отца. Я просто еще не думал о нем.

— Иезус Пьетро Кастро — это хороший, преданный...

— Слуга поселенцев. Верно. Подожди минуту, Парлет, дай мне договорить.

— Во-первых, каких поселенцев? Каким поселенцам предан он?

Парлет фыркнул. Он взял свой стакан и увидел, что он уже пуст.

— Он не предан всем поселенцам подряд. Более того, я скажу, что большинство поселенцев он не уважает. Он уважает тебя и некоторых других. По сути, он уважает идеального поселенца, такого, кто отвечает его идеалу: умного, корректного, знающего, как обращаться с подчиненными и колонистами, чтобы их интересы и интересы поселенцев максимально совпадали.

Теперь посмотрим, что предлагаем мы. Ордера для полиции. Мы лишаем полицию права по своему усмотрению хватать колонистов и отправлять их в банк органов. Мы указываем полиции, кого они могут хватать, а кого не могут. Что-нибудь еще, Джей?

— Энергия. Мы хотим лишить больницу монополии на энергию. После этого у полиции будет совсем мало работы, и Кастро придется многих уволить.

— Верно. Неужели вы думаете, что все поселенцы планеты согласятся с этим?

— Нет, конечно, не все. Но мы может получить согласие большинства.

— К дьяволу твое большинство. Кому из поселенцев будет предан Кастро?

Парлет потер затылок.

— Я понимаю вас. Судя по тому, что вы говорили о Кастро, он будет поддерживать консервативную фракцию.

— Именно так. Он будет поддерживать тех, кто ни в коем случае не пойдет на компромисс. И вся полиция пойдет за ним. Он их шеф.

— И у них все оружие, — добавил Худ.

Глава двенадцатая

Космический корабль

Кровоточащее сердце. Мэтью Келлер. Полли Турнквист.

Почему Полли Турнквист?

Она совершенно ни при чем сейчас. Ведь с самой субботы она лежит в гробу. Почему же эта девчонка-колонистка так притягивает его? Почему ради нее он даже покинул свой кабинет в такой час? Все это было очень и очень странно...

Он не мог ничего вспомнить.

Охранник, шедший впереди, внезапно остановился, нажал кнопку в стене и отступил в сторону. Иезус Пьетро вернулся в реальность. Они уже подошли к лифту.

Двери скользнули в стену, и Иезус Пьетро в сопровождении двух охранников вошел в кабинку.

«Где Полли? — что-то шептало в его мозгу. — Где она? Скажи мне, где Полли?»

Кровоточащее сердце. Мэтью Келлер. Полли Турнквист.

Или же он окончательно потерял голову — и это из-за девчонки-колонистки! — или же между ними существует какая-то связь, которой он не мог уловить.

Может, девушка сможет сказать ему.

Если сможет, то, конечно, она объяснит все.

* * *

Мэт пошел за ними до конца коридора. Когда они остановились, Мэт тоже остановился. Кастро идет к Полли или нет?

Двери скользнули в стену, и три проводника Мэта вошли. Мэт за ними, но остановился в дверях. Кабинка была слишком мала. Его сразу обнаружат.

Двери закрылись у него перед носом. Мэт услышал звук удаляющегося лифта.

Куда они поехали, черт бы их побрал?

Он стоял один в коридоре больницы. Шеф и два охранника уехали от него, а они были единственными его проводниками. Мэт нажал большую черную кнопку в стене.

Двери остались закрытыми.

Он нажал снова, и ничего не произошло.

Все ли он делает правильно? Может, у охранника был ключ или свисток?

Мэт посмотрел назад, раздумывая, сможет ли он найти дорогу в кабинет Кастро. Может и нет. Он снова нажал кнопку.

Сначала еле слышный шум, но он становился все громче.

Вот открылись двери, и перед ним очутилась маленькая пустая кабинка.

Мэт вошел в нее, готовый ко всему.

Больше никаких дверей. Куда же они подевались? В кабинке ничего. Ничего, кроме кнопок с цифрами 1,2. «Двери открыты» и «Срочная остановка».

Он начал по порядку. Кнопка с цифрой 1 не привела ни к чему. Он нажал 2, и двери закрылись. Кабинка пришла в движение. Он почувствовал это по вибрации, по сильному давлению. Он даже упал на четвереньки, сильно ударившись при этом.

Ощущение давления пропало, но механический гул и вибрация не прекращались. Все это было незнакомо Мэту, и он ждал, продолжая стоять на четвереньках.

Вдруг у него возникло странное ощущение в желудке. Мэт с трудом подавил тошноту. Движение прекратилось, и двери открылись. Он медленно вышел.

Он оказался на высоком узком мостике. На одном конце мостика находилась кабинка, из которой он вышел. Длинный люк, по которому она двигалась, уходил прямо вниз, в крышу больницы. На другом конце мостика — еще одна такая же кабинка. Мэт еще никогда не был так высоко над землей без кара.

Весь госпиталь был под ним залит морем огней. Он видел все сквозь стеклянную крышу: лабиринт коридоров, комнат, холлов. За больницей виднелись наклонные стены, а еще дальше каменная пустыня и лес. А вон и дорога. Перед ним же возвышалось устремленное вверх могучее тело «Планка».

«Планк». Мэт посмотрел вниз вдоль гладкой черной металлической трубы. Большая часть корабля была цилиндрической. И только нос его был заострен под углом в тридцать градусов. Внизу тело корабля было погружено в здание больницы.

Что-то зажужжало позади него.

Кабинка скользнула вниз. Мэт посмотрел ей вслед, затем пошел по мостику, держась за перила. Раз кабинка поехала вниз, значит, кто-то скоро приедет сюда.

На другой стороне мостика он нашел черную кнопку и нажал ее. Затем посмотрел вниз.

Он увидел, как к нему поднимается вторая кабинка. У него закружилась голова от высоты.

По слухам, «Планк» считался очень опасным местом, и, видимо, не без причины. Корабль, который переносил людей в межзвездном пространстве, корабль, которому уже больше трехсот лет... Благоговейный трепет вызывал он у людей. В нем было что-то, внушающее страх. Двигатели «Планка» даже сейчас могли поднять корабль в космос. Его энергетические установки снабжали энергией всю планету. И они были настолько мощны, что могли бы сдуть Альфа Плато в бездну.

И все этим могуществом управлял шеф полиции.

Кабинка прибыла наверх, и Мэт вошел в нее.

Спуск длился долго. Ведь «Планк» был очень высоким. Наверное, метров двести. Дюзы двигателей находились в десяти футах над землей. В этой кабинке было окно, и Мэт мог смотреть наружу во время спуска. Если бы он боялся замкнутого пространства, он за это время сошел бы с ума.

Кабинка остановилась, и Мэт вышел в тамбур. И тут он столкнулся лицом к лицу с полицейским.

У Мэта не было времени приводить в действие свою систему защиты, и он бросился обратно в кабину. Он слышал звуки выстрелов, звон ампул, ударяющихся в стены. Еще секунда, и все будет кончено.

И тогда Мэт крикнул первое, что ему пришло в голову:

— Остановись! Это я!

Охранник был уже рядом. Но он не стрелял... Не стрелял... Более того, он повернулся и ушел, бормоча извинения. Мэт подумал, интересно, за кого он принял меня. Впрочем, это уже не имело значения. Полицейский забыл о нем.

Мэт решил идти за ним, вместо того чтобы самому искать дорогу. Он рассудил, что, если другие полицейские увидят двух человек, один из которых знаком им, они не будут стрелять.

Коридор был узким и все время сворачивал налево. Потолок и пол были окрашены в зеленый цвет, левая стена была белой, и на ней сияли непривычно яркие светильники. Стена справа была покрыта слоем черной резины. Очевидно, во время полета она должна была служить полом. Но хуже всего было то, что все двери коридора были в полу и на потолке. Большинство люков в полу были закрыты, и через них перекинуты мостки. Потолочные почти все были открыты, и в них можно было проникнуть с помощью лестниц. Все лестницы были привинчены к стенам, казались очень странными.

Этот коридор производил жутковатое впечатление. Мэту стало не по себе.

Он слышал шум и голоса из комнат, расположенных наверху. Но эти звуки ничего не говорили ему. Он не мог видеть, что происходит наверху, да и не пытался. Он старался уловить только голос Кастро.

Если ему удастся завлечь Шефа в машинное отделение, то он сможет угрожать ему, что включит двигатели. Если ему не удастся сломить Кастро воздействием физической боли, может, на шефа подействует угроза взорвать Альфа Плато?

Единственное, чего хотел Мэт, — это освободить одного пленника.

... Голос Кастро. Не с потолка, а из-за закрытой двери в полу. Мэт наклонился, дернул ручку двери. Заперто.

Постучать? Но все полицейские сегодня ночью в состоянии тревоги. Они сразу будут стрелять. Мэт не успеет отреагировать и упадет без сознания еще до того, как полицейский потеряет интерес к нему.

Ключ нигде не достать. Да и как узнать, какой ключ? Не может же он оставаться здесь, когда Кастро там.

Если бы Лейни была с ним!

* * *

Голос. Полли вся обратилась во внимание, хотя не знала, дернулась ли она, шевельнулась ли.

Голос. Через какие-то безвременные интервалы она вдруг возвращалась к жизни, не испытывая при этом никаких внешних раздражений. В ее мозгу возникали разнообразные картины, она вспомнила игры, которыми забавлялась в детстве. Сколько-то времени она проспала. Какой-то неизвестный друг вонзил в нее усыпляющие ампулы. Она живо помнила уколы ампул. Но в конце концов она снова проснулась, снова очутилась в небытие. Теперь уже она не могла сосредоточиться на играх и начала сомневаться, что помнит то, что произошло в действительности. Лица друзей стали расплываться перед ее мысленным взором. Тогда она зацепилась за изображение лица Худа — острого, угловатого лица ученого. Такое лицо нелегко забыть. Джей. Целых два года они были немножко ближе друг к другу, чем просто друзья. И сейчас она снова отчаянно полюбила его снова. Ведь это было единственное лицо, которое ясно и четко всплыло в ее памяти. Нет, не единственное. Еще лицо врага, ненавистное лицо, широкое, невыразительное, бесстрастное, лицо, украшенное снежно-белыми усами, лицо врага. Но она старалась видеть только лицо Джея, приблизить его, придать ему выражение, смысл. Но оно расплывалось, и когда она старалась вернуть его, оно расплывалось еще больше...

Голос. Она снова обратилась во внимание.

— Полли. Ты должна довериться мне.

Она хотела ответить, выразить свою благодарность, попросить, чтобы голос говорил, чтобы он вытащил ее из небытия в реальность... Но она не могла говорить.

— Я бы хотел освободить тебя, вернуть в мир звуков, прикосновений, запахов, — сказал голос. Мягкий и почтительный. — Но я пока не могу сделать этого. Есть люди, которые хотят, чтобы ты была здесь.

Голос уже был ей знаком, спокойный, уверенный. Она узнала его.

— Харри Кэйн и Джейхок Худ. Это они не хотят, чтобы я освободил тебя. — Голос Кастро. Она хотела вскрикнуть. — ...потому, что ты не выполнила задание. Тебе было поручено узнать все о грузе рамробота 143. И ты не выполнила задания.

— Джей! Лжец! Я выполнила! — Она хотела выкрикнуть правду. Всю правду. И в то же время она понимала, что этого и добивается Кастро. Но она так долго молчала!

— Ты хочешь мне что-то сказать? Возможно, мне удастся уговорить Худа и Кэйна освободить твой рот. Ты этого хочешь?

— Очень хочу, — подумала Полли. — Тогда я скажу тебе все, что о тебе думаю.

Что-то внутри нее еще сохранило здравый смысл. Сколько же времени она здесь? Не годы. И даже не дни. Ей хотелось пить. Впрочем, может, они вводили ей воду. Однако сколько бы времени она ни провела здесь, ей удалось поспать. Кастро об этом ничего не знает. Он появился на несколько часов раньше.

Где же голос?

Все было тихо. Она ощущала слабое биение пульса в сонной артерии, но голоса не было.

Где же Кастро? Решил оставить ее гнить тут?

Говори!

Говори со мной!

* * *

«Планк» был огромен, но жилое пространство занимало всего треть его объема. Много места занимали грузовые отсеки, двигатели, баки для горючего, энергоустановки. Поэтому на жилое пространство почти не оставалось места, однако в нем нашлась комната, вернее, целые апартаменты для Иезуса Пьетро Кастро. Сейчас он находился в комнате, которая когда-то была гостиной: с диванами, карточным и кофейными столиками, с видеоустановкой, соединенной с корабельной библиотекой. Это была большая комната, даже слишком большая для космического корабля, где всегда не хватало места.

В комнате стоял огромный тяжелый ящик, опутанный трубками. Два охранника сидели рядом с ящиком, тут же стоял Кастро, прижимая переговорную трубу к губам. Труба была соединена с ящиком.

— Дадим ей на размышление минут десять, — сказал он, засекая время.

Раздался зуммер его переносного телефона.

— Я в вивариуме, — сказал майор Янсен. — Девушка-колонистка, в этом нет сомнения. Она в одежде поселенки. Вероятно, где-то украла. Пока мы не знаем, где именно. Нам пришлось ввести в нее антидот, так как она получила сверхдозу усыпляющего.

— Она пришла одна?

— Я не могу сказать с уверенностью, сэр. Тут есть два момента. Во-первых, от ее аппарата были отсоединены провода. Она не могла сделать этого сама. Может, из-за этого и проснулся один из пленников в тот раз?

— И затем освободил остальных? Я не верю в это. Мы бы заметили отсоединенные провода.

— Согласен. Значит, здесь был кто-то, кто отсоединил провода от аппарата девушки.

— Может быть. А второе?

— У одного из охранников не оказалось противогаза. Мы не смогли его найти. Сумка пуста, а жена сказала, что охранник, уходя, взял его с собой. Теперь он проснулся, но сам ничего не понимает. Кроме того, на его лбу есть рисунок, подобный тому, что мы уже видели на дверях.

— Ах, вот как.

— А это означает, что в самой полиции, может быть, есть предатель, сэр.

— Почему ты так думаешь, майор?

— Кровоточащее сердце не используется в качестве символа ни одной из организаций. Только охранник мог нарисовать этот знак. Ведь сюда больше никто не входил.

Иезус Пьетро едва сдерживал свое нетерпение.

— Может быть, ты прав, майор. Завтра мы обсудим, как нам выяснить все это.

Майор Янсен поговорил еще немного, высказывая различные предположения. Пьетро слушал, вставляя соответствующие ремарки, и постарался побыстрее закончить разговор.

Предатель в полиции? Пьетро очень не хотелось думать так. Конечно, такая вероятность есть, и ею нельзя пренебрегать, но даже одно предположение об этом могло причинить невосполнимый моральный урон полиции.

Во всяком случае, Иезус Пьетро этим не заинтересовался. Ни один предатель-полицейский не смог бы невидимкой проникнуть в

кабинет самого Иезуса Пьетро. Кровоточащее сердце означало что-то совсем другое.

Иезус Пьетро позвонил в соседнюю комнату.

— Пусть кто-нибудь принесет мне кофе.

Еще три минуты, и можно будет возобновить беседу с девушкой.

Иезус Пьетро расхаживал по комнате. Он ходил, прижав больную руку к телу. Боль еще не отпускала его, и ощущение было не из приятных.

Да, кровоточащее сердце означает что-то совсем другое. Устрашающий символ на двери вивариума. Пальцы, которые он сломал, даже не заметив когда. Рисунок чернилами, появившийся на досье, как подпись. Да, как подпись.

Интуиция говорила Пьетро, что этой ночью что-то произойдет. И произошло. Но что? Интуиция привела его сюда. Вообще-то не было никаких логических причин приходить к Полли Турнквист? А может, у его подсознания были иные причины приводить его сюда?

Иезус Пьетро расхаживал вдоль закругленных стен комнат.

Кто-то постучал в дверь в потолке. Охранники приготовили пистолеты. Скрипящий звук,и дверь открылась. Человек стал медленно опускаться по лестнице. Он держал в руке поднос и не стал закрывать за собой дверь.

На космическом корабле было не очень удобно передвигаться. Везде лестницы. Человеку с подносом нужно было проделать довольно длинный путь по лестнице.

Мэт заглянул в открытую дверь. Он увидел человека с подносом, спускающегося вниз. А в комнате было еще три человека и среди них Кастро. Когда голова Мэта появилась в дверях, все посмотрели на него. Но это длилось только мгновение. Затем все глаза опустились.

Мэт начал спускаться, глядя через плечо на них и стараясь одновременно видеть все восемь глаз.

* * *

— Черт побери, Худ, помоги мне подняться.

— Парлет, не можешь же ты...

— Помоги мне подойти к телефону.

— Мы совершаем самоубийство, — сказал Харри Кэйн. — Что сделают твои родственники, когда узнают, что мы держим тебя здесь в плену?

— Я здесь по собственной воле. Вы знаете сами.

— Но они этого не знают.

— Моя семья подчиняется мне. — Парлет уперся руками в руч-

ки кресла и с неимоверным усилием встал. Однако передвигаться он не мог.

— Они не знают, что происходит, — сказал Кэйн. — Все, что им известно, это только то, что ты в доме, который захватили три бежавших из вивариума колониста.

— Кэйн, они ничего не поймут, даже если я буду говорить с ними целых два часа. Но моя семья беспрекословно подчиняется мне.

Харри Кэйн открыл рот, закрыл его снова и задрожал. Он даже положил руки на стол, чтобы дрожь не была заметна.

— Звони, — сказал он.

— Нет, — отказался Джей Худ.

— Помоги ему, Джей.

— Нет! Если он позвонит и сообщит о нас, с нами все кончено.

— О, идиот! — Лидия Ханкок встала и перекинула руку Парлета себе за шею. — Подумай, Джей. Парлет — это наилучший шанс для нас. Мы должны довериться ему. — И она повела Парлета к телефону.

* * *

Уже пора начинать беседу. Иезус Пьетро подождал, пока человек поставит поднос на ящик и начнет подниматься по лестнице.

И вдруг Иезус Пьетро почувствовал, что пульс его бешено забился. Холодный пот потек по спине. Рука его пульсировала как сердце. Глаза обшаривали комнату, ища того, кого здесь не было.

Без каких-либо видимых причин эта комната вдруг превратилась для него в западню.

Послышался глухой звук, и сердце у Иезуса подскочило. Ничего, ничего его глаза не могли увидеть. Но он, человек без нервов, слоноподобный Иезус Пьетро, боялся. Боялся неизвестно чего. Комната стала западней.

— Сейчас вернусь, — сказал Пьетро. Он подошел к лестнице и стал взбираться.

— Сэр! А что с пленницей? — спросил охранник.

— Я сейчас вернусь, — сказал шеф, не оборачиваясь.

Он добрался до двери, протиснулся в нее и закрыл дверь.

И тут он опомнился.

У него не было никакой цели. Просто что-то внутри его потребовало — уйди отсюда! И он повиновался этому требованию, не задавая себе никаких вопросов.

Чего он испугался? Может, он боялся узнать что-то неприятное от Полли Турнквист? А может, он был в чем-то виновен? Да нет, девушка больше не вызывала у него желания. А если бы и так, он сумел бы справиться с собой.

Ни один полицейский не видел таким своего шефа: плечи опуще-

ны, на лице печать усталости, он стоял в нерешительности, не зная куда ему идти.

Во всяком случае, нужно вернуться. Полли Турнквист ждет звуков его голоса. Может, она знает что-нибудь обо всем этом.

Он собрался с силами и повернулся к двери. Глаза его автоматически пробежали по ярким панелям, которыми были обиты стены. На космических кораблях люди старались делать все ярким — и освещение и стенные панели.

И тут глаза Кастро заметили нечто, от чего у него перехватило дыхание. Грубо нацарапанный на панели рисунок...

* * *

Мэт еще не успел спуститься с лестницы, когда человек в халате стал подниматься наверх.

Мэт в довольно крепких выражениях обратился к Демонам Тумана, но, разумеется, ответа не получил. Затем, так как человек уже чуть не столкнулся с ним, Мэт с глухим стуком спрыгнул через край лестницы вниз. Этот стук услышали все и начали с удивлением осматриваться по сторонам. Мэт осторожно забился в угол и стал выжидать.

Он такое предполагал с самого начала. Нельзя рассчитывать только на свое могущество.

Охранник снова взглянул вверх. Человек в халате уже скрылся в двери и закрыл ее за собой. Только Кастро продолжал вести себя крайне странно. Он все обшаривал комнату глазами, как бы стараясь увидеть кого-то. Мэт понемногу успокоился.

Человек с кофе появился вовремя. Мэт уже хотел уходить, чтобы попытаться найти дорогу к двигателям, откуда он мог бы шантажировать Кастро и диктовать ему свои условия. Однако перед уходом он решил пометить дверь, чтобы знать, что она ведет к Кастро. И тут из-за угла появился человек с подносом.

Кастро вел себя все еще очень странно. Во время разговора с ним в кабинете Мэт не переставал бояться его. Теперь же перед ним был испуганный, нервничающий человек с перевязанной рукой.

«Опасная мысль, — подумал Мэт. — Нужно бояться!»

Внезапно Кастро пошел к лестнице.

Мэт прикусил губу. Охота стала превращаться в фарс. Куда теперь направляется шеф? И как он, Мэт, может держать под контролем. Шесть глаз одновременно: две пары внизу и одна наверху?

И тем не менее он тоже пошел к лестнице.

— Сэр! А что с пленницей?

— Я сейчас вернусь.

Мэт снова забился в свой угол. Пленница?

Гроб. Слово почти забытое на планете, так как и поселенцы

и колонисты кремировали своих умерших. Но в этом ящике свободно мог поместиться человек.

Нужно заглянуть в ящик.

Но сначала охранники...

* * *

— Шеф звонит, майор.

— Спасибо, мисс Лауэссен.

— Янсен, это ты?

— Да, сэр.

— Я нашел еще одно кровоточащее сердце.

— На «Планке»?

— Да. Возле комнаты с гробом. Вот что нужно сделать. Закрой все люки «Планка». Заполни корабль газом и пошли туда отряд полицейских. В любого, кого вы не узнаете, сразу стреляйте без предупреждения. Ясно?

— Да, сэр. Думаете, что предатель некто, кого мы знаем?

— Оставь свои мысли при себе. У меня есть основания считать, что предатель не полисмен, хотя, возможно, одет в полицейскую форму. Сколько времени тебе потребуется?

— Минут двадцать. Я могу вместо лифтов воспользоваться карами, хотя это займет столько же времени.

— Хорошо. Воспользуйся карами. В первую очередь закрой лифты. Я хочу, чтобы все произошло неожиданно.

— Да, сэр.

— Действуй.

* * *

С охранниками все оказалось просто. Мэт зашел сзади, вытащил из кобуры охранника пистолет и пристрелил обоих.

Он оставил себе пистолет. Оружие придавало уверенности. Ему уже надоело бояться. В конце концов страх мог свести с ума. Но если он перестанет бояться, его могут убить в любой момент. Однако сейчас на несколько минут он может отдохнуть от страха, перестать прислушиваться к шагам, перестать смотреть во всех направлениях одновременно. Пистолет был гораздо привычнее и удобнее, чем гипотетическая пси-энергия. Он тяжело и надежно лежал в руке, холодил ее.

Гроб оказался больше, чем ему показалось издали. Он нашел винты, которые легко подались и через секунду лежали возле гроба. Крышка оказалась тяжелой. Пенопластик покрывал внутренность гроба. Он служил надежным звукоизолятором.

То, что лежало в гробу, было тщательно укутано в мягкую не-

весомую ткань. По очертаниям можно было предположить, что там человек, только голова была странной формы. Мэт почувствовал, что волосы зашевелились у него на голове. Гроб, и тот, что лежал в гробу, не шевелился. Если это Полли, то она, без сомнения, мертва.

Он начал разворачивать тело, начав с головы. Вскоре Мэт обнаружил уши. Человеческие уши. Они оказались теплыми на ощупь, и в нем шевельнулась надежда. Еще несколько витков ткани, и на Мэта взглянули карие глаза. И они моргали!

Все ясно. Полли Жива.

Жива и завернута, как кокон. Когда освободились ее руки, она сама стала помогать ему освобождать себя, снимать с себя электроды и провода. Однако помощи от нее было немного. Пальцы ее не работали. Все мышцы онемели, и когда она попыталась выбраться из гроба, Мэту пришлось подхватить ее падающее тело.

— Благодарю, — сказала она, еле шевеля губами. — Спасибо, что ты вытащил меня отсюда.

— Я для этого и пришел сюда.

— Я помню тебя. — Она встала, держась руками за край ящика. Улыбка не получилась. — Ты Мэт. Да?

— Мэт Келлер. Ты можешь стоять сама?

— Где мы? — Она не хотела отпускать его руку.

— В больнице. Но у нас есть возможность выйти отсюда, если ты будешь во всем слушаться меня.

— Как ты попал сюда?

— Джей Худ сказал мне, что я могу становиться невидимым. Пока я испуган, люди меня не видят. На это мы и должны рассчитывать. Ну как, ты готова?

— Пока еще нет.— Она попыталась улыбнуться, но лучше бы она этого не делала. Это была не улыбка, а гримаса.

— Иди сюда, сядь. — Она держалась за его руку, боясь упасть. Он подвел ее к стулу. Полли еще в шоке, подумал он. — Лучше ложись. На пол, осторожнее. Теперь положи ноги на стул. Что они с тобой сделали?

— Это длинная история. — Ее брови сдвинулись, и на лбу образовались две морщинки. — Хотя я могу быстро рассказать. Они ничего не делали со мной. Ничего, и ничего, и ничего. — Она лежала на спине, положив ноги на стул, и глаза ее смотрели куда-то сквозь потолок, в ничто.

Мэту захотелось отвернуться. На Полли было неприятно смотреть. С ее лица сошла вся красота, а вместо нее легла печать бесконечного ужаса.

Наконец она спросила:

— Зачем ты здесь, Мэт?

— Я пришел за тобой.

— Ты не Сын Земли?

— Нет.

— Может, тебя тоже взяли во время налета на дом Харри?

— Нет.

Глаза ее с подозрением смотрели на Мэта. Она убрала ноги со стула и с трудом села. Полли была одета в платье странной формы из мягкой ткани. Пальцы ее нашли уголок платья и нервно мяли, комкали его.

— Я не могу доверять тебе. Я даже не уверена, что не сплю сейчас. Может быть, я все еще в ящике.

— Успокойся, — сказал он и погладил ее по плечу. — Все кончено.

Она схватила его за руку так неожиданно, что он чуть не отдернул ее, все ее движения были очень порывисты.

— Ты не можешь себе представить, что это было. Они меня изолировали от всего. Я была как будто в могиле! — Она сжимала его руку, трогала пальцы, ногти, как будто впервые касалась руки человека. — Я пыталась вспомнить что-нибудь, но все ускользало от меня. Это было... — Она осеклась, и губы ее двигались беззвучно. Вдруг она прыгнула на него и опрокинула на спину. Она навалилась на него всем телом и прижималась к нему, судорожно сжимая руками. Она держалась за него так, как будто она тонула, а он был доской.

— Эй, — сказал Мэт. — Я из-за тебя выронил пистолет.

Она не слышала. Мэт посмотрел на дверь. Оттуда не доносилось ни звука.

— Все хорошо, — сказал он. — Ты свободна. — Девушка зарылась лицом в его плечо и отчаянно стискивала его руками — Ты свободна. — Он массировал мышцы шеи и плеч, пытаясь сделать то, что Лейни сделала ему прошлым вечером.

Мэт понимал, почему Полли так ведет себя: она хочет убедиться в реальности происходящего. Время, проведенное в гробу, сильно подействовало на нее, может быть, даже чуть повредило разум. Должно быть, она потеряла всякое ощущение реальности. И вот она щупала руками его спину, лопатки, позвонки, терлась о него всем телом, чтобы почувствовать Мэта каждой клеточкой своего тела...

И она в него тоже вдыхала жизнь. Двери, коридоры, стены, пистолеты, полиция — все это уходило куда-то далеко и оставалась с ним только она, только Полли.

— Помоги мне, — сказала она приглушенным голосом.

И Мэт, вернувшись из нирваны в реальность, спросил:

— Что ты имеешь в виду?

— Я сама не знаю, но мне нужна помощь, — медленно улыбнулась она. Улыбка уже перестала быть гримасой. — Впрочем, уже нет, я уже стала сама собой.

Мэт посмотрел на дверь, протянул руку за соником. Нирвана кончилась, наступила жестокая реальность.

— Ты действительно пришел освободить меня?

— Да. — Он решил не упоминать о Лейни. Пока ни к чему.

— Благодарю.

— Сейчас нам нужно выбираться отсюда.

— Ты не хочешь ни о чем спросить меня?

Неужели она проверяет его? Не доверяет ему даже сейчас? А почему она должна доверять?

— Нет, — сказал он. — Ни о чем. Но кое-что я сам хочу тебе сказать...

Она застыла.

— Мэт. Где мы?

— В больнице. Но мы можем выбраться.

Она откатилась в сторону и поднялась на ноги одним легким движением.

— Мы на космическом корабле? На каком?

— На «Планке». Разве это имеет значение?

Она выхватила соник из кобуры второго охранника.

— Мы можем включить двигатели и скинуть больницу и всех поселенцев в пропасть. Идем, Мэт, торопись! В коридоре есть охранники? Сколько?

— Оставь это... Ты сошла с ума.

— Мы уничтожим больницу и большую часть Альфа Плато. — Она скинула с себя платье и швырнула его на пол. — Я раздену кого-нибудь из полицейских. Прекрасно, Мэт. Мы победим! Одним ударом!

— Почему победим? Мы погибнем!

Она встала перед ним, уперев руки в бедра, и с неудовольствием посмотрела на него. Сейчас на ней были надеты брюки полицейского, которые висели мешком. Мэт еще никогда не видел такую смешную девчонку.

— Я забыла. Ты же не Сын Земли. Хорошо, Мэт, беги. Может, тебе удастся выбраться из зоны взрыва, хотя я сомневаюсь в этом.

— Я пришел сюда не для того, чтобы ты совершила самоубийство. Ты пойдешь со мной.

Полли натянула куртку полицейского, закатала брюки, чтобы они не волочились по земле.

— Ты выполнил свой долг. Я благодарна тебе, Мэт, но мы идем в разных направлениях. У нас разные цели. — Она крепко поцеловала его, прижавшись всем телом, затем резко оттолкнула и прошептала: — Я не могу упустить этот шанс. — Затем она бросилась к лестнице.

Мэт преградил ей путь:

— Ты не сможешь пройти без меня. Ты идешь со мной, и мы уходим из больницы.

Полли ударила его.

Она ударила его вытянутыми пальцами как раз под ложечку. Мэт согнулся вдвое от страшной боли. Он не мог дышать и только хватал воздух открытым ртом, как рыба. Он почувствовал пальцы на своем горле и понял, что Полли натянула на него противогаз.

Краем глаза он видел, как она взбежала по лестнице, услышал, как дверь открылась, а затем закрылась. Медленный огонь разливался по его легким.

Он никогда не учился драться. И только его неожиданная способность сделала это необходимым. Однажды он ударил охранника прямо в подбородок. Кто бы мог предположить, что эта хрупкая девушка может ударить так сильно?

Постепенно, дюйм за дюймом, он распрямился. Вскоре он уже смог начать дышать мелкими болезненными вдохами. И когда боль немного утихла и он мог уже двигаться, он пошел к лестнице.

Глава тринадцатая

Все случилось одновременно

Полли шла быстрым шагом. На голове — противогаз, в руках она держала соник, готовая выстрелить в любую секунду, как только перед ней окажется враг. Сзади нападения не могло быть. Она шла слишком быстро.

Как член организации, она знала корабль, как свой собственный дом. Она шла к пульту управления двигателями. Проходя мимо дверей, она читала таблички. Гидропоника... Библиотека...

Пульт управления. Дверь закрыта. На потолке. И нет лестницы.

Полли присела и прыгнула, ухватившись за ручку двери. Дверь была не заперта, так как пультом управления уже давно никто не пользовался. Но, к несчастью, она открывалась внутрь, наверх. Полли, глубоко разочарованная, спрыгнула вниз, мягко приземлившись на носки.

Может, пройти к энергоустановкам? Но там техники, обслуживающие их. Там ее задержат.

Она снова прыгнула, ухватилась за ручку, повернула ее так, чтобы та не поворачивалась обратно. Затем она сорвалась и прыгнула снова, сильно ударив ладонью дверь. Дверь приоткрылась... и закрылась снова.

Откуда-то издалека донесся голос:

— Что там происходит?

Грудь Полли судорожно вздымалась, легкие с трудом набирали

воздух. Она прыгнула последний раз, ухватилась за ручку, подтянулась... Тяжелые шаги... Она извивалась, как змея... Прежде чем ее увидели, она закрыла за собой дверь.

Здесь тоже была лестница, ведущая туда, где когда-то был потолок. По этой лестнице команда «Планка» спускалась вниз после посадки. Теперь по ней поднималась Полли.

Она уселась на второе кресло слева и нашла панель управления, которая оказалась железной полосой, приваренной между двумя платами. Таким образом управление отключилось от этой панели, и все органы управления переключались в комнату, где находились энергетические установки. Во время полета все управление происходило отсюда, но теперь в этом не было необходимости, так как энергетические установки только производили электричество. Поэтому панель управления отключили.

Полли быстро побежала к лестнице. Там она видела склад инструментов. Если там есть сварочный агрегат...

Он там был.

И если в комнате нет воспламеняющегося газа...

Ничего не взорвалось, когда она включила трансформатор. Сначала она решила заварить дверь.

Ее сразу же услышали. Под дверью раздались возбужденные голоса, затем она ощутила легкое онемение. Стреляли из соника. Хотя дверь ослабляла излучение, ей долго не выдержать. Однако она закончила работу и только потом поднялась по лестнице.

Здесь она начала резать металлический шунт. Работа подвигалась медленно. Полиция, несомненно, схватила бы ее, если бы она не позаботилась о двери. Теперь они могли бесноваться там сколько угодно. У нее уйма времени в этом мире. В их мире.

* * *

Мэт вышел в коридор и пошел по нему, оставив дверь открытой. Он шел, согнувшись, прижав руки к груди. Соник он оставил в комнате.

— Я вовсе не тот человек, который может повелевать, — сказал он вслух, наслаждаясь звуком собственного голоса. — А может, я просто попытался командовать женщиной, которой нельзя командовать.

Грузная фигура двигалась навстречу ему по коридору. Иезус Пьетро Кастро в противогазе и с тяжелым пистолетом в руке вовремя поднял голову, чтобы уклониться от столкновения. Он резко остановился, и рот его открылся от удивления: снова перед ним голубые глаза, каштановые волосы, горькое и злое лицо колониста, ухо с оторванной мочкой, кровь, запекшаяся на шее.

— Ты согласен со мной? — спросил Мэт.

Кастро поднял пистолет. Счастье отвернулось от Мэта.

И тут гнев и ярость прорвались в нем.

— Ну вот! — закричал он. — Смотри на меня! Будь ты проклят! Смотри! Я Мэтью Келлер!

Шеф смотрел. Он не стрелял. Он смотрел.

— Я дважды проник в твою вонючую больницу. Один, с голыми руками. Я прошел сквозь стены, сквозь ядовитую бездну, сквозь усыпляющий газ, через град пуль, чтобы освободить эту стерву. И когда я освободил ее, она ударила меня в живот, заставила согнуться, как цветок. Так что теперь можешь смотреть на меня!

Кастро стоял и смотрел.

Мэт понял, что сейчас ему придет конец.

Кастро вертел головой из стороны в сторону, но не мог отвести взгляда от глаз Мэта. И медленно, медленно, короткими шажками он приближался к нему.

Мэт все понял.

— Не отводи взгляда, — торопливо приказал он. — Смотри на меня. — Шеф уже был совсем рядом. Мэт протянул руку и отвел от себя дуло пистолета, не отрывая глаз от глаз Кастро.

Они смотрели в глаза друг другу. Глаза Кастро под стеклами противогаза были очень странными: огромные черные зрачки, казалось, заполнили все. Челюсть его отвисла, рот под снежно-белыми усами был раскрыт. Он как будто таял на глазах. Пот медленными струями стекал под воротник. Как у человека, полностью парализованного страхом, трепетом, священным экстазом... Он смотрел и смотрел...

Если сузить зрачки людей, то становишься невидимым. А если расширить, то что? Станешь богом?

Черт побери, он полностью покорил шефа. Мэт сжал кулак, размахнулся... и не смог ударить. Это было все равно, что ударить ребенка, калеку. Кастро и был калекой: одна рука его была забинтована.

Из коридора, оттуда, куда ушла Полли, донесся шум.

Шеф сделал еще шаг вперед.

Слишком много врагов впереди и позади. Мэт выхватил пистолет из руки Кастро, повернулся и побежал.

Когда он вскакивал в комнату, где стоял гроб, он заметил, что шеф все еще смотрит вслед ему, словно зачарованный. Затем Мэт захлопнул за собой дверь.

* * *

Полли отбросила в сторону железную полосу, и вспыхнули индикаторы панели управления. Она быстро пробежала по ним глазами, затем еще раз, более медленно.

Судя по показаниям приборов, двигатели были холодны, как пещеры Плутона.

Полли присвистнула. Приборы не могли обманывать. К тому же они контролировали друг друга. Значит, кто-то решил отключить области колонистов от энергосистемы.

Отсюда ей не запустить двигатели. И ей все равно не добраться до энергоустановки. Ведь она сама себя заперла здесь намертво.

Если бы это был «Артур Кларк», Кастро не осмелился бы отключить энергию от поселенцев. Установки «Кларка» сейчас на полном ходу.

Ну что же, подумала она, направляясь к лестнице. Нужно найти способ проникнуть на «Кларк».

* * *

Иезус Пьетро почувствовал чью-то руку на своем плече. Он повернулся и увидел майора Янсена.

— В чем дело?

— Мы заполнили «Кларк» газом, сэр. Каждый, кто не предупрежден, потеряет сознание. Правда, мне хотелось бы, чтобы на корабле было разбросано поменьше противогазов. Эти полицейские очень небрежны. Во всяком случае, у нас есть шанс схватить кого-нибудь.

— Хорошо, — сказал Кастро. Он не мог сосредоточиться. Он хотел остаться один, подумать... нет, он не хотел остаться один... — Хорошо, — повторил он. — Проверь комнату с гробом. Может, там кто-нибудь есть.

— Там нет его. А если и есть, значит, предатель один. Кто-то пробрался к пульту управления двигателями и заварил дверь за собой. Хорошо, что двигатели отключены.

— Выкури его оттуда. Но сначала проверь комнату с гробом.

Майор Янсен весь в сомнениях пошел туда. Кастро смотрел ему вслед и думал, что же он там обнаружит. Действительно ли тень Келлера шмыгнула в дверь или же просто растаяла в пространстве. Кастро не мог сказать этого с уверенностью.

Но в существовании этого привидения он был уверен.

Он никогда в жизни не сможет забыть эти глаза. Эти связывающие, ослепляющие, парализующие глаза. Они будут преследовать его всю жизнь — сколько бы она ни продолжалась. Совершенно ясно, что привидение не желает отпускать его.

Зазвонил телефон. Иезус Пьетро взял микрофон.

— Шеф здесь.

— Сэр, мы получили странное сообщение, — послышался голос мисс Лауэссен. — Большое количество каров направляется к больнице. Говорят, что Совет обвиняет вас в измене.

— Меня? В измене?

— Да, сэр. — Мисс Лауэссен была явно взволнована. Она даже назвала его сэром.

— Какие основания?

— Я постараюсь выяснить, сэр.

— Выясните. И прикажите карам сесть за границей защитного периметра. Если они не подчинятся, пошлите навстречу патрульные кары. Вероятно, это Сыны Земли. – Он отключился и тут же подумал: «Но откуда они взялись? И где достали кары?»

И он подумал. Келлер?

Снова зуммер.

Снова голос Лауэссен.

— Сэр, кары ведет сам Миллард Парлет. Он обвиняет вас в злоупотреблениях и измене. Он предлагает вам добровольно сдаться.

— Он сошел с ума. — Иезус Пьетро никак не мог понять, что же все это значит? Может, поэтому и Келлер сам явился ему наконец? Без таинственных символов, без невидимого выкручивания пальцев... Глаза Келлера...

— Постарайтесь посадить старика, не причинив ему вреда. Остальные кары тоже. Дайте им одну минуту, а затем сбивайте сониками.

— Я хочу напомнить вам, сэр, что Миллард Парлет ваш начальник. Вы хотите не подчиниться ему?

Иезус Пьетро вспомнил, что Лауэссен почти чистокровная поселенка. Может, в ее венах есть и кровь Парлета? Вполне возможно. Старик в свое время был большим шалуном. И Кастро сказал то единственное, что мог сказать в данной ситуации:

— Нет.

Телефон отключился, отрезав его от коммутатора больницы.

* * *

Он бежал, но бежал неохотно. Почему-то удар Полли заставил его желать смерти. Его тянуло в коридор, чтобы там его схватили.

Нет, не сейчас. Он схватил соник и направился к лестнице. На этот раз он знал, что будет делать, когда выйдет в коридор.

Но зачем все это? Эта мысль остановила его. Если Полли собирается взорвать все...

Нет, она не решится. Сейчас надо думать о бегстве. Он взглянул на дверь и вздрогнул.

Бежать невозможно. Едва он высунет голову, ему конец. Ему нужно видеть врага, чтобы использовать свой дар. Но нельзя смотреть сразу во все стороны.

Но эта комната не выдержит долгой осады. Нужно выбираться отсюда.

В коридоре, видимо, уже пущен газ. Не зря же у Кастро противогаз. Зря Мэт выкинул свой. Он обыскал сумки охранников, но ни у того, ни у другого противогаза не оказалось.

Мэт снова посмотрел на дверь. Можно было бы рискнуть, но если в коридоре газ, то только эта дверь сможет защитить его.

Попробовать другую дверь? Они, скорее всего, ведут в спальни. Правда, к этим дверям нет лестницы.

Но вот маленькая дверка, которую он может достать. Там, вероятно, гардероб.

Но достать эту дверь было тоже не просто. Ему пришлось далеко свеситься с лестницы, дотянуться до ручки и открыть дверь. После этого ему пришлось прыгать. Выбраться из этой дыры будет так же сложно, как и забраться сюда.

Космические костюмы. Две штуки. Когда-то они висели на крюках, теперь же лежали на полу, как люди. Толстая резиновая ткань с тяжелым металлическим шейным кольцом, с пряжками. Здесь же шлем. На спине держатели для ракетного двигателя и под подбородком панель управления. Работает ли еще система воздухообеспечения? Смешно, конечно. Ведь прошло три сотни лет. Но может, в баллоне остался воздух. Мэт повернул кран и услышал шипенье.

Значит, воздух есть. Костюм защитит от газа. А стекло шлема не помешает его чудесному дару.

Мэт схватил пистолет, когда открылась дверь в коридор. Вот по лестнице кто-то стал спускаться. Мэт навел соник на двигающиеся ноги. Выстрел. Человек хрюкнул от удивления и полетел вниз.

Раздался повелительный голос:

— Эй ты, выходи!

Мэт ухмыльнулся. Он спокойно положил пистолет и стал натягивать костюм. Внезапно закружилась голова. Да, он был прав насчет газа.

Мэт повернул кран баллона и сунул голову в шейное отверстие. Затем сделал несколько глубоких вдохов и затянул пряжки.

— У тебя нет шансов! Выходи, или мы вытащим тебя!

«Вытаскивай». Мэт натянул шлем и попробовал дышать. Головокружение прошло, но двигался он еще осторожно. Тем более что костюм был ему мал.

Дверь внезапно открылась, и Мэт увидел чье-то лицо и руку с пистолетом. Мэт, не раздумывая, выстрелил в лицо. Человек чуть не рухнул вниз, но его успели вытащить за ноги.

Воздух густо пахнул металлом. Мэт поморщил нос. Любой был бы доволен один раз сбежать из больницы. Но он, Мэт, со своим чудесным даром...

Послышался грохот, похожий на отдаленный продолжительный взрыв.

«Что они задумали?» — подумал Мэт. Он поднял пистолет.

Корабль качнулся. Мэт ударился о стену, как кукла в коробке. С трудом он уперся ногами и плечами в стены. «Я думал, что эта сукина дочь блефует!» Он с трудом успел схватить пистолет, который чуть не свалился вниз.

Корабль подпрыгнул, и Мэт больно ударился щекой. Грохот становился громче и громче.

* * *

— Мы уже близко, — сказал Парлет.

Худ, сидящий на месте водителя, ответил:

— Мы должны быть еще ближе, чтобы отдавать приказания.

— Чепуха. Ты боишься, что тебя назовут трусом. Лети назад, говорю тебе. Пусть дерутся мои люди. Они сами знают, что делать. Они хорошо обучены и дисциплинированы.

Худ пожал плечами и сбросил скорость. Теперь они были последними в армаде из сорока каров, летящих сквозь звездную ночь. В каждом каре сидели родственники Парлета: водитель и человек с соником.

Парлет согнулся над микрофоном.

— Я вызываю Дейрдру Лауэссен. Слушай, Дейрдра, дело чрезвычайной важности...

И все слушали, что говорит Парлет. И Худ, и Харли Кэйн, и Лидия Ханкок.

Речь заняла несколько минут, и наконец Парлет отключил микрофон и улыбнулся, показав белые зубы.

— Ну вот. Она передаст мои обвинения по всем станциям. Теперь в самой полиции начнется война.

— Ты нашел не очень подходящее время для такого обвинения, — сказал Харри Кэйн.

— Ничего. Я смогу доказать все, когда война кончится. Я смогу обвинить Кастро в злоупотреблении властью и в измене. И мы... — Он помолчал для усиления эффекта. — И мы захватим больницу. Если я буду контролировать больницу, мне поверят. Потому что только у меня будет средство говорить со всей планетой.

Мы должны захватить больницу еще до того, как мы организуем новое правительство.

— Смотри вперед.

— Полицейские кары. Их немного.

— В тесном строю. В этом нет ничего хорошего. Мы не готовились к боям.

— Почему?

— Мы же предполагали, что нам придется штурмовать больницу...

— Что это?

Парлет наклонился вперед, опершись руками на панель управления. Он не отвечал.

Харри потряс его за плечо.

— Что это? Похоже, что в одном из отсеков больницы пожар. — Парлет застыл в шоке.

И вдруг край здания больницы отделился от основного строения и развалился. Оранжевое пламя охватило все.

— Это, — сказал Миллард Парлет, — это «Планк» включил свои двигатели.

* * *

Полли сидела перед пультом управления и старалась передвигать рычажки плавно, но они все равно двигались скачками. За столько лет ржавчина сделала свое дело.

Наконец дюзы прогрелись, и Полли попробовала, как работают водяные клапаны.

Она пустила воду в горячие двигатели и послышался рев. Полли торжествовала. Корабль содрогнулся всем телом и покачнулся. Откуда-то снизу, из-за заваренной двери, послышались крики.

Полли размышляла. Основной двигатель «Планка» ей не запустить. Но она может взлететь на дополнительных двигателях и затем опуститься на «Артур Кларк», не выключая двигателя. Тогда раздастся взрыв, который снесет все Альфа Плато в бездну.

— Ну что же, — прошептала она.

«Планк» легонько поднялся с камня, на котором стоял, и повис, покачиваясь на высоте нескольких футов.

Полли двинула рычаг подачи горючего, но без результата. Было ясно, что корабль не сможет преодолеть силу тяжести.

Полли протянула руку и взялась за другой рычаг. «Планк» стал медленно раскачиваться, разрушая здание больницы.

* * *

Пламя бушевало в больнице. Водяной пар разогрелся до такой температуры, что начал разлагаться на водород и кислород, которые тут же взрывались. Огненный ураган прокатывался по зданию больницы. Он убивал людей быстрее, чем они успевали понять, в чем дело, ослепнув от адского жара и пламени.

Для людей в больнице и вне больницы все то, что произошло, было крайне неожиданным. Здравомыслящие люди запирались в своих домах и прятались в подвалы, чтобы переждать то, что случилось.

* * *

— Лейни. Это, наверное, Лейни, — сказал Джей Худ. — Она смогла пробраться туда.

— Элен Матсон?

— Да. Ты можешь себе представить, что она на «Планке»?

— У нее великолепное чувство времени. Ты знаешь, что случится, если она включит двигатель?

— О боже? Что же нам делать?

— Продолжать лететь, — ответил Парлет. — Теперь нам терять нечего. Мы должны прорваться через все это, и нам остается только надеяться, что мисс Матсон узнает вовремя о победе колонистов.

— Снова полицейские кары, — сказал Харри Кэйн. — Справа и слева.

* * *

Полли снова тронула рычаг. Корабль качнулся в другую сторону и начал подниматься.

Полли не рискнула наклонить корабль еще больше. Ведь корабль мог упасть, а это не входило в ее планы.

Дверь за ней постепенно раскалялась и уже стала красной. Полли обернулась и оскалила зубы. Затем она снова повернулась к панели. Все рычаги и ручки стояли в нужных положениях. «Планк» медленно двигался все время влево и, описав дугу, должен был наскочить на «Артура Кларка». И тогда он будет бить «Кларка» раз за разом, пока тот не взорвется.

Однако она уже не видела, что красное пятно на двери стало белым и затем прогорело насквозь.

* * *

Корабль подскочил на три фута, и Мэт сильно ударился головой о стену. Когда он взглянул вверх, то увидел, что старая металлическая переборка не выдержала и лопнула. Теперь Мэт смотрел прямо в кабинет Кастро!

Он не мог думать, не мог двигаться. Все вокруг него обратилось в кошмар, все стало иррационально. «Магия! — подумал он. — Снова магия!»

Больница ходила ходуном, как в страшном сне. Уши у Мэта заложило, и вокруг него воцарилась мертвая сверхъестественная тишина. Корабль удалялся...

В шлеме вдруг кончился воздух. Мэт начал задыхаться. Он непослушными пальцами отстегнул ремни, сбросил шлемы и набрал полную грудь воздуха. И тут вспомнил о газе.

Однако газа не было. Воздух был чистым, но горячим, врывающимся сквозь многочисленные трещины. Мэт судорожно глотал воздух, перед глазами его крутились разноцветные круги.

Корабль подымался вверх и спускался вниз, как на волнах. Мэт постарался не обращать внимания на это, но одно он не мог игнорировать: корабль поднимался вверх и невозможно было сказать, какой высоты он достиг. Только огни больницы внизу превратились в сверкающую точку на фоне всеобщей тьмы. Он поднимался вверх, а комната, где находился Мэт, была негерметична. Мэт был без шлема.

Болтанка прекратилась. Мэт попытался снова перебраться на лестницу, хотя это было и трудно, так как тесный костюм сковывал его движения. Однако Мэту удалось спуститься вниз. Двигатель на спине затруднял передвижение. Но только спустившись вниз, Мэт подумал о двигателе.

Если работают двигатели «Планка», то почему бы не работать двигателям на космическом костюме?

Он посмотрел на панель управления, смонтированную на шлеме, и тронул две кнопки. Что-то взорвалось у него за спиной.

Интересно, на какой высоте он сейчас находится?

На панели управления он обнаружил всего один рычаг. Видимо, он управляет всеми двигателями.

Интересно, на какой высоте находится корабль?

Мэт сделал глубокий вдох и вылетел в дыру в стене. Вокруг него сомкнулась тьма, и Мэт инстинктивно схватился за рычаг. Но тот уже был передвинут на максимальное расстояние. Мэт вдруг понял, что двигатель в ранце был предназначен для использования в открытом космосе, а в гравитационном поле планеты он не может удержать вес человека.

* * *

Осторожно, чтобы не помешать людям со сварочными аппаратами, майор Янсен заглянул в отверстие в двери, которая вела в комнату с пультом управления.

Чтобы прорезать дверь, они подтащили под дверь платформу, на которой могли поместиться два человека. Майор просунулся в отверстие, заглянул в комнату и увидел черные волосы над креслом и смуглую тонкую руку на панели управления.

Иезус Пьетро крикнул снизу:

— Вы долго будете копаться?

— Сейчас, — сказал человек со сварочным аппаратом. — Одну секунду, если только она не заварила и петли.

— Ты знаешь, что сейчас происходит? — спросил шеф. — Я знаю.

Майор Янсен посмотрел на него удивленно. Шеф говорил что-то странное. И выглядел он как старый больной человек. Казалось, что он не может взять себя в руки. «Он уже готов к отставке», — подумал с участием майор Янсон.

— Если вы переживете это...

— Я знаю, — повторил Иезус Пьетро и кивнул сам себе.

Майор Янсен отвернулся. Сейчас не время заниматься сантиментами.

— Она заварила петли двери, — сказал один из полицейских.

— Сколько времени нужно, чтобы их разрезать?

— Минуты три, если резать с двух сторон.

* * *

Корабль продолжал подниматься, двигаясь на огненной подушке.

В лесу возле больницы вспыхнул пожар. Вскоре весь он был охвачен пламенем. Но кары, кружащиеся на небе, не обратили на это никакого внимания.

«Планк» уже вылетел за пределы охраняемой площади вокруг больницы и летел над жилыми районами. В домах, конечно, никто не спал, так как в этом грохоте невозможно было уснуть. Некоторые оставались в домах, другие выбегали на улицу, но в живых остались только те, кто успел укрыться в подвалах. Горящие дома обозначали путь «Планка» в небе.

* * *

— Все готово, сэр, — вряд ли эти слова были необходимы. Полицейские уже откинули горячую дверь в сторону. Майор Янсен вошел в комнату и стал спускаться по лестнице, ощущая смерть своей спиной.

Вскоре он уже стоял у панели управления и искал глазами рычаг или ручку, с помощью которой можно было бы изменить курс полета. И тут взгляд его упал на лобовое стекло. То, что он увидел, заставило его застыть в ужасе. Охваченная огнем земля, взрывающиеся дома, приближающийся край утесов — а за ними бездна...

— Конец близок, — сказал Иезус Пьетро из-за его спины. В голосе его не было ни удивления, ни страха.

Майор Янсен вскрикнул и спрятал лицо в ладони.

Иезус Пьетро протиснулся мимо него и сел в кресло. Его решение основывалось на одной логике. Если майор Янсен не нашел нужной ручки управления, значит, он не туда смотрел. К тому же девушка колонистка сидела в этом кресле, возле этой панели. Пьетро взялся за одну из ручек и повернул ее.

Корабль замедлил полет.

Но и теперь он двигался к краю пропасти, перевалил через него.

Пьетро откинулся в кресло и замер. У него было ощущение человека, спускающегося в лифте. Он видел, как мелькают черные тени утесов, все быстрее и быстрее.

И вот уже звезды исчезли с черного неба, корабль начал нагреваться. Снаружи было темно и жарко. Старые стены корабля дрожали от напряжения. Они начали трескаться по мере того, как давление росло.

Иезус Пьетро смотрел и ждал.

Ждал Мэтью Келлера.

Глава четырнадцатая

Равновесие сил

В полусне он отчаянно боролся, стараясь проснуться, чтобы избавиться от ужасов сна. Боже, какие кошмары!

Затем он ощутил на себе чьи-то пальцы.

Боль! Он попытался шевельнуться, чтобы уйти от нее, но это ему не удалось. Холодная рука коснулась лба, и голос... — Лейни? — сказал:

— Лежи спокойно, Мэт.

Он вспомнил это, когда очнулся снова. На этот раз он просыпался медленно, сновидения и призраки неохотно покидали его. И опять он подумал: какие кошмары! Но образы вокруг него становились все более четкими, слишком четкими для сновидений.

Его правая рука и вся правая часть тела онемели, как кусок мороженой свинины. Та же часть тела, что сохранила способность чувствовать, ужасно болела. Снова он попытался уйти от боли, и снова ему это не удалось. Он открыл глаза и увидел вокруг себя людей.

Харри Кэйн, миссис Ханкок, Лейни и несколько других, кого он не знал, стояли вокруг его странной постели. Среди них была большая женщина с красными руками, в белом халате, чем-то похожая на поселенку. Мэту она сразу не понравилась. Он видел такие халаты в банке органов.

— Он проснулся, — сказала женщина. — Не пытайся двигаться, Келлер. Эти люди хотят поговорить с тобой. Если ты устанешь, сразу же скажи мне, и я выведу их отсюда.

— Кто ты?

Харри Кэйн вышел вперед.

— Она твой доктор, Келлер. Как ты себя чувствуешь?

Как он себя чувствует? И Мэт тут же вспомнил момент, когда он понял, что двигатель в ранце не может поднять его. Но он не мог вспомнить своего падения с высоты в одну милю.

— Я умру?

— Нет, ты будешь жить, — сказала женщина-доктор. — Ты даже не останешься калекой. Тебя спас костюм. Правда, ты сломал ногу и несколько ребер, но тебя вылечат, если будешь слушаться и выполнять все указания.

— Хорошо, — сказал Мэт. Он лежал на спине. Одна нога в воздухе, что-то твердое стягивало грудную клетку, мешая дыханию. — Мне трансплантировали ногу?

— Не думай ни о чем, Мэт. Просто лежи и отдыхай.

— Что с Полли?

— Мы не смогли найти ее.

— Она была на «Планке». Должно быть, она пробралась к панели управления.

— О! — воскликнула Лейни. Она хотела что-то сказать, но передумала.

Харри сказал:

— «Планк» упал в бездну.

— Я понял.

— Ты освободил ее?

— Да, — ответил Мэт. Лица людей вокруг него поплыли в тумане. — Она фанатик. Вы все фанатики. Она не стала слушать меня.

Комната закачалась, поплыла вокруг него, и он услышал, как женщина-врач повелительно сказала:

— Уходите все. Быстро.

Она проводила всех до двери, но Харри Кэйн взял ее за локоть и пригласил выйти с ними в коридор.

Там он спросил:

— Когда он будет чувствовать себя лучше?

— Уходите, мистер Кэйн.

— Когда?

— Не бойтесь. Он не будет инвалидом. Через неделю мы пересадим его в тележку, а через месяц посмотрим.

— Когда он сможет вернуться к работе?

— Через два месяца, если все будет хорошо. Почему вы спрашиваете, мистер Кэйн?

— Тайна.

Женщина нахмурилась.

— Каковы бы ни были ваши планы относительно него, помните, что он мой пациент. Пока я не разрешу, он не выйдет отсюда.

— Ол-райт. Не говорите ему о трансплантации. Ему это не понравится.

— Это будет записано в его карточку, и я ничего не могу поделать. Но я не скажу ему.

Когда она ушла назад в палату, Лейни спросила:

— Почему ты так интересуешься этим?

— У меня есть план, связанный с Мэтом. Я расскажу позже.
— Ты хочешь его использовать для чего-то?
— Да, хочу. Но не знаю, как получится.

* * *

Миллард Парлет был утомлен до крайней степени. Он въехал в кабинет Иезуса Кастро в воскресенье вечером, когда еще не была восстановлена стена, и с тех пор даже жил здесь. Сюда ему приносили еду, спал он в кресле Пьетро, хотя спать ему приходилось совсем мало.

«Планк» причинил громадные разрушения больнице, но восстановительные работы велись довольно успешно. Парлет сам нанял строительную фирму и платил ей собственные деньги. Потом он позаботится, чтобы ему возместили расходы.

Самая основная проблема, которая сейчас беспокоила его, это была проблема полиции. Большинство полицейских просились в отставку.

События прошлой недели сильно подействовали на полицейских. То, что шеф полиции был обвинен в измене, потрясло их. К тому же Лейни Матсон и Мэтью Келлер, проникшие в больницу, сделали свое дело. Резня в коридорах больницы, которую устроили бежавшие из вивариума пленники, а также уничтожение «Планка» произвели сильное впечатление не только на персонал больницы, но и на все население Альфа Плато.

Теперь полицейские были в растерянности. Все рейды были отменены. По коридорам больницы свободно ходили бывшие мятежники, и никто их не задерживал. Они грубо и презрительно обращались с полицией. Ходили слухи, что Миллард Парлет готовит новые законы, существенно ограничивающие права полиции. Если эти слухи справедливы, то положение будет еще хуже.

Парлет делал что мог. Он беседовал с каждым, уговаривал остаться, но ряды полицейских таяли.

В то же время Парлет много времени уделял переговорам между четырьмя основными блоками на планете.

Совет Поселенцев в прошлом подчинялся Парлету. Если умело действовать, можно и сейчас сохранить в нем свое влияние.

Обычно поселенцы подчинялись решениям Совета, но обстановка была для них очень необычная, они могли удариться в панику, и тогда Совет будет для них ничто.

Сыны Земли могли бы последовать за Харри Кэйном. Но сам Кэйн не подчинялся Парлету и, более того, не доверял ему.

Основная масса колонистов осталась бы пассивной в политическом отношении, если бы Сыны Земли оставили их в покое. Но Кэйн, спекулируя знанием о грузе рамробота, мог в любой момент

спровоцировать их на восстание. Будет ли Харри Кэйн дожидаться нового закона?

Четыре блока и плюс полиция. Тут было над чем поломать голову. Работы было столько, что Парлету было некогда вздохнуть, и,занятый тысячью больших и малых проблем, он даже не заметил бы, если бы на больницу обрушилась армия колонистов.

Было удивительно, что он нашел время для того, чтобы поразмышлять о Мэтью Келлере.

* * *

Мэт лежал на спине. Грудь его была закована в гипс, а нога болталась в воздухе. Ему давали таблетки, заглушающие, притупляющие боль.

Женщина в белом халате время от времени осматривала его. Мэт подозревал, что она видит в нем всего лишь материал для банка органов. Он слышал, что кто-то назвал ее доктор Беннет. Ему раньше и в голову не приходило спросить ее имя, а ей не приходило в голову представиться самой.

Ранними утрами, когда действие усыпляющих таблеток кончалось, а также во время дневного сна его мучили кошмары. Снова и снова он своим локтем зверски разбивал кому-то нос и переживал смешанное чувство стыда и торжества. Снова он спрашивал дорогу в вивариум, шел по коридору, поднимал руку и видел на ней кровь. Снова он стоял в банке органов, стоял неподвижно, не имея сил бежать... и просыпался, обливаясь холодным потом.

Он с нежностью думал о своих родных. Он часто видел раньше свою сестру и ее мужа: они жили неподалеку. Но мать и отца он не видел уже годы. Хорошо бы сейчас увидеть их!

Даже воспоминания о червях наполняли его нежностью. Ведь он понимал их лучше, чем Полли, Лейни, Худ.

Сначала он не ощущал любопытства, как не чувствовал и сломанную ногу, но со временем он стал задавать себе разные вопросы.

Почему его лечат в больнице? Если его схватили, то почему он еще не в банке органов? Почему Лейни и Харри посещают его?

Он обезумел от нетерпения. Доктор Беннет долго не приходила. К удивлению Мэта, говорила она довольно охотно.

— Я сама ничего не понимаю, — сказала она. — Почему-то все повстанцы освобождены, и у нас нет материала для банка органов. Шефом теперь стал старый Парлет, и почти все его родственники работают здесь. Чистокровные поселенцы работают в больнице!

— Это тебе кажется странным?

— Очень. Старый Парлет всегда знал, что делает. Знает ли сейчас?

Знает ли? Мэт задумался над вопросом.

— Почему ты спрашиваешь меня?

— Он приказал, чтобы тебя лечили очень внимательно и заботливо. Значит, у него есть причина для этого, Келлер.

— Думаю, что да.

Когда она высказала все, что хотела, она добавила:

— Если у тебя есть вопросы, то задавай их своим друзьям. Они будут в воскресенье. Это тоже странно: колонисты свободно ходят по больнице, и у нас есть приказ не трогать их и пускать везде. Я слышала, что некоторые из них предводители повстанцев.

— Я один из них.

— Я так и думала.

— Когда я буду здоров, меня выпустят отсюда?

— Думаю, что да. Но все решит Парлет.

В этот вечер у его постели установили усыпляющий аппарат.

— Почему его не поставили раньше? — спросил он. — Ведь усыпляющие таблетки вредны для организма.

— Ты мог неправильно это воспринять, — ответил ему санитар.

В аппарате побежал ток, и Мэт погрузился в сон.

* * *

Для Парлета Мэт был частью его работы. Он прочел досье Мэта, лежавшее на столе Иезуса Пьетро. Папка была обуглена, как и все другие папки, но все же кабинет Пьетро пострадал меньше, чем остальные части больницы, так что содержимое папки осталось нетронутым.

Парлет изучил все эти досье. И теперь он знал, что наибольшая угроза его новому закону исходит от Сынов Земли. Именно они могли бы заставить колонистов принять этот закон, и именно они совершенно не подчинялись его влиянию. Парлет не мог управлять ими, контролировать их действия.

Досье Келлера было самым тонким. В нем не было даже донесения о его принадлежности к организации. Но он наверняка был Сыном Земли. Ведь именно он освободил пленников из вивариума. Он же проник в больницу во второй раз. И пожалуй, на нем лежит основная ответственность за катастрофу «Планка». Вероятно, с ним связана тайна кровоточащего сердца, этого загадочного символа. Нет, этот Мэтью Келлер один из наиболее активных повстанцев.

И этот сверхинтерес к нему Харри Кэйна!

Сначала Парлет решил, что Келлер должен умереть от своих ран. Он причинил столько вреда и разрушений. Из-за него погибла библиотека «Планка». Но более важно в данный момент завоевать доверие Харри Кэйна.

Доктор Беннет передала ему записку, в которой сообщила, что у Келлера будут посетители. Установка подслушивающего аппарата была лишь необходимой предосторожностью. Парлет отдал распоряжение и постарался забыть об этом до воскресенья, когда должна была состояться встреча.

* * *

Когда Худ закончил, Мэт улыбнулся и сказал:

— Я же говорил тебе о маленьких сердцах и печенках.

Все четверо стояли вокруг него, как врачебный консилиум вокруг больного.

Когда они вошли в палату, Мэт удивился, почему они так угрюмо-серьезны, почему двигаются так осторожно и внимательно.

Худ говорил полчаса, причем его изредка прерывал Харри Кэйн, вставляя замечания. Лейни и Лидия Ханкок все время молчали. Все это было очень странно.

— Расскажи ему все, Джей, — сказал кто-то. — Только поосторожнее, чтобы не взволновать его... — Но все, что ему рассказал Худ, было хорошо, почему это должно взволновать его?

— Почему вы так угрюмы? — спросил Келлер. — Все к лучшему. Мы будем жить долго и без болезней. Полицейских налетов не будет. Никого не препарируют в банке органов без суда. Мы можем даже, если захотим, иметь деревянные дома. Наконец наступил мир.

Заговорил Харри Кэйн:

— А что может помешать Парлету не выполнить все свои обещания?

Мэт все еще не понимал, при чем здесь он.

— Ты думаешь, он это может?

— Подумай, Келлер. Парлет выполняет сейчас работу Кастро. Теперь он шеф. Он глава полиции.

— Вы этого и хотели. Разве не так?

— Да, — сказал Кейн. — Я хотел этого потому, что Парлет единственный человек, который мог бы создать новый закон — если бы захотел этого. Но посмотрим, какие силы сейчас стоят за ним.

Он стал главой полиции. — Кэйн загнул один палец. — Он обучил весь свой клан обращаться с оружием, и теперь в его руках сосредоточена почти вся военная мощь планеты. Он может обвести Совет вокруг пальца. Сейчас Парлет полностью готов к тому, чтобы стать императором!

— Но вы же можете остановить его. Можете поднять восстание колонистов в любой момент.

Кэйн махнул рукой.

— Мы не можем. Конечно, этим можно грозить, но мы не хотим кровавой междоусобной войны. Парлет тоже не хочет этого — по крайней мере, говорит, что не хочет. Нет, нам нужно что-то другое, чтобы держать его в руках.

Четыре угрюмых лица ждали ответа. Что, черт побери, здесь обдумали проблему, теперь подумайте над ответом.

— Нам нужен убийца-невидимка.

Мэт приподнялся в постели и выглянул из-за белого столба ноги. Нет, Харри Кэйн не шутит. Это усилие отняло все силы Мэта, и он упал на подушки.

Лейни положила на него руку.

— Это единственное решение, Мэт. И оно самое лучшее. Какой бы властью ни обладал Миллард Парлет, против тебя он бессилен.

— Или ты или гражданская война, — вступил в разговор Кэйн.

Мэт с трудом обрел речь.

— Я не сомневаюсь, что вы не шутите. Но я сомневаюсь, в своем ли вы уме. Почему вы считаете меня убийцей? Я никогда никого не убивал. И даже не имел желания.

— Ты это хорошо делал на той неделе.

— Что? Я стрелял усыпляющими ампулами. Я только один раз ударил человека в лицо! Почему вы считаете, что я могу быть убийцей?

— Ты понимаешь, — сказал Худ, — что мы не собираемся использовать тебя как убийцу. Ты будешь всего лишь угрозой, Мэт, и ничем больше. Ты просто будешь гирькой на весах, чтобы уравновесить силы Сынов Земли и Милларда Парлета.

— Я шахтер. — Мэт взмахнул левой рукой. Той, что была здорова и движения которой не причиняли боли. — Шахтер. Я тренировал червей, чтобы они добывали металл. Мой хозяин продавал металл и платил мне жалованье... Погоди. Вы говорили Парлету о своей идее?

— Нет, конечно нет. Он никогда не узнает об этом, если ты не согласишься. Но если ты и согласишься, то мы будем ждать, пока ты выйдешь из больницы.

— О, боже, надеюсь, что так и будет. Если Парлет сочтет меня опасным для себя... нет, я хочу быть на Дельте раньше, чем вы скажете ему.

— Значит, ты согласен?

— Нет, Кэйн. Я не согласен. Неужели вы не понимаете, что у меня семья? Парлет может взять заложников.

— Родители и сестра, — дал справку Худ. — Родители на Йоте.

— Не беспокойся, — сказала Лейни. — Мы защитим их, Мэт. Они будут в полной безопасности.

Кэйн кивнул.

— Если кто-нибудь тронет волос на твоей голове или будет угрожать членам твоей семьи, я объявлю тотальную войну. Я скажу Парлету об этом, и он поверит мне. У меня есть средство заставить его поверить.

Мэт с тоской подумал о докторе Беннет. Впрочем, это не поможет. Даже если она их сейчас выгонит, они придут позже.

Он, Мэт Келлер, прикован к постели и не может двинуться более, чем на три дюйма. Принудительная аудиенция.

— Вы действительно думали об этом? Почему же вы сказали мне об этом только сейчас?

Ответил Джей Худ:

— Я хотел присутствовать при разговоре. Сегодня у меня как раз выходной день.

— Ты опять преподаешь в школе, Джей?

— Смешно преподавать историю в школе, когда происходит такое. — В его сухом, лишенном интонации голосе слышалось раздражение. Странно, что Мэт никогда не замечал в Худе такого повышенного самомнения.

— Вы втравливаете меня во что-то не очень красивое, — сказал Мэт.

— Прости, Мэт. Но мы нуждаемся в тебе.

— Хорошо. Лейни, а как ты относишься ко всему этому?

Лейни опустила глаза, затем снова подняла их и встретилась с его взглядом.

— Мэт, решение в твоих руках. Но если ты не пойдешь с нами, нам будет тяжело. Слушай, Мэт, мы не собираемся использовать тебя, как орудие убийства: может быть, Парлет ведет честную игру. И он действительно хочет превратить планету в рай для всех. Но если... — Она наклонилась вперед, вглядываясь в глаза Мэта: — ...но если Парлет вынашивает честолюбивые замыслы, только ты сможешь остановить его. Ты и никто больше.

Сейчас мы должны сами доверить ему власть. Потому что только это может предотвратить гражданскую войну. Но если его нужно будет остановить, нам потребуешься ты. И если ты не согласишься, ты будешь презренным трусом.

Мэт постарался оттолкнуть ее руку.

— Вы фанатики! Все четверо...

Лейни отпустила его руку. Она села прямо, и зрачки ее превратились в точки.

Мэт расслабился. Остальные тоже смотрели в ничто. Худ что-то мурлыкал себе под нос, Лидия Ханкок хмурилась своим невеселым размышлениям.

«Везение» Мэта Келлера предоставило ему возможность передохнуть.

«Везение» Мэта Келлера. Какая-то насмешка судьбы. Если бы

он не использовал свое везение для освобождения Полли, она была бы сейчас жива.

Если бы он не побежал к Худу за объяснениями относительно своего везения, сейчас бы он мирно возился со своими червями.

Не удивительно, что раньше его способность никак не обнаруживалась.

Правда, благодаря только ей он остался девственником до двадцати одного года. Но эта способность убила Полли, а Лейни видит в нем не мужчину, а оружие для выполнения каких-то замыслов.

Нет, человек всегда должен скрывать то, что отличает его от остальных.

Но теперь поздно. Они будут забывать его раз за разом. Он может сделать это. Но они будут каждый раз приходить снова. Мэт Келлер, орудие... убийца...

— Эй вы, — сказал он. — Миссис Ханкок.

Все зашевелились, снова вернулись в мир, где существовал Мэт Келлер.

— Миссис Ханкок, вы что-то хотите сказать мне?

— Да нет, — неопределенно протянула миссис Ханкок.

— Вы не сказали ни слова, пока говорили остальные. Зачем вы пришли?

Она пожала плечами.

— Только посмотреть, что будет. Ты когда-нибудь терял кого-нибудь, кого любил?

— Конечно.

— В банке органов?

— Своего дядю, Мэта Келлера.

— Я хотела бы разгромить банк органов в первую очередь. Но никто меня не поддержал. Ведь ни у кого муж не погиб в банке органов.

— Так зачем вы пришли?

Она снова пожала плечами.

— Я не знаю, действительно ли ты имеешь такое значение для нас, как говорит Харри. Лично я в это не очень верю. Ты действительно освободил нас из больницы. Иначе Парлет бы никогда не нашел нас. Мы тебе благодарны за это. Но неужели нужно зарезать человека, чтобы доказать ему свою благодарность? К сожалению, мы не можем уничтожить банк органов, но мы можем изменить закон так, чтобы туда попадало как можно меньше людей, причем попадали такие, кто заслуживает этого.

Рот миссис Ханкок захлопнулся, как капкан.

— Я согласен, — сказал Мэт. — Но не потому, что вы убедили меня. У меня есть свои причины.

— Продолжай, — сказал Харри Кэйн. Он один не показал, что удивлен этими словами Мэта.

— Я не могу вернуться к червям. Это факт. Но я не наемный убийца, и это тоже факт. Я никогда не убивал. Так что, если я убью человека, то должен предварительно знать, за что.

Я хочу с этого момента стать одним из лидеров организации. Я хочу участвовать в совещаниях, принимать решения, хочу иметь всю информацию. Что ты скажешь, Харри?

— Говори дальше.

Во рту у Мэта пересохло. Харри Кэйну не нравилось все это. Харри Кэйн стал его врагом.

— Сыны Земли не смогут совершать убийства без моего согласия, и я не дам его, если не буду видеть, что убийство необходимо. Чтобы принимать такие решения, нужно знать все. И еще одно. Если я замечу, что кто-либо из вас обманывает меня, я убью его, так как сокрытие информации может привести к убийству невиновного.

— Почему ты думаешь, что можешь справиться с бременем власти? — бесстрастно спросил Харри.

— Я попытаюсь, — сказал Келлер. — Это мое могущество, которое вы хотите использовать.

— Хорошо, — Харри встал. — Один из нас завтра принесет копии нового закона Парлета. Если мы решим по-другому, мы дадим тебе знать.

* * *

Миллард Парлет вздохнул и выключил приемник.

Невидимый убийца? Странные слова со стороны такого рационального человека, как Кэйн. Интересно, что он имел в виду?

Кэйн со временем, конечно, ему расскажет.

Но пока это не имеет значения. Имеет значение то, что он может доверять Харри Кэйну. Теперь Кэйн связан с Парлетом. И эту связь нужно использовать, пока Кэйн не развязал гражданскую войну.

Теперь Миллард Парлет мог сосредоточиться на человеке, который ожидал в приемной. Полиция прислала к нему своего представителя, чтобы высказать претензии. И представитель дожидается приема.

Парлет сказал в микрофон:

— Пришлите его ко мне, мисс Лауэссен.

— Хорошо.

— Погодите. Как его имя?

— Халли Фокс. Капрал.

— Благодарю. И пошлите запрос на Дельта, Гамма и Йота относительно Мэтью Келлера.

— Уже сделано.

Парлет улыбнулся. Ну что же. Он теперь займется полицией и Советом, а Харри Кэйн позаботится об остальном. Это невидимый убийца снял с него половину ноши.

* * *

— Это будет странное равновесие сил, — сказал Харри Кэйн. — У Парлета все оружие, у него энергетические и медицинские службы планеты. А что у нас? Только Мэт Келлер.

— Нам повезло, что он с нами, — сказала Лейни.

Рыжеволосая девушка в переливающейся всеми цветами одежде быстро прошла по коридору. Видимо, пришла навестить родственников. Они замолчали и подождали, пока она пройдет. Харии Кэйн ухмыльнулся тому, как она постаралась пройти мимо них побыстрее. Для поселенцев был невыносим вид колонистов, свободно разгуливающих по коридорам больницы.

Джей Худ сказал:

— Да. Он с нами. А может, мы с ним. — Он сильно ударил ладонью по стене. — Что скажут будущие историки? Этого даже невозможно представить.

* * *

Мэт лежал на спине и рассматривал потолок.

Он принял правильное решение. Он был уверен в этом. Если человек имеет могущество, то кто-то должен пользоваться им.

Его мозговая мутация не давала ему возможности стать отцом. Единственное, что ему оставалось, — это полностью подавить в себе эту способность. Невидимка не может быть полноправным членом общества.

Кто-то вошел в палату. Мэт взглянул и увидел сверкание одежды.

— Прошу прощения, — сказала девушка и повернулась, чтобы уйти. Она была высокая, стройная, молодая, с рыжими кудрями, обрамляющими головку. Он никогда не видел такой одежды на Дельта Плато: легкой, свободной и в то же время обрисовывающей фигуру. Приятное лицо с нервными ноздрями, выступающими скулами — лицо чистокровной поселенки.

— Подожди минутку, — попросил Мэт.

Она остановилась, удивленная не тем, что он сказал, а его колонистским акцентом. Затем она резко выпрямилась, вздернула подбородком, губы надменно сузились. Мэт вспыхнул.

И прежде, чем ее холодные глаза оставили его, он мысленно приказал:

— Смотри на меня.

Глаза ее не могли уйти в сторону. Подбородок опустился, лицо стало нежным, мягким и каким-то мечтательным.

— Смотри на меня, — думал он. — Я тебе нравлюсь, да? Конечно. Смотри.

Она сделала шаг к нему.

Мэт потерял контроль. Она сделала еще шаг, но потом опомнилась. Ужас охватил ее. Она повернулась и выбежала из комнаты. Вслед ей несся хохот Мэта.

Мутация?

Может быть, и нет.

* * *

Корабль Странников Вселенной был похож на елочную игрушку: шар из лент, которые извивались, не соприкасаясь друг с другом. Этот шар был размером с Нью-Йорк и население в нем было такое же: существа, походившие на черных котов с девятью хвостами.

На расстоянии многих миль перед кораблем полыхало голубое пламя двигателя, пронизывая внутренность корабля своим светом. На резких границах между светом и тенью лежали эти существа. Головы их были на свету, а хвосты в тени. Таким образом они поглощали энергию света. Это была настоящая идиллия.

Ведь во время полета, вернее, перемещения между звездами делать было нечего.

Но вот их путь пересек источник голубого света, излучающий частицы высокой энергии и электромагнитные поля.

В одно мгновение источник исчез, и его не могли заметить даже чувствительные глаза Странников. Но заметили приборы. И Странники получили исчерпывающую информацию: положение, скорость, масса, конструкция... Он был металлический, механический, двигатели на межзвездном водороде... Не примитивное устройство, но...

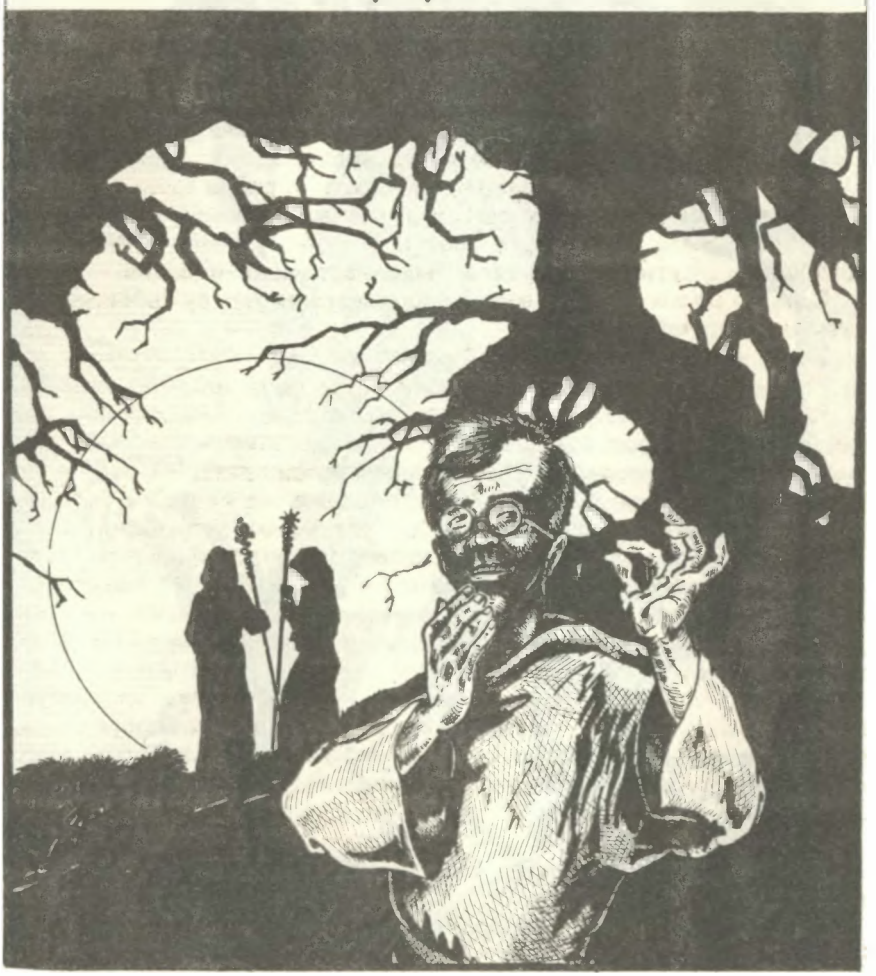
Странники были везде во Вселенной. Они пользовались всем: фотонными парусами, безреакционными двигателями. Но они всегда перемещались через Эйнштейново пространство. Гиперпространство они считали вульгарным. Странники никогда не пользовались гиперпространством.

Другие существа отличались от них. Они предпочитали не терять времени во время полета: они наслаждались путешествием, они наблюдали, изучали, вели обычную жизнь. Многие тысячи лет назад странники продали тайну гиперпространства жителям одной из планет.

И корабль Странников легко повернул по направлению к Прокиону и колонии людей на Мы Сделали Это, следуя за рамроботом 144. Можно было не торопиться. Ведь у них уйма времени...

Во вспышках водородного двигателя индустриальная революция надвигалась на Мы Сделали Это.

ЛЕТАЮЩИЕ КОЛДУНЫ



Этот роман написан в соавторстве с Дэвидом Джерральдом

1

Меня разбудил Пилг Крикун. Он дубасил в стенку моего гнезда и взволнованно кричал:

— Лэнт! Лэнт! Это свершилось! Иди скорее!

Я высунул голову наружу.

— Что стряслось?

— Беда, Лэнт, катастрофа! — Пилг подпрыгивал от возбуждения. — Говорил я тебе, рано или поздно это произойдет.

Шерсть на мне встала дыбом. Я втянул голову в гнездо и стал одеваться. Безрадостная новость, как и все новости, приносимые Пилгом! Пилг Крикун имел привычку предсказывать катастрофы за неделю до их начала. Два раза в год, в периоды равноденствия, он предрекал любые несчастья. По мере того, как мы уходили из под влияния одного солнца и попадали под влияние другого, местные чары утрачивали свою стабильность. Стоило нам приблизиться к соединению — моменту, когда голубое солнце должно пересечь красное, — Пилг с нарастающей активностью начинал предупреждать о катастрофе. После очередного неудачного прогноза Пилг стонал:

— Подождите до следующего года...

Иногда мы подшучивали над ним, предсказывая конец света, если «следующий год» Пилга когда-нибудь наступит.

Я сбросил лестницу и спустился вниз.

— Так в чем дело?

— О, я предупреждал тебя, Лэнт! Предупреждал! Может быть, теперь ты будешь мне верить. Там, на небе, я видел знамение. Какое еще доказательство тебе нужно?

Он имел в виду луны, которые уже начали сбегаться в кучу в

одной части неба. Шуга-волшебник предсказал, что скоро мы окажемся в полной темноте. Возможно, даже сегодня вечером. И Пилг усмотрел в этом еще одно предзнаменование катастрофы. Пока мы шли, я пытался разузнать у Пилга, что же все-таки случилось. Река изменила свое течение? Чье-нибудь гнездо сорвалось с дерева? Или произошла загадочная гибель целого стада? Пилг плел что-то невразумительное о пастухе, прибежавшем в деревню в паническом страхе.

На поляне, куда мы скоро вышли, увидели пастуха, который рассказывал что-то большой группе мужчин. Они обступили его, донимая вопросами. Женщины оставили работу и, держась на почтительном расстоянии, со страхом слушали пастуха.

— Новый волшебник, — говорил тот, задыхаясь. — Красный волшебник! Я видел его!

Кто-то передал ему бурдюк. Он шумно, большими глотками, высосал его, затем, отдышавшись, продолжил:

— ...Около пирамиды ветряного бога. Он бросал красный огонь через горы.

— Красный огонь... Красный огонь... — забормотали деревенские жители. — Если он бросает красный огонь, значит он — красный волшебник.

И тут я услышал слово «дуэль». Женщины, кажется, тоже услышали его. Они разинули рты и отпрянули от мужчин.

Тогда я протиснулся к центру толпы.

— А, Лэнт, — сказал один из собравшихся. — Ты слышал? Говорят, здесь будет дуэль.

— Здесь? — усомнился я. — Ты видел руны, написанные на гнезде Шуги?

— Нет, но...

— Тогда почему ты решил, что здесь будет дуэль?

— Красный волшебник! — вдруг выпалил пастух. — Красный волшебник!

— Чепуха! Ни один красный волшебник не может иметь той силы, какую ты описываешь. Что же ты не подождал и не выяснил что-либо более определенное, прежде чем распространять глупые слухи, которые пугают женщин и детей!

— Мы все хорошо знаем Шугу. Как только он обнаружит, что в здешних местах появился новый волшебник, он...

— Ага! Ты хочешь сказать, что Шуга еще ничего не знает?

Мужчина был в замешательстве.

Я повысил голос:

— Кто-нибудь сообщил Шуге?!

Молчание.

— Ни один не подумал! Ясно. Так вот, мой долг — не дать Шуге поступить опрометчиво.

С этими словами я заторопился к гнезду волшебника.

Гнездо волшебника вполне отвечало колдовским требованиям — сморщенная уродливая тыква, свисающая с дерева-великана далеко за пределами деревни. Гильдия Советников не подпускала волшебника ближе, опасаясь его постоянных экспериментов с новыми заклинаниями.

Шугу я застал собирающим свой походный ранец. По его беспокойным движениям я понял, что он встревожен. И тут же встревожился сам: я случайно увидел, что он положил в ранец теринель, украшенный резьбой по кости. Последний раз он применял его, когда накладывал проклятие красных зудящих нарывов на Хэмлита Неудачу, жителя деревушки Неуспех. А еще я заметил, что он уложил поверх теринеля.

— Я уверен — это противоречит правилам Гильдии, — вздрогнув, сказал я.

Шуга взглянул на меня так, что я сжался от страха в ожидании проклинающего заклинания. Я напрочь забыл, что защитные амулеты, которые носил, сделаны Шугой и, что их магия угаснет только с приходом голубых рассветов.

— Ты! — резко заявил он. — Что ты знаешь о магии? Ты, называющий себя моим другом! Даже из вежливости ты не сообщил мне о появлении нового колдуна.

— Я сам узнал о нем всего несколько минут назад. Возможно, он прибыл только сегодня.

— Прибыл сегодня? И сразу начал разбрасывать красный огонь? Не сообщив о себе местным богам? А предварительные местные заклинания, связанные с приливами, и их побочные эффекты? Смешно! Лэнт, ты идиот! Почему надоедаешь мне?

— Потому что ты — идиот, не признающий дипломатии! — ответил я, ощетинившись. Я был одним из немногих жителей деревни, которые, ощетинившись на Шугу, оставались в живых. — Если бы я позволил тебе, вооружившись, идти на гору всякий раз, когда ты чувствуешь себя обиженным, ты бы ввязывался в дуэли так же часто, как встает голубое солнце.

Шуга посмотрел на меня, и по выражению его лица я понял, что мои замечания достигли цели.

— Я рад, что ты разглядел во мне дипломата, — сказал я и позволил себе расслабиться. — Наши способности должны взаимно дополнять друг друга, Шуга. Чтобы наши старания увенчались успехом, надо относиться друг к другу с уважением. Только таким образом мы сможем защитить нашу деревню.

— У тебя слишком бойкий язык, — нахмурился Шуга. — Когда-нибудь я превращу его в кислую дыню.

Он имел право быть раздраженным.

Я спросил:

— Ты готов? Я скажу Орбуру, чтобы он приготовил два велосипеда.

— Самонадеянный ты, — пробормотал Шуга, но я уже понял, что он втайне благодарен мне за эту мысль.

2

Мы нашли нового волшебника около пирамиды Маск-Вотца, ветряного бога. От пирамиды к крутому каньону тянулся широкий и плоский, покрытый травой холм с небольшим склоном к югу. Новый волшебник захватил этот холм, разместив на нем свои приспособления, и занимался тем, что бормотал заклинание одному из них.

Шуга и я остановились на почтительном расстоянии и наблюдали. Ростом незнакомец был чуть выше меня и значительно выше Шуги. Его кожа была светлее нашей и не имела волос, за исключением единственного участка черной шерсти на верхней части черепа.

К тому же, у него на носу разместилось странное устройство. Очевидно, это были линзы из кварца в костяной рамке, через которые незнакомец мог смотреть.

Черты его лица были странными и тревожащими, а кости, казалось, имели необычные пропорции. Определенно, ни одно нормальное существо не обладало таким животом. Его вид вызвал у меня тошнотворное чувство, и я предположил, что кто-то из его предков был нечеловеком.

По традиции волшебники носили диковинную одежду, чтобы выделить себя из общей массы. Костюм незнакомца представлял собой одно сплошное одеяние, закрывающее большую часть тела. Даже Шуга не отказался бы от такого фасона: капюшон, отброшенный назад, обшлага, высоко поднятые на рейтузах, высокие кожаные сапоги, а над сердцем золотой значок. Вся одежда была вытканна точно по форме тела. Тело охватывал широкий пояс, к которому были прикреплены три-четыре колдовских приспособления.

Рядом с ним стояли на трех ногах крупные механизмы из прекрасно обработанного металла. Похоже, что незнакомец рассматривал в один из приборов священную пирамиду Маск-Вотца, бога ветров. Бормоча что-то себе под нос, пришелец регулировал прибор. Видимо, это было длинное и усложненное заклинание, хотя ни Шуга, ни я не могли понять, в чем заключается его смысл.

Иногда ему приходилось обращаться к своему гнезду, большому и черному, правильной яйцеобразной формы, сидящему на краю пастбища. Вокруг не было деревьев, достаточно высоких, чтобы подвесить гнездо, и он посадил его широким концом прямо на зем-

лю. Это было, конечно, рискованно. Однако яйцо выглядело очень прочным, и в нем можно было не бояться хищников. Такого гнезда мне видеть не приходилось.

Незнакомец не замечал нас, и беспокойный Шуга вертелся от нетерпения. Но когда Шуга чуть не прервал его, незнакомец выпрямился и коснулся своего механизма. Устройство откликнулось, швырнув через каньон, прямо на пирамиду Маск-Вотца красный огонь!

Я думал, Шугу охватит ярость. Сию же минуту... Боги погоды достаточно упрямы, и Шуга потратил три долгих лунных периода, стараясь умилостивить Маск-Вотца в предвидении следующего сезона ураганов. И вот теперь незнакомец разрушил одно из его самых тщательных заклинаний.

Красный, опаляющий глаза, яркий и узкий, прямой, точно горизонт в океане, этот огонь протянулся через каньон и, казалось, вылетал снова. Я боялся, что он никогда не прекратится.

И звук от него шел ужасный — высокое жужжание, неземной вой, до боли вонзающийся в мою душу. От пирамиды поднимался едкий дым, и я ужаснулся, поняв, что рассеивающаяся гарь может повредить атмосфере. Кто знает, как это повлияет на погоду, сделанную заклинаниями Шуги? Я подумал, что надо отдать женам приказ, укрепить пол нашего гнезда. И тут, так же неожиданно, как начался, красный огонь прекратился. На холм снова спустились тишина и спокойствие. Голубой сумрак окутал землю. Но в моих глазах сохранился ослепительный голубовато-белый отпечаток. А пирамида ветряного бога сердито потрескивала.

Удивительно то, что пирамида продолжала стоять. Она тлела и шипела, там, где ее касался красный огонь, виднелись безобразные шрамы, но она была целой. Когда Шуга строит, он строит хорошо.

Незнакомец тем временем переналаживал свое устройство, не прекращая бормотать что-то себе под нос. Словно мать, опекающая своих детенышей, он двигался от устройства к устройству, всматриваясь в одно, переставляя другое, произнося странные звуки над третьим.

Шуга стоял с поджатыми губами, а его борода съежилась. Я опасался, что дуэль начнется прежде, чем незнакомец успеет преподнести Шуге подарок. Что-то следовало предпринять, чтобы не позволить Шуге совершить опрометчивый и, возможно, безумный поступок. Я храбро шагнул вперед.

— Гм... — начал я. — Гм... Мне не хотелось бы прерывать ваше занятие, но эта штука посвящена Маск-Вотцу. Потребовалось много циклов, чтобы создать систему заклинаний, которые...

Волшебник поднял глаза и, кажется, заметил нас. Стремительно шагнув к нам, он сделал жест — выпрямил руки с ладонями, от-

крытыми навстречу, — и быстро и возбужденно заговорил на языке, какого я никогда не слышал. Я тут же бросился на землю и закрыл голову.

Но ничего не произошло.

Когда я поднял глаза, Шуга все еще стоял рядом в позе, разрушающей заклинание. Или заклинания незнакомца не удались, или Шуга сумел их блокировать, но только незнакомец попятился к своему гнезду, не сводя с нас взгляда. Он снова заговорил непонятными словами, но тоном, каким успокаивают встревоженное животное. Потом он скрылся в гнезде, и все опять стало спокойным и голубым.

3

Я повернулся к Шуге.

— Это может быть серьезным?

— Лэнт, ты глупец. Это уже серьезно.

— Сможешь ты справиться с этим новым волшебником?

Шуга хмыкнул, и мне стало страшно.

Шуга считался хорошим колдуном, и если теперь он не уверен в своем мастерстве, значит, вся деревня может оказаться в опасности.

Я уже начал было высказывать свои опасения, но тут незнакомец вновь появился. Он нес какое-то устройство, сделанное из металла и кости. Оно было меньше, чем остальные, и из него во все стороны торчали тонкие прутья.

Пришелец-волшебник ловко установил устройство на три тонкие ножки, повернув его в нашу сторону.

Приспособление начало издавать жужжащий звук, похожий на звук водяной арфы, когда струнный смычок протягивается через ее стеклянные трубы. Жужжание росло на высоких тонах, пока не сделалось беспокойным, как у механизма красного огня. Я прикинул расстояние между собой и ближайшим валуном.

Незнакомец нетерпеливо обратился к нам на своем непонятном языке.

— Вы невежливы, — сделал громкое замечание Шуга. — Эти дела могут подождать, не так ли?

Волшебное устройство сказало:

— Не так ли?

Я плюхнулся позади валуна. Шуга остался стоять.

— Именно так, — повторил он твердо. — Вы нарушаете обычай. Находясь в моем районе, вы должны подарить мне одно новое заклинание.

Волшебное устройство заговорило снова. Его интонация была устрашающей и нечеловеческой:

— Новый волшебный подарок... прежде неизвестный... конечно. Будь я в вашем районе...

Я понял, что происходит. Устройство пыталось говорить вместо него нашими словами.

Шуга тоже понял это и успокоился. Устройство было всего лишь говорящим амулетом, причем скверным, несмотря на внушительные размеры.

Шуга, говорящий амулет и незнакомец стояли на продуваемом ветром холме и пытались разговаривать друг с другом. Устройство использовало только слова Шуги, иногда правильно, чаще — нет.

Шуга, настроившийся получить подарок от незнакомца или сразиться с ним в смертельной схватке, вынужден был обучать примитивное устройство разговаривать. А незнакомец словно бы даже веселился. Красное солнце давно скрылось, голубое близилось к горизонту. Неожиданно голубое солнце зашло за группу темных фиолетовых облаков и исчезло, как тонкая свечка, задутая ветром. Весь горизонт стал темно-красной тенью. В ночи возникли луны, расположившиеся в виде полосатой ящерицы.

При определенной конфигурации лун Шуга делался сильнее. Всем своим видом Шуга показывал, что он — повелитель полосатой ящерицы.

Внезапно незнакомец повторил свой жест с открытыми ладонями, повернулся и пошел назад к своему гнезду. Но не вошел внутрь. Вместо этого он коснулся края входа, и там зажегся свет! Ослепительный свет! Вдвое ярче дневного света, он бил струей из бока гнезда. Земля и растения изменили свою окраску.

Поступок чужака был очевиден. Совершенно затмив лунный свет, незнакомец уверенно отвергал власть полосатой ящерицы над собой.

Мы отпрянули от света, закрыв лицо руками. Затем — непонятно почему — чужак заставил свет исчезнуть.

— Мне кажется, свет вас беспокоит, — сказало за волшебника говорящее устройство. Мы можем разговаривать и в темноте.

Я вздохнул с облегчением, но до конца не расслабился. Этот незнакомец наглядно доказал, как просто он может снять эффект любой лунной конфигурации.

Я смотрел, как полосатая ящерица удручающе крадется к востоку. Луны — молочно-белые полумесяцы с широкими красными краями — чертили через небо свой путь. В последующие ночи красные границы станут уже, как только солнца приблизятся одно к другому. Затем цветные края растают. А позднее, после следующего захода солнца, должны показаться голубые края... и Шуга не получит никакой пользы от всего этого.

Шуга и новый волшебник все еще разговаривали. Но теперь говорящее устройство накопило достаточный запас слов, так что оба могли вразумительно обсуждать вопросы магии.

— Этическая сторона ситуации очевидна, — говорил Шуга. — Ты занимаешься магией в моем районе. За это ты должен заплатить. Более того — ты должен мне секрет.

— Секрет?.. — отозвалось говорящее устройство.

Сбросив оцепенение, я навострил уши.

— Какую-нибудь часть магии, чего я еще не знаю, — уточнил Шуга. — Каков, например, секрет твоего света? Отчего он вдвое сильнее дневного?

— ... Разница потенциалов... горячий металл внутри холодного... сомневаюсь, что вы сумеете понять... причиной тепла является поток... крошечные кусочки молнии...

— Твои слова лишены смысла. Мне непонятно их значение. Ты должен раскрыть секрет, чтобы я мог понять его и использовать. Я вижу, что твоя магия очень сильна. Возможно, ты знаешь способ, как предсказывать приливы?

— Нет, я, конечно, не могу рассказать вам, как предсказывать приливы. У вас имеется одиннадцать лун и два основных солнца, которые растягивают ваши океаны во всех направлениях, воздействуя при этом друг на друга. Понадобятся годы, чтобы рассчитать схему приливов...

— Несомненно, ты знаешь вещи, которые мне неизвестны. Так же, как я знаю секреты, о которых ты не слыхал.

— Конечно. Но я стараюсь найти то, что тебе пригодилось бы больше всего. Это чудо, чего вы уже достигли..Даже велосипеды...

Тут я позволил себе вмешаться:

— Это хорошие велосипеды. Их сделали мои сыновья — Орбур и Вилвил.

— О! Велосипеды. — Он подошел ближе. Я напрягся, но он всего лишь захотел осмотреть их. — Рамы из твердого дерева, шкивы с ремнями из колец вместо цепей, прошитые шкуры вместо шин! Все это чудесно! Прямо-таки изумительно! Примитивно, сделано вручную, колеса большие, плоские, без спиц, но какое это имеет значение. Это же велосипеды! И это в то время, когда наши не хотели верить в развитие у вас каких-либо форм... совсем!

— О чем ты говоришь? — требовательно спросил Шуга. Я оскорбленно молчал, кипя от обиды за велосипеды Вилвила и Орбура. Примитивные, как же!

— ... начинается с познания порядка, — ответил волшебник. — Но ваш мир совсем не упорядочен. Вы находитесь в густом темном облаке, поэтому не можете видеть ни один из источников света на небе. Ваше небо — случайный набор лун вашей системы... сочетание трех тел облегчает захват... приливы, которые происходят каждый по-своему под влиянием всех этих лун... луны, пути которых пересекаются и перекрещиваются беспорядочно, изменяя их...

из-за взаимного... — Говорящее устройство пропускало половину слов незнакомца, превращая остальные в тарабарщину. — А еще высокий уровень... от голубого солнца, дают вам новые формы каждую неделю или около того. Нет порядка в наблюдаемом вами... можно применять метод проб и ошибок в строительстве. Человеческий инстинкт старается управлять природой. Вы должны рассказать мне...

Шуга прервал болтовню незнакомца:

— Сперва ты должен рассказать мне что-нибудь новое, что могло бы удовлетворить закон Гильдии. В чем секрет твоего красного огня?

— О, я не могу выдать вам этот секрет!

Шуга снова начал раздражаться, но вслух сказал лишь:

— Не можешь? И почему же?

— Что касается этого устройства, то вам его не понять. Вы не сможете использовать его в работе.

Шуга выпрямился в полный рост и уставился на незнакомца.

— Не собираешься ли ты сказать, что я даже не волшебник второго круга? Любой волшебник, достойный своих костей, может делать огонь и швырять его!

И тут Шуга произвел шар огня из рукава и небрежно швырнул его через поляну.

Я видел, как был поражен незнакомец. Такого он не ожидал. Огненный шар пошипел, затем угас, оставив на земле выжженное место. Незнакомец сделал к нему два шага, словно хотел его исследовать, потом повернулся к Шуге.

— Очень впечатляюще, — произнес он. — И все-таки...

Шуга ответил:

— Вот видишь. Я так же могу бросать огонь. И могу управлять цветом пламени. Но я хотел бы выбрасывать его по прямой линии, как это делаешь ты. Вот чему я хочу научиться.

— Это совершенно другой принцип... когерентный свет... плотный луч... маленькие сгустки энергии...

Говоря это, он дотронулся до колдовского механизма — и еще раз выплеснулся красный огонь. Обжигающее глаза пламя снова заиграло на пирамиде Макс-Вотца. Еще одна дымящаяся дыра. Я поморщился. Незнакомец пояснил:

— Он заставляет кипеть камень, а цвет дыма сообщает мне, из чего тот сделан.

Я постарался скрыть свою реакцию. Любой идиот знает, из чего сделаны камни.

Он продолжал:

— Поглощение света... Я не могу научить вас, как им воспользоваться. Вы можете его применить в качестве оружия.

— Можем применить, как оружие! — воскликнул Шуга. — Тог-

да, быть может, есть другая польза от заклинания, бросающего красный огонь?

— Я уже объяснил вам, — сказал незнакомец нетерпеливо. — Могу объяснить снова, но для чего? Это для вас слишком сложно.

Это было оскорбительно. Конечно, Шуга волшебник только второго круга, но это еще не значит, что он более низкого положения. Действительно, имелось немного секретов, которые не были ему известны. Кроме того, достижение первого круга — это вопрос не только мастерства, но и политики. А Шуга никогда не был дипломатом.

Шуга раздражался все больше.

Было самое время вмешаться. Особенно теперь, когда преодолен языковой барьер, мой долг — предотвратить трение между ними.

— Шуга, — сказал я. — Разреши говорить мне. Я дипломат.

Не дожидаясь согласия и немного нервничая, я подошел к говорящему устройству.

— Позвольте представиться. Мое имя — Лэнт-ла-ли-лэй-ах-ноу. Возможно, вам покажется самонадеянным, что я претендую на семь слогов, но я уважаемое лицо в нашей деревне. Я считал необходимым с самого начала открыть свой высокий ранг, и мое право представлять деревню.

— Мне приятно познакомиться с вами. Мое имя... — Говорящее устройство запиналось, но я успел сосчитать слоги в имени. Три. Я улыбнулся про себя. Очевидно, мы имели дело с лицом очень низкого ранга... Правда, оставалось непонятным, как лицо низкого уровня могло иметь столь могущественную магию? Я решил пока не думать об этом. Возможно, он не назвал своего полного имени. В конце концов, я тоже не назвал ему секретной части моего.

Говорящее устройство вдруг перевело три слога имени незнакомца:

— Как цвет пурпурно-серого.

— Очень странно, — тихо сказал Шуга. — Я никогда не слыхал о волшебнике, именуемом как цвет.

— Может быть, это не имя, а лишь указание, какому богу он служит.

— Чепуха, — прошептал в ответ Шуга. — Бог должен быть один — Пурпурный или Серый.

— Возможно, он служит сразу обоим, — сказал я.

— Не говори глупостей, Лэнт. Нельзя служить двум хозяевам. Кроме того, он не совсем пурпурный. Он пурпурно-серый. Я никогда не слыхал о сером волшебнике.

Я повернулся к незнакомцу.

— Это ваше полное имя? А сколько слогов в его секретной части?

Он не мог на меня обидеться, я же не спрашивал его о самом имени.

Он сказал:

— Я назвал вам полное имя. Как-Цвет-Пурпурно-Серого.

— И у вас нет другого? Нет секретного имени?

— Я не уверен, что понял. Это мое полное имя.

Мы с Шугой переглянулись. Незнакомец был или невероятно глуп, или очень хитер. Или он выдал нам полное имя, отдавая себя таким образом во власть Шуги, или же он строил из себя дурака, чтобы не позволить Шуге раскрыть себя. Возможно, имя, названное им, было своего рода волшебной ловушкой. Определенно, оно не являлось ключом к его личности.

Как-Цвет-Пурпурно-Серого заговорил снова. Он спросил:

— Откуда вы пришли?

— Из деревни.

Я уже было собрался показать вниз, под гору, но воздержался. Неразумно говорить этому незнакомцу, где расположена деревня.

— Но я не видел деревни с воздуха.

— С воздуха?.. — переспросил Шуга.

— Да, когда я облетал район.

В ответ на это глаза Шуги стали округляться.

— Облетал? У тебя есть летательное заклинание? Как тебе это удается? Я даже не смог заставить летать что-нибудь более крупное, чем дыню — в которую напустил пузырей вредного запаха, что поднимается из болот.

Действительно, Шуга пытался улучшить заклинание полета, и занимался этим все время, как стал волшебником. Он даже заставил двух моих сыновей, Вилвила и Орбура, помогать ему. Они нередко прекращали изготовление велосипедов и с таким энтузиазмом начинали работать с Шугой, что даже не брали никакой платы за свой труд.

Новый волшебник улыбнулся, когда Шуга описал свой летательный амулет.

— Примитивно, — сказал он, — хотя и способно действовать. Моя собственная повозка использует более сложные и эффективные способы.

Он указал на свое огромное черное гнездо. Должно быть, он имел в виду одно из устройств, скрытых в самом гнезде. Кто может представить себе летающее гнездо? Гнездо – это дом, определенное место, символ убежища и возвращения. Философски, гнездо не может не двигаться, ни — тем более — летать. А что невозможно философски, то невозможно для магии. Этот закон распространяется даже на богов.

— Покажи же мне, как оно действует. Научи меня своему летающему заклинанию! — взволнованно попросил Шуга.

Незнакомец покачал головой.

— Я не могу этого показать ни тебе, ни другому. Вы просто не поймете...

Пожалуй, это было уже слишком! Целый вечер новый волшебник оскорблял Шугу. А теперь он еще и отказывается одарить его секретом. Шуга начал подпрыгивать от раздражения. Он вытащил свой теринель и, прежде чем я успел его успокоить, набил камеры проклятым порошком.

— Шуга, ну потерпи, пожалуйста! — принялся упрашивать я. — Давай вернемся в деревню. Сначала потребуем собрания Гильдии Советников. Не вызывай его на дуэль, пока мы не обсудим это мероприятие.

Шуга ответил едва слышным бормотанием:

— Надо бы испытать этот теринэль на тебе. Сам знаешь, я не любитель зря тратить хорошие проклятия.

Но он опустошил зарядные камеры, завернул устройство в защитные шкуры и убрал его в ранец.

Потом встал и посмотрел на нового волшебника.

— Мы возвращаемся в нашу деревню, чтобы посоветоваться. Мы вернемся перед началом голубых рассветов.

Но незнакомец, кажется, не понял его.

— Я пойду с вами, — сказал он. — Мне хотелось бы увидеть вашу деревню.

Шуга, не подумав, ответил:

— Конечно, вы можете пойти с нами. С нашей стороны было бы невежливо не пригласить вас. Но вам не следует так далеко отлучаться от вашего гнезда. Ночью, когда уходят луны, красные проклятия бродят по земле.

— Все это правильно, — согласился незнакомец. — В таком случае я понесу его с собой.

— Хм! Каким образом? Мы совершенно не намерены помогать. Ни один из нас не обладает силой, чтобы...

Как-Цвет-Пурпурно-Серого усмехнулся. Я уже начал уставать от его ухмылок.

— Об этом не беспокойтесь, — сказал он. — Вы только идите вперед по дороге, а я последую за вами.

Мы с Шугой переглянулись. Ясно, что этот коротконогий незнакомец не сможет поспеть за нашими велосипедами — особенно, если он собирается тащить за собой гнездо. Тем не менее мы из вежливости подождали, пока волшебник укладывает свои вещи и устройства. Я был удивлен, глядя, как легко они складывались и как компактно хранились, и решил при случае ознакомиться с одним из них поближе. Любопытно узнать, чем вырезана кость и как обработан металл. Возможно, конструкция этих приспособлений меня чему-нибудь научит.

Непроизвольно я посмотрел на небо. Мы почти вплотную приблизились ко времени полной темноты. Всего шесть лун осталось на небе.

В самое короткое время незнакомец упаковал все свои устройства и сложил их внутри гнезда. В его поведении была какая-то уверенность, словно он знал, что делает, и это вызывало у меня смутное беспокойство.

— Я готов, — сказал он и исчез в гнезде, закрыв за собой дверь.

Когда это случилось, мое беспокойство перешло в настоящий ужас. Гнездо Пурпурно-Серого вдруг все начало жужжать, громче, чем все его говорящие и огненно-красные устройства. Потом оно поднялось в воздух и повисло там на высоте роста двух человек. Оно засверкало невиданным цветом, от которого растения и деревья засияли как в цветных галлюцинациях. Зеленый цвет всегда был темным — а не ярким пугающим свечением. Я подумал, как бы Шуга от удивления не упал с велосипеда. Я сам еле справлялся с руками и ногами.

Путь назад в деревню был кошмарным. Шуга настолько был непохож на себя, что даже не произнес ни одного из своих защитных «кантеле». Мы все время оглядывались на огромное яйцо, плывущее за нами и разбрасывающее свет во все стороны, подобное некоему воплощению Элкина, бога грома. Положение дел ухудшалось еще и тем, что приближался период полной темноты. Один из нас застонал. Я не был уверен, Шуга это — или я.

Велосипеды грохотали по горной тропинке. Мне настолько хотелось вернуться целым и невредимым домой, в гнездо, что я забыл попросить Шугу быть поосторожнее со второй машиной. Он все время посматривал назад, через плечо, и я был уверен, что он ударится обо что-нибудь по дороге и расколет колесо. К счастью, этого не произошло. Вряд ли я стал бы останавливаться и помогать ему в такой ситуации.

Как только мы добрались до деревни, последняя из лун исчезла на востоке. Еле дыша, мы остановились в центре поляны. Большое черное яйцо плавало над нами, заливая всю деревню своим зловещей окраски сиянием. Огромные деревья и тыквообразные гнезда, устроенные на их могучих ветвях, приобрели странный и пугающий цвет.

Сверху загромыхал голос волшебника:

— ... неудивительно, что я не увидел ее с воздуха... дома, сконструированные в виде сфер, свисающих с веток громадных деревьев... должны быть по меньшей мере... Погодите, пока... узнают об этом! Где я могу остановиться? — неожиданно спросил он.

— Где угодно, — выдохнул я, тяжело дыша, и сделал соответствующий жест рукой. Потом осмотрелся по сторонам — есть ли у нас деревья достаточно крепкие, чтобы подвесить это гнездо.

Ни одного большого дерева, ни одного свободного дерева, но если этот волшебник способен заставить гнездо летать...

Гнездо пронеслось над деревней к реке, к гребню склона, возвышающегося над лягушачьими прудами. Сейчас пруды стояли сухими, подготовленными к ритуальной чистке и заговорам. Поэтому я огорчился, когда гнездо волшебника с громким хлопающим звуком шлепнулось на дно одного из них.

4

Спал я плохо. Встал, когда дымный ободок красного солнца только начал появляться над горизонтом. Умывшись и расчесавшись, я почувствовал себя лучше, но все же оставался измученным и усталым. Ночные приключения не прошли для меня даром. Одного взгляда, брошенного из гнезда, оказалось достаточно, чтобы убедиться: незнакомый волшебник все еще здесь. Пилг Крикун расхаживал между деревьев и стонал по этому поводу. Теперь, когда новый колдун перенес свое гнездо в деревню, катастрофа приобрела совершенно осязаемый характер. Даже отсюда я видел толпу любопытных, собравшихся вокруг гнезда, правда, державшихся на почтительном расстоянии.

Видел и торговца лягушками, заламывающего руки и причитающего у пруда. После изгнания незнакомца ему придется очищать его заново. А если это случится нескоро, то он пропустит время высеивания икры.

Мы с Шугой тоже направились туда. Заметив нас, колдун оторвался от растения, которое разглядывал, и скрылся в своем гнезде. Но почти сразу же вернулся, неся в вытянутой руке какой-то предмет.

— Подарок, — сказал он. — Подарок для Шуги-волшебника.

Шуга был явно удивлен. Он никак не ожидал, что незнакомец предложит ему требуемый в данном случае подарок. Теперь же чужак выполнил условие, обязательное для волшебника, и имел законное право оставаться в нашем районе. По тому же условию Шуга был обязан уважать нового волшебника и его заклинания... Правила Гильдии вполне определенные.

Шуга, как местный волшебник, имел право старшинства. Незнакомец не мог делать ничего такого, что мешало бы практической деятельности Шуги или его предшествующим заклинаниям, но в остальном гость имел право делать все, что захочет.

Шуга осмотрел подарок. Тот был маленьким и легким — можно держать в одной руке. Незнакомец тут же показал, как он работает. Если надавить на скользящую жилку устройства, то стеклянная линза, вмонтированная на одном из торцов прибора, испускает свет.

Вещь пустяковая. Я почувствовал разочарование Шуги. Он был оскорблен: незнакомец мог бы подарить что-нибудь и позначительнее. Шуга сам умел создавать холодный свет разными способами.

Единственным достоинством подарка было то, что его свет мог приобретать формы, каких мы никогда не видели прежде. Покручивая выпуклость на одном из торцов, его форму можно было менять от яркого узкого луча — как у огненно-красного устройства незнакомца — до широкой полосы, способной осветить половину деревни.

Используя скользящую жилку, яркость приспособления также можно было регулировать: от тусклого мерцания, не ярче, чем у светящегося мха, до ослепляющей яркости.

Пурпурно-Серый посоветовал Шуге пользоваться амулетом экономно, так как он быстро истощится. Шуга вертел подарок в руках. Сердце его тянулось к летающим заклинаниям или устройству красного огня. Но правила приличия вынуждали его принять и этот дар с благодарностью. Я видел, что он хочет спросить еще что-то, но не представляет, как задать вопрос, не обидев волшебника.

Пурпурно-Серый говорил:

— Трудно понять, как в вашем мире возникла жизнь. Эволюционные модели представляются несостоятельными. Да и кто бы стал здесь селиться? Мы, несомненно, жить бы здесь не смогли... С одной стороны, из космоса планету закрывают пылевые облака. С другой, вы фактически не получаете нормального солнечного света. — Отдельные понятные предложения перемежались вереницей бессвязных слов. — Хотя я предполагаю, что красное и голубое солнца образуют комбинацию, дающую тот же самый эффект... все растения выглядят черными потому, что здесь так мало зеленого цвета, но растения могут использовать и не зеленый свет, так что, во всяком случае, с этим все в порядке... И эти двойные тени, которые любого с ума сведут...

Шуга пережидал этот поток тарабарщины с похвальным терпением. Слова Пурпурно-Серого о различных цветах намекали, казалось, на что-то очень важное, и Шуге хотелось понять, на что.

— Ты говоришь об этом мире, — сказал он. — Можно предположить, что ты знаешь другие миры?

Я подумал, не ловит ли Шуга незнакомца на удочку!

— О, да! Мой мир... — Новый волшебник поглядел наверх, размышляя, затем указал на пустое небо. — Мой мир находится в том направлении... я думаю. За пылевыми облаками.

— Пылевые облака?

Шуга начал пристально разглядывать небо. Я сделал то же самое. И так же поступили люди в толпе.

Небо было чистым и голубым.

— О чем он говорит?

Шуга глянул на волшебника.

— Издеваешься над нами? Я ничего не вижу. Никаких пылевых облаков, никаких других миров. В небе ничего нет.

— Есть, — заявил Пурпурно-Серый. — Но они слишком малы, чтобы их различить.

Шуга шевельнул бровью, покосился на меня и опять повернулся к волшебнику. Чувствовалось, что многие из тех, кто к ним прислушивался, едва сдерживают смех. Молодые женщины начали потихоньку хихикать, их надо было увести.

— Слишком малы?.. — повторил Шуга.

Терпение его иссякло. Шуга не обладал темпераментом, пригодным для общения с детьми, дураками и сумасшедшими.

— О, нет... ты неправильно понял, — быстро заговорил Пурпурно-Серый. — Эти миры слишком малы потому, что они очень-очень далеко отсюда.

— А-а... — произнес Шуга медленно. Пурпурно-Серый, похоже, забыл про пылевые облака.

— Да. На самом деле они настолько далеко, что если бы ты решил до них добраться, скажем, на велосипеде, то доехать смогли бы только твои потомки. А ты постареешь и умрешь раньше, чем преодолеешь даже незначительную часть пути.

— Я понял... — сказал Шуга. — Но тогда как ты сюда добрался? Крутил педали быстрее?

Пурпурно-Серый рассмеялся.

— О, нет, нет. Даже это не поможет. Я...

Говорящее устройство запнулось, затем сказало:

— ... обошел вокруг.

Шуга в смятении покачал головой. Мужчины стали уводить женщин прочь. Нехорошо, когда женщины слушают взрослого мужчину, корчащего из себя дурака. И нехорошо, если они станут свидетелями смущения Шуги. Мужчины тоже начали переговариваться. Шуга жестом заставил их замолчать — он еще не сдался.

— Обошел кругом? — спросил он. — Обошел кругом что? Пылевые облака?

— О, нет. Пылевые облака я прошел насквозь. Я обошел кругом... путь...

Шуга медленно повторил это предложение, чтобы проверить, не упустил ли он что-нибудь. Нет, все так и было. Только:

— Гм-м...

Тут он повернулся и побрел прочь, наверх по склону, качая головой и вертя в руках маленькое, дающее свет устройство.

5

Несколько следующих дней Пурпурно-Серый потратил на собирание мелких растений, частей растений покрупнее, пригоршней грязи, воды и почвы. За его работой постоянно следили как дети, так и взрослые, но он не обращал на них никакого внимания.

Его всюду сопровождало летающее трехногое устройство.

Волшебник обращался к нему, когда что-то требовалось для работы. При этом он устанавливал устройство на три ноги. Шуга скрежетал зубами всякий раз, когда оно проплывало мимо.

Наконец Шуга принял решение раскрыть секрет делающего свет устройства. Когда я навестил его, чтобы узнать, как идут дела, он свирепо на меня глянул и пробормотал:

— Проклятье этому демону с одной тенью!

— Может, тебе бы помогло, если бы ты попытался узнать, какой бог дает силу его заклинаниям?

Шуга поглядел на меня еще свирепее, чем в начале разговора.

— Я учу тебя, как вырезать по кости? Почему же ты учишь меня магии? Не думаешь ли ты, что я плохо знаю свое дело? Я проверил устройство на присутствие каждого из богов и... безрезультатно.

— Возможно, — предположил я, — оно основано на другом принципе? Пурпурный, насколько можно понять, ни к каким богам вообще не обращается. Может же быть, что...

— Тогда каким образом его устройства работают? — потребовал Шуга. — С помощью суеверия?

— Я не знаю, но... может быть, он черпает свою власть из какого-то другого источника. Или, возможно...

— Лэнт, ты глупец! Почему ты упорно продолжаешь болтать о том, в чем нисколько не разбираешься? Если ты собираешься говорить с волшебником о магии, то постарайся, по крайней мере, говорить достаточно разумно.

— Но как раз поэтому я и спрашиваю...

— Суеверие, Лэнт, это безвредная болтовня, которую повторяют настолько часто, что люди и в самом деле начинают верить. Магия же оперирует тщательно сконструированными уравнениями символов, предназначенных для управления определенными силами и предметами. Магия действует всегда, веришь ты в нее или нет.

— Понял, — сказал я. — Не думаю, что Пурпурный действует при помощи суеверия.

— Я тоже, — сказал Шуга. — Слишком большой силой он обладает.

— Но ведь не видно, чтобы он действовал и при помощи магии.

— Не предполагаешь же ты, что устройство Пурпурного работает вне зависимости от богов?

Он поглядел на меня так и сказал это таким тоном, каким обращаются к сумасшедшим. Меня это рассердило.

— Такие вещи возможны. Вилвил как-то признался мне, что часто проверяет новые велосипеды без благословения. Но ничего плохого с ним не случилось.

— Вилвил и Орбур — под моей защитой, если ты помнишь. Это плата за помощь в создании летающего заклинания.

— Да, я помню. Я бы предпочел, чтобы они получали что-нибудь более осязаемое.

Шуга игнорировал мое замечание.

— Я в любом случае оберегаю твоих сыновей, так что какая-то поездка Вилвила на неблагословенном велосипеде ничего не доказывает. Кроме того, если все остальное было выполнено как надо, то благословлять велосипед излишне.

— И все равно я скажу, возможно, устройство не зависимо от богов.

Шуга поглядел на меня:

— Ты, кажется, излишне самоуверен.

— Однажды в детстве я воспользовался неблагословленным рыболовным удилищем. Я сделал его сам.

— И что дальше?

— И поймал рыбу.

Шуга фыркнул.

— Лэнт, это ничего не доказывает. Если бы ты благословил удилище и омыл крючок как положено, ты бы поймал в десять раз больше рыбы. А так ты доказал только, что сделал удилище, пригодное для ловли. Тебе требовалось так же сделать контрольный образец — точно такое же удилище, только благословленное и омытое. Тогда бы ты увидел, на какое из них можно поймать рыбы больше.

— Ты говоришь так, будто сам ставил такой эксперимент.

— Не с рыбой. С ловушками.

Он заметил мое удивление и сказал:

— Любой начинающий волшебник, будучи учеником, должен доказать самому себе, по крайней мере единожды, что магия — огромная сила. Невозможно стать волшебником, если в твою душу запало зерно сомнения. Позволяя ученику удовлетворить свое любопытство, мы укрепляем в нем веру в себя. Этот простой эксперимент способен придумать кто угодно. Он может быть повторен многократно и каждый раз результат будет одним и тем же.

— И что получается?

— Получается, что в ловушку с благословленной приманкой попадается вдвое больше кроликов.

— Да? Может, это просто потому, что приманка становится для кроликов более соблазнительной?

— Конечно, — сказал Шуга. — Как раз это и подразумевается.

Вся цель заклинаний — это стремление сделать приманку пособлазнительнее. Ловушки — простые устройства, Лэнт. Простые устройства не всегда нуждаются в магии, хотя результаты ее сразу видны. Сколько, скажем, было частей в твоей удочке?

— Три. Удилище, леска и крючок.

— Верно, всего три. Тем не менее леска может порваться, наживка соскользнуть, крючок не зацепиться. И ведь это в простом устройстве, которое представляется особенно надежным. Подумай, Лэнт! Подумай, например, о конструкции, в которой много взаимодействующих частей. Необходимо, чтобы они были в полном порядке, прежде чем вся конструкция сможет работать. Подумай, например, о велосипеде.

Я собрался было ответить, но Шуга оборвал меня:

— Не перебивай. У велосипеда много движущихся частей: колеса, шкивы, руль, педали, оси. Все эти части должны быть точно вырезаны и аккуратно подогнаны друг к другу, иначе велосипед не поедет. Далее, теоретически совершенная машина возможна... но на практике... ну, когда ты имеешь машину, которая обязана быть точной просто потому, что иначе не станет функционировать, тогда влияние магии становится черезвычайно важным. Если неудачна только одна часть — только одна, — то бесполезна вся машина. Простое устройство не нуждается в магии, поэтому его действие усиливается самым простым заклинанием; сложному устройству требуется более сложное заклинание только для того, чтобы оно вообще работало. Слишком многое может получиться не так. Скажи, Лэнт, сколько частей в велосипеде?

Я пожал плечами.

— Никогда не считал. Очень много, я думаю.

Шуга кивнул.

— А сколько частей в летающем гнезде незнакомца?

Я показал головой.

— Я не знаю.

— Больше, чем у велосипеда?

— Несомненно, — сказал я.

— Ты очень наблюдательный, Лэнт. Я уверен, что там должна быть по меньшей мере тысяча разных частей. На основании своих собственных летательных экспериментов я могу сказать, что летательный амулет — на самом деле очень сложное устройство. В гнезде Пурпурно-Серого очень много движущихся частей, и все должны работать в очень точном взаимодействии. Малейшая ошибка, и — пуфф! Ничего не получится. Для меня вполне очевидно, что чем больше у машины частей, тем больше у нее возможностей сломаться. А теперь ты стоишь здесь и стараешься меня убедить, что чужак заставляет все эти разнообразные части работать с абсолютной точностью без помощи магии...

Я закивал. Шуга говорил очень убедительно. Определенно, он уже обдумал этот вопрос глубже, чем я себе представлял. Но, конечно, это было его работой как волшебника.

Я улыбнулся ему.

— То же самое можно сказать и о всех других его устройствах, не так ли?

— Ты начинаешь соображать, Лэнт, — кивнул Шуга.

— Им необходимо столько магии, что им впору дымиться от заклинаний, верно?

Шуга вновь кивнул.

— Значит, ты раскрыл секрет светового устройства, Шуга! — воскликнул я.

— Нет. Его загадка в том, что оно слишком простое.

— Хм-м...

— Все, что следовало сделать,— это разобрать устройство и посмотреть, что к чему.

— Ты так ничего и не понял? — спросил я.

— Не совсем так. Кое-чего я все-таки добился.

— Чего же?

— Свет. Он совсем исчез и больше не появляется, — он махнул рукой в сторону верстака.

На нем лежали всего четыре предмета, элементы светового прибора чужака: пустая оболочка, кристаллическая линза, плоская пластина и внутренняя коробочка, по форме напоминающая внешнюю оболочку. Шуга вертел этот предмет и так, и эдак в руках, но не мог найти места, где он открывается. Коробочка эта была твердой и сплошной, и мы никак не могли догадаться, что же у нее внутри. Раскрыть ее нам никак не удавалось, а применять силу Шуга не хотел, он боялся испортить устройство.

Я наблюдал, как Шуга, насупившись, снова собрал предметы вместе. Он сдвинул скользящую пластину. И ничего не случилось. Он покрутил туда-сюда вращающуюся выпуклость. Опять ничего.

— Я не думал, — пробормотал он. — Я надеялся, что заклинание восстановится, если дать ему отдохнуть, но тут я, очевидно, ошибся.

— Тогда почему бы тебе не вернуть его Пурпурному? — поинтересовался я.

Шуга повернулся ко мне.

— Что?!!! Или ты считаешь, что я не способен сам решить эту проблему?

— Да нет же, Шуга! — запротестовал я. — Я уверен, что ты ее решишь. Я только подумал... ну, если Пурпурный сделал что-то такое, что отменяет первоначальное заклинание... а ты об этом и не знаешь. Возможно, он оскорбил кого-то из богов.

Шуга задумался.

— Может, ты и прав. Ты же уверен в моем мастерстве волшебника, Лэнт?

И он пристально посмотрел мне в глаза.

Я поспешил его заверить:

— Шуга, у меня нет никаких сомнений в уровне твоих знаний.

Это несколько успокоило его.

— Хорошо. Тогда мы можем навестить Пурпурного и узнать, почему устройство перестало работать.

6

Мы нашли Пурпурного на восточном пастбище. Он что-то колдовал со своими приспособлениями. Я огляделся, но устройства, бросающего красный огонь, не заметил. Очевидно, он его с собой не взял. Приспособления, с которыми он возился на лугу, казались безобидными.

Пурпурный довольно прохаживался, что-то бормоча сам себе, когда Шуга прервал его и протянул испорченное устройство. Пурпурный взял прибор, несколько раз попробовал его включить, затем открыл и проверил внутренний цилиндр. Он обратил внимание, что его поверхность стала красной.

— Ну, конечно, он и не должен работать. Батарея сдохла.

Шуга побледнел.

— Батарея? Почему ты мне не сказал, что там внутри живое существо? А я даже не знал, чем его накормить.

— Да нет же, — рассмеялся Пурпурный. — Ты не понял.

— Я понял все достаточно хорошо, — заявил Шуга. — Ты доверил мне живое существо, даже не сказав об этом. Не стоит удивляться, что оно, заключенное в этот крошечный ящик без воды и пищи, умерло. Теперь из-за тебя я повинен в смерти живого существа и должен произнести молитвы за упокой его души.

Пурпурный справился со смехом.

— Да послушай же меня, Шуга, послушай. Батарея — не живое существо. Это устройство, предмет, который хранит в себе энергию.

— А-а, — произнес Шуга. — Скрытое заклинание.

Он огладил мех и спокойно спросил:

— Так какого бога мне надо ублаготворить, чтобы восстановить ее силу?

Пурпурный опять рассмеялся.

— Ты опять не понял. Дай, я это для тебя сделаю.

Он потянулся за устройством, но Шуга воспротивился.

— Почему ты не можешь сказать, как мне ее восстановить? — потребовал он. — Зачем мне устройство, если я буду вынужден постоянно обращаться к тебе, как только его сила истощится? Каким

волшебником буду я после этого? А в дальнейшем, когда ты уйдешь,— как я ее восстановлю? Если бы я, по крайней мере, знал, какие боги...

— Никаких богов, — заявил Пурпурный. — Вообще никаких богов. Ваши боги не могут восстанавливать силу этого устройства. Дай ее мне, Шуга. Я сам это сделаю.

Шуга отдернул руку, словно ужаленный.

— Боги не могут восстановить силу устройства? Только ты?

— Успокойся, Шуга, — попросил Пурпурный. — Устройство работает без помощи богов, оно в них не нуждается.

Шуга заговорил медленно, осторожно:

— Ты надо мной смеешься? Ни одно устройство без помощи богов работать не сможет!

— А это работает. Точно так же, как и остальные мои устройства.

Тон Шуги стал более резким.

— Пурпурный, это ты не понял. Неужели ты можешь отрицать власть богов? За такие слова Элкин обрушит молнию тебе на голову. Я тебя предупредил...

— Звучит вполне правдоподобно, — перебил его Пурпурный, — особенно в том случае, если бы здесь присутствовал сам Элкин. Или любой другой бог. У вас этих богов столько, что я до сих пор не успел их всех пересчитать. Ох уж эти примитивные суеверия, порожденные невежеством, пытающиеся объяснить необходимое! Я сожалею, Шуга, но я не смогу объяснить тебе всего.

Тут он замолчал.

— Это все? — спросил Шуга.

— Да, боюсь, что так, — ответил тот.

Шуга задумчиво поглядел на устройство, которое все еще сжимал в руках.

— Пурпурный, — начал он медленно и ровно, в голосе его ощущалась сдержанность. — Если бы не твои устройства, я бы подумал, что ты либо дурак, либо богохульствующий красный волшебник. Но возможности твоих приспособлений таковы, что ты не можешь быть ни глупцом, ни заблуждающимся. Следовательно, ты должен быть еще кем-то.

Он помолчал, затем продолжил:

— Я хочу знать, кто ты такой. В наших беседах ты постоянно пользуешься понятиями, которые не имеют смысла, но намекают на него. Я уверен, ты знаешь такие вещи, которых я не знаю. Твои устройства это доказывают. Я хочу узнать эти секреты.

Он снова помолчал, потом с трудом пересилил себя и спросил:

— Ты меня научишь?

Слова Шуги напугали меня. Никогда раньше я не видел его таким смирным. Должно быть, страстное желание выведать секреты

чужака поглотило его целиком, иначе к чему было так унижаться.

Пурпурный долго смотрел на Шугу.

— Да, — сказал он тихо, словно бы себе. — Да... это единственный путь — учить местных шаманов, предоставить им знание... Все хорошо. Посмотри, Шуга, сперва ты должен понять, что боги — это совсем не боги, а атрибуты вашей веры.

Шуга кивнул:

— Эта теория мне знакома.

— Отлично, — сказал Пурпурный. — Возможно, ты не так примитивен, как я думал.

— Эта теория, — продолжал Шуга, — одна из ключевых теорий, на которых основана вся магия — боги принимают формы, необходимые для их функций, а эти функции определяются...

— Нет, нет, — оборвал Пурпурный. — Послушай, люди не понимают, как луны вызывают приливы, поэтому вы придумали Нвина, бога приливов и покровителя картографов. Вы не понимаете, как под воздействием огромных масс раскаленного воздуха образуется ветер, поэтому придумали Маска-Вотца, бога ветров. Вы не понимаете связи между причиной и следствием, поэтому вы придумали Либа, бога магии.

Шуга хмурился, но кивал. Он очень старался понять.

— Я знаю, как это происходило, Шуга, — сказал Пурпурный снисходительно. — Неудивительно, что у вас так много богов. Вера в одного бога начинается с одного солнца. А у вас тут два солнца и одиннадцать лун. Ваша планетная система скрыта пылевым облаком... — Он заметил, что Шуга нахмурился еще больше, и быстро поправился: — Нет, забудь об этом. Это только собьет тебя с толку.

Шуга кивнул.

— Тогда слушай внимательно, Шуга. Есть нечто большее, чем ваши боги, Шуга, но ты и твои соплеменники забыли, что сами их создали, а потом начали думать наоборот — что боги создали вас.

Шуга поежился, но ничего не сказал.

— Теперь я постараюсь научить тебя тому, что я могу. Я был бы рад этому. Чем скорее ты и твои сородичи отбросите ваши примитивные суеверия и признаете единственно правильный... — в этом месте говорящее устройство снова запнулось, — магию, тем скорее вы унаследуете огни в небе!

— Хм? — произнес Шуга. — Что еще за огни в небе? Ты имеешь в виду те слабые призрачные светлячки, которые изредка появляются, а на одном и том же месте почти никогда снова?

Пурпурный кивнул.

— Ты не можешь видеть их такими, как я, но когда-нибудь, Шуга, когда-нибудь твой народ построит свои собственные летающие амулеты, и...

— Да-да, конечно! — произнес Шуга страстно. — Покажи мне эти летающие амулеты! Какие боги...

— Никаких богов, Шуга. Именно это я и стараюсь тебе втолковать. Летающее устройство создано не богами, а людьми, такими, как я.

Шуга открыл было рот, но чуть не подавился возражением и лишь прохрипел:

— Создано... людьми?..

Пурпурный кивнул.

— Тогда это должно быть очень простое устройство, насколько я представляю... ты меня ему научишь?

— Я не могу, — запротестовал Пурпурный.

— Не можешь? А сам только что говорил, что будешь меня учить.

— Нет, нет... Я имел в виду, что научу тебя своей... — говорящее устройство опять не смогло перевести это слово, — ... магии, но я не могу обучить тебя своему летательному заклинанию.

Шуга помотал головой, уясняя сказанное.

— Твои летающие устройства — это не магия?

— Неверно. Они... — говорящее устройство опять запнулось, — ... магия.

Я почувствовал, что терпение Шуги истощилось.

— Так собираешься ты научить меня летать или нет?

— Да... но только твои потомки смогут летать... Летающее устройство настолько сложное, что уйдут годы на его изучение и строительство.

— Так давай начнем, — потребовал Шуга нетерпеливо.

— Но у нас ничего не получится, — запротестовал Пурпурный. — До тех пор, пока ты не изучишь основы... магии.

— Я уже знаю основы магии! — воскликнул Шуга. — Учи меня летающему заклинанию!

— Да не могу я! — воскликнул в ответ Пурпурный. — Это для тебя слишком сложно!

— Тогда почему ты сказал, что будешь, если не будешь? — завопил Шуга, раскрасневшись.

— Я не сказал, что не буду! — громыхнул Пурпурный. — Я сказал, что не могу!

И тут Шуга вышел из себя.

— Пусть у тебя будет множество безобразных дочерей, — начал он. — Пусть паразиты от десяти тысяч грязных скотов заполнят твои штаны. — Его голос поднялся до пугающей высоты. — Чтоб разбилось твое гнездовое дерево! Чтоб ты никогда не получил подарок, который тебе понравится! Чтоб Бог Грома ударил тебя в коленку!

Это были только эпитеты, ничего более, но в устах Шуги и это-

го было достаточно, чтобы побледнел даже я, невинный зритель. Я подумал, не выпадут ли у меня волосы от демонстрации такого гнева.

Пурпурный сохранял спокойствие — я должен одобрить его мужество перед лицом такой ярости.

— Я уже говорил тебе, Шуга, что твоей магии я не подвержен. Я выше этого.

Шуга набрал побольше воздуху:

— Если ты не прекратишь, я буду вынужден использовать вот это!

И Шуга вытащил из складок своей одежды куклу. По странным пропорциям и раскраске я понял, что кукла изображает Пурпурного. Но тот был совершенно невозмутим. И я понял, что он должно быть, не в себе.

— Используй, — согласился он. — Иди и используй. Только не мешай мне работать. Балансировка вашей всепланетной экологической системы развивалась в оригинальном направлении. У животных развились очень необычные железы внутренней секреции для контроля функций тела; я таких ни разу не встречал.

Пурпурный опять обратился к своим устройствам, тыкающим движением пальца сделал что-то с одним из них — и целый участок восточного пастбища взлетел вверх.

Шуга в отчаянии зажмурился. Пурпурный только что надругался над красивейшим пастбищем деревни, одним из самых замечательных пастбищ Ротна-Бэйра, бога овец. Кто знает, каким теперь будет вкус у баранины?

И тут, чтобы добавить оскорбление к ущербу, Пурпурный принялся собирать кусочки почвы и складывать их в маленькие контейнеры. Он собирал помет! Да разве возможно одному человеку грубо нарушить столько основных законов магии и уцелеть? Законы магии очень строги. Любой глупец каждый день может видеть их в действии — даже я был знаком с ними, — они управляли всем миром, роль их была простой и очевидной.

Но Пурпурный, этот чужак из летающего гнезда, пренебрегал даже простейшими из заклинаний!

Я не удивился, когда Шуга с мрачной решимостью положил на траву куклу и поджег ее. И так же не удивился, когда от куклы осталась только горстка белого пепла, а Пурпурный даже не обратил на это никакого внимания.

Не реагируя на всесжигающее пламя, он игнорирует всех нас! Какой же властью этот волшебник должен обладать! Шуга смотрел на него в ужасе. Какое он имел право не быть ошеломленным! Сама беззаботность Пурпурного воспринималась крайним оскорблением. Он копался внутри одного из своих щелкающих ящиков и даже не заметил, что мы покидаем его.

7

Шуга пристально всматривался в небо, наморщив лоб. Оба солнца стояли еще высоко — крупный красный диск и голубовато-белая точка.

— Дух Элкина! — бормотал Шуга. — Я не могу воспользоваться солнцами — их расположение непостоянно. Остаются только луны — но луны образовали конфигурацию «Грязевая Вонючка». — Он швырнул через поляну огненный шар. — Восьмилунная Грязевая Вонючка. — Он подбоченился и закричал в небо: — За что ты меня, Оуэлс? За что наказал меня таким неблагоприятным расположением лун? Разве я не клялся служить тебе всю жизнь?

Но ответа не последовало. Шуга вернулся к своим волшебным атрибутам.

— Ну и ладно. Раз ты подсовываешь мне Вонючку, пусть будет Вонючка. Вот, Лэнт, подержи-ка, — и он подтолкнул ко мне большой короб.

Он рылся в своем оборудовании, не переставая что-то бормотать. Вокруг него выстраивалась страшноватая коллекция проклинающих устройств.

— Для чего все это?

Шуга, казалось, не слышал меня, продолжая что-то прикидывать в голове, потом принялся складывать приспособления назад в короб.

— Для чего все это? — повторил я.

Шуга взглянул на меня.

— Лэнт, ты глупец. Это, — он со значительностью приподнял свой груз, — это — чтобы доказать чужаку, что нельзя шутить с богами полного живота.

— Мне страшно спрашивать, но что это? — спросил я.

— Заклинания... Тебе останется только подождать и вместе с другими увидеть их действие.

И он целеустремленно зашагал к лягушачьим прудам. Я поспешил за ним. Удивительно, как быстро способны нести Шугу его коротенькие толстенькие ножки.

На возвышении, неподалеку от летающего гнезда, уже собралась возбужденная толпа жителей деревни. Когда появился Шуга, люди взволнованно зашептались — слух о том, какое оскорбление нанес ему Пурпурный, разнесся быстро, и собравшиеся с нетерпением стали ждать развязки.

Шуга невозмутимо пробился через беспорядочную толпу и сердито направился к гнезду Пурпурного, не обращая внимания на грязь, чавкающую у него под ногами и забрызгавшую край накидки.

Он трижды, не останавливаясь, обошел вокруг гнезда, осматривая его со всех сторон. Мне было ясно: то ли уже начал заклина-

ние, то ли только оценивал ситуацию. Какое-то время он, подобно художнику, задумавшемуся над чистой шкурой, разглядывал нижнюю часть гнезда.

Затем он резко и сосредоточенно шагнул вперед и куском мела быстро нарисовал на боку гнезда Пурпурного рогатый ящик.

Толпу охватило волнение:

— Рогатый ящик... рогатый ящик...

Этот рисунок был, очевидно, одним из заклинаний Ротна-Бэйра, овечьего бога. Собравшиеся принялись деловито обсуждать происходящее. Ротн-Бэйр не был ни особенно могущественным, ни особо раздражительным. Большинство заклинаний Ротна-Бэйра относились к плодородию и сбору пищи. Мало, что могло разгневать овечьего бога, но уж если Ротна-Бэйра можно было вывести из себя, то Шуга должен был знать способ. Толпа гудела от любопытства, каждый прикидывал, какую форму примет законченное заклинание.

Шуга кончил рисовать. Бездумно стряхивая мел с рук, он подошел к топкому берегу реки. Принялся расхаживать взад-вперед вдоль него, что-то обдумывая. Неожиданно приняв какое-то решение, он наклонился и погрузил руки в воду без малейшего всплеска. Когда он выпрямился, рукава накидки были мокрыми, а в руке он сжимал коричнего слизняка. Немного погодя я почувствовал омерзительный запах грязевой вонючки.

Запах достиг остальных, и по толпе пронесся шепот одобрения. Вражда между Ротн-Бэйром, овечьим богом, и Нилсном, богом грязевых существ, была хорошо известна даже непосвященным. Очевидно, Шуга задумал заклинание, построенное на взаимной антипатии двух богов.

Моя догадка оказалась верной — я гордился своим практическим подходом к пониманию основных принципов магии: Шуга разрезал брюхо грязевой вонючки и ловко извлек вонючую железу. Поместил эту отвратительную часть грязевого обитателя в посвященную Ротн-Бэйру чашу, которую я вырезал для него из черепа новорожденного ягненка. Сделав это, Шуга осквернил освященную чашу, и несомненно привлек внимание овечьего бога.

Затем, отложив чашу в сторону, он вернулся к вонючке, лежащей в болотистой луже. Поднял и умело отрезал голову, даже не вознеся молитвы за ее душу. Этим он осквернил ее смерть. И привлек внимание Нилсна.

Используя мочевой пузырь слизняка как сосуд, он начал изготовлять зелье из растертой кости, экстракта голода, сушеной овечьей крови и некоторых других компонентов, которые я не смог определить. Однако я был уверен, что все они предназначены для того, чтобы вызвать дух Нилсна, хотя еще и не совсем ясно, каким образом.

Шуга осмотрел гнездо сумасшедшего волшебника со стороны, обращенной к реке. И принялся широкими полосами наносить водянистое зелье на черный бок гнезда, рисуя решетку из одиннадцати полос на одиннадцать. Эта часть заклинания должна была разгневать Нилсна. Шуга осквернил грязевое существо для того, чтобы восславить величие Ротн-Бэйра — рогатый ящик, изображенный на противоположной стороне гнезда.

Он вернулся к костяной чаше с вонючей железой слизняка и с помощью большой кости растер железу в дурно пахнущую пасту. Затем он смешал ее с сушеной кровью, порченой водой и зеленоватым порошком из своего ранца. Я узнал порошок — это был экстракт страха, обычно используемый там, где желательны могущественные воздействия. Его получали из раздробленного копыта животных. Надо было пожертвовать шесть овец, чтобы получить то его небольшое количество, которое Шуга добавил сейчас к своему зелью. Нагнувшись к нижней части гнезда, Шуга начал изображать знакомый символ поверх мелового рисунка рогатого ящика. Это был знак Нилсна — диагональная полоса с двумя пустыми кругами с каждого края.

Люди в толпе смотрели на Шугу, восторженно затаив дыхание, — не зря его прозвали Шуга Высокий. Присутствовать при совершении такого таинства было для них истинным наслаждением. Ротн-Бэйр не мог позволить долго просуществовать подобному оскорблению своих овец. И Нилсн, бог грязевых существ, недолго будет благодушествовать, если грязевые вонючки приносятся в жертву Ротну-Бэйру.

Вражда двух богов проявлялась всякий раз, когда неуклюжие овцы выходили на берег и давили множество лягушек, змей, ящериц, хамелеонов и прочих амфибий. В то же время многие из наиболее опасных грязевых существ, ядовитых, клыкастых, со злобой нападают на овец, раня им ноги, портя шерсть, заражая паразитами, награждая гноящимися язвами, оставляя кровавые следы от сердитых укусов и царапин. Два бога ненавидели друг друга, и в своих различных воплощениях — таких как овцы и грязевые существа — не жалели сил, чтобы при первой возможности причинить друг другу наибольший ущерб. Сейчас же Шуга нарисовал оскорбительные для обоих богов рисунки на одном и том же гнезде. Он осквернил воплощения каждого из них для того, чтобы прославить величие другого. Если Пурпурный немедленно не принесет возмещение, то пострадает от ярости обоих богов.

Пурпурный заявил, что он в богов не верит. Он отрицал их существование. Он отрицал их власть. И утверждал, что он — выше магии Шуги. Я надеялся, что он вернется вовремя, чтобы увидеть действие заклинания.

Спустившись с Шугой вниз к реке, я помог ему с ритуальным

очищением. Это было необходимо, иначе гнев богов мог обратиться на него самого. Боги иногда близоруки. Я окропил его шестью различными маслами, прежде чем позволил хотя бы вступить в реку. (Неразумно обидеть Филфомара, речного бога.)

Мы не успели кончить с очищением, как услышали, что действие проклятия началось. До нас доносились веселые крики толпы и смутный гул. Шуга завернулся в накидку и поспешил на холм. Я с интересом последовал за ним.

8

Добравшись до гребня холма, мы увидели, как несколько свирепых баранов яростно бадают гнездо Пурпурного. Гнев их был сосредоточен на знаке, оскверняющем Ротна-Бэйра. Казалось, их раздражало само вещество знака. Впрочем, запах грязевой вонючки способен разъярить любого.

С тяжелым дыханием бараны сталкивались, отпихивали в бешенстве друг друга при заходе для атаки на гнездо. При каждом их ударе ужасающий гул эхом разносился над холмом. И каждый удар сопровождался громким весельем толпы. Я ожидал, что в любой момент какой-нибудь из баранов проломится сквозь стенку этого мрачного жилища — но нет, эти стенки оказались крепче, чем я предполагал. Возможно, даже они были прочнее, чем металл. Каждый раз, когда баран наносил удар в гнездо, казалось, оно на мгновение приподнималось немного из грязи и тут же опускалось в нее — это было единственным эффектом, который я мог наблюдать. Неистовствующие бараны являли собой живое воплощение гнева Ротна-Бэйра. Снова и снова бросали они себя на тусклую черную поверхность.

Старый Харт, вожак, сломал оба рога, несколько других баранов тоже серьезно пострадали. Их глаза налились кровью от ярости, из широко раздувавшихся ноздрей горячими выхлопами вырывалось дыхание, звуки блеяния и фырканья, скрежет рогов о поверхность гнезда наполняли воздух сумасшедшей какофонией. Пар поднимался от тел, копыта шлепали по влажной земле, смешивая траву и грязь в сплошную кашу.

Один из старых баранов подскользнулся и оказался под копытами других. Те тоже упали, возникла свалка. Глухой гул раскатывался вокруг каждый раз, когда на гнездо Пурпурного обрушивались лобовые удары. Но сила и выносливость животных превосходила всякие ожидания — они карабкались друг на друга, продолжали атаки на оскорбительное заклинание.

И при каждом новом ударе гнездо приподнималось от земли и грозило соскользнуть вниз по склону, в реку, и каждый раз, помедлив, оседало назад, в выдавленную в грязи колыбель. Несколько

раз оно придавливало зазевавшихся животных. Я чувствовал, как во мне вздымается волна возбуждения — в любой момент гнездо Пурпурного должно было завалиться на бок.

И тут внезапно три барана одновременно ударили в гнездо. Оно, казалось, подпрыгнуло в воздух. В тот момент, когда оно поднялось из своего углубления, в гнездо ударил еще один баран, как бы сообщая ему последний недостающий импульс. И вдруг с громким шипением гнездо заскользило вниз по склону. Разъяренные бараны бросились следом, нанося удары по корпусу гнезда, взбивая грязь копытами — через все тщательно террассированные лягушачьи садки Анга прошел глубокий и широкий шрам. Я вопил от восторга вместе со всеми.

Огромный черный шар врезался в реку с громким чмоканьем и брызгами. У жителей деревни вырвался неистовый крик восхищения.

На сей раз я молчал в оцепенении — ужасающее гнездо даже на ширину ногтя не отклонилось от своего правильного, вертикального положения. Заметил ли это Шуга?

Но гнездо было уже в воде. Бараны, уничтожив то, что еще уцелело от лягушачьих прудов, скатывались в реку и настигали противника. Оказавшись в воде, они продолжали наносить удары по жилищу Пурпурного.

Теперь Нилсн получил возможность отомстить за оскорбление. Берега вскипали, точно живые, — саламандры, ящерицы, раки, ядовитые змеи и прочие разные создания набросились на баранов и на черное гнездо. Возникшее зрелище вызвало благоговение у присутствующих — бараны и грязевые создания, совместно атакующие зловещую неподвижную сферу.

Жители деревни выстроились вдоль гребня холма и радостными криками приветствовали неистовую активность внизу. Один-два пастуха похрабрее попытались спуститься к реке, но щелкающие клешни загнали их назад.

Бараны теперь двигались медленнее, но все еще продолжали тесниться вокруг гнезда Пурпурного, порой вскарабкиваясь на тела упавших. Вода стала розовой. По берегам реки кишели рассерженные грязевые вонючки. Толпа продолжала дико веселиться и начала распевать хвалебные гимны в честь Шуги. Заводилой был Пилг Крикун.

Гнев баранов утих. Некоторые уже взбирались назад на холм, скользя и шлепаясь в свою собственную кровь, съезжая назад по илистой почве. Два-три животных ушли под воду и больше не показались.

Грязевые создания тоже начали успокаиваться — и пастухи, соблюдая осторожность, осмелились еще раз спуститься вниз, чтобы позаботиться о своем израненном стаде.

— Красивое заклинание, Шуга! — поздравил я. — Красивое — и такое сильное!

И действительно — по мере того, как взбаламученная пена начала спадать, открывая всю степень разорения, некоторые из жителей начали даже ворчать, что, возможно, заклинание было слишком сильное. Один из членов Гильдии Советников проворчал:

— Только поглядите на все эти разрушения! Это заклинание должно быть запрещено.

— Запретить, — возразил я, — и оставить нас беззащитными перед врагами?

— Ну, — поправился он, — наверно, надо удерживать Шугу от того, чтобы он использовал его против друзей. Он может применять его только для чужаков.

Я кивнул, соглашаясь.

На истоптанной грязи склона лежало по крайней мере одиннадцать мертвых овец, грязевые существа беспорядочно копошились на их неподвижных боках. Четыре барана были втоптаны в землю, другие лежали с повернутыми под необычным углом головами — они сломали себе шею, бодая гнездо Пурпурного. Три барана с открытыми ртами лежали под водой. У уцелевшей части стада на боках и ногах были видны следы от бесчисленных укусов грязевых вонючек. Несомненно, большинство этих укусов станут гноящимися язвами, и, очевидно, многие из баранов умрут позднее.

Обитатели ила будут еще несколько дней свирепствовать. Будет опасно купаться, и, вероятно, овцы еще долго не посмеют вернуться к реке и их придется водить на водопой к горным ручьям. Лягушачьи садки уничтожены полностью, их предстоит восстановить где-нибудь в другом месте. Алг, обозревая склон, стонал и заламывал руки. И, наконец, гнездо сумасшедшего волшебника перегородило реку. Вода, встречая препятствие, уже прокладывала себе новое русло.

Но какое все это имело значение. Невелика цена за ущерб, нанесенный чужаку. Принимая во внимание грандиозность задачи, потери были невелики, и мы могли гордиться Шугой.

Тогда почему кругом стало так тихо? Я посмотрел налево и увидел Пурпурного, стоящего на гребне холма.

9

Он стоял, а вокруг него парили его устройства. Все внимание толпы переключилось на пришельца. Пурпурный стоял, уперев руки в бедра, и задумчиво смотрел вниз, на свое гнездо.

— Очаровательно, — произнес Пурпурный и начал быстро спускаться по склону. Его устройства запорхали следом. Гнездо торча-

ло посередине реки, похожее на огромное яйцо. Сильный водный поток огибал выпуклые бока, гневно рассыпая брызги вверх и на утоптанный берег. Свирепые грязевые существа пытались вскарабкаться на его тусклую черную поверхность, решительно добираясь до знаков заклинания, словно бы выгравированных на поверхности. Гнездо стояло непоколебимо, нацелившись почти строго вверх. Меня это насторожило. Я искал глазами вмятины в стенках поврежденного гнезда, они определенно должны были остаться от бараньих рогов. Но не нашел ничего.

Пурпурный зашагал по склону вниз, к воде. Ни комочка грязи не прилипло к его необычным сапогам. Мы же с Шугой оказались в грязи по бедра. Несколько грязевых вонючек напали на волшебника, когда тот вошел в воду. Пурпурный не обратил на них внимания, а твари, казалось, не могли вцепиться в его ноги.

Он остановился под выпуклостью гнезда, и мы ожидали, что сейчас он разразится криками ярости.

Пурпурный коротким инструментом начал осторожно соскабливать кусочки проклинающего заклинания Шуги в небольшие прозрачные сосуды. Говорящее устройство продолжало переводить его ворчание:

— Очаровательно... сила этих желез секреции, контролирующих функции тела, такова, что я ни с чем подобным раньше не сталкивался... Интересно, можно ли этот эффект воспроизвести искусственно?

Дважды он принюхивался к тому, что соскребал, и дважды ронял слово, которое говорящее устройство не смогло перевести. Когда он кончил, то окунул руки в реку, чтобы вымыть их, ненароком обидев Филфомара, обычно доброго речного бога.

Пурпурный вернулся к овальной двери своего гнезда, оно шло вровень с выпуклой стенкой, но обведена оранжевой краской, чтобы сделать ее заметной. Он надавил на квадратную выпуклость, дверь скользнула в сторону, и Пурпурный исчез внутри.

Мы ждали. Останется ли он в своем гнезде и будет жить посредине нашей грязной реки?

Летающее гнездо закрутилось вокруг вертикальной оси и поднялось футов на двадцать в воздух. Я яростно завопил вместе со всеми. Гнездо в одно мгновение превратилось из черного в серебряное, должно быть, стало невероятно скользким, так как все частицы грязи, крови и зелья от заклинаний Шуги стекли по его бокам вниз, собрались на днище и комком упали в реку.

Гнездо стало опять черным. Пролетев несколько ярдов над землей, оно мягко опустилось неподалеку от места, на котором стояло час назад.

Я увидел, что Шуга осел там же, где стоял. И испугался — за свою деревню, за нормальное психическое состояние Шуги и свое

собственное. Если уж Шуга не смог защитить нас от сумасшедшего волшебника, значит, все мы обречены.

Жители деревни сердито заворчали, когда из своего гнезда появился Пурпурный. Пурпурный нахмурился и спросил:

— Интересно, что вас так разозлило?

Юнец, разъяренный до потери рассудка, швырнул свое костяное копье в чужака. Трудно обвинять парня — никакие слова не могли лучше ответить волшебнику.

Копье тяжело ударило Пурпурного и отскочило, не вонзившись. Получив удар, он, подобно статуе, опрокинулся на спину. У меня создалось странное впечатление, что на какое-то неуловимое мгновение Пурпурный стал твердым, как камень.

Но это мгновение прошло. Волшебник тут же вскочил на ноги. Копье, разумеется, не причинило ему никакого вреда. Никто не имеет права нападать с неблагословленным копьем. Теперь мальчишке предстояло предстать перед Гильдией Советников. Если деревня доживет до того времени.

10

Светила поднялись одновременно, голубое солнце вырисовывалось внутри огромного, с лохматыми краями, малинового диска.

Я проснулся в полдень. Эвакуация уже шла своим чередом. Мои жены и дети успели упаковать почти все, хотя боязнь потревожить мой сон и сковывала их. Однако мы оказались чуть ли не последней семьей, покидающей деревню.

Диск красного солнца уже низко повис над горами, когда я отстал от процессии своих жен, задержавшись возле гнезда Шуги.

Шуга выглядел усталым, но удивительно решительным. Глаза были живыми и веселыми, а пальцы двигались сами по себе, завязывая на кожаном ремешке магические узлы. Я достаточно хорошо знал его, чтобы не приставать с разговорами, когда он был весь сосредоточен на дуэли.

Хотя никакого официального заявления Пурпурный не делал, это была уже дуэль. Возможно, Пурпурный надеялся, что если дуэль до сих пор не была объявлена, то Шуга так и будет мирно посиживать и позволять ему вести похожие на дуэль действия.

Но я-то хорошо знал Шугу. Яростный жар, горящий в его глазах, подтверждал то, о чем я — и остальные жители деревни — уже догадывались: Шуга не успокоится, пока в деревне будет более одного волшебника!

Я поспешил за женами. С грузом нам придется идти даже ночью. Я даже снял путы с женщин, чтобы они могли двигаться побыстрее — не стоило недооценивать серьезности положения.

К тому времени, когда над головой повисли луны, мы добра-

лись до цели. Большинство семей разместилось на террасах, вытянувшихся вдоль длинного, покатого склона, нависающего над рекой и рощей, в которой находилась наша деревня.

Лагерь представлял собой беспорядочное сборище навесов и палаток, дымных костров и кричащих женщин, толчею мужчин и мальчишек.

Хотя ночь давно настала, спали немногие. Феерический лунный свет создавал сумрак не красный и не голубой, а призрачно-серый — странное полуреальное время, ожидание следующего шага дуэли. Лагерь наполняло почти что радостное оживление.

Откуда-то из стойбища холостяков доносилась перебранка игроков в кости и отдельные победоносные крики, когда кому-то из играющих удавался особенно трудный бросок. Чтобы удовлетворить низшие классы, требуется немногое.

11

А утром нас поджидал неприятный сюрприз.

Мы с Хинком стояли на краю лагеря, глядя со склона вниз на деревню, и обсуждали предстоящую дуэль, когда услышали неясный далекий хлопок — точно Элкин откашлялся.

Потом увидели чудовищный султан черного дыма, поднимающийся от деревьев деревни.

— Погляди, — сказал Хинк. — Шуга уже начал.

— Нет, — покачал я головой. — Думаю, он еще только разогревается. Похоже на подготовительное заклинание или что-то в таком духе. Попытка привлечь внимание богов.

— Достаточно энергичная попытка, — заметил Хинк.

Я кивнул.

— Дуэль будет неистовая. Я думаю, не пора ли нам двигаться? Еще дальше?

— Если мы еще не выбрались из опасной зоны, уважаемый Лэнт, то у нас не осталось времени, чтобы уйти, — сказал Хинк. — Даже бегом, даже под угрозой смерти. Люди слишком устали.

Он, конечно, был прав, но прежде, чем я успел ответить, нас отвлекла толпа напуганных женщин, истерически несущихся по лагерю со всей скоростью, которую позволяли им их спутанные ноги. Они выкрикивали имя Пурпурного.

Я остановил их и обратился к своей третьей жене.

— Что еще случилось?

— Сумасшедший волшебник! — заголосила она. — Он надумал заговорить с женщинами!

— Сумасшедший волшебник... здесь?

Она испуганно закивала.

— Он перенес свое гнездо к источнику, в котором мы моемся... и начал с нами заговаривать! Он хотел узнать, почему мы ушли!

Может ли мужчина так не уважать себя? Заговорить с женщинами! Даже от ненормального волшебника такого трудно было ожидать.

Пока я добирался до ручья, некоторые из мужчин разузнали, в чем дело, и присоединились ко мне. Они тревожно перешептывались. Пилг громко причитал:

— Не убежать нам. Дуэль следует за нами. Увы! Увы!

Все оказалось так, как говорили женщины. Пурпурный перенес свое гнездо на новое место, как раз за лагерем, возле источника, который женщины выбрали себе для умывания. Огромное черное яйцо стояло закрытым, волшебника нигде не было видно.

Убедившись, что женщины говорили правду, мужчины вернулись в лагерь. Я и Хинк остались у гнезда.

Почему Пурпурный последовал за жителями деревни? Может быть, он бежит от дуэли? Что ему нужно от нас?

Я осторожно обошел гнездо. Оно было таким же, как и в ту страшную ночь, когда я впервые увидел его. На пыли остались неглубокие отпечатки от сапог Пурпурного. Но где же он сам?

Неожиданно раздался тот же громыхающий гулкий голос.

Для Хинка это было уже слишком. Он повернулся и умчался вниз по склону, вслед за остальными. Я бы очень хотел присоединиться к нему, но должен был выяснить, что замышляет волшебник.

Дверь гнезда скользнула в сторону, появился Пурпурный. Чудная, с брюшком фигура, на голом лице пугающая усмешка... Он направился ко мне, словно я был старым другом. Говорящее устройство плыло следом.

— Лэнт, — сказал он, подойдя поближе, — может быть, ты можешь мне объяснить — почему вы перенесли деревню? То место было намного приятнее.

Я с любопытством поглядел на него: он не знает о дуэли? Можно ли быть таким наивным? Ну что ж, так даже лучше — его неведение пойдет на пользу Шуге. Я, конечно, не должен ничего объяснять ему. Какое дело обыкновенному смертному до дел волшебников? Не хочу я ни во что впутываться. Поэтому я только кивнул:

— Да, то место было лучше.

— Тогда почему вы там не остались?

— Мы надеемся вскоре вернуться, — ответил я. — После соединения светил.

Я указал на небо, где солнца наложились одно на другое. Голубовато-белая точка Оуэлса пристроилась у нижнего края малинового диска Вирнса.

— О, да, сияние ваших светил очень впечатляюще! И к тому же дает такие красивые тени!

— Очень красивые... — я замолчал, не закончив фразы. Тени были черными и голубыми, каждая — с кровавой каймой: постоянное напоминание о времени ужаса. Или человек этот бесстрашный... или глупый.

— Очень красивые, — повторил Пурпурный. — Прямо-таки изумительные. Ладно, я останусь здесь с тобой и твоими людьми. Могу я чем-либо помочь?..

Внутри меня что-то сжалось и умерло.

— Ты... ты собираешься оставаться здесь?

— Да, думаю, что так. Я вернусь в деревню вместе с вами. А пока воспользуюсь случаем потратить денек-второй на обследование горных районов.

— О! — произнес я.

Тут он, казалось, потерял ко мне интерес, повернулся и направился к своему гнезду. Я подождал, чтобы посмотреть, как он заставляет дверь сдвигаться в сторону. Мне был очень интересен этот фокус. По-видимому, серия быстрых четких ударов по стенке гнезда являлась заклинанием. Но все произошло слишком быстро, чтобы запомнить ритм. Пурпурный вошел внутрь, дверь закрылась, и он исчез.

Я угнетенно потащился обратно в лагерь — точнее, в то, что оставалось от лагеря.

Жители готовились покинуть лагерь. Мужчины поспешно паковали походные ранцы, женщины сзывали малышей. Повсюду возбужденно сновали дети и собаки, подымая пыль, сшибая цыплят и жуков-мусорщиков.

Охваченные паникой семьи уже двинулись по террасе, по склонам, вниз, в стороны, куда угодно, лишь бы подальше уйти от Пурпурного, ненормального волшебника, который принес с собой столько несчастий. Мои собственные жены стояли и нервничали, поджидая меня. Первая и вторая пытались успокоить третью, которая причитала:

— Он хотел говорить со мной! Он хотел говорить со мной!

— Это не твоя вина, — сказал я ей. — Я не стану тебя наказывать за его прегрешения. Ты правильно сделала, что убежала.

Мои слова оказали немедленный успокаивающий эффект, еще раз доказав, что только мужчина может справиться с необычной ситуацией.

— Поднимайте тюки, — приказал я. — Пора отправляться.

— Уже идти? — спросила одна из жен. — Но мы только пришли.

— Нам надо снова уходить, — заявил я, — прежде, чем это место будет проклято. Скотские манеры безумного волшебника за-

слонили от тебя подлинную опасность — здесь состоится дуэль Шуги с Пурпурным. А теперь поднимайте тюки, или я побью вас всех троих.

Жены выполнили то, что им приказано, но не без слабого ропота. Даже когда я решил снять их путы, чтобы ускорить движение, они продолжали ворчать — и не без причин! Пурпурный легко и бездумно перечеркнул все наши усилия всего-лишь несколькими мгновениями перелета.

За какой-то час лагерь опустел. Когда мы спускались с холма, мне показалось, что я вижу Пурпурного, бродящего, как неприкаянная душа, среди брошенных времянок.

12

В блекнувшем дневном свете мы осторожно приблизились к деревне. Голубое солнце исчезло за краем мира, осталось лишь округлая выпуклость красного. От его света как бы наполнялся огнем туман, поднимающийся от дальних болот. Словно вся западная сторона мира воспламенилась. Я чуть ли не ощущал запах горелого в воздухе, запах несчастья в вечернем ветре возле гнезда — гнезда, к которому, как я думал, мы никогда не вернемся,— и направился к гнезду Шуги.

Мы оказались единственной семьей, вернувшейся в деревню. Куда убежали остальные, я не знаю. Вероятно, южнее, за пределы района. Должно быть, они потеряли всякое желание поглядеть на дуэль даже на расстоянии. Они стремились просто спасти свою шкуру.

Я нес с собой сверток с едой для Шуги — возможно, последней его едой. Идя по деревне, я мог видеть многочисленные следы его заклинаний. Некоторые из наших величественных домашних деревьев тут и там лежали на боку, точно вырванные из земли гигантской силой. Другие, казалось, высохли и умерли прямо на месте. Повсюду на земле валялись расколотые гнезда. Исчезли животные-мусорщики. Пропали звуки ночных птиц. Деревня была пуста — если не считать меня, моих жен и, конечно, Шугу. Деревня вымерла.

Даже если Шуга выиграет дуэль, в эту деревню никто вернуться не сможет. Или не захочет. Ее тепло и уют оказались почти уничтоженными.

Все вокруг было безмолвным и угнетающим.

Когда я подошел к гнезду Шуги, под ногами заскрипела мертвая трава. Я осторожно постучал по стенке.

Когда Шуга появился, я онемел от ужаса. Шуга стал серым и изможденным, под глазами появились круги. Но больше всего ме-

ня испугало то, что Шуга сбрил всю свою шерсть. Теперь он был совершенно голым и безволосым — страшная карикатура на свихнувшегося волшебника!

Шуга приветствовал меня слабой улыбкой, благодаря за появление. То, что в ночь перед дуэлью жители деревни накрывают стол веры для своего колдуна, было традицией. Но все остальные разбежались, и поэтому этот долг пал на меня одного.

Я стоял молча, ждал и прислуживал ему, реагируя на каждый жест или хмыканье. Пищи было немного, но все — самое лучшее, что мне удалось приготовить в таких обстоятельствах. Шуга, казалось, ничего не замечал. Он выглядел усталым, но добродушным, ел неторопливо, смакуя каждый кусок.

— Где остальные? — спросил он.

— Сбежали.

Я объяснил, что случилось. Шуга слушал внимательно, порой выхватывая приглянувшийся кусочек из стоящих перед ним чашек.

— Я не ожидал, что чужак переедет, — пробормотал он. — Поступок плохой — но умный. Теперь мне придется изменить свое заклинание, чтобы учесть этот новый фактор. Ты сказал, что он пытался разговаривать с женщинами?

И он впился во фрукт.

Я кивнул.

— С моей третьей женой.

— Тьфу! — Шуга с отвращением выплюнул семена. — У человека нет вкуса. Если мужчина падает так низко, чтобы заговаривать с женщиной, он мог бы, по крайней мере, выбрать женщину достойного соперника.

— У тебя нет женщин, — напомнил я.

— И все-таки этим он нанес мне оскорбление, — не сдавался Шуга.

— Помнишь, он говорил, что обычаи его родины сильно отличаются от наших.

— Невежество могло бы оправдать его плохие манеры, — проворчал Шуга, — но только безумием можно объяснить его прегрешения против здравого смысла.

— Говорят, безумец обладает силой десятерых.

Шуга посмотрел на меня.

Мы посидели молча. Немного погодя я спросил:

— Как ты думаешь, что будет завтра?

— Будет дуэль. Один победит, другой проиграет.

— Но кто победит?.. — настаивал я.

— Если бы можно было заранее сказать, который из волшебников победит, не было бы необходимости в дуэлях.

Мы опять посидели молча. Впервые Шуга упомянул о дуэли с каким-то привкусом сомнения. Раньше он всегда выказывал уверен-

ность в своих способностях и скептически относился к могуществу Пурпурного.

— Лэнт, — неожиданно произнес Шуга, — мне потребуется твоя помощь.

Я изумленно поглядел на него.

— Моя? Но я ничего не смыслю в магии. Ты бессчетное количество раз говорил мне, что я глупец. Мудро ли рисковать таким важным начинанием из-за участия?..

— Прекрати, Лэнт, — сказал он мягко. Я замолчал. — Все, что от тебя потребуется,— это помочь перенести волшебное оборудование наверх, к гнезду Пурпурного. Нужны два велосипеда или вьючные животные. Я не смогу снести все сам.

Я облегченно вздохнул.

— О, конечно, в таком случае...

Меньше, чем через час, мы пустились в дорогу.

13

До лагеря мы добрались почти на рассвете. Брошенные навесы и укрытия стояли пустыми, напоминая страшный город мертвых. Я заметил, что дрожу.

Мы молча проехали через лагерь и остановились на склоне, как раз возле источника. Было слышно, как он беззаботно журчит в темноте.

Стараясь двигаться по-возможности тихо, мы подобрались к краю холма. Только увидев гнездо, я облегченно вздохнул. Если бы оно исчезло, Шуга наверняка испытал бы сильное потрясение от того, что враг сбежал.

Мы вернулись в покинутый лагерь, чтобы там дождаться рассвета. Мне очень хотелось спать, но Шуга дал мне зелье для бодрости. Чтобы ему не было скучно в одиночестве, как сказал он. И принялся раскладывать свое оборудование.

— Если бы только я мог захватить его врасплох, — пробормотал он, прекратив смазывать металлический нож. — Если бы существовал какой-нибудь способ отвлечь его подальше от гнезда...

— Это ни к чему, — выпалил я. — Он, вероятно, уйдет сам. Он снова начал свои опыты. Он сам это сказал, когда я с ним говорил. Он намерен исследовать гору.

— Хм, — произнес Шуга. — Это удача. Надеюсь, он будет исследовать гору таким же способом, что и деревню, когда он ушел из гнезда чуть ли не на целый день.

— А ты что-нибудь сделать сможешь?

Шуга помедлил, немного подумал, потом начал шарить в своем ранце. Достал небольшой мешочек с порошком и пучок каких-то трав.

— Иди и рассей эту пыль вокруг гнезда. Это очень мелкая пыль, она будет плавать в воздухе часами. Если он надышится ею, то почувствует неистребимое желание чего-нибудь добиться. Он не вернется до тех пор, пока желание это не будет удовлетворено.

— А что будет со мной?

— Для этого есть трава. Когда рассеешь порошок, возьми часть травы и тщательно жуй. Когда она станет горькой, то проглоти ее, не раньше. Остальную траву принеси сюда, чтобы я тоже мог пожевать. Это сделает нас обоих невосприимчивыми к воздействию порошка.

Я кивнул, потом прокрался на холм и сделал все, что велел мне Шуга. Когда я вернулся к нему, он как раз заканчивал раскладывать оборудование. С одним пухлым мешочком он обращался особенно осторожно.

— Растертый волос волшебника, — объяснил Шуга.

Я не осуждал его за эту осторожность. Он слишком многим пожертвовал, чтобы наполнить этот мешочек. Его сжавшееся, выбритое тело дрожало от холода.

Неожиданно его лицо исказилось от тревоги.

— Я уверен, что власть Пурпурного каким-то образом связана с его гнездом. Я должен как-нибудь проникнуть в него.

Мое сердце подпрыгнуло.

— В этом я могу тебе помочь, — чуть ли не закричал я, но тут же спохватился и понизил голос. — Вчера я стоял достаточно близко от Пурпурного, чтобы видеть, как он проделывает свое заклинание для двери!

Шуга чуть ли не бросился ко мне.

— Лэнт, ты глупец! — Но тут он сообразил, что надо говорить потише. — Почему ты мне раньше не сказал об этом? — прошипел он.

— Ты меня не спрашивал.

— Ладно, а теперь я спрашиваю: как оно действует?

Я рассказал то, что видел: про серию ударов по стенке гнезда, которые Пурпурный отстучал в определенном порядке про то, что дверь после этого немедленно открылась.

Шуга слушал внимательно.

— Очевидно, последовательность, с какой он касался стены, управляет заклинанием. Подумай, Лэнт! Какого места он касался?

— Этого я не видел... — признался я.

Шуга выругался.

— Тогда зачем ты надоедаешь мне рассказами о том, как открыть дверь, если сам этого не знаешь? Лэнт, ты глупец?

— Я сожалею... но это происходило так быстро. Если бы я только мог увидеть это еще раз...

— Не исключено... — пробормотал Шуга. — Не исключено...

Лэнт, ты когда-нибудь подвергался заклинанию, возвращающему память?

Я покачал головой.

— Это заклинание большей силы. Его можно использовать, чтобы ты вспомнил то, что ты забыл.

— Гм-м, это опасно?

— Не больше, чем любое другое заклинание.

— Ладно, — сказал я, поднимая велосипед. — Желаю тебе счастливой дуэли, Шуга. Увидимся, когда она...

— Лэнт, — ровно произнес он. — Если ты сделаешь еще шаг, я включу в проклятие твое имя вместе с Пурпурным.

Я опустил свой велосипед на землю. Только этого мне не хватало.

Мои чувства, должно быть, были заметны, потому что Шуга сказал:

— Да не бойся ты так. Я сделаю все, чтобы тебя защитить. Ты неожиданно стал очень важной частью этой дуэли. Знания, скрытого в твоей памяти, может быть, как раз и не хватает для успеха.

— Шуга, но я же глупец. Я с этим согласен. Ты не мог ошибиться в своем суждении. Какая же польза тебе от меня?

— Лэнт, — произнес Шуга, — ты не глупец. Поверь мне. Иногда из-за своей нетерпимости я склонен к поспешным высказываниям. Но касательно тебя у меня всегда было самое высокое мнение. Ты не глупец, Лэнт.

— Нет, я глупец, — настаивал я.

— Нет! — возразил Шуга. — К тому же не требуется никаких особых интеллектуальных качеств, чтобы вспомнить те простые операции, которые ты описал. Даже такой идиот, как ты, Лэнт, может это сделать.

— Ах, Шуга, думай как хочешь. А мне, пожалуйста, позволь вернуться к семье...

— И пусть другие мужчины деревни считают, что ты трус?

— Это не такой большой груз, я его вынесу...

— Никогда, — перебил Шуга. — Никогда ни один из моих друзей не будет заклеймен пятном труса. Ты останешься здесь, Лэнт, со мной. И ты будешь благодарен мне, что я, как друг, о тебе забочусь.

Он опять повернулся к оборудованию, разложенному на земле. Рассвет уже забрезжил на востоке.

Шуга повернулся ко мне.

— Твое участие будет минимальным, Лэнт. Нет причин бояться...

— Но опасность...

Он жестом заставил меня замолчать.

— Никакой опасности, если ты в точности будешь следовать инструкциям, которые я тебе дам.

— Я буду следовать твоим инструкциям.

— Хорошо. Но учти, что даже малейшая ошибка может стоить нам жизни.

— Но ведь ты только что сам сказал, что опасности не будет...

— Конечно, не будет, если ты будешь следовать инструкциям. Большая часть тяжелой работы уже выполнена. Я должен был разработать символику, чтобы заставить различные мистические формулы и снадобья действовать. Все, что предстоит сделать тебе,— это разместить их в соответствующих местах в нужное время.

— Я думал, все, что я должен для тебя сделать, это помочь открыть гнездо до...

— Конечно. Но раз ты будешь рядом, то можешь помочь мне и в остальном.

— О-ох! — выдохнул я.

— И, что бы ты ни делал, ты не должен пытаться со мной заговорить. Это очень важно. Как только солнце взойдет, мы начнем, а как только мы начнем, меня нельзя будет отвлекать. И за исключением тех моментов, когда это будет необходимо для проклятья, я вообще не буду разговаривать. Ты понял?

Я кивнул.

— Хорошо. Теперь слушай. Есть еще одна очень важная вещь. Это не относится к проклятью, Лэнт, но для своей собственной безопасности ты должен быть очень внимательным, чтобы не леснерить.

— Леснерить? — переспросил я. — Что значит «леснерить»?..

Но вместо ответа Шуга указал на восток. Над холмами красно-голубыми сполохами пробивался день. Шуга опустился на колени, забормотал нараспев, обращаясь к солнцам.

Проклятие началось.

14

Первым шагом было самое тщательное ритуальное очищение, чтобы мы не смогли загрязнить проклятие какими-нибудь давным-давно забытыми посторонними заклинаниями.

Затем шло освящение, молитва о покровительстве, обращенная к солнцам, Оуэлсу с Вирну, к лунам, всем одиннадцати — сейчас они образовали конфигурацию Экке Человек.

Другие молитвы были посвящены речному богу и богу ветра, богам силы и магии, разума, хищных птиц и дуэлей, прошлого, настоящего и будущего, небес, морей и приливов. И, конечно, Элкину — богу грома. Мы произносили молитвы всем им и просили винить чужака, а не нас, за нанесенные им оскорбления.

После чего мы произвели очищение снова.

Мы собрали колдовское оборудование и начали карабкаться вверх по склону, туда, где поджидало нас гнездо волшебника-пришельца. Туман, покрывший на рассвете все низины под нами и позади нас, исчезал по мере того, как все выше поднимались оба светила. Массивное красное солнце придавало туману розоватый цвет, а крохотное голубое вызывало сильное испарение. Теперь мы могли видеть на многие мили вокруг.

Мы медленно взобрались на возвышенность. Немного ниже, на противоположной стороне, виднелось черное яйцо гнезда Пурпурного, угрюмо и угнетающе поджидающее нас в утренней тишине. Оно стояло закрытым. Но вот пустое ли оно?

Я хотел спросить Шугу, что делать дальше, но его последние наставления так меня напугали, что я даже боялся дышать без разрешения. Шуга, должно быть, почувствовал мою растерянность, так как сказал:

— Теперь мы подождем...

Солнце поднялось еще выше. Остатки тумана развеялись. Яйцо продолжало безмолвно стоять на площадке. Единственным звуком было журчание источника.

Дверь гнезда внезапно открылась, и появился Пурпурный. Он неторопливо потянулся, сделал глубокий вдох, с шумом выдохнул. Я подумал, плавает ли еще в воздухе возбуждающий порошок. Если он еще сохранился в воздухе, то теперь Пурпурный наполнил им свои легкие. Пока никакого действия порошка не наблюдалось.

Мы затаили дыхание — Пурпурный начал подниматься по склону холма. Вскоре он исчез за его вершиной, а мы остались один на один с гнездом. Шуга энергично направился к нему, я — следом за ним, но совсем не так охотно. Шуга внимательно осмотрел гнездо, трижды обойдя вокруг, и, наконец, остановился напротив оранжевого овального контура, отмечающего дверь.

Первый шаг был самым важным и критическим. Шуге предстояло войти в гнездо Пурпурного. Если он этого не сумеет, то все его остальные тщательные приготовления окажутся напрасными. Он окажется не в состоянии завершить заклинание.

Поэтому теперь все зависело от заклинания, раскрывающего память...

Шуга поместил меня на то же самое место, на котором я стоял, когда наблюдал за тем, как Пурпурный открывает свое гнездо. Затем он достал стеклянное устройство, поднес к моим глазам и приказал мне смотреть в него.

Я подумал, что напряжение последних дней оказалось для моего друга чрезмерным. Внутри стеклянного устройства я не увидел никаких ответов. Но я делал так, как он сказал, продолжая глядеть внутрь. Шуга своим высоким, каркающим голосом начал произно-

сить что-то мягко, медленно, нараспев. Я попытался сосредоточиться на его словах, но стеклянный предмет мерцал и светился перед глазами.

Я не мог сфокусировать взгляд на устройстве. Оно, казалось, таяло и исчезало, хотя Шуга продолжал держать его. Световые вспышки, казалось, вращались и сворачивались, смешивались и распадались, и... мир стал...

Неожиданно я очнулся.

Ничего не произошло.

Заклинание, возвращающее память, не удалось.

Я ничего не вспомнил. Я раскрыл было рот, чтобы сказать об этом, но Шуга остановил меня.

— Ты все сделал замечательно, Лэнт. Просто замечательно.

Я удивился, не понимая, о чем он говорит, но Шуга уже опять возился со своим оборудованием. Движения его стали уверенными, почти что веселыми. Он нашел то, что искал,— кусок мела — и принялся рисовать магическую формулу на квадратной выпуклости возле двери. Не прекращая своего занятия, он сказал:

— Ты рассказал мне почти все, что мне нужно знать, Лэнт. Почти все. Остальное я должен понять сам.

Я пожал плечами и присел, наблюдая. Шуга, скорее всего, знал, что делает.

Шуга уселся, подогнув ноги, перед дверью и начал заклинание, вводящее его в транс. Он сидел неподвижно, слышались только его тонкий пронзительный голос и журчание источника. Солнца взбирались все выше по небу. Так много предстояло сделать, и так мало времени оставалось! Долго ли еще будет отсутствовать Пурпурный? Успеем ли мы закончить заклинание вовремя?

Шуга продолжал сидеть, неподвижный и молчаливый. Его глаза стали тусклыми. Время от времени он хмыкал, но ничего не говорил. Я почувствовал, что потею.

Может ли Пурпурный броситься красным огнем в человека?

Наконец, когда я уже начал бояться, что Шуга так никогда и не заговорит, он поднялся, шагнул к этой выпуклости и как-то по-особенному прикоснулся к ней.

Ничего не произошло.

Шуга повторил попытку.

И опять ничего не произошло.

Шуга пожал плечами, вернулся на прежнее место и снова погрузился в транс. Последовало ожидание еще более длительное. На этот раз Шуга приблизился к двери очень осторожно. Он заново отстучал серию ударов по выпуклой стенке гнезда, но в другой последовательности.

Но снова ничего не произошло.

Шуга вздохнул и опять принял сидячее положение. Я начал бояться, что мы можем провести так целый день, стараясь войти в гнездо Пурпурного, и у нас не останется времени для проклятий. Фактически, я уже распростился со всеми надеждами выполнить стоящую перед нами задачу, когда Шуга поднялся снова. Он медленно подошел к гнезду, долго глядел на стенку гнезда, затем начал постукивать по ней особенно тщательно.

И дверь гнезда открылась.

Шуга позволил себе улыбнуться, но только слегка. «Так я и знал», — говорила улыбочка.

Предстояло еще много работы.

Мы быстро собрали оборудование и внесли его в гнездо Пурпурного.

Стены гнезда светились сами — странный, как и сам Пурпурный, коричневато-желтый свет. Из-за него мои глаза стали неправильно воспринимать цвета. И только по мере того, как глаза привыкали, я смог оглядеться и увидел, что это гнездо обставлено, как ни одно другое гнездо. Повсюду виднелись крохотные светящиеся глаза, шишки и выпуклости, похожие на выпуклость возле двери.

В самом центре находилась зигзагообразная мягкая кушетка — подходящее ложе для демона. Как раз напротив нее на стенке гнезда был расположен ряд плоских пластин, напоминающих окна, но бесконечно более прозрачных — точно отвердевший воздух! Все внутри гнезда было очень искусной работы.

Шуга внимательно разглядывал пластины, напоминающие окна. В одних виднелись участки местности вокруг гнезда. Другие показывали странные, разноцветные картины, тщательно прорисованные линии и кривые — очевидно, заклинания демона. Шуга указал на одно из них и спросил:

— И ты все еще думаешь, он не пользуется магией?

Но тут же, вспомнив свое собственное приказание воздерживаться от ненужной болтовни, замолчал.

Это предписание, очевидно, было не слишком строгим, т. к. сам Шуга не переставал бормотать все утро. Вероятно, он предостерегал от разговоров только меня, потому что боялся, что я стану отвлекать его! Ну, насчет этого он мог бы не беспокоиться. Я слишком уважаю Шугу, чтобы приставать к нему с вопросами посреди заклинания. Я открыл рот, собираясь сказать ему это, но Шуга жестом заставил меня замолчать.

Рядом с мягким предметом находилось растение — оно как раз подходило к обстановке такого гнезда. Я лично такого растения никогда раньше не видел. Формой оно напоминало белую розу, но его цвет — может ли зеленый цвет быть *таким*? Листья сверкали словно галлюцинация. Зеленый — цвет темный, близкий к черному, а тут он, казалось, сверкал так же ярко, как красный или голубой.

Я прикоснулся к растению, ожидая, что оно окажется таким же нежным, как все знакомые мне растения, и тут же отдернул руку от неожиданности. Листья были жесткими словно необработанная шкура. До чего же должен быть странен тот мир, откуда пришел Пурпурный! Я подумал это — и тут же понял, что слишком во многом стал верить чужаку-волшебнику. Это растение должно быть из тех, которые мне знакомы. Просто Пурпурный его проклял.

Я переключил внимание, начав отыскивать дверь, ведущую в помещение наверху. Но ничего такого не нашел. Очевидно, в гнезде было только одно это отделение. А остальное в его немалом объеме занимали, должно быть, магические устройства. Шуга оказался прав во всем.

Но до чего же тесное это гнездо, если это все, что в нем есть! Едва хватает места, чтобы поместиться двоим.

Шуга раскрыл свой ранец, разложил оборудование на полу и принялся последовательно располагать материалы, которые ему понадобятся в первую очередь. Словно ему приходилось проклинать летающие гнезда каждый день. Он остановился, поскреб пальцем щетину на подбородке. И начал сверяться с контрольной схемой — куском пергамента, который достал из накидки.

— Да... — произнес он, решившись после недолгой паузы. И достал металлический нож, который я уже раньше видел. — Мы начнем с осквернения металла.

Он поплевал на нож и попытался вырезать руны на поверхности пола. Нож не втыкался. Нахмурившись, Шуга надавил сильнее. Кончик ножа обломился. Затем лезвие раскололось пополам.

Шуга — без комментариев — вернул остатки ножа в ранец и опять углубился в список. На этот раз он взял мешочек с красным порошком — пылью ржавчины, — отсыпал немного на руку и подул. Бурое облако наполнило помещение. Я закашлялся, и Шуга бросил на меня свирепый взгляд.

Где-то возник жужжащий звук. Затем ветер побежал по гнезду, шевеля мои волосы и одежду. Я испуганно огляделся — не поймал ли Пурпурный бога ветра? Пока я озирался, ветер прекратился, — но и красноватая пыль пропала вместе с ним. Не осталось даже тонкого налета на полированных плоскостях. Странно. Но Шуга не унывал. Он опять уставился в свой список.

Неожиданно Шуга выбросил шар огня из под накидки. Затем — еще и еще, швыряя их в стены, пол, потолок. Шары прилипали там, где ударялись, исходя искрами и маслянистым дымом.

Послышался свистящий звук — и из отверстий в потолке ударили струи воды. Они били точно по огневым сгусткам, в доли секунды превратив их в пепел. А затем, когда Шуга вышвырнул из-под накидки еще один шар, все они нацелились на Шугу.

Когда вода прекратилась, Шуга уронил промокший ком на пол.

Роняя капли, он достал подмоченный список и опять сверился с ним. Вода стекала с него вниз и куда-то девалась.

Я почувствовал, что надежды мои утекают вместе с водой. Шуга сделал три отдельные попытки — и все они кончились неудачей. Магия чужака оказалась слишком сильной. Мы были обречены прежде, чем начали действовать.

— Та-ак, — проговорил Шуга. — Все идет хорошо.

Я не верил своим ушам. Я даже осмелился спросить:

— Все идет — как?..

— Лэнт, ты невнимателен. Это же очевидно. Гнездо снабжено очень эффективными защитными заклинаниями. Я должен был выяснить, что они собой представляют, чтобы потом суметь нейтрализовать их. Ну а теперь давай проклинать!

И Шуга начал писать руны на всех поверхностях гнезда: на полу, стенах, потолке, на спинке странной кушетки, на плоскостях с шишками — на всем. Он обращался к Тонкой линии, богу инженеров и архитекторов, прося его взорвать это гнездо, чтобы оно треснуло и развалилось.

На каждый священный знак, нанесенный вместо ножа мелом, он капал дурно пахнущей жидкостью. Жидкость тут же начинала дымиться и шипеть.

— Воды! Огня! Горите и вскипайте, — настойчиво уговаривал Шуга свое зелье. Мы наблюдали за тем, как жидкость выедала дырки в рунах и поверхности под ними. Замечательно. Осквернение — сердцевина любого хорошего проклятья.

Теперь Шуга принялся наполнять гнездо пылью. Он, очевидно, надеялся перегрузить устройство защитного ветра, так как вздымал огромные облака красной ржавчины. Жужжание послышалось немедленно, но Шуга не прекратил раздувать пыль.

— Эй, не стой там, болван... помоги мне!

Я схватил пригоршню красного порошка и тоже начал дуть. Плотные облака ржавчины крутились по всему помещению — мы едва успевали поддерживать их. Пыль ржавчины — символ времени, оно посвящено нескольким богам сразу: Брэйду, богу прошлого, Кронку, богу будущего, и По, который несет увядание всем вещам.

Мы покончили с ржавчиной, и Шуга взялся за белый порошок, напоминающий толченую кость.

— Это тоже для ветровых отверстий, — пояснил он, указывая на квадратные окошки под потолком.

Я раскашлялся до слез. Шуга швырнул огненный сгусток на экран — там он и прилип. Вода ударила короткой струйкой, потекла по экрану, порошок собрался вокруг водяных капель.

Вскоре жужжание стало неровным, грозя прекратиться.

— Прикрой нос и рот, Лэнт. Я не хочу, чтобы ты дышал всем этим.

Шуга поднял туго набитый кожаный мешочек. Я обернул одеждой нижнюю половину лица, наблюдая, как он достал большую пригоршню растертого волоса волшебника.

Шуга с благоговением, порожденным великой жертвой, тщательно прицелился и выдул в направлении ветровых окошек плотную струю.

Через мгновение все было кончено.

Жужжание стало напряженным. Ветер, казалось, прекратился. И вдруг все стихло.

— Хорошо, Лэнт! Теперь давай горшки!

Лицо Шуги светилось триумфом. Я поднял свой ранец, лежащий возле стены, и выставил ряд горшочков с плотной крышкой на каждом.

— Хорошо, — снова сказал Шуга. Он осторожно расставил горшки по всему гнезду Пурпурного. В каждый он вкладывал шипящий огненный сгусток, а затем закрывал крышкой.

В крышке каждого горшка были проделаны крошечные отверстия. Они позволяли дышать богу огня, но были слишком маленькими, чтобы через них могла проникнуть вода. Над горшками нависли водяные струи, но они не могли добраться до пламени, продолжая хлестать и по горшкам, и по всему окружающему.

Шуга, заметив, куда уходит вода, принялся лить в сточные отверстия осквернённую воду и прочие вязкие субстанции. Потом сделал перерыв, чтобы добавить к воде внушительную горсть белой толченой кости. Как только получившаяся смесь достигла отверстий, она стала угрожающе густеть.

Сливные отверстия вскоре перестали справляться. На полу начали собираться лужи. В горячем влажном воздухе отвратительный запах осквернённой воды сделался невыносимым. Я побоялся, что меня вырвет. Но это не имело никакого значения. Гнилая вода определенно должна разгневать Филфомара, речного бога. А потом Филфомару и Нвину, богу приливов, предстояло схватиться в своей древней борьбе за воду. Только на этот раз они будут растягивать не воды мира, а противоположные стенки черного гнезда. Чем больше воды скопится в кабине, тем сильнее станет их власть — и тем яростнее битва.

К тому времени, когда водяные струи прекратились, мы были насквозь мокрые и стояли на несколько дюймов в воде. Но — не мерзли. Гнездо парило, в нем становилось все жарче. Шуга скинул свою накидку, и я последовал его примеру.

Глаза слезились. Я все еще не мог откашляться от пыли, набившейся в легкие. Я сказал об этом Шуге, но тот только фыркнул.

— Хватит жаловаться. Никто не говорил, что проклятия легко даются. То ли еще будет.

Действительно мы только начинали.

Теперь Шуга переключил свое внимание на разнообразные плоскости и пластины, входящие в обстановку. Они были усеяны огромным количеством шишек и выпуклостей. Многие располагались в ряд по восемь — и каждая обозначена отдельным символом. Один из них мы узнали: треугольник — символ Экке Человека.

Могло ли это быть аналогичным какому-то из заклинаний Шуги, основанному на символе Экке? А если так, то не мог ли Шуга использовать этот факт и для нарушения остальных заклинаний гнезда Пурпурного?

Шуга задумчиво пожевал, поскреб щетину на подбородке.

— Нажимай на выпуклости, Лэнт. Там, где увидишь знак треугольника, нажимай на выпуклости — мы приведем в действие все экке-заклинания Пурпурного, а потом развеем их силу.

Мы двинулись вокруг гнезда, сверху донизу осматривая шишки и выступы. Шишки могли поворачиваться так, что основание треугольника оказывалось наверху, а выпуклости можно было вдавливать.

Попадались, правда, шишки без символов. Немного поэкспериментировав, Шуга выяснил, что их можно поворачивать таким образом, чтобы крошечные металлические лучики, спрятанные за стеклянными пластинами, сдвигались и указывали на треугольники, выгравированные там.

Происходили странные вещи, но Шуга успокоил меня, приказав не обращать внимания.

Так, к примеру, одна из плоских зеркальных пластин засветилась немыслимым светом и на ней возникли образы людей, которых мы знали: Хинка, Анга и Пилга. Я в ужасе уставился на них — но Шуга тут же уничтожил заклинание, мазнув густым серым зельем, скрывшим всю пластину. А я тут же получил выговор:

— Сказано тебе было: не смотри!

Мы продолжили свою работу: в конце концов все устройства в гнезде волшебника оказались настроенными на знак треугольника.

Мы перешли к следующей стадии нашего проклятия.

Огненные горшки начали остывать, поэтому Шуга их пополнил. Металл в том месте, где они стояли, стал уже слишком горячим, чтобы к нему прикасаться, а детали отдельных устройств начали потрескивать.

Затем Шуга принялся покрывать все подряд густой серой мазью. Сперва он ликвидировал окна с картинками. Потом замазал все глазки и выпуклости. Теперь одни боги знали, какие символы были приведены в действие. За несколько минут внутри гнезда все стало серым. Кларсэ, бог небес и морей, должен был разозлиться. Фол, бог порчи, наверно, трясся от смеха. Шуга, таким образом, подтолкнул их к схватке друг с другом внутри черного яйца.

Шуга начал рисовать новые руны на замазанных плоскостях, словно позабыв о рунах внизу. Там, где верхний и нижний символы вступали в противоречие, боги тоже должны были оказаться вовлеченными в беспорядочную схватку. Везде, где это только можно, Шуга включал в руны имя Элкина, бога грома.

В щель между двумя панелями с шишками и выпуклостями Шуга вставил узкое острие тесака и призвал Пулниссина, бога дуэлей. Призывая Хитча, бога птиц, он разбил над тремя сточными отверстиями яйца, которые тут же сердито зашипели, растекаясь по стенам. Он продолжал говорить нараспев, призывая Маска-Вотца и Блока, бога насилия, а в одном случае он даже произнес руну, оскорбляющую Тистурзина, бога любви, потому что любовь, обернувшаяся ненавистью, может оказаться самой могущественной силой.

Шуга опять сверился со списком и достал сосуд с дремлющими жалящими насекомыми, с разной плесенью и пиявками. Сначала он извлек насекомых с жалами и насекомых с когтями и принялся разбрасывать по сторонам. Хотя твари были вялые, некоторые из них пытались напасть на нас, поэтому мы постарались закинуть их туда, где они не будут представлять немедленной опасности. К тому же мы не поленились нацепить самые толстые сапоги и перчатки, которые не могли прокусить эти клыкастые дряни.

Шуга большими комьями грязи залепил щели возле панелей с шишками и выпуклостями, призывая одновременно Сания, повелителя грязи. Воздух из-за жары и сырости сделался почти что непригодным для дыхания, но панели были еще горячее. В некоторых местах серая мазь Шуги потрескалась и почернела, поверхность под ней светилась красным, дышали таким жаром и вонью, что к ним никто не решался бы приблизиться. Внутри яйца что-то шипело и дымилось.

И все это время Шуга, не переставая, взывал к Элкину, богу грома и страха.

— Элкин, о, Элкин! Сойди вниз, о, Великий и Малый, Бог Молний и Громких Звуков! Сойди с горы, о, Элкин! Сойди с горы и порази этого святотатца, который осмелился осквернить священное имя твоей магии!

Шуга встал на ложе чужака, вытянул руки вверх и стал торжественно произносить последние кантеле заклинания.

Раскаленная, полузатопленная кабина кишела колючими крабами, речными чудищами и пиявками.

Где-то что-то горело, валил густой дым. Я задыхался, слезы слепили глаза.

Это была мастерская работа.

15

Вслед за Шугой я вывалился из гнезда. Сухая трава затрещала под ногами, когда я спрыгнул на землю. Мы, вероятно, полжизни потеряли в этом созданном Шугой аду.

Я удивился, обнаружив, что все еще день. Двойной солнечный свет разливался над миром с ободряющей привычностью. Деревья, растения и трава показались мне черными, я подумал, не слишком ли долго мои глаза привыкали к свету гнезда Пурпурного?

Я наслаждался холодным, чистым воздухом. Голова кружилась. Но несмотря на это, именно мне пришлось помогать Шуге двигаться. Я только наблюдал за проклятием. Шуга же осуществлял его, и это отняло у него все силы. Неровными шагами мы спускались по склону. Наши тени с красно-голубыми краями раскачивались перед нами. Как кончилось проклятие, так кончилось и соединение светил. Они опять разделились.

Казалось чудом, что Пурпурный не помешал нам, но еще только близился полдень. Мы умудрились уложиться в кратчайшие сроки.

Мы притаились среди кустов. Чистый воздух действовал, как крепкое вино, я почувствовал, что опьянел от него.

Мы разлеглись под такими привычными черными листьями и дышали всей грудью.

Немного погодя, я перевернулся на бок, посмотрел на Шугу и спросил:

— Когда это начнется?

Он не ответил, и я решил было, что Шуга заснул. Меня бы это не удивило. Он осунулся, напряжение последних дней измотало его. Глаза, когда он их раскрыл, были красными и обведены кругами. Шуга медленно вздохнул:

— Не знаю, Лэнт, не знаю. Возможно, я забыл что-то...

Я сел и с беспокойством посмотрел на черное гнездо. Оно покоилось все там же, во впадине между двумя холмами, дверь приглашающе раскрыта. Дверь!..

— Шуга! — закричал я. — Дверь! Мы оставили ее открытой!

Он резко поднялся, в ужасе уставившись на поляну.

— Мы можем ее закрыть? — спросил я.

— Для этого требуется другое заклинание, — ответил Шуга. — А у нас нет его.

— А ты не можешь...

— Что я не могу? — поинтересовался он. — Составить заклинание, закрывающее дверь? Нет, для этого гнезда не могу. Я сначала должен понять, как заклинание открывает дверь.

— Но я сам видел...

— Лэнт, ты глупец, — вяло возразил он. — Я знаю, *как* ис-

пользовать заклинание, но я не знаю, почему оно действует. Ты же видел, сколько у меня было возни со световым устройством. Нет, Лэнт... если бы ты знал, как действует дверь...

— Но, проклятье...

Он жестом остановил меня.

— Придется ждать. Возможно, проклятье еще что-то требует, чтобы перейти к действиям... А если открытая дверь...

Не договорив, он пожал плечами.

Солнца ползли на восток, голубое теперь ясно опережало красное. Я беспокойно смотрел на холм. Долго ли придется ждать, пока проклятие сработает? В этом нам могли помочь только боги. Величайшее из заклинаний Шуги шло насмарку — если оно не сработает, не будет больше богов, которые могли бы помочь нам. Все они будут настроены против нас.

Тени медленно удлинялись, прохлада сумерек уже растекалась над миром, а мы с Шугой все стояли в беспомощности и смотрели. Черное гнездо, мрачное и угрожающее, ждало. Желтый свет освещал проем двери.

Мир ждал. Гнездо ждало.

Проклятье ждало...

Неожиданно раздался хрустящий звук шагов по склону. Мы нырнули в кусты.

Немного спустя в поле зрения показался Пурпурный. Он поднялся на холм — я еще подумал, удовлетворил ли он свое желание? — и начал спускаться к своему жилищу. С той стороны, откуда он шел, не было видно открытой двери. Он обогнул гнездо и остановился. Затем торопливо шагнул вперед. Впервые мы видели Пурпурного, реагирующим на магию Шуги. Он закричал — точно охотящаяся летучая мышь. Перевод, без сомнения, был бы более содержательным, но говорящее устройство промолчало. Пурпурный бросился в дверь, задел за косяк и сшиб с носа стеклянные приспособления. Интересно, как Шуга умудрился так подколдовать?

Мы слышали, как он горланил внутри гнезда,— неистовые, яростные вопли, совсем на него непохожие. Время от времени грохочущий голос говорящего устройства разносился над холмами:

— Бог мой!.. Как эти... забрались? А-а, ужалил! Отдай ногу, ты... сын... Почему не действует... убийца насекомых!

— Жалящие насекомые причиняют ему беспокойство, — прошептал я.

— Богом проклятые жалящие насекомые!.. — поправил меня громыхающий голос Пурпурного.

— Насекомые жалят в любом случае, являются они частью проклятья или нет.

Шуга был прав. Проклятие еще не вступило в действие.

Я раздраженно теребил на себе мех. Чего ждут боги? Или они намерены ждать достаточно долго, чтобы Пурпурный успел нейтрализовать элементы, составляющие проклятие, и обратить его против Шуги?

Новые вопли неслись над миром:

— Яйца!.. Яйца!

— Во всяком случае, мы лишили его спокойствия, — прошептал я. — Это уже начало.

— Этого недостаточно. Боги должны были сцепиться друг с другом в стремлении его уничтожить... Должно быть, дверь виновата! Должно быть? Лэнт, я боюсь...

Он зловеще замолчал. Я почувствовал, как начал леденеть позвоночник...

— Примитивные ублюдки... похотливые извращенцы... Эта проклятая серая краска... кастраты... сифилитики... голозадые недоноски... Я испепелю эту похотливую деревню...

Пурпурный мог быть непоследовательным, но, несомненно, говорил искренне. Я приготовился к бегству. Я видел, как он бушевал в гнезде, неистово колотя по шишкам и выпуклостям, которые мы закрасили. Пурпурный лихорадочно крутил одну шишку за другой, пытаясь нейтрализовать заклинания Шуги.

— А эту волосатую скотину, Шугу, я...

Тяжелая дверь, раскрывшись, не дала нам дослушать до конца истерическую угрозу Пурпурного.

16

Мягкий ветерок цеплялся за листья, кусты и наши накидки. Тени удлинялись, пока не потерялись в темноте.

Голубое солнце замерцало и исчезло, оставив одно распухшее красное солнце. Все погрузилось в мертвенное молчание.

Мы с Шугой осторожно выползли из своего укрытия. Черное гнездо спокойно лежало в углублении. Дверь была закрыта, только оранжевый контур отмечал ее место на гладкой невыразительной поверхности.

Мы осторожно, опасливо подобрались поближе.

— Уже началось? — прошептал я.

— Заткнись, глупец! Сейчас нас, вероятно, слушают все боги!

Мы приблизились вплотную. Черное гнездо оставалось неподвижным, поджидая нас. Шуга приложил ухо к его поверхности.

Гнездо-яйцо неожиданно и бесшумно взмыло вверх, отшвырнув Шугу в сторону. Я плашмя упал на землю и начал вымаливать прощение:

— О, боги мира, я полагаюсь на вашу жалость, я прошу вас, пожалуйста, не позволяйте!..

— Заткнись, Лэнт! Хочешь испортить заклинание?!

Я осторожно поднял голову. Шуга стоял, упершись руками в бедра, и смотрел наверх, в красные сумерки. Черное яйцо неподвижно и терпеливо зависло в нескольких футах над его головой.

Я устало поднялся на ноги:

— Что там делается?

Шуга не ответил.

Гнездо внезапно превратилось из черного в серебряное и начало опускаться обратно на землю — также плавно, как поднималось. Красный диск цвета крови сверкал на его поверхности.

Мы отступили назад, как только оно коснулось почвы — и начало погружаться в нее, не замедляя скорости. Теперь, во всяком случае, раздался звук: скрежещущее недовольство камней, раздвигаемых в сторону. Гнездо погружалось неотвратимо. Камни трещали под его напором.

Мгновение спустя оно исчезло.

Скрежет камней удалялся, уходя вглубь.

Ошеломленные, мы подошли к краю дыры.

— Великолепно, — произнес я. — Оно ушло, Шуга. Полностью, совершенно исчезло. Мир поглотил его, словно оно вообще не существовало. И... — я глубоко вздохнул,— ... и не было никаких побочных эффектов.

Шуга скромно хмыкнул. Потом нагнулся, чтобы поднять стеклянное приспособление, свалившееся с носа Пурпурного, и безразлично сунул его в карман.

— Это пустяки, — сказал он.

— Но, Шуга! Никаких побочных эффектов! Я бы не поверил, что ты на это способен или вообще кто-либо! Почему ты нам не сказал, что ты планируешь? Нам бы не пришлось покидать деревню!

— Лишняя безопасность не мешает, — пробормотал Шуга. Он, вероятно, сам был ошеломлен своей победой. — Видишь ли, я не уверен... Почему действие заклинания приливов потянуло гнездо вниз, а не... Почему склонность Экке Человека к... Ладно, все это было очень необычно... Решение, можно сказать, получено опытным путем...

Вдруг весь горный массив затрясся. От толчка я приземлился на живот и посмотрел вниз. Двустами футами ниже из склона холма извергалось черное яйцо, вопя в агонии. Оно рванулось вверх безобразно вскрикивая,— звук этот причинял нам ужасную боль. Мучительное верещание яйца — поднимающаяся и падающая нота — оставалось пронзительно громким, даже когда оно ударилось о горы. Какой-то сверхъестественный побочный эффект обращал в порошок само вещество холма, измельчая его в мелкую каменную щебенку. Склон целиком стронулся с места, величественно за-

скользил вниз, увлекая нас с собой. Мы были бессильны что-либо предпринять, мы ехали верхом на грохочущей лавине, на камнепаде, вздымающем тучи пыли и песка. Черное гнездо бешено неслось к югу, превращаясь в ярко-красное, пронзительно вопящее пятнышко.

Скольжение горы понемногу прекратилось. Из каприза, или благодаря магии Шуги, она не погребла нас. Мы оказались счастливчиками — смогли удержаться на вершине затронутого участка и спуститься с ним вместе без ушибов. Я обнаружил, что лежу на животе, погрузившись в жидкую грязь. Шуга лежал неподалеку.

Я поднялся на колени. Черное гнездо стало точкой на горизонте — оно поднималось и опускалось, взлетало вверх и снижалось... Потом рвануло чуть ли не вертикально в небо — и я потерял его из виду.

Я спустился к Шуге, каждым шагом вызывая крохотные лавинки. Помог ему подняться на ноги и спросил:

— Теперь все?

Шуга пытался — и без результата — отряхнуть свою накидку.

— Думаю, нет, — ответил он, пристально глядя на юг. — Там слишком много богов, которые еще не сказали своего слова.

Мы стояли по щиколотку в измельченной грязи. Двигаться приходилось осторожно, чтобы не вызвать нового сползания склона.

— И долго нам ждать, пока проклятие завершит свою работу? — спросил я.

Шуга пожал плечами.

— Даже не хочу гадать. Слишком многих богов мы призвали. Лэнт, я предлагаю тебе вернуться в деревню. Дети и жены ждут.

— Я останусь с тобой, пока проклятие не завершится.

Шуга, нахмурившись, задумался:

— Лэнт, черное гнездо, скорее всего, вернется, чтобы напасть на того, кто его проклял. Я не имею права возвращаться в деревню, пока опасность не исчезнет. Но я не хочу, чтобы ты был рядом, когда все это начнется.

Он положил руку мне на плечо.

— Спасибо, Лэнт. Я ценю все, что ты сделал. А теперь иди!

Я кивнул. Мне не хотелось его покидать, но я знал, что так надо. Шуга не говорил прощай, он говорил — до свидания! Пока он не был уверен, что черное гнездо уничтожено, он не имел права возвращаться.

Я отвернулся, не желая, чтобы он видел мои слезы.

17

Деревня была такой же опустевшей, молчаливой, какой я ее оставил.

Мне посчастливилось найти на полдороге один из своих велоси-

педов. Теперь я оставил его возле гнезда. Каким-то чудом домашнее дерево и оба велосипеда остались невредимыми...

Я поднялся в свое гнездо. Моя первая жена дремала на полу, свернувшись клубком.

— Где остальные? — спросил я.

Жена покачала головой.

— Они убежали, когда этим утром в деревню пришел Пурпурный.

— Пурпурный приходил в деревню? — я был в ужасе.

Она кивнула.

Я схватил женщину за плечи.

— Ты должна рассказать мне, что он делал! Он проклинал гнездо Шуги, не так ли?

— Нет, ничего подобного.

— Он использовал огненное устройство?

— Нет.

— Что ж ему было нужно, женщина?

— Не знаю, правильно ли я его поняла, муж мой. У него не было с собой говорящего устройства. Нам пришлось объясняться жестами.

— Ладно, что он хотел?

— Думаю, он хотел сделать то, что образует семью.

— И ты ему позволила?..

Женщина опустила глаза.

— Я подумала, что это может помочь Шуге в дуэли, если ненормальный волшебник на какое-то время отвлечется...

— Но как ты могла! Он же не наш гость! Я тебя побью!

— Я жалею, муж мой. Я думала, это вам поможет.

Женщина съежилась:

— Ты ведь не побил третью жену за то, что она разговаривала с Пурпурным!

Она была права. Я опустил руку. Было бы несправедливо побить одну и не побить другую.

— Он устроен очень странно, муж мой. Он почти совсем без волос, кроме...

— Я не желаю об этом слышать, — заявил я. — Это все, что он сделал?

Женщина кивнула.

— А потом он ушел?

Она опять кивнула.

— Он ничего не касался? Ничего не брал?

Она покачала головой.

Я вздохнул с облегчением.

— Благодарение богам, хоть тут повезло. Ситуация могла оказаться очень опасной. К счастью, ты не сказала ничего лишнего.

Довольный, я опустился на пол. Только теперь я почувствовал, как я устал.

— Ты можешь накормить меня, — сказал я.

Она так и сделала, не произнеся ни слова. Если ей понадобится поупражнять свои челюсти, для этого всегда найдутся остатки моего ужина. Я успел съесть два кусочка, когда вдруг в небе послышался сверхъестественный пронзительный свист.

То был звук несчастья, бедствия, паники. Я вывалился из гнезда и помчался к поляне. И там сквозь верхушки деревьев увидел...

Летающее гнездо! Оно вернулось в деревню. Оно не было серебряным. Теперь оно стало желтым. Оно проносилось над головой, затем поворачивало и с пронзительным воем возвращалось.

У меня в голове промелькнули слова Шуги... черное гнездо, скорее всего, вернется, чтобы напасть на того, кто его проклинал... Не могло ли гнездо спутать меня с Шугой? Я торчал на поляне в напряженном ожидании.

Гнездо резко остановилось в нескольких ярдах от верхушек деревьев, словно наткнувшись на мягкую стену. Дверь отсутствовала. Проем казался черным, а не сверкающе оранжевым, как должен был бы светиться раскаленный металл.

Гнездо вопрошающе повернулось. Я представил себе глаза, притаившиеся в темноте, за входом.

Я ждал, что они найдут меня.

Гнездо повернулось еще раз, уже быстрее.

И неожиданно стало вращаться с невероятной скоростью. Все его детали смазались и исчезли. Поверхность казалась оранжево-красной жидкостью. Я услышал, как оно жужжит, поднимаясь, и закрыл глаза. Между деревьями пронесся ветер.

Гнездо вращалось, увлекая за собой воздух. Сильные вихри с пронзительным свистом закрутились по деревне, этот звук отличался от агонизирующего крика гнезда, но пугал не меньше. Зарождался чудовищный смерч — гнездо было его центром. Я вцепился в ствол ближайшего домашнего дерева.

Не Маск-Вотц ли напал на яйцо чужака? Или это нападение на деревню? Ветер ревел, срывая ветки, листья, уцелевшие гнезда, пытался отодрать меня от корня, в который я вцепился. Я обхватил корень руками и ногами, спрятал лицо. Листья, кора, сломанные ветки сыпались и сыпались на меня...

Немного погодя я сообразил, что звук стал слабее. Я поднял голову. Ветер утих... Ни на одном дереве в деревне не осталось листьев. Все гнезда были сброшены на землю, многие раскололись от удара, другие откатились в сторону от места падения.

Огромное черное гнездо Пурпурного, все еще вращаясь, двигалось на юг, к реке. Подлетев к ней, яйцо зависло над водой и стало

опускаться. Филфомар, яростный и неумолимый, тащил яйцо вниз, намереваясь разрушить.

Я должен был видеть это. Я побежал за гнездом, не думая о возможной опасности. Я должен был удостовериться, что жилище Пурпурного уничтожено окончательно!

Гнездо яростно вращалось, словно пытаясь вырваться из пут речного бога. Когда оно коснулось воды, огромное облако пара взметнулось вверх. В то же мгновение река и ее топкие берега вздыбились единой волной воды и земли. Небо почернело, луны скрылись. Чернота широкой волной растекалась по сторонам. Я попытался бежать. Крик сам собой вырвался из горла, когда нахлынувшая вода понесла меня назад в деревню. Грязь и ил забили рот, ноздри.

Неожиданно что-то с силой ударило в спину, и я обнаружил, что повис, зажатый между двумя ветками дерева.

Вода начала спадать, затем мутной грязной волной повернула назад в реку, оставив за собой мешанину водорослей и обломков. Шуга ошибся. Гнездо вернулось не для того, чтобы атаковать его. Даже сейчас я мог видеть, что в деревне ничего не уцелело, только несколько почерневших, лишившихся листьев деревьев сиротливо стояли в ночи.

Я спустился с ветки. Спина надсадно болела, я боялся, не сломано ли ребро. Пересиливая боль, я захромал к реке. Если мне суждено умереть, я должен сначала выяснить судьбу своего врага.

Я двигался в рассеянном свете семи лун.

Идти было трудно, ноги утопали в вязком болоте, цеплялись за обломки деревьев и черепков, скользили на мокрых камнях.

Я выругался, потеряв равновесие на скользкой поверхности. Впереди было видно гнездо. Вращаясь, оно высверлило под собой параболоидную воронку. Когда я взобрался на вал, ее окружавший, то увидел, что гнездо опять почернело и лежит в мелкой серебристой воде. Вращение прекратилось, и, наконец-то, наконец-то! — оно уже не было нацелено вертикально вверх.

Яйцо лежало на боку, вода проникла в дверной проем. Ослепительный свет вспыхивал в отверстии, бросая блики на поверхность воды.

Теперь, пожалуй, Пурпурный поверил в магию Шуги. Я начал прикидывать, как подобраться поближе, чтобы хоть краешком глаза увидеть тело свихнувшегося волшебника. Ничего живого внутри гнезда уцелеть не могло.

Я не проделал еще и четверти пути, когда вспышки внутри гнезда участились. Свет не был тем устойчивым желтым, который раньше освещал кабину. Оттуда сыпались зловещие, шипящие искры цвета молний. Я настороженно остановился. До ушей доносились потрескивающие звуки и шипение воды, превращающейся в

пар. Я начал карабкаться по склону назад. Гнездо все еще оставалось опасным.

Голубоватые вспышки позади меня становились все ярче. Потом из зияющего провала двери ударила густая струя черного дыма. Наконец я добрался до вершины грязевого вала и укрылся за ней. Осторожно приподнял голову. Гнездо, казалось, размышляло, что предпринять дальше.

Затем оно прыгнуло вверх. Поднялось по крутой дуге, сверкая белым пламенем, помедлило в верхней точке и рухнуло вниз. Гнездо упало как раз посредине деревни и тут же подпрыгнуло, оставив позади несколько горящих деревьев. Горячий ветер ударил мне в лицо. Гнездо подпрыгнуло снова. Оно разучилось летать, перемещалось теперь прыжками и пугало сверкающим жаром. При каждом ударе из него вырывалась огромная искра — и земля вспыхивала.

Гнездо продолжало прыгать. Оно покинуло деревню, отмечая свой путь новыми очагами пламени, и по прямой линии двинулось к горам на западе.

Оно прыгнуло на холм, заскакало по нему, словно шарик. Я могу его видеть — сверкающее белое пятно, беспорядочно перемещающееся по склону горы. Наконец оно исчезло по ту сторону гребня. Что-то вроде тишины снизошло на землю, оставив лишь звуки воды, стекающей с деревьев.

В центре деревни все еще поднимался столб черного дыма. Я подумал, осталась ли в живых моя первая жена. Она была хорошей женщиной, послушной и сильной, почти как вьючное животное.

И тут я сообразил, что еще не вступил в дело Элкин.

Стояла мертвая тишина. Ветер совсем прекратился. Последняя луна опускалась на западе. Вскоре темнота охватит все.

А что, если Шуга ошибся именно в этом? Элкин имел репутацию непредсказуемого бога и славился своей склонностью к чванству. Может быть, эмпирическая природа заклинаний Шуги оказалась недостаточной, чтобы расшевелить его...

Позади меня восток стал вместо черного темно-голубым. Я поднялся, проклиная жестокую и холодную тяжесть своей одежды. И тут же обжигающая глаза ослепительно-белая вспышка заполнила мир...

Глаза от боли закрылись. Но мысленно я все еще продолжал видеть огромный огненный шар, похожий на шары Шуги, но увеличенный до размеров горы. Потом я заставил себя открыть глаза и увидел громадную, вздымающуюся массу пламени — раскаленный, яростный гриб-поганку, — пылающий дым, поднимающийся из-за гор, скрывающий небо и все вокруг.

Меня опрокинуло на спину, проволокло по грязи, словно от удара гигантским молотом из воздуха. А звук... О, этот звук!.. Мои

уши, казалось, лопнут от боли — таким он был громким и невыносимым!

Если я считал, что голос Маска-Вотца, пришедший в деревню, был громким, то в сравнении с этим звуком он казался шепотом. Словно сам Оуэлс спустился вниз и хлопнул своими могучими руками. Но звук продолжался, превратившись в постоянный перекатывающийся гул, громыхающий над холмами. Он отдалялся и снова накатывался непрерывной волной. А с неба уже начали сыпаться небольшие камни.

Элкин сказал свое слово.

18

Я нашел жену скорчившейся на ветках под вырванным с корнем деревом.

— С тобой все в порядке? — спросил я, помогая ей подняться на ноги.

Она кивнула.

— Хорошо. Тогда найди какую-нибудь тряпку и перетяни мне ребра. Мне больно.

— Да, мой муж.

И она покорно начала стаскивать с себя юбку.

Это была любимая юбка жены. Я остановил ее.

— Не надо рвать. Найди что-нибудь другое. У тебя не осталось в этом мире ничего другого. Храни ее.

Женщина взглянула на меня, глаза наполнились слезами благодарности.

— Да, мой муж...

Она замолчала. Я понял, она хотела сказать еще что-то, но боялась.

— Продолжай, — приказал я.

Она, забыв о грязи, повалилась на колени и возбужденно схватила мои руки.

— О, мой муж, я так боялась за тебя! Мое сердце наполнилось такой радостью при виде тебя, что я не могу ее скрыть! И жизни без тебя я не мыслю!

Она целовала мои руки, прижималась головой к моему телу. Я погладил мех на ее голове, хотя он и был в грязи. Но это не имело сейчас значения — мы оба промокли насквозь и изрядно запачкались.

— Все хорошо... — тихо сказал я.

— О, говори, говори со мной! Скажи, что опасности больше нет, что в мире снова все хорошо.

— Встань, женщина, — попросил я. Она встала. — Я все потерял. Мое гнездо разбито, а дерево повалено. Я не знаю, где мои

дети, куда разбежались другие жены. У меня ничего не осталось. Лишь та одежда, что на тебе. И все-таки я не беден...

— Нет? — ... она смотрела на меня, коричневые глаза расширились от удивления.

— Нет. У меня осталась женщина... хорошая жена. — Я посмотрел ей в глаза, раскрытые и светящиеся любовью. — Женщина с крепкой спиной и желанием работать. А теперь иди и найди что-нибудь для повязки. Ребра болят.

— О, о да, мой муж, да!

Она осторожно зашлепала по грязи. Я медленно сел. Отдохнуть бы, поспать...

19

Прежде чем оставить деревню, мы побродили среди развалин и посмотрели на последствия катастрофы. Я оказался прав, когда говорил, что у нас ничего не осталось, кроме той одежды, что на теле.

— Что будем делать, муж мой?

— Пойдем отсюда, — сказал я. — Здесь нам делать нечего.

Я повернулся, взглянул на далекие голубые луга.

— Пойдем туда, — махнул я рукой, — на юг. Может, остальным пришло в голову то же решение.

Женщина кивнула, соглашаясь, кряхтя взвалила на спину тюк, мы пустились в дорогу.

Солнца стояли уже высоко в небе, когда мы заметили на севере крошечную фигурку на велосипеде, старающуюся нас догнать. Было в ней что-то знакомое... нет, невозможно...

Но так это и оказалось.

— Шуга?! — закричал я. — Ты жив!

Он терпеливо посмотрел на меня и слез с велосипеда.

— Конечно, жив, Лэнт. А ты как думал?

Он помолчал, разглядывая засохшую грязь, облепившую нашу одежду.

— Что с вами случилось?

— Мы были в деревне. Мы видели агонию гнезда Пурпурного. Но умирать оно отправилось в горы. И я подумал, что...

— Чепуха, Лэнт. Дуэль выиграл я. Погибает только проигравший. Я видел, как черное гнездо вернулось. Оно напало на деревню вместо того, чтобы отправиться за мной в горы. А раз оно решило уничтожить деревню, у меня не было причин задерживаться на холмах. К тому же я нашел велосипед.

— Скорее всего гнездо проскочило мимо тебя.

Шуга кивнул.

— Я видел, как оно приближалось, разрушая деревню. Оно нацеливалось на горы. Но меня там уже не было.

— Шуга, это прекрасно!

Шуга скромно пожал плечами, стряхивая комочки засохшей грязи с рукава накидки.

— Ничего особенного. Так я это и планировал.

Говорить больше было не о чем. Шуга вновь взгромоздился на велосипед. Его чувство собственного достоинства было удовлетворено, репутация — поднята на небывалую высоту.

Он покатил дальше на юг.

Я почувствовал, что горжусь своим знакомством с ним.

20

Голубые сумерки кончились и успел начаться красный рассвет, прежде чем мы нашли место для отдыха. Мы остановились над каменистым плато, за которым смутно просматривались далекие силуэты домашних деревьев деревни. Море, похожее на пустыню, осталось позади.

Женщины бросили свои тяжелые тюки и поклажу и устало опустились на землю. Дети немедленно погрузились в глубокий сон. Мужчины сидели, массируя натруженные ноги.

Вид у нас был жалкий и потрепанный. Даже самые сильные выглядели плохо. Многие расстались с большей частью своего меха, и все — со своей упитанностью. Мой собственный мех тоже свалялся в колтун, таким он и останется, пока не выпадет — его уже не расчесать. Открытые, гноящиеся язвы были у нас не редкостью, и большинство заболеваний не поддавалось лечению Шуги.

Моя вторая жена разложила передо мной скромную пищу. При других обстоятельствах я устроил бы скандал из-за низкого качества еды и побил бы ее за то, что еды так мало, но в нашем теперешнем положении это был настоящий пир, нелегко давшийся. Женщина, должно быть, угробила много часов, выискивая эти жалкие плоды и орехи. И все-таки это было не то, к чему я привык. Я принуждал себя есть, преодолевая отвращение.

Пока я сидел, пережевывая жесткие волокна, кто-то подошел. Я узнал почти полностью облысевшего Пилга, нашего деревенского крикуна, а теперь бездомного бродягу, как и все мы. Был он худым и бледным, ребра безобразно торчали под кожей.

— А, Лэнт! — воскликнул он с преувеличенной радостью. — Надеюсь, я не помешал тебе.

Он помешал — и он знал это. Сначала я притворился, что не слышу, и сосредоточился на особенно жестком корне.

Он встал прямо передо мной. Я закрыл глаза.

— Лэнт, — произнес он, — путешествие, кажется, заканчивается. Ты этому не рад?

Я приоткрыл один глаз. Пилг пожирал глазами мою обеденную чашку.

— Нет, — сказал я. — Не рад.

Пилг не смутился.

— Лэнт, надо глядеть на жизнь с радостной точки зрения.

— А она есть?

Я чуть не подавился корнем, проглотил его и откусил еще небольшой кусок.

— Конечно. Ты только подумай, как тебе повезло. У тебя сохранилось четверо детей, две жены и все волосы, и первая жена ожидает ребенка. Намного больше, чем у меня.

Тут он был прав. Пилг потерял свою единственную жену и всех отпрысков, кроме одного — да и та — девчонка — ничего хорошего.

— Мы потеряли всю нашу деревню, — напомнил я и выплюнул горький кусочек под ноги Пилгу. Он неуверенно посмотрел на него, но гордость преодолела голод. Раз ему не предложили, есть он не будет.

А предлагать я и не собирался. Я трижды кормил его за последние три дня, и у меня не было намерения приваживать Пилга к моей семье.

— Но мы быстро добьемся уважения в новой деревне, — возбужденно заговорил Пилг. — Конечно, репутация Шуги, как волшебника, здесь уже должна быть известна. Разумеется, они будут его чествовать. Значит — и нас тоже.

— И, разумеется, больше всего они будут желать, чтобы мы оказались в каком-нибудь другом месте. Посмотри назад. Посмотри, откуда мы пришли. Сплошное болото. А за ним — вода! Океан поднимается почти так же быстро, как мы от него уходим. Вот-вот наступит светлый период, Пилг. Это тяжелое время для любой деревни. Конечно, сейчас они снимают урожай, но пищи окажется ровно столько, чтобы продержаться болотный сезон. С нами им поделиться будет нечем. Нет, особого счастья они не почувствуют, если мы к ним присоединимся.

Мое упоминание о еде заставило Пилга пустить слюни, которые потекли по подбородку — но правила приличия удерживали его. Он вновь покосился на выплюнутый кусочек корня, валяющийся у ног.

— Но, Лэнт... взгляни на рельеф этой местности. Деревня, к которой мы подходим, расположена на склоне возвышенности, дальше идет обширная низина. У них в запасе по меньшей мере дней двадцать — тридцать, прежде чем вода начнет им угрожать.

— Разумеется, — я проглотил кусок, который жевал.

— Может быть, им потребуется наше мастерство и мы сможем заработать себе на пищу?

— И что же ты им предложишь? — хмыкнул я. — Умение распускать слухи?

Пилг, казалось, обиделся. А я сразу же почувствовал себя виноватым — было жестоко и нехорошо говорить так. Пилг действительно пострадал больше меня и издеваться над его бедами было несправедливо.

— Зачем так грубо, Лэнт, — сказал он. — Если ты хочешь, чтобы я ушел, — я уйду.

— Нет, — возразил я, удивляясь самому себе. — Ты не чужой, не уходи, пока не поешь чего-нибудь!

Проклятье! Снова он меня спровоцировал! Я ведь поклялся, что не предложу ему еды, но он изводил меня до тех пор, пока я его не обидел — и тогда, чтобы загладить обиду, мне пришлось доказывать, что он меня не раздражает.

Я подумал, не начать ли мне питаться тайком, чтобы избавиться от Пилга.

Но в одном он был прав. Может быть, нам в самом деле удастся обменять наше мастерство на пищу. Не исключено, что умение резьбы по кости не очень распространено здесь, далеко к югу от тех мест, где мы жили.

Но тут очень многое зависело от местного волшебника. Согласится ли Шуга принести клятву перемирия на время болотного сезона? Потерпит ли местный волшебник хотя бы присутствие Шуги, принимая во внимание его высокий авторитет? Возможно ли чувствовать себя в безопасности, если такой могучий колдун будет вашим соседом? А если этот волшебник не обладает знаниями и мастерством Шуги, то снизойдет ли Шуга до того, чтобы обращаться с ним как с равным? Да и вообще, отыщется ли волшебник, способный превзойти величие Шуги, столь драматически продемонстрированное?

Шуга, правда, может предложить деревенскому волшебнику поединок за право повелевать магией этого района. Если он — по несчастной случайности — проиграет, то нам придется двинуться дальше, но уже без колдуна. Если же выиграет — что более вероятно, — то навлечет на нас множество бед, ведь не зря говорится, что волшебник должен понравиться девяти поколениям, прежде чем его примет племя.

Я страшился предстоящей встречи с жителями деревни и их Гильдией Советников. Если посчастливится, то у нас найдется время передохнуть, но скорее всего, такой возможности не будет. Как только они узнают о нашем появлении на склонах горы, они тут же направят к нам своих представителей.

От нашей Гильдии почти никого не осталось, жалкая кучка людей — я, Хинк Ткач, Пилг Крикун, Дамд Три Обруча и еще один-два человека. Рэн Большой Глоток утонул в одном из своих чанов,

Тэвит Пастух потерялся вместе с большей частью стада, а среди уцелевших пастухов не нашлось никого достаточно старого и опытного, чтобы заменить его. Другие не выдержали длинного перехода на юг.

Но все же Гильдии должны были встретиться, и, если повезет, мы выработаем определенное соглашение, которое позволит нам задержаться здесь, пока не схлынет вода. А потом нам придется или подыскивать новый район, в котором можно основать деревню, или просить разрешения остаться.

И опять же — очень многое будет зависеть от волшебников.

21

Позже, с приближением красного заката — голубого рассвета, наша жалкая горстка Советников побрела по склону к деревне на обязательную встречу с ее жителями. Большую часть дня мы провели, купаясь в холодном ручье, бегущем через пастбище, потом позволили женщинам промассировать нас и умастить кожу благовонными маслами и жирами. Мы специально сберегали их для таких случаев. А если бы постоянно не думали о возможности подобной встречи, то давным-давно съели бы. Мы сменили походную одежду. Не стоило показывать себя такими бедными, какими мы были на самом деле, поэтому пришлось оставить нагишом чуть ли не все племя, чтобы обеспечить достаточно опрятной одеждой Советников, отправляющихся на это чрезвычайно важное свидание.

Шуга, погруженный в свои мысли, время сейчас было не подходящим для того, чтобы деревня могла увидеть его великолепие.

По дороге Дэвид Три Обруча обратил наше внимание на прекрасные деревья в этой местности. Нам попались тонкие и крепкие побеги бамбука, трубчатые, волокнистые растения, которые можно использовать и для строительства, и в пищу, и в качестве закваски для браги. Высокие, изящные березы с корой, покрытой серыми и голубыми пятнами, искристая осина, белая сосна, крепкий, красный ведьмин дуб, густой темный кустарник и даже дикие домашние деревья, остановившиеся в росте, искривленные из-за отсутствия благословения волшебника и надлежащего ухода. В изобилии встречались ручьи. Мы брели по толстому ковру похрустывающих опавших листьев.

Да, это был богатый лес. Лес, за которым ухаживали, но еще не поняли до конца скрытых в нем возможностей. Прежде чем мы проделали половину дороги, стало очевидно, что район великолепно годился для жилья. Фру, самый старый из пастухов, восклицал при виде пастбищ. Джерк, немного разбирающийся в приготовлении бумаги, выражал восхищение качеством бамбука. Хинк Ткач задумчиво похмыкивал при виде волокнистых растений, мимо ко-

торых проходил. Если бы нам позволили остаться, мы, несомненно, были бы счастливы.

Я раздумывал над тем, что вокруг непочатый край работы — много больше, чем могла надеяться сделать одна деревня. Если в этом году у них щедрый урожай, то может оказаться хорошим и настроение. Мы рассчитывали, что сможем предложить нашу помощь в обмен на пищу или право использовать часть этой земли.

Их деревня находилась сразу же за поросшим лесом, на гребне самого низкого ряда холмов. Была она больше, чем наша когда-то, но ненамного. Но самое важное — большая часть домашних деревьев казалась неиспользуемой, а те, что были заняты, располагались на значительном расстоянии друг от друга. В нашей деревне имелась просторная, хорошо утоптанная рыночная площадь. Здесь же все покрывал мягкий ковер черной травы, кое-где прорезанный грязными тропами. Было ясно, что они не торговали в том масштабе, к которому мы привыкли.

Когда мы подошли ближе, то увидели Советников, собравшихся на поляне почти на краю деревни. Мы подняли руки и сделали пальцами жест плодородия. Они повторили его в ответ.

Высокий мужчина, покрытый редким, коричнево-красным курчавым мехом, выступил вперед.

— Я — Гортик. Глава деревни. Это мои Советники.

Он по очереди представил их. Советников оказалось больше тридцати — торговцы, ткачи, рыбаки, пивовары, различные мастера. С плохо скрываемой радостью я не нашел среди них мастера по кости. Неужели в деревне не было ни одного представителя моей профессии? Если так, то я мог быть уверен, что у меня окажется много работы. Или — эта мысль ужасала — они не считают мастера по кости достаточно уважаемым, чтобы пригласить в Гильдию Советников!

Я отмел эту мысль. Мастер по кости также необходим, как и любой другой.

Гортик кончил представлять своих Советников и повернулся к нам.

— Кто у вас главный?

Вопрос был трудным. Мы еще не выбрали Главного. А старого Главу, Франа, похоронили всего два дня назад, и память о нем в наших сердцах еще не остыла. Начались нерешительные колебания и перешептывания, пока наконец Пилг вытолкнул меня вперед, сказав:

— Иди, Лэнт. Ты — Главный. Ты очень долго пробыл в Советниках.

— Не могу, — прошептал я. — Я никогда не был Главой. У меня даже Символа Главы нет. Мы похоронили его с Франом.

— Мы сделаем новый. Шуга его освятит. А сейчас мы нуждаемся в Главе.

Кое-кто согласно закивал.

— Но они могут меня убить, если решат, что я слишком дерзкий Глава, — прошипел я.

Все кивнули в подтверждение.

Хинк сказал:

— Ты с этим справишься, Лэнт.

А Пилг добавил:

— Это высокая честь — умереть за нашу деревню. Я тебе завидую.

После чего вытолкнул меня вперед и заявил:

— Это Лэнт, наш Глава. Он слишком скромен, чтобы самому об этом заявить.

Я проглотил комок — мужчина должен принимать и понимать свой долг. Я дрожал. Я не мог избавиться от ощущения, что сейчас в любой момент может появиться старый Фран и вздует меня за дерзость, или Гортик каким-то образом узнает во мне самозванца и откажет в уважении, необходимом для исполнения моего нелегкого долга.

Но он просто кивнул мне и спросил:

— Почему вы путешествуете?

— Мы переселяемся, — объяснил я. — Мы — эмигранты, ищущие новое пристанище.

— Вы выбрали неправильное направление, — сказал Гортик. — Эти места — не самые подходящие для жилья.

— Вы же здесь живете, — возразил я.

— Да, но мы не рады этому. Я вам завидую... вашему стремлению к странствиям... Я желаю вам счастья в пути.

— Мне кажется, вам очень бы хотелось видеть нас уходящими, друг Гортик.

— Совсем нет, друг Лэнт... просто мне не очень хочется, чтобы вы оставались. Земля тут бедная. Вам не понравится, если вы здесь застрянете на время Болотного Сезона.

— Болотного Сезона?

— Да, когда дни становятся жаркими, Глава Лэнт, а моря поднимаются высоко. А так большую часть года наша земля связана с материком...

— Ваша земля... связана с материком?

— Правильно. Двигайтесь по перешейку дальше. Это очень удобно — на перешейке никто не живет. Скверное время года может застать любого, так что проход открыт для всех...

— Но только не в Болотный Сезон, — закончил за него я.

— Да, — Гортик криво улыбнулся. — На этот сезон мы оказываемся на острове — потому так важно, чтобы вы торопились. Вы же не хотите, чтобы вас отрезало здесь?

— И велик ли остров?

— Небольшой. Четыре деревни и немного земли между ними. И холмы Идиоки. Это там, где сейчас расположились ваши люди. — Он подумал и добавил: — Никто не живет на холмах. В основном из-за того, что там ничего не растет. Мы перебираемся туда на время Болотного Сезона, но потому лишь, что все остальное океан затапливает. А сейчас эта земля свободна.

— Остров... — повторил я. Мысль начала оформляться. — Да, ты прав. Нам надо торопиться.

Я махнул Советникам.

— Идемте, не стоит тратить времени на разговоры. Гортик дал нам прекрасный совет и надо спешить, чтобы успеть извлечь из него пользу.

Я посмотрел на Гортика, сделал жест плодородия, запахнулся в накидку и покинул поляну. Мои Советники потянулись следом.

Мы снова вошли в лес. Хинк и все остальные спешили за нами.

— Скорее, Лэнт, скорее, — подгоняли они.

Я брел сзади, иногда останавливаясь, чтобы полюбоваться то и дело открывавшимися прекрасными видами.

— Лэнт! — не успокаивался Пилг. — Быстрее!

— Пилг, не гони так, — попросил я. — Куда спешишь?..

Его глаза расширились.

— Ты же сам слышал! На время сезона здесь будет остров...

Остальные тоже остановились, собрались вокруг.

— Торопись, Лэнт!

— Зачем? — спросил я.

— Затем, что мы можем оказаться в ловушке.

— Завязнем тут — и не сможем идти дальше, — сказал Хинк.

— И тогда они не смогут отказать нам в праве убежища, верно?

Советники задумались.

Я продолжал:

— Конечно, мы должны спешить — как рекомендовал Гортик. Но если мы поторопимся, но недостаточно быстро, то у нас не будет выбора. И нам придется остаться.

— Хм, — протянул Дэмд. Он начал улавливать мою мысль.

— Ну-ну, — произнес Джерк. Он уже понял.

— Взгляните вокруг, — попросил я остальных. — Лес здесь ужасный, верно? А вспомните, что мы видели по дороге...

Советники задумчиво кивнули. Они вспомнили то, что видели.

— Никуда не годное место для деревни, согласны?

Они огляделись.

— Да, место плохое, — согласился Дэмд. — Мне придется плести гнезда вдвое большие по размеру, чем прежние,— так что работы окажется невпроворот. Да что станет делать мужчина с таким большим гнездом?

— Ты прав, — согласился Джерк. — Ты только посмотри на этот бамбук, такой густой и крепкий. И подумай о пиве, которое я мог бы из него сделать,— нет, не пойдет на пользу мужчине такое замечательное, сладкое пиво!

Хинк опустился на колени, ощупывая волокнистое растение.

— Хм-м, — протянул он. — Ничего хорошего не принесет человеку такая прекрасная одежда — она его испортит, не подготовит к трудностям жизни.

— Стоит ли привыкать питаться регулярно? — добавил Пилг. — Мы растолстеем, станем ленивыми.

И мы все дружно вздохнули.

— Да, это место не пригодно для жизни, — подвел я итог, растягиваясь под уютным деревом. — Идите сюда, нам надо постараться скорее решать, как мы будем двигаться дальше.

Хинк пристроился под соседним деревом.

— Хорошо, Лэнт, — сказал он. — Но поспешность тоже к добру не приведет — давайте прикинем, каким путем уйти отсюда быстрее.

— А, — вздохнул Пинг, нашедший себе лужайку с мягкой луговой травкой, — но уйти надо до того, как нас здесь отрежет море.

— Ты прав, — согласился Джерк с уютной постели из дерна. — Мы не должны задерживаться здесь долго.

— Не должны, — поддержал его Дэмд. — Но, думаю, сумерки будут темными.

— И, конечно, никто не думает, что мы отправимся в дорогу на ночь глядя, — вмешался я.

— В таком случае зачем женщинам снимать палатки? — спросил Пилг.

— Это же просто замечательно — как следует выспаться перед путешествием, — добавил еще кто-то.

Я зевнул.

— Целая ночь сна? Звучит заманчиво. Кажется, я уже начинаю засыпать.

— Завтра мы должны рано встать, — напомнил Джерк.

— Да. Думаю, в полдень или чуть позже будет своевременно.

— О, — простонал Хинк, — ведь предстоит еще так много сделать. Например, завтрак, а потом — полдник...

— Ах, — вздохнул Пилг. — У женщин просто не окажется времени снять палатки до полдника.

— Но и после этого у них не будет времени, — произнес я сонно. — Им предстоит запастись пищей для путешествия, прежде чем мы отправимся в дорогу.

— Это может занять весь день.

— Или два, а то и три...

Новые вздохи. И зевки. Кто-то сонно пробормотал:

— Надеюсь, не окажется проблемой познакомить Шугу с местным волшебником...

— Не знаю. Надо что-то придумать. Спросим Пилга, как он считает?

— Пилг спит.

— Тогда спросим Хинка.

— Он тоже спит.

— А Дэрк?

— Давным-давно.

— А Дэмд?

— Тоже.

— Тогда почему вы мне спать не даете! — проворчал я. — Трудная это работа — быть Главой и весь день принимать решения!

22

И действительно — ужасное событие нас не миновало. Мы торопились, как могли, но море поднялось и отрезало остров. На это потребовалось одиннадцать дней.

Нам надо было всего несколько часов, чтобы преодолеть перешеек — все время сужающуюся полоску земли, — но нам как-то не удалось организовать женщин. Суматоха в лагере царила ужасная. Шесть дней подряд мы снимали палатки, но потом оказывалось слишком поздно, и приходилось ставить их снова, чтобы лечь спать. Красное солнце стояло высоко в небе — значит, настала ночь.

Гортик и его Советники пришли полюбоваться на нас на следующий же день. Они стояли, озираясь по сторонам, выходили из себя и без конца требовали, чтобы мы поторопились.

— Но мы и так торопимся. Вы же видите — наши женщины настолько глупы, что не могут удержать в голове два приказа сразу.

— Удивительно, что вы так далеко ушли, — пробормотал Гортик.

— Да, конечно, — согласился я и побежал дальше.

Теперь Гортик приходил каждый день — раздражался, стонал, переживал по поводу нашей задержки. Наконец, когда мы все-таки тронулись в путь, Гортик и его Советники были просто счастливы сопровождать нас в качестве проводников.

На то, чтобы пересечь остров, у нас ушло пять дней. Мы подошли к перешейку как раз вовремя, чтобы увидеть, как над ним сомкнулось море. Гортик то ли вздохнул, то ли застонал от отчаяния. Я тоже вздохнул.

Глава посмотрел на меня.

— Лэнт! Глядя на вас, можно подумать, что твои люди хотят

здесь остаться. Но, конечно, это не так. Я еще не встречал племени более глупого и суетливого, чем твое.

Я был вынужден признать справедливость его вывода.

Гортик сказал:

— Ладно, давай возвращаться. Очевидно, вам придется пробыть с нами весь Болотный Сезон.

Я кивнул. Потом с великой неохотой отдал приказ:

— Эй, поворачивайте назад! Поворачивайте! Слишком поздно идти через перешеек.

Нам придется вернуться назад на нашу прежнюю стоянку!

Мы снова разбили лагерь на Холмах Идиоки еще до наступления сумерек.

23

Настало время представить друг другу наших волшебников.

Я был очень доволен собой.

Глава Лэнт! Глава одной из лучших деревень в мире. Глава деревни Шуги Великолепного. Я светился от гордости.

Шуга — в пурпурно-красной накидке, способной менять цвета, как солнца меняют расположение на небе, производил сильное впечатление. На шее на шнурке он носил кварцевые линзы ненормального волшебника, трофей и символ, доказывающий, что он — именно тот, за кого себя выдает.

Нараспев, высоким голосом он поведал им о своем искусстве и о том, как он нанес поражение своему самому опасному врагу, Пурпурному, безумному волшебнику, который заявил, что пришел с другой стороны неба. При этих словах слушатели зашевелились. Очевидно, слава Шуги опередила нас. Он рассказал, как он уничтожил гору, Зуб Критика, как призвал гром и обратил в пустыню местность на многие мили вокруг. В виде доказательства он высоко поднял кварцевые линзы Пурпурного. И он нисколько не преукрасил историю — правда сама по себе была достаточно впечатляющей.

Когда он закончил, начал я. Я рассказал, что нам пришлось уйти из своей деревни из-за побочных эффектов заклинания Шуги и двигаться на юг почти четверть сезона. Наше путешествие началось при голубом совмещении, мы проделали многие сотни миль по дну отступившего океана. Мы шли, а солнца отступали все дальше и дальше друг от друга на небе, красный Вирнс и голубой Оуэлс все дальше и дальше растягивали дни между собой, пока темнота не пропала совсем.

Я рассказал, как со множеством опасностей и потерь мы пересекли великую грязевую пустыню. Приближался светлый сезон, моря должны были вернуться на эту землю, последний этап нашего пу-

тешествия превратился в беспорядочное бегство от подкрадывающейся воды. Много раз мы просыпались и обнаруживали океан, плещущийся у наших палаток.

Я не стал говорить, что именно так мы потеряли Франа, однажды ночью захлебнувшегося в палатке. Мы совсем не хотели, чтобы они об этом знали и что совсем недавно я стал Главой деревни.

Сейчас Вирнс и Оуэлс жили на противоположных сторонах неба. Светлое время началось. Как океан подползал к этим холмам, так и я неторопливо повествовал, как мы добирались сюда, к подножию южных гор, ища убежища и места, чтобы построить деревню.

Гортик улыбнулся.

— Ваши рассказы очень впечатляющие, особенно — волшебника. Если его магия хотя бы наполовину так хороша, как его рассказ, то он бросает вызов самим богам!

— У вас есть такой же волшебник? — спокойно поинтересовался я.

— Он лучше, — ответил местный Глава. — Его заклинания не вызывают побочных эффектов, которые уничтожают деревни.

— Заклинания нашего волшебника сильны настолько, — возразил я, — что даже при уменьшении побочных эффектов они оставляют вокруг пустыню.

— Какое счастье, что он может уменьшить подобные эффекты, — улыбка Гортика дразнила нас. Было очевидно, что он не верит в силу Шуги. Я надеялся, что ему не придется ее демонстрировать.

— Наш волшебник, — продолжал Гортик, — пришел к нам совсем неожиданно. Он убил старого волшебника одним ударом, поднявшим на ноги всю округу, но ничего не повредил, — за исключением, конечно, старого волшебника.

Позади Гортика зашуршали кусты, словно кто-то торопливо шел к нам. Гортик отступил в сторону со словами:

— Знайте же! Наш волшебник — это Пурпурный Бессмертный!

Я думал, что сердце мое остановится. Шуга стоял дрожащий и немой, не в силах пошевелиться. Человек, выступивший вперед, действительно был Пурпурный в целости и сохранности, тот самый Пурпурный, которого Шуга думал, что убил в яростной битве во время последнего соединения.

Другие жители нашей деревни отпрянули от Шуги, словно надеясь избежать неизбежного удара молнии Пурпурного.

Внутренне я тоже был готов отпрянуть. Я хотел убежать. Я хотел умереть. Тут же сообразил, что последнее желание будет удовлетворено — и скоро.

Пурпурный внимательно оглядел нас. На нем был костюм небесно-голубого цвета — сшитый из одного куска, он облегал его, как вторая кожа. Несколько предметов свисало с широкого пояса,

стянувшего обширную талию. Капюшон откинут назад. Взгляд был косящим и неуверенным, глаза слезились, бегали, перескакивая с одного на другое. Наконец ищущий взгляд остановился — о, Элкин! — на мне.

Пурпурный энергично шагнул вперед, схватил меня за плечи, вгляделся в лицо.

— Лэнт, ты ли это?

Его слова звучали странно, но произносил он их сам. Очевидно, его говорящее устройство было уничтожено, и ему пришлось научиться говорить по-человечески.

Он выпустил меня раньше, чем я потерял сознание, и осмотрелся кругом.

— А Шуга? Шуга здесь?

И тут он увидел маленького волшебника. Шуга застыл на месте и дрожал.

Будь что будет, уговаривал я себя. Лишь бы не было больно.

— Шуга, — произнес сумасшедший волшебник, пройдя мимо меня с вытянутыми руками. — Шуга, я хочу кое о чем спросить тебя!

Шуга издал единственный нечеловеческий крик, прыгнул вперед и вцепился ему в горло.

Они покатились по земле, большой волшебник и маленький. Шуга издавал некрасивые хрюкающие звуки, Пурпурный задыхался.

Потребовалось десять человек, чтобы растащить их. Наши самые молодые и здоровые советники оттащили лягающегося и вопящего Шугу в сторону. Вскоре его крики прекратились и в сопровождении Джерка и моего сына Вильвила Шуга вернулся к нам, сердито оглядывая всех.

Пурпурный отряхивался, заботливые советники суетились вокруг него.

Гортик не скрывал замешательства. Он посмотрел на меня и сказал:

— Кажется, наши волшебники уже знакомы друг с другом.

24

Я перевел взгляд на Пурпурного. Голова кружилась. Я чувствовал, что немею. Мне было неприятно смотреть на него, на его тело с брюшком, на бледную безволосую кожу, на лоскутья неестественно прямого черного меха на голове. Он был воплощением уродства, угрозой моей душе и рассудку. Мой рот открывался и закрывался, как у рыбы, выброшенной на берег:

— Ты же... мертв... Как ты... мог...

Гортик усмехался, довольный нашим смятением. Я указал на Пурпурного и с трудом прокаркал:

— Откуда он взялся?

— Это — подарок богов, — ответил Гортик. — Мы много лет прожили с волшебником, которым не все были довольны. — Он сумрачно нахмурился. — Дорси был прекрасным, сильным волшебником, но некоторые становились несчастными из-за его заклинаний.

— Дорси? Мы учились вместе, — пробормотал Шуга.

Я кивнул. История была знакомой.

— Это случилось во время последнего соединения, — продолжал Гортик. — Чудо! В ту ночь разразилась страшная буря. Поднялся сильный ветер, огненный шар Элкина пронесся по небу и повернул обратно. А затем на краю деревни послышался треск. Когда мы выбрались из гнезд, то обнаружили вот этого необычного волшебника, который упал на старый дом Дорси и раздавил его всмятку. Действительно, странный волшебник.

— Он упал с неба?

Гортик кивнул. Другие Советники стали объяснять, перебивая друг друга.

— Он пришел с неба!

— Хотя на нем не было ни царапинки!

— Словно огромная падающая звезда...

— Никто не пострадал...

— Даже Дорси!

— Он был убит мгновенно!

— Было много песен и плясок!

— Тихо!!! — проревел Гортик.

Стало тихо. Гортик продолжал:

— Мы отдали Пурпурному малиновые сандалии Дорси и его накидку и тут же сделали его волшебником. А что нам еще оставалось? От него вообще никакого толку не было, он даже говорить по-человечески не умел. Нам пришлось похоронить Дорси без освящения.

— Но как может человек упасть с неба и остаться в живых?

— Пурпурный — не простой человек, — заявил Гортик, словно этого объяснения было достаточно.

— Он — демон, — сказал Шуга. Такого объяснения было более чем достаточно.

— Это благодаря моему защитному костюму, — вмешался Пурпурный. Он выступил вперед и с силой ударил себя кулаком в живот. От удара он должен был бы сморщиться от боли, но этого не произошло. Мне на мгновение показалось, что Пурпурный стал жестким, как камень.

— Мой защитный костюм, — повторил он. — В нормальных условиях о н гнется как обычная одежда, но при резком ударе становится единым несокрушимым монолитом. Лэнт, помнишь, в вашей деревне мальчишка кинул в меня копьем...

— Помню. Тебя даже не поцарапало...

— Этот костюм — словно жесткая кожа. Вместе с капюшоном он закрывает меня всего, кроме глаз и рта, и, конечно, защищает мое тело. Он спас мне жизнь.

— Я не понял, что мое летающее яйцо движется, — продолжал Пурпурный. — Вы замазали густой серой грязью все кнопки и циферблаты, так что я не мог видеть, как работают мои... — он запнулся, подбирая подходящее выражение... — мои устройства для заклинаний.

Он принялся объяснять жителям своей деревни:

— Они каким-то образом умудрились проникнуть в мое летающее гнездо — я вам о нем рассказывал — и натворили там ужас что.

Повернувшись к нам, он сказал:

— Я был в ярости, Лэнт. Я хотел перебить всю вашу банду.

Я содрогнулся. Он и сейчас может это осуществить. Действительно, чего он ждет?

— Потом я понял, — продолжал он, — что все это вы сделали из невежества. Возможно, вы подумали, что яйцо — живое и опасное. Вероятно, это и послужило причиной первого нападения Шуги на меня.

— К несчастью, я не понял, как тяжело вы повредили мой летающий дом. В любом летающем гнезде предусмотрено заклинание, которое компенсирует резкие движения. Оно же компенсирует отсутствие земли под ногами. Окна были замазаны серой краской, экраны — тоже, все индикаторы перепачканы — я не знал, что лечу.

— Когда я открыл дверь, чтобы отправиться на поиски, ветер от движения гнезда подхватил меня и швырнул наружу. Когда я понял, что падаю, то надвинул капюшон и свернулся в клубок. Мой защитный костюм спас меня.

— При падении я потерял сознание, — рассказывал Пурпурный, — но не сломал ни одной косточки. Правда, падая вниз, я ничего не запомнил, чтобы ориентироваться. Я до сих пор не знаю, где нахожусь... А мое летающее гнездо не отвечает на сигналы. Уже несколько месяцев не отвечает. Я боюсь, что оказался вне зоны его приема.

— Совершенно верно, — сказал я. — Заклинание Шуги его уничтожило. Оно находилось над горой, называемой Зуб Критика, когда по нему ударил молот Элкина.

— Элкина?

— Бога грома, маленького, но могущественного.

— Ах, да. Я слышал про него. Так, говоришь, он ударил в мое яйцо?

— Ударил — с огромнейшей вспышкой и звуком таким гром-

ким, что содрогнулась земля и раскололось небо. Я после этого не мог ничего не видеть, не слышать.

Пурпурный издал странный сдавленный звук.

— Скажи мне, Лэнт, почва теперь там светится по ночам голубым светом?

— В старой деревне — да. А все деревья и трава умерли. Многие жители — тоже, у Пилга и Анга вылезла вся шерсть, а Пилг покрылся язвами.

Пурпурный прищурился, подошел ближе. Пилг — настоящий храбрец — не сбежал от нежданного, лихорадочного осмотра.

— Правда, — прошептал Пурпурный. — Получается, я потерпел крушение. Это язвы, — тут он воспользовался словом из своего демонского языка, — от радиации.

— Язвы от радиации, — повторил он. — Вы взорвали мое гнездо. — Он продолжал что-то невнятно и возбужденно бормотать, озираясь по сторонам. — Вы, волосатые недочеловеки, сокрушили мою летательную машину. Я остался здесь навечно! Будьте вы прокляты, все вы...

Мы отпрянули от него, даже жители его деревни. Слишком он увлекся проклятиями. Но Гортик и еще несколько Советников шагнули вперед и стали утешать Пурпурного.

— Ничего, — бормотали они, похлопывая его по спине, но — с видимой опаской.

— Оставьте меня в покое! — завопил Пурпурный, вырываясь. Он наткнулся на Пилга, который продолжал стоять впереди всех, выставив лысую, воспаленную грудь.

— Ты можешь меня вылечить? — спросил Пилг дрожащим голосом.

Пурпурный колебался, он посмотрел на пораженное болезнью тело, точно увидел его впервые, потом заглянул в глаза Пилгу, шагнул вперед, обнял его за плечи.

— О, мой друг, мой друг, мой бедный дорогой друг...

Он выпустил дрожащего Пилга и повернулся к остальным:

— Мои друзья, вы все...

Мы дружно подались назад. В обеих деревнях не нашлось бы человека, хотевшего стать другом бродячего свихнувшегося волшебника.

— Друзья мои, теперь я нуждаюсь в вас больше, чем когда-либо. Я потерял самый сильный источник своего могущества. Мое летающее яйцо уничтожено. И все те чудеса, которые я обещал для вас сотворить, когда его найду... теперь я не смогу их осуществить.

Тут Шуга распрямился.

— Это сделал я, — напомнил он нам. В его голосе звучали нотки гордости, и он был единственным, кто улыбался.

— Да, это сделал ты, — отозвался Пурпурный таким тоном,

что двое Советников тут же двинулись вперед, готовые схватить его за руки.

Гортик переводил взгляд с Пурпурного на Шугу. Он, вероятно, судорожно соображал, кто же из волшебников сильнее. Очевидно, оба обладали властью, с которой приходилось считаться.

Их временная ненависть не предвещала ничего хорошего всем остальным. Гортик отвел меня в сторону.

— Думаю, самое время распустить собрание.

— Пока наши волшебники не сделали это за нас, — согласился я.

— Забирайте своего в свой лагерь, а мы загоним нашего в его гнездо. А с тобой нам надо встретиться позднее, наедине, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию. Чтобы наши деревни выжили, нам придется немало поработать.

Я кивнул.

Долго ли сможет Шуга держать себя в руках? Нам следовало как можно скорее убраться с территории Пурпурного. Я махнул рукой своим Советникам.

— Пошли, пошли.

Я очень хотел до предела увеличить расстояние между свихнувшимся волшебником и Шугой.

Мы торопились вернуться на свой склон. Все наши мысли были сосредоточены на одном: мы — в ловушке, на острове, рядом с двумя раздраженными колдунами... О, Элкин, что мы сделали, чем заслужили такую участь? Неужели мы настолько разгневали богов?

25

На то, чтобы дурную новость узнали все, много времени не потребовалось. Волна страха, прокатившаяся по лагерю, была чуть ли не осязаема. Женщины принялись выть, мужчины — дрожать, дети — недоуменно орать. Собаки лаяли.

Многие принялись распутывать веревки палаток, снимая их. Хотя и измученные, люди были готовы продолжать путь — настолько был велик страх перед Пурпурным.

Невероятно — несколько этих жалких семей совсем недавно были богатой и сильной деревней. Но такими мы были до появления Пурпурного. Мы видели, как наша деревня выжигается, видели смерть своих друзей и соседей, видели, как гибла наша собственность в результате вражды Шуги и ненормального волшебника.

— А дуэль еще не кончилась.

Пурпурный был еще жив, он последовал за нами, он готовится уничтожить нас.

Шуга был неприступен. То, что Пурпурный до сих пор жив, безусловно, говорило о его неудаче. Он осуществил свое самое великое

заклинание — а ненормальный волшебник даже не держал на него зла. Шуга раздраженно вырвался от двоих сопровождающих и потопал напрямик через поле, уже подмоченное морем. Толпа двинулась за ним по краю, как козы вдоль лужи грязной воды. Встревоженные матери отводили детей в безопасное место.

По всему лагерю уже снимали палатки. Люди готовились спасаться бегством, они не знали, куда им идти, но лучше умереть в пути — так велик был их страх перед Пурпурным.

Тут и там рыдающие женщины упаковывали тюки. Дети цеплялись за юбки. Многие мужчины, когда я проходил мимо, набрасывали на своих жен дополнительные путы — кто знает, на что способна женщина в истерике.

Несколько членов Гильдии Советников стояли кучкой и спорили. Увидев меня, они замолчали.

— А, Лэнт, мы только что обсуждали, куда нам двинуться, на восток или на запад, или, возможно, в холмы...

— Что за глупости ты болтаешь, Пилг?

— В путь, в путь... не можем же мы здесь оставаться, верно?

— Мы не в силах никуда уйти — если только ты не научился ходить по воде!

— Это не единственное место на острове, Лэнт, — сказал Хинк. — Есть и другие. Ты слышал, что говорил Гортик.

— Ты это тоже слышал, — резко возразил я. — Остров невелик. Четыре деревни. И Холмы Идиоки.

— У нас нет выбора. Шуга собирается начать дуэль!

— Он это сказал?

— Ха! Нет необходимости говорить с Шугой, чтобы понять, что он замышляет дуэль — он поклялся убить Пурпурного, помнишь?

— А теперь слушай, — попросил я. — И не торопись с глупыми выводами. Вот что мы сделаем. Первое: никакой дуэли сейчас не будет. Второе: я собираюсь прогуляться в нижнюю деревню и кое о чем переговорить с Гортиком наедине. Я хочу попытаться реализовать наши первоначальные планы: обменять наше мастерство на пищу и землю. Это единственная возможность.

— Ха! — фыркнул Хинк. — Ты считаешь, что сможешь удержать Шугу от дуэли?

— Теперь я — Глава, — ответил я, — это дает мне власть.

— Минутку, Лэнт, — осклабился Хинк. — Мы позволили тебе быть Главой, но только в переговорах с жителями нижней деревни. У нас нет намерения избрать тебя — всего лишь мастера по кости — Главой деревни.

Послышались приглушенные соглашающиеся голоса остальных.

— Конечно, ты прав, Хинк. Я и не хотел быть Главой. Но вы настояли — и твой голос был одним из самых громких. Теперь же,

если вы признали меня Главой в переговорах с другими людьми, то вам придется признать и тот факт, что я представляю вас в переговорах с богами.

— Хм?

— Хорошо, сам подумай. Очевидно, боги нас испытывают. Эта куча напастей, которая на нас навалилась,— всего лишь проверка нашей воли и смирения. Боги хотят убедиться, продолжаем ли мы верить в них, несмотря на все несчастья, молим ли мы их о милости — или вместо этого мы отрекаемся от них в отчаянии.

— И что здесь общего с тем, будет ли тебе позволено отдавать приказы? — спросил младший сводный брат Хинка Маленький Хинк.

Я сердито уставился на него.

— Но это же очевидно даже для таких лягушачьих мозгов, как твои. Если ты отрицаешь старые обычаи и традиции — ты отрицаешь самих богов. Вся наша жизнь основана на капризах богов, которым мы служим. Только волшебник может контролировать богов, и только Глава деревни может контролировать деревенского волшебника. Шуга вырезал свое секретное имя на символе Главы, поэтому только владелец этого символа имеет над ним власть.

— Но у тебя нет символа, — сказал Маленький Хинк.

— Правильно! — воскликнул Большой Хинк.

Остальные закричали.

— Мы можем выбрать другого Главу. Шуга с такой же легкостью сделает символ для него.

— Подождите! — крикнул я. Соображать приходилось мгновенно. — Кое о чем вы забыли!

Что-то в моем голосе заставило их остановиться.

— Вы забыли о Гортике. Главе нижней деревни. Он не знает, с каких пор я являюсь Главой, он думает, что я такой же опытный, как он. Но если вы представите ему в качестве Главы другого человека, он сразу будет знать, насколько тот неопытен, и будет удивляться, что вы выбрали нового Главу в такой критический момент. Все деревни на острове получат перед нами преимущество, зная, что имеют дело с начинающим Главой.

Советники что-то забормотали, потом немного отошли в сторону и принялись горячо обсуждать ситуацию:

— Лучше совсем без Главы, чем...

— Но эта нижняя деревня...

— Не нужен нам еще один неопытный Глава...

— Но мы уже поручили...

— И еще одно, — окликнул я. — Шуга.

Они замолчали и повернулись ко мне.

— Как он поведет себя, когда вы придете к нему и скажете, что его лучший друг — больше не Глава? Найдется ли среди вас тот, кто сумеет успокоить разбушевавшегося волшебника?

Такого не оказалось. Советники осторожно переглядывались. Наконец, Хинк от лица Советников заявил:

— Ладно, Лэнт, ты победил. В следующий раз мы будем осмотрительнее, когда придется кого-то выталкивать вперед.

— И, определенно, язык у него не будет таким шустрым, — пробормотал Маленький Хинк.

— Будем надеяться, он сможет использовать его против Гортика, — сказал Снарг.

— Не беспокойся, — заявил Хинк. — Если не сможет, мы его на его же языке и вздернем.

— Я больше озабочен тем, сумеет ли он разубедить Шугу, — раскудахтался Пилг. — И поскорее! Шуга, вероятно, как раз в эту минуту готовится к дуэли!

— Чепуха! — сказал я. — Не будет он сейчас планировать дуэль! Сейчас светлый сезон, лун нет.

— О, Лэнт, ты достаточно хорошо знаешь времена года, но не думаю, что ты знаешь Шугу.

— Я — мастер по кости, — произнес я с достоинством. — Я должен иметь достаточные представления о магии, чтобы изготовлять костяные инструменты. Поверь мне, Шуга не может планировать сейчас дуэль.

26

Я обнаружил Шугу, пристально разглядывающим небо и бормочущим себе под нос:

— Козлиная почка, лягушачья икра, муравьиные перья... ну почему все несчастья случаются во время светлого сезона?

— Шуга, — поинтересовался я, — в чем дело?

— В небе, идиот, в небе.

— Я не идиот. Я теперь Глава.

— Можно быть Главой и оставаться идиотом, — резко ответил он. Его глаза покраснели и слезились от длительного разглядывания небес. — Если бы только не это проклятое богами небо!

— С небом что-то случилось?

— Я не вижу лун. — Шуга встал и всплеснул руками. — О, Элкин! Как я могу надеяться обеспечить защиту своих людей, если я не знаю конфигурации лун?

— Это плохо, — согласился я. — Один Вирнс знает, как сумел удержаться и заставить себя говорить спокойно. — Но, быть может, это хорошо!

— Хорошо? — Шуга резко повернулся ко мне. — Что здесь может быть хорошего? Как я могу планировать дуэль, если все предзнаменования скрыты?

— Может быть, это знак, — осторожно предположил я. — Знак, что не стоит объявлять дуэли.

— Не стоит?.. Да ты с ума сошел! Лэнт! Глава! — произнес он, не скрывая иронии. — Один ты знаешь, как истолковать предзнаменование!

— Я не собираюсь толковать предзнаменования, — твердо сказал я. — Я хочу сказать, что тебе не всегда следует полагаться на свою магию, как на самое легкое решение. Не забывай, что бы ты ни сделал — от побочных эффектов нам не спастись, пока вода не спадет.

— Ты собираешься учить меня магии?

Шуга пристально смотрел на меня сузившимися глазами.

— Я? Никогда! Я — твой верный сторонник... Но ты должен признать, Шуга, что ты порой берешься за магию в ситуациях, когда немного дипломатии принесет больше пользы. Ты слишком поспешно разбрасываешь заклинания, не успев выяснить, как они подействуют.

— А как мне еще узнать, как они подействуют? — спросил он.

Я решил игнорировать вопрос.

— Ты должен признать, Шуга, что мое словесное мастерство выше твоего.

— Да, — согласился он. — Ты им чаще пользуешься. Поэтому у тебя лучше и получается.

— Тогда пусть все остается так, как есть. Если ты не знаешь, как расположены луны, если не можешь использовать никаких зависящих от лун заклинаний, то тебе придется положиться на меня, как на Главу, чтобы я постарался избегать ситуаций, при которых может потребоваться твоя магия.

— Слишком поздно, Лэнт. Мы уже оказались в ситуации, в которой требуется магия. Я обязан защитить нас от Пурпурного. А он, несомненно, постарается убить и меня... и тебя... и всех остальных жителей деревни!

Он помахал в воздухе трофеем, который подобрал во время уничтожения черного яйца: кварцевыми линзами Пурпурного. Их черная костяная оправа блестела в голубом свете.

— Чепуха, — резко возразил я, сам удивляясь собственной дерзости. Я уже начинал ощущать себя Главой. — Очевидно, ты хуже меня знаешь Пурпурного. А я не помню, чтобы он хоть раз применил насилие или хотя бы попытался применить против тебя заклинание. Пурпурный даже не ответил ни на одну из твоих атак.

— Тем более надо быть осторожнее. Мы сейчас в его деревне и, когда он ответит, то луны посыплются, Лэнт!

— Огромное спасибо, что ты намерен нас защищать, но это не значит, что ты должен нападать на Пурпурного именно сейчас...

— Нападение — самая хорошая защита!

— И луны будут падать с неба нам на голову? Почему ты не хочешь подождать и выяснить, что он замышляет? Ты забыл, что у тебя есть над ним власть, Шуга, — его линзы. Он захочет их вернуть. Ради них он на все пойдет, только бы получить их назад. Возможно, он даже согласится принести клятву перемирия.

— Перемирие??!! — взорвался Шуга. — Лэнт, у тебя рассудок блохи! Между волшебниками перемирий не бывает. Пора бы знать!

— А у тебя характер осла! — раздраженно ответил я. — Если бы не я, ты бы давно себя угробил, пытаясь швыряться огненными шарами в Элкина!

Это на мгновение остановило его. Он молча уставился на меня. Потом сказал на удивление спокойно:

— Лэнт, ты меня удивляешь. Я и не представлял, что ты такой агрессивный!

— Путешествие было долгим и трудным. Я устал. И больше всего устал из-за твоего скверного характера. А теперь попытайся хоть раз воспользоваться своим разумом... или, если его у тебя нет, позволь мне воспользоваться своим.

— Что ты предлагаешь? — выдохнул он.

— Ждать — ничего больше. Ждать. Принести клятву перемирия, если потребуется. Слишком рано сейчас для дуэли с Пурпурным, слишком рано. Подожди, пока не окажешься в равных условиях.

Шуга ничего не ответил. Он задумчиво разглядывал свои ногти и почесывал мех.

— Ну? — спросил я.

Шуга молчал и продолжал почесываться.

— И еще об одном ты забыл, Шуга. Пурпурный всегда утверждал, что его магия не зависит ни от богов, ни от конфигурации лун. Допустим, он говорил правду. Тогда непрекращающийся солнечный свет ему не помешает.

Шуга не ответил, но, по крайней мере, перестал чесаться.

— Ну? Ты согласен подождать? Или хотя бы ничего не предпринимать, пока не посоветуешься со мной?

Он посмотрел на меня.

— Я поставлю тебя в известность, прежде чем начну что-либо делать.

— Прекрасно!

Когда я его покидал, он все еще продолжал проклинать небо — но уже начал понемногу складывать свои колдовские принадлежности.

27

Вернувшись к Советникам, я сообщил им, что мы можем не бояться немедленной дуэли. Шуга с места не сдвинется, предварительно не посоветовавшись со мной. Еще я сказал, что мы остаемся на месте.

Они не ожидали, что я так быстро договорюсь с Шугой, но им ничего другого не оставалось, как смириться и утвердить меня в должности.

Когда они разошлись по палаткам, я кликнул своих сыновей, Вилвила и Орбура. Вилвил, заметив мою улыбку, поинтересовался:

— Почему тебе так хочется остаться здесь? То, что Пурпурный до сих пор жив, не сулит нам ничего хорошего!

— Ну, думаю, с этой ситуацией можно справиться. А преимущества от пребывания здесь намного превышают любые страхи.

— Преимущества? — недоверчиво переспросил Орбур. Он был угрюмее Вилвила.

— Конечно... — Хм, вы, строители велосипедов... Вы должны были уже отметить качество и разнообразие деревьев в округе. Прекрасный, стройный бамбук, сосна, искрящаяся осина, ведьмин дуб. И еще волокнистые растения, прямые и однородные. С таким материалом в руках любой может построить замечательный велосипед. Разве вы не заметили, что в нижней деревне нет ни велосипедов, ни велосипедных мастеров? Заказы у вас всегда будут.

Вилвил энергично закивал.

— Орбур, отец прав. Работы здесь непочатый край!

— Ты правильно думаешь, Вилвил. Я хочу, чтобы ты разведал ближайшие залежи кости: сухой, сырой, окаменевшей, любой. Кажется, у них нет хорошего мастера по кости.

28

Я направился в нижнюю деревню на встречу с Гортиком.

На этот раз нас будет только двое и можно будет сразу перейти к деловым переговорам. Жителям моей деревни придется тут задержаться на время Болотного Сезона. Нам с Гортиком необходимо прийти к какому-то соглашению, на основе которого две деревни смогут дотянуть до начала следующего совпадения.

Честно говоря, я беспокоился. Мне впервые предстояло быть Главой деревни и принимать решения за всех. Одно дело — внушить к себе почтение одному из соплеменников, совсем другое — попытаться сделать то же самое с совсем незнакомым человеком.

Без символа Главы я чувствовал себя неуверенно — и опасался, что не смогу проделать все, как надо.

— Символ, символ, — бормотал я. — Благо моей деревни может заменить символ.

И я заковылял вниз по склону, полный решимости и без символа сделать все лучшим образом.

Позади меня раздался крик. Я остановился. Моя первая жена спускалась с холма — юбка развевалась, груди подпрыгивали, путы заставляли передвигаться коротенькими семенящимися шажками.

— Лэнт, о, храбрый Лэнт, подожди!

Я остановился.

Она подбежала ко мне.

— Мой храбрый Глава, ты забыл свой амулет искусного торговца.

— Я в нем не нуждаюсь, женщина, — попытался я переубедить ее. — Я иду на переговоры. Со мной символ хорошо подвешенного языка. Зачем мне еще символ торговца?

Она удрученно понурилась.

— Я сожалею, мой отважный муж. Ты прав. Я только хотела сделать что-то, чтобы помочь тебе... но все, что я смогла придумать,— это твой амулет торговца. Я решила, может, он хоть немного, как-нибудь... поможет тебе...

— Как же он может помочь? — с иронией спросил я. — Я иду туда не в качестве торговца, а как Глава.

— Ты прав, мой мудрый муж, — она принялась ласкать и целовать мои ноги. — Я не знаю, чем занимается Глава, но я подумала — это что-то вроде торговли, поэтому я... Я сожалею, что отняла у тебя время.

Она выглядела такой подавленной и несчастной, что я почувствовал прилив жалости.

— Ладно, женщина, давай амулет. Он не повредит. Я его возьму, раз ты считаешь, что это важно.

Пустяковые, разумеется, слова, которые мне нетрудно было сказать. Она благодарно улыбнулась и припала к моим ногам.

— Ладно, ладно, хватит целовать. Ты хочешь, чтобы вторая жена подумала, что я уделяю тебе больше внимания?

Я взял амулет, приказал ей встать и отослал назад в лагерь.

Я продолжал свой путь к нижней деревне. Широкая река сбегала с холма к морю. Большие черные домашние деревья вытянулись вдоль ее берегов. Там было много лягушачьих прудов и садков, а у самого берега шли мелкие лужи, пригодные для выращивания риса. На одной стороне, достаточно далеко от деревни, виднелось уединенное дерево настолько неправильной формы, что ни один человек не стал бы там жить. Ясно, что там находилось гнездо Пурпурного.

Но не это было моей целью. Еще рано. Сначала надо поговорить с Гортиком.

Когда я вошел непосредственно в деревню, за мной увязался хвост любопытных жителей и детворы. Некоторые из отпрысков начали было дразнить меня, взрослые останавливали их. Я шел между темными стволами, все с интересом тащились за мной.

Я не мог не восхититься размерами деревьев и искусным плетением гнезд, висящих на них. Это говорило о процветании.

Поляна Главы представляла собой тенистый закуток, обсаженный по кругу нежным буком и желтой осиной. За этот круг обитателям деревни не позволялось заходить.

Мой ранг позволял мне находиться там, но из дипломатических соображений я вежливо предоставил Гортику возможность официально пригласить меня. Он выдвинулся вперед и разрешил мне войти, но сначала разогнал толпу зевак.

Гортик и я устроились на поляне и обменялись ритуальными приветствиями. Мы пожевали корень рыбы и поговорили о богах и погоде. Мы обменялись каждый двумя словами наших торжественных имен, скорее из необходимости и намечающегося взаимного доверия, чем в знак уважения.

Кроме того, мы рассказали о себе. Я не особенно вдавался в подробности, сообщил, что был единогласно избран Главой жителями моей деревни из-за присущих мне храбрости и мужества. На Гортика это произвело впечатление.

Он рассказал, как неоднократно боролся за честь быть Главой своего племени и каждый раз терпел поражение, как в его деревне один за другим правили несколько ужасных вождей, но одного убили за дерзость, другого опозорили, а третьего осмеяли, и только тогда деревенские жители поняли, что Гортик больше всех подходит на это место.

Это была впечатляющая история. Я верил ему не больше, чем он мне, но рассказ мне понравился.

— Не секрет, — заявил он потом, — что ваше племя нуждается в месте, где можно было бы поселиться.

Я кивнул.

— Ты прав. Это не секрет. Каждый может устать от странствий.

— Мне в это трудно поверить. Расстаться с разными впечатлениями, приключениями!

— Да, — согласился я. — Нам нравилось сидеть и говорить о них. Мы оказались смелыми людьми и не побоялись тягот переселения. Но позади нас таились опасности, которые помогали нам быть храбрыми.

И тут я сменил тему.

— У вас здесь богатый район.

— Нет! — запротестовал Гортик. — Если разобраться, то мы

совсем нищие. Совсем бедные. И большую часть неплодородного сезона голодаем.

— Значит, вы неправильно возделываете землю, — заметил я. — Наши смогли бы вырастить на этой почве достаточно пищи, чтобы прокормить обе деревни.

— Ну, ты преувеличиваешь. Мы беспокоимся, как себя самих прокормить. Мы еле выкроили участок, чтобы посадить скромную рощицу домашних деревьев.

— По твоей деревне этого не скажешь — деревьев даже больше, чем надо. Многие пустуют. Да еще домашние деревья выше по склону, которые вообще не используются. Там, за осинником, нашлось бы место и для нас.

— Это наша запасная территория. Она понадобится позже, когда поднимется вода.

— И все-таки этот район довольно обширен. А домашних деревьев там полным-полно.

— Совсем немного, — покачал головой Гортик. — Нам самим едва хватает. Да и состояние у них плохое.

— Чепуха. Наши за несколько дней могут привести их в порядок, а неделю спустя навесить достаточно гнезд на каждом.

— В это трудно поверить.

— Можем продемонстрировать. Я уже говорил, что среди нас много умельцев, которых у вас, очевидно, нет — иначе вы жили бы лучше.

— Мы живем, как умеем.

— Среди вас есть приличный мастер по кости?

— Работа с костью принята на севере. У нас она не в почете.

— Жалко мне вас. Мы владеем многими профессиями, о которых вы понятия не имеете.

— Допустим, мы позволим вам продемонстрировать свои многочисленные дарования — что вы потребуете взамен?

— Право поселиться... ну, скажем, на том участке за лесом.

Гортик медленно покачал головой.

— Эта земля непригодна для людей. Она не приспособлена для жизни.

— Она не подходит вам, ты хочешь сказать. Нам нет необходимости жить возле рек и каждый год переселяться, когда поднимается вода. Мы — народ горный, мы живем за счет овец, коз, пастбищ. Мы не хотим ходить голодными во время неплодородного, жаркого сезона.

— Хм, Лэнт, я сомневаюсь во многих твоих словах. Ваша одежда груба, по крайней мере, плохо соткана. А качество выделки шкур не говорит о том мастерстве, которым вы якобы обладаете. Цивилизованным людям нет необходимости облачаться в шкуры.

— Для твоей деревни это справедливо, — признался я, — но по-

тому, что вы — ткачи. А мы — нет. Мы — ремесленники. Есть у вас, к примеру, мастер по велосипедам?

— Велосипедам?..

— Ага, нет. Это — машина с колесами, которая может перенести своего всадника на огромное расстояние за один день.

— Полагаю, вы используете свиней либо собак, чтобы тянуть повозку.

— О, Гортик, ты лишь продемонстрировал свое невежество. Для велосипеда вовсе не требуется животных — он двигается одной магией.

— Магией? — Гортик не скрывал недоверия.

— Конечно, — ответил я, не без нотки превосходства в голосе. Если люди не знают даже велосипедов, они, несомненно, отстают в развитии. — Человек садится на велосипед, молится и нажимает на педали — чем сильнее он молится, тем быстрее едет. Конечно, тебе приходится много молиться, поднимаясь на холм, но зато в машине запасается столько магии, что почти не приходится молиться на пути вниз.

— Я хотел бы посмотреть на одно из этих сказочных устройств.

— У Шуги один сохранился — уцелел со времени битвы с Пурпурным. Но мои сыновья могут изготовить другие.

— И для меня?

— Конечно.

— И только у меня одного в деревне будет такое устройство, верно?

— Ты здесь Глава, — ответил я. — Если ты почувствуешь, что магия велосипеда слишком опасна для окружающих, твое слово будет законом.

Глаза его хитро прищурились.

— Ты думаешь, я смогу с ним справиться?

Я неуверенно кивнул. Было ясно, чего добивается Гортик. Быть единственным владельцем велосипеда — значит, сильно укрепить свое влияние. Я не хотел бы допускать этого, а также значительно ограничивать рынок сбыта продукции моих сыновей, но если это было все, что я мог предложить ему взамен права остаться, то выбора у меня не было. За Гортиком все еще оставалось право потребовать, чтобы мы ушли, когда Болотный Сезон кончится. Я вздохнул и еще раз кивнул.

Глаза Гортика просияли.

— Тогда решено, Лэнт. Ты и твоя деревня даете мне велосипед, за который мы позволяем вам продемонстрировать свое якобы очень высокое умение делать дома, а также расчищать и приводить для нас в порядок нашу запасную землю.

— О, Гортик, друг мой, — ответил я. — Манеры твои вежливы, но условия соглашения изложены неправильно. Мы даем на

время велосипед лично тебе. А взамен ты благодаришь нас вашей запасной землей. Мы же в знак нашей доброй воли обещаем научить твоих людей всему, что необходимо для жизни в неплодородный сезон.

— О, Лэнт, мой верный друг, мой товарищ на всю жизнь, это ты неверно изложил условия соглашения. Ты забыл о подаренных десяти баранах, которые ты предложил для великолепного пира в мою честь.

— О, Гортик, мой преданный брат, мой великодушный наперстник, я о них не забыл. Я просто о них не подумал. Такой пир устраивается в честь тех богов, что свершали небывалые чудеса.

— Лэнт, спутник моих детских лет, неужели я не заслужил этой чести?

— Ах, Гортик, мы не просто товарищи, мы вскормлены одной грудью. Я ни в чем не могу отказать тебе. Только попроси — и это твое. И я тебе предлагаю из безграничного влечения к тебе шесть овец, которых твои люди смогли бы пасти как своих собственных.

— Но, Лэнт, прославленный мой Советник, мои люди не пастухи. Животные погибнут.

— Гортик, Гортик, мудрость твоя велика. Конечно, мы не можем доверить овец неопытным пастухам. Ты выделишь троих молодых мужчин, чтобы они присматривали за ними. Мы будем держать твоих овец вместе с нашими и учить твоих людей. А Шуга просветит их насчет нужных заклинаний.

— У меня нет лишних людей.

— Тогда — мальчиков. Мальчики любят животных. Наши пастухи научат любых трех ваших мальчиков, как правильно ухаживать за овцами и не пасти их долго на одном месте.

— В костях овец много магии, ведь верно? Не откуда ли так много могущества у твоего волшебника? От овец?

— Я не знаю источника могущества Шуги, — ответил я. — Но ты прав — в овцах много магии.

— Тогда каковы гарантии, что вы не используете эту магию против нас?

— Твоя деревня тоже не лишена могущества. Каковы ваши гарантии, что вы не обратите против нас свою магию?

— У тебя есть свой волшебник, — возразил Гортик.

— У тебя тоже есть, — напомнил я.

— Да, это так, — согласился он.

На какое-то время наступило молчание.

— Надо решить, что делать — пока они сами этого не решили, — сказал я. — Вражда между ними не предвещает ничего хорошего ни одной из сторон.

— Да, — кивнул он. — Обе деревни могут погибнуть.

— И еще многое вокруг, — добавил я.

Гортик испуганно посмотрел на меня.

— Я уже говорил с Шугой, — сказал я быстро. — Я знаю, что теперь он не замышляет нападения на Пурпурного — правда, не обошлось без уговоров. Но я убедил Шугу, что для нас это важно, а для того, чтобы здесь поселиться, ему необходимо принести клятву перемирия с Пурпурным. Взамен, конечно, он — да и все мы — хотели бы получить какие-то гарантии от Пурпурного.

— Хорошо, — сказал Гортик. — Но ручаться за Пурпурного я не могу. Никто не может говорить за Пурпурного, кроме самого Пурпурного. Честно говоря, мне совсем не нравится, если по соседству окажутся два враждующих между собой волшебника. Наличие в деревне даже одного волшебника, такого, как этот, мне не по душе. Между нами, между мной и Пурпурным мало общего. Мы с Дорси были хорошими друзьями. Сила Дорси поддерживала меня, как Главу, но сменивший его Пурпурный ничего для меня не сделал.

— Хм, — задумчиво протянул я. — Разве зря говорится, что там, где появилось двое волшебников, очень скоро останется один?

Гортик кивнул.

— Один из них неизбежно должен умереть.

— Я знаю. Шуга давно думает об этом.

— И я тоже. Даже если наши волшебники принесут клятву перемирия, положение все равно останется очень опасным. Долго это не продлится.

Я кивнул. Он, конечно, был прав.

— Но, быть может, это даст нам возможность продержаться до тех пор, пока океан уйдет.

— А что потом? Тебе нужно постоянное место для деревни. Мне нужен постоянный волшебник.

— Пурпурный намерен покинуть вас?

— Он говорит об этом с самого начала, с того дня, когда свалился на нас с неба. Пока что волею обстоятельств он был вынужден остаться — как и мы. Но если подвернется случай, многие в нашей деревне были бы только рады ускорить его уход.

— Можно подумать. Ты хотел бы, чтобы Пурпурного не стало?

— Конечно, мне не следовало бы говорить об этом, — согласился Гортик. — Глава деревни не должен вмешиваться в дела своего волшебника. Но — если между нашими двумя колдунами состоится дуэль, я не буду особенно разочарован, если Пурпурный проиграет.

— Но ты говорил, что не хочешь дуэли.

— Конечно, не хочу. Если честно, Лэнт, я бы предпочел, чтобы он ушел по собственной воле, по возможности, без эксцессов. Но если понадобится, я не буду против насильственного выдворения.

— Я тебя понимаю, — сказал я. Пурпурный не помогал Горти-

ку, как был обязан. Гортику хотелось, чтобы тот ушел. Лучше жить совсем без волшебника, чем с плохим волшебником. Это было мне знакомо.

— Знаешь, Гортик, если найдется какой-нибудь способ выжить Пурпурного из деревни, то мы это для тебя сделаем.

— И замените его Шугой?

— Ну... — осторожно произнес я. — Тебе бы этого хотелось?

Мне, например, вовсе не улыбалось отдать Шугу в другую деревню.

— Определенно, нет! — сказал он.

— Вот и прекрасно. Тогда Шуга остается у нас.

— Но, Лэнт, — напомнил Гротик, — я, конечно, хочу избавиться от Пурпурного, но не ценой разорения этой земли. Мне вовсе не хочется становиться переселенцем вроде тебя.

— Хм-м, — сказал я задумчиво. — Это делает проблему более сложной. Но давай по порядку. Для начала обезопасим себя от наших волшебников клятвой о перемирии. Это даст Шуге возможность освоиться с местными заклинаниями.

— Это будет несложно, — согласился Гортик. — Большая часть магических устройств погибла тогда же, когда умер Дорси. Уцелело немногое, и Пурпурный ни одного из них не восстановил.

— Шуга сможет это сделать, — энергично заявил я. — Он знает все сто одиннадцать деревенских заклинаний.

— Это хорошо. Нам может быть от них большая польза. Ты, наверное, заметил, что многие деревья пустуют? Часть наших людей убежала после появления Пурпурного — они боятся жить в деревне с ненормальным волшебником.

— Я их понимаю, — ответил я.

— Конечно. Хороший Глава всегда сочувствует людским бедам!

— Тогда ты должен считаться одним из лучших.

— И ты тоже, Лэнт. Ты подлинный светоч веры.

— О, Гортик, я — лишь тень на фоне твоей яркости.

— Ах, зачем сравнивать одно солнце с другим?

— Нет, конечно, нет — здесь и не может быть сравнения. Одно — яркое, но маленькое. Другое — огромное, но тусклое. Хотя оба освещают мир одинаково хорошо.

— Оба нужны и оба прекрасны, — сказал Гортик.

— Как мы, — добавил я.

— Конечно. Это настоящее счастье, что мы почти во всем друг с другом согласны, Лэнт. Будет нетрудно составить договор, одинаково справедливый для наших деревень.

— Как же это может быть, если каждый из нас больше думает о других, чем о себе?

— О, Лэнт, какой же ты словесный искусник, какой мастер. Но вот насчет овец — шестерых будет недостаточно...

— Более, чем достаточно, мой Гортик, если ты планируешь прислать только трех мальчиков...

На том мы и договорились.

29

Мы сделали передышку и почти до голубого рассвета жевали корень рыбы. Предстояло много чего обсудить и много корня сжевать. Когда мы расправились с тем, что у нас было, то уже немного покачивались. Корень оказался что надо. Хороший корень. Джэрк смог бы приготовить из него отличное пиво.

— Пурпурный! — заявил Гортик. — У Пурпурного должен быть корень рыбы! Пурпурный его жует, когда у него плохое настроение — а последние дни плохое настроение у него все время.

— Вот и хорошо. Давай его навестим. А раз уж там будем, заодно и сообщим о нашем договоре.

— Опять ты о делах, Лэнт. Я поражен твоим трудолюбием.

Мы нашли Пурпурного ухаживающим за своим небольшим огородиком трав и растений. Корень рыбы оказался не единственным сбраживающим средством. Нашлись и другие. О некоторых я знал, о большей части не имел понятия. Джэрк будет обрадован этими новостями.

— Эй, Пурпурный!? — окликнули мы его.

Он скосил глаза в нашу сторону.

— Кажется, это мой старый друг Лэнт? — произнес он.

Друг?.. Я содрогнулся. Скрипнул зубами и сказал:

— Да, это я, Лэнт. Мы пришли с Гортиком поговорить с тобой.

Я старался произнести это со всей возможной строгостью.

— А-а... — Пурпурный колебался. Казалось, что-то смущает его. — Как ты поживаешь, Лэнт? Как твоя семья, твои жены?

Ну и странные вопросы! Чего ради он интересуется моими женами? Но что поделаешь, Пурпурный всегда отличался странностями.

— С моими женами все в порядке, — ответил я. — Моя первая жена вскоре ожидает ребенка. Шуга сказал, что это будет дочь, но поскольку она уже принесла мне двоих сыновей, то я не могу быть на нее в претензии.

— Ожидает ребенка?

Пурпурный словно был напуган этим. Он принялся что-то лихорадочно подсчитывать на пальцах.

— Получается почти девять... — он посмотрел на меня. — И когда ожидает?

— Через три руки.

Он снова углубился в подсчеты.

— Три раза по пятью пять — семьдесят пять. Голубых дней,

конечно... Теперь посмотрим, что получается, если перевести их в обычные... Ага, через четыре с половиной месяца... Уф! А я было подумал...

— Что подумал?

— Не имеет значения. Я просто рад, что у вас не случается таких вещей, как период вынашивания в тридцать с половиной месяцев...

Он опять нес какую-то чушь — беременности дольше двухсот пятидесяти голубых дней не бывает. Сколько это будет месяцев — я понятия не имел, хотя он применял этот термин примерно в том же значении, что и я,— руку дней. Вероятно, это был его способ подсчета числа дней. Пурпурный упоминал как-то, что его дни — стандартные дни, как он их называл — наполовину длиннее, чем наши.

Наши дни, ясное дело, измеряются прохождением голубого солнца, вне зависимости от положения красного. Гортик рассказывал мне, как однажды Пурпурный растерялся — он не мог поверить, что уже середина ночи, а все потому, что красное солнце еще стояло высоко в небе. Странное дело — почему периоды света и темноты должны соответствовать понятиям ночи и дня? Такое бывает только во время соединения.

В самом деле, я не мог понять его озабоченности в связи с предстоящим рождением моего ребенка. Я спросил:

— Пурпурный, почему ты так беспокоишься?

— Хм...

— Не потому ли, что ты сделал кое-что с моей женой в день последнего соединения?

Пурпурный побледнел.

— Я... я... Лэнт, прости меня...

— Простить тебя? Почему я должен тебя прощать?

Пурпурный испуганно подался назад, выставив руки, словно защищаясь.

Я сказал:

— Шуга рассеял возле твоего гнезда пыль желания. Ты не смог совладать с собой.

— Ты хочешь сказать... ты думаешь, я это сделал из-за заклинания?

— Разумеется, это было заклинание. Оно является частью дуэли.

Теперь он, казалось, успокоился. На его лице вновь появилась краска.

— Тогда я напрасно волновался — мне вообще не следует беспокоиться о ребенке.

— А почему тебе следовало беспокоиться? Шуга знает, когда ребенок был зачат и когда он будет рожден.

Пурпурный кивнул.

— Да, Шуга, вероятно, хорошо разбирается в таких вещах.

— Да, — подтвердил я. — Ребенок — твоя дочь, все правильно.

Он опять побледнел. На этот раз я подумал, что он упадет в обморок. Кровь приливала и отливала от его лица с такой скоростью, что он еле стоял.

Я продолжал:

— Когда мы поняли, что ребенок твой, я чуть было не убил жену...

— О, нет, Лэнт, нет...

Я посмотрел на него с недоумением.

— Пурпурный, я же тебе уже сказал, что ты не мог с собой справиться. А она — только женщина! Женщины не умеют отказывать в ласке. Нет, мы должны были убить ее потому, что она вынашивала ребенка демона, но Шуга запретил. Ребенок должен быть выношен и рожден, как любой другой. Только тогда мы сможем определить, добрым демоном является ребенок или злым. Шуга считает, что девочка будет обладать большой магией. Он полагает, что сможет контролировать ее.

Я пожал плечами.

— Меня это мало касается. Если ребенок — демон, Шуга обязан мне уплатить за право его контролировать. Любой, согласно обычаю, может предложить жену гостю. Будем считать, что я предоставил тебе привилегию гостя, чтобы укрепить добрые отношения между нашими племенами. То, что она дочь волшебника, прибавит ей цену, когда я ее продам на седьмой год-день, но девчонка — это только девчонка, не стоит тратить время на разговор с ней.

— М-м, да, — пробормотал Пурпурный. Было видно, что он чем-то смущен. — Еще один вопрос. У всех ваших женщин срок беременности такой длинный?

— Что значит «длинный»? Двести пятьдесят дней — самый правильный срок беременности.

— Двести пятьдесят... — Пурпурный опять занялся подсчетами. — Тринадцать с половиной месяцев,— сообщил он.

И он принялся бормотать про себя:

— Ладно, я догадываюсь, что это необходимо... Вероятно, лишние четыре с половиной месяца нужны потому, что здесь такие нестабильные условия. Это позволяет развивающемуся младенцу дополнительно окрепнуть и быть более подготовленным к жизни во враждебном мире. Да, да... Теперь понятно, почему...

Мы с Гортиком переглянулись. Я сказал:

— Вижу, он до сих пор городит чепуху.

— Не так часто, как ты думаешь, — возразил Гортик. — Теперь он редко пользуется демонским языком.

— Что ж, это хорошо. Можно ли считать человека цивилизованным, если он не говорит на цивилизованном языке?

Я обратился к Пурпурному:

— Но мы пришли поговорить с тобой об очень важных вещах.

— Верно, — вмешался Гортик. — У тебя есть созревший корень рыбы?

Я снова убедился, что этот Глава — не из тех, кто даром тратит слова. Он сразу переходил к делу.

Пурпурный поскреб свой безволосый подбородок, кажущийся серым из-за множества крохотных черных точек. Еще одна странность. Он сказал:

— Думаю, могу немного поделиться.

Он пошарил по своим грядкам, затем решил что-то и исчез в гнезде.

Он вернулся почти сразу же с корзиной клубней.

— Вот, уже очищенные. Берите сколько надо.

Гортик повесил корзину на руку.

— Спасибо, Пурпурный. Это будет в самый раз.

Пурпурный посмотрел немного косо, но возражать не стал. Я удивился про себя: что это за волшебник, если с ним обращаются не лучше, чем с торговцем зерном? Не наделен ли Гортик особого рода властью над Пурпурным? Или, может быть, Гортик уверен, что Пурпурный не будет использовать против него свою силу. Но откуда эта уверенность?

Возможно, промелькнуло у меня в голове, Пурпурному позволили здесь остаться по одной единственной причине: его невозможно убить. А если бы могли — с ним бы в одну минуту разделались.

Ничего странного, что Гортик с такой охотой принял предложение помочь отделаться от волшебника. Пурпурный был хуже, чем неумейка,— он был опасным глупцом. И они пытались с ним бороться также, как мы четверть цикла назад.

Не удивительно, что Гортик так невежливо с ним обошелся — он надеялся оттолкнуть Пурпурного своей грубостью.

Но с Шугой он так обращаться бы не стал, подумал я. Шуга проклял бы его безволосостью, даже глазом не моргнув.

Гортик протянул мне корень рыбы, я принялся неторопливо жевать, смакуя его густую горечь. О, корень оказался замечательный! Его острый запах заполнил поляну и пропитал воздух. Мне и моей одежде теперь несколько дней не избавиться от этого запаха.

Мы уже направились назад к деревне, когда я кое-что вспомнил. Я схватил Гортика за руку и потянул обратно.

— Эй, Пурпурный! — крикнул я.

Он посмотрел на меня.

— Да? Что еще, Лэнт?

— Я чуть было не забыл тебе сказать. Я и мое племя получили разрешение поселиться в этом районе — но мы не сможем этого сделать, если вы с Шугой намерены затеять дуэль.

Пурпурный выглядел озадаченным.

— У меня нет намерения начинать дуэль с Шугой.

— Это точно?

— Конечно. Дуэли никогда ничего не решали.

Я покосился на Гортика:

— Теперь ты видишь, почему мы сочли его сумасшедшим?

Гортик хмыкнул:

— Думаешь, ты указал нам на то, чего мы сами еще не заметили?

Я опять обратился к Пурпурному.

— Очень рад это слышать. Шуга тоже будет рад.

Пурпурный задумчиво кивнул. Потом сказал:

— Лэнт, мне показалось, что я видел свои приспособления для глаз, висящими на шнурке у Шуги на шее, когда он приходил на собрание.

— Это трофей, — объяснил я. — Хотя... при известных условиях...

— Я бы принес клятву мира, Лэнт, в обмен на это устройство. Оно мне необходимо, чтобы видеть.

— Ну-у, — протянул я. — Я не знаю. Шуга считает этот трофей очень ценным. Вряд ли он захочет расстаться с ним.

— Не будет линзы, Лэнт, не будет клятвы о мире!

— Ладно, я передам ему твои условия, но уверен, он будет удовлетворен.

— А я еще больше, — сказал Пурпурный.

Великолепно! Дельце оказалось легче, чем я думал. Я был рад. От волнения я даже протянул Пурпурному кусок корня рыбы, чтобы скрепить сделку.

— Это очень разумное предложение.

Пурпурный с полным ртом согласно кивнул.

— Я так не думаю, — заявил Гортик. — Тебе следовало бы запросить побольше.

Я нахмурился.

— Но здесь фактически ничего больше нет, что могло бы мне понадобиться! — сказал Пурпурный. — За исключением разве что...

— За исключением чего?

— Нет, ничего. Вы не сможете мне помочь.

— Но если бы мы, по крайней мере, знали, мы могли бы что-то предложить...

Он посмотрел на нас как на детей.

— Не говорите глупостей, — попросил он. — Вы же не можете помочь мне вернуться домой.

— А-а!

Мы с Гортиком переглянулись. Надо же, он хочет того же, что

и мы. Мы чуть ли пихали друг друга от страстного желания ответить.

— Мы сделаем все, чтобы помочь тебе, Пурпурный, все, что в наших силах! И мы хотим того же, что и ты,— чтобы ты смог вернуться домой, и как можно скорее!

Пурпурный вздохнул.

— Это очень великодушно с вашей стороны, но боюсь, такой возможности нет. Мое летающее яйцо уничтожено. Я не могу подняться в небо. — Он снова вздохнул и потрогал одно из устройств на поясе. — У меня есть средство вызвать большое яйцо, но отсюда сигнал до него не дойдет.

— Большое яйцо? — я чуть не подавился корнем.

— Да. Яйцо, которое Шуга... погубил,— это только маленькая повозка для детального исследования мира. А моя большая повозка осталась в небе.

Я нервно поглядел наверх.

Пурпурный засмеялся:

— Нет, не нужно бояться, Лэнт. Оно не свалится, пока я его не позову. Но я оказался слишком далеко к югу, чтобы это сделать. Если бы нашелся какой-нибудь способ, чтобы я смог вернуться на север...

— Ты хочешь сказать, что тогда бы ты покинул нас? — уточнил Гортик.

Пурпурный понял его неправильно.

— О, Гортик, друг мой, я знаю, что тебе будет больно, но, пожалуйста, постарайся меня понять — я очень хочу вернуться домой, на небо, хочу беседовать, обсуждать и все такое со своими братьями-колдунами...

Гортик изобразил на лице горе.

Пурпурный продолжал:

— Но, увы, пути туда нет. Я не могу отправиться пешком, потому что суша к северу затоплена морем. И не смогу доплыть на лодке. Мне говорили, что в море полно водоворотов. Так что мне не выбраться отсюда. Я — на острове.

Пурпурный еще раз вздохнул и опустился на землю.

Я вздохнул вместе с ним.

— Вот если бы была дорога по воздуху... но по воздуху ничего не двигается, кроме птиц и яиц...

Пурпурный вздохнул в очередной раз и кивнул.

— Если бы ты захотел научить Шугу своему летающему заклинанию, — сказал я, — то сейчас, возможно, не оказался бы в таком незавидном положении.

— Летающему заклинанию? — повторил Пурпурный. Его лицо приняло странное выражение.

Гортик посмотрел с удивлением на него, потом на меня, затем снова на Пурпурного.

— О чем это вы?

Сумасшедший волшебник растерянно беседовал сам с собой:

— Нет, нет... абсурдная идея... Ничего не получится. Да, если бы... — и он продолжал на своем демонском языке, мотая головой, точно пытаясь отогнать пришедшую мысль. Но мысль не уходила — и этот его странный свет в глазах не исчезал. Он яростно спорил сам с собой, пользуясь неизвестными словами.

Неожиданно Пурпурный вскочил на ноги.

— Да, но ведь можно попытаться! — воскликнул он. — И должно получиться! Должно получиться! Это единственный путь!

Он рванулся ко мне, я отскочил назад, но он успел схватить меня.

— Лэнт, скажи — Шуга еще не расхотел летать?

— Разве небо перестало быть голубым и красным? — спросил я в ответ. — Так и Шуга все еще хочет летать.

Пурпурный был доволен.

— О, да, да... это чудесная идея!

Он принялся скакать вокруг своего домашнего дерева.

— Иди, иди... расскажи ему, расскажи... я собрался домой... я собрался лететь!

— Рассказать? — повторил я. — Что рассказывать?

— Скажи Шуге, что я собираюсь построить летающую машину... нет, мы собираемся построить летательную машину... а потом я собираюсь полететь на север, за зимой!

Тут он истерически рассмеялся.

Гортик и я обменялись взглядами. И печально покачали головами. Я не знал, кого мне больше жаль — Пурпурного, который сошел с ума, или Гортика, который был Главой его деревни?

Когда мы уходили, Пурпурный все еще плясал вокруг дерева и распевал во весь голос.

30

Выслушав новости, Шуга не рассердился, но и не высказал удовлетворения, а был просто удивлен.

— Значит, теперь он надумал построить летающую машину. Раньше он мне не мог рассказать, как это делается, из-за чего и дуэль наша вышла, — а теперь, видите ли, захотел.

Он покачал головой.

— Не нравится мне это, Лэнт. Сильно не нравится.

— Но, Шуга, неужели ты не видишь, что это значит? В итоге ты победил — ты же боролся с ним потому, что он не захотел объяснить тебе, как летать. Ты, правда, не убил его, но поставил в

положение, когда он или все тебе покажет, или не сможет вернуться домой.

Шуга был спокоен.

— Ну и что? Почему я должен помогать ему строить летающую машину? Он на ней улетит, а летающего заклинания у меня так и не будет.

— Но ведь он не заберет ее с собой, — заметил я. — Он только слетает в северную страну.

— Он живет в северной стране? — Я думал, он живет по ту сторону неба.

— Нет, он должен сначала добраться до северной страны, а уже оттуда попасть на другую сторону неба.

— Лэнт, ты что-то путаешь. Северная страна — это не другая сторона неба, она к ней даже ничуть не ближе. Я это знаю. Мы с Дорси там учились.

— Но он должен добраться туда, чтобы вызвать большое яйцо.

— Большое яйцо? Ты хочешь сказать, что у него есть еще одно?

— Очевидно, есть... По крайней мере, он так сказал.

— Хм! — пробурчал Шуга. Он в это не поверил.

— Он показал мне волшебное устройство — оно прикреплено к его поясу. Это талисман для вызова, но он не может его использовать, потому что его большое яйцо находится не на этом небе, оно — на северном небе. Поэтому он должен отправиться в северную страну, чтобы им воспользоваться. А для этого ему нужна летающая машина.

— Хм! — произнес Шуга. — А что будет с машиной потом?

— Когда потом?

— После того, как она станет ему не нужна.

Я пожал плечами.

— Не знаю. Думаю, он оставит ее в северной стране — после того, как он вызовет большое яйцо, она ему больше не будет нужна.

— Да, — буркнул Шуга еще раз.

— Ты, вероятно, сможешь забрать ее себе, — предположил я.

— Ха! Ты плохо думаешь, Лэнт! Если я захочу ее забрать, то мне придется отправиться на север или лететь туда вместе с Пурпурным. Нет, мне эта идея не нравится!

— Но если он будет строить летающую машину, ему, несомненно, потребуется помощь. Ты, Вилвил и Орбур можете ему помочь — и если вы сможете построить одну летающую машину, то ясное дело, сможете построить еще одну для себя.

— Хм! — пробормотал Шуга в очередной раз. Глаза его загорелись, как только он прикинул открывающиеся возможности. Действительно, его лицо приняло то самое выражение, какое появлялось у Пурпурного, когда он думал о летающей машине.

— Значит, договорились? — спросил я.

Шуга потрогал линзы, висящие на шнурке.

— Для того, чтобы вместе работать над летающей машиной, сначала требуется заключить перемирие, так?

Я кивнул.

— А это значит отдать мой трофей, да?

Я снова кивнул.

— М-м-м, — протянул он, продолжая вертеть линзы.

— Но — летающая машина, Шуга! — мягко напомнил я. — Подумай об этом. Летающая машина!

— М-м-м! — ответил он. Он о ней тоже думал.

— А когда Пурпурный уйдет, в этом районе не останется ни одного волшебника, — прошептал я. — А уж такого, который мог бы сравниться с тобой, — определенно. Тебе не будет равных — ты сможешь стать волшебником обеих деревень.

— М-м-м! — ответил Шуга.

— И еще подумай! — вкрадчиво подсказал я. — Всего этого ты достигнешь без дуэли!

— Нет, Лэнт, на это я не могу пойти.

— Но почему?

— Мне нельзя без дуэли. Если я хочу заработать авторитет, то должен продемонстрировать, что я — более могущественный волшебник, чем Пурпурный.

— Ну, ладно, ну...

В глубине души я уже перестал мечтать о мирном исходе.

Шуга непоколебимо мотнул головой.

— Я сожалею, Лэнт, но ты знаешь — это неизбежно. Если в одном районе оказываются два волшебника, то дуэль между ними — это не только необходимость, но и соблюдение приличий.

— Ну, Шуга, — быстро вмешался я. — Ты уже превзошел его.

— Нет, я только поставил его в невыгодное положение, уничтожив его гнездо. Сама дуэль только предстоит.

— Но ты же обещал, что не будешь делать этого сейчас...

— Нет. Я обещал, что не стану вызывать его на дуэль, не переговорив сначала с тобой. Вот о дуэли я сейчас с тобой и говорю.

Я чувствовал себя подавленным.

— Но летающая машина...

— Дуэль, — стоял он на своем.

— Но... — беспомощно бормотал я, хотя и понимал, что все напрасно. Если Шуга что-то задумал, его упрямство не прошибешь ничем.

— Ладно, Шуга. Раз такое дело, я пойду и предупрежу жителей деревни.

— Сделай это, Лэнт, но скажи, чтобы они не слишком тревожились.

— Почему? — спросил я с горечью. — Ты планируешь уменьшить побочные эффекты?

— Нет, — ответил он. — Но ведь нет причин, чтобы дуэль началась именно сегодня. Мы можем сначала построить летающую машину.

Мое сердце подпрыгнуло.

— Значит, ты согласен сотрудничать с Пурпурным?

— Конечно нет. Я просто собираюсь позволить ему показать мне, как строятся летающие машины — если, конечно, он это умеет, — ответил Шуга.

Я расслабился.

— А потом, — добавил Шуга, — когда дело будет сделано, я его убью.

31

Голубое солнце находилось на одной стороне неба, красное — на другой. Мир купался в красном и голубом свете, тени тянулись в двух направлениях. Мы ждали на лугу под горой. Все было спокойно.

Предстояла первая встреча двух волшебников — смогут ли они жить в мире?

Пурпурный, полненький, с брюшком, уже ковылял по склону в сопровождении Гортика и его советников. Необычный наряд выделял его из остальных. Пурпурный остановился и подозрительно посмотрел на холм.

Я посмотрел туда же. Шуга величественно шествовал к нам, внушительный, несмотря на свой маленький рост.

Шуга заметил Пурпурного и остановился. Оба волшебника разглядывали друг друга. Один — стоя на холме, другой — снизу. Я затаил дыхание и начал молиться. Затем Шуга сделал один шаг вперед, другой. Пурпурный поступил так же. Я громко и с облегчением вздохнул. Оба волшебника сближались осторожно. Остановились друг против друга, один за моей спиной, другой — за спиной Гортика. Мы оказались между двумя колдунами. Являясь главами своих деревень, мы решили встать именно так. Если волшебники вздумают напасть друг на друга, то мы сумеем их остановить.

Шуга и Пурпурный настороженно поглядывали друг на друга.

— Оба — вместе! — выкрикнул Гортик и я.

Шуга и Пурпурный нехотя сошлись, протянули друг другу правые руки, затем и левые тоже. Теперь ни один не мог извлечь колдовские приспособления, ни один из них. Они впились глазами друг в друга.

Я посмотрел на Гортика и кивнул. Он кивнул в ответ. Мы одновременно повернулись каждый к своему волшебнику, срезали

пряди их волос, два кусочка ногтя, взяли каплю крови и немного слизи из носа.

Волшебники наблюдали, как мы смешиваем эти компоненты в помещенной между ними чаше, затем делим содержимое на две равные части, затем раскладываем их по мешочкам, один для Шуги, другой для Пурпурного.

— Вот так, теперь ни один из вас не сможет проклясть другого, не повредив себе. Любая неприятность, случившаяся с одним, случится и с другим, так что вам лучше стремиться к благополучию друг друга.

Волшебники продолжали хмуриться.

— Повторяйте за мной, — сказал я, — повторяйте в унисон, чтобы ваши клятвы звучали, как одна: я... назовите свое полное имя, включая секретные слоги... торжественно клянусь...

— Торжественно клянусь...

— Любить, почитать и лелеять...

— Любить, почитать и лелеять...

— Моего брата волшебника, как себя самого...

Я повернулся к Шуге:

— Согласен ли ты, Шуга, выполнять условия этой клятвы?

Его глаза полыхали от ярости.

Немного погодя я повторил.

Он пробормотал что-то.

— Громче! — потребовал я и лягнул его.

— Да! — резко ответил Шуга.

Гортик нагнулся и надел кожаное кольцо на третий палец левой руки Шуги.

Я повернулся к Пурпурному:

— Согласен ли ты, Пурпурный, выполнять условия этой клятвы?

Он проворчал:

— Согласен.

— Прекрасно! — Я надел кольцо на его палец. — Пока вы на этом острове, кольцо на пальце будет напоминать о ваших обязательствах друг перед другом. Постарайтесь выполнять их. Теперь властью, данной мне, как Главе верхней деревни, властью, которую признал каждый из вас самим фактом присутствия здесь, и властью, которую мне доверил Гортик, позволив провести эту церемонию, я объявляю обоих волшебников заключившими перемирие!

Они все еще стояли, поглядывая друг на друга.

— Благоприятный знак, — пробормотал Гортик. — Они не попытались разделаться друг с другом.

— М-м,— ответил я.

Пурпурный напрягся и сделал шаг вперед.

— Мое устройство для глаз? — сказал он и протянул руку.

Шуга медленно снял шнурок с линзами и неохотно отдал.

Пурпурный принял их бережно, с благоговением. Подрагивающими руками он их протер мягкой тряпочкой и водрузил на нос. Потом поднял на нас глаза.

— Лэнт, Шуга, Гортик... до чего же здорово вас видеть! Я хочу сказать, по-настоящему видеть!

Он непроизвольно шагнул вперед и вцепился в правую руку Шуги.

— Шуга, благодарю тебя! Благодарю за заботу о них!

Он улыбался — он действительно так думал.

Шуга не мог справиться с удивлением. Он пробормотал:

— Пожалуйста, — даже не сознавая своих слов. — Теперь мы можем строить летающую машину?

— Да, — засмеялся Пурпурный, — теперь мы сможем построить летающую машину.

Гортик и я переглянулись. Начало было положено. Лишь бы только они отказались от попытки убить друг друга.

32

Я начинал понимать, что подразумевал старый Фран, когда любил говорить:

— Мужчина не может стать Главой, пока не проведет сначала стадо коз через джунгли.

Я действительно начал подозревать, что пасти коз — занятие более легкое.

Например, оказалось, что именно я должен организовать строительство летающей лодки. Я назначил Вилвила и Орбура своими официальными помощниками и проинструктировал их, чтобы они не оставляли Шугу и Пурпурного наедине — ни под каким предлогом. Мальчишки уныло кивали. Они прекрасно все понимали, но все-таки согласились — им очень хотелось строить летающую машину.

Вот если бы и другие мужчины деревни согласились признать мое старшинство! Я с горечью улыбнулся при этой мысли.

Хинк и прочие решили остаться, затем они надумали переселяться, потом опять решили остаться — после чего обнаружили, что остаться — значит расчистить верхний склон, привести в порядок домашние деревья, построить к тому же гнезда, да и вообще сделать участок пригодным для жилья, — и им сразу же захотелось отправиться куда-нибудь подальше. Они готовы были заниматься чем угодно, только не работать.

Если говорить честно, то лес тут был запущенный — деревья опутали дикие красные лианы, подходы к ним заросли косматыми черными кустами. Повсюду висели обломившиеся ветки и гнезда

жалящих пчел. Серая паутина оплела все вокруг, а однажды мы наткнулись на дупло с коршунами-вампирами.

По всей округе деревья казались ухоженными, выглядели приятно, но здесь, именно в том месте, где мы предполагали поселиться, словно сконцентрировалась вся дикость леса.

Правда, может быть, мы всего этого не замечали, пока не принялись за работу. Все страдали от укусов, женщины постоянно выглядели изможденными. Мы, мужчины, питались плохо — порой хуже, чем во время переселения, и жили в хаосе, но, в целом, это было прекрасное время.

Шуга появлялся каждое утро на восходе голубого солнца и благословлял день поспешной молитвой:

— Благословенно искусство твое, Оуэлс, отец и мать всех богов, которое понуждает наших женщин работать на нас.

После чего исчезал в своем гнезде и спал до полудня.

Пастухи между тем нашли несколько прекрасных пастбищ для овец. У нас появилось четверо новичков-пастухов, способных вытаскивать репейники у овец и расчесывать шерсть. Это, конечно, высвободило несколько опытных человек для работы с нами в лесу.

Постепенно жизнь становилась более удобной, чем скитания и бродяжничество.

Когда у нас появилось достаточное количество домашних деревьев и гнезд, Хинк начал опять поговаривать о ткачестве и проверять пригодность различных волокнистых деревьев и растений. Джэрк ежедневно возился с разными экзотическими видами корней и трав, проверяя их пригодность для приготовления пива. Аиг из-за отсутствия болот и лягушек занялся рыболовством.

А я...

Теперь, когда я устроил дела двух деревень и их волшебников, то чувствовал себя готовым вернуться к профессии мастера по кости.

33

Фрон Медный Кузнец был торговцем металлом и членом Гильдии Советников нижней деревни. Хмурый и широкоплечий здоровяк с жесткой коричневой шерстью на голове. Мне показалось, что мои изделия он рассматривает с неодобрением. Я не мог понять его враждебности. Я забрал из развалин нашей деревни только самые ценные куски окаменевшей кости. Потом, во время странствий, я увеличил запас, натыкаясь на скелеты, сухие от старости и твердые как камень. На Фрона это должно было произвести впечатление, но не производило.

— В чем дело? — спросил я. — Боишься конкуренции?

— Да! — грубо ответил он. — Кость не может соперничать с

металлом. Она недостаточно прочна. Медный молоток не сломается там, где костяной разлетится.

— У кости есть другие области применения. Я могу вырезать церемониальные чаши и ритуальные орнаменты.

— Верно, — согласился кузнец. — Но почему бы тебе не обсудить этот вопрос с Белисом-горшечником, у него наверняка найдется что сказать по этому поводу.

Белис считался в районе одним из лучших мастеров в своей области. Действительно, он мог делать из глины то, чего я не мог изготовить из кости.

— Но, — предположил я, — не можешь же ты делать принадлежности для ритуалов и празднеств? Боги, несомненно, будут оскорблены использованием чаши или украшения без души. Только кость обладает душой.

Белис, коренастый мужчина, невысокий и сутулый, посмотрел на меня мудрыми глазами.

— Мой отец использовал глиняные чаши для освещения всех своих детей, и моя семья использует глиняные чаши для всех нужд. Если бы нашлись боги, которых оскорбляют глиняные сосуды, мы бы давно от них об этом услышали.

Может быть, твоя согнутая фигура и является свидетельством их недовольства, подумал я. Но у меня не было желания с ним ссориться, поэтому я напомнил:

— Но глина не имеет души.

— Тем более ее нужно использовать. Ты можешь с ней делать все, что угодно, не спрашивая разрешения у силы, в ней сокрытой.

Как и торговцы костью в моем районе, Белис Горшечник понимал, по крайней мере, самую элементарную магию.

— Твоя профессия устарела, Глава Лэнт. Скоро ты поймешь, что здесь нет спроса на кость.

— Ну, насчет спроса я могу не волноваться! — возразил я. — Шуга не так легко отвыкает от старых обычаев, хотя бы он будет нуждаться в моем ремесле.

— Да? — сказал Белис. — Видишь вон ту кучу чашек и горшков? Видишь вот этот, который я сейчас делаю? Так все это — для Шуги. Мне легче сделать глиняную чашу, чем тебе вырезать ее из кости. К тому же Шуга может сразу использовать их. В них не таится скрытых влияний, которые надо нейтрализовать.

Я почувствовал неуверенность. Конечно, Белис был прав. Для волшебника преимущества глины над костью были огромными. Для обычного человека тоже — ему не придется произносить молитву сожаления, если он ненароком разобьет чашу, он просто выбросит черепки — вот и все.

Я уже инстинктивно понимал — спроса на кость здесь не предвидится. И вероятно, его никогда не было. Лучшей костью является

кость окаменевшая, но здесь кость не сможет окаменеть — слишком влажный климат. Мне следовало догадаться об этом раньше.

Теперь я мог понять, почему Хинку и прочим приспичило двигаться дальше. Хинк был ткачем — но здесь ткачи были лучше. Джэрк был специалистом по пиву — но здесь имелось такое обилие сбраживающих растений, что любой мог сварить себе пиво сам. Я же был мастером по кости — но костяные изделия здесь никто не использовал.

Но, хотя мы и собрались идти дальше, сделать мы этого не могли, пока море не спадет — а до этого было еще очень далеко. И я сомневаюсь, что тогда кому-нибудь захочется пуститься в путешествие — уже сейчас многие говорили, что довольны своими новыми домами.

Гортик говорил мне, что на время сухого сезона этот остров становится полуостровом, частью огромного южного континента. Его массив можно видеть по ту сторону пролива, примерно в двадцати милях.

Ничего странного, что я не встретил здесь торговцев костью — они вымерли с голоду. Когда местные жители хотели подчеркнуть тщетность, бесполезность чьих-либо усилий, они говорили: шел бы ты лучше из кости вырезать!

Ладно, раз я оказался без профессии, то придется сосредоточиться на управлении своей деревней. Я прикидывал, не предложить ли своим людям выплачивать мне определенную незначительную долю за обязанности Главы. Я слышал о деревнях, в которых Глава берет дань с каждого взрослого мужчины. Но я чувствовал, что мое племя начнет активно возражать. Мой авторитет был еще слишком мал, чтобы рисковать, подвергая власть такому испытанию.

Значит, меня будут содержать Вилвил и Орбур, ничего другого не оставалось. Но увы! Сыновья работают сейчас в нижней деревне с Шугой и Пурпурным, которые заботятся о юношах. Если учесть, что волшебников содержат деревни, то они бы могли содержать и мою семью, даже не зная об этом. Гортику можно сказать, что я решил на время отказаться от своей профессии, пока дела, связанные с Пурпурным и Шугой, не будут завершены. Мое дипломатическое мастерство необходимо, чтобы обеспечить их совместную работу и ускорить отъезд Пурпурного.

Гортик должен согласиться с этим. И я отправился сообщить ему свое решение.

34

Я застал Пурпурного и Шугу спорящими возле шкуры для письма, покрытой непонятными рисунками. Вилвил сидел на камне, плача от бессилия. Орбур его успокаивал. Источник волнения был

налицо. Пурпурный пытался убедить Шугу, что линии на рисунке соответствуют летательной машине. Шуга не мог этого понять, я — тоже.

— Послушай, дурья башка, — выкрикивал он, — шкуры животных не летают. Чтобы шкуры животных по крайней мере двигались, в них должны быть животные.

— Шкура и не должна летать! — вопил Пурпурный. — Она нужна, чтобы нарисовать на ней линии летающей машины!

— О! Значит, летают линии?

— Нет... эти линии не летают, они изображают летающую машину. Это... — Он запнулся, подбирая нужное слово. — Они — копия.

— Чепуха, — отрезал Шуга. — Будь это копия, она сама была бы летающей машиной. Как же она может быть копией и не быть летающей машиной?

— Это неработающая копия... — настаивал Пурпурный.

— Не глупи — твои слова противоречат сами себе. Это все равно, что сказать: неработающее заклинание!

Пурпурный пробормотал что-то на своем демонском языке.

— Это — как кукла, Шуга, это...

— Это я и имел в виду, — оборвал его Шуга. — Кукла означает личность, личность воплощается в кукле. Чего тут непонятного.

— Кукла не личность! Кукла... это кукла! — резко ответил Пурпурный.

— А ты — лягушачья морда! — парировал Шуга.

— Ха! Чтоб овца помочилась на тебя, опорожнив весь свой мочевой пузырь!

— А ты сам — этот самый пузырь!

И они закатали рукава, готовясь швыряться проклятиями. Я, не раздумывая, встал между ними. А если бы подумал, то двигался бы теперь в прямо противоположном направлении.

— Прекратите... вы... оба! Хотите уничтожить еще одну деревню?

— Стоило бы это сделать, если это уберет с моих глаз этого пожирателя плесени!

— Тварь, вроде тебя, только и достойна жить, что в моих испражнениях!

— И что дальше? — поинтересовался я. — Не можете подождать, пока спадет вода? Погубите весь остров, а сами куда денетесь?

Они заколебались. Прежде чем их ярость успела разгореться снова, я добавил:

— Кроме того, вы дали клятву перемирия. Так что ни вражды, ни дуэлей быть не может. Со всеми разногласиями обращайтесь ко мне... Итак, в чем проблема?

Оба заговорили одновременно — как дети:

— Этот навозный жук даже не знает, как делать самые простые...

— Стоп! Прекратите! — Я повернулся к Орбуру. — Ты понял из-за чего спор?

Он кивнул:

— Они оба пустоголовые.

Волшебники уставились на него, готовые разразиться проклятиями, но Орбур не испугался. Он сказал:

— Мы с Вилвилом поняли, что хочет Пурпурный. Если он немного помолчит, мы можем начать делать раму для машины. Но мы ничего не сможем сделать, если будем торчать здесь, пялиться на рисунки Пурпурного и пытаться что-то втолковать Шуге.

— Но рисунки, — не сдавался Пурпурный, — необходимы для того, чтобы построить летающую машину.

— Прекрасно, — сказал Вилвил. — Рисуй их, когда мы кончим. Тогда машина будет у тебя в качестве образца, который можно срисовывать.

— Но... но так не годится, — завопил Пурпурный.

Я поглядел на шкуру. Линии казались черными на коричневом фоне. Даже со своим устройством для глаз зрение Пурпурного не было слишком хорошим.

— Я не вижу, чем они так важны, — заметил я.

— Но это... Понимаешь, мы сначала рисуем машину, а потом ее строим.

— Значит, это часть заклинания? — спросил я.

— Да, конечно, можно понимать и так.

— Ладно. Тогда почему же ты не сказал этого раньше? — спросил Шуга.

— Я... не знаю.

Я посмотрел на них обоих.

— Ясно. Будем считать происшедшее недоразумением, хорошо?

— Верно, — согласился Пурпурный, все еще выглядевший смущенным. Шуга кивнул.

— Прекрасно. Тогда вот что мы сделаем — Вилвил и Орбур начнут строить раму машины, Пурпурный пусть делает свои рисунки, а Шуга... Шуга пусть тоже чем-нибудь займется. А я останусь здесь и помогу вам все организовать.

Они уставились на меня.

— Ты? Будешь организовывать?

— Кто-то должен распределять работу, обеспечивать материалами.

Они поняли мудрость моего предложения и кивнули.

— Кроме того, — добавил я, — всегда понадобится кто-нибудь вроде меня, чтобы разрешать ваши разногласия. Значит, так...

Вилвил, и ты, Орбур, можете начинать сооружать здесь раму и что там еще надо, а...

— Нет, отец. Мы думаем строить раму на Скале Идиоки.

— Почему? Вам придется поднимать туда все необходимые материалы.

— Зато это высокое место, хорошее место для запуска летающей машины. И море не поднимется так высоко. Мы сможем работать на всем протяжении Болотного Сезона, если понадобится.

— Хм-м. Предложение дельное. Тогда ты и Орбур можете начинать строить раму на Скале Идиоки, а Пурпурный останется здесь рисовать свои рисунки. А Шуга... Шуга пусть читает руны доброго счастья.

Шуга, казалось, был не особенно польщен моим поручением, как и Пурпурный. Они пытались возражать, но я не стал их слушать. Я подгонял Вилвила и Орбура, чтобы те скорее начали перетаскивать инструменты на скалу.

— Теперь так, — заявил я Пурпурному, — если уж я взялся организовывать этот проект, мне нужно знать, что я делаю. Какие материалы вам потребуются?

Пурпурный начал:

— То, что мы строим, представляет собой гигантскую лодку, размером в пять, может быть, в шесть человеческих ростов длиной. Мы прикрепим...

— Погоди, погоди. Лодка? Я полагал, ты намерен летать...

— Ну, да, я все обдумал. Можно было бы использовать корзину, но если мне придется опускаться на воду, то пусть уж я лучше окажусь в лодке.

— В этом есть смысл, — согласился я. Даже Шуга кивнул. — Далее... как твоя лодка будет летать?

— Мы изготовим большие мешки, в которые запрем более легкий воздух, чем обычный. Мы прикрепим их к лодке — они поднимут ее, и лодка поплывет по небу.

Шуга призадумался.

— Воздух, который легче воздуха? Он не похож на те пузыри с отвратительным запахом, которые поднимаются из болот?

— Ты пытался использовать болотный газ, чтобы сделать летающую машину?

Шуга энергично кивнул.

— Это гораздо разумнее, чем все, что я ожидал от тебя, Шуга... Ты более развит, чем я предполагал. Да, именно это мы и собираемся сделать. В принципе, это будет представлять собой... Мы не станем собирать газ из болота...

— Газ? — переспросил Шуга. — Ты используешь слово...

— Да, газ, — ответил Пурпурный, возбужденно размахивая руками. — Воздух — это множество газов, смешанных вместе. Газ,

который мы будем использовать, мы получим из воды. А теперь — видите вот это? — Пурпурный показал на нарисованный на шкуре круг. — Это большой мешок. Мы наполним...

— Но это же не мешок! — неожиданно крикнул Шуга. — Это рисунок!

Но тут я оттащил Пурпурного в сторону и порекомендовал ему не пытаться использовать рисунки, чтобы что-то объяснить Шуге. Шуга не признает заклинаний в форме рисунков, потому что он их не понимает.

Пурпурный пожал плечами и вернулся на место.

— Ладно, Шуга. Ты прав. Это — рисунок. Но мы используем большие мешки, чтобы поднять вверх лодку. Мы наполним их нутро газом легче воздуха.

Тут он повернулся ко мне:

— Вот, что нам потребуется. Первое: корпус лодки. Местные мастера не знают, как строить такие большие лодки, как у вас на севере. Но Вилвил и Орбур в этом разбираются. Они смогут обучить местных строителей. Второе: нам необходима ткань, хорошая ткань, из которой мы сошьем мешки. К счастью, ткачи здесь превосходные мастера. Третье: нам нужен газ, чтобы наполнить им мешки. Газ я беру на себя.

— Тогда все решено, — сказал я. — Мы легко сможем построить летающую лодку.

— Нет, — возразил Пурпурный. — К сожалению, твои сыновья до сих пор не могут подобрать подходящий материал для корпуса лодки.

— Да? А я понял, что ты только что сказал...

— Они знают, как строить лодки из тяжелого дерева,— и только, — объяснил Пурпурный. — А эта лодка должна быть легкой и вместе с тем крепкой. Она должна быть изготовлена из самого легкого дерева. Во-вторых: качество местной ткани все-таки непригодно для мешков. Она слишком грубая. Мы собираемся научить ткачей изготавливать более тонкий материал.

— А как насчет газа? — спросил Шуга. — Есть какая-то причина, почему мы его не сможем получить?

Пурпурный покачал головой.

— Нет, это не сложно — разделить воду. Я могу воспользоваться своей батареей, или Фрон Медный Кузнец построит мне искровое колесо.

— Разделить воду? Батарея? Колесо?

— Вода — это два газа. Мы разделим их и один используем для мешка.

Шуга при этих словах замотал головой, но Пурпурный, очевидно, знал, о чем говорил.

Оставалось лишь подождать.

Я нашел Шуге задание: получить образцы ткани у всех ткачей в районе. Он начал было протестовать, но я отвел его в сторону и втолковал всю важность поручения. Шуга возражал и пришлось указать ему, что он сможет получить важный опыт, лишь ознакомившись с местными заклинаниями в процессе их действия. Тут он кивнул, согласился и ушел.

35

Вилвил и Орбур уже начали размечать контуры лодки колышками и бичевой. Она выглядела как большая плоскодонка.

— Нет, нет! — закричал Пурпурный, ознакомившись с их деятельностью. — Она должна быть уже, и у нее должен быть киль, как вот здесь показано.

— Убери свои рисунки, — потребовал я. — Мы в них не нуждаемся.

Потребовалось какое-то время, чтобы его успокоить, а потом мы начали все с начала. Вилвил и Орбур передвинули колышки, сделав лодку более узкой. Они сказали:

— Лодка перевернется. Что будет ее уравновешивать?

— Выдвижные снасти, вы поставите выдвижные снасти,— объяснил Пурпурный. — У лодки будут узкие поплавки, вынесенные с обеих сторон.

— Но что заставит лодку держаться ровно, когда она будет висеть в воздухе?

— Киль, конечно, — тяжелая деревянная доска в днище корпуса.

— Но если она будет тяжелой — как тогда?

Пурпурный задумался.

— Может, вы и правы. Если так — можно добавить еще один газовый мешок.

Сказать по правде, я мало что понимал в этой дискуссии. Для меня в ней было слишком много технических сложностей — но Вилвил и Орбур, как только уловили ход мыслей Пурпурного, тут же принялись возбужденно спорить.

Все трое вопили, кричали друг на друга... Вилвил и Орбур то и дело кивали и начинали жестикулировать при каждой новой идее. Вскоре они начали рисовать чертежи на грязи для того, чтобы лучше понять друг друга. Пурпурный пытался снова обратиться к своим рисункам, но они были отвергнуты, как имеющие мало общего с проектом. Для постройки машины требовались рисунки именно на грязи.

Кажется, мои сыновья начали понимать, что нужно строить и как это сделать. Иногда смысл работы ускользал от них, но Пурпурный охотно пускался в объяснения. Иногда мальчики предлага-

ли свои варианты. Однажды Орбур предложил сшить один очень большой мешок, заменяющий все остальные. Пурпурный в ответ на это растянул край своей накидки и резко рванул. Ткань не лопнула, но разошлась. Теперь она напоминала сито.

— Если у меня будет только один мешок и случится такое, — сказал Пурпурный, — то я упаду в море, причем с большой высоты. Если же у меня будет много мешков — я просто потеряю один из них.

Орбур возбужденно кричал:

— Да-да, я понял, понял!

И они опять вернулись к проблеме оснащения лодки большим числом газовых мешков.

36

Через два дня Шуга вернулся и принес с собой две охапки образцов ткани.

— Я побывал у всех ткачей на острове, — пыхтел он. — Все хотят нам помочь. Это их самая лучшая ткань.

В тот же вечер состоялся совет всех ткачей верхней и нижней деревень с участием представителей от четырех других поселений полуострова. Мы пятеро пришли тоже, чтобы обсудить возможности использования каждого сорта ткани.

Однако Хинк потребовал объяснить, с какой стати тут присутствую я, простой мастер по кости. Я ответил, что нахожусь здесь в качестве Главы, а также как организатор проекта. Потерпев в этом неудачу, он прицепился к моим сыновьям.

— А они почему здесь? Я думал, это будет совет ткачей и волшебников!

— Так оно и есть. Но они помогают строить летающую машину. Они имеют такие же права, как и ты. Возможно, даже большие.

Ворча, он сел.

Все образцы тканей Пурпурный подверг простым испытаниям. Для начала он просто с силой растягивал кусок, чтобы проверить, насколько легко ткань расползается. Больше половины образцов проверки не выдержали. Пурпурный заявил ткачам, их изготовившим, что если они не могут делать ткань лучше, то им нет смысла оставаться. Некоторые ушли, радуясь, что им не придется работать на ненормального волшебника.

Второе испытание оказалось таким же простым. Пурпурный сворачивал образец кульком и лил туда воду. Затем медленно считал, с какой скоростью вода просачивается через ткань. Было ясно, что он выявлял ткань, которая была бы самой плотной и держала воду дольше остальных.

— Если ткань не пропускает воду, — объяснил он, — ее можно

сделать такой, чтобы она удерживала воздух. Но если ни один образец не подойдет, нам придется искать и искать. Не исключено, что нам придется изготовлять ткань самим.

Ни один образец не держал воду дольше минуты. Естественно, ткачи ощетинились. Еще несколько человек ушли раздраженными. Если бы перед ними не находились два величайших в мире волшебника, они бы, несомненно, вызвали нас всех на битву.

— Гм, — произнес старый, седой Леста, — почему ты хочешь носить воду в мешке из ткани? Почему бы тебе не воспользоваться горшком, как все нормальные люди?

— Для заклинания необходим мешок, ясно тебе, бородавка?! — резко оборвал его Шуга. Леста зашипел от обиды, но ничего не сказал.

Пурпурный не обратил внимания на эту перепалку. Он отложил в сторону последний образец ткани и сказал:

— Этого я и боялся — они все слишком грубые для нашей цели. А лучше вы сделать не можете?

— Это — наши самые лучшие ткани. Мы знаем, что никто и нигде не сделает ничего более качественного.

Пурпурный расстегнул свой так называемый «защитный костюм» и стащил его с себя. Потом снял нижнюю рубашку, обнажив — о, защитите нас, боги! — бледную безволосую грудь. Я уже знал об этом от своей первой жены, но люди из других деревень перестали дышать от изумления. Вид толстенького брюшка Пурпурного довел их чуть ли не до шокового состояния. Пурпурный это игнорировал. Он встряхнул рубашку и сунул ее в руки человеку, который только что говорил.

— Вот материал получше, — заявил он.

Ткач осторожно взял ее, повертел в руках, потер между пальцами.

— Вот вам доказательство того, что можно сделать ткань лучше, — сказал Пурпурный.

Все ткачи подались вперед. Рубашка быстро пошла по кругу. Ее обнюхивали и проверяли на вкус, щупали и что-то бормотали. Ткачи не могли поверить, что такое качество возможно.

Наконец она добралась до старого Лесты. Тот принялся разглядывать ее на свет. Потом рванул и опять поглядел на свет. Пропустил между пальцами. Понюхал, хмыкнул, лизнул. Опять хмыкнул. Свернул кульком и шагнул к центру поляны. Один из ткачей, поняв его намерения, подхватил кувшин и налил в кулек воду. Ткань воду держала.

Леста стал медленно считать, но только несколько капель просочилось наружу — с такой скоростью пришлось бы ждать целый день, пока кулек опустеет.

— Да-а, — сообщил Леста и выплеснул воду на землю. — Ты

прав, — сказал он, — ткань замечательная. Так почему бы тебе ее не использовать?

— Потому что это все, что у меня есть, — ответил Пурпурный, забирая рубашку назад. — Я хочу, чтобы вы изготовили такую же.

— А почему я должен стараться? — проворчал Леста. — Если тебе нужна такая ткань, иди туда, где взял этот кусок!

— Это я и хочу сделать! — взорвался Пурпурный. — Я хочу попасть домой. Я — один на этой незнакомой земле! Я домой хочу!

Я пожалел его. Но ничем не мог помочь. Мы тоже были одни на незнакомой земле. И хотя в этом была вина Пурпурного, я его пожалел.

Пурпурный отвернулся от ткачей и принялся натягивать на себя все еще влажную рубашку. Было видно, что он смущен своей вспышкой.

Я обратился к Лесте:

— Вы не можете сделать ткань такого качества, верно?

Леста невнятно пробубнил что-то.

— Что?

— Нет, — сказал он. — Нет, я не могу. Никто не может. Это демонская ткань.

— Но если вы узнаете, как такую ткань делать, — предположил я, — то станете величайшими ткачами в мире!

— Я и без этого самый лучший ткач в мире! — закричал старик.

— Да, — сказал я, — но что с тобой будет, если такую ткань сделает кто-то другой?

Леста замер.

— ... а ты не сможешь?

Он посмотрел на меня, на Пурпурного, опять на меня и заявил:

— Чепуха. Ее сделать невозможно.

— Рубашка Пурпурного доказывает, что это возможно. Если потребуется, Пурпурный обучит других ткачей этому мастерству.

Леста ощетинился. Начал было поворачиваться, но тут же остановился. Открыл рот, намереваясь что-то сказать, — и закрыл его. Глаза его сверкали.

— Это невозможно сделать! — повторил он. — Но если это возможно, то сделаю это я! Если кто-то и может это сделать, то только я!

При этих словах Пурпурный повернулся к нам, застегивая свой «защитный костюм».

— Вот и хорошо, Леста, — сказал он. — Я принимаю твое предложение...

Леста, казалось, растерялся, с трудом сглотнул. У него не оставалось выбора — в любом случае он терял лицо и репутацию главного ткача.

Мы отправились на ревизию ткацких станков. Предложение Пурпурного научить лучшему качеству было принято, но его намерение ознакомиться со станками встретило некоторое сопротивление.

— Но как смогу чему-то научить, если я не знаю оборудования, на котором вы работаете?

Леста пожал плечами.

— Тебе придется учить нас здесь.

— Но я не могу, — возразил Пурпурный. — Я должен сначала увидеть станки.

— А я не могу этого позволить.

— Тогда никакой новой ткани не будет. Я найду ткача, который согласится показать мне свой станок.

Тут старому Лесте пришлось смириться, и он повел нас на свою секретную поляну. Входить туда разрешалось только ткачам. То, что Леста решился нарушить древнюю традицию, говорило о том, насколько он уважает ткань Пурпурного.

Когда мы подошли ближе, то услышали звуки огромной скрепящей машины, содрогающейся и протестующей. Звуки смешивались с криками и командами. Все образовывало стабильный ритм — крик и содрогание, команда и скрип.

Мы вышли на поляну, и я впервые в жизни увидел ткацкие станки. Они представляли собой тяжелые деревянные конструкции — гигантские движущиеся рамы, установленные под странными углами друг к другу. При каждой команде они качались взад-вперед, ткань, казалось, сама появлялась между ними. На некоторых станках виднелась паутина нитей, на других — куски неокрашенной материи.

Начальник группы увидел нас — и команда застряла у него в горле. Рамы замедлили движение и остановились. Их мелькающие нити тоже застыли. Ученики и рабочие повернулись и уставились на нас.

— Нет, нет, — произнес Пурпурный, — распорядись, чтобы они продолжали, пусть работают.

Леста отдал приказ. Ткачи недоуменно смотрели на него. Ткать? Когда здесь чужие?

Леста угрожающе зарычал, и я понял, почему он стал главным ткачом. Подмастерья нервозно вернулись на свои места. Начальник группы откашлялся и стал отдавать команды, станки опять начали скрипеть.

Молодые мужчины блестели от пота, толкая тяжелые рамы вперед и назад, а мальчишки тем временем играли во что-то типа «кидай-лови», бросая клубок пряжи между двумя рамами.

Я никогда прежде не видел ткачества и был зачарован процессом. Леста объяснял технологию: берется два вертикальных ряда нитей, каждый — на своей раме, они независимы друг от друга, но соединены таким образом, что могут меняться местами. Горизонтальные нити кладутся по одной, затем рамы меняются местами и протягивается новая нить.

Пурпурный медленно кивал, точно ему все было ясно. Возможно, это так и было. Он осмотрел образец только что изготовленной ткани и спросил:

— Можно соткать ткань плотнее этой?

— Я бы мог, но где взять зубья для станка, достаточно тонкие, чтобы натянуть нить ближе? И где я возьму нить, которую можно было бы использовать такими зубьями?

Пурпурный провел пальцем по материи.

— Откуда они берутся, ваши нити?

— Из волокнистых растений. Иногда мы используем овечью шерсть, если удается ее выменять, она обычно слишком грубая, или ее мало.

— И лучше нити нет?

Леста покачал головой.

Пурпурный пробормотал на своем языке:

— Даже основной производственный комплекс слишком примитивен...

Никто ничего не понял, но ткачи разозлились. Его тон был ясен — волшебник недоволен их работой, возможно, даже проклинает ее.

Пурпурный посмотрел на них.

— Вы не знаете другого способа изготовления тканей, не так ли?

— Если бы я знал, то воспользовался бы им, — небрежно ответил Леста.

— Ты когда-нибудь слышал о резине?

— Резина? Что такое резина?

Пурпурный повернулся ко мне и Шуге:

— Знаете ли вы какое-либо дерево, которое дает липкий сок?

Мы покачали головой.

— Есть одно сладкое растение, — припомнил Шуга. — У него липкие выделения.

— Да? — оживился Пурпурный.

— Дети любят сосать их.

— Нет, — вздохнул волшебник. — Это мне не подходит. Мне нужно липкое вещество, которое застывает клейкими комками.

Мы посмотрели друг на друга, каждый хотел, чтобы у кого-то нашелся ответ.

— Ну, ладно, — опять вздохнул Пурпурный. — Я знал, что

придется нелегко. Поймите, мне нужен особого рода материал, который можно нагреть и расплавить в жидкость, которая засохнет потом пластинами или слоями.

Мы снова покачали головами.

Пока Пурпурный описывал остальным свое загадочное липкое вещество, я придвинулся к станкам, чтобы осмотреть их. Ткачи косились на меня с плохо скрываемой враждебностью, но я решил не обращать на это внимания.

Зубья станков были вырезаны из ветвей твердого дерева. Каждый длиной с ладонь и вставлен в прорезь на верхушке рамы.

— Это лучшие зубья, которые у вас есть? — спросил я.

— Нет, у нас есть комплект более тонких, — дрожащим голосом ответил подмастерье, к которому я обратился. — Но мы почти никогда не используем их, потому что они слишком хрупкие и быстро ломаются. Нам приходится работать очень медленно, когда мы ими пользуемся.

— Хм, — произнес я. — А почему вы не вырезаете зубья из кости?

— Из кости? — подмастерье пожал плечами. — Я в этом ничего не понимаю.

Я еще раз осмотрел раму, даже взобрался на платформу, чтобы рассмотреть прорези и каким образом закреплены зубья. Да, их вполне можно вырезать из кости. Я вытащил измерительную нить и начал завязывать на ней мерные узлы.

Только тут Леста увидел, чем я занимаюсь, и отскочил от Пурпурного.

— Эй, ты там что делаешь? Воруешь наши секреты?

— Нет, зачем они мне? — сказал я. — Хочешь иметь более тонкие зубья для станков? Ну, так я могу тебя снабдить ими через пару дней, а то и раньше.

Леста посмотрел на меня. Сзади подошли Пурпурный и Шуга.

— Как?— спросил ткач. — Разве более тонкие и крепкие зубья имеются?

— Я вырежу их из кости.

— Из кости! — ужаснулся старик. — Ты собираешься осквернить ткань душой животного? Ткань происходит от деревьев и волокнистых растений. Ты должен использовать зубья из дерева, но не из животных.

— Но я могу вырезать зубья в четыре-пять раз тоньше, чем эти.

Услышав это, Пурпурный поднял голову.

— Да? Лэнт, это же отлично. Получится почти такая ткань, какая нам нужна.

— Ха! — сказал Леста. — Я могу сделать такую ткань хоть сейчас — если захочу!

— Каким образом? — потребовал я.

— Уплотню ткань, вот и все.

— Уплотнишь? — переспросил Пурпурный.

Леста кивнул.

— Это простая операция. Мы используем то же количество нитей, но сдвигаем их внутрь, чтобы они занимали меньшую ширину. Видите вон тот станок?

Мы посмотрели в сторону. На раме висел наполовину законченный кусок материи. Кусок был небольшой, меньше половины станка, но от его краев нити ровно тянулись к каждому зубу рамы.

— Вот, — сказал Леста. — Эта ткань уплотнена. Вам нужна плотная ткань? Вот таким образом мы ее получаем!

Пурпурный подошел поближе, чтобы лучше рассмотреть материю. Леста последовал за ним. Я спрыгнул с платформы и нагнал их. Леста говорил:

— Конечно, если мы уплотняем ткань, она не получается такой ширины, как...

— Ширина не имеет значения, — сказал Пурпурный. — Если понадобится — соткем больше ткани. Меня интересует плотность.

Леста пожал плечами:

— Как угодно.

Пурпурный посмотрел на него.

— Если Лэнт вырежет новые зубья из кости, сможешь ты уплотнить и эту ткань тоже?

— Конечно, можно уплотнить любую ткань, какую ты захочешь, — сказал Леста. — Но кость в моих станках использоваться не будет.

— Но ведь это единственный способ...

— Костяных зубьев на моих станках не будет, — повторил Леста.

Шуга, стоявший позади, прошипел:

— Ты хочешь, чтобы на тебя напустили термитную тлю?

Старик побледнел, покосился на Шугу. Волшебник стал закатывать рукава.

— Хочешь, чтобы я попробовал?

— Ну!.. — Леста беспомощно смотрел на него. Ясное дело, он этого не хотел. Ткач сделал назад шаг, другой, третий — и наткнулся на Пурпурного. Леста прыгнул в сторону, посмотрел на нас, на свои станки — и с трудом проговорил:

— Хорошо.

— Мудрое решение, старина! — прогремел Пурпурный и хлопнул ткача по спине. — Лэнт, немедленно начинай вырезать новые зубья.

Я был в восторге. Есть возможность избавиться от большинства подобранных по дороге скелетов. Какое счастье! На зубья

уйдут все плоские кости, так что придется беспокоиться только о ста двадцати восьми ребрах.

Так, нужно подумать. Некоторые куски, возможно, придется отшлифовать песком, чтобы получились плоские пластины. Затем — прорезать щели. Для разрезания лучше всего использовать нить, чтобы щели получились узкими. Хм, похоже на изготовление костяного гребня, только быстрее, потому что делать глубокие щели не обязательно. Можно использовать раму с нитями и прорезать все щели за один раз. Если я буду отмерять достаточно тщательно, то каждая секция окажется точно такой, как остальные. Точно такой, как любая другая — это была интересная мысль! Если одна сломается — ее можно заменить немедленно, без всякой задержки. Достаточно держать пару запасных секций под рукой. Мне это представляется практичным...

Я прикинул, что зубья удалось бы сделать даже быстрее, если можно было найти какого-нибудь подмастерья. Но — увы! — в обеих деревнях свободных рук не было. В избытке имелись только женщины, но от них — никакого толку.

Мы обговорили еще некоторые детали, пока наконец Пурпурный не закинул руки за голову и уставился в небо.

— А-ах, — зевнул он. — Продолжим завтра.

— Хорошая идея, — поддержал я. — Мои жены уже готовят пищу. Я хотел бы получить ее до того, как наступит темнота.

Мы направились в верхнюю деревню. До промежутка темноты между красным закатом и голубым рассветом оставалось еще довольно много времени.

— Думаю, мы все заслужили отдых, — сказал я.

— Я в этом уверен, — буркнул Шуга, — но у меня на рассвете церемония освящения домашнего дерева.

— Почему тебе не заглянуть к нам? — импульсивно предложил я Пурпурному. — Тебя это развлечет.

— Могу и заглянуть, — ответил он.

Когда мы вошли в деревню, то увидели Дэмда Три Обруча, подготавливающего дикое дерево к церемонии. Дикое домашнее дерево представляет собой толстый, но гибкий ствол с крупными ветвями. Ствол должен быть обвязан и укреплен, прежде чем сможет держать дом. Нижние ветви необходимо наклонить к земле и обработать, чтобы они пустили корни. Верхние — связать попарно, чтобы образовалась рама для гнезда. Через несколько дней изготовитель гнезд сможет взяться за работу.

По настоянию Вилвила и Орбура Пурпурный отужинал со мной и моей семьей. Обычно я никогда даже близко не подпускал к своему гнезду посторонних. Оказалось, что опасения мои были напрасными. Пурпурный, Вилвил и Орбур были настолько увлечены про-

ектом, что ни о чем другом не говорили,— и это тогда, когда у нас были свежие морские пиявки!

Вся троица только и спорила, что о способах постройки, о принципах, на которых машина должна работать. Я пытался понять, но многое оказалось мне не по зубам... В конце концов я махнул на них рукой и переключил внимание на моих нервничающих жен, которых пришлось успокаивать. Все эти разговоры о летающих машинах и воздушных мешках пугали их. Они истерически стонали в сторонке и отказывались подходить. Только пригрозив побить их, я добился, чтобы они убрали со стола.

Шуга тоже был приглашен к нам, но уклонился. Вместо этого он все двадцать минут темноты провел на Скале Идиоки, пытаясь рассмотреть луны. Голубой рассвет был очень ярок. Показалась только одна из самых больших лун, да и то — на секунду, между облаками. Шуга не смог даже определить, какая это была луна. Ну и хорошо! Я знал, чего он хочет от неба, и был только рад, что он ничего там не нашел.

38

Пурпурный никогда прежде не видел освящения. Теперь он стоял и наблюдал, как Шуга производил семнадцать благословений пивом, одолженным в нижней деревне. Шуга был на удивление спокоен —я не видел его таким с момента встречи с Пурпурным. Хорошо, что он выбросил из головы все сложности с летающим заклинанием. Обработка — один из самых простых обрядов, простых настолько, что даже положение лун на него не влияет.

Шуга в своей ярко раскрашенной накидке, тяжелом головном уборе, молитвенной шали, украшенный бусами, произносил необходимые слова. Пурпурный вежливо наблюдал.

Когда Шуга начал брызгать пивом на основание дерева, Пурпурный пробормотал какие-то демонские слова про обряды оплодотворения.

Наконец мы дождались самой любимой мною части церемонии. Все женщины и дети скинули одежду и принялись танцевать вокруг освященного дерева, распевая и рисуя яркой краской полосы вокруг ствола.

Пурпурный немедленно оживился.

— Что это за заклинание? — спросил он.

— Ты о чем?

Я не понял вопрос.

— Какая цель этого заклинания? Может, они пытаются отпугнуть красные лианы, или термитную тлю, или?..

— Нет, Пурпурный. Они делают это для веселья.

— Для веселья...

Лысое лицо Пурпурного порозовело. Он понаблюдал еще немного, затем постепенно утратил интерес к церемонии. Только когда Шуга начал выпускать сок из дерева, а Дэмд Три Обруча стал стучать по венам дерева, Пурпурный снова заинтересовался.

— Зачем они это делают?

— Волшебник, а не знает, как освящается дерево! — насмешливо прокричал кто-то.

Мы терпеливо наблюдали, как Шуга благословил кровь дерева и смазал ею связанные ветви. Направляемые веревками Дэмда и наставлениями Шуги, нижние ветки дерева стали дополнительными частями ствола. Более высокие ветви, связанные вместе, должны были вырасти в крепкую круглую раму гнезда.

Церемония была близка к завершению, когда Пурпурный неожиданно вмешался. Он проскочил сквозь круг распевающих женщин и провел пальцем по струйке крови дерева. Пение мгновенно прекратилось. Мы растерянно остановились, не понимая, почему Пурпурному вздумалось нарушить заклинание.

Разъяренный Шуга потянулся за мешочком на поясе.

Пурпурный задумчиво произнес:

— Может быть, нам удастся использовать этот сок.

Он повернулся к Шуге с протянутыми липкими пальцами. Шуга замер. Он колебался, забыв, скорее всего, про мешочек в руке, но несомненно вспомнив о клятве. Но голос его был полон ярости, когда он спросил:

— И только ради этого ты разорвал нежную паутину моей магии?

— Шуга, ты не понял, — Пурпурный потер ставшие липкими ладони. — Может быть, мне удастся использовать это вещество для воздушных мешков!

— Кровь домашнего дерева — для летающей машины?

— Конечно, — сказал Пурпурный. — А почему нет?

Недовольный ропот окружающих должен был бы подсказать Пурпурному, в чем дело, но он, конечно, не понял.

Я быстро протиснулся, взял Пурпурного за руку и поволок прочь. Он спотыкался, поспевая за мной, не переставая возбужденно бормотать на своем демонском языке.

За его спиной я подал Шуге знак начать церемонию снова. А сам пошел с Пурпурным, пытаясь уловить хоть какой-то смысл в его словах.

— Это похоже на естественную резину, Лэнт. Конечно, я должен ее проверить, но не исключено, что этот материал как раз то, что позволит мне удержать газ в мешках...

— Забудь об этом, Пурпурный. Тебе не удастся использовать кровь домашнего дерева. Домашние деревья священны.

— Будь она проклята, их святость! Мне необходимы воздухонепроницаемые контейнеры. Да прекратишь ты скакать вокруг меня?

— Тогда прекрати свои ужасные проклятья!

— Какие проклятья?.. — Пурпурный даже растерялся. — А, не обращай внимания!

И он снова начал изучать сок на своих руках.

— Слушай, а тебе не удастся использовать что-то другое вместо крови домашних деревьев? Кровь младенцев, например?.. Я уверен, нам...

— Нет! — Он даже задохнулся. — Определенно — нет!!! Никакой человеческой крови...

— Ты сказал, что если ткань будет водонепроницаемой, то она может оказаться и воздухонепроницаемой? А как насчет горшков?

— Нет, нет, они слишком тяжелые... чересчур тяжелые... Мы должны попробовать сок домашнего дерева. Это единственный способ. Видишь ли, ткань, которая у нас есть, недостаточно плотна. Но если нам удастся изготовить более хорошую ткань и пропитать ее соком домашнего дерева, а затем высушить, то тогда, вполне возможно, все получится. Разумеется, нам придется пробовать разные варианты...

— Да... да... — бессвязно бормотал я. Должен же существовать какой-то выход из этого лабиринта? Пурпурному страстно хочется улететь, но ни Шуга, ни жители деревень никогда не позволят осквернить кровь домашнего дерева.

И — дуэль. Она ведь пока только отложена.

И тут меня осенило. Я сказал:

— Есть шанс. Ты только, пожалуйста, не смейся, Пурпурный, но, может быть, ты сможешь использовать сок диких домашних деревьев для того же?

— Да, конечно! А почему нет!

— Как? — я был не в силах поверить. — Ты хочешь сказать, что сможешь?

— Конечно, — на лице Пурпурного появилось странное выражение. — Сок — есть сок.

— Но ты же знаешь, он...

Пурпурный не слушал.

— Лэнт, — сказал он. — Мне необходимо это проверить. Мне нужно дикое домашнее дерево, несколько горшков его сока, немного ткани и...

— Вилвил и Орбур помогут тебе достать все, что тебе потребуется. А как выглядит дикое домашнее дерево, ты ведь знаешь, правда?

— Конечно. Корни и ветви не должны быть согнуты.

И он ушел.

Ответ, конечно, был правильным — но я не переставал удивляться. Да, необычности в Пурпурном хватало.

39

К тому времени, когда я закончил первый комплекс зубьев для станка, Пурпурный с Шугой завершили первую серию экспериментов с соком дикого домашнего дерева. Пурпурный знал, что ему надо, а Шуга знал, как этого лучше добиться. Нагретый сок обрабатывался определенными волшебными веществами и превращался в вонючую и пачкающую жижу. Ткань погружалась в эту жижу и превращалась в полотно. Но его изоляционные свойства оказались нестойкими и нестабильными, что вовсе не устраивало Пурпурного, и волшебники продолжали эксперименты.

В тот день, когда я начал вырезать третий комплект зубьев, Пурпурный объявил, что он нашел решение проблемы. Он знает, как делать воздухонепроницаемую материю. Вместо того, чтобы окунать готовую ткань в жижу из сока, надо окунать в жижу нити и только потом изготовлять из них ткань.

Пурпурный был в восторге. Если нить окажется достаточно тонкой, а мои костяные зубья оправдают ожидания, то нам, определенно, удастся выткать материю, достаточно легкую и достаточно плотную, чтобы использовать ее для летающей машины.

К тому времени, как я закончил третий комплект, Леста уже выткал для Пурпурного несколько кусков тонкой ткани. Она получилась гладкой и блестящей, а просветы между нитями почти не различались на глаз.

— Разве она не прекрасна, Лэнт! — воскликнул Пурпурный.

Мне пришлось с этим согласиться. Старый Леста сиял от гордости. Пурпурный метался от одного к другому, требовал, чтобы все щупали материю такого качества.

Леста вел себя намного сдержаннее.

— Лэнт, — требовательно напомнил он, — мне необходимо побольше твоих зубьев. Мы собираемся ткать воздушную материю!

— Это будет грандиозно! — кричал Пурпурный. — Спасибо тебе! Я использую все, что ты сможешь сделать!

Леста уставился на него.

— Ты считаешь, это для тебя, мохнатая бородавка? На эту ткань будет спрос на мили вокруг — и нам необходимо к этому приготовиться. Когда спадет вода и откроются торговые пути, к нам, несомненно, придет процветание!

— А-а! — протянул Пурпурный. Лицо его стало красным. — Предатель! — кричал он. — Ты сначала должен выткать достаточно ткани, чтобы построить корабль.

— Чепуха, — пробормотал Леста. — Мы так не договаривались.

— Змеиный корень! Не договаривались! Я обещал показать тебе, как делать хорошую ткань, — рассвирепел Пурпурный. — Ты взамен должен сделать мне достаточно ткани для летающей машины!

— Как же, — зарычал Леста. — Это долг волшебника — постоянно улучшать образ жизни своего племени. Ты просто выполнил свою обязанность, Пурпурный,— к тому же в первый раз за все время, — добавил он.

— Подождите минуту, — крикнул я. — Дайте мне во всем разобраться!

Они посмотрели на меня.

— Это моя обязанность помогать волшебникам в случае необходимости. Сейчас как раз то положение, когда решение зависит от меня.

— Лэнт прав, — сказал Пурпурный. — Давай, Лэнт.

Леста прищурился.

— Что ж, послушаем, что ты скажешь, — проворчал он.

— Ну... — сказал я. — Для меня ситуация вполне очевидна. Пурпурный — волшебник, Леста — ткач. Пурпурный показал Лесте, как изготовлять ткань такого качества, какая до сих пор была неизвестна людям. Теперь Пурпурный требует платы за это умение, правильно?

Они оба кивнули.

— Тем не менее Леста утверждает, что он ничего не должен Пурпурному. Пурпурный просто выполнял свой долг деревенского волшебника. Тоже правильно?

Они опять кивнули.

— Ну, тогда все просто, — заявил я. — Совершенно очевидно, что прав... Леста.

— Как? — у Пурпурного отвисла челюсть.

Леста просиял.

— Ты прав, Лэнт. Я согласен с твоим решением.

Он бросил насмешливый взгляд на Пурпурного.

— Подожди, Лэнт... — начал Пурпурный.

— Ты его слышал, — резко перебил Леста. — И ты обещал согласиться с его решением!

— Нет, не обещал... Я сказал, что выслушаю, что он скажет... — закричал Пурпурный. — Лэнт, что же ты делаешь?

— Да погодите вы немного! — крикнул я снова. — Погодите!

Они опять уставились на меня.

— Я еще не закончил! — сказал я.

Они притихли.

— Леста прав, — повторил я. — Он ничего не должен Пурпурному. — Тем не менее, — произнес я неторопливо, — он должен мне...

— За что?

— За зубья для станков,— сказал я. — Ты пользуешься зубьями. Их вырезал я, и они принадлежат мне.

— Тебе? — переспросил Леста. — А на что они тебе?

Я притворился, будто и сам не знаю.

— Ну, я могу давать их напрокат разным ткачам или могу сам стать ткачом.

— Мы поломаем твои зубья! — зарычал он.

— И навлечете на себя гнев Шуги? — поинтересовался я. — Нет, ничего вы не сломаете. Вместо этого ты заплатишь мне справедливую цену за использование моих зубьев. Как заплатил бы любой ткач.

— Я тебе не любой ткач! — закричал Леста. — Я не обязан платить. Ты был обязан сделать их из чистой благодарности за позволение поселиться в нашем районе.

— У вас бедный район, — ответил я. — Он мне не нравится. Верни мне мои зубья — мне надо поговорить с Хинком Ткачом.

— Э... постой, — поспешил Леста. — Может, нам удастся договориться...

— Уверен, что удастся. Прибыль твоя и так будет невообразимая! Ты не разоришься, если заплатишь за мой труд справедливую цену!

Глаза его сузились.

— И что представляет собой твоя «справедливая цена»?

Пурпурный слушал наш разговор с открытым ртом.

Я объяснил:

— Пурпурному — достаточное количество ткани, чтобы он построил летающую машину, плюс пять процентов сверх этого — мне, для собственного пользования, включая торговлю.

— Грабитель... — выдохнул Леста. Я боялся, что он задохнется и умрет прямо на месте.

— Я даю тебе возможность ткать лучше, чем ты когда-либо это делал! Так хочешь ты пользоваться моими зубьями или нет?

Он ел глазами тонкие костяные пластины, которые я держал в руках. Видно было, как он хочет иметь их... И он знал, что я не постесняюсь обратиться к другому ткачу.

Про нашу новую тонкую ткань знали уже все, не нашлось бы ткача, который не ухватился бы за такой шанс.

— Гм! — выдавил Леста. — Я предлагаю тебе половину...

— Нет. Или все, или ничего.

— Ты просишь слишком много! Я не...

— Думаю, что найду Хинка у реки...

— Подожди! — закричал он.

Я продолжал идти.

— Подожди! — он догнал меня и схватил за руку. — Хорошо,

Лэнт, хорошо. Ты меня уговорил. Ты победил. Я сделаю ткань для Пурпурного и еще пять процентов для тебя.

Я остановился.

— Прекрасно. Но мне нужны гарантии.

— Как? — уставился он на меня. — Разве моего слова недостаточно?

— Нет, — ответил я. — Если бы этого спора не было — другое дело. А так я должен иметь гарантии. Два слога твоего секретного имени.

— Два... два слога? — Он шумно глотнул. — Ты шутишь...

— Я пошел дальше.

Он опять удержал меня за руку.

— Ладно, Лэнт, ладно.

Он покорился. Оглянулся беспомощно и прошептал мне на ухо. Два слога.

— Благодарю, — сказал я. — Надеюсь, ты меня никогда не предашь. А если на это отважишься — секретные слоги больше не будут секретными. И первым, кто о них узнает, станет Шуга.

— Нет, нет, Лэнт, ты можешь быть спокоен.

— Я в этом не сомневаюсь. Благодарю, Леста. Я рад, что мы пришли к такому соглашению. Жду через пару дней первую партию ткани...

— Да, Лэнт, конечно, Лэнт. А?..

— Что?

— Зубья, которые ты держишь?

— Ах, да. Они ведь тебе нужны?

И я протянул ему зубья.

Потом ко мне подошел Пурпурный.

— Спасибо, Лэнт!

— За что? Я просто выполнил свои обязанности.

— Да? Хорошо, я благодарю тебя за то, что ты их выполняешь. Я ценю это.

Я пожал плечами.

— Ничего странного. Я не меньше тебя хочу увидеть, как ты улетаешь на своей машине.

Думаю, он понял меня неправильно. Он сказал:

— О, ты прав, там будет на что посмотреть!

— Да, — согласился я. — Жду с нетерпением!

40

Вилвил и Орбур ворчали:

— Мы сделали четыре велосипеда, отец, с тех пор как сюда прибыли,— и теперь не можем ни пользоваться ими, ни продать из-за твоего уговора с Гортиком.

Я вздохнул.

— Гортик достаточно скоро устанет от своей новой игрушки.

— Ха! — раздраженно буркнул Вилвил. — Гортик — такой тупица, что не может даже научиться ездить на машине. Мы с Орбуром уже много раз пытались его научить. Совсем не может править, — пояснил Вилвил. — Кроме того, летающая машина нас не прокормит. Велосипеды необходимо продать — нам нужна пища, одежда, инструменты. Если нам не будет позволено заниматься своей профессией, мы начнем голодать.

Орбур снова покачал головой и опустился на камень.

— А от умения летать никогда никакой выгоды не будет.

— Ладно, — сказал я. — Посмотрим, что я смогу сделать. Собирайте свои велосипеды, а я придумаю способ торговать ими. К тому же, — добавил я, — не думаю, что соглашение с Гортиком запрещает продавать их в нашей деревне.

Они не скрывали сомнений, но по моему настоянию вернулись к работе. Теперь по утрам они возились с летающей машиной, а днем — с велосипедами, хотя в дальнейшем они все больше и больше времени проводили возле летающей машины.

Пурпурный решил, что корпус надо внутри и снаружи обтянуть новой тканью — это сделало бы его непроницаемым. Для этого требовалось много ткани, а ее производство все еще оставалось самой большой проблемой.

— Нам не хватает нитей, — ворчал Леста. — Нам не хватает людей!

— Не понимаю, — признался Пурпурный, как раз когда я подошел. — У тебя хватает прядильщиков для старых тканей. Почему же не хватает для новой?

— Потому что воздухонепроницаемая ткань не просто ткется! Надо напрясть нити, окунуть их, высушить. Теперь только на пряжу требуется в три раза больше людей, чем раньше. Затем, когда ткань изготовлена, ее надо пропитывать заново. Вот тебе еще одна операция! А где я возьму людей? На то, чтобы соткать один кусок новой ткани, времени требуется вдвое больше, чем на любую другую работу. А кусок этот в четыре раза меньше прежнего, потому что ты хочешь, чтобы он был уплотнен!

— Если ее не уплотнить, ткань не будет воздухонепроницаемой, — сказал Пурпурный.

— Прекрасно, — ответил Леста. — Ты хочешь воздушную ткань? Ты ее получишь. Только придется ждать восемьсот лет!

— Чепуха, — возмутился Пурпурный. — Должен же быть способ...

— Его нет... — Леста был непреклонен. — Требуется почти пять дней, чтобы напрясть достаточно нитей для одного куска ткани.

— Хорошо, тогда используй большее число прядильщиков.

— А где я их возьму? Я не могу просить своих ткачей унизиться до этого, а даже в обеих деревнях не наберется достаточного числа мальчиков, чтобы нанять их в качестве подмастерьев.

— А почему бы не пригласить прядильщиков из других деревень острова?

— И подарить им секрет воздушной ткани?

— Им не обязательно знать о последнем шаге — о пропитке ткани, — предложил я.

— Хм. Ты прав...

— А как мы их прокормим? У нас бедная деревня.

Мы задумались над этим вопросом. В сезон высокой воды большая часть пищи доставлялась из моря. Если у Анга, ставшего рыболовом, будет достаточно сетей, он, вероятно, сможет наловить необходимое количество рыбы, чтобы прокормить армию ткачей, которую намерен собрать Пурпурный. Конечно, Ангу потребуется некоторая помощь, но несколько кандидатов в рыбаки можно было наскрести.

Мы обсудили это вечером, на специальном общем собрании наших обеих Гильдий Советников. Мы собрались на поляне нижней деревни. Пришли почти рука рук мастеров разного профиля.

Каждый из выступавших начинал со слов:

— Мы не можем этого сделать...

Например, Анг:

— Мы не можем этого сделать, так как у меня не хватает сетей.

— Сплети новые.

— Я не могу этого сделать — на это потребуется слишком много времени.

— Возможно, ткачи Лесты не откажутся помочь.

— Ерунда. Мы не можем этого сделать — мои люди не знают, как плести сети.

— Но ведь это форма ткачества?

— Да, но...

— Никаких «но» не может быть. Если следующие пять дней мы потратим только на сети для Анга, к этому времени прибудут новые ткачи и мы сможем их прокормить. И у нас будет достаточное количество нитей для воздушной ткани, чтобы обучить их ткачеству по новой технологии.

— Мы не можем этого сделать... — снова вмешался Леста.

— Почему?

— Я подсчитал. У нас все еще не достигнуто нужное соотношение между числом прядильщиков и ткачей. Вся наша проблема в том, что даже сейчас мы не производим достаточного количества нитей для воздушной ткани, чтобы загрузить всех ткачей... Если мы пригласим новых ткачей и прядильщиков, то станет в пять раз

больше ткачей, праздно болтающихся в ожидании нити... Так что мы не можем этого сделать.

— Ерунда, — заявил Пурпурный. — Проблема в том, что у нас не хватает людей для прядения, вот и все!

— Все? —возмутился Леста. — А разве этого недостаточно? Если мы не можем найти людей в нашей собственной деревне, то почему ты считаешь, что мы можем найти их в других?

— Я тоже сделал некоторые подсчеты, — сказал Пурпурный. Он достал шкуру, подозрительно похожую на ту, на которой он делал свои рисунки, но, к счастью, не стал ничего объяснять, а просто помахал ею в воздухе. — Так вот. При теперешнем количестве тканей и станков понадобится почти 12 лет для изготовления ткани, необходимой для летающей лодки.

Советники зашумели.

— Ткань действительно прекрасная, но кому она нужна, если ее придется так долго ткать...

Пурпурный игнорировал недовольство.

— Далее. Если мы привлечем к работе всех ткачей и прядильщиков острова — то это сократит требуемое время до двух с половиной лет...

— Прекрасно, — пробормотал Леста. — Я не уверен, что вынесу Пурпурного хотя бы еще год, не говоря уже о двух с половиной...

Гортик зашипел на него, но Пурпурный игнорировал и этот выпад. Он продолжал:

— А теперь посмотрим на проблему с другой стороны... Дело не в том, что так много времени требуется на один кусок, а в том, что этих кусков производится слишком мало. Если бы у нас было больше станков и больше людей, чтобы на них работать, то уровень производства резко возрос бы.

— Конечно, — кивнул Леста. — А если бы мы были птицами, то нам вообще не понадобилась бы воздушная ткань.

Это вызвало смех у собравшихся и недовольные взгляды волшебников. Шуга плюнул в сторону Лесты. Слюна, упав на землю, зашипела. Пурпурный замахал на ткача своей шкурой:

— Я подсчитал все самым тщательным образом. Если суммировать всех ткачей во всех пяти деревнях, всех рабочих, всех подмастерий и даже всех новичков, то их окажется более чем достаточно...

— Бред! Чушь!

— ... более, чем достаточно, — повторил Пурпурный. — Если их всех засадить за выделку ткани.

— А кто будет прясть для них нить, если все станут ткать? Или ночью явятся лесные духи и возьмутся за это?

Снова смех.

Пурпурный оказался самым терпеливым человеком, какого я когда-либо видел. Он откашлялся и неторопливо сказал:

— Вовсе нет. Я удивлен, что вы не спрашиваете, где они будут ткать всю эту ткань.

— Без нити это не имеет значения.

— Давайте по порядку. Если каждый мужчина, каждый член касты ткачей станет полноправным мастером, если у нас окажется достаточно станков для них и если каждый человек отработает на своем станке полный день, то мы сможем изготовить столько воздушной ткани, сколько мне нужно, за четыре... ну, задолго до того, как жена Лэнта родит ребенка.

— Меньше чем за две руки рук дней, — добавил я.

Леста принялся возражать.

— Пурпурный, ты кретин, нам понадобится сто семьдесят пять станков. В нашей деревне их всего шесть. Где ты предполагаешь взять остальные? Хочешь превратить нас из ткачей в строителей станков? Так нам потребуется пять лет, чтобы их построить...

— Неверно, — возразил Пурпурный. — К тому же ты преувеличиваешь. Сто семьдесят пять станков нам не понадобится. Нам будет нужно всего шестьдесят. — Он подождал, пока стих взрыв смеха. — Нам потребуется всего лишь шестьдесят станков, но мы будем использовать их весь день и всю ночь!

Послышались голоса:

— Использовать день и ночь? А спать когда?

— Да нет же, — закричал Пурпурный. — Послушайте: вы работаете только в течение голубого дня, правильно? Когда голубое солнце садится, вы прекращаете работу. А почему бы вам не работать и во время красного дня?

Опять послышались приглушенные голоса. Пурпурный привычно не обращал на них внимания.

— Учтите: свет ночью такой же яркий, как и днем. Одна группа, скажем, работает днем, другая — ночью. Можем назвать их сменами. А нам таким образом понадобится в три раза меньше станков. Каждый человек будет отрабатывать полную смену, но не все они будут трудиться во время голубого дня. Одна смена будет работать утром, другая — вечером, третья — во время красного утра, четвертая — до красного заката. Примем каждую смену по девять часов...

И тут на него обрушилась лавина голосов. Ткачи вскочили на ноги, сердито потрясая кулаками:

— Заставляешь нас осквернить ткацкие заклинания?

— Бога оскорбляешь?

— Ты накличешь на нас гнев Элкина!

— Да погодите вы! Помолчите! — мы с Гортиком пытались

призвать их к порядку, но напрасно. Пурпурный продолжал что-то говорить, но его не было слышно.

Вдруг Шуга невозмутимо швырнул в центр сборища огненный шар. Тот зашипел, разбрызгался искрами и заставил ткачей замолчать. Но громкие протесты сменились шепотом.

Гортик заявил твердо:

— Мы согласились выслушать предложения Пурпурного и поделовому обсудить их. Он — волшебник, думаю, вы все убедились в его власти, нет необходимости еще раз демонстрировать его способности. Если он считает, что в его словах не содержится оскорбления богов, то он, очевидно, знает, что говорит.

— А если у кого-то возникают сомнения, то здесь присутствует Шуга, можете спросить у него, — добавил я.

Гортик повернулся к волшебнику:

— Ты видишь какую-то опасность?

Шуга неторопливо покачал головой.

— Ну, я не слишком силен в ткацких заклинаниях, — сказал он. — Но то, что я знаю о ткачестве, предполагает, что время суток для него несущественно. Тем не менее, если понадобится, я, конечно, могу составить усовершенствованное заклинание, которое предотвратит опасность.

Это, казалось, успокоило большую часть ткачей.

— Но все-таки, — напомнил Шуга, — Пурпурный говорил про шестьдесят станков...

— Да не понадобится нам столько, — сказал Пурпурный. — Шесть станков уже есть. В каждой из других четырех деревень — по столько же, по крайней мере, Лэнт мне говорил, что Хинк и некоторые ткачи верхней деревни уже тоже поставили свои станки. Значит, тридцать один станок уже есть. Если же все ткачи — повторяю, все — затратят только одну руку дней на строительство, у нас будет шестьдесят станков.

Глаза Лесты сузились. Он не доверял этим расчетам, но не собирался и оспаривать их, пока сам не проверит.

— А как быть с зубьями для станков? — спросил он.

Все посмотрели на меня. Я не был готов к этому вопросу. Даже не думал, что его зададут. Я ответил:

— Ну, потребуется время, чтобы их вырезать... почти четыре дня на один полный комплект...

— Ха! Вот... видите! — закричал Леста. — Значит, Лэнту понадобится двести сорок дней, чтобы изготовить зубья для всех станков. А мы это время что будем делать?

— Знаешь, Леста, — сказал я, — ты кретин!

Он вспыхнул и вскочил на ноги.

Я тоже поднялся.

— Если мы можем найти дополнительное число ткачей и строи-

телей станков, то мы определенно можем найти и резчиков по кости...

— Но на острове нет резчиков, ты, плесневая башка!

— Тогда я кого-нибудь обучу! Любой подмастерье, способный научиться ткать, с тем же успехом может научиться работать по кости.

— Я не позволю даже самому нерадивому их моих подмастерий так низко пасть! — резко заявил Леста и сел, мрачно улыбаясь.

— Ну, а как иначе ты сделаешь воздушную ткань? — поинтересовался я.

Его ухмылка тут же пропала.

Поспешно вмешался Пурпурный:

— Если мы пришлем Лэнту десять мальчиков, по два от каждой деревни, то зубья для станков будут готовы в десять раз быстрее.

— Э! — перебил я. Пурпурный посмотрел на меня недоуменно. — А где я возьму столько кости?

Леста фыркнул.

— Сухой кости у меня хватит станков на двадцать или около этого.

— А почему ты должен использовать именно сухую кость? — спросил Пурпурный.

— Потому что она самая твердая.

— А сырую кость ты можешь использовать?

— Но зубья будут гнуться или быстро ломаться. Сырая кость не такая прочная, как сухая.

— Но работать они будут?

— Будут, — согласился я. — Они будут работать. Только менять их придется чаще.

— Насколько чаще? — спросил Леста.

Я пожал плечами:

— Не знаю. У меня не было случая проверить.

— Ладно, тогда скажи, как долго прослужит комплект зубьев из сырой кости?

— Это совершенно новая для меня область. Я могу только предположить. Четыре руки дней, может быть, больше, может быть, меньше, но приблизительно так.

Леста с отвращением поджал губы. Очевидно, он не считал срок достаточным.

Но Пурпурный сказал:

— Это замечательно, Лэнт, просто замечательно. — Он посмотрел на шкуру со своими расчетами. — Даже по три руки дней на комплект нас устраивает.

— Хорошо, — согласился я. — Я уже горел желанием взяться за обучение.

— Тогда, думаю, все решено, не так ли? — спросил Гортик.

— Нет, не все, — сказал Леста. — Все посмотрели на него. — Остался еще один вопрос, на который так никто и не ответил. Где мы возьмем нить?

— Ах, да, — спохватился Пурпурный. — Нить. Существует большой и нетронутый источник рабочей силы прямо здесь, среди нас.

Мы удивленно посмотрели друг на друга. О ком это он?

— Я, конечно, имею в виду женщин.

— Женщин! — дружно вырвался крик ужаса из сотни глоток. Всякая сдержанность пропала. Мужчины вскочили на ноги, потрясая кулаками, ругаясь и отплевываясь. Даже полдюжины огненных шаров Шуги не смогли их успокоить. Буйство продолжалось до тех пор, пока Шуга не пригрозил призвать на помощь самого Элкина. Только тогда шум начал стихать и Пурпурный сказал:

— Послушайте, в самом прядении нет ничего священного! — даже старый Леста согласится с этим. И вы используете для этого подмастерий по одной единственной причине — им не на чем ткать. Теперь, когда станков будет больше, прясть им больше не придется. Весь успех нашего плана кроется в том, что прясть станут женщины... Зато подмастерья смогут стать ткачами, а теперешние ткачи — начальниками групп.

Тут же послышались неистовые крики радости. По крайней мере, одна часть плана Пурпурного начинала приобретать популярность.

— Но женщины? — не мог успокоиться старый Леста. — Женщины? Женщина настолько тупа, что не может одновременно грызть сладкие орешки и идти по лесу.

— Чепуха, — заявил другой мужчина. — Ты все еще живешь понятиями своей молодости, Леста. Разумные люди понимают, что женщина — нечто большее, чем просто вьючное животное. Они ведь родили нас, не так ли?

— Ха! — фыркнул Леста. — Мальчонку потянуло к титьке!

На него зашикали. Говоривший тем временем продолжал:

— Теперь новые времена, Леста. Теперь мы знаем больше, чем во времена твоей молодости. Мы не обращаемся со своими женщинами так скверно, как обращались наши предки. Когда ты в последний раз видел погонщика с кнутом и его стадо бедных женщин? Женщины — животные домашние, способные выполнять многие простые обязанности. Могу поспорить, что здесь не найдется мужчины, который не позволил бы своим женам собирать для него пищу... И я знаю, что некоторые больше не надевают на своих жен путы или цепи.

— Глупцы, — резко бросил старый ткач. — Они еще пожалеют об этом.

Некоторые из стариков повеселели, не все.

— Подождите немного, — сказал я, шагнув в центр. Все по-

смотрели на меня. — Я хочу кое-что предложить. Здесь нет ни одного человека, который отказался бы от куска воздушной ткани. Я прав?

Все кивнули.

— Пурпурный доказал нам, что вполне возможно наткать за один сезон столько ткани, сколько нам и не снилось. Большинство его предложений практичны и рациональны. А отъезд Пурпурного зависит от нашей деловитости.

— Так что ты предлагаешь? — спросил кто-то.

— Есть только один способ проверить практичность последней идеи. У меня две жены. Я позволю одной из них учиться умению прясть. Если она с этим справится, то тем самым докажет, что идея практична. Если же нет — значит, идея глупа.

— Лэнт говорит разумно, — закричал человек, который только что препирался с Шугой. — Я выделяю своих жен для эксперимента...

— Я тоже даю одну, — поддержал кто-то.

И тут же воздух наполнился обещаниями прислать женщин. Каждый молодой мастер был полон желания превзойти других, доказать, какая у него жена — жены — толковые.

Пурпурный сиял от такого поворота событий. Он ходил от одного к другому, пожимал им руки и благодарил.

Старый Леста встал. Шум утих.

— А что вы, восторженные молодые глупцы, будете делать, когда на вас обрушится гнев Элкина?

— А чего нам бояться Элкина? — пробормотал кто-то, но не слишком громко.

Я сказал:

— Если мы увидим, что женщины осквернили ткань, мы их убьем. Действительно, что еще сможет утихомирить разгневанного бога — но такова цена эксперимента.

Раздались дружные крики согласия.

Когда они стихли, в центр вышел Шуга.

— О ерунде вы спорите, — сказал он. — Самое простое дело — составить заклинание, которое позволит женщине работать, не оскорбляя богов. Женщины настолько глупы, что просто не могут не обижать богов. Существует универсальное заклинание, искупающее их невежество. Женщины не могут не быть тем, чем они есть. Женщина, будучи один раз освященной, уже не имеет возможности сделать ничего плохого. Так что насчет богов мы можем не беспокоиться. Весь вопрос в том — достаточно ли женщины умны, чтобы научиться прясть. Но и на это мы скоро получим ответ. А пока нет смысла распространяться на эту тему.

Разумеется, он был прав. Мы одобрили его выступление и закрыли собрание.

41

На следующее голубое утро был проведен эксперимент по обучению женщин прядению. Заявлено было семнадцать жен. Явилось — четырнадцать, подгоняемых своими нервничающими мужьями. В холодном утреннем свете эта идея не представлялась уже такой привлекательной.

Даже я начал жалеть о своем предложении. Первую жену я привести не мог, так как она была беременна. Оставалась вторая — тоненькая, нескладная, со светлым мехом. Мне вовсе не улыбалось потерять ее ради эксперимента. Но выбора не было. Честь обязывала!

Нетрудно было понять, почему ворчат мужчины. Если только одна жена собирает пищу — еда становится скудной и однообразной. В моем случае дело обстояло еще хуже. А, ладно, если потеряю вторую жену, я всегда могу присоединиться к холостякам, которых обслуживают незамужние женщины. Выход не из лучших, но, по крайней мере, мой желудок будет полон.

Настроение женщин было разным: от страха до восторга. Все они, несомненно, были или взволнованы, или подавлены перспективой новой работы. Мало кто из них понимал, что именно от них требуется, но любые изменения в том образе жизни, который они вели, могли быть только к лучшему.

Пурпурный появился в сопровождении Лесты и нескольких ткачей. Да, эти люди действительно могли научить прясть. Помощники тут же начали собирать прядильные устройства.

Урок начался с демонстрации того, что представляет собой прядение в целом.

— Вы будете делать нить. Поняли? Нить — это то, из чего мы будем делать ткань.

Женщины немо, беззвучно трясли головами.

— Я покажу вам, как это делается, — сказал Леста. Он сел на низенький стул перед прядильным устройством и начал прясть, подробно объясняя каждую операцию. Леста оказался хорошим учителем. Пока я смотрел, то почувствовал, что тоже могу научиться этому ремеслу.

Но женщины видели совершенно другое.

Они возбужденно шептали друг другу:

— Он сидит! Он сидит во время работы!

В конце концов, старый Леста не выдержал. Он спрыгнул со стула.

— Да, проклятье на вас, я сижу! И вы, глупые создания, тоже будете сидеть, если сможете научиться работать!

Женщины немедленно замолчали. Леста осмотрел группу.

— Ну, кто хочет попробовать первой?

— Я! Я!

В страстном желании они все бросились вперед.

— Я первая!

— Я!

Каждая хотела попробовать, на что это похоже — сидеть и в то же время работать. Леста выбрал одну и усадил ее на стул. Женщина истерично захихикала. Леста вложил ей в руку инструменты и пряди расчесанного волокнистого растения, приказал ей делать то, что она видела, и...

О, боги! Она пряла! Она пряла волокна в нить!

Ткачи задохнулись от ужаса — такое оказалось возможным! Мужчины застыли в шоке — неужто женщина может быть настолько умной! Пурпурный прыгал от восторга!

— Получилось! — вопил он. — Получилось! Она работает! Она работает!

А женщина между тем продолжала прясть. Конечно, нить была неровной и непригодной. Но теперь стало очевидным — прясть женщина способна! И Пурпурный сможет построить свою летающую лодку. При должном опыте и тренировке и при внимательном присмотре скоро все эти женщины смогут прясть нить такую же тонкую, как лучшие прядильщики-мужчины.

День тем временем продолжался. И вскоре стало ясно, что женщины прядут лучше, чем мальчишки-подмастерья. Подмастерье хитер — он знает, что скоро станет ткачом, и его сердце не лежит к прядению. Он уделяет своей работе мало внимания, потому что она скучная и механическая. Мальчишки — всегда мальчишки. Для женщины же прядение — задача огромной сложности. Ей приходится пользоваться одновременно обеими руками и одной ногой для трех различных, но согласованных движений. Тут требовалась сосредоточенность — это было как вызов. К тому же они знали, что если не справятся, то будут побиты. Женщина вынуждена постоянно думать о том, что она делает, значит, она будет внимательно следить за нитью.

К концу дня многие из них, включая и мою жену, уже пряли нить достаточно тонкую, чтобы ее можно было использовать для воздушной ткани.

Пурпурный уже все подсчитал. В двух наших деревнях было почти шестьсот незамужних женщин. Если не считать сбора пищи и уборки, то работы у них почти не было. Но теперь эти свободные руки могли принести нам большую пользу. И, если их окажется недостаточно, чтобы снабдить Пурпурного нитью, мы разрешим работать даже нашим женам.

Эксперимент определенно увенчался успехом. Пурпурный был не из тех, кто станет зря тратить время. Он быстро определил новые задачи для учеников ткачей и подмастерий. Парни охотно взялись

за дело, когда поняли, в чем оно заключается. Пурпурный создавал новую профессию — надзиратель над женщинами. Ребята должны были следить за работой женщин. Они были в восторге, когда сообразили, что будут отдавать приказы вместо того, чтобы получать их.

Все незамужние женщины были разделены на три отряда — одни собирали волокнистые растения, другие готовили их для прядения и третьи пряли. Но и эти отряды были разделены на группы поменьше — от тридцати до пятидесяти человек в каждой.

Даже старый Леста был потрясен.

— Никогда прежде не видел такого количества рабочей силы, — признался он.

Тут он понял, что сделал комплимент Пурпурному, и добавил:

— Но, конечно, ничего не получится.

Но пока все шло хорошо.

Часть мужчин-ткачей Пурпурный направил в лес — собирать сок дикого домашнего дерева. Им были выданы огромные горшки, изготовленные Белисом Горшечником. Если горшок запечатать, кровь домашнего дерева долго сохранялась в нем свежей. Не было секрета, что нам она требовалась в большом количестве. Мы уже отправили гонцов в другие деревни с образцами воздушной ткани, приглашая к себе их ткачей и женщин.

Как только нить была спрядена, бригада подмастерий окунала ее в ванну с кипящим соком домашнего дерева. Оттуда ее медленно, очень медленно, наворачивали на высоко поднятую катушку, так, чтобы у нити было время высохнуть на воздухе. Если нити, пока она была мокрая, кто-то случайно касался, то на ней оставались пятна грязи, достаточно большие, различимые простым глазом. Пурпурный утверждал, что возле грязи начнет просачиваться газ, и его машина упадет в море. Тут мальчишки стали жаловаться на жару от ванн с кипящим соком. Было решено перенести ванны и прядильные колеса наверх, на скалу Идиоки.

Мальчишки были довольны, потому что там было прохладно от ветра, а женщины, казалось, не обратили внимания на лишние полчаса ходьбы по склону. Но, что более важно, был улучшен процесс пропитки и сушки. Теперь пропитанная нить большой петлей спускалась вниз со скалы, вокруг шкива и опять поднималась наверх, где и наматывалась на катушку. Ветер поддерживал нить на весу, и она получалась чистой, сухой и даже более блестящей, чем прежде.

Как-то я стоял на выступе вместе с Пурпурным. Работа шла гладко. Вдоль края скалы разместилось почти двести женщин с прядильными устройствами. Примерно пятьдесят мальчишек следили за ваннами с кровью домашнего дерева. Мимо нас тянулись петли только что изготовленной нити. Еще двадцать подмастерий

наматывали их на катушки. Вилвил и Орбур построили несколько больших механизмов, вращающих катушки. На каждом было занято по четыре мальчишки. Нить пропускалась быстрее, чем это смогли бы сделать десять подмастерий, работая поодиночке. Внизу, в деревне, действовало уже около десяти станков, каждый из которых изготовлял три куска воздушной ткани каждые пять дней. Но такого количества все еще было недостаточно.

Начали прибывать ткачи из других деревень, желая познакомиться с нашим новым секретом. Многие были шокированы, увидев работающих женщин, а на станках — костяные зубья. Но большинство прибывших оставались учиться и работать. Новые станки работали каждый день. Море начало подбираться к нижней деревне, несколько домашних деревьев уже оказались в воде.

— Как высоко поднимется вода? — спросил я. — Станки, вероятно, придется переносить?

— Надеюсь, нет, — ответил Пурпурный.— Видишь вон ту линию деревьев? Гортик говорил, что она проходит там, где вода поднялась в прошлом году. Я рад, что тут в океане пресная вода, Лэнт. Там, откуда я пришел, вода в океане соленая.

Я смотрел на голубую воду и вспоминал, что совсем недавно здесь была пустыня.

— Интересно, откуда берется вода?

Пурпурный ответил, думая о чем-то своем:

— Когда вы проходите между двух солнц, ледяные шапки тают.

Я с удивлением смотрел на него. Он до сих пор продолжал изредка нести тарабаршину. Вероятно, он никогда не избавится от этой привычки. И тут я внезапно осознал, до чего же привычным стало для меня присутствие Пурпурного. Я уже не думал о его странных манерах — просто они были другими. Я перестал думать о нем, как о ком-то чуждом и необычном. И только когда он начинал плести что-то невразумительное, как сейчас, я вспоминал, что он не нашего племени. Действительно, я начал даже привыкать к виду его голого, безволосого лица. Хотя... Я посмотрел еще раз. И воскликнул:

— Пурпурный, ты что, ошибся в заклинании?

— С чего ты взял?

— Твой подбородок, Пурпурный, — у тебя начали расти волосы на подбородке и по щекам!

Его рука потянулась к лицу. Он потрогал подбородок и расхохотался гулким, утробным смехом. Я здесь ничего смешного не видел. Среди нас было много таких, например, как Пилг, кто начисто лишился волос с головы до пят из-за неправильного заклинания. Все еще смеясь, Пурпурный достал из-за пояса какое-то устройство размером с кулак и сказал:

— Видишь, Лэнт?

— Конечно.

— Это — волшебная бритва. Она приводится в действие особого рода магией, называемой электричеством. — Именно так он ее назвал. — Сила моей бритвы будет мне нужна, чтобы получить газ легче воздуха. Поэтому я перестал удалять волосы с лица.

Я посмотрел на него с удивлением.

— Ты хочешь сказать, что можешь сам выращивать волосы?

Он кивнул.

— И удалять их, когда захочешь?

Он снова кивнул.

Странно, очень странно. Я пригляделся еще раз.

Потом спросил:

— Пурпурный, если ты решил не удалять волосы с лица, то почему ты не делаешь этого полностью?

— Как? — переспросил он. Затем, поняв, что я имею в виду остальные голые части его лица, расхохотался снова.

Но до меня все-таки не доходило, что в этом было смешного.

42

На следующий день Пурпурный решил попытаться разделить воду на газы. Посмотреть на это пришли мужчины из обеих деревень.

Волшебник так закрепил на стенке горшка два куска медной проволоки, что свободные их концы оказались в воде. Затем Пурпурный снял с пояса очередное волшебное устройство. Оно было плоским и округлым и напоминало то, которое находилось в световом устройстве, подаренном Шуге несколько месяцев назад, только побольше. Пурпурный называл его батареей. Он объяснил, что в нем сокрыта магия, называемая электричеством. Подсоединенное к его защитному костюму, оно давало силу другим устройствам, помещенным на поясе. Пурпурный просто указал на них, но ничего не стал объяснять. Единственными механизмами, которые не зависели от батареи, были излучатель света, у которого имелась своя крошечная батарейка, и счетчик радиации, который, как сказал Пурпурный, не нуждается в электричестве.

Батарея была тяжелой — значительно более тяжелой, чем можно было предположить по ее размерам. На одном конце виднелись два блестящих металлических нароста. Пурпурный прикрутил к этим наростам свободные концы медных проводов, каждый — к своему.

— Теперь, — заявил он, — все, что я должен сделать, это включить батарею. А вот эта круглая шкала показывает, сколько энергии у меня осталось. Когда я включу батарею, заклинание начнет действовать, а вода — разделяться на газы.

Так он и сделал. Я услышал шипение и заглянул в горшок. Крошечные пузырьки образовывались на поверхности проводов, открывались и поднимались к поверхности.

— Ага, — сказал Пурпурный.

Он повернул выпуклость. Вода начала пузыриться более энергично. Пурпурный горделиво рассмеялся.

— Водород и кислород, — сказал он. — От одного провода идет кислород. От другого — водород, который легче воздуха. Нам нужно улавливать водород. Он и поднимет воздушные мешки.

— О, — сказал я, — как будто все понял. — Я ничего не понял, но чувствовал, что надо, по крайней мере, хоть притвориться. А кроме того, я ожидал чего-то более впечатляющего. Я еще немного постоял из вежливости, а затем вернулся к своей работе.

Теперь у меня было семь подмастерьев, и хотя они были способны выполнять работу без меня, я все же — из чувства ответственности — проверял их при каждой возможности. Сейчас мы использовали овечью кость. Огромная ее груда лежала на солнцепеке. Конечно, она не будет такой твердой, как окаменевшая кость, но ее можно будет пустить в дело. Таково уж различие между сухой и сырой костью.

Пурпурный предложил, чтобы подмастерья работали в новом порядке. Пурпурный назвал это «разделением труда». Каждую работу можно разбить на несколько простых операций. А поскольку одному человеку приходилось освоить только одну операцию, то это упрощало и убыстряло весь рабочий процесс. Никто не обязан знать все, кроме Пурпурного, который, конечно, был волшебником.

43

Все предложения Пурпурного осуществлялись, например, он придумал способ уберечь Гортика от столкновения с деревьями при езде на велосипеде. Он предложил Вилвилу и Орбуру добавить к велосипеду пару маленьких деревянных колес — по одному с каждой стороны заднего колеса. Они удерживали машину от падения набок. Гортик получил, наконец, возможность ездить. В благодарность за это он позволил моим сыновьям продать велосипеды в нижней деревне, но при условии, что у машин не будет «колес Гортика». Он хотел быть единственным владельцем непадающего велосипеда. Вилвил и Орбур были довольны таким поворотом событий. Они уже придумали свою собственную поточную линию для велосипедов — с четырьмя подмастерьями они могли бы выпускать по два велосипеда каждые пять дней. Сыновья были полны желания опробовать ее, как только окончат летающую машину.

Пурпурному потребовались держатели мешков — огромные деревянные рамы, которые удерживали бы мешки над пузырящимися

горшками с водой. Таким образом он собирался ловить газ, который поднимался от водородного провода.

Волшебник попросил Белиса Горшечника изготовить для этих рам сосуды особой формы, и тот уже заканчивал первый из них.

Теперь все хотели работать с Пурпурным, даже если при этом приходилось менять свою профессию. Но не только мы все больше и больше узнавали от Пурпурного. И он, как это было видно по его поведению при заключении сделок, кое-что узнавал от нас.

44

Вскоре Шуга закончил культивацию и освящение всех домашних деревьев в районе, за исключением диких деревьев, которые он оставил Пурпурному для воздушной ткани. Дня полтора он бродил по деревне, придумывая, чем бы заняться. В конце концов он пожаловался мне:

— Все находят себе занятие возле летающей машины — но не я! Все пользуются заклинаниями Пурпурного.

— Чепуха, Шуга. Хватит заклинаний и для тебя.

— Назови хотя бы одно!

— Воздушная ткань должна быть благословлена, Шуга, разве не так? Я хочу сказать, что это должно быть похоже на поимку Маска-Вотца, бога ветра. Тут ведь тоже должно быть своего рода улучшающее заклинание.

Шуга задумался.

— Думаю, что ты прав, Лэнт. Я должен исследовать этот вопрос. Боги, определенно, должны быть привлечены к созданию летающей машины.

Я последовал за ним на рабочий участок ткачей: обширное пастбище как раз под скалой. Там располагалось более сорока гигантских ткацких станков. Шум стоял чудовищный — каждый станок скрипел и содрогался. Подгоняющие крики начальников бригад накладывались друг на друга. Мы зажали уши руками, пробираясь между рядами машин, на тяжелой раме каждого вырастал крошечный кусок воздушной ткани. С некоторым неудовольствием я отметил, что поле испорчено множеством собравшихся здесь людей — черная трава превратилась в грязь, тяжелая пыль повисла в воздухе. Это было плохо для ткани. Без сомнения, нам надо было разместить станки подальше друг от друга.

Старого Лесту мы нашли на краю поляны, наблюдающим за сборкой трех новых станков.

— Я должен поговорить с тобой, — сказал ему Шуга.

— О чем? Видишь, я очень занят, — говоря с нами, Леста не переставал покрикивать на подмастерий.

— Ладно, — сказал Шуга. — Я произвел некоторые вычисления...

— О, нет — больше никаких вычислений!

— Они касаются воздушной ткани. Мы не можем ткать ее, не обижая Маска-Вотца — но мы можем ее ткать, если будем читать заклинания примирения за каждый кусок и над каждым станком...

— Я не могу себе этого позволить, — застонал Леста. — Здесь и без того столько магии, что у меня начали вылезать волосы.

— Мы рискуем нарваться на удар смерча!

— Это было бы неплохо, — ответил старый ткач раздраженно. — У меня, по крайней мере, выдалось бы хоть немного спокойного времени. Вот, посмотри! Видишь эти станки? На каждом из них работают разные ткачи — и каждый поклоняется своему богу. Тут и Танккер — бог названий, и Каф — бог драконов, и Эйк — бог причин. Тут собралось больше богов, чем мне приходилось слышать! И каждый из ткачей требует, чтобы его ткань была выткана в особой манере, посвященной его любимому богу!

— Но... — забормотал я. — У Пурпурного будет припадок...

— Это точно, — согласился Леста. — Ткань должна быть изготовлена строго по образцу. Она должна быть по возможности более плотной. Она не должна быть ни атласной тканью, ни саржей, ни еще какой-то ерундой — она должна быть простой воздушной тканью! Так нет же... Видишь вон тех людей? Они укладываются, чтобы вернуться в свою деревню. Они — не желают ткать ничего, кроме сатина. Они боятся обидеть Мохнатого человека, бога... понятия не имею, что это за бог!.. По этой причине мы каждый день теряем по крайней мере пятерых ткачей.

Леста повернулся к нам.

— Вы понимаете, что происходит? Они крадут секреты нашей воздушной ткани! Они приходят, поработают с неделю, а затем выдумывают какой-то предлог, чтобы сбежать назад, в свою деревню. Я не в силах удержать их. — Он застонал и присел на бревно. — Ах! Лучше бы я никогда не слышал о воздушной ткани!

— Дела! — согласился я. — Ты действительно прими меры...

— Хм,— произнес Шуга. — Кажется, я могу кое-чем помочь.

Леста поднял голову.

— Это просто,— продолжал волшебник. — Мы должны посвятить всю ткань Маску-Вотцу. Каждый, кто надумает ткать ее без моего благословения или ткать ее в других видах, будет рисковать навлечь на себя его гнев.

— А как насчет тех, кто хочет уйти? — спросил Леста.

Шуга покачал головой.

— Это не страшно. Мы можем связать их более крепкой клятвой...

— Более крепкой, чем клятва богу?

— Да! Как насчет клятвы о безволосости?

— Это как?

— Очень просто — если они нарушают клятву, их волосы вылезают.

— О! — произнес Леста. Он немного подумал и просветлел. — Давай попробуем, — согласился он. — Попробуем. Хуже от этого не будет.

Когда я уходил, они ругались из-за вознаграждения Шуге за изгнание всех остальных богов из ткани.

45

Я решил навестить Пурпурного в его гнезде. Он был очень доволен ходом работ. Удовлетворенная ухмылка проглядывала сквозь черную щетину, и он игриво похлопывал свой животик. Некоторыми повадками он напоминал мне здоровенного черного кабана. Я рассказал ему об уходе ткачей. Пурпурный задумчиво кивал, когда я сообщил ему о мерах, предпринятых Шугой.

— Да, — признал он. — Это очень умно. Но я не беспокоюсь о тех, кто ушел. Они скоро вернутся.

— Почему?

Пурпурный объяснил с невинным видом:

— Во-первых, у нас почти все прядильные установки на острове. Во-вторых, им негде взять достаточно нити для своих станков.

Он засмеялся, довольный своей хитростью.

— Они будут счастливы, если сумеют сделать хотя бы один кусок воздушной ткани.

— Да, ты прав — я этого не понимал.

— И еще одно... У нас единственные на острове костяные зубья. Они не смогут изготовлять такую тонкую ткань, как наша. Они вернутся.

Он хлопнул меня по плечу.

— Идем, мне надо подняться на скалу и посмотреть, как движется работа.

— Я немного пройдусь с тобой, — сказал я. — Есть еще ряд вопросов, которые нам надо обсудить.

Я рассказал о шуме и грязи, создаваемых скоплением станков в одном месте.

— Ты прав, Лэнт. Мы должны раздвинуть их. Возможно, некоторые придется перенести в другое место. Мы должны любой ценой защитить ткань от грязи. Я сам организую это.

— Я уже сказал Лесте, — сообщил я. — Он не возражает. По крайней мере, не больше, чем обычно.

— Хорошо.

Мы запыхались, поднимаясь по склону в верхнюю деревню. Я сказал:

— Еще одна проблема, Пурпурный. Некоторые начали поговаривать о плате за работу. Они боятся, что у тебя не хватит заклинаний, чтобы рассчитаться с ними. Честно говоря, Пурпурный, даже я не понимаю, каким образом ты намерен выполнить свои обещания.

— Угу, — сказал Пурпурный, — надо им дать какие-нибудь символы или еще что-нибудь в таком духе.

— Волшебные символы?

Он задумчиво кивнул.

— И что они будут делать?

— Символ будет обещанием будущего заклинания. Каждый может хранить его, или обменять, или реализовать позже, когда у меня будет время для этого.

Я обдумал это предложение.

— Тебе их понадобится очень много, верно?

— Да. Я прикидываю, может быть, попросить Белиса Горшечника...

— Нет, у меня есть идея получше!

Мой мозг напряженно работал. Мои подмастерья уже хорошо освоили работу по кости. Они сделали более чем достаточно зубьев, чтобы удовлетворить потребности даже тех, которые будут построены в ближайшие пять дней. Мне не нравилось видеть, как они болтаются без дела, а у меня все еще оставались сто двадцать восемь ребер от скелетов, подобранных по дороге. Я сказал:

— Почему бы тебе не разрешить мне вырезать символы из кости? Кость имеет душу — а глина нет. К тому же моим подмастерьям сейчас нечего делать.

Пурпурный неторопливо кивнул:

— Хорошая идея, Лэнт. Мы можем выдать им по волшебному символу за каждый день работы.

— Нет, не пойдет, — возразил я. — По одному за каждые пять дней работы. Так делает Шуга,и от этого его заклинания становятся ценнее. Отработал руку дней — заработал заклинание.

Пурпурный согласился.

— Хорошо, Лэнт. Начинай вырезать.

Я был в восторге. Он пошел дальше на скалу, а я тут же поспешил в верхнюю деревню загонять своих лодырей-подмастерьев за работу. Мы разрежем каждое ребро на тысячу — если не больше — узеньких долек и выкрасим полученные кругляшки давленым соком черных ягод.

После нескольких экспериментов я выяснил, что мы можем использовать те же режущие нити, которые применяли при изготовлении зубьев. Нити были натянуты на жесткую рамку. Убрав одну

сторону рамки, мы могли отрезать по несколько долек сразу от конца каждого ребра.

Позже мы сообразили, что рамка еще больших размеров с увеличенным числом нитей сможет вырезать за один раз еще больше долек.

Пока мы обсуждали этот способ, рядом остановились Вилвил и Орбур. Они направлялись на скалу, каждый нес связку прочных бамбуковых стволов. Я рассказал им о своем проекте, и они задумчиво кивали.

— Пожалуй, мы сможем построить тебе устройство для резки большого числа ломтиков за один раз. Мы приделаем рукоятки, шкивы, а работать на нем будут двое подмастерий. Думается, с его помощью можно будет протягивать пятьдесят нитей одновременно.

— Отлично, отлично, — сказал я. — И как скоро вы это сделаете?

— Как только нам представится возможность — сперва мы должны закончить раму летающей лодки. Сосна слишком тяжелая — мы собираемся попробовать бамбук.

Они взвалили свой груз на плечи и потащились наверх.

46

Красное солнце близилось к закату. Предельно уставший, но довольный хорошо выполненной работой, я возвращался домой. В гнезде меня ожидали обычные удовольствия — вкусная еда, нежный и согревающий массаж, теплое расчесывание меха гребнями и, если буду в настроении, то, ради чего создаются семьи.

Взобравшись в гнездо, я увидел, что моя первая жена плачет, а вторая ей что-то зло выговаривает.

— Ты не должна нервировать мою первую жену. Она родила мне двоих сыновей, — заорал я на вторую жену.

Та, сверкнув глазами в мою сторону, отступила в угол гнезда.

— Подай мне кнут! — приказал я.

Вторая жена ответила:

— Ты можешь отхлестать меня, мой хозяин, но ты не можешь изменить того, что есть! Что есть — то есть!

За такое неуважение она была обязана поплатиться. Мужчине, который не может управиться с женой, лучше вообще не жениться. Я шагнул к первой жене и ласково спросил ее:

— Что случилось?

Она произнесла сквозь слезы:

— Эта... эта женщина... она...

Моя вторая жена надменно перебила ее:

— Я тебе больше не «эта женщина»! Я Кате!

— Кате? Что такое Кате?

— Кате — это мое имя. У меня теперь есть имя. Мне его дал Пурпурный!

— Что? Ты осмелилась иметь имя? Ни у одной женщины нет?

— А у меня есть! Мне его дал Пурпурный!

— Он не имел права!

— Имел. Он волшебник. Он пришел сегодня на Скалу, где мы пряли, и спросил, как нас зовут. Когда мы сказали, что у нас нет имен, он предложил нам их. И он благословил их к тому же! Теперь мы имеем освященные имена!

— Ну, вот, этот глупец навлечет гибель на всех нас! Нет ничего опаснее женщины, ставшей надменной, — мы не должны были обучать их прядению. А теперь он дал им еще и имена! Уж не считает ли он женщин равными мужчинам и в других отношениях?

Надо сразу же сообщить об этом Шуге. Других мужчин тоже необходимо поставить в известность. А Пурпурного необходимо наказать. Если женщина получит имя, ее можно проклясть благодаря магии, таящейся в имени. Мужчина достаточно силен, чтобы суметь избежать этого проклятия. Но — женщина? Как может женщина хотя бы понять опасность? Они будут в таком восторге от полученных имен, что помчатся говорить об этом первому встречному.

Моя первая жена с мольбой в голосе произнесла:

— Дай мне имя, муж мой. Я тоже хочу быть кем-то.

Небо было красным, затянутым дымкой, мужчины собирались кучками и выкрикивали глупости. Как будто они посмеют напасть на волшебника!

Пилг Крикун, у которого даже и жены-то не было, взобрался на высокий пень домашнего дерева и вопил:

— Процессия с факелами... сожжем... богохульство...

Нет, все зашло слишком далеко — здесь требуется разумный голос.

Я, спихнув Пилга Крикуна, взобрался на пень и заорал что было сил:

— Слушайте меня, жители...

Но перекричать толпу мне не удалось. Спрыгнув с пня, я попал в людской водоворот. К толпе присоединялись возбужденные жители нижней деревни. Появились факелы, их багряное пламя озаряло обезумевшие лица.

Толпа всколыхнулась и вдруг с ревом, как единое целое, устремилась куда-то. По обрывкам фраз и криков я понял, что разъяренные люди устремились к реке, к Пурпурному. Я попытался пробиться в начало этого обезумевшего потока, но не было такой силы, которая могла бы сдержать его.

47

Волна рассвирепевших людей докатилась до реки. На ее берегу возле своего гнезда на коленях стоял Пурпурный, крепко прижимая к груди надутый мешок размером с подростка. Вид надвигающейся толпы и производимый ею рев так удивили волшебника, что он забыл о своем занятии и выпустил мешок из рук. Тот поплыл вверх.

Завидев поднимающийся мешок, люди остановились в изумлении, словно наткнулись на бегу на каменную стену.

Мешок Пурпурного, сшитый из воздушной ткани, в свете факелов выглядел ярким и блестящим. Медленно поднимаясь в темно-красное небо, он, казалось, крутился и пританцовывал.

— Лэнт! — закричал Пурпурный. — Что... Что случилось? Почему они здесь?

Я оторвал глаза от мешка с газом.

— Пурпурный... зачем ты дал женщинам имена?

— А почему бы нет? — он казался смущенным. — Не могу же я все время обращаться к каждой из них — «Эй, ты», — не так ли?

Где-то за моей спиной раздались стоны, но я не счел нужным поворачиваться.

Пурпурный продолжал:

— Мне было трудно поддерживать порядок, Лэнт. Их очень много. Я хочу сказать, что нетрудно вспомнить, что женщину зовут «жена Фрона», но она оскорблялась, если я забывал уточнить «вторая жена Фрона».

— Третья! — напомнил я.

— Третья! Вот видишь! Мне это мешало. Поэтому я дал некоторым из них имена — Кате, Джуди, Анна, Урсула, Карен, Марианна, Лея, Соня, Зенна, Джоанна... Это намного облегчает работу.

— Облегчает?

Я оглянулся. Люди в толпе подвинулись теснее, выше подняли факелы и смотрели на небо. Но летучий мешок исчез.

— Облегчает? — повторил я. — Они пришли сюда, чтобы сжечь тебя, Пурпурный!

— Гм, — произнес он, но вроде бы не поверил. — А где мой баллон? Он был здесь минуту назад... я его держал...

— Ты имеешь в виду тот мешок, что поднялся в небо?

Его лицо загорелось.

— Он. поднялся? Ты хочешь сказать, что это случилось?

Он взволнованно смотрел вверх, затем внезапно перевел взгляд на меня.

— Э... ты сказал — сжечь меня?

Я кивнул.

Но это, вроде, ничуть его не беспокоило — он все еще продолжал смотреть на небо. Совсем свихнулся со своим баллоном.

— За что? — поинтересовался он. — За то, что я дал женщинам имена?

— Пурпурный, ты волшебник, ты должен знать, что делаешь. Теперь любая женщина, которая прядет, знает имя любой другой женщины, верно?

— Конечно. Ну и что?

Я застонал.

— А то, что они используют магию друг против друга. Магия — слишком большая сила, чтобы давать ее в руки глупцам и женщинам! Они станут слишком высокого мнения о себе, Пурпурный! Сначала ты дал им профессию, теперь ты дал им имена. Того и гляди они начнут думать, что они не хуже мужчин!

— Тебя это беспокоит, да? — понимающе спросил он. — Ладно, Лэнт, чего ты от меня хочешь? Чтобы я забрал имена назад?

— А ты можешь?

— Конечно. Я сделаю это для тебя. Я запомню вместо этого имена их мужей и их номера — лишь бы был мир!

Я не мог поверить, что он так легко, так небрежно от этого откажется. Так же небрежно, как он дал им имена... Я нерешительно повторил:

— Так ты заберешь их имена назад?

— Конечно, — засмеялся Пурпурный. — Кто я, по-твоему? Плут?

Он гулко захохотал, показывая зубы. Потом наклонился к своему горшку с водой и начал возиться с проводами. Я наблюдал за тем, как он прикреплял кусок ткани к горлу сосуда.

— Еще один воздушный мешок?

— Что? Ах, да... Другой баллон. — Он разгладил ткань руками. — Сегодня мы сделали первые мешки.

Мешок начал медленно приподниматься. Пурпурный держал его так, чтобы он надувался ровно.

— Смотри! — сказал он. — Он наполняется водородом!

Я шагнул ближе, удивляясь самому себе. Несколько человек с факелами подвинулись вперед. Мешок делался упругим и пухлым по всей длине, становился все круглее. Мне показалось, что я прямо слышу, как пузыри всплывают из воды, проходят по горлу и раздувают мешок. Пурпурный пристально следил за ним. Наконец он снял мешок с горлышка горшка, завязал и отпустил.

Этот баллон был меньше первого, он как будто нехотя оторвался от горшка и поплыл прямо на толпу.

Поплыл прямо на толпу!

— Получилось! Получилось! — кричал Пурпурный и приплясывал от восторга.

Мы подались назад, когда эта штуковина подобралась ближе.

Пилг выставил свой факел перед собой, как бы обороняясь им. Мешок подплыл ближе и...

Возник шар пламени! Яркая оранжевая вспышка жара и света!

Я не знаю, что было потом. Большинство из нас каким-то образом добралось домой. Но Форд Копальщик взбежал прямо на утес, а Пилга вообще никто не смог отыскать.

48

Но неприятности на этом кончились. Когда Пурпурный сообщил женщинам, что они больше не будут иметь имен, поднялся такой плач и вой, будто все мужчины деревни одновременно колотили своих жен. И, действительно, многие начали бить своих подруг для того лишь, чтобы прекратить вой. Но рукоприкладство только усугубило неистовство женщин. Скоро стало ясно, что мы имеем дело со стихийным мятежом. Выглядело это совсем просто: женщины отказались работать, готовить пищу и даже делать то, ради чего создаются семьи, до тех пор, пока мы не позволим им иметь имена.

— Нет, — заявил я своим женам. — Старые обычаи лучше. Если я позволю вам иметь имена, боги рассердятся.

Но женщины были непреклонны.

— Лэнт, возлюбленный наш хозяин и преданный муж...

— Не уговаривайте, — заявил я. — Никаких имен не будет.

— А тогда не будет того, ради чего создаются семьи, — сказали они и захихикали.

Я смотрел на своих двух женщин. Первую жену я купил, еще не избавившись от юношеского меха. Она пробыла со мной много лет, родила двух замечательных сыновей и одну дочь. Она была предана мне, хорошо изучила мои привычки. Теперь она не была уже такой гладкой и лоснящейся, как некогда, но я все же не собирался отправлять ее в группу старых женщин. Она на удивление хорошо подходила для выполнения обязанностей, связанных с ведением домашнего хозяйства. Вторая жена — гладенькая и изящная. Совсем молодая и в женах всего три цикла. Она была испорченной и крикливой. И я неожиданно почувствовал, что жалею о потере третьей жены, самой скромной и самой нежной. Она родила мне сына, но и она, и сын погибли при разрушении старой деревни.

Нет, следует быть хозяином в собственном доме. Если они не покорятся, то придется их прогнать и найти новых жен. Можно подобрать кого-нибудь в деревне. В конце концов, я Глава!

Но большинство бунтовщиц были незамужними женщинами! И настойчивее всех требовали имен лучшие прядильщицы. Но ведь должна же, рассуждал я, найтись хотя бы одна, которая предпочтет желанию иметь имя честь вести мое хозяйство. Наверняка, отыщет-

ся хоть одна, любящая делать то, ради чего создаются семьи.

Сложившаяся ситуация требовала решительных действий. Мужчины обеих деревень собрались на общий сход. Слово взял Хинк:

— Я предлагаю как следует поколотить своих жен. Пусть знают, что мы не разрешим им никаких имен и не позволим бунтовать...

Раздался хор одобрения. Ясное дело, идея всем понравилась. Но тут мужчина из нижней деревни покачал головой и возразил:

— Не выйдет, Хинк. Мы уже наказывали их, но они все равно не работают. Им захотелось имен, и никаким количеством колотушек этого желания не выбить.

Поднялся страшный гвалт, но никаких здравых предложений высказано не было. Решили разойтись и оценить ситуацию еще раз.

Мы пошли домой, побили своих жен и задумались снова. На повторном собрании Пурпурный предложил разумное решение. Женщины могли получить имена, используемые только для идентификации. Это будут неосвященные имена, лишенные религиозного значения. Просто слова, которые произносят, чтобы знать, о какой женщине идет речь. Другими словами, на женские имена не будет распространяться влияние богов!

Шуга разворчался по поводу этого решения. Он сказал мне:

— По своему определению имена являются частью предмета, который они именуют. Вы не можете разделить их.

— Сожалею, Шуга, но имена данных женщин назад не возьмешь. Все, что мы можем сделать, — это снять с них благословение. Сделай женщин защищенными от проклятий.

Пусть их имена станут бессмысленным набором звуков.

— Только и всего, Лэнт? Но все слова наделены смыслом, знаем мы его или нет. Не может быть слов, которые не были бы одновременно определенными символами предметов, именами которых они являются. А символ — способ управления предметом. С имен благословение снять невозможно.

— Гм, — произнес я. — Но Пурпурный думает по-другому.

— Пурпурный думает по-другому! А кто здесь волшебник? Я или Пурпурный?!

— Пурпурный, — коротко ответил я.

Шуга уставился на меня.

— Это ведь его территория.

Шуга зарычал и начал рыться в своих волшебных амулетах.

Я сказал:

— Шуга, ты такой же искусный, как и он. Ты, наверняка, должен найти какой-то выход.

Волшебник нахмурился.

— Хм... да, — сказал он, подумав. — Есть, Лэнт. Я просто благословлю каждую женщину одним и тем же именем. Следователь-

но, ни одна из них не посмеет проклясть другую, потому что в таком случае она проклянет и себя тоже!

— Шуга, ты великолепен!

— Да, — скромно согласился он.

На следующий день он пошел и назвал всех женщин Мисса. Были отменены Кате и Урсула, Анна и Джуди, Карен и Андрэ, Марианна. Остались одни Миссы. Мисса Фрона, Мисса Гортика, Мисса Лэнта.

Решение проблемы было полным, а все Миссы были счастливы. Они снова стали прясть, работать и делать то, ради чего создаются семьи. Мужчины в деревнях вздохнули с облегчением.

Пурпурный мог звать их как хочет, это не имело значения. Освященными их именами была Мисса. И это было единственное имя, которое обладало какой-то силой. Теперь мы могли вернуться к нормальному образу жизни — к делам, связанным с летающей машиной.

49

Для того чтобы не останавливать производство воздушной ткани, станки переносились только по три штуки в день. Новые станки собирались на других склонах, а не в одном общем месте. Когда Лесте сказали, что он должен разнести подальше уже готовые и работающие устройства, он застонал от огорчения. Но Пурпурный быстро доказал, что нужно передвинуть только двадцать два. Если убрать каждый второй станок из ряда, то между ними окажется достаточно места. Покачивая головой, Леста отправился отдавать приказания.

Половина новой ткани предназначалась для машины Пурпурного. Остальная делилась на процентной основе. Каждому ткачу шла плата тканью в размерах, определяемых его положением и работой, которую он выполнял.

Пурпурный расплачивался с людьми волшебными символами, которые нарезали из кости я и мои помощники. Жители деревень называли символы «Пурпурными».

Первая их партия была вручена Лесте для распространения между его рабочими в той же пропорции, что и ткань. Сначала ни Леста, ни ткачи не поняли их назначения, но когда мы растолковали, что каждый символ — это обещание будущего заклинания, они согласились и взяли их. Через несколько дней они уже вовсю обменивались ими между собой вместо расплаты за различные услуги. Другие играли на них в кости. Шуга решил, что игра оскорбляет богов. Игроки были строго предупреждены, а их символы конфискованы. Еще один мужчина вынуждал своих жен за символы

делать с другими мужчинами то, ради чего создается семья. Мы конфисковали его жен.

Из-за того, что поточные линии оказались очень эффективными, общее производство воздушной ткани на двадцать процентов превышало прежнюю совместную продукцию всех деревень. Конечно, доля Пурпурного составляла половину этого количества, но мало кто из ткачей обижался на это — без Пурпурного воздушной ткани не было бы вообще. И они знали, что получат за нее намного больше, чем за материи старых сортов.

Сначала Пурпурный подумывал о конфискации всей ткани для летающей машины, но передумал. Если ткачи почувствуют, что работают только на Пурпурного, то станут нерадивы и небрежны. Если же они будут знать, что также работают и на себя, то с каждым куском ткани станут обращаться как со своей собственностью.

Распределение проводилось каждую вторую руку дней. Большинство мужчин получали достаточное количество ткани для собственных нужд и на продажу. Младшим ткачам, подмастерьям и ученикам, труд которых считался незначительным вкладом в производство ткани, доля выплачивалась волшебными символами. Накопивший три штуки мог обменять их на один кусок ткани.

То, что ткань очень ценная, было ясно всем. Вскоре возможность носить накидку из воздушной ткани стала показателем высокого общественного положения и материал пользовался большим спросом. Некоторые мужчины, главные ткачи в своих деревнях, стали одевать в воздушную ткань даже своих жен, чтобы подчеркнуть этим свою значимость. Но мы достаточно быстро положили этому конец. Тогда ткачи стали напяливать на себя столько, сколько могли. Однако и это очень скоро прекратилось, так как в многослойной одежде было слишком жарко.

Произошла первая в истории местных племен кража. Двух мальчиков привлекла чудесная воздушная материя. Но, являясь подмастерьями, они получали плату волшебными символами.

Ткань Пурпурного, сложенная неподалеку от его жилища, и соблазнила мальчишек. Далеко за полночь бодрствующий Пурпурный заметил двух людей со свертками ткани в руках.

Со всех ног он ринулся за ними, вопя:

— Стойте! Держите воров!

Мальчишки допустили ошибку, побежав в сторону станков. Ночные ткачи, услышав непонятные вопли Пурпурного, на всякий случай задержали убегавших от него мальчишек.

На голубом рассвете мы собрали совет: волшебники, главные ткачи деревень и пять Глав, включая Гортика и меня.

— Какое у вас наказание за такое преступление? — спросил меня Пурпурный.

— У нас таких вещей прежде не случалось. Я не знаю, что нам решить.

Пурпурный выглядел удивленным. Он словно бы хотел что-то сказать, но тут началось слушание дела. Я говорил мало. Решать предстояло не мне, а Главе той деревни, откуда пришли мальчишки. Они стояли и дрожали. Парни были примерно того же возраста, что мои Вилвил и Орбур.

Главы спорили все утро. Не было прецендента, не было примера для решения. В конце концов именно Шуга решил вопрос. Он сердито вышел в центр круга.

— Эти юнцы совершили кражу, — заявил он. — Это слово Пурпурного. Пурпурный говорит, что есть такой поступок там, откуда он пришел. Лично я расцениваю это проявлением глупости — брать что-либо у волшебника крайне опасно!

Его слово встретили приглушенным одобрением. Шуга продолжал:

— Очевидно, раз взятая собственность принадлежит волшебнику, то это — вопрос не для Глав. Это для волшебников.

На этот раз Главы обиделись. Шуга задел их за живое.

— Эти двое воришек хотели взять воздушную ткань... — сказал Шуга, направляясь к юнцам. Они отпрянули от него. — Поэтому я предлагаю, чтобы наказание равнялось проступку... Я говорю: мы дадим им воздушную ткань!

С этими словами он развернул огромные свертки, которые мальчишки стащили у Пурпурного. Получились длинные полосы.

— Заверните их в ткань! — скомандовал Шуга.

— Э... подождите... — начал Пурпурный.

Шуга не обратил на него внимания. Главные ткачи подтащили мальчишек и заставили их лечь на землю, прямо на полосы материи.

— Заворачивайте! — приказал Шуга. — Плотно! Плотно!

Ткачи так и сделали.

— Но... Шуга, — протестовал Пурпурный. — Они задохнутся.

— Прекрасно, — сказал Шуга. — Пусть задохнутся.

— Не надо так говорить, — просил Пурпурный. Он побледнел.

Наглухо завернутые в ткань мальчишки напоминали гигантские коричневые личинки.

— Мы оставим их здесь до следующего подъема голубого солнца, — постановил Шуга. — Пусть кто-нибудь проследит, чтобы никто не подходил близко.

Он с гримасой отвернулся и пошел прочь.

50

Когда мальчиков развернули, они были мертвы и уже окоченели. Даже Шуга был потрясен.

— Никак не ожидал... — он медленно покачал головой. — Так вот что значит — задохнуться. — Он потрогал тела. — Должно быть, очень сильное заклинание. Посмотрите, на них нет никаких следов.

Мы посмотрели. Лица их стали темными и холодными. Языки высунулись, глаза изумленно таращились. Но на них не было ни единой раны.

Когда мы рассказали об этом Пурпурному, он болезненно застонал:

— Я не должен был этого допускать. Я должен был его остановить.

Увидев их застывшие тела, он отшатнулся. Опустился на бревно, закрыл лицо руками и зарыдал. Затем появились отцы мальчиков. Их вызвали с другой стороны острова, и они потратили почти день на дорогу. Когда они поняли, что случилось, то тоже начали рыдать. Они шли принять участие в наказании, а попали на траурную церемонию. Я испытывал ощущение горькой потери.

Гортик бережно свернул украденную ткань и протянул ее Пурпурному. Пурпурный поднял голову, посмотрел на сверток и, подавшись назад, затряс головой:

— Убери ее. Убери!

В конце концов мы в ней похоронили мальчиков.

51

Потом я отыскал Пурпурного, сидевшего в одиночестве, на раме воздушной лодки. Он посмотрел на меня.

— Я же говорил Шуге, что они задохнутся. Им не хватит кислорода.

— Твоя воздушная ткань не пропускает воздух также, как газ!

— Да, конечно, — озадаченно согласился он.

— Так ты это знал? Ты знал! — дико закричал я. — Ты знал, что они умрут! Если бы ты заставил Шугу слушаться... или сказал бы мне! Мальчики не сделали ничего особенного...

— Прекрати! — простонал он.

— Ты позволил им умереть, Пурпурный! Из-за такой малости?

— Но это в обычае многих диких племен, — сказал он. Запнулся и посмотрел на меня.

— Дикие племена? — повторил я. — Ты думаешь ... ты считаешь нас дикарями?

— Нет... нет... Лэнт... я... — бормотал он. — Я думал, что... Я никогда не видел, как у вас наказывают! Я не знал, какой будет ваша кара! Я считал, Шуга понимает, что делает. Я... мне очень больно, Лэнт... Я не знал...

Он закрыл лицо.

А я неожиданно успокоился. У Пурпурного не было никакого опыта, присущего человеку. Нам следовало принимать его таким, какой он есть, как делал это он по отношению к нам. Я спросил:

— Там, откуда ты пришел, за воровство убивают?

— Нет. Если кто-то совершает тяжкое преступление, то да, советники могут приговорить к смертной казни, но, Лэнт, я не понимаю — неужели воровство у вас такая редкость? Мальчики взяли вещь, которая... им не принадлежит. Они ее не заработали. Разве это не привычная для вас ситуация?

— Мы об этом даже не слышали, Пурпурный. Это у нас впервые.

— Но... — он, казалось, подбирал слова, — как ты называешь, когда один берет хлеб у другого?

— Голод.

Пурпурный волновался.

— Хорошо, что ты будешь делать, если кто-то возьмет твои костяные изделия?

— Без платы? Пойду и отберу их назад. Ему их не спрятать. Ни один мастер по кости не работает точно также, как другой.

— У тебя большой запас необработанной кости. Что, если кто-то ее заберет?

— Ее сможет использовать только другой резчик. Я их всех узнаю. Пошел бы и отобрал.

— Но это абсурд, Лэнт, наверняка должно найтись что-то такое, что вор мог бы взять. Секреты! — радостно воскликнул Пурпурный. — Леста трясется над своими ткацкими секретами, как мать над ребенком.

— Но если кто-то украдет у него секреты, у Лесты они все равно останутся. Он все равно сможет изготовлять свою ткань, хотя теперь смогут это делать и другие ткачи. Никто не может украсть пищи больше, чем способен съесть. Никто не может украсть дом или что-то такое тяжелое, чего он не способен поднять. Никто не может украсть инструменты — инструменты нужны только специалисту. Никто не может украсть положение в обществе или репутацию.

— Но...

— Никто не может украсть что-то такое, что легко узнать. Фактически, единственная вещь, которую можно украсть, это вещь, выглядящая как огромное множество точно таких же вещей. — Пока я говорил, мой мозг напряженно работал, и я начал понимать

Пурпурного. — Вещи, которые выглядят так же, как другие вещи. Ткань, или волшебные символы, или зерно...

Пурпурный был поражен.

— Да, ты прав!

— Ткань и волшебные символы. Да, до твоего появления никто не мог украсть достаточно ткани, чтобы это окупило риск. А как мог кто-то украсть услуги волшебника? Сама эта мысль была нелепой, пока не пришел ты, Пурпурный!

Пурпурный ошеломленно произнес:

— Я изобрел новое преступление.

— Поздравляю, — сказал я и покинул его.

52

Бенис из тяжелого обожженного кирпича изготовил емкости больших размеров для обработки ткани, вышедшей из станка. Но их нечем было наполнить, так как сока хватало только на пропитку нитей.

Нехватка сока становилась проблемой. В населенном районе Шуга освятил все деревья, кроме трех, но они уже почти высохли. Дикие деревья еще оставались, но были расположены на дальних холмах. Четыре бригады покидали каждое голубое утро деревню и отправлялись на поиски сырья, и они часто возвращались даже после того, как Оуэлс исчезал за горизонтом.

На скале, между тем, каркас лодки быстро обретал форму. Первый его вариант получился слишком тяжелым и был демонтирован. От него мальчики оставили только доску для киля. Вместо сосны они теперь использовали хитро скрепленные бамбуковые стебли. В этом им помогал Шуга, хотя он был слишком занят благословением ткацкого производства и другими заклинаниями.

Второй каркас лодки получился почти полностью из бамбука. Где только возможно, Вилвил и Орбур предполагали использовать воздушную ткань. Они собирались плотно натянуть на бамбуковый каркас несколько слоев этой материи. Густо пропитав ее кровью домашнего дерева, предполагалось получить водонепроницаемый корпус. Сиденья и стены жилой кабины на лодке делались из той же ткани, натянутой на бамбуковые рамы.

Мальчики были в восторге от своей работы. Лодка будет водонепроницаемой, крепкой и, самое главное, получится настолько легкой, что Пурпурному можно не волноваться насчет веса припасов. Единственной частью лодки, которую пришлось изготовить из древесины, оказался палубный настил, идущий над днищем. Мальчики уже вставили его в пазы в каркасе — получился узенький мостик для ходьбы во всю длину корпуса.

Я размышлял: а нельзя ли воздушную ткань приспособить еще для чего-нибудь? Например, не удастся ли применить ее при пост-

ройке гнезда? Вместо того, чтобы сплетать дом из волокнистых растений и лиан, можно обтянуть его воздушной тканью. Это было бы и легче, быстрее. А дом получился бы более прохладным и к тому же защищал от дождя.

... если удастся натянуть большой кусок ткани на жесткую раму и использовать ее как укрытие для стада от дождя... или, скажем, перегородить ручей. Ткань, очевидно, потребуется многослойная, но не видно причин, почему бы это не могло получиться.

... можно было бы запасать большое количество воды в прудах, отгороженных воздушной тканью. В землю она просачиваться не будет. А если накрыть тканью и водную поверхность, то даже жаждущий Маск-Вотц не сможет ее украсть.

Я был готов спорить, что для этого материала найдется множество применений, о которых мы просто не думали. Не исключено, что я продешевил с Лестой... Ничего, можно пересмотреть условия нашей сделки после того, как будет закончена летающая машина Пурпурного.

Законченный каркас очень напоминал своими очертаниями лодку, но он был настолько легким, что его пришлось привязывать к скале, чтобы его не сбросил вниз ветер. Один человек мог сдвинуть его с места, а двое волокли без труда. Килем служила отдельная сосновая доска, которую оставили от первой конструкции. Чтобы сделать киль более эффективным, они подвесили его под днищем на нескольких распорках из жесткого бамбука. Чтобы предохранить киль от поломки, а каркас лодки держать ровно, мои мальчики построили для корпуса подставку. Скоро они начнут обтягивать каркас тканью. А тогда единственным, что задержит отлет летающего корабля, станет пошив воздушных мешков.

Это же зависело от двух обстоятельств.

Необходимо было большое количество ткани, требовался другой способ разделения воды, так как батарея Пурпурного умерла.

53

О батарее я узнал, когда пошел поговорить насчет крови домашнего дерева. Пурпурный сидел на бревне около своего дома и вертел в руках плоскую округлую коробочку. По его виду можно было подумать, что он разглядывает свою собственную смерть. Я, ничего не говоря, присел рядом и ждал.

— Она умерла, — сказал Пурпурный чуть погодя.

— Как? — спросил я. — Ты морил ее голодом?

Он показал наверх. Над его домашним деревом покачивалось семь мешков из воздушной ткани размером с человека. Они тянулись прямо вверх, удерживаемые веревками.

— Я экспериментировал, Лэнт... я запасал газ впрок. — Он мах-

нул рукой на деревню. — И я не хочу, чтобы люди боялись воздушного корабля...

Группа подростков промчалась мимо, каждый тянул за собой на ниточке блестящий воздушный мешок. Мешки были размером с голову, может, чуть больше.

— Лишние лоскутья от бракованной ткани, — пояснил Пурпурный. — Недостаточно плотные для моей лодки. Вот я и подумал, что если взрослые увидят, что даже дети способны управлять заклинанием...

Я понял. Пурпурный запомнил наш ужас в ночь мятежа. Он попытался извлечь из этого урок, решив приучить людей к шарам.

Теперь он горевал над своей батареей и печально поглаживал ее.

— А нет способа, каким бы мог кто-то сделать новую батарею?

— Да ты не понимаешь, о чем спрашиваешь! — воскликнул Пурпурный. — Вся моя цивилизация основана на том роде силы, которая была заключена в батарее. Я ... я не волшебник в этой области, у меня нет должной выучки.

Было ясно, что Пурпурный не в себе. Я заставил его сесть и не позволил произнести ни слова, пока он не выпил пива.

Лицо его скривилось.

— Я был идиотом, — признался он. — Восемь месяцев я тратил электричество, чтобы побриться, а оно мне нужно, чтобы добраться домой!

— А эти мешки? — я указал на его домашнее дерево.

— Этих недостаточно. К тому же ко времени, когда мы закончим лодку, они снова будут пустыми. Газ просачивается, Лэнт.

Я протянул ему другую чашу пива.

— Но ты наверняка сможешь сделать источник силы такого рода, чтобы разделять воду.

— Нет, у вас нет инструментов, чтобы сделать инструменты, чтобы сделать...

— И больше нет ничего, что привело бы в действие летающее заклинание?

— Горячий воздух. Горячий воздух легче холодного. Поэтому дым поднимается. Все проклятье в том, что горячий воздух становится холодным. Мы опустимся в море и там и останемся. Скорее всего, нам не удастся проникнуть далеко на север на мешках с горячим воздухом.

Я сел на бревно рядом с ним, налил и себе немного пива.

— Но ведь наверняка должен быть какой-то выход, Пурпурный. Не так давно ты думал, что летающая лодка невозможна. Нельзя ли что-то придумать с твоей батареей? Ведь был когда-то первый источник электричества.

Пурпурный посмотрел на меня пустыми глазами.

— Увы, Лэнт...

Но тут же глаза его оживились.

— Подожди минутку... что-то я делал такое в школе... как-то было... Вращающийся мотор, изготовленный из бумажных скрепок, медного провода и батареи. Но...

— Бумажные скрепки?

Что бы это могло значить?

— Ну, это не проблема. Бумажные скрепки требовались только для зажима.

— Но твоя батарея умерла...

— Дело не в том. Тогда я использовал батарею, чтобы заставить двигаться вращающуюся секцию.

Он возбужденно обнял меня — и мы опрокинулись с бревна, а он даже не заметил этого.

— Я могу перевернуть заклинание и заставить вращающуюся секцию заряжать мою батарею!

Я успел подхватить пузырь с пивом, прежде чем пролилось слишком много. И сделал глоток.

— Ты хочешь сказать, что сумеешь восстановить ее силу?

— Да! Да!

Пурпурный начал было приплясывать, но остановился, выхватил у меня из рук пиво и отпил.

— Я смогу сделать столько электричества, сколько мне нужно, Лэнт. Я смогу его сделать даже для тебя...

— Ну, это ни к чему, Пурпурный...

— Но это великая магия! Она сможет тебе помочь! Вот увидишь! Вот увидишь! А мне понадобится взять ее с собой... о, моя доброта!.. Вам придется поворачивать вращающуюся секцию руками, не так ли? Ладно, можно пользоваться рукояткой и... зубчатыми колесами! Но, может быть... да, мы сможем сделать передачу...

Он неожиданно замолчал.

— Нет, не получится.

— В чем же дело?

— Лэнт, это было так давно. А штука, которую я сделал, была такая маленькая. Я не уверен, что смогу сделать ее еще раз, и не знаю, сможет ли она давать достаточно электричества.

Я налил ему еще немного пива и снова сел на бревно.

— Но ты ведь попробуешь, верно?

— Конечно, — ответил Пурпурный, — я должен... но я смутно помню... — Он пристроился на бревне рядом со мной. — Сделать воздушный корабль не так легко, как я думал.

Я кивнул.

— Прошло уже девять рук дней, как мы начали. Я думал, что займет совсем немного времени, а еще и конца не видно.

— Да, — согласился он.

Я сделал еще глоток, потом сказал:

— Знаешь, у меня для тебя тоже плохие новости...

— Да? Какие?

— Воздушной ткани больше не будет.

Мы истощили все дикие домашние деревья. Ткачи могут изготовлять ткань, конечно, но если нити не пропитывать, то ничего хорошего не получится.

— Чудесно, — сказал он. — Его тон давал понять, что думает он совсем наоборот. — Правда, это почти не имеет значения, поскольку мы не сможем сделать газ.

Я еще налил пива. Пурпурному и себе тоже.

— Конечно, — сказал он. — У меня хватит воздушной ткани для небольшого летучего корабля... который смог бы нести меня одного... — Он помолчал, икнул и сказал: — Если придется делать летающее заклинание с горячим воздухом, то я его сделаю. Только для того, чтобы Шуга не смог назвать меня лжецом. Я обещал.

Он допил свою чашу и протянул мне. Я наполнил ее вновь.

— Я бы продал все свои надежды на полет за кварту хорошего шотландского виски. Ладно, если мы больше не можем брать сок диких домашних деревьев, давай брать его от прирученных домашних деревьев.

— Освященных домашних деревьев, — поправил я.— Но если ты попытаешься осквернить домашние деревья, то уж теперь тебя наверняка сожгут.

— Мы не можем брать сок от освященных домашних деревьев, — повторил Пурпурный. Я встревожился. — Мы не можем брать сок от освященных домашних деревьев. — Лицо у него покраснело. — Но мы можем сначала снять благословение!

— Чепуха!

— Почему? Шуга снял благословение с ткацких богов других деревень. Шуга снял благословение с женских имен. Почему я не могу снять благословение с чего-нибудь?

— Заклинаний, снимающих благословение с домашних деревьев, просто нет, — возразил я.

— В них никто не нуждался. А я возьму и придумаю. Разве я не волшебник?

— Конечно, — сказал я.

— Лучший волшебник во всем этом спиральном рукаве и еще двух соседних.

Он опять понес тарабарщину. Что ему сейчас требовалось, так это еще одна чаша пива. И мне тоже. Мы потащились в верхнюю деревню и вскарабкались в мое гнездо.

Я достал непочатый пузырь. Пурпурный сделал первый глоток. Где-то по дороге он потерял свою чашу, поэтому теперь пил прямо из горлышка.

— Как же ты собираешься снимать благословение с домашних

деревьев? — спросил я. Пурпурный оторвался от пузыря, посмотрел на меня с упреком и пошатнулся.

— Пойдем и увидишь!

И мы потопали через деревню к одному из самых больших домашних деревьев — Хинка Младшего.

Пурпурный еще глотнул пива и задумчиво уставился на дерево.

— Какому богу это дерево посвящено? — поинтересовался он.

— Хм... это дерево Хинка Младшего. Думаю, оно посвящено Поупу — богу плодородия. У Хинка четырнадцать детей — и все, кроме одного, девочки.

— Ну-ну, — произнес Пурпурный. — Тогда мне следует снимать благословение зельем бесплодия, верно? Да, в данном случае пивом можно воспользоваться, чтобы что-то сделать бесплодным. Пиво должно входить в снимающее благословение заклинание. И, дай подумать, надо использовать лепестки колючего растения, которое цветет только раз в пятьдесят лет и еще...

Он продолжал бормотать что-то в том же духе. Я отпил пива и пошел вместе с ним к его гнезду. Пурпурный исчез в нем, все еще бормоча. Из двери гнезда посыпался град предметов и волшебных устройств.

— Мусор! — прогремел голос Пурпурного. — Это мусор. Мне надо знать имена каждого устройства... Проклятье, не могу найти лепестков колючего растения.

— Я тоже. Заменяю.

Немного погодя он вывалился из гнезда, неловко приземлившись на вершину внушительной кучи волшебных предметов, и принялся запихивать их в большой короб.

— Мне ясно, Лэнт, что это дело надо еще немножко исследовать. Давай вернемся в деревню и взглянем еще разок на деревья.

Мы снова обозрели дерево Хинка. Красное солнце стояло на западе. У нас оставался, возможно, час до голубого рассвета.

— Это ночное или дневное заклинание? — спросил я.

— Не знаю. Давай сделаем его утренним заклинанием. Пятичасовое утреннее заклинание.

Он еще отпил пива. Пузырь был почти пуст. Пурпурный икнул и вытащил глиняную чашу. Он начал мешать в ней зелье, потом неожиданно изменил намерение и выплеснул смесь на землю. Начал мешать другое, но тоже вылил. В конце концов он принялся ссыпать вместе порошки. Понюхал смесь и наморщил нос.

— Фу! Это подойдет, Лэнт. Все, что теперь требуется, это...

Он неожиданно выпрямился и объявил:

— Меня приперло.

Он подобрал накидку и огляделся в поисках кустов. Кустов здесь не водилось. Пурпурный взглянул на чашу перед собой, пожал плечами:

— Почему бы нет?

Из чаши полетели горячие брызги.

— Пурпурный? — вскричал я. — Это просто гениально... испорченная вода сделает заклинание вдвое сильнее... испорченная вода волшебника! Клянусь!

Пурпурный скромно одернул накидку.

— Ничего особенного, Лэнт. Это вышло так естественно.

И потянулся за пивом, объясняя:

— Попозже мне еще понадобится.

Он отпил, затем вернул пузырь мне.

После чего осторожно поднял чашу с волшебным зельем.

— Теперь осталось сделать только одно.

Я опустил пузырь и спросил:

— Что?

— Как что? Испытать заклинание, конечно...

И он тотчас же начал петь и приплясывать вокруг дерева Хинка. На втором круге он почти запутался в своей накидке, но, к счастью, не упал. Он быстро скинул накидку и опять начал приплясывать вокруг дерева и петь.

— Вот мы идем вокруг колючего растения, колючего растения... вот мы идем вокруг колючего растения в пять часов утра.

Я раздумывал, стоит ли ему говорить, что он снимает благословение не с колючего растения, а с домашнего дерева, когда Хинк неожиданно высунул голову из гнезда и заорал:

— Это еще что за шум?

Он сморщил нос:

— И что это за ужасный запах?

— Ничего особенного, — ответил Пурпурный и снова двинулся по кругу. — Иди спать, Хинк. Мы просто снимаем благословение с твоего домашнего дерева.

— Что? — Хинк ощетинился и раздраженно выбрался наружу.

— Успокойся, Хинк, — попросил я. — Выпей пока пива, а мы объясним.

Хинк выпил. И мы рассказали ему, что Пурпурный отчаянно нуждается в крови домашнего дерева, чтобы улететь от нас. Я объяснил Хинку, что через несколько дней Шуга освятит его дерево заново.

К тому времени, когда мы кончили объяснение, Хинк был почти такой же пьяный, как и мы. Он только согласно кивал, когда Пурпурный снова схватил свою чашу и начал петь и плясать вокруг его дерева, брызгая на него зельем.

Когда Пурпурный кончил снимать благословение с дерева Хинка, то зелья осталось немного. Поэтому мы направились к дереву Анга Рыбака и Сетевязальщика. Анг тут же высунулся на шум и закричал:

— Празднество? Подождите! И я с вами!

Он почти мгновенно вылетел из гнезда, на ходу сбрасывая одежду, но Пурпурный перестал петь.

— Нет, ничего не получится — мы без пива.

— Получится! Получится! — закричал Анг, опять исчез в гнезде, но тут же вернулся с полным пузырем. — Вот, нельзя прерывать праздник!

Когда мы плясали вокруг его дерева, Анг вдруг повернулся ко мне и спросил:

— Кстати, Лэнт, что мы празднуем?

Я ему объяснил.

— О! — только и сказал он. — Раз так хочет волшебник, этого достаточно.

Мы продолжали танцевать. Шум разбудил кое-кого из соседей. И они присоединились к нам, конечно, со своим пивом. Мы сняли благословение с их деревьев тоже и уже совсем было направились к моему — как зелье вдруг кончилось.

— Пурпурный, это несправедливо! Ты снял благословение почти со всех деревьев — ты должен снять и с моего!

Мы изготовили еще зелье. На этот раз испорченной воды было в избытке. Большинство мужчин деревни уже проснулись и жаждали вылить испорченную воду в горшки для зелья.

Вновь прибывающих мы отсылали назад за пузырями с пивом. И как только один пузырь пустел, другой — полный — появлялся, казалось, ниоткуда.

Жены нервозно поглядывали из гнезд. Мы танцевали и пели вокруг каждого дерева, которое нам попадалось. Голубое солнце поднялось над горизонтом, потом исчезло за облаками. Через мгновенье налетел шквальный ветер.

— Ура! Заклинание сработало! — кричали мы, скатываясь вниз по склону к дереву Пурпурного. Под его кроной в судорогах бились на веревках воздушные мешки.

Гром и молния раскололи небо... теплые капли дождя обрушились на наш обнаженный мех...

А затем...

Треск... яркая вспышка... наши волосы поднялись... послышался чудовищный КК-РР-мм-крр!!! И шар оранжевого пламени окутал мешки Пурпурного, дерево и все остальное.

Я замер в оцепенении — не зашли ли мы слишком далеко? Не собирается ли Элкин уничтожить и эту деревню?

Но оранжевый шар погас, треск прекратился. Остался только мерный шум ливня.

— Все в порядке, — сказал Пурпурный. — Я понял: это мы сняли благословение с дерева волшебника.

54

Когда я проснулся, уже сияло малиновое солнце. Надо мной стоял Шуга.

— Шуга, — пробормотал я и застонал. Звук моего голоса ранил мое левое ухо.

— Лэнт, — сказал он. Звук его голоса ранил мое правое ухо. — Надеюсь, ты помнишь смысл своего танца сегодняшним утром.

— Не моего, не моего, — я приподнялся на одну руку. — Это танец Пурпурного. Он снял благословение с некоторых домашних деревьев, чтобы можно было использовать их кровь.

— Он... что??!!

— Шуга, — пролепетал я. — Не кричи, пожалуйста. Он сделал это ненадолго. Ты можешь осветить их заново.

— Я могу — что??

— Ты можешь их заново освятить, как только мы возьмем их кровь.

— Когда? — воскликнул он. Я поморщился. — Мне надо благословить ткань, раму воздушной лодки, нити. Где я возьму время благословлять домашние деревья?

— Ты найдешь время, Шуга. Мы сняли благословение с небольшого числа деревьев.

— С какого же?

— М-м, их немного.

— Так сколько — «немного»?

— Гм, дай прикинуть. Это были деревья Анга, Хинка, Кифа, Тринмела и...

— Продолжай, дырявая башка! Вспоминай!

— Я вспомню, Шуга, я вспомню, не подгоняй меня. Я помню, мы сняли благословение с моего дерева и, кажется, с дерева Пурпурного... Но я думаю, нам не следует беспокоиться насчет дерева Пурпурного. После того, как мы сняли с него благословение, там ничего не осталось. И, я думаю, с дерева Снагра, хотя нет... или...

— Лэнт, ты... если ты не вспомнишь, мне придется переосвящать каждое дерево по всей деревне!

— М-м... я уверен, что вспомню, Шуга. Только дай мне время.

55

Шуга решил, не откладывая, освящать заново каждое дерево. Но мы не могли пойти на это. Это означало, что вся остальная работа остановится.

И мы решили просто раздать хозяевам деревьев волшебные символы с тем, чтобы в дальнейшем Шуга мог их отработать.

Идея отсроченного освящения деревьев Шуге не понравилась.

— Ладно, — сказал он мне. — Расскажи, как вы с Пурпурным накладывали заклинания.

— Ну, все так смутно... Я помню, мы пели и танцевали и было очень весело. Пурпурный пел что-то вроде: идет дождь, он льет, боги зарычали...

— Могу представить...

— Ах, да, он еще пел: «Вот мы идем вокруг колючего растения, колючего растения...»

— Он превратил домашнее дерево в колючее растение?

— Только символически, Шуга...

— Только символически? — Шуга застонал. — Конечно, только символически. Каким еще образом можно превратить домашнее дерево в колючее растение? Ладно, — вздохнул он. — Займемся делами.

56

Сбор сока уже начался, когда я направился в нижнюю деревню. Белису Горшечнику предстояло потрудиться, чтобы нам было в чем хранить кровь домашних деревьев. Когда я рассказал ему, в чем дело, он пришел в восторг. Это означало большой заказ, и он принялся напевать:

— Отлично, отлично... о, волшебные символы...

Голова все еще болела. Я пошел к реке — надо было поговорить с Пурпурным. Но я не смог найти даже того места, где он прежде работал. Вокруг почерневшего ствола его домашнего дерева уже плескались буруны. Половина нижней деревни ушла под воду, поляна Главы и могилы двух мальчиков тоже. Река далеко вышла из берегов. Семьи нижней деревни уже начали перебираться на холм, чтобы занять домашние деревья, которые мы заранее подготовили.

Пурпурного я нашел у Фрона Кузнеца. Оба были поглощены работой с деревом и металлом. Я не мог вникнуть в то, чем они занимаются, но казалось невероятным, чтобы Фрон, личность самая приземленная, стал работать над волшебным устройством. Когда я намекнул на это, Фрон только зарычал. Пурпурный сказал:

— Я нуждаюсь в его искусстве, Лэнт. Он — единственный человек, который может сделать то, что мне нужно. У нас есть медный провод, надо найти способ, чтобы его изолировать.

— Изолировать? Пурпурный, я прошу тебя говорить, как человек!

— Это означает поймать магию в провод. Таким образом она не сможет сделать короткое замыкание. Я могу закрутить провод

спиралью, но если витки коснутся друг друга... Я прикидываю, может, покрыть его слоем сока...

— Теперь у нас много крови домашнего дерева, Пурпурный. С деревьев, с которых мы сняли благословение.

— Помню, помню, — Пурпурный коснулся своей головы. — О! Голова у меня трещит так, что ты не поверишь!

Я верил, но перешел к более насущным делам:

— Твое домашнее дерево уничтожено прошлой ночью, Пурпурный.

— Это не имеет значения. Найдутся другие...

— Но твоя батарея...

Он подбросил ее вверх и сказал:

— В безопасности. Я всегда держу ее при себе.

— Ты придумал как восстановить ее силу?

— Как раз над этим я сейчас и работаю. — Он указал на устройство на верстаке Фрона. — Это только модель, но когда у Фрона будет больше медного провода, мы построим настоящую установку. Мы должны еще обмотать вот эти две железные стойки медным проводом. А потом мы вставим между ними длинный цилиндр из железа, так, чтобы он мог вращаться между двумя стойками. Нам придется его тоже обматать проводом. Кроме того, мы должны быть осторожны при установке источника электричества, — продолжал объяснять Пурпурный. — От потока искр, вылетающих из него, могут взорваться водородные мешки.

— Взорваться?

— Вспыхнуть, — сказал Пурпурный. — Загореться.

— Как вчера над твоим домашним деревом?..

— Точно, — сказал Пурпурный. — Только наши мешки для летающей машины будут гораздо больше тех. Нам придется быть очень осторожными.

— Да-да! — сказал я. — Конечно! Всеми средствами. Любой ценой... Лишь бы все было, как нужно.

Пурпурный рассмеялся.

— Не беспокойся, Лэнт. Опасность будет минимальной.

— Как раз это говорил Шуга перед последним соединением.

Он не понял моего намека и начал снова возиться с устройством.

— Что в нем будет делать магию? — спросил я.

— Вот этот волчок, — он указал на железный брусок, который предстояло поместить между стойками. — Кому-нибудь придется вращать этот сердечник, чтобы потекла магия. Если провод намотан правильно, то сердечник будет сопротивляться вращению. Видишь, мы уже приделали рукоятку. А для большого устройства приспособим велосипедные педали и сиденье для того, кто будет крутить.

— Значит, еще больше работы для моих сыновей, — заметил я. — Им придется построить велосипедную раму для твоего устройства, верно?

Пурпурный нахмурился.

— Верно. Я об этом не подумал. Пойду скажу им.

— Не беспокойся. Я собираюсь туда. И не забуду об этом.

— Вот именно, — сказал Фрон Пурпурному. — Ты мне будешь нужен здесь, поможешь переплавить эту медь в провод. Умеешь работать с воздушными мехами?

57

На скале Идиоки женщины все еще пряли нить — приятная пасторальная сцена. Огромные серебристые петли мерцали над обрывом, шевелились на ветру.

Я прошел к сыновьям. Каждый день они добавляли к мачтам и снастям все новые и новые детали.

Женщины, конечно, не знали о мешках Пурпурного. Они видели большую узкую лодку с плавником на днище и двумя поплавками, пристроенными по бокам. Ненароком одна из моих жен поведала мне о самом последнем — и самом нелепом слухе: мол, странная машина Пурпурного собирается взлететь со скалы, махая крыльями. Пурпурный только ждет, когда Вилвил и Орбур покроют выносные снасти тканью и перьями.

Мы пытались пресечь глупые слухи и разъясняли самым крикливым женщинам, что лодку поднимут вверх большие воздушные мешки, подобные тем, с которыми играют их дети. Но толку было мало. Большинство маленьких воздушных мешков через несколько дней стали вялыми, они опускались на землю. Теперь я мог понять, о чем говорил Пурпурный. В своем долгом путешествии ему придется постоянно добавлять водород в мешки.

Вилвил и Орбур крепили к корпусу лодки велосипедную раму и странную конструкцию с лопостями.

— Что это? — спросил я.

— Это толкатель воздуха, — сказал он.

— Делатель ветра, — сказал Орбур.

— Как он работает?

— Он делает ветер, — сказал Орбур. — Хочешь покажу? У нас есть другой, прикрепленный справа.

Он начал перебираться по снастям на другой борт лодки.

— Это безопасно — забираться туда? — спросил я.

— Да, — ответил Орбур сверху. — Они для того и придуманы. Тот, кто будет приводить в действие воздушные толкатели, должен пробраться сюда, чтобы сесть на велосипедную раму.

— Ну-ну, — сказал я.

Орбур протиснулся на сиденье:

— В воздухе здесь не на чем будет стоять, кроме как на выносных снастях. Мы с Вилвилом практикуемся, перебираясь из лодки сюда и обратно.

Я кивнул:

— Да, в этом есть смысл.

— Отец, встань позади машины с лопастями, но не слишком близко.

Я так и сделал. Орбур начал крутить педали — воздушный толкатель пришел во вращение. В мое лицо подул ветер. Сильнее и сильнее. Этот крошечный ураган шел от Орбура, от этого устройства с лопастями! Я отшатнулся, прикрыв рукой глаза. Мои сыновья засмеялись. Орбур оставил в покое велосипедные педали. Вращение прекратилось, а с ним и ветер.

— Видишь, — сказал Вилвил. — Оно делает ветер. Когда мы поднимемся на лодке в воздух, то опустим толкатели на ремнях вниз. Они будут свисать ниже корпуса лодки. Мы сядем на велосипеды и начнем крутить педали. Шкивы станут вращать валы, а лопасти — делать ветер. Ветер начнет толкать воздушную лодку, и она двинется в нужном направлении.

— Ага, — сказал я. — Но почему здесь два толкателя?

— Лодке нужны два симметрично расположенных толкателя.

— Но это значит, что еще кому-то придется полететь с Пурпурным?

— Двоим, — поправил Вилвил. — Ведь Пурпурный будет прокладывать курс.

— Но... кто... неужели найдутся такие глупцы...

— Отец, — сказал Орбур. — Это мы собираемся лететь с Пурпурным.

Меня как будто ударило:

— Вы... что??!!

— Кто-то же должен. А кто знает летающую машину лучше нас?

— Но... но...

Орбур слез с велосипедной рамы, потом с подставки и подошел ко мне. Нежно опустил руки мне на плечи и начал осторожно подталкивать в сторону спуска с холма.

— Иди домой, отец, и подумай над этим. Ты увидишь, что это самый мудрый выбор. Кто-то должен видеть, что Пурпурный улетел. Кто-то должен в этом удостовериться.

Они были правы.

Я побрел вниз с холма к деревне. Повсюду были разложены разнообразные части воздушной лодки. Огромные полосы ткани были раскинуты на склоне, и Грим Портной сшивал их, чтобы сделать первый из гигантских воздушных мешков Пурпурного. Эта ткань была уже обработана кровью домашнего дерева и проверена на водонепроницаемость. Швы сшитого мешка предполагалось обработать еще раз.

Я и не представлял, что мы зашли так далеко. Мне казалось, что потребуется много рук дней, прежде чем у нас будет достаточно ткани.

И теперь, совершенно неожиданно, воздушная лодка вдруг оказалась почти готовой, первый из мешков заканчивали шить, а Пурпурный строил большой делатель газа. Очевидно, расчеты Пурпурного оказались правильными.

Когда я подошел ближе, то заметил Шугу, который работал вместе с Гримом. В руке он держал... экземпляр рисунка Пурпурного. Казалось, Шуга руководит чем-то. Я подошел еще ближе, и все стало ясно. Он руководил переносом образца на ткань. Зная, что мешок в надутом виде дожен принять сферическую форму, Шуга хотел сделать соответствующие волшебные метки на ткани. Поэтому он использовал самое лучшее летающее заклинание из известных ему — заклинание Пурпурного. В конце концов, разве не представляли собой его рисунки воздушный корабль? Шуга затребовал себе двух подмастерий, и те наносили линии на широкие полотнища.

Я продолжал свой путь в деревню и там столкнулся с группой недовольных жителей. Они раскидывали палатки под своими деревьями.

— Не собираюсь я жить на колючем растении, — бормотал Триммел. — Категорически отказываюсь.

Другие одобрительно ворчали.

Я пытался их успокоить — самое лучшее, что я мог сделать.

— Как Глава... — начал я.

— Ты тоже плясал!

— Ну, Главе необходимо находиться в хороших отношениях с волшебником, — сказал я. — Пурпурный пригласил меня. Мне нельзя было отказаться.

— Ладно, — пробурчал Снагр. — Что ты теперь собираешься делать?

— Я делать ничего не собираюсь — это забота Шуги. Он обещал снова освятить все наши домашние деревья, как только представится возможность.

— Как только представится возможность? А если это случится через много дней?

— Не волнуйтесь, — сказал я. — Он поручил мне раздать вам голубые волшебные символы. Позже вы получите за них плату в виде освящения деревьев.

Они еще поворчали, конечно, но не возражали. Волшебные символы теперь были в обороте в обеих деревнях.

Кто-то воскликнул:

— Ну, а где символы?

— Мои подмастерья их делают, — ответил я и поспешно удалился. Придя на свою рабочую поляну, я приказал своим помощникам быстро закрасить несколько костяных плашек голубой краской. Дождавшись, когда краска просохнет, я набил карманы голубыми и пурпурными волшебными символами и вернулся в деревню.

Жителям, недовольным снятием благословения с их деревьев, я раздавал голубые символы Шуги. Тем же, кто не хотел отдавать сок своих домашних деревьев бесплатно, я давал пурпурные волшебные символы. После этого все они успокоились.

Я направился на поляны ткачей. Они роптали, потому что Шуга не явился сегодня для утреннего благословения. Я раздал им пригоршню голубых символов.

— Это волшебные символы Шуги. Они точно такие же, как символы Пурпурного, только оплатит их Шуга.

Ткачи осторожно рассматривали голубые плашки. Им не очень нравились и пурпурные символы, но они были вынуждены принимать их. Теперь же им предлагались еще и голубые символы, и те нравились им еще меньше.

Но я все-таки убедил их.

— Шуга их оплатит, как только у него выдастся время. Это только обещание заклинания. Как только он покончит с другими делами, он придет и освятит ткань. Идите и работайте.

Они недовольно разошлись по своим станкам. Теперь они получали плату и пурпурными, и голубыми плашками. Я посмотрел, остались ли в карманах символы, нашел по несколько штук каждого цвета и отправился снова в деревню.

Мне то и дело попадались протестующие жители деревни, с которыми я не успел расплатиться символами. Каждому из них, как и прежде, я выдавал по одной плашке: голубую — за новое освящение деревьев, пурпурную — за использование сока.

Раздав все символы, я двинулся вниз по склону, чтобы навестить Анга Сетевязальщика.

— Анг, не найдется ли у тебя рыбки на обед?

Рыбак достал замечательную плоскую и уже вычищенную рыбину.

— Могу обменять ее тебе на что-нибудь, — сказал он.

— На костяную утварь?

— Нет, — покачал он головой. — Кость здесь гниет.

— Гм, как насчет новой ткани?

— Нет, у меня уже много этой ткани.

Я сунул руку и нащупал последний голубой символ.

— А волшебное заклинание?

— Ты не волшебник.

— Нет, но Шуга — волшебник. Я дам тебе его символ, который является обещанием заклинания.

— Хм-м, — протянул Анг. — Я бы лучше получил один от Пурпурного.

— Могу дать.

К счастью, у меня еще сохранилось несколько символов Пурпурного. Я отдал один из них Ангу за рыбу. Он протянул рыбу и свой голубой символ.

— Вот разница между ценностью этой рыбы и ценностью символа Пурпурного. Один Шуга.

— Откуда у тебя голубой символ? — спросил я.

Я лишь несколько часов назад начал распределять их. Но Ангу не давал ни одного.

— Три голубых символа я только что получил за несколько рыбин. Мне предложили в обмен ткань, но ее оказалось слишком мало, поэтому мне доплатили несколько символов.

— Ага!

Что-то в этом меня беспокоило. Пока мои жены готовили рыбу на обед, я понял, что это было. Люди обменивались символами, как будто они были самими заклинаниями. Но ведь они являлись только обещаниями заклинаний. Они обменивались магией!

И тут мне пришло в голову, что «обещаний» можно сделать слишком много и в деревне скопится невероятное количество магии. Тут требовался какого-то рода контроль. Ну да ладно, это проблема Шуги, а не моя.

59

Три дня спустя Грим закончил первый гигантский воздушный мешок и взялся за второй. Шуга, Пурпурный, Вилвил и Орбур уже осторожно укладывали первый мешок над огромной наполнительной подставкой, которую мои сыновья построили много рук дней назад. Три другие наполнительные подставки размещались по соседству.

— Только четыре мешка? — спросил я.

— Нет, — ответил Пурпурный. — Я рассчитываю на большее количество. Но подставок нам, вероятно, понадобится только четыре. Мы можем сразу наполнять только по одному мешку, а остальные будут поджидать на подставках. Мы будем наполнять мешки по очереди.

— Да, — сказал я. — А что это за канавы внизу?

— Для воды — вместо водяных горшков мы решили попытаться использовать канавы. Видишь эти трубы по бокам? Там мы поместим делающие водород провода и прикрепим горловину мешка. А делающие кислород провода мы опустим по другую сторону канавы. Кислород нам не пригодится.

— Используя канаву, — пояснил Орбур, — мы сможем произвести намного больше электричества.

— Нет, — поправил Пурпурный, — мы сможем лучше его использовать. Баллоны будут наполняться быстрее.

— Мы можем наполнять четыре баллона сразу или один баллон в четыре раза быстрее. Все зависит от того, как мы разместим провода и трубы, — Пурпурный указал на странного вида мешок с набором труб. — Мы можем присоединить его к нескольким подающим газ трубам и направить весь водород в один баллон.

— Похоже, вы проделали большую работу, — признал я. — Все, что нам теперь нужно, это электричество.

При последнем слове Пурпурный поморщился.

— Как ваши с Фроном успехи в изготовлении волшебного источника? — спросил я.

— Да, меня это беспокоит! — Пурпурный вздохнул. — Фрон сделал все правильно, но я неверно намотал провод. Кроме того, необходимо еще придумать трансформатор...

— Что?

— Мы не можем использовать переменный ток, отец, — сказал Вилвил.

— Мы должны превратить его в постоянный ток, — сказал Орбур.

— Ладно. Считай, я ничего не спрашивал...

— Пустяки, — сказал Пурпурный. — Как бы там ни было, но сейчас он работает. Он делает не так много электричества, как мне бы хотелось, но Фрон уже строит более мощные машины, а они, к счастью, будут готовы прежде, чем воздушные мешки. Хочешь взглянуть на них?

Он не дал мне возможности отказаться и потащил вверх по склону, где недавно пришедший подмастерье сидел на велосипедной раме и неистово крутил педали, но никуда не ехал.

— Что он делает? — спросил я.

— Он делает электричество, — сказал Пурпурный.

Я посмотрел. Но увидел только сложное устройство из рукоятей, ремней и шкивов, заставляющих вращающийся стержень крутиться так быстро, как только можно. От вертушки два провода бежали к батарее Пурпурного.

— Он восстанавливает ее силу? — спросил я.

— Ну, да... только ему никогда не восстановить ее целиком, —

Мальчики в тот же день подсоединили к нему велосипеды. Шуга подобрал двенадцать крепких парней для первого испытания.

Пурпурный проверил провода, бегущие через холм к заполненной водой канаве. Шуга приказал мужчинам забраться на велосипеды, и по команде они начали крутить педали. Генератор начал вращаться, сначала медленно, а потом быстрее и быстрее — он делал электричество.

Я подошел к канаве. С одного ее конца устойчиво поднимались пузырьки кислорода. На другом Пурпурный налаживал глиняную воронку над погруженным в воду проводом. К горлышку он прикрепил небольшой воздушный мешок. Пурпурный завязал его и отпустил. Мешок медленно поплыл вверх.

На этот раз паники не было. Мы все больше и больше привыкали к этому заклинанию. И в самом деле — теперь оно стало чем-то почти обычным. Пурпурный был в восторге. Он дал сигнал перестать крутить педали. Затем поднялся на холм и подсоединил свою батарею к проводам от генератора.

— Порядок, Шуга! — крикнул он. — Скажи им, чтобы крутили дальше.

Двенадцать парней принялись снова работать ногами. Но это было лишь началом осуществления плана Пурпурного. Он хотел, чтобы целая армия здоровых парней неистово крутила педали на холме.

Вилвил и Орбур были довольны успехом. То, что двенадцать велосипедных рам были изготовлены так быстро, свидетельствовало об эффективности их поточной линии.

— Я подсчитал, что у нас будет по крайней мере пятьдесят велосипедов, прежде чем кончится следующая рука дней, — сказал Орбур.

Когда мы поднялись на скалу, мальчики показали мне, что еще осталось сделать на летающей лодке для увеличения ее прочности. Ранее крепость каркаса и снастей казалась мне вполне достаточной. Теперь же, когда я узнал, что на ней полетят мои сыновья, любые меры по повышению безопасности полета не казались мне лишними.

Орбур сказал, что отрегулировал воздушные толкатели так хорошо, как только мог, но хочет еще немного поэкспериментировать с «повышающими» передачами. Он хотел попытаться поставить маленькие колеса на вращающиеся валы, а большие колеса на велосипедную раму. Соединительные шкивы должны заставить толкатели вращаться еще быстрее.

Вилвил вздохнул, начав разогревать укрепляющий раствор сока:

— Как хорошо, что большинство работ закончено. Мы могли бы завершить летающую лодку на месяц раньше, если бы не велосипедные рамы.

— Да, — согласился я. — Но лодка никогда бы не полетела, если бы сначала не была сделана другая работа. Вам нужны и воздухонепроницаемая ткань, и генераторы, и машины с ручками для изготовления зубьев ткацких станков, и...

— Именно это и говорит Пурпурный. Ты должен сделать инструменты, чтобы с их помощью сделать другие инструменты, — откликнулся сверху Орбур. — Именно этим мы и занимаемся. Ты не можешь просто построить летающую лодку — ты должен наладить поточную линию, на которой будет изготовляться все необходимые для сборки летающие машины.

— Представляю себе поточную линию для сборки черного яйца Пурпурного, — сказал Вилвил.

Я попытался, но не смог.

Тут я увидел Шугу, поднимающегося по склону.

— Он таскается сюда чуть ли не каждый день, задает вопросы и выводит нас из себя, — простонал Орбур.

— Он просто пытается понять заклинание, — сказал я.

— Он никогда не поймет заклинания, — сказал Вилвил. — Он...

— Осторожнее, — предупредил я, — у него отличный слух.

Тут подошел Шуга и удовлетворенно кивнул, увидев ход работ.

— А когда вы навесите паруса? — спросил он.

— Паруса? Они нам не нужны, — сказал Орбур.

— Чепуха, — отрезал волшебник, пристально разглядывая Орбура, который висел на снастях. — Сколько раз объяснять — без парусов ветер не станет тебя толкать.

Орбур начал спускаться. Я мог видеть, что он украдкой чертыхается. Он сбросил с лодки веревку, потом соскользнул по ней и подошел к Шуге:

— Пурпурный не раз объяснял, нам не понадобятся паруса. Вместо них — делатели ветра.

Шуга нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

— Но, Орбур, если у тебя есть делатели ветра, то ты, несомненно, планируешь использовать паруса. Делатели ветра будут делать ветер, а тот — надувать паруса, вот лодка и будет двигаться вперед.

— Нет, Шуга, делатели ветра толкают воздух назад, а лодка будет двигаться вперед. Без парусов.

— Лодка не будет двигаться, — настаивал Шуга.

— Лодка будет двигаться.

— Не будет.

— Пурпурный сказал, что будет.

— А я говорю, что не будет.

— Мы уже проделали опыт. Когда я и Вилвил крутили педали так быстро, как только могли, то лодка, казалось, сдвинулась вперед, словно пытаясь прыгнуть в воздух.

— Она может подняться в воздух, — согласился Шуга, — но она не сдвинется без парусов!

— Но...

— И не пытайся переубедить меня, Орбур. Я уже заказал паруса Лесте. Подумайте лучше о мачтах.

— Мачты? — переспросил Орбур. — А где мы их поставим, эти мачты?

Он указал на лодку. Лодка мягко покатилась на подставке, две ее выносные снасти с поплавками распростерлись далеко в стороны, тяжелый киль выдвинулся вниз на держателях из бамбука. Вверху виднелись бамбуковые, кажущиеся хрупкими, снасти, пустые, ждущие воздушных мешков. Я попытался представить ее законченной и парящей в воздухе, но не мог.

Шуга тоже разглядывал ее. Потом взобрался на подставку и заглянул внутрь. Орбур и я последовали за ним. Шуга забрался в лодку и постучал по полу:

— А это что?

— Это — слоеное дерево. Мы использовали три тонкие планки, чтобы придать полу прочность, — пояснил Орбур.

— Он слишком тонкий. Мачты на нем устанавливать нельзя.

— Как раз это я...

— Придется подвесить паруса к выносным снастям.

— Где? Позади воздушных толкателей совсем нет места.

Места действительно не было. На каждом поплавке была установлена велосипедная рама. Сами толкатели свисали вниз и были сдвинуты назад, чтобы сделанный ими ветер не мешал вращать педали.

— Ты должен установить их впереди, — сказал Шуга. — Если ты это сделаешь, места будет достаточно. Установи мачты и паруса перед делателями ветра, а затем крути педали наоборот. Ветер станет дуть в паруса. Ты будешь сидеть лицом вперед, в направлении движения.

— Но так крутить педали очень трудно!

— Тогда переставь велосипеды наоборот, — резко бросил Шуга. — Почему это я постоянно должен думать за тебя?

— Не надо нам никаких парусов! — закричал Орбур.

— Ты целиком полагаешься на слова Пурпурного, — голос Шуги неожиданно стал уговаривающим. — Установи теперь мачты и подними паруса, прежде чем вы улетите. Тогда ты будешь ко всему готов. Если паруса не понадобятся, ты всегда сможешь их убрать!

— Ладно... — нерешительно пробормотал Орбур и покосился на Вилвила. Но Вилвил демонстративно не обращал ни на кого внимания, нанося раствор на борт лодки.

— Это не повредит, — заметил я.

— Да! — сказал Шуга. — Ты видишь — даже твой отец думает так же.

— Да, но...

— Никаких «но». Паруса будут готовы через семь дней.

Довольный тем, что выиграл битву, Шуга спрыгнул на землю и с силой постучал по крепкому корпусу, обтянутому упрочненной воздушной тканью.

— Хорошая конструкция, — бросил он, схватил меня за руку и потащил в деревню. — А теперь, Лэнт, нам следует заняться проблемой волшебных символов. Со всей очевидностью могу сказать, голубые символы ценятся жителями неправильно.

— Что ты имеешь в виду?

— Они обменивают четыре Шуги на одного Пурпурного. Как раз сегодня утром Хинк Младший заявил мне, что моя волшебная сила вчетверо слабее магии Пурпурного.

— О-о! — протянул я.

— А теперь скажи мне честно, Лэнт, можешь ты согласиться с такой постановкой вопроса?

— Ну... — начал я.

— Не бойся, Лэнт. Ты можешь сказать мне правду.

— Как хочешь, Шуга... Хорошо известно, что ты делаешь намного больше работы, чем Пурпурный. Ты накладываешь большую часть заклинаний в деревне, а Пурпурный вряд ли вообще это делает. Поэтому магия Пурпурного становится намного более редкой и более ценной.

— Хм-м... — пробурчал Шуга.

— Ну, ты сам хотел, чтобы я сказал правду.

— Я не хотел, чтобы ты был настолько правдив.

Шуга ворчал всю дорогу до деревни. Он определенно имел право обижаться. Но помочь ему тут было нечем. Уже все называли символы Шуги «четвертушками». Привычка уже зафиксировалась в языке.

61

Орбур к каждому делателю ветра подсоединил три шкива в уменьшающемся порядке. Пурпурный назвал это «повышающей передачей». Человек, крутящий педали, поворачивал большое колесо. Шкив от него был связан ремнем с очень маленьким колесом, которое в результате вращалось очень быстро. На одном валу с этим маленьким колесом размещалось другое большое колесо. От него шкив шел к оси толкателя. Орбур также изменил порядок следования передач. Теперь толкатели отбрасывали ветер вперед. Пурпурный, пришедший проверить ход работ, заметил мачты, выпирающие из каждого борта.

— А это для чего?

— Для парусов, — объяснил Орбур.

— Паруса? Нам, что, опять об этом говорить?

— Нет, но Шуга...

— Шуга! Я должен был это предвидеть. Шуге хочется парусов так?

— Как видишь. Когда они будут поставлены, ветер от толкателей начнет дуть прямо в них.

— Хорошо, пока сделаем так, как он хочет, — согласился Пурпурный. — Пусть сам увидит, что паруса ни к чему.

Он собрался уходить, но вернулся.

— Только сделай так, чтобы мы могли убрать паруса после того, как докажем их бесполезность.

Внизу на склоне Фрон смонтировал уже два генератора. Вся вырабатываемая энергия шла в маленькую батарею Пурпурного.

Его нетерпение росло с каждым днем. Он словно шмель порхал вокруг работающих, подгоняя их и мешая им. Грим Портной закончил шестнадцатый воздушный мешок. Каждый в наполненном виде был почти в шесть человеческих ростов высотой. Пурпурный подсчитал, что десять мешков способны нести лодку, но необходимо тринадцать, чтобы поднять все то, что он хотел взять с собой,— а шестнадцать дадут гарантию на тот случай, если газ будет просачиваться быстрее, чем он рассчитал. Он беспокоился насчет швов.

Грим сделал три дополнительных мешка на случай аварии. Если в одном из баллонов обнаружится утечка, слишком сильная, чтобы ее можно было перекрыть заплатой, будут запасные, чтобы заменить его. Мы не оставляли места случайностям, так как хотели быть уверенными, что Пурпурный улетит навсегда.

Первоначально Пурпурный планировал использовать много маленьких баллонов размером в человеческий рост, но потом подсчитал, что корабль и груз могут быть подняты вверх меньшим количеством мешков большего размера. На изготовление таких баллонов уйдет меньше и ткани, и времени.

Вся нижняя деревня оказалась под водой. Люди жили теперь близко от места, где строилась летающая машина. Это было на руку Пурпурному — ему всегда требовались люди, чтобы крутить педали генераторов, а спрос на его волшебные символы был так велик, что недостатка в рабочей силе не было.

Единственное, что задерживало отлет,— это производство электричества. Очевидно, его требовалось огромное количество, чтобы сделать достаточно водорода.

Четвертый генератор был только начат, когда Пурпурный решил наполнить свои воздушные мешки. Для проверки, как он ска-

зал. Он хотел выяснить, сколько времени уйдет на наполнение одного мешка и как долго он будет держать газ.

Кроме того, легче подкачать уже наполненный мешок, чем иметь дело с пустым.

Сейчас на каждом генераторе работали до тридцати мужчин, энергии в батарее накопилось достаточно, чтобы наполнить все мешки. Пурпурный сказал, что он сохранит ее для путешествия, в котором она может пригодиться.

Шуга, Гортик и я наблюдали за ходом работ.

— Знаете, — признался Гортик, — я начинаю думать, что он добьется своего.

— Никогда не сомневался в нем, — ответил я.

Шуга только фыркнул.

— И вся эта работа, такая уйма работы — подставки, станки, велосипеды, — бормотал Гортик, — вся эта проклятая прорва работы только для того, чтобы построить летающую машину.

— Он предупреждал, что заклинание сложное, — напомнил я.

Шуга снова фыркнул.

— Но она была необходима, — добавил я. — Без нее он не сможет улететь домой.

— Должно быть, ему очень хочется попасть домой, — сказал Гортик.

— Не так сильно, как хотим этого мы, — резко ответил Шуга. — И чем скорее он это сделает, тем лучше. Я намерен пойти и помочь ему. Пора грузить припасы и укладывать паруса.

И он потопал вниз по склону.

63

Со скалы мы могли наблюдать впечатляющую картину — подобно скоплению лун, в красном и голубом свете величественно покачивались девять гигантских шаров, удерживаемых веревками. Дальше вниз по склону более ста двадцати мужчин неистово крутили ногами педали громко жужжавших генераторов. На шум этих машин уже не обращали внимания — он стал частью нашей жизни.

На наполнение этих баллонов ушло пять дней. Мешки, надутые первыми, уже начали опадать, другие стали покрываться рябью при ветре — признак того, что они потеряли упругость. Но Пурпурный учитывал определенный процент утечки за время, требуемое для наполнения всех шаров. Он намеревался использовать батарею, чтобы возместить недостаток водорода в каждом из них перед самым отлетом.

Мужчины, работавшие на генераторах, разбились на бригады и устроили соревнование — каждая бригада старалась доказать, что

она дольше других может поддерживать максимальную скорость вращения генератора. Было много шуток, криков и выпитого пива.

Пурпурный был в восторге. Он предложил по два дополнительных волшебных символа каждому мужчине из победившей бригады. Как только одно состязание кончилось — тут же начиналось другое. Процедура смены бригад всегда вызывала бурное веселье. Один спрыгивал с велосипеда, оставляя педали неистово крутящимися, другой вспрыгивал на велосипед и должен был попасть ногами на педали. Как только бригада была целиком заменена, подавался сигнал, зрители начинали реветь — и новое состязание начиналось.

Пурпурный даже разрешил делать ставки и заключать пари на часть заработка, хотя мы с Шугой высказали опасение по этому поводу.

— А почему бы нет? — спросил Пурпурный. — Это повышает заинтересованность.

Он оказался прав. Нередко одна бригада ставила большое количество волшебных символов против другой, так что порой за время работы они теряли весь заработок. Но это не имело значения...

Фрон и его люди горели желанием поскорее закончить четвертый генератор — они собирались образовать дополнительную бригаду велосипедистов и подзаработать плашек.

Между тем вздымался уже одиннадцатый баллон. Десятый только что был снят с наполнительной рамы для транспортировки на Скалу. Пурпурный лично руководил переноской, сопровождая ее многочисленными ругательствами и угрозами.

Это было захватывающее зрелище. Шестеро сильных мужчин медленными прыжками двигались к вершине холма, почти лишенные веса благодаря гигантскому баллону. Тут неожиданный порыв ветра подхватил их, они взлетели высоко в воздух и томительно медленно начали опускаться. Смеялись все — кроме Пурпурного. Под своей бородой он стал совсем белым, пока шел за ними. Но вот носильщики достигли Скалы, мешок прикрепили к снастям. Сняты веревки для переноски — и баллон, освобожденный, резко устремился вверх, присоединяясь к остальным. Лодку волокло вверх, с подставки. Пурпурный то и дело подтягивал якорные канаты.

— Еще два баллона, Лэнт! Всего два баллона — и я смогу лететь!

— Посмотри, как они натягивают тросы,— и ведь это только десять баллонов! А ты представь, как они потянут нас вверх, когда я еще подкачаю их от батареи. Еще двух баллонов будет достаточно. Они компенсируют вес пассажиров и припасов. Мы сегодня же сможем испытать лодку!

И он поскакал по холму вниз наблюдать за наполнением один-

надцатого баллона. Я в задумчивости побрел за ним. Мне трудно было привыкнуть к мысли, что Пурпурный все-таки улетит. Он оставит этот мир не таким, каким он был раньше.

65

Стоял яркий двойной день. Красный и голубой солнечный свет освещали небо. Воздушные мешки сверкали подобно лунам — одна сторона красная, другая голубая. Теперь на Скале всегда собирались толпы, Пурпурный отрядил мужчин, чтобы они держали собравшихся подальше. Среди людей бродили торговцы, продавая за маленькие символы сладости и пряную пищу. Вилвил и Орбур укладывали последние припасы Пурпурного. Каждый сверток был упакован в воздушную ткань, чтобы защитить от сырости и холода, которые, как заявил Пурпурный, встретятся им в верхнем небе. Я стоял внизу, прислонившись к туго натянутому канату, одному из тех, что удерживали лодку. Пурпурный находился наверху, на подставке, возле трех больших горшков с водой. Его батарея была подсоединена к одному из них, рукав из ткани свисал от одного из баллонов. Он был плотно привязан к одной из трубок горшка с водой, и пока мы наблюдали за этим, подсоединенный к нему гигантский шар становился все более пухлым и упругим. Внезапно один из причальных канатов оборвался. Нос лодки резко занесло вверх.

— О-о-о! — вырвалось из множества глоток.

Пурпурный удивленно отпрыгнул назад и споткнулся об один из своих горшков. Вилвил и Орбур провалились на дно.

— Другой конец! Другой конец! — кричал Пурпурный, неистово жестикулируя. — Встаньте на другой конец!

Он указывал на нос лодки, нацелившийся в небо. Вилвил и Орбур быстро вскарабкались вверх. С каждым их движением нос начинал опускаться. Пурпурный начал отдавать приказания о дополнительных причальных канатах. Потом наклонился, отсоединил свою батарею и начал торопливо завязывать горловину баллона.

В этот момент орава мужчин во главе с Шугой подтащили двенадцатый гигантский мешок.

Толпа, окружавшая лодку, ревела.

Вилвил перегнулся через борт, командуя и махая рукой на мужчин с баллоном:

— Нет, нет!.. Это не тот канат, не прикрепляйте там мешок!

Его не слышали.

— Вилвил! Орбур! — завопил я. — Вон из лодки!

Пурпурный кричал свое:

— Оставайтесь на местах!

Он спрыгнул с помоста и бросился туда, где Шуга с носильщиками пытались прикрепить баллон.

— Не сюда, вы, болваны!

Он принялся подталкивать их к противоположному борту.

— Сюда! К этому канату!

На мгновение я испугался, что они упустят баллон, который рвался в небо. Спасибо богам за якорные тросы! Если мы потеряем баллон, то потеряем и результат многодневных трудов. Но якорные канаты предотвратили это.

Под руководством Пурпурного мужчины прикрепили мешок к нужной веревке. Шар рванулся вверх, его канат натянулся так же туго, как и все другие. Лодка поднялась вверх и повисла, удерживаемая причальными тросами.

Возбужденный рев толпы возрос.

— Балласт! — закричал Пурпурный. — Неси балластные мешки...

— Я распоряжусь! — кричал Орбур и начал выбираться из лодки.

— Назад! — Пурпурный взлетел на помост и пихнул его назад — Орбур с глухим стуком упал на палубный настил. — Сиди на месте! Нам нужен твой вес, чтобы удерживать лодку!

Шуга носился вокруг помоста, вопя на мужчин, старающихся привязать побольше причальных канатов к вбитым в землю кольям. Цепочка мужчин потянулась по склону — каждый нес два тяжелых балластных мешка. Фрон Кузнец нес четыре. Балластные мешки тоже были сшиты из воздушной ткани и наполнены песком. Пурпурный сообразил, что они понадобятся, только руку дней назад, и Гриму пришлось поторопиться, чтобы сшить их. На Фрона была возложена обязанность проследить, чтобы они были наполнены.

Пурпурный, Вилвил и Орбур, стоя в лодке, подхватывали балластные мешки, доставляемые носильщиками, и равномерно распределяли их по днищу корабля.

Я вспрыгнул на помост.

— Пурпурный! — заорал я, перекрывая шум.—Это была великая честь... твое присутствие среди нас... теперь мы прощаемся с тобой... память о тебе никогда не исчезнет... желаем тебе счастливого путешествия...

— Заткнись, Лэнт... ты, мохнатая бородавка! Я еще никуда не собираюсь. Это будет пробный полет! Вот почему нам понадобилось только двенадцать баллонов! Для большого путешествия нам понадобится шестнадцать баллонов, а пока мы хотим проверить, как лодка управляется, чтобы в случае необходимости сделать усовершенствования...

— Не забудь паруса! Паруса! — кричал снизу подошедший Шуга.

— Ага, — согласился Пурпурный, — их мы тоже можем использовать как балласт... Шуга, что ты делаешь?

Шуга, забравшийся в лодку, остановился.

— Как, что?

— Ты собираешься лететь с нами...

— Правильно! Вы не можете отказать мне в праве первого полета! Эта честь...

— Честь! Шуга, это очень опасно...

— Будет еще опаснее, если вы не возьмете паруса. Вы потеряете возможность двигаться по воздуху.

— Ладно, Шуга, — сказал Пурпурный. — Можешь оставаться. Я понял, что должен покатать тебя на своей летающей машине!

— На нашей машине, — поправил Шуга.

— Согласен, — вздохнул Пурпурный.

— Фрон! — крикнул он. Кузнец посмотрел вверх. — Проследи, чтобы были накачены оставшиеся четыре баллона! Они нам понадобятся! И организуй наземную бригаду, о которой я тебе говорил.

Фрон помахал рукой и ухмыльнулся:

— Не беспокойся, Пурпурный!

Пурпурный помахал в ответ. Потом забрался по веревочной лестнице и начал проверять крепления баллонов.

— Вилвил! — громко прошептал я. — Будь осторожен! Не позволяй волшебникам убить друг друга!

— Отец, — ответил он, широко раскрыв глаза, —лучше позаботься, чтобы волшебники не убили нас!

— Не волнуйся — этого они не сделают. Вы им нужны, чтобы крутить педали велосипедов и вращать воздухотолкатели. Только будь осторожен — не упади!

— Мы не упадем. Мы собираемся привязаться страховочными ремнями!

— Ты веришь в паруса? — спросил я.

Вилвил покачал головой.

— Пурпурный, я думаю, знает, о чем говорит. И Орбур думает так же.

Нас прервал голос сверху. Пурпурный закончил проверку снастей и кричал:

— Все в порядке. Отдать швартовы!

— Как? Что?.. Пурпурный, будь добр, говори как человек!

Он завопил:

— Обрезай веревки.

Я побледнел и схватился за нож.

— Постарайтесь обрезать их все сразу! — вопил Пурпурный.

Я начал рубить ближайший причальный канат. Шуга и Пурпур-

ный дружно заорали на меня сверху. Как только я справился с канатом, эта сторона лодки резко пошла вверх, лодка круто накренилась. Пурпурный и Шуга возбужденно заголосили:

— С другой стороны! Режь теперь с другой стороны!

Я помчался вокруг к другому борту и обрезал еще одну веревку. Но теперь нос лодки оказался ниже, чем корма, поэтому пришлось бежать и обрезать еще одну веревку. А между тем все они вопили — Вилвил и Орбур, Шуга и Пурпурный, Фрон и его бригада, собравшаяся толпа... даже Леста, расстроившийся из-за того, что я испортил свитые им веревки. И вот остался только один канат — лодка была нацелена точно в небо.

Я обрезал канат, и...

Лодка прыгнула вверх, раздался оглушительный крик толпы. Я упал на спину на помост и стал наблюдать за их подъемом в небо. Оно было ярко-голубым. Воздушная лодка изящно повисла в нем под скоплением раздутых виноградин.

По мере того, как она поднималась вверх, я ощущал все усиливающийся прилив радости. Она нравилась мне больше, чем черное яйцо Пурпурного. И, в конце концов, разве не я помогал ее строить? Летающая машина продолжала подниматься все выше. Мне показалось, что я слышу голоса, плывущие ко мне с вышины, едва различимые, переполненные эмоциями.

— Нам не нужны твои дурацкие паруса!

— Нужны!

— Не нужны!!

— Нужны!

Но, возможно, это был только ветер.

66

Ветер унес крохотное пятнышко воздушного корабля к горам. Вскоре лодка и вовсе ушла из нашего поля зрения. У нас выдалось несколько спокойных дней для отдыха.

Леста с ткачами продолжали изготовлять материю. Женщины расслабились и стали прясть, не утруждая себя. Воздушная лодка была закончена, поэтому теперь не было необходимости пропитывать ткань. Леста уже подумывал совсем отказаться от обработки соком нитей и ткани, за исключением небольших партий.

Фрон закончил четвертый генератор и подсоединил к нему велосипеды. Теперь на каждом генераторе работало по сорок человек. Велосипедная поточная линия продолжала действовать, так как никто не приказывал им прекратить работу. Наоборот, все больше и больше хотели присоединиться к генераторным бригадам — и единственным способом это сделать было увеличение числа велосипедов. Четыре баллона были наполнены почти за один день. Те-

перь они висели над подставками. С четырьмя работающими генераторами наполнить один баллон можно очень быстро — и действительно, они вздымались и распухали прямо на глазах. Кислород яростно бурлил на свободном конце канавы. Мальчишки, беспрестанно толпившиеся около нее, истерически хихикали.

Мои подмастерья делали почти по три комплекта зубьев для станков за день. Кроме того, мы продолжали нарезать новые плашки для Пурпурного и Шуги.

Дэмид Три Обруча был сейчас занят больше, чем когда либо. Многие из тех, что пришли из других деревень, устали от жизни в палатках и хотели перебраться в нормальные гнезда. Из-за недостатка домашних деревьев Дэмид начал плести по два-три гнезда там, где это было возможно. Иногда работа была впустую. Деревья оказывались под водой раньше, чем гнезда были готовы.

Анг получил от Лесты три новые гигантские сети и теперь придумывал более совершенные способы улова. Один комплект сетей был поставлен через реку. Другой спускался с выступа скалы, до которого не добиралось подступающее море. Третий использовался самым хитроумным образом. Анг построил лодку, похожую на корпус летающей машины. Каждый день он и три его помощника гребли по воде, таща за собой сеть.

Короче, жизнь протекала спокойно. Не было только волшебников, чтобы освятить то, что в этом нуждалось, а оба ученика Шуги оказались настолько беспомощными, что не смогли справиться даже с простейшим благословением.

Конечно, в это время работал и я. Из каждых девяти плашек, мной изготовленных, две оставались у меня. Это была справедливая пропорция.

Разумеется, у меня были и другие источники дохода. Мы с Лестой пересмотрели наш договор за использование зубьев. Я снабжал его ими или волшебными символами в обмен на семь процентов от общей продукции ткани.

Я начал думать о том, чтобы обзавестись третьей женой. Иметь всего двух женщин Главе деревни не подобает. Тем не менее я решил подождать, пока вернется воздушный корабль.

Если первый корабль выдержит испытание, мы сможем построить и другие. И, возможно, сумеем использовать воздушные корабли для торговых экспедиций. Да, это значительно обогатило бы нас. Большие пространства воды перестанут быть преградой для путешествий, и мы больше не будем отрезаны от материка во время Болотного Сезона.

Гортик, я, Леста и другие Советники энергично обсуждали эту возможность. Леста стал теперь Главой новой и уважаемой Гильдии изготовителей тканей, был одним из самых ярых приверженцев этой идеи. Конечно, он больше всех заработает — ведь именно его

тканью предстоит торговать. Воздушная ткань значительно обогатила всю нашу жизнь.

Три дня мы провели, отдыхая и строя планы на будущее. Мы не знали, сколько будут отсутствовать наши путешественники. Пурпурный сказал лишь, что они будут летать до тех пор, пока не установят, как лучше всего управлять и контролировать «Ястреб» — именно так он решил назвать свою лодку. Это было заклинание Пурпурного, поэтому я не возражал.

Без волшебников деревня выглядела на удивление спокойной, и я начал прикидывать, какой она будет, когда Пурпурный улетит навсегда?

Еще один день я потратил на помощь Фрону и его наземной бригаде. Они тренировались в причаливании «Ястреба», готовясь к его возвращению. Одна группа мужчин стояла на помосте и бросала вниз веревки, наземная бригада располагалась внизу.

Когда мы сбрасывали вниз веревки, они бросались на них, стараясь вцепиться как можно быстрее. Затем они должны были стащить нас с помоста. Это быстро превратилось в состязание. Мы сбрасывали канаты, но старались, чтобы наземная бригада не могла в них вцепиться. Наземная же бригада любыми путями стремилась стянуть нас с помоста. Но поскольку там подобрались самые сильные мужчины из всех деревень, то они всегда побеждали.

Я спросил у Фрона, считает ли он все эти усилия имеющими смысл. В конце концов, «Ястреб» совершит только одно приземление, и больше мы его никогда не увидим.

Фрон хмыкнул:

— Пурпурный платит мне и моим людям за то, чтобы «Ястреб» приземлился без помех. Нам это тоже выгодно. Если с лодкой что-то случится, Пурпурный захочет построить новую — а на это может уйти еще три руки рук дней. Ты ведь хочешь, чтобы он улетел, да?

С этим я не мог спорить.

А вскоре после этого начал распространяться слушок, что, как только Пурпурный вернется, он сразу же начнет подготавливать «Ястреб» для путешествия на север и улетит, ничем не оплатив волшебные символы. Я старался пресечь эти глупые пересуды, но многие стали испытывать беспокойство. Они подозревали, что если Пурпурный не расплатится заклинаниями за свои плашки, то они обесценятся. Я заявил, что это все ерунда. Плашки — это символы магии, и как таковые, магия сама по себе. Они так же хороши, как настоящее благословение. Надо только держать волшебный символ возле того предмета, который должен быть благословлен. Люди мне не верили.

Они начали вести бестолковые споры о «Ястребе». Фрон заявил, что это его генераторы сделали газ, который поднял лодку в воз-

дух. Бригады велосипедистов возражали, что без их усилий генераторы вообще не сделали бы ничего. Леста насмехался над ними, утверждая, что все дело решила его ткань. Ткачи возмутились — ведь ткань сделана их трудом. Мои подмастерья заявили, что никакой ткани не было бы без моих зубьев. Грим заявил, что ничего бы не вышло без воздушных мешков, которые он сшил. Пропитчики нитей напомнили, что это именно они работали с кровью домашнего дерева. И даже женщины что-то бормотали о нитях, которые пряли. Но верх глупости был достигнут, когда носильщики балласта сообщили, что это именно благодаря их песку «Ястреб» взлетел. Все это было бы смешно, если бы они не воспринимали этого всерьез!

Анг неплохо заработал, продавая сушеную рыбу. Именно такую, говорил он, Пурпурный взял с собой в свой исторический полет.

Рассуждали и насчет самого полета. Я все гадал, воспользовались ли они парусами Шуги. Вилвил и Орбур верили, что они не нуждаются в них, но...

Был жаркий и спокойный день, я купался в море, когда поднялся крик:

— «Ястреб» возвращается! Воздушный корабль плывет назад!

Я не стал вытираться, набросил на себя накидку и помчался на Скалу. Взявшаяся ниоткуда огромная толпа устремилась на холм, выкрикивая приветствия. Едва я обогнул гребень холма, как увидел изящную лодочку и огромные надутые мешки, ярко блестевшие на фоне неба. Я удивился, почему «Ястреб» летит кормой вперед. А затем увидел, что парусов на нем не было. Метод отталкивания от воздуха Пурпурного удался! Вилвил и Орбур оказались правы!

67

Как только «Ястреб» приблизился, я смог разглядеть своих сыновей, напряженно крутящих педали на делателях ветра, которые подталкивали лодку все ближе и ближе. Время от времени одному из них приходилось останавливаться или даже недолго крутить педали в обратную сторону, от этого лодка несколько меняла направление. Пурпурный снова висел на снастях, он возился с завязками одного из мешков — должно быть, выпускал газ рассчитанными порциями, чтобы управлять снижением. Он кричал:

— Где моя наземная команда?! Где моя наземная команда?

Лодка опускалась боком.

На земле Фрон и его люди дико носились вокруг помоста, огромный кузнец отдавал приказы, остальные старались занять места поудобнее.

— Порядок! — ревел Фрон. — Останавливайтесь прямо над нами и бросайте веревки — мы их схватим!

— Нет! Нет! — кричал в ответ Пурпурный. — Вы, слепые дураки! Вы должны разойтись и хватать веревки там, где они упадут, а потом тащить лодку на место приземления! Мы не можем маневрировать так точно!

Он свесился со снастей.

— Вилвил, Орбур, скиньте вниз причальные канаты!

Фрон зарычал на свою команду:

— Разбежались! Разбежались! Они не могут подлететь к месту приземления — мы должны подвести их!

Его здоровяки помчались по склону, настигая сброшенные с «Ястреба» веревки. Они весело раскачивались на ветру. Вилвил и Орбур крутили педали так быстро, как только могли, стараясь удержать лодку на месте.

— Хватайте! Хватайте веревки! — вопил Пурпурный причальной команде. — Мы должны опуститься на помост, а не то сломаем киль!

Мужчины, мальчишки носились туда-сюда, стараясь поймать веревочные концы, но постоянный ветер со Скалы не позволял этого сделать. Один мальчишка умудрился ухватиться за канат и был поднят в воздух. Он выпустил веревку и упал на землю. Жители деревни вместе с наземной командой гонялись за каждой веревкой, пока, наконец, почти у каждой не оказалось по одному-два владельца, повисших на конце. Фрон зарычал на свою команду:

— Все в порядке, тащите лодку на помост!

Возбужденно крича, мужчины потащили за собой «Ястреб». Жители деревни радостно размахивали руками, приветствуя героев поднебесья. Вилвил и Орбур перестали крутить педали и махали в ответ. Широкие глупые улыбки сияли на всех лицах. Наземная команда как раз разворачивала лодку над помостом, когда один из них закричал:

— Погодите! Если Пурпурный улетит на своей лодке, наши символы ничего не будут стоить!

Остальные уставились на него.

— Ну и что?

Между тем Пурпурный кричал:

— На помост! На помост! Спускайте нас на помост!

Наземная команда не обращала внимания на его вопли и продолжала спорить. Фрон требовал, чтобы они подчинились приказу, но те твердили свое. Наконец один из них закричал:

— Мы собираемся бастовать, Пурпурный!

— Что? Что собираетесь?..

— Наземная бригада собирается бастовать...

— Как?

— Мы требуем, чтобы ты гарантировал оплату своих символов!

— Конечно, конечно...

И тут мы увидели, как над ограждением появилась голова Шуги. Он держал в руке шар зудящих колючек и внимательно выбирал цель внизу. Трое из наземной команды хотели тут же отпустить веревки, но их вожак не позволил им сделать этого.

— Шуга, если ты бросишь шар, то мы вас отпустим, и вы никогда не вернетесь, — кричали снизу.

Я отпрянул назад. Я знал Шугу. Так и есть — он швырнул его. Шар ударился, взорвался — и крошечные черные точки появились в воздухе, оседая на людях причальной команды. Сверху послышался голос Шуги:

— Если хотите, чтобы вас вылечили, — тащите нас вниз.

Одни пытались стереть черные родинки. Другие отпустили веревки и катались по земле. «Ястреб» понесло в сторону. Шуга кричал:

— Через час вы будете умолять меня!

Мужчины подхватили веревки и начали тянуть лодку вниз. Шуга, очевидно, хотел кинуть еще несколько шаров, но Пурпурный слез со снастей и удержал его. Вилвил и Орбур, не нуждаясь больше в воздухотолкателях, подтянули их к поплавкам и перебрались в лодку. Они тоже пытались утихомирить Шугу.

— Не надо зудящих шаров! Мы тащим! Мы тащим! — кричала причальная бригада. Шуга, Вилвил и Орбур исчезли за бортом судна. Послышались проклятья и приглушенный шум. Пурпурный, перегнувшись через борт, руководил приземлением:

— Все нормально... все нормально... теперь осторожнее... Следи за килем! Тащите нас на помост... на помост!.. Килем не зацепите!

Ворча и ругаясь, мужчины подтянули лодку к помосту. Одни уже зацепили веревки за колья в земле. Лодка медленно опустилась. Киль скользнул в паз, и я вздохнул с облегчением. Из лодки выбрались Вилвил и Орбур. Следом — Шуга. Неожиданный порыв подхватил лодку и поволок ее вниз по склону. Она подскакивала и скользила. Она была слишком тяжелой, чтобы лететь с грузом балласта, но слишком легкой, чтобы противостоять напору ветра. Ветер стащил ее с холма и сбросил в воду. Вылавливать «Ястреб» пришлось помощникам Анга Рыбака. Когда Пурпурный увидел, как он плывет по воде и мягко балансирует на волнах, единственным его комментарием было:

— Хм, я догадывался, что киль совсем не нужен.

68

Следующие несколько дней прошли в делах. Вода поднялась даже выше, чем прежде, добравшись до середины холма верхней деревни. Палатки, которые так хорошо послужили нам во время странствий, пригодились снова. Пострадавшие семьи перебрались на скалу. Туда же Фрон и его причальная команда перенесли «Ястреб». Они справились с этим без труда, потому что воздушные мешки компенсировали большую часть веса лодки.

После некоторых дополнительных усовершенствований и ремонта, произведенных Вилвилом и Орбуром, к лодке были прикреплены последние четыре баллона. На этот раз лодку загрузили больше, чем надо, и ее удерживали дополнительные причальные канаты. Мы не распускали генераторные бригады. Пурпурный прикрепил провода к своей батарее, и теперь вся энергия четырех машин запасалась в этом крошечном устройстве. Однажды я спросил Пурпурного насчет этого, и он объяснил, что батарея может удерживать почти бесконечное — с нашей точки зрения — количество энергии. В использовании ее были свои преимущества. Например, Пурпурный мог высвобождать энергию с той скоростью, какую выберет. Так, если двумстам мужчинам требовалось пять дней для наполнения газом шестнадцати баллонов, то с помощью заряженной батареи это можно было сделать за несколько часов. Поэтому не имело значения, если баллоны на Скале начнут опадать. Пурпурный мог подкачать их прямо перед стартом.

Он планировал вылететь через две руки дней. К тому времени, считал Пурпурный, у него будет достаточно энергии, чтобы подкачать баллоны раза два, а то и больше. К тому же он не хочет заполнять баллоны заранее, потому что такое скопление водорода может оказаться опасным. Вдобавок, ему предоставится возможность более точно определить скорость утечки.

— Опасность? — переспросил я, когда он упомянул об этом. — Какого рода?

— Огонь, — ответил он. — Или искры, которые могут уничтожить весь корабль. Именно поэтому мы не можем взять с собой велосипедный делатель электричества.

И он объяснил мне, что искра — это очень маленькая молния.

— Вспомни, как было взорвано мое домашнее дерево!

Молния? Значит, это молния сопротивлялась, когда я крутил рукоятку генератора! Я содрогнулся: молния! Да, Пурпурный определенно был великий волшебник!

И он в очередной раз доказал это. Пока бригады мужчин продолжали свои шумные состязания на генераторах, пока Вилвил и Орбур обеспечивали будущее путешествие «Ястреба», Пурпурный взялся за лечение всех больных, каких только мог найти.

— Похоже, мне скоро не нужна будет моя аптечка «первой помощи», — сказал он мне. — Я ее берег, потому что нуждался в ней сам, но теперь могу помочь окружающим.

Он вылечил Хинка Безволосого и Фарго Ткача — у обоих начали расти волосы. Другие расстались со своими язвами, от которых страдали так много рук дней. Даже женщин он лечил от безволосости. Он позаботился о младшем Гортике, четырехлетнем ребенке, у которого от рождения была маленькая и слабенькая ручка.

— Ускоренная регенерация, — приговаривал Пурпурный, обследуя малыша, и заставил его проглотить две странные полупрозрачные капсулы. Ручка ребенка начала расти. Пурпурный ежедневно приходил в верхнюю деревню и бродил среди палаток со своей волшебной коробочкой в руке. Когда Зон Продавец свалился с дерева и сломал спину, Пурпурный буквально примчался к нему! Он обрызгал спину Зону чем-то, что проходило прямо сквозь кожу, и запретил ему двигаться до тех пор, пока он снова не сможет шевелить кончиками пальцев. Зон так и остался лежать под деревом, которое чуть его не убило, а жена кормила его и меняла одеяла. Зон постепенно начал поправляться, и Пурпурный забрал у него все свои символы. Люди теперь начали обменивать символы Пурпурного на Шуги в отношении один к десяти.

69

Как раз в эти дни моя первая жена родила дочь — как и предсказал Шуга. Девочка была красной, уродливой и совершенно лысой — даже без тонкого, мерцающего пушка первого меха. Когда Шуга шлепками привел ребенка в чувство, кожа ее поблескивала только остатками маточной жидкости. Шуга взял влажное полотенце, которое я держал для него наготове, и начал прочищать глаза, нос и рот новорожденной. Он нежно управлялся с ней, и на его лице было странное выражение.

— Есть причины удивляться, Шуга? — спросил я.

Шуга не отводил глаз от ребенка.

— Как я и думал, она — демонский ребенок, Лэнт!

— Добрая это ведьма или злая?

Он покачал головой:

— Я не знаю. Слишком рано говорить.

Он поворачивал девочку в руках, продолжая обтирать полотенцем. Со своей родильной койки смотрела широко раскрытыми глазами моя жена. Большинство женщин боятся вынашивать ребенка демона. Моя жена отнеслась к этому стоически — мне следовало как-то отблагодарить ее.

Шуга сказал:

— Насколько я понимаю, этого ребенка следует окружить забо-

той и защитой. Возможно, с ним надо обращаться так же, как с мальчиком...

Я с испугом уставился на него.

— Шуга... — начал я, но волшебник резко оборвал меня:

— Лэнт, я не знаю. Это нечто такое, чего я никогда не видел, и о чем никогда не слышал. Мы сможем только наблюдать и ждать. Если этот ребенок — добрый демон или злой, необходимо проявлять осторожность.

Я мрачно кивнул. Демонские дочери встречались и прежде — с ними обращались как с сыновьями, давали им имена и благословляли, а в некоторых случаях даже принимали в Гильдию Советников.

Пурпурный прибежал, как только услышал новость.

Он ворвался в мое гнездо и застыл, глядя на мою лысую, красную демонскую дочь. Потом ухмыльнулся.

— Она красавица, правда? — сказал он.

Мы с Шугой переглянулись. Возможно, с точки зрения Пурпурного она и была красива, но для нас в ней таился источник страха. Как же выглядят младенцы там, откуда явился Пурпурный, если такого ребенка он считает красивым? Он неуверенно подошел к Шуге.

— Можно я подержу ее?

Шуга отступил, прикрывая ребенка рукой. Глаза его сердито поблескивали. Пурпурный выглядел растерянным и обиженным. Я коснулся его руки.

— Пурпурный, у нее вырастут волосы?

Тот покачал головой.

— Я думаю, нет.

— Но тогда ты ее вылечишь?

— Я не могу.

— Извини, я не собираюсь тебя оскорблять, но ведь ты недавно проводил такое лечение.

Пурпурный развел руками.

— Ты не понял. Она не больна, Лэнт. Она просто лысая — как я.

Он снова шагнул к Шуге.

— Дай мне ее подержать, пожалуйста!

Он протянул руки. Но Шуга отказался дать ему ребенка. Он упрямо покачал головой.

— Но она моя, — заявил Пурпурный. — Я хочу сказать, я зачал ее...

— Так и что? Ты думаешь, это дает тебе какие-то особые права? Это жена Лэнта родила ее. Это ребенок Лэнта.

Пурпурный посмотрел на Шугу, на меня. На лице его появилось выражение смятения и обиды.

— Я только хотел подержать... чуть-чуть... Лэнт, пожалуйста?

Он выглядел таким жалким, что я уже хотел согласиться, но Шуга непреклонно качал головой.

Наконец Пурпурный склонил голову в знак печального и покорного согласия.

— Как хочешь. Но позволь, по крайней мере, укрепить ее здоровье...

— Какого рода это заклинание? — спросил Шуга.

— Это заклинание счастья, — ответил Пурпурный. — Счастья и защиты. Оно сделает ее более сильной и здоровой.

Я сначала подумал, что Шуга откажет. Я заметил, как подозрительно сузились его глаза. И я сказал:

— Шуга, вспомни, мы должны угождать ей...

— Хорошо, — сказал Шуга. — Можешь подойти...

И он позволил Пурпурному достать из коробочки устройство и с его помощью сделать укол. Больше Пурпурный не просил подержать ребенка, и, когда уходил, шаги были неровными. Больше в тот день мы его не видели.

70

Большей части символов Пурпурного жители не окупили — даже тогда, когда больные и инвалиды начали прибывать со всех концов острова. Те, кто были здоровы, предпочитали приберечь символы частично из-за того, что позднее им самим могла понадобиться очень сильная магия, а частично потому, что символы сами по себе были магией. И они могли принести удачу.

После излечения многие решили остаться. Заинтригованные нашей летающей лодкой и нашими генераторами электричества, они образовали постоянно присутствующую толпу любопытных. Одни стали делать ставки на различные генераторные бригады. Другие приходили в надежде присоединиться к нашей все растущей Гильдии изготовителей тканей, или включиться в поточную велосипедную линию, или войти в генераторную бригаду. Третьи прибывали торговать, а за ними следовали те, кто наживался на торгующих. Остальные приходили из любопытства.

И, наконец, настал день, когда Пурпурный заявил, что его батарея заряжена. Он собирается улететь перед следующим восходом голубого солнца! И на этот раз это будет окончательное прощание с Пурпурным. Как только воздушная лодка оторвется от колыбели, он навечно уйдет из нашей деревни и нашей жизни. Теперь Пурпурный почти все время проводил на Скале, проверяя снасти, мешки и припасы.

— Посмотри, как лодка натягивает канаты, Лэнт — разве это не красиво? Пищи у нас, по крайней мере, на четыре руки дней,

балласта — вполне достаточно. Я хочу сказать, что мы готовы, Лэнт. А как ты? Я имею в виду, ты готов?

— Как?

— А разве ты не собираешься с нами?

— Я? — я сжался. — Но у меня нет намерения... вот именно, я ведь нужен здесь. Дела требуют этого! Ведь я — Глава! Я...

— Но... твои сыновья сказали, что ты собираешься лететь с нами. Мы все планировали и на тебя.

— Я впервые об этом слышу.

— Значит, ты не хочешь лететь?

— Конечно, нет. Я не вижу причины, почему бы мое присутствие было необходимо.

— Ладно, я тоже не вижу, — согласился Пурпурный. — Но Вилвил и Орбур, кажется, считают, что такая причина есть.

Я пожал плечами.

— Нет, Пурпурный. Благодарю за приглашение, но я отказываюсь от этой чести.

Я не стал говорить, что лучше останусь в деревне совсем без волшебника, чем в летающей машине с двумя сумасшедшими волшебниками.

71

Но в тот же день, только попозже, в жаркие часы двойного солнечного света, когда большинство жителей деревни спали, Шуга отвел меня в сторону.

— Лэнт, ты видел, как он обесценил мою магию! — с горечью сказал он. — Ты должен лететь с нами, Лэнт. Ты мне будешь нужен, чтобы помочь в заклинании против него...

— Заклинание? О, нет, Шуга...

— Я буду свободен от своей клятвы, как только мы покинем эту местность. Но ты мне необходим — как свидетель, что я его убил. Ты — Глава. Твое слово — закон.

— Шуга, разве тебе недостаточно, что ты останешься один? Пурпурный улетает. Ты будешь здесь единственным волшебником. И разве это не самая большая деревня! Тут, наверно, теперь живет тысяч пять человек, если не больше. Никогда в истории не существовало деревни таких размеров! Чего ради ты должен рисковать, начиная жуткую дуэль!

Но тут Шуга зарычал и, бросив на меня свирепый взгляд, пошел прочь.

После захода голубого солнца я повстречал Вилвила и Орбура. Едва увидев их, я спросил:

— Что за чепуху вы нагородили Пурпурному? Он сказал, что вы хотите, чтобы я летел с вами.

— Отец, ты должен это сделать! Ты — единственный, кто может совладать с Шугой. Ты знаешь, что он планирует начать дуэль, как только мы окажемся вне этого района.

— Да, он упоминал об этом.

— Ты должен лететь с нами, чтобы остановить его. Мы никогда не вернемся, если ты не полетишь, даже если нам удастся выжить и на этот раз. Он настаивает, чтобы мы снова поставили паруса. Отец, ты должен лететь — или мы никогда не вернемся домой!

— Я уверен, вы отправитесь и без меня, дети мои. В испытательном полете вы все делали правильно...

— Да, но это была только проверка. Шуга знал о летающей машине не больше, чем любой другой. А теперь, когда он побывал в воздухе, он убежден, что стал специалистом. Ты наверняка слышал истории, которые он рассказывает о своих подвигах.

Я кивнул.

— Вы все рассказываете свои истории. И ни одна из ваших историй не похожа на другую. Жители ни одной не верят. Один этот факт должен удержать Шугу от дуэли. Если к тому же у него не будет надежного свидетеля...

— Отец, он не столько заинтересован в надежных свидетелях, сколько в убийстве Пурпурного. — Орбур понизил голос. — Ты ведь не знаешь, что он делал во время испытательного полета?

— Я ничего не слышал.

— Вилвил и я молчали об этом. Мы не хотели давать даже намека, что между волшебниками были неприятности.

Вилвил кивнул и сказал:

— Короче, едва мы взлетели, они стали спорить, нужны ли паруса. Шуга так ожесточился, что пытался бросить шар огня в Пурпурного...

— Шар огня? Но... воздушная лодка? Водород?

— Нам повезло, — сказал Орбур. — Пурпурный завопил, как только это увидел. Я подумал, что он выпрыгнет из лодки... Но Вилвил быстро нашелся и опрокинул на Шугу горшок с водой.

— А затем Орбур вылил на него еще один горшок, — продолжал Вилвил, — а потом сорвал накидку. Мы заставили его выбросить все огнеделающие устройства. Пурпурный был бледен, как облако...

— Могу представить, — я думал о почерневшем домашнем дереве.

— Но это не все, — сказал Орбур. — Позже он пытался столкнуть Пурпурного с лодки.

— Дети мои, вы пережили этот полет, не так ли?

Они неохотно кивнули.

— Тогда я верю, что вы сможете пережить и второй. После того, что вы мне тут наговорили, я стал еще более уверен, что ни за что не заберусь в эту воздушную посудину.

Я вернулся в гнездо усталый и раздраженный.

Мое раздражение было усугублено необходимостью пробираться между палатками сквозь оравы незнакомцев. Здесь жили почти все семьи из пяти деревень. Когда-то голая скала превратилась в лабиринт из палаток, притиснувшихся чуть ли не вплотную. Узкие проходы кишели детьми, женщинами. Остальную часть острова поглотило море. Единственными свободными местами оставались скала Идиоки, пространство вокруг помоста и широкая подсобная площадь, откуда все пути обрывались в море. Сохранение этих участков в свободном и пригодном для работы состоянии делало остальное пространство холма еще более перенаселенным. Мое дерево, как и немногие другие, все еще частично возвышалось над водой, и мы могли пользоваться гнездом, хотя добираться к нему приходилось уже по пояс в теплой воде наступающего моря.

Я с облегчением плюхнулся на койку и позвал:

— Жены! Я готов для расчесывания. Сегодня у меня выдался такой день, какой трудно перенести даже самому сильному мужчине. К тому же Пурпурный, Вилвил и Орбур хотят, чтобы я летел с ними на воздушной лодке.

— О, нет, нет, наш храбрый Лэнт! Только не на воздушной лодке! Ты можешь упасть! — голосила одна.

— Не делай этого, муж мой! Ты никогда не вернешься! Как нам жить, если мы потеряем тебя! — запричитала другая.

— У тебя есть чем заняться, есть твоя резьба по кости, — плакала первая.

— И еще много дел, кроме этого. Стены гнезда протекают, их надо ремонтировать, — поддержала вторая.

— Подождите, — я пинком заставил их замолчать. — Что это за шум вы устроили? Или вы осмеливаетесь говорить, что мне надо делать...

— Нет, нет!

И они бросились к моим ногам.

Первая сказала:

— Это только потому, что мы так тебя любим и не хотим, чтобы ты...

Вторая добавила:

— Ведь это такая опасная экспедиция... Может быть, даже слишком опасная для такого храброго мужчины...

Я презрительно смотрел на них.

— Я — Глава своей деревни. Я укротил двух самых безумных волшебников и не позволю им убивать друг друга. Я руководил постройкой настоящей летающей машины...

— Да, мой муж, но это не значит, что ты должен лететь на ней!

— Да, оставь эту часть кому-нибудь другому...

— Почему же я должен это сделать? — возмутился я. — У меня столько же прав лететь на «Ястребе», как у любого другого, а возможно, и больше...

— О, но мы так боимся за тебя...

— Или вы думаете, я боюсь опасности?

— Нет, наш храбрый Лэнт, это мы боимся...

— Вы слишком много думаете, мои жены, и от этого мозги ваши протухли. Я полностью сознаю опасность такого предприятия. Если бы я был уверен, что это безопасное путешествие, я бы не планировал лететь.

— О, мой муж, мой храбрый муж, тебе не нужно доказывать нам свое бесстрашие. Мы знаем, что ты самый великий из всех мужей. Только останься с нами, и мы даже не будем протестовать против покупки третьей жены...

— Что? С чего вы взяли, что вы имеете на это право? Если я захочу третью жену — я ее куплю. Если я захочу лететь на летательной машине, я это сделаю! А я собираюсь сделать и то, и другое! И ни одна из вас ничего не скажет против, или иначе я вас побью! А теперь принесите мне ужин!

73

Красный закат, тихий и спокойный, жаркая духота в воздухе — память об обжигающе раскаленном дне.

Фрон и четверо других держали веревку. Вилвил и Орбур были наверху, на снастях, меняя позицию двух баллонов. По их сигналу Фрон и его ребята отпускали веревку и баллоны скачком вернулись в общий ряд. Пурпурный провел этот день, подкачивая опавшие воздушные мешки. Сейчас он наполнял из водородного горшка последний шар, балансируя на узких дощечках палубы.

Шуга и я спокойно стояли в стороне от помоста. Я размышлял, как же попал в такое положение. В своем рвении уговорить меня не рисковать своей жизнью мои жены просили поддержки у множества других женщин... И скоро я обнаружил, что каждый мужчина, женщина и ребенок на холме знали, что Лэнт Глава будет на борту «Ястреба», когда тот поднимется в небо.

Когда Вилвил и Орбур опустились со снастей, Пурпурный сделал отметку в своем контрольном списке. Орбур нырнул под ткань, прикрывающую кучу грузов.

— Одеяла здесь, Пурпурный.

— Хорошо, — сказал Пурпурный. — Как с питьевой водой?

— Более чем достаточно, — ответил Вилвил, одновременно покосившись на Шугу.

А Пурпурный уже подходил к нам.

— Я рад, что ты летишь, Лэнт. Путешествие будет долгим, а я привык к твоему обществу.

Шуге он сказал:

— На этот раз ты не взял с собой огнеделательных устройств, не так ли?

Шуга сурово покачал головой.

— Ты помнишь, что я тебе говорил об этом?

Новый кивок.

— Отлично.

Пурпурный отошел к мальчикам и что-то шепнул им. Вилвил и Орбур посмотрели на нас и переглянулись. Потом выбрались из лодки и подошли.

— О, Шуга, — произнесли они, — можем ли мы спросить тебя об одном из труднейших мест заклинания...

Все трое скрылись за группой черных кустов. Послышался резкий крик и звуки борьбы. Затем еще один крик. И — тишина. Через мгновение раздалось шипение и плеск воды, выливаемой из горшка. Вилвил и Орбур вернулись, улыбаясь. Немного погодя появился промокший Шуга. Он свирепо поблескивал глазами. Волшебник подошел ко мне.

— Если бы они не были твоими сыновьями...

— И если бы они не были нужны для успешного возвращения домой, — спокойно продолжал я. — То что бы ты сделал?

— Не имеет значения, — проворчал он. — Я тоже рад, что в конце концов ты решился лететь с нами. Я собираюсь устроить Пурпурному такую месть, о какой еще никто никогда и не слышал!

Несмотря на время дня, на склоне собралась значительная толпа. Было много народу из других деревень. Немало было и наших, они горделиво показывали, кто над какой частью машины работал. Среди собравшихся бродили торговцы, продающие сладости.

— Все в порядке, Лэнт, — сказал Пурпурный. — Теперь ты можешь подняться на борт.

Он помахал рукой волшебнику:

— Шуга!

Мы поднялись. Пурпурный попросил нас сесть в самом носу лодки. Сам остался на корме. Пурпурный нервно озирался, словно опасался, что что-то забыл.

Я оцепенел. Сердце отчаянно билось. Я не мог поверить... Я действительно здесь, в летающей машине! Я собираюсь подняться на ней в небо! Послышался голос:

— Лэнт! Лэнт!

Я перегнулся через борт.

Там стоял Хинк.

— Лэнт, ты действительно собираешься лететь с Пурпурным Волшебником?

— Да, — сказал я. — Собираюсь.

— Ты храбрый мужчина, — произнес Хинк. — Я буду скучать по тебе.

Еще дальше по склону я разглядел Гортика и двух моих жен. Жены рыдали. Маленький Гортик махнул рукой.

— Все в порядке, — сообщил Пурпурный. — Наземная команда заняла свои места!

Тысяча лиц смотрели на нас. Вилвил и Орбур махали собравшимся. Они взобрались на свои велосипеды и привязали себя для безопасности веревками.

— Знаешь, — неожиданно произнес я. — Думаю, мне все-таки следует остаться.

Шуга толкнул меня на место.

— Перестань, Лэнт, хочешь, чтобы все подумали, что ты трус?

Пурпурный стоял на корме лодки, для равновесия вцепившись одной рукой в снасти. Жестами он подавал команды наземной бригаде. Фрон и его люди рассредоточились вокруг помоста, у каждого — тяжелый нож, каждый — возле своего причального каната.

— Порядок, — кричал Пурпурный. — Теперь порядок. Будьте наготове! Все канаты должны быть обрезаны одновременно, поэтому ждите моего сигнала. Вы должны обрезать канаты только тогда, когда я прикажу. Я начинаю обратный отсчет — готовы? Десять, девять, восемь...

— Шуга, дай мне выйти, — сказал я. — Я не собираюсь...

— Что?

— ... участвовать в этом...

— ... семь, шесть, пять...

— Шуга!

— ... четыре, три...

Прозвучало дребезжащее — ч-а-нкс, когда пятьдесят ножей одновременно разрубили канаты. Мы подпрыгнули вверх! Толпа восторженно закричала. Я вопил. Шуга вскрикнул и вцепился в меня. Лодка резко накренилась. Я ухватился за что-то, стараясь удержаться от падения. Раздался рвущийся звук — это оказался Шугин волшебный пояс... Мы образовали беспорядочную кучу на дне лодки. Я подтянулся, принял сидячее положение и оперся спиной о скамью.

Пурпурный яростно ругался:

— Вы, идиоты, с протухшими мозгами! Вы даже считать правильно не умеете!! Я не успел даже...

— Что? — спросил я. — Три — это волшебное число, Пурпурный. Все заклинания начинаются с тройки.

Он с глупым видом посмотрел на меня, потом отвернулся, бормоча себе под нос:

— Как я мог быть таким глупцом... О, что бы я отдал за...

Его слова унес ветер. Я огляделся. Шуга с удивлением уставился за борт.

— В чем дело? — спросил я.

— Мой волшебный пояс, болван! Ты разорвал его!

Я стал с ним у перил. Лодка рискованно наклонилась, но Пурпурный переменил на корме свое положение, и судно выровнялось.

Впервые с начала подъема у меня появилась возможность взглянуть вниз. Там, далеко внизу, была Скала, солнечный свет падал на нее под углом. Крошечные человечки, с каждым мгновением делающиеся все меньше, копошились подо мной. Я мог видеть помост, домашние деревья, пенистый край моря и его волнующуюся поверхность, простирающуюся до края мира. С другой стороны виднелись горные пики. Мы летели даже выше их. Шуга все смотрел вниз.

— Чем ты так расстроен? — спросил я. — Большинство твоих заклинаний здесь, на дне лодки.

— Знаю, — ответил он. — Я их видел. Но ты разорвал пояс — и кое-что просыпал.

— Ну! — произнес я. — И что это?

— Порошок. Ты помнишь пыль желания?

— Заклинание, которое мы направили на Пурпурного в тот день, когда уничтожили черное яйцо?

Шуга кивнул.

Я содрогнулся. Я все хорошо помнил. Несколько раз дохнув пылью, Пурпурный отправился в деревню и там сделал с моей женой то, ради чего создаются семьи.

— Я думаю, — прошептал Шуга...

— Мы обязаны вернуться, — заявил я. — Ты должен показать им, какие травы необходимо жевать — в районе нет другого волшебника.

— Вернуться! — повторил Шуга. — Ты шутишь. Мы не сможем опустить корабль на землю, пока газ не устанет от работы и не выберется из баллонов.

Он был прав, конечно. Я оставил его у перил и переместился в другую часть лодки. При каждом моем шаге судно покачивалось.

В небе на такой высоте оказался сильный ветер. Вилвил крикнул Орбуру:

— Я думаю, мы должны снова поставить киль.

— Я тоже, — ответил тот.

— Нет, — возразил Пурпурный. — Все, что нам надо,— это переделать оснастку. Распределить ее шире вдоль лодки.

Скала Идиоки превратилась в черную точку на горизонте. Под нами раскинулось разноцветное море. Его покрывали коричневые и черные пятна. В некоторых местах проглядывали рифы. Можно было разглядеть рощи затонувших деревьев, скальные скопления и

даже кое-где плоские пирамиды, посвященные Маск-Вотцу. В тех местах, где таились водовороты, водная поверхность становилась серой и пенистой.

Пурпурный поглядывал на солнце и что-то отмечал на шкуре, натянутой на рамку. От центра шкуры к ее краям тянулись странные линии.

— Это заклинание, указывающее направление, — объяснил Пурпурный. — Мы направляемся почти прямо на восток.

— Я и сам мог бы это сказать, — заметил я.

— Каким образом?

Я указал вниз.

— Видишь ту полоску земли? Это — дорога, по которой мы двигались во время нашего переселения. Она ведет точно к старой деревне.

— Да? — Пурпурный перегнулся через борт, стараясь собственными глазами разглядеть ее. Я опасался за него, но еще больше опасался за Шугу, который смотрел на нас недобрым взглядом. Пурпурный выпрямился:

— Вилвил! Орбур! Мы хотим изменить курс. Отвяжите воздухотолкатели!

Ребята взялись за дело.

Ни за что я не поменялся бы местом со своими сыновьями. Меня не затащить туда, где ничего нет между тобой, морем и воздушной пустотой.

— Нам надо держать курс вон туда! — кричал Пурпурный. — Поверните к западу — на девять градусов.

Последнего слова я не понял, но мальчикам оно, очевидно, было знакомо. Вилвил начал крутить педали назад, а Орбур вперед. «Ястреб» медленно развернулся в небе. Лучи красного солнца пронизывали снасти, по нашим лицам раскачивались тени. Пурпурный внимательно наблюдал за своей измерительной шкурой. Из ее центра торчала маленькая палочка, и он следил за положением тени.

— Стоп! — закричал он. — Все в порядке!

Он выждал, пока движение воздухотолкателей не прекратилось, и снова проверил положение тени.

— Недостаточно, — закричал он, — еще на пять градусов.

Когда наконец мы направились в нужную сторону, он отдал новый приказ:

— Скорость в одну четверть.

Ребята начали напевать и крутить педали. Они сдвинули один ремень на шкивах так, что ветер от воздухотолкателей шел теперь в направлении кормы, а сами они сидели по направлению движения. Их песня представляла собой набор рифмованных слов с определенным ритмом, и они работали ногами в соответствии с ним.

Пурпурный немного понаблюдал за ними и опять начал разглядывать что-то за бортом. Вскоре он буркнул:

— Ага! — и выпрямился. — Мы идем тем курсом, который ты указал, Лэнт.

Он снова прошел на корму и растянулся на койке из воздушной ткани, натянутой на широкую раму.

— Знаешь, Лэнт, — воскликнул он, — если бы у меня не было дел и обязанностей в другом месте, я, может быть, поселился бы здесь. У вас очень спокойная жизнь.

— О, нет, Пурпурный, — возразил я. — Ты не был бы счастлив, живя с нами. Тебе лучше вернуться...

— Не бойся, Лэнт. Именно это я и намерен сделать. Но я говорю тебе, что действительно наслаждался жизнью здесь, — он указал на свое брюшко. — Взгляни, я даже потерял несколько фунтов.

— Лучше бы ты посмотрел на себя сзади, — пробормотал Шуга.

— Тс-с, — прошипел я. — Нам придется пробыть вместе довольно долго. Постарайся, по крайней мере, сдерживаться!

— Из-за него?!

— Тебе не надо было лететь, Шуга!

— Да? А как иначе я докажу...

— Ты просто не обращай внимания на него. Если не можешь сказать ничего приятного, то совсем ничего не говори. По крайней мере, пока мы в воздухе!

Шуга заворчал на меня и пошел на нос лодки. Я устало опустился на кучу одеял и стал наблюдать за сыновьями. Необычная это была картина — высоко в небе юноши упорно крутили педали безколесых велосипедов, а воздушные мешки нависали над нами подобно гигантскому навесу. Время от времени мальчики отдыхали — и тогда становилось совсем тихо. Воздух был холодным — почти кусающим. Пурпурный достал несколько одеял и раздал их. Вилвил и Орбур одели дополнительную одежду, которая, как сухари и бутылки с водой, крепилась для их удобства на снастях. Последние лучи красного солнца окончательно исчезли за горизонтом.

— Они в темноте будут крутить педали? — спросил я Пурпурного.

— Все время, пока дует ветер, приходится крутить педали. Можно, правда, опуститься на воду. Но для этого придется выпустить газ из баллонов.

— А ты не хочешь этого, верно?

— Верно. Движение по воде потребует больших усилий. Кроме того и в этом случае придется преодолевать сопротивление ветра. Поэтому разумней оставаться в воздухе.

Песня и поскрипывание педалей производили в темноте жутковатое впечатление — звуки, приходящие ниоткуда. К счастью, до

голубого рассвета было немногим меньше часа — в это время года тьма долго не держится. За ней следовали семнадцать часов голубого дня, час двойного солнечного света и еще семнадцать часов красного дня. И опять темнота. Темнота постоянно будет увеличиваться, как и интервалы света двух солнц. Дни одиночных солнц начнут сокращаться, а светила все ближе и ближе будут подкрадываться друг к другу на небе — к неизбежному красному соединению.

Мы летели по погруженному во тьму небу.

74

Далеко на востоке горизонт озарился слабым голубым сиянием. Позади нас поднимался голубой Оуэлс, чтобы вскоре выплыть из-за горизонта и залить мир ярким светом. Вокруг завывал холодный ветер. Я плотнее завернулся в одеяло. Лодка мягко покачивалась. Раздутые баллоны над головой казались неподвижными, морское пространство под нами — неподвижным и плоским. Мои сыновья упорно крутили педали. Их работа сопровождалась ровным звуком, скорее ощутимым, чем слышимым,— постоянная вибрация заполняла лодку.

А затем настало утро, пронзительное и голубое. Яркая точка Оуэлса появилась на краю мира. Пока Пурпурный, Вилвил и Орбур отдыхали. Ориентиром была цепь невысоких холмов, на фоне поднявшейся воды они должны были выделяться более светлой линией. Сначала Пурпурный решил, что мы сбились с курса, но потом заметил холмы справа от нас. Должно быть, ветер чуть стих. Мальчики, не зная этого, продолжали крутить педали,и мы отклонились дальше к востоку, чем того хотел Пурпурный. К счастью, ветер продолжал дуть на северо-восток, поэтому Пурпурный разрешил ребятам отдохнуть, пока мы не окажемся над нашим ориентиром. Мальчики перебрались в лодку, но не отвязали своих страховочных веревок, пока не оказались в безопасности. Они жадно выпили пузырь пива, передавая его друг другу, а потом растянулись на обтянутых тканью рамах, заменяющих койки. Через минуту они уже спали.

Я пробрался между пакетов с припасами на нос лодки. Шуга только что улегся. Он приветствовал меня угрюмым ворчанием.

— Не спишь? — поинтересовался я.

— Конечно, нет, Лэнт. В нашем распоряжении только час темноты. Я наблюдаю за лунами. Луны, — и он раздраженно зевнул. — Мне нужны луны.

— Шуга, — сказал я, — тебе не нужны луны...

— Ты хочешь, чтобы я проиграл дуэль?

Я понял, что его не переубедить.

— Иди и поспи немного, — сказал я.

Шуга пощарил у себя в рукаве, но нашел только отсыревший часоточный шар.

— Проклятье, — пробормотал он. — Они его испортили, детишки твои, испортили мой шар. Я надеялся, что он высохнет, но...

Шуга пожал плечами и швырнул шар за борт.

— Я собираюсь спать, Лэнт, — буркнул он и отвернулся.

Я пробрался на самый нос лодки и выглянул. Вид отсюда не загораживали ни баллоны, ни снасти. Я летел над серебристо-голубым морем. Казалось, я плыву в тишине. Спокойствие было подавляющим. Воздух был свежим и в то же время теплым. Голубой Оуэлс уже разгорался.

— Красиво, не правда ли?

Я оглянулся. Сзади ко мне подошел Пурпурный. Он положил руки на перила и разглядывал голубой океан.

— Мне нравится, что все меняется, — сказал он. — Изменяющийся цвет солнц меняет цвет воды.

Я кивнул, хотя еще не чувствовал себя расположенным к разговору. Кости ныли от ночного холода, солнце еще только начало изгонять его.

— Лэнт, — попросил Пурпурный, — расскажи еще раз о своем путешествии. Я попытаюсь подсчитать, как далеко вы ушли и сколько времени нам понадобится, чтобы преодолеть это расстояние на летающей машине.

Я вздохнул. Мы говорили об этом уже много раз. Именно на основании рассказа о нашем переселении Пурпурный подсчитывал количество баллонов и необходимых припасов.

— Мы шли сто пятьдесят дней, Пурпурный, мы двигались по той цепочке холмов, потому что море очень быстро поднималось!

Он кивнул.

— Хорошо, хорошо, — затем он замолчал и углубился в свои мысли, точно производил в голове подсчеты. Немного погодя он принес свою маршрутную шкуру и снова начал глядеть на солнце.

75

Ветер прекратился совершенно. Пурпурный дал сигнал Вилвилу и Орбуру передохнуть, пока он снова не замерит положение солнц.

— Это очень трудно, — пояснил он. — Здесь нет Полярной Звезды, и даже магнитный компас мало помогает. Я должен, в основном, полагаться на солнца, чтобы узнать, где какое направление.

Ребята снова перебрались в лодку, жадно глотали пиво и жевали сухари.

— Отдохните, — говорил им Пурпурный. — Раз мы попали в штиль, то нечего беспокоиться, что нас собьет с курса.

Мальчишки прилегли вздремнуть. Шуга оставался на носу лодки, решив помолиться Маск-Вотцу и попытаться выпросить у него ветер. А Пурпурный полез на снасти, чтобы проверить свои баллоны. Я прошел на нос. Путешествие начинало становиться скучным.

Делать было нечего, только сидеть. Шуга помолился и опустился на скамью. Он принялся распаковывать свое волшебное оборудование.

— Вонючие подонки! — вспомнил он своих подмастерий. — Забыли положить флейту!

— Ты должен быть рад тому, что у тебя вообще есть подмастерья, — сказал я. — С недавних пор большая часть молодежи в деревне желает стать или ткачами, или производителями электричества. Не многие стремятся следовать старым обычаям.

— Хм! — фыркнул Шуга. Он посмотрел на меня. — И что они будут делать теперь, когда воздушная лодка закончена? Спроса на воздушную ткань больше нет, генераторы крутить не надо. Вот и получится, что работы у них не будет.

— Недавно я слышал, как Леста и Гортик обсуждали возможность постройки еще одной летающей машины. Больше этой — чтобы доставлять товары из деревни на материк и обратно, — ответил я.

— Это вполне вероятно, — пробурчал Шуга. — Но у меня пока что есть еще дураки-помощнички. И они забыли положить мои трубы и...

— Значит, ты плохо учил их, — сказал я.

— Ха, не так это легко, как ты думаешь, Лэнт, научить волшебника. Как вспомню о своей учебе...

И он замолчал.

— В чем дело? — спросил я.

— Лэнт, ты прав. Я их мало бил.

— Не понимаю.

— Конечно, учить волшебника это совсем не то, что учить резчика или ткача. Ученика надо бить три раза в день, чтобы он не был самодовольным. Затем ты должен бить его еще три раза, чтобы внушить к себе здоровый страх.

— Что-то слишком много битья, — заметил я.

Шуга кивнул.

— Это необходимо. Величие волшебника прямо пропорционально количеству побоев, которые он перенес.

— Твои годы учебы, очевидно, были ужасными...

— Да. Мне повезло остаться в живых. Старый Алгер не шел отдыхать, пока не выбьет из меня и Дорси все недовольство. Мы

смастерили около сотни различных волшебных ловушек на него. И ни одна не сработала — он их все разгадал.

— Ты хочешь сказать, что ученик волшебника должен стараться убить своего учителя?

Шуга кивнул.

— Конечно, а как же ты узнаешь, что ты лучше, чем он? Это необходимо, и ученики всегда стараются так сделать, поскольку это самый короткий путь к величию. И это проще, чем ждать формального посвящения.

— Но, Шуга, — пробормотал я. — Значит... твои ученики тоже постараются тебя убить.

— Конечно. Я этого жду. Но я умнее и искуснее, чем любой из них. Я умнее и искуснее, чем они оба вместе взятые. Насчет них я не беспокоюсь. Они до сих пор не научились проклинать родник. Каждый раз, когда покушение на меня у них срывается, я их сурово наказываю. Таким образом они получают порцию вдохновения. И в следующий раз стараются сделать лучше. Но, конечно, у них опять не получается. Такое состязание всегда приносит много радости волшебнику.

Я покачал головой. Я многого не мог понять в жизни — в том числе и этого.

Я пошел на корму немного вздремнуть. Лодка, подвешенная на раздувшихся баллонах, мягко покачивалась, и через мгновение все заботы волшебников уплыли прочь.

76

Мы провели час темноты в дрейфе, собравшись впятером на дне лодки. Вести наблюдение смысла не было. Немного погодя Пурпурный поднялся и завернулся в одеяло. Мы слышали, как он бродит по корме, ощущали через тонкие доски палубы его шаги.

— Он обеспокоен, — пробормотал Орбур.

— Будем надеяться, что ветер повременит немного, — сказал Вилвил. — Слишком холодно, чтобы вылезать и крутить педали.

Я высунулся из-под одеяла. Пурпурный смотрел вверх на баллоны. Они были пугающе высветлены его источником света. Пурпурный что-то бормотал об утечке водорода. Вилвил и Орбур переглянулись.

— Он не хочет приземляться, — сказал один.

— Придется, — ответил другой. — Если надо будет подкачивать баллоны, то без этого не обойтись.

Я вздрогнул. Под нами слышался плеск воды, случайные стоны пещерноротой рыбы. Если бы мы не прихватили с собой солидный запас пива, то были бы теперь вдвойне несчастными и промерзшими. Но мы с Шугой то и дело передавали друг другу пузырь, и

когда немного погодя появилось солнце, то уже вообще ни о чем не думали, не тревожились.

Пурпурный вновь высмотрел наш ориентир, Вилвил и Орбур забрались на велосипеды. Они развернули «Ястреб» в нужном направлении и начали крутить педали, Пурпурный вернулся на свою койку на носу лодки. Он храпел, как пробудившаяся гора.

Шуга опять погрузился в угрюмость. Несколько раз во время темного периода он высовывал голову из-под одеяла, но лун все не было. В первое темное время небо затянул туман, во второе — было ясно, но луны не показывались! Шуга был раздражен и растерян; это был Знак Гафьи, знак, что все боги отказываются слышать. Но Шуга был непреклонен. Он забрался на снасти, на небольшую платформу, которую Пурпурный называл «птичье гнездо», и мрачно сидел там.

Позже, когда Пурпурный проснулся, он спросил, чем Шуга так недоволен. Я рассказал, что это из-за лун. Шуге нужны луны, но он не может их увидеть. Я, правда, не стал объяснять, для чего именно они ему нужны. Пурпурный окликнул:

— Шуга, спускайся, я тебе объясню насчет лун.

— Ты? — фыркнул тот. — Ты мне объяснишь насчет лун?

— Я могу тебе о них рассказать, — настаивал Пурпурный.

— Послушать не вредно, — согласился я.

— Хм, — ответил Шуга, — ты-то что понимаешь?

Но все же спустился.

Пурпурный достал шкуру животного и начал рисовать на ней линии.

— Прежде чем прилететь на летающем яйце, я изучал пути ваших лун, Шуга. Скорее всего, все они — осколки одной большой луны, оставшиеся на ее орбите. По крайней мере, сейчас они вместе. Я полагаю, что бывают периоды, когда они далеко отстоят друг от друга.

Шуга кивнул. Это, во всяком случае, было правильно.

— Они часто меняют свою конфигурацию, — сказал он. — Они проходят ряд близких конфигураций, меняющихся с потерей каждой луны.

— Да,— произнес Пурпурный. — Конечно, луны влияют друг на друга, одни отстают, другие выхватываются из потока обломков, который следует за вашей планетой по восьмеркообразной орбите, как, в частности, одна луна, особенно для меня важная...

Я перестал слушать и побрел в другую часть корабля. Я — не волшебник и узкопрофессиональный разговор мне быстро надоел. Хотя, позднее, я заметил, что Шуга брал волшебную карту, начерченную Пурпурным, и с интересом ее разглядывал. В глазах его сверкал яростный блеск, и он бормотал что-то угрожающе.

77

На третий день голубой рассвет застал нас всего в нескольких человеческих ростах над водой. Огромные волны проносились над нами, вода вздымалась и опадала в постоянном беспокойстве.

— Ветер эффективнее толкает нас, когда мы выше, — сказал Орбур.

Пурпурный задумчиво кивал. Он смотрел на баллоны. А я беспокойно косился вниз. Поверхность воды была пенистой и черной. Я видел волны, ощущал запах влаги в воздухе. Мы уже два дня упрямо продвигались на север, подгоняемые иногда ветром, иногда воздухотолкателями. Если машина опускалась слишком низко, Пурпурный высыпал песок из балластных мешков, пока мы снова не поднимались. Но теперь оставался только один мешок с песком, и Пурпурный стал беспокоиться. Он регулярно исследовал баллоны, начиная с первой ночи. Ему приходилось периодически забираться на снасти и щупать их, затем, спускаясь, он цокал языком и качал головой. Сейчас воздушные мешки понуро опали, мы это видели, даже не поднимаясь по веревкам.

Пурпурный провел все утро, склонившись над перилами и пытаясь оценить расстояние до воды под нами. Я и сам проводил долгие часы, склонившись над перилами, но что толку было в созерцании воды? Постоянная высота начала меня нервировать — как и постоянные неритмичные колыхания лодки, когда кто-нибудь менял положение.

Пурпурный придумал, как измерять высоту. Для этого необходимо было уронить какой-нибудь предмет и подсчитать время его падения. Это можно сделать даже в темноте, если внимательно прислушиваться к всплеску.

После самых последних расчетов, сделанных по результатам падения кислой дыни, Пурпурный объявил, что мы очень быстро теряем газ и должны срочно подкачать баллоны. Затем он снова забрался на снасти, а Вилвил и Орбур оседлали велосипеды. Пурпурный, вися на веревках над нами, развязывал шейку одного из баллонов и отдавал распоряжения.

— Лэнт, Шуга, подтяните вон ту веревку — я должен отвести баллон в сторону. Вилвил! Замедляй ход! Орбур! Крути назад! Вот так! Держите курс!

Он осторожно манипулировал похожей на шланг шейкой мешка, понемногу спуская газ. Затем завязал шейку баллона, вскарабкался по снастям к другому мешку. Мы продолжали спускаться.

— На какой мы высоте? — закричал Пурпурный.

Я выглянул за борт. До воды оставалось меньше одного человеческого роста. Пропеллеры уже задевали за гребни волн, погружаясь и выныривая, оставляя за собой пенный след.

—Лэнт, проверь, чтобы руль лодки стоял прямо! — кричал Пурпурный.

Я, шатаясь, прошел на корму, где был смонтирован руль. Он тоже был изготовлен из уплотненной воздушной ткани, натянутой на раму. Я поставил его прямо и обвязал веревкой, чтобы зафиксировать в этом положении.

— На какой мы высоте?

Я снова выглянул. Мы все еще находились в человеческом росте над водой и прекратили спуск.

Пурпурный выпустил еще немного газа, и мы шлепнулись на воду. Немного погрузились, всплыли и пошли — вверх, вниз, вверх, вниз — скакать по верхушкам волн. Вилвил и Орбур по-прежнему крутили педали. Удивительное дело! Воздухотолкатели работали и в воде, мы двигались вперед.

Пурпурный сбросил узкие рукава от воздушных мешков так, что они свисали в лодку. Шестнадцать длинных шлангов... Я посмотрел наверх и подумал о брюхе молочного животного. Пурпурный выволок деревянную раму, которую смастерил для него Пари Плотник. В ней был сделан паз для батареи. Два медных провода выходили через отдельные прорези. Один из них скрывался в глиняной воронке. Пурпурный подсоединил к ней первый шланг. Затем подвесил все сооружение за бортом так, чтобы провода и труба погрузились в воду. Отрегулировал свою батарею — и от кислородного провода донеслось знакомое яростное булькание. Мы не могли видеть пузырей от другого провода — он находился внутри воронки. Но мы увидели, как мягко разбухла шейка мешка, и знали, что по ней устремился газ.

И тут же раздался вопль Орбура!

— Эй! Мы снова поднимаемся.

Так и есть — мы поднимались. Раздражающее покачивание лодки на волнах прекратилось. Мы находились в воздухе. Перегнувшись, я увидел, как по поверхности воды скользила наша тень. Теперь только пропеллеры задевали волны, но вскоре и они оказались над ними.

— Проклятье, — сказал Пурпурный. — Об этом я не подумал. Ветер гнал нас вперед.

— Что нам теперь делать? — спросил я.

Пурпурный отключил батарею.

— Подождем.

— В баллонах едва хватает газа, чтобы держать нас на весу. Мы шлепнемся на воду через пять минут.

— Я знаю, Лэнт. На это я и рассчитываю.

Он начал осматриваться вокруг. Сдвинул в сторону зарядную раму, начал перекладывать с места на место запасы на дне лодки, чтобы посмотреть, что внутри.

— Найдите мне ведро, — потребовал он.

Ведро находилось на носу лодки. Мы пользовались им для умывания, а сейчас оно было пустым. Мы ждали, пока Шуга ходил за ведром.

Вскоре мы опять начали цепляться за вершины волн. Пурпурный перегнулся через перила с ведром, вытащил его наполовину наполненным и вылил в лодку. Потом снова перегнулся за борт. Когда в лодке оказалось десять ведер воды, мы снова запрыгали по волнам. Следующие десять ведер — и мы немного погрузились. Еще десять — и мы уверенно поплыли, раскачиваясь вверх и вниз.

— Нам нужен балласт, — заявил Пурпурный.

Он посмотрел за борт, прикидывая, насколько лодка погрузилась в воду. Потом влил в нее еще пятнадцать ведер. В самом глубоком месте вода стояла нам по колено. Пурпурный снова взялся за батарею и зарядное устройство, начал прилаживать их за бортом.

— О! Что я делаю. С тем же успехом сойдет и эта вода...

Он сел на скамью и опустил устройство в воду перед собой. Пошли пузыри, и Пурпурный засиял от удовольствия. Мы были в восторге.

По сторонам плескался беспокойный океан. Если делающая газ магия Пурпурного вдруг перестанет работать, то мы окажемся здесь в ловушке — крошечный корабль, несомый по равнодушному морю. Испытывал ли Пурпурный тревогу, я не знал. По-видимому, он был полностью уверен в силе своей батареи и работал спокойно. За семь часов он подкачал все шестнадцать баллонов. Теперь они висели над головой плотные и раздутые. Несколько раз мы доливали в лодку воду, чтобы компенсировать их растущую подъемную силу. Сейчас в ней было больше сотни ведер воды. Наконец Пурпурный завязал шейку последнего баллона и начал отсоединять от батареи провода. При этом он задумчиво кивал головой.

— Гм-м, мы использовали больше энергии, чем я планировал. Нам придется впредь быть более экономными.

Он отложил устройство в сторону и принялся собирать пустые балластные мешки.

— Наполните их водой, — приказал он. — Мы используем их вместо песка, в качестве балласта.

Пока мы с Шугой делали это, он принялся выливать воду из лодки. После пятнадцатого ведра лодка начала сильно раскачиваться на волнах. Еще несколько ведер — и мы зашлепали по их верхушкам. Волны разбивались о днище.

— Мы уже в воздухе? — спросил Пурпурный у Вилвила. Тот кивнул:

— На половине человеческого роста.

Он и Орбур опять сидели на велосипедах, ровно крутили педали и заставляли воздухотолкатели выдерживать нужный курс.

Пурпурный выплеснул очередное ведро и выпрямился.

— Хочешь, я буду вычерпывать? — предложил я.

Он покачал головой.

— Больше не надо, Лэнт, — и отложил ведро.

Пока я недоуменно почесывал голову, он достал какой-то инструмент и проделал небольшую дырку в палубной доске. Это заняло несколько мгновений, затем он выпрямился, горделивый и промокший. Почти тут же Орбур воскликнул:

— Мы снова поднимаемся!

Действительно мы поднимались. По мере того, как вода уходила через отверстие, океан отодвигался вниз.

— Смотри, вода работает так же, как песок, — закричал я Шуге.

— Конечно, болван! — бросил Шуга. — Это часть балластного заклинания!

— Это вес, Лэнт, — вмешался Пурпурный. — Ему безразлично, из чего состоит твой балласт. Уменьшение веса заставляет лодку подниматься.

— Хорошо придумано, — похвалил Шуга. — Балласт удаляется сам собой. Никаких толчков, никакой качки.

— Спасибо, — просиял Пурпурный. Это был первый комплимент, который он слышал от Шуги. Затем он проверил курс. Ветер дул почти точно на север — поэтому ребята могли отдохнуть. Они растянулись на поплавках по бортам лодки.

Пурпурный, выжав свою одежду, полез на снасти закрепить рукава воздушных мешков. Спустившись в лодку, он заткнул пробкой дыру днища.

Опять море поблескивало далеко под нами. Казалось, мы находились выше, чем раньше. Когда мы сбросили за борт кислую дыню, она превратилась в удаляющееся пятнышко и исчезла без всплеска.

78

Мы провели наверху остаток этого дня и большую часть следующего, прежде чем нам пришлось снова выбрасывать балласт. Пурпурный всегда выжидал, пока мы опустимся ниже определенного уровня, и только потом что-то выкидывал. Иначе, говорил он, мы только напрасно потеряем груз.

— Надо стараться держаться наверху как можно дольше, — объяснил Пурпурный. Мы стояли на носу лодки, глядя вниз, на зеркальную воду. Все вокруг было голубым и красным в сказочном великолепии двойного солнечного дня. Наверху массивные облака закрывали половину неба, многоцветные солнечные лучи раскраши-

вали их яркими тонами. Пурпурный поглядывал на облака с некоторым беспокойством.

— Надеюсь, погода не изменится, — пробормотал он. Голубое солнце помедлило над горизонтом и исчезло, оставив мир погруженным в розовый цвет. Тишина наверху была абсолютной, только едва слышно скрипели велосипеды, да бормотал на носу Шуга, пытаясь изменить направление ветра. Ветер снова дул на северо-восток.

— Как ты думаешь, сколько времени продлится путешествие? — спросил я.

Пурпурный пожал плечами.

— Я прикинул, что мы проходим по пятнадцать, может, двадцать миль в час в нужном направлении. Если бы ветер все время дул на север, мы прошли бы все пятнадцать сотен миль за три дня. Но, к несчастью, Лэнт, ветры над океаном дуют по большей части беспорядочно. Мы летим уже три с половиной дня, но все еще не видно земли.

— Мы потеряли почти целый день, когда был штиль, — возразил я.

— Верно, — согласился он. — Но я надеялся...

Он вздохнул и опустился на скамью. Я сел напротив.

— Я не понимаю, почему ты так нетерпелив. Твой испытательный полет занял по крайней мере столько же времени.

— Да, но нас занесло очень далеко. Ветер дул на запад, нас уволокло за горы. Все три дня мы потратили на то, чтобы добраться назад.

— Вы боролись с ветром?

— Нет. К тому времени он утих, но нам пришлось выяснять, каким образом лучше управлять лодкой в воздухе. Надо было доказать Шуге, что его паруса бесполезны. Потребовался почти целый день только на то, чтобы испытать их. Но Шугу все равно не удалось убедить. Он заставлял нас возиться с парусами снова и снова. Он продолжал настаивать, что воздухотолкателям необходимо что-то, от чего можно отталкиваться.

— И все то время, что паруса были подняты, — продолжал Пурпурный, — нас сносило ветром все дальше и дальше, потому что бороться с ним мы были бессильны. Шуга не позволял снимать паруса, но тогда бы мы вообще никогда не вернулись домой. Пока мы его уговорили, прошло много времени.

— Но ведь вы не все время были над островом, правда?

— Нет, конечно. Когда мы находились вблизи материка, на берегу собралась очень возбужденная толпа, но мы не стали приближаться.

— Хорошо, что не стали. Они могли бы закидать вас камнями, если не...

Я начал пересказывать ему то, что говорил мне Гортик о жите-

лях материка, но мои слова перебил отдаленный грохот Элкина. При этом звуке Пурпурный вздрогнул. Глаза его расширились, он вскочил на ноги.

— Гром! — воскликнул он.

— Гром, —согласился я. — Ну и что?

— Гром означает молнию, Лэнт!

Он вглядывался вперед, приставив руку к глазам. Его глаза лихорадочно шарили по небу и облакам цвета крови. Он не увидел того, что искал, нервно отступил назад, глядя на воду. Потом решил для лучшего обзора забраться на снасти. Тут раздался повторный звук, на этот раз заметно ближе. Пурпурный вскрикнул. Он не стал ждать третьего кашля Элкина, а взлетел по снастям на самый верх и принялся развязывать рукава воздушных мешков.

— Ты что?— разом закричали я и Шуга.

— Буря! — прокричал он в ответ. — Забирайтесь сюда и помогите мне! Вилвил! Орбур! Вы тоже!

Мои сыновья тут же покинули свои места и начали карабкаться наверх.

— Не понимаю, — недоуменно признался я. — В чем опасность?

— Молния! — прокричал Орбур. Он уже был на снастях.

— Ты хочешь сказать, что молнии ударяют в воздушные лодки. Вспомни, что случилось с домашним деревом Пурпурного. Мы должны опуститься и выпустить весь водород из воздушных мешков. Малейшая искра — и мы взорвемся!

Я полез вслед за Вилвилом по веревкам. Шуга — за мной. Лодка угрожающе накренилась. Пурпурный уже развязал три мешка и трудился над четвертым. Сверкнула вспышка света, раздался еще один оглушительный хлопок. Все произошло как раз над нами. Мы двигались прямо в самый шторм. Пурпурный злобно бормотал.

— Проклятый мешок... я должен был предусмотреть аварийный выпуск газа! Орбур, слишком медленно... нам никогда не выпустить весь газ через рукава... Кто-нибудь, лезьте сюда с ножом... Надо продырявить баллоны и спустить газ... Потом мы их залатаем...

— Нет, не сейчас! — вопил я. — Если ты прорежешь дырки сейчас, мы упадем в воду!

— Нет сейчас, — закричал Пурпурный.— Мы не можем рисковать — они могут лопнуть в воздухе.

Он развязал следующий рукав. Уже семь шлангов свободно болтались, отдавая драгоценный водород буре. Еще одна вспышка резко высветила контуры нашего судна. Звук подстегнул нас, заставляя действовать быстрее. Черная вода внизу неслась к нам с пугающей скоростью...

— Завязывай баллоны! — кричал Пурпурный. — Замедляйте спуск!

Орбур рискованно раскачивался на снастях, Вилвил — с ним рядом. Шуга цеплялся за ограждение «птичьего гнезда». Мы с Пурпурным тоже держались за снасти. И все отчаянно ловили раскачивающиеся рукава...

Ветер выл и свистел. Я подтянул к себе шланг из воздушной ткани и обернул вокруг тела. Я раскачивался на снастях, пытаясь ухватить следующий.

— Не надо! — закричал Пурпурный. — Подожди!..

Мы падали через разгневанное небо. Но все еще слишком быстро, слишком быстро — кажется, мы вообще не тормозили. Не слишком ли сильно ударимся мы о воду? Образ раскалывающейся воздушной лодки заполнил мое воображение... И зачем я только отправился в это проклятое богами путешествие?

Я успел увидеть Пурпурного, раскачивающегося на снастях.

— Балласт... — закричал Пурпурный и исчез. На мгновение я подумал, что он сорвался, но при следующей вспышке молнии увидел его внизу, в лодке, с балластным мешком.

— Я помогу! — закричал я, но Пурпурный завопил в ответ:

— Оставайся на месте, Лэнт!.. Так будет безопаснее... Завязывай баллоны! Не выпускай больше газ, пока я не прикажу!

Он неистово заметался по лодке, прикидывая, что бы выбросить за борт. Его глаза загорелись при виде кипы ткани.

— Что это?

Шуга завопил со снастей:

— Это мои паруса!

— Отлично!

Пурпурный приподнял их и перевалил за борт. Шуга наверху разразился проклятиями, но его заглушил грохот стихии. За парусами последовали запасные воздушные мешки и половина наших запасов пищи и воды. Вилвил уже вылил весь балласт и теперь помогал Пурпурному.

Мы все еще стремительно спускались. Болезненное ощущение в глубине желудка подсказывало, что мы на волосок от смерти. Пурпурный приказал мне освободить рукав воздушного мешка, но не развязывать его. Что он задумал? Он подхватил его, как только тот упал, и прицепил его к своему зарядному устройству. Зажав ногами балластный мешок, Пурпурный развязал его и погрузил устройство в воду. Я заметил, что он перевел батарею на максимальную скорость высвобождения электричества. Сильная струя газа устремилась вверх по рукаву — мешок резко раздулся. Пурпурный махнул Вилвилу.

— Поднимайтесь на снасти! — проревел он. — Там будет безопаснее!

Мы стали спускаться немного медленнее... Море казалось черной стеной... Я уже мог разглядеть одиночные волны... Крр-к... Лодка

упала, с силой расплескав воду во все стороны. На одно неприятное мгновение все веревки провисли. Затем они вновь натянулись, когда баллоны опять устремились в небо.

Позади меня раздался вопль... Шуга?.. Я повернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как Орбур свалился в воду. Но он почти сразу же вынырнул на поверхность и поплыл к поплавку. Вилвил начал спускаться со снастей, чтобы посмотреть, все ли в порядке у Пурпурного, но волшебник закричал:

— Баллоны! Баллоны! Выпускайте весь оставшийся газ!

— Тогда тебе лучше отключиться! — напомнил Вилвил.

Пурпурный взглянул и увидел свое зарядное устройство и батарею, лежащие на дне лодки в луже воды. Лужа кипела. Пурпурный завопил и прыгнул к батарее.

Орбур начал взбираться на снасти, но тут же остановился.

— Подождите! — закричал он. — Не выпускайте газ!

— Как? — завопил Пурпурный. — Ты что...

И тоже остановился. Послышался отдаленный грохот грома. Далеко позади нас.

— Шторм кончился, — сказал Орбур.

— Мы прошли сквозь него.

— Мы упали сквозь него, — уточнил Шуга.

79

Набегающая волна поднимала и опускала нас. Лодка качалась на воде, накренившись. Один из поплавков наполовину оторвался, предстояло прикрепить его заново, прежде чем мы рискнем еще раз подняться. Этим сейчас и занимались мои сыновья.

Баллоны — сейчас почти полностью пустые — вяло висели над нами. В них едва хватало газа, чтобы поддерживать собственный вес. Мы провели на воде уже половину дня. Красное солнце опускалось на запад, день уже начал темнеть. Пурпурный мрачно сидел на корме лодки со своей батареей и зарядной рамой. Шуга нехотя вычерпывал воду из лодки. По-видимому, где-то в ней образовалась течь.

Я, спотыкаясь и пошатываясь, пробрался на корму.

— Насколько скверно наше положение, Пурпурный?

Он покачал головой.

— Неважное. Это я могу тебе сказать. Я потратил очень много энергии, пытаясь подкачать баллоны.

— Но тебе пришлось... у тебя не было выбора...

— Я не должен был так паниковать. Я так испугался, что может ударить молния, что позволил газу выходить слишком быстро, а потом пришлось израсходовать очень много энергии, чтобы это возместить. Я вел себя не лучшим образом. Появился пар, и я уве-

рен, что какое-то количество кислорода смешалось с водородом.

Он смотрел вверх на обвисшие мешки.

— Я боюсь, что это может оказаться концом нашего путешествия, Лэнт.

Я огляделся. К счастью, Шуга и мальчики нас не слышали. Или не подали вида.

— У тебя совсем нет энергии?

— Есть, но я не уверен, что ее хватит, чтобы снова наполнить баллоны, Лэнт...

— Это можно узнать только одним способом.

Пурпурный кивнул.

— Да, конечно, мы должны попытаться это сделать. Правда, придется еще сохранить немного энергии, чтобы вызвать мое летающее яйцо. И я не уверен, что у меня хватит энергии на то и на другое.

Он задумчиво поскреб подбородок.

Я подумал:

— А почему бы нам еще раз не использовать балластное заклинание? Выбрось что-нибудь.

При этих словах он начал было отрицательно качать головой, но затем...

— Подожди! Ты прав, Лэнт! Мы можем значительно облегчить лодку. Мы, наверняка, не очень далеко от земли...

Он встал и начал осматриваться, прикидывая, что бы выбросить за борт. Вытащил узел.

— Что это?

— Запасные мешки. Орбур нашел их плавающими в воде.

— Ага!

Он вывалил их назад за борт.

— Сожалею, Лэнт, — сказал он, видя мое растерянное выражение, — но сейчас у нас такое же положение, как когда мы падали. Или мы — или они. Так что...

— Что это?

— Пузыри с пивом, с водой, кислые дыни, сладкие дыни, копченая пища... Пурпурный, что ты делаешь?

— Выбрасываю все это за борт, Лэнт. Мы набрали продовольствия на три-четыре недели. Нам так много не понадобится. Я оставляю запас на два дня.

Он принялся вываливать пакеты за борт.

— Только не это! — закричал я, но безрезультатно — пиво исчезло. Мы двигались вдоль лодки, выискивая другие предметы, без которых можно обойтись. Море колыхалось вокруг нас, раскачивая лодку и унося наши сокровища. Наше пиво. За пищей последовали одеяла — все, кроме трех. Он поднял изогнутый инструмент.

— Орбур, ты обойдешься без него?

Орбур кивнул.

— Хорошо, — сказал Пурпурный. Инструмент шлепнулся за борт. Пурпурный двинулся дальше.

— Это что за хлам...

— Нет! — завопил Шуга. — Не трогай! Это мое оборудование для заклинаний!

— Ради бога, Шуга, что важнее: твоя жизнь или твои заклинания?

— Без моих заклинаний для меня не будет жизни, — резко ответил волшебник.

На мгновение мне показалось, что Пурпурный, не задумываясь, выбросит за борт и Шугу. Но вместо этого он швырнул мешок ему назад.

— Ладно, для тебя это может быть также важно, как для меня — моя батарея. Он достаточно легок, так что не имеет особого значения. Держи.

Пурпурный начал опустошать маленькую каморку на носу лодки.

Затем в лодку перебрался Вилвил.

— Поплавок закреплен, — доложил он.

— Хорошо, — ответил Пурпурный, выволакивая груду предметов. Он начал бросать инструменты за борт. Разделавшись с ними, он выпрямился и сказал:

— Я думаю, теперь мы готовы к подъему.

Пока он работал, остальные решили наполнить балластные мешки.

— Они нам не понадобятся, — сказал Пурпурный, когда увидел, чем мы занялись. — Мы поднимемся без балласта.

— Да, но вода в лодке нам понадобится, чтобы ты мог наполнить баллоны, — сказал я.

— Да, конечно, ты прав... Я забыл. — И он отвернулся к источнику газа.

Когда были заполнены два баллона, Вилвил и Орбур забрались на велосипеды. Лодка двинулась, подскакивая на океанских волнах. На пятом баллоне качка прекратилась. Теперь вода только плескалась о днище.

Мы с Шугой переглянулись.

— Нам надо добавить воды в лодку, — сказал он и потянулся за ведром.

Я немного помог ему, а потом меня осенило.

— Зачем мы выбрали такой трудоемкий способ? — спросил я. — Надо только вытащить пробку, и пусть вода затекает внутрь.

Я говорил и в то же время вытаскивал ее. С кормы послышался вопль.

— Нет! — кричал Пурпурный, но уже было поздно. Струя воды ударила мне в лицо.

— Останови воду! — голосил Пурпурный. — Останови!

— Почему?

— Делай, что сказано!

Он кинул зарядное устройство и зашлепал ко мне, но поскользнулся и упал.

— Останови ее, Лэнт.

— Но...

Вода быстро наполняла лодку, и я начал понимать.

— Но я не могу! Я выпустил пробку, когда в меня ударила вода!

И тотчас все мы опустились на четвереньки, разыскивая затычку в поднимающейся воде. Вода была холодной и вливалась в лодку энергично — струйка фонтана отмечала место дыры. Мы неуклюже копошились в холодной воде, и тут я вдруг ее нащупал — что-то маленькое, круглое и твердое. Пробка! Я попытался загнать ее назад в отверстие, но вода уже доходила мне до бедер... Я опустился на колени, но пришлось вытягивать шею, чтобы голова находилась над водой, через несколько секунд уже и это не получалось. Дрожа, я сделал глубокий вдох и нырнул. Я навалился на пробку, но не мог надавить как следует, и вода продолжала поступать слишком быстро. Поверх моих рук появились руки Шуги. Он пытался помочь мне. Но ничего не выходило. Даже вдвоем мы не могли надавить достаточно сильно. Я вынырнул на поверхность. Вилвил и Орбур кричали на меня с поплавков. Они были в воде уже почти по шею — но все еще неистово крутили педали. Пурпурный яростно вычерпывал воду ведром.

А затем вода неожиданно перестала прибывать. Теперь она стояла нам по грудь, а волны уже перехлестывали через борт. Мы перестали тонуть. Воздушные мешки смогли удержать лодку, на высоте в несколько ладоней от окончательного погружения. Мы стояли по грудь в холодной воде и пялились друг на друга.

Я сказал:

— Ладно, только не топчись так в воде, Пурпурный. Делай что-то!

Пурпурный уставился на меня. Шуга смотрел на меня. Вилвил и Орбур тоже. Мешки висели над нами, вокруг бурлило беспокойное море. Красное солнце начало спускаться за горизонт. Дневного света, очевидно, оставалось часа на полтора.

Ладно, раз никто не собирается ничего делать...

Я побрел, разрезая воду, в центр лодки и нырнул. Я вынырнул с балластным мешком, подтащил его к борту... я не смог его поднять, не погрузившись в воду... развязал мешок и вылил балласт за борт. Нырнул, нашел другой мешок, опорожнил его.

Пурпурный засмеялся.

Шуга понял, что я делаю, и начал помогать, выплескивая воду из мешков за борт.

Но этого было недостаточно. Воздушные мешки не могли поднять ее. Они лишь удерживали ее от погружения в глубину.

Шуга продолжал искать балластные мешки, ныряя и шаря по сторонам руками.

Выбрасывание балласта не помогало.

Пурпурный цеплялся за снасти и сдавленно смеялся над нашими усилиями.

Это казалось особенно грубым поступком. Наконец он обрел голос и сказал:

— Прекратите, пожалуйста. Вы только переливаете из воды в воду.

— Но это — балласт, — сказал Шуга.

— Но это также и вода — и она прибывает с той же скоростью, с какой вы ее выливаете.

Он подплыл к нам.

— Сначала поставь на место пробку, а потом уже вычерпывай.

Я посмотрел на зажатую в руке пробку и пожал плечами. Почему нет?.. Я нырнул и стал искать дырку. На этот раз напор не мешал мне, пробка легко вошла в отверстие. Я вынырнул.

— Вставил? — спросил Пурпурный. Я кивнул. Пурпурный нырнул, чтобы проверить, и вынырнул возле меня.

— Все в порядке. Теперь она сидит достаточно прочно.

Он смотрел на меня, на Шугу:

— Вы, двое, давайте откачивайте, пока я буду наполнять баллоны. Вилвил, Орбур, продолжайте крутить педали.

— Конечно, — закричали ребята, — иначе мы утонем.

Цепляясь за борт, Пурпурный пробрался на корму. Мы с Шугой схватились за корзины и взялись за работу. Мы быстро и яростно вычерпывали воду. К тому времени, когда Пурпурный подкачал два баллона, воды осталось уже по бедра.

— Знаешь, — сказал я Шуге, — это хороший способ для того, чтобы не позволять лодкам тонуть — подвешивать их к воздушным мешкам.

Мне ответил свирепый взгляд Пурпурного. Я продолжал вычерпывать воду.

Красное солнце скрылось за горизонтом, оставив только лихорадочное зарево на западном краю мира. Мы работали в спускающейся темноте. Холодная вода плескалась около наших коленей. Немного погодя я сообразил, что мы раскачиваемся.

— Пурпурный, — окликнул я, — мы приподнимаемся.

Он оторвался от зарядного устройства и посмотрел за борт.

— Так и есть.

Он завязал шейку баллона — это был десятый — и с трудом пробрался вперед, к тому месту, где мы стояли.

— Еще один баллон — и мы выйдем из воды.

— Как твоя батарея?

— Лучше, чем я думал... — Он подтянулся на снастях и стащил вниз следующий рукав. — Становится ужасно холодно, правда, Лэнт? Почему бы тебе не достать одеяла?

— Ты их выбросил за борт, — напомнил я. — Кроме трех, но они промокли.

— Все промокло, — проворчал Шуга.

— Да-а, — сказал Пурпурный и ушел на корму к своей батарее. А что тут еще скажешь?

Мы с Шугой перестали вычерпывать воду и развесили одеяла на снастях, надеясь просушить их. Я представил, как тоненькие сосульки начинают образовываться на шерстянках моего меха.

— Наши запасы пищи тоже раскисли, — сказал Шуга, принюхиваясь к пакету.

Он швырнул пакет с сухарями за борт.

— Тебе надо было произнести над ними балластное благословение, — сказал я, но это была безрадостная шутка.

Шуга никак не оценил ее, да и время для шуток не подходило. Пурпурный наполнял двенадцатый баллон. Мы чувствовали себя промерзшими и несчастными.

— Шуга, —позвал я. Он, скрючившись над своей влажной накидкой, поднял на меня глаза.

— Что?

— Чувствуешь? Мы больше не раскачиваемся! Мы вышли из воды!

— Как?

Он повернулся к перилам и выглянул. Я присоединился к нему. В последних слабеющих отблесках красного заката мы успели увидеть воду, плещущуюся внизу. Сомнений не было — с каждым мгновением мы поднимались выше и выше. Двенадцатый баллон тихо разбухал над головой.

— Пурпурный, — окликнул я, — мы в воздухе!

— Знаю, — ответил он. — Вилвил! Орбур! — крикнул он ребятам. — Как высоко мы поднялись?

— По меньшей мере на человеческий рост. Воздухотолкатели только что перестали задевать волны...

Пурпурный отцепил от пояса источник света и направил его вверх на баллоны. Только четыре висели вялыми, остальные обрели от водородного газа знакомую и приятную округлость. Он шагнул к краю лодки и нацелил свет через борт. Вода мерцала в пяти человеческих ростах под нами.

— Я вытащил пробку, — сказал я. — Теперь уже безопасно вылить остающуюся воду.

Я пошел в ту сторону — вода все еще стояла по колено.

— Нет! — закричал Пурпурный, а следом Шуга, Вилвил и Орбур. — Не смей трогать пробку!

— Почему? — я остановился, уже положив руку на штырь.

— Не делай этого, Лэнт! Не трогай пробку, пока я тебе не скажу!

— Но ведь мы высоко над водой. Сейчас, наверняка, нет опасности.

— Я должен наполнить еще четыре баллона. Где я возьму воду, которая мне необходима, если ты вытащишь пробку?

— А! — сказал я и быстренько отдернул руку.

— Подожди минутку, — неожиданно сказал Шуга. — Ты не можешь использовать эту воду. Это балластная вода. Она заставляет нас опускаться, а не подниматься.

— Шуга, это вода. Вода как вода, — терпеливо сказал Пурпурный. — И думать глупо, что одна и та же вода не может заставить нас двигаться в разных направлениях!

А потом Шуге осталось только хватать ртом воздух. Потому что Пурпурный зачерпнул ладонью воду из лодки и начал ее пить. Пить балласт.

Шуга задохнулся от бессильной ярости и заковылял прочь.

— Почему бы тебе не отдохнуть? — предложил мне Пурпурный. — Я позабочусь о лодке.

— Ладно, — пожал я плечами и сел на скамью. Она была сырой и холодной, как и все остальное на «Ястребе». С кормы донеслось хлопанье мокрых снастей — Пурпурный как раз начал наполнять следующий воздушный мешок.

Мы плыли во тьме, дрожащие и несчастные. Вилвил и Орбур крутили педали, пением поддерживая ритм. Пурпурный наполнял баллоны. Мы с Шугой замерзли.

Затем поднялся ветер и погнал нас на север. В любое другое время мы были бы благодарны ему. Но в этой промозглой темноте он только заставлял нас стучать зубами. Тут Вилвил и Орбур махнули рукой на свои воздухотолкатели — было слишком холодно. Они скорчились на мокром дне лодки вместе с нами. Немного погодя к нам присоединился даже Пурпурный.

Лежать, завернувшись в мокрое одеяло, все же лучше, чем подставлять тело потокам холодного верхнего воздуха. Или — только казалось так. Мои пальцы окоченели настолько, что я не мог плотнее натянуть на себя ледяную ткань. Спать было невозможно. Я все время бормотал.

— Больше не существует такого понятия, как тепло, Лэнт. Все это только твое воображение. Ты никогда больше не согреешься. Так что лучше начинай привыкать к холоду, Лэнт...

Когда часом позже Оуэлс, крошечный и ярко-голубой, стремительно выскочил из-за восточного горизонта, мы были как льдышки, и на всей лодке лежал тонкий слой инея.

Утро выдалось бодрящим, но быстро согревающим. Море представляло собой беспокойную синюю равнину далеко внизу. Мы, казалось, поднялись выше, чем когда-либо. Край мира почти закруглялся. Пурпурный сказал, что это оптическая иллюзия. Мы находились слишком низко, чтобы увидеть действительную кривизну. Новые тарабарские слова.

Мы раскинули одеяла на снастях, чтобы просушить их на солнце. Также поступили с накидками. Даже Пурпурный скинул свой «защитный костюм» и вывесил на снастях.

Ветер продолжал все еще дуть на север. Вилвил и Орбур отдыхали на своих поплавках. Я прошелся по лодке в поисках какой-нибудь пищи, которую пощадили вода или Пурпурный, нашел половину кислой дыни и мрачно разделил ее с Шугой. Остальные отказались. В лодке все еще оставалась вода, примерно по колено, но Пурпурный отказался вылить ее.

— Посмотри, как высоко мы уже поднялись, — сказал он. — Нет смысла выбрасывать воду. Позднее, когда воздушные мешки немного протекут, она нам понадобится. К тому же вдруг нам еще раз будет нужен водород?

— А у тебя достаточно электричества?

Пурпурный застенчиво улыбнулся.

— Я... хм... немного просчитался, когда начал наполнять баллоны. Я не понял, что в них еще много водорода. У меня достаточно энергии, чтобы наполнить еще три воздушных мешка. Или четыре, если я раздумаю вызывать вниз свое летающее яйцо. — Он осмотрелся. — Этого должно хватить. В нашем распоряжении по меньшей мере четыре дня летнего времени, прежде чем баллоны слишком ослабнут, а энергия у меня кончится. Если к тому времени мы не сможем вызвать яйцо, то мы никогда не сумеем этого сделать.

Мы летели голодные. Мы двигались прямым путем на север. Иногда боролись с боковым ветром — но в основном направление на север выдерживалось. Во время шторма мы потеряли ориентир — линию холмов под водой. У Пурпурного все еще сохранилась измерительная шкура, и он прокладывал наш курс с ее помощью.

На следующий день он подкачал мешки, оставив энергии ровно столько, чтобы полностью накачать два мешка, или накачать один баллон и вызвать свое летающее яйцо.

Вечером того же дня мы, наконец, вытащили пробку и слили воду, которая была нашим помощником последние двое суток.

— Я думал, это будет путешествие над водой, а не в воде, — ворчал Шуга.

Пурпурный усмехался, наблюдая, как вода уходит. Затем сказал:

— Ты прав, Шуга, нам следовало подумать об этом заранее — и всегда держать некоторое количество воды в лодке. Она помогла бы нам уравновесить корабль так, чтобы он не особенно раскачивался при движении. Она пригодилась бы для подкачки воздушных мешков — и нам не пришлось бы из-за этого опускаться вниз, к морю. К тому же мы могли бы использовать ее как балласт.

— А я говорю тебе, что это чушь! — взорвался Шуга. — Балласт, питьевая вода, вода для получения газа, вода для умывания... Что же это за заклинание, если мы произвольно изменяем имя предмета в зависимости от наших нужд?

И, надувшись, он ушел на нос лодки, сандалии его хлюпали при каждом шаге. Шуга просидел там до самой темноты, вглядываясь в небо и бормоча заклинания, вызывающие луны.

81

Именно Орбур вновь отыскал наш ориентир. Далеко слева виднелась светло окрашенная полоска моря. Теперь мы летели ниже, несмотря на шесть опорожненных мешков с водой. Пурпурный сказал, что это из-за того, что баллоны протекают сильнее, чем прежде. Они растягиваются, пояснил он, а швы оказались недостаточно надежными. Он приказал мальчикам развернуться и взять курс, который, в конечном счете, должен был снова вывести нас к линии холмов. Я задумчиво жевал кусок сухаря. То, что холмы снова стали видны под водой, означало, что мы приближаемся к мелководью. Вскоре мы будем над сушей — и на этом наше путешествие закончится. Мешки наверху были еще плотными, но уже слегка рябили на ветру. Скоро эта рябь усилится, ткань начнет обвисать, баллоны обмякнут — и все это время мы будем спускаться ниже и ниже.

Пурпурный начал опорожнять последние балластные мешки, все, кроме двух, воду в которых мы решили сохранить для питья. Шуга застонал, когда ему сказали об этом.

Когда балласт был выкинут, лодка поднялась, но ненамного.

— Ладно, — сказал Пурпурный. — Пусть так и остается. Или мы достигнем цели с тем газом, что у нас есть, или мы ее вообще не достигнем.

Вилвил и Орбур молчали и угрюмо крутили педали. Они больше не распевали во время работы. У обоих на руках и ступнях появились язвы и волдыри. Пурпурный обрызгал их целебной мазью, но я подозреваю, что от мази было мало толку.

Мы достигли гряды холмов, сориентировались по ним и снова направились на север.

Я прошел на нос лодки и присоединился к Шуге. Хотя красное

солнце уже ярко светило на западе, он не хотел пропустить момент наступления темноты.

— Луны, — тихонько посмеивался он. — Скоро будут видны луны.

Я не обращал на это внимания. Меня заботило не столько то, что было над нами, сколько то, что поджидало нас впереди. Не была ли та линия более плотной тьмы у горизонта материком? Но уже стало слишком темно, чтобы ответить на этот вопрос. Я обратил на это внимание Пурпурного. Тот грубо отодвинул в сторону Шугу и посмотрел вдаль.

— Гм-м, —произнес он. — Ничего не разберу.

— Используй свой источник света, — предложил я.

— Нет, Лэнт, у него не хватает силы, чтобы светить так далеко.

— Подключи его к своей большой батарее. В ней еще осталось немного энергии.

Пурпурный улыбнулся.

— Я могу это сделать, но энергии не хватит, чтобы сделать свет достаточно ярким. Кроме того, голубой рассвет начнется меньше, чем через час, если это земля — мы ее увидим.

Красное солнце исчезло, мы терпеливо ждали в темноте. Только жужжание велосипедов напоминало нам, что мы двигаемся. Пурпурный беспокойно прошел на корму, Шуга на носу продолжал бубнить заклинания. Я пытался заснуть, но не мог.

Утро вспыхнуло на востоке, и мы как один рванулись к борту. Вилвил уже кричал:

— Земля! Я ее вижу! Земля! Мы ее достигли!

— Продолжайте крутить педали! — рявкнул Пурпурный.— Крутите педали!

Мы были сейчас низко — намного ниже, чем хотелось. Воздушные мешки перестали удерживать водород так долго, как раньше, и теперь мы находились на высоте всего в несколько человеческих ростов над водой. Но это не имело значения. Далеко впереди мы могли разглядеть скалистый берег Севера, а за ним — острые вершины холмов, поднимающихся к черной гряде, знакомой гряде — Зубам Отчаяния.

— Нажимай, Вилвил, нажимай! — кричал Пурпурный. — Нажимай, Орбур!

Он так далеко высунулся, что я подумал — он готов выпрыгнуть и добраться до суши вплавь.

— Осталось чуть-чуть!

Море под нами было испещрено пятнами. Мы видели зубья рифов, водовороты здесь и там. Все это скользило мимо, но мы опускались все ниже и ниже. Пурпурный тоже заметил это. Он прошелся по лодке и начал проверять снасти.

— В одном из мешков, вероятно, протечка...

Он забрался наверх.

— Вероятно, в этом,— он потянул за веревку. — Нет. Может быть, этот? Да, там шов. Видишь?

Я посмотрел. Как раз над нами, на брюхе одного из мешков, виднелась узкая темная полоса. Пурпурный сделал еще шаг по снастям...

Тут-то это и произошло.

Шов широко раскрылся — оглушительный звук лопающейся материи. Мешок раскрылся. Лодка внезапно накренилась, когда он опал. Огромные полосы воздушной ткани повисли на снастях. Вилвил и Орбур вскрикнули.

— Бросайте какой-нибудь балласт! Бросайте балласт! — кричал Шуга.

Он стремительно помчался вдоль борта, но у нас оставалось только два балластных мешка. Шуга яростно вцепился в них и потащил.

— Нет! — кричал Пурпурный. — Это не поможет! Этого недостаточно!

Он то ли упал, то ли спрыгнул со снастей.

— Лэнт, тащи сюда мой изготовитель газа!

— Где он?

— Думаю, на корме! Быстрей!

Мы стремительно теряли высоту и нетрудно было заметить, почему Пурпурный так хочет, чтобы я поторопился. Прямо под нами крутился водоворот, голодный, все поглощающий. Он был огромен...

Пурпурный уже отвязал рукав мешка и приготовил воду. Одним движением он схватил зарядное устройство, сунул горлышко воронки в рукав и сунул в воду. Включил батарею. Мешок распухал на глазах, рвался вверх. Пурпурный отшвырнул в сторону опустевший балластный мешок.

— Давай второй!

Шуга подтащил его раньше, чем Пурпурный успел отдать команду. Он погрузил в него провода и трубку. Мешок начал разбухать от смеси, которая была наполовину водородом, наполовину ненужным газом.

Мы уже слышали рев водоворота. Мы находились меньше чем в двух человеческих ростах над водой. Но опускаться мы перестали!

Огромные вращающиеся водяные массы грозно проплыли под нами — черные и беспощадные. Мы чувствовали, как влажный туман обволакивает лица. Пена долетала до лодки.

— Рот Тивы, — прошептал Шуга. — Он появляется в конце лета. Когда море отступает, он заглатывает все, что может: людей, деревья, камни...

— Но лето еще не кончилось, — сказал Пурпурный. Лицо его побледнело, а косточки на пальцах показывали, с какой силой он цеплялся за снасти.

— Нет, — сказал Шуга, — но он уже начал крутиться. К концу лета Рот станет больше. Рев его будет слышен на мили. Никогда не думал, что увижу его так близко и останусь жив.

Пурпурный задумчиво хмыкнул. Он смотрел на зарядное устройство.

— В чем дело? — спросил я.

— Моя батарея. Думаю, она умерла.

— Что? Нет, нет!

— Думаю, да. — Он отсоединил батарею и потряс ее.— Посмотри, указатель даже не светится. Мы использовали всю энергию, которую имели.

— Она была нам нужна. Мы оказались бы во Рту Тивы, если бы не сделали еще газа.

— Мы могли бы выплыть из него. Или обрезали бы лодку и повисли на снастях! Или... еще что-нибудь...

Он закрыл лицо руками и издал болезненный стон. Затем неожиданно поднялся, поднял батарею, и... одно нескончаемое мгновение я думал, что он швырнет батарею за борт и, возможно, последует за ней. Вместо этого он энергично воскликнул:

— Вилвил! Орбур! Назад на велосипеды! Мы так близко к земле! Вы же не хотите все бросить в последний момент!

Но я понял, что это только внешняя активность. Он не хотел, чтобы другие видели, насколько сильно он потрясен своей потерей. Он притворился, что занят проверкой снастей, но я несколько раз замечал, как он смотрел в небо отсутствующим взглядом. Мальчики снова взялись за работу. Шуга начал подпевать им в быстром ритме — громко и повелительно.

Берег маячил все ближе — белая пенистая линия прибоя. Шуга размеренно ускорял темп. Но все равно мы продолжали опускаться все ниже и ниже к воде — не так быстро, как прежде, но было ясно, что воздушные мешки уже не такие непроницаемые, как были прежде. Вода скользила мимо нас, воздухотолкатели уже начали задевать за самые высокие волны, а затем совсем погрузились, только ненадолго показываясь между гребнями. Но вот они скрылись окончательно. Шуга прервал пение, чтобы закричать:

— Лэнт, посмотри! Узнаешь, куда мы направляемся? Да ты посмотри!

Я прошел на нос. Передо мной раскинулся голый и мрачный пейзаж — черные и коричневые скалы. Все покрыто ямами и шрамами. Тут и там мелькающие красные пятна свидетельствовали о попытке цветов пустить корни. А кроме того... Что это за почерневшие остатки дикого домашнего дерева? Оно напоминало скрю-

ченную руку, застывшую в гневном, направленном к небу проклятии.

— Лэнт! Это Бухта Таинств — точнее, то, что от нее осталось. Мы недалеко от старой деревни, всего в нескольких милях к югу от нее.

Пурпурный подошел ко мне сзади со щелкающим устройством в руках. Я и раньше замечал его у него на поясе, но он никогда не объяснял его назначения. Теперь он постукивал по нему и хмурился. Потом неожиданно улыбнулся.

— Уровень... — тут он использовал демонское слово, — не такой высокий, как я ожидал. Он, вероятно, ненамного выше нормального фона. Опасности нет определенно. Находиться в этом районе безопасно.

Теперь лодка уже плескалась в волнах, и Пурпурный приказал мальчикам направиться к низкому берегу. Пурпурный смотрел вперед.

— Лэнт, как далеко мы от Зуба Критика?

— Ну, обычно он был вон там, Пурпурный, — показал я. Несколько расколотых, полурасплавленных скальных плит отмечали непривычную брешь в горах к северу.

Он не понял.

— Этот пик — Зуб Критика?

— Нет, это Укус Гадюки — один из небольших холмов у подножия Зуба Критика. А Зуб Критика исчез.

— О!

— Вся эта горная гряда называется Зубы Отчаяния. Зуб Критика был одним из самых острых пиков. Этим местом правит безумный демон Пирс, который сильно скрежещет и щелкает зубами. Он одинаково набрасывается и на местных жителей, и на чужеземцев. Нам лучше не подходить близко, иначе он обвинит нас в потере Зуба.

Пурпурный снова посмотрел на свое тикающее устройство, помахал и сказал:

— Хорошая идея.

Мы проскочили сквозь прибой. Последовал мягкий толчок, когда нос лодки уперся в песок. Мы достигли северного берега.

— «Ястреб» приземлился! — закричал Вилвил. — «Ястреб» приземлился!

82

Мы все как один рванулись на берег, мешая друг другу. Наконец-то мы снова стояли на твердой земле. Земля была пустынная — в основном голая скала, кроваво окрашенная зависшим на западе Оуэлом и льющимся сверху светом Вирна, но она была твердой.

Если я когда-нибудь невредимым вернусь домой, поклялся я, то никогда больше не стану рисковать жизнью в такой глупой авантюре. Небеса были не особенно гостеприимными.

Вилвил и Орбур укрепили на поплавках воздухотолкатели и вытащили «Ястреб» на место, где до него не могли добраться волны.

Потом сразу же стали заполнять балластные мешки водой, проверять снасти, велосипедные рамы, даже поверхность корпуса лодки и баллонов. Они действовали так, точно ожидали, что «Ястреб» полетит вновь. Но как? Я не мог себе этого представить. Все воздушные мешки обмякли от утечки. Я не доверял швам на многих из них. Баллоны все еще тянулись вверх, натягивая веревки, но не очень уверенно. Шуга разгуливал и усмехался чему-то своему.

— Мне совсем не надо будет знакомиться с местными богами и местными заклинаниями. Я могу начать сразу же, как только увижу луны.

И он побрел к отдаленному почерневшему холму, прихватив свой мешок с волшебным оборудованием.

Странная черная корка покрывала все кругом. Она рассыпалась, когда кто-нибудь наступал на нее, превращаясь в крохотные обломки или колючую пыль, которая клубами вздымалась от порывов ветра. Я, удивленный, хрустел по ней к холму, на котором стоял Пурпурный. Он присоединял батарею к еще одному из своих бесчисленных волшебных устройств.

— Ну, я должен попробовать, не так ли? — сказал Пурпурный застенчиво.

— Но ты сказал, что она мертвая.

— Возможно, я начинаю верить в магию, — сказал Пурпурный. — Больше, кажется, тут ничем не поможешь.

Он подсоединил провода к дискообразному предмету. Повернул шишку на нем — и ничего не произошло.

— Этот желтый глаз должен светиться, — сказал Пурпурный, глупо улыбаясь. Он повернул шишку еще раз, теперь — сильнее, но желтый свет не появился.

— Магия тоже не подействовала, — со вздохом сказал он. — Я точно знал, что он в ту минуту чувствовал. Я тоже стремился домой. Как странно! Я уже считал домом район, в котором прожил совсем немного, в то время, как эта черная пустыня и сожженные остатки деревни, в которой я провел большую часть жизни, домом больше не были.

В этот ужасающий момент не было разницы между мной и Пурпурным. Два странника, оказавшиеся на голом и почерневшем берегу, каждый — стремящийся к своему дому, своим женам, своему пиву.

— Все, что мне надо,— один единственный импульс энергии, —

сказал Пурпурный. — Шуга оказался прав. Нельзя смешивать символы.

Он поднял свои бесполезные устройства и медленно побрел с холма. Почва хрустела у него под ногами.

83

Есть было нечего. Я лежал в темноте, прислушиваясь к рокоту прибоя и урчанию в собственном желудке. Человек не может жить без хлеба. У меня кружилась от голода голова. А в мыслях не было никакого порядка.

Пурпурный провел красный день, бесцельно бродя по этому безжизненному месту. Шуга был единственным, кто сохранял чувство цели. Он устроился на вершине ближайшего холма и терпеливо ждал луны. И напевал песню триумфа.

Пурпурный непрестанно бормотал:

— Когда море уйдет, мы можем отправиться назад пешком. Люди Лэнта уже это проделали. И мы можем тоже это сделать. Да, мы можем вернуться пешком. Генераторы все еще там, станки там. Я смогу перезарядить батарею. Мы можем сделать другую летающую машину. Мы... Да, конечно. На этот раз мы сделаем ее лучше. И моя батарея будет полностью заряжена. ПОЛНОСТЬЮ заряжена. Мы не повторим снова те же ошибки. Мы полетели не подготовившись как следует. У нас не было достаточного опыта. И все же мы почти все сделали как надо. Почти. В следующий раз мы сделаем это лучше и добьемся успеха. В следующий раз. В следующий раз...

Я смотрел в темноту, на мерцающие луны. Следующего раза не будет. Я был в этом уверен. Шуга не допустит этого. Сейчас с его холма не доносилось ни звука. Я пошевелился и приподнялся на локтях.

— Пурпурный, — окликнул я, — тебе надо отдохнуть.

— Я не могу, Лэнт, — отозвался он. Послышался глухой удар. — О-о!..

— В чем дело?

Я вскочил на ноги, думая, что это Шуга напал на Пурпурного в темноте. Но нет — источник света Пурпурного показал, что он наткнулся на валун. Пурпурный лежал возле него в своем «защитном костюме». И глупо улыбался. Я подошел и помог ему встать.

Ночь была душная и тихая, прибой рокотал в отдалении. Мы стояли в темноте, источник света бросал призрачный луч в непроглядную темень.

— Думаю, лучше поберечь энергию, — сказал Пурпурный. И замер. Тишина была мертвая. В этом проклятом месте не жили даже насекомые.

— Поберечь энергию, — тихо повторил Пурпурный. Его руки вдруг обхватили мои плечи, и он закричал:

— Энергия! В моем фонаре! В моем фонаре, Лэнт!

— Отпусти меня!

Он был силен, как старый баран.

— Энергия, Лэнт! Энергия!

— Не слишком радуйся, Пурпурный! Подожди, пока тебе ответит твое большое гнездо!

Он мгновенно протрезвел.

— Да, ты прав, Лэнт.

В темноте раздался царапающий звук, когда он вынимал батарейку из источника света, еще один звук, когда он снимал с пояса вызывающее устройство, непонятное ругательство — это он пытался подсоединить на ощупь провода. Пурпурный работал энергично, нетерпеливо. Я понимал его.

Наконец он сказал:

— Готово.

Послышался щелчок, когда он включил устройство. Указатель бросал мягкий отблеск на его лицо. Прежде чем нажать кнопку вызова, Пурпурный посмотрел на индикатор.

— Здесь достаточно энергии, Лэнт. Более, чем достаточно. С энергией этой батареи я могу вызвать свое яйцо раз десять, если не больше.

— А ее хватит, чтобы подкачать воздушные мешки? — с надеждой спросил я.

По его лицу промелькнула темная тень.

— Нет, не хватит. Это требует огромного количества энергии, Лэнт. Нужна более сильная батарея, чем моя первая... Но не беспокойся. Когда мое большое яйцо будет здесь, я позабочусь, чтобы ты и твои сыновья невредимыми вернулись домой.

— Дом, — повторил он. — Я буду дома. Не будет больше двойных теней. Не будет лохматых женщин. Не будет черных растений...

— Зеленых, Пурпурный. Растения зеленые.

— Там, откуда я прибыл, зеленый — это яркий цвет. Не будет больше странной пищи и скверного питья. Не будет больше царапающей одежды.

Это было заклинание для возвращения домой, и он произносил его со всей страстью.

— У меня будут книги, музыка, нормальный вес...

— Ты хочешь перейти на диету?

Он засмеялся и продолжал смеяться уже только от радости.

— Я полечу домой! — закричал он в ночь.

— Так почему бы не испытать твое вызывающее устройство?

Я начинал чувствовать нетерпение.

Пурпурный признался:

— Я боюсь.

— О!

Он повернул шишку. Желтый глаз ярко засветился.

— Вот! — закричал Пурпурный. — А красный глаз означает, что большое гнездо ответило.

— Какой красный глаз!

Пурпурный нетерпеливо крутанул шишку.

— Ответь, — шептал он. — Ответь же!

Ничего не происходило. Он потряс устройство.

— Отвечай, будь ты проклято! Я хочу домой!

Желтый глаз ровно горел, но ответного красного сигнала не было.

— Мы находимся достаточно далеко к северу, — вслух размышлял Пурпурный. — Почти у экватора. Видимость должна быть хорошей. Кривизна планеты не мешает проходу луча. Что же случилось? Оно не может работать на неверной частоте, — бормотал он. Если он применял магию, то она не действовала.

— Может, это из-за другой батареи, — предположил я.

— Дело не в батарее. Но почему оно не отвечает?

Он вскочил на ноги и ринулся в темноту. Немного погодя я последовал за ним. Я нашел его в отчаянии сидящим на земле. Устройство лежало перед ним, и он колотил по нему камнем. Хотя он не мог нанести никаких повреждений — только глубоко вдавил в мягкую мертвую почву.

— Пурпурный, перестань, — мягко попросил я. — Перестань.

— Почему? — с горечью произнес он. — Мы проделали весь этот путь зря. Наша воздушная ткань, наши генераторы и воздухотолкатели принесли нас сюда. А мое вызывающее устройство не работает. Тогда зачем мы вообще сюда стремились? Единственный, кто собирается получить от этого выгоду,— Шуга!

— Как?

Неужели он знает о дуэли? Неужели он догадался?

— Да, Шуга, — ответил Пурпурный на мой взгляд. — Ему нужно было узнать про луны. Он должен был лететь на север. Остальные могли спокойно оставаться дома.

Он опять начал колотить по устройству.

— Может быть, мы недостаточно далеко попали на север? — предположил я. Он издал такой звук, точно подумал, что я дурак. Я цеплялся за любую мысль, чтобы только придать ему мужества.

— Иди, быть может, планета все еще на пути...

Что бы это ни значило, но он раньше пользовался этим словом.

На мгновение стало тихо.

— Что ты сказал?..

Я открыл было рот, чтобы повторить.

— Не обращай внимания, я уже понял. Будь я проклят! Какой же я кретин...

— О чем ты?

Он выпрямился — мелькание тени во тьме. В руках он держал свое вызывающее устройство.

— Лэнт, иной раз ты просто настоящий гений. А я все время думал, что ты многого не понимаешь из того, о чем я говорю, и только из вежливости притворяешься, что понял. Конечно, на пути луча — планета. — Он переступал с ноги на ногу. — Единственное возможное объяснение.

— Угу, — выдавил я, притворяясь, что именно это и имел в виду.

— Разве ты не видишь? Мое яйцо еще не взошло. Подобно солнцам, оно, вероятно, на другой стороне мира. Я должен только тогда пытаться вызвать его. Вероятно, поэтому оно и не отвечает.

Когда магия не срабатывает, у хорошего волшебника всегда найдется объяснение. Пурпурный же был одним из лучших. Я подумал, понимает ли он свое собственное толкование, и спросил:

— И сколько времени нужно ждать, прежде чем ты пригласишь его вниз?

— Пара часов — вот все, что мне нужно. Я буду пытаться вызывать его через каждые пятнадцать минут. Его орбита — всего два с половиной часа. Я, возможно, не пропущу его, как бы низко над горизонтом оно не появилось.

84

Голубой рассвет вспыхнул над восточным горизонтом и явил мир еще более пустынным и мрачным, чем прежде — если только такое возможно.

Страдая от голода, я вскарабкался на черный холм и увидел, что Шуга рисует на густой пыли огромные знаки. Он смешивал ослепительно белый порошок с различными цветными зельями, а потом выливал смесь тоненькой струйкой, выписывая изящные закругления. При этом он часто останавливался, чтобы свериться с пергаментом в руке. Я узнал шкуру с ее кругами и эллипсами, окружающими центральную точку, а затем я узнал и нарисованные знаки.

— Шуга! Что ты делаешь?

— Разве не видно? Я творю заклинание!

— А твоя клятва?

— Я поклялся местными богами. Разные территории подразумевают разных богов и различные клятвы. Сейчас мы на моей домашней территории. И я нарисовал здесь руны о дуэли с Пурпурным.

— Но так много изменилось... — пробормотал я. — Ты украл его карту с путями лун?

— Нет. Он сам подарил мне ее, глупец! Я использую его собственную магию против него.

— Нет... ты не можешь!

— Могу!.. И сделаю. Я собираюсь сбросить луну ему на голову!

Я почувствовал сильнейшее желание расхохотаться. Это было безумие. Дикое, невероятное безумие.

— Шуга, — сказал я. — Луна однажды падала. Ты знаешь, каков был результат?

— Я видел Круглое Море.

— Круглое Море было когда-то богатой, плодородной областью. Теперь море плещется об оплавленный камень, на котором ничего не растет.

Шуга безразлично пожал плечами.

— Это место уже проклято, Лэнт. Какой вред может нанести ему падающая луна?

— Она может убить нас! — почти закричал я.

— Я выберу одну из самых маленьких...

— Даже маленькая луна может нас убить...

— Лэнт, — сказал Шуга. — Я не могу согласиться на меньшее. Подумай: Пурпурный оскорбил богов! Он постоянно повторяет, что богов не существует, и с невероятной наглостью строит летающую машину, чтобы это доказать! Он надругается над здравым смыслом — вспомни его игру с понятием балласта, он смеется над законами, которым подчиняются даже боги. — Говоря это, Шуга расхаживал, глаза его налились кровью. — Он оскорбляет обычаи, Лэнт! Он дал имена женщинам и научил их занятиям мужчин! Он вмешался в освящение домашних деревьев и превратил их в колючие растения. Он превратил в хаос жизнь нашей деревни. Некоторых традиционных профессий больше не существует, в то время как другие, подобно кузнечному делу, чудовищно раздулись от важности. — Он перестал шагать и посмотрел на меня. — Он дал нам новые понятия, Лэнт. Он научил нас дурным обычаям, которые уменьшают ценность жизни и повышают значение вещей!

— Но самое главное, — заявил Шуга, — он оскорбил меня. Он не научил меня заклинаниям, которые делают электричество. Мы зависим от его милости, от его светящихся коробочек! Он подорвал мой авторитет своим ложным лечением! В результате люди обменивают мои символы на его в пропорции десять к одному!

Я был связан с ним клятвой о помощи, но он никогда не просил меня помочь ему в чем-нибудь. Никогда, ни одного раза. Он даже выбросил мои паруса за борт!

Никакое менее смертельное заклинание не восстановит мою честь, — воскликнул Шуга. — Я приведу луну вниз и обрушу на его

голову! На этот раз я должен продемонстрировать свою силу, прежде чем он исчезнет навечно!

— Я не буду помогать тебе, — тихо сказал я.

— Ты и не должен, Лэнт! Я уверен, что это твоя помощь в тот раз так подействовала на магию.

— Сколько времени тебе потребуется?

— Немного. Я скоро закончу, а потом начну молиться, пока красное солнце не поднимется высоко на западе. Тогда мы уйдем подальше и будем ждать.

— Я бы предпочел, чтобы ты сначала что-нибудь придумал насчет еды, — проворчал я.

— Забудь хоть раз про свой желудок, Лэнт. Прежде чем снова поднимется голубое солнце, Пурпурный будет уничтожен.

85

Пурпурный трижды включал свое устройство, пытаясь вызвать яйцо. На третий раз красный огонек вспыхнул и начал размеренно мигать. Пурпурный заорал от восторга и радостно подкинул в воздух устройство. Он дико голосил, напевая и пританцовывая:

— Я лечу домой, я лечу домой...

Затем принялся неистово носиться в разных направлениях и вокруг меня. Наконец, он устал и, задыхаясь, подошел ко мне.

— Лэнт, я едва могу поверить в это. Это было так долго, — начал он оправдываться. — Но это — правда. Это произошло. Мое большое гнездо услышало.

Я нервно посмотрел на холм, где Шуга все еще продолжал свою работу.

— Хм, и сколько времени пройдет, прежде чем твое гнездо доберется сюда, Пурпурный?

Он нахмурился.

— Кого это волнует? Оно летит — это самое главное!

— Мне это важно знать, — чуть не выкрикнул я.

Он посмотрел на меня как-то неопределенно.

— Я и не представлял, что для тебя это так много значит.

— Да, — сказал я немного спокойнее. — Сколько же времени потребуется?

— Может быть, день, — сказал он. — Может быть, немного больше. Яйцо было законсервировано. Оно должно активизироваться, набрать полную силу, проверить все системы, рассчитать курс, приблизиться. На все это нужно время, Лэнт. Возможно, яйцо не прилетит сюда до голубого заката.

Я застонал.

— Знаю, что ты страдаешь, друг. Но не огорчайся за меня! Я уже прождал так долго, смогу подождать еще немного.

Я снова застонал и побрел к берегу, где работали Вилвил и Орбур.

— Отец, ты плохо выглядишь, — сказал один из них.

— Да, — согласился я. — Я устал, голоден, и у меня все болит. Я мечтаю о скромной пище и скромной постели.

— Вилвил нашел несколько яиц пещероротой рыбы, — сказал Орбур. — Хочешь одно?

Это было лучше, чем ничего. Я взял темный шар и отбил корку. Солено-сладкая жидкость наполнила рот.

— О, это невыносимо! — простонал я и сделал глоток из балластного мешка.

— Смотри, чтобы Шуга не заметил, что ты пьешь отсюда, отец.

— Будь он проклят, этот Шуга, — сказал я. — Знаете, что он делает? Он пытается призвать вниз луну!

Орбур фыркнул. Вилвил ничего не сказал.

— Вы слышали, что я сказал?

— Слышали, — ответил Вилвил. — Шуга пытается призвать вниз луну. Но во всяком случае, благодаря этому он держится от нас подальше.

— Да, — признался я. — По-видимому, они были настолько поглощены своим занятием, что не придали значения моему сообщению.

Сыновья насаживали один из шкивов на велосипедную раму. У них почти не осталось инструментов для работы, приходилось обходиться камнями, палками и полосками воздушной ткани.

— Если мы сможем починить передачу, то используем лодку, чтобы выбраться отсюда по воде.

Я кивнул и предложил помощь, но Орбур сказал, что я буду только мешать. Я нашел немного плавника и развел небольшой костер, чтобы испечь яйца. Это была не вкусная, но все-таки пища. Одно яйцо я отнес Пурпурному, но тот растянулся на куске ткани от лопнувшего баллона и храпел. Блаженно и мирно. В первый раз с тех пор, как я узнал его, я видел его полностью расслабившимся.

Я оставил его спать и побрел на холм к Шуге. При виде яйца он покачал головой.

— Я займусь этим позже, когда кончу заклинание.

Я посмотрел на огромные волшебные символы.

— Почему ты не чертишь их вокруг Пурпурного? — спросил я.

— Зачем? Если луна упадет, то не имеет значения, упадет она прямо на него или нет. Она просто сделает еще одно Круглое Море.

— Ясно, — сказал я и пошел назад к сыновьям.

Они проработали большую часть дня, отвлекаясь только, чтобы пожевать немного печеного яйца и сделать глоток воды. К тому

времени, когда наступила ночь и красное солнце исчезло на западе, велосипедный шкив снова работал так же хорошо, как прежде.

День быстро приближался к концу. Яйцо Пурпурного все еще не появлялось, а Шуга продолжал распевать на холме. Мои сыновья устало растянулись на одеялах и жевали неподатливую яичную массу.

Я лежал и смотрел в небо. На потемневшем востоке уже появилась одна из лун, скоро к ней присоединятся другие. Я смотрел в небо и чувствовал свою беспомощность. Я не мог отговорить Шугу от заклинания. Предупреждать Пурпурного тоже было бесполезно. Я знал, что он думает о магии Шуги.

Вдруг появился Шуга. Он грубо поднял меня на ноги.

— Лэнт. Время уходит.

— Как? — сонно произнес я. — Что?

— Я закончил заклинание. Все, что нам теперь остается,— это ждать.

Я разбудил сыновей. Они были такими же сконфуженными и растерянными, как и я, но гораздо раздраженнее.

— Уходим, Лэнт, уходим. У нас нет времени.

Мы вбили пробку в дырку и столкнули лодку на воду.

— Быстрее! Быстрее! — подгонял Шуга. — Луна скоро упадет!

Наши накидки успели промокнуть до самых бедер. Нам пришлось толкать лодку через прибой, прежде чем мы смогли забраться в нее. Последним влез Вилвил. Он развернул лодку так, чтобы ее корма была направлена в море — разворачивать ее наоборот заняло бы слишком много времени. Потом оба мальчика начала яростно крутить педали назад. Мгновение спустя мы уже двигались прочь от берега.

Пурпурный в темноте, со своим многоглазым вызывающим устройством, сначала ничего не заметил. Но потом подошел к берегу и крикнул:

— Что вы там делаете?

— Проверяем лодку, — раздался голос Шуги над черной водой.

— Хорошая мысль, — одобрил Пурпурный и пошел от берега. Луны давали достаточно света, чтобы разглядеть его пухлую фигуру на гребне. Вилвил продолжал крутить педали назад, тогда как Орбур вращал их вперед. Лодка развернулась, став кормой к Зубам Отчаяния и вперед носом. Но двигались мы медленно, так как ветер дул к берегу.

— Крутите педали быстрее! — подгонял Шуга. —Иначе падающая луна уничтожит нас!

— Чепуха какая! — пожаловался Орбур. — Шуга не может сбросить луну вниз!

— Ты не веришь в магию? — удивился я.

— Ну...

— Глупец, ты же сам летал! Как ты можешь не верить в магию?

— Конечно, я верю в магию! — прошептал Орбур. — Я не верю в магию Шуги!

— Я вижу, — заметил я, — но надеюсь, что ты достаточно благоразумен, чтобы не говорить об этом громко.

— Я не боюсь. Он не такой сильный волшебник, как Пурпурный. Но даже Пурпурный никогда не говорил, что может сбросить луну.

Я не ответил. Мальчики продолжали неохотно крутить педали. Лодка казалась хрупкой скорлупой с обвисшими над ней мешками. Море было беспокойным, похожим на бескрайнюю ванну с чернилами. Берег потемнел. Пурпурный черным силуэтом вырисовывался на холме.

Я посмотрел на луны — две были дисками, розоватыми с одного края и голубовато-белыми с другого. Четыре луны были слишком малы, чтобы выглядеть дисками,— и там было что-то неправильное, что-то ужасно неправильное. Мальчики это тоже почувствовали.

Я, оцепенев, продолжал вглядываться. Одна из маленьких лун — на конце изогнутой линии — выплывала из строя. Я посмотрел на берег. Знает ли об этом Пурпурный? Он казался игрушечной фигуркой, неистово пляшущей на темной горе. Да, он, вероятно, пытался вернуть луну назад на небо. Он прыгал и кричал — но тут была родная земля Шуги. Я взглянул на него. Он сидел, опершись спиной о корму лодки, зубы его поблескивали. Мои сыновья как бешеные закрутили педали. Позади нас оставалась вспененная борозда.

Луна становилась крупнее. Сначала она была яркой точкой на черном небе, подобной другим лунам. Но двигалась быстрее, чем имела право двигаться любая луна! Затем она стала большим диском, подобно крупным лунам, красным с одной стороны и голубым с другой. Теперь это была самая большая луна в небе. И она все росла! Она должна была падать на Пурпурного — должна была. Однако она, казалось, парит над нашими головами. Голубовато-белый край неожиданно потемнел, став почти черным. Луна начала расти быстрее, и красная сторона тоже стала тускнеть. Из центра почти черного шара смотрел вниз желтый глаз.

А луна все росла, росла и росла...

— Быстрее! Проклятье! Быстрее! — кричали мы с Шугой. Шуга — эта болтающая глупости жаба — просчитался... Луна — слишком большая вещь для того, чтобы мстить одному человеку! Ее вес уничтожит весь мир из-за гордыни одного человека!

А затем луна поплыла вниз, подобно чудовищному мыльному пузырю,—Шуга не просчитался — вниз, туда, где прыгал на чер-

ном холме Пурпурный. Она остановилась над головой Пурпурного и над знаками Шуги.

— Ну, не останавливайся! — завизжал Шуга. Он чуть не выпрыгнул из лодки. — Раздави его! Раздави! Всего два человеческих роста осталось, разве трудно с этим справиться!

Но луна больше не падала. Вместо этого Пурпурный начал подниматься, подниматься к желтому глазу. И исчез в нем.

— Она его сожрала! — Шуга был поражен. — Почему она это сделала? Такого не было ни в одной руне!

— Может быть, это было в рунах Пурпурного, — предположил Вилвил.

— Да, он прав! — сказал я. — Теперь я это вижу! Твоя луна и большое яйцо Пурпурного — одно и то же.

— Что ты имеешь в виду?

— Он полетит на ней домой, — сказал я. — Домой. Я рад.

— Пурпурный? В моей луне? Он не сможет! Я ему не позволю! Мальчики, поворачивайте назад!

— Поворачивайте, — сказал я им.

Как только лодка медленно описала круг, Шуга прошел на нос.

— Он, вероятно, будет ждать нас, — спокойно сказал я. — Он говорил мне, что не улетит, пока не убедится, что мы сможем добраться домой. Что ты ему скажешь?

— Я? Ему? Скажу, чтобы он не прикасался своим безволосым огузком к моей луне! А что еще я могу сказать?

— И, как ты думаешь, что он ответит?

— Ты на что намекаешь?

— Если Пурпурный захочет удержать луну, то он скажет, что это его повозка, что это он призвал ее вниз, а ты здесь совершенно не при чем.

— Это гнусная ложь!

— Конечно, Шуга! Но ему нужна луна, чтобы добраться домой. Ему придется так сказать. И, как твоему единственному свидетелю, — мягко объяснил я, — мне придется сказать жителям деревни, что Пурпурный отрицал твое заявление, будто это ты сбросил вниз луну.

— Но это ложь, черная наглая ложь! — Шуга был ошеломлен. — Я тоже призывал ее вниз! И все это знают! Кому поверят наши жители — мне или этому ненормальному лысому колдуну?

— Они поверят своему Главе, — сказал я.

И мы заспешили к берегу.

Огромная желтая луна ждала нас.

— Никогда не думал, что Шуга сможет это сделать, — без конца повторял Орбур, вытаскивая лодку на песок. — Он даже безволосость не может вылечить!

— Возможно, он внес свой вклад, — сказал я, выпрыгивая из лодки. — Орбур, — укорил я, — неужели нельзя пристать к берегу немного повыше? Посмотри на мою накидку.

— Прости, отец, — сказал Орбур и подтащил лодку ближе. — Ты думаешь, луну вызвал Пурпурный?

— Нет. По-видимому, он ожидал действия заклинания Шуги. Но они оба хотели одного и того же: падения луны и ухода Пурпурного. Если два могущественных волшебника работают в согласии, разве не удивительно, что они добились успеха?

С другой стороны ко мне подошел Вилвил. Последним из лодки выбрался Шуга. Он презрительно окинул нас взглядом, выпрямился во весь свой рост и надменно прошествовал мимо нас...

— Шуга! — окликнул я.

Он остановился, скрестил руки и осмотрел гигантскую сверкающую сферу на вершине холма. Когда я подошел к нему, он сказал:

— Ладно, пусть оставляет себе мою луну, раз она заберет его домой! Моя клятва обязует изгнать его с моей территории, а этого я определенно добился!

— Хорошо сказано, — воскликнул я. — Ты великий волшебник, Шуга!

Не сказáв более ни слова, мы все побрели к вершине холма, где нас ждал Пурпурный. Его настроение было — само нетерпение, признаки тревоги, казалось, исчезли с лица, и он светился улыбкой, широкой, как мир.

Мы подошли очень осторожно. Огромная черная масса нависла над нами, как Рог Богов. Но мы не видели ничего, что бы ее поддерживало. То, что воздушных мешков не было,— это точно. Да и сама она не была похожа на воздушный мешок.

— Не бойтесь, — сказал Пурпурный. — Оно безопасное.

Мы вошли в поток желтого света, который лился из луны Пурпурного. Это был тот самый свет, который превращал зеленый цвет во что-то яркое, ранящее глаз, и я удивился, как можно выдержать его. Луна возвышалась над нами, такая же высокая, как Скала Идиоки, возможно, даже выше. Шуга отошел, чтобы оценить ее высоту. Он принес яйцо пещероротой рыбы и принялся царапать на нем руну.

Пурпурный подозвал нас. Он стоял у огромной груды вещей и протянул Орбуру новую батарею. Она была похожа на ту, которую

Пурпурный использовал для подкачки воздушных мешков, но, как он сказал, она была полностью заряженной. Теперь не было опасности, что на обратном пути она умрет. Она могла наполнить больше воздушных мешков, чем мы могли сделать, да и тогда только чуть-чуть ослабеет.

— В ней хватит энергии, чтобы проделать дюжину таких путешествий, Лэнт. Вот этот указатель, Орбур, скажет тебе, сколько энергии в ней остается. Эта ручка регулирует скорость, с какой отдается энергия.

Пурпурный наклонился и поднял большой ящик с крышкой на петлях.

— Это запас аварийного рациона. Я положил вам пять пакетов. Их хватит на месячное путешествие.

Он подтолкнул ящик и потянулся за следующим предметом. Мы заинтересованно подошли ближе.

— Вот тут одеяла, — сказал Пурпурный. — Они вам, конечно, понадобятся в верхнем небе. Посмотрим, что еще?

Он счастливо шарил в своей куче, называл предметы, передавал их Вилвилу и Орбуру. Мальчики передавали их мне, а я, после осмотра, клал в кучу позади себя. Его куча уменьшалась, наша куча росла. Шуга ничем не интересовался. Он продолжал бродить вокруг основания гигантского яйца и царапал руны на яйце пещероротой рыбы.

— Вот тут фонари. А это набор медикаментов. Я подписал лекарства, которые вы сможете использовать для лечения безволосости и других заболеваний. Только будьте внимательны, хотя здесь нет ничего такого, что могло бы вам повредить.

Пурпурный поднял еще один из немногих оставшихся странных предметов. Он состоял из нескольких сложенных вместе странных картинок — Пурпурный назвал его книгой и сказал, чтобы мы посмотрели ее позднее. Но Шуга вцепился в нее, как только увидел.

— Волшебные образы!

Пурпурный пытался втолковать ему, что это не так, но Шуга не хотел слушать. Неважно. Некоторые картинки имели какой-то смысл. Немного погодя Шуга швырнул книгу в общую кучу и вновь принялся разрисовывать яйцо.

Наконец остался только один предмет — бесформенная масса мерцающего белого света. Пурпурный даже не пытался поднять его — слишком уж массивным он казался. Он просто указал на него и заявил:

— Думаю, это будет наиболее полезным для вас.

— Что это?

— Новый воздушный мешок, — сказал Пурпурный и улыбнулся. — Я опасаюсь за те, которые мы сделали, они оказались не такими надежными, как я предполагал. Они едва выдержали это пу-

тешествие. Один уже лопнул, и, боюсь, остальные долго не протянут. Друзья мои... а я знаю, что вы мои друзья...

Позади меня фыркнул Шуга.

— Друзья мои, я хочу, чтобы ваше путешествие домой было таким же приятным, как и мое. Это — воздушный мешок для изучения погоды в неизвестных мирах. Он достаточно большой, чтобы нести ваш вес. Используйте его вместе с другими воздушными мешками — и вы доберетесь домой.

Орбур уже деловито осматривал его. Материал был легким, прозрачным и наиболее тонким из всех, какие мы когда-либо видели.

— Здесь нет нитей, — воскликнул Орбур. — Вилвил, иди сюда! Ты только посмотри!

Но Вилвил исчез. Немного погодя он появился на холме.

— Ужасное место для луны ты выбрал, — сказал он, отдуваясь. — Почему бы тебе не поставить ее пониже.

— Где ты был?

Вилвил показал то, за чем ходил.

— Я тоже принес подарок Пурпурному. — Он протянул руки. — Одеяло из воздушной ткани, Пурпурный, и... мешок балласта. Они могут тебе пригодиться.

Пурпурный взял плотный мешок и обнял его нежно, как ребенка. Глаза повлажнели, на лице расплылась улыбка.

— Спасибо, — пробормотал он смущенно. — Это замечательные подарки.

Он говорил, и голос его прерывался.

Потом Пурпурный повернулся ко мне:

— Лэнт, благодарю тебя за все. Спасибо тебе за помощь, за то, что ты такой превосходный Глава. Я... подожди, у меня кое-что есть для тебя.

Пурпурный исчез в своей луне. Вернулся он почти сразу. Он оставил там наши подарки, но принес кое-что еще. Шар со странными шишками и выпуклостями на поверхности.

— Лэнт, это тебе...

— Что это?

Я с удивлением взял предмет. Он был весом с маленького ребенка.

— Это твой символ Главы. Я знаю, у Шуги не было времени сделать его тебе. Я надеюсь, он не станет возражать, если символ подарю тебе я. Смотри — здесь написано имя знаками моего языка. Ты — Глава волшебника Пурпурного.

Я был смущен, поражен, восхищен, испуган — эмоции беспорядочно сменяли друг друга.

— Я... я...

— Не говори ничего, Лэнт. Просто возьми. Это особый символ.

Он будет узнан и окружен почтением любым из моих людей, если кто-то из них снова попадет в ваш мир. А если вернусь я, он сделает тебя моим официальным Главой. Владей им, Лэнт.

Я молча кивнул, взял предмет и отступил назад.

Пурпурный наконец повернулся к Шуге, который все это время терпеливо ждал.

— Шуга, — сказал он, протягивая пустые руки, — у меня нет ничего, что бы я мог дать тебе. Ты — слишком великий волшебник, чтобы я посмел оскорбить тебя ненужным подарком. Я не могу предложить тебе ничего, чего бы ты не имел, и даже предположить, что я мог бы это сделать — значит оскорбить твое мастерство и величие.

Челюсть у Шуги отвисла. Он чуть не выронил яйцо рыбы. Но его глаза тут же подозрительно прищурились.

— Нет для меня подарка? — переспросил он.

Я не знал, почувствует ли он себя обиженным или польщенным.

— Только один, — сказал Пурпурный. — Но он такой, что его невозможно унести. И он уже на месте. Я оставляю тебе две деревни. Теперь ты их официальный волшебник.

Шуга уставился на него широко раскрытыми глазами. Пурпурный стоял, высокий, производящий впечатление. В этом странном свете он выглядел почти что богом. Казался олицетворением определенного рода благородства: великодушный, всезнающий.

Шуга выдавил:

— Ты признаешь это?.. Ты признаешь, что я более великий волшебник?

— Шуга, я признаю это. Ты знаешь в магии и богах этого мира гораздо больше, чем кто-то еще, включая меня. Ты — самый великий. И теперь у тебя есть летающая машина.

Затем он обвел нас всех глазами и прошептал:

— Я покидаю вас. Я прощаюсь со всеми вами. Даже с тобой, Шуга, и твоей дуэлью.

С этими словами он поднялся в свою луну и исчез. Желтый свет на мгновение вспыхнул ярче, затем его не стало. Луна начала всплывать вверх, также медленно, как пришла. Она поднималась все выше и выше, становилась все меньше, то ярко загораясь на мгновение, то погасая.

Шуга был так потрясен этим, что совсем забыл о заклинании на яйце пещероротой рыбы. Он с шумным чавканьем торопливо впился в него зубами. И тут же подавился. Нам пришлось с силой колотить его по спине, прежде чем он пришел в себя.

Море бросалось на почерневший берег и откатывалось. В небе висела крохотная искорка Оуэлса, яркая и голубая.

«Ястреб» лежал на берегу с наполненными, но вяловатыми баллонами. Большой белый баллон расцвел над остальными — он представлял собой узкий цилиндр с выпуклостью на вершине. Груз воды удерживал лодку от подъема. Наши припасы были разбросаны на песке. Мы четверо сидели и мрачно смотрели на наше судно.

— Знал же я, что мы что-нибудь забудем, — сказал Вилвил. Он повторял это уже в одиннадцатый раз.

— Север, — буркнул Орбур. — Мы забыли, что ветер дует на север, — уточнил я.

— Неважно, — пожал плечами Орбур. — Он швырял камни в море. Мы все еще не взлетели.

— Проклятье!

— Не ругайся, — пробормотал Шуга. — Как же так? Я — величайший волшебник в мире — не могу изменить направление ветра! Проклятье!

— Не ругайся, — сказал Орбур.

— Это моя работа. Я — волшебник!

Мы уже четыре раза пытались подняться на лодке. И всякий раз нам удавалось лишь удерживать лодку над берегом. Каждый раз, как только мальчики уставали, ветер грозил унести нас вглубь материка, и мы опускали лодку на землю.

— Не имеет значения, сколько энергии в этой батарее, — сказал Вилвил. — Мы могли бы и не иметь ее, раз не можем никуда улететь. А так мы напрасно ее расходуем.

— По указателю этого еще не видно, — сказал я.

— Но это не значит, что мы не теряем энергию, — возразил Вилвил. — Если мы будем продолжать попытки, то дождемся, что там ничего не останется.

Мы находились всего в нескольких милях восточнее того места, где пристали первый раз. Совсем рядом от нашей бывшей деревни. Место было такое же пустынное, как и все остальное. Я задумчиво жевал один из пищевых брикетов Пурпурного.

— Должен же быть какой-то способ, — пробормотал я. — Должен быть.

— Но не по воздуху, — отрезал Вилвил. Орбур швырнул камень.

— Тогда давайте по воде.

— А почему нет? Лодка ведь может плыть, верно?

— Да, но водовороты, рифы, — напомнил я.

— А мы над ними поднимимся! — чуть ли не закричал Вил-

вил. — Вот-вот, мы наполним баллоны газом ровно настолько, чтобы лодка находилась над водой, но не воздухотолкатели! Они ведь могут гнать и воду! А мы будем крутить педали в сторону дома. Когда ветер утихнет, мы можем подняться в воздух!

— Но если ветер будет действовать на баллоны, как на паруса, не будет ли он и в этом случае гнать нас назад? — спросил я.

— Да, но вода будет толкать нас вперед. Таким образом, вода даст нам точку опоры, которая нам необходима, чтобы вернуться домой! К тому же мы не будем накачивать баллоны так сильно, как обычно. Они будут предоставлять меньшую площадь для ветра и с ним будет легче бороться.

Конечно, Вилвил и Орбур были правы — как и всегда, когда дело касалось летающей машины. О ней они знали почти столько же, что и Пурпурный,— и уж несравненно больше Шуги. Шуга возражал против приравнивания действия ветра на баллоны к действию ветра на паруса. Но Орбур сказал, что ветер — есть ветер. И Орбур и Вилвил оказались правы. Вода лениво плескалась под нами, воздухотолкатели взбивали ее позади нас в пену. Мальчикам приходилось налегать на педали вдвое сильнее, чем в воздухе. Море уже начало отступать, пороги и водовороты встречались часто, поэтому нам приходилось подниматься в воздух.

Когда мальчики уставали, мы или увеличивали балласт, или выпускали немного газа. По воде нас сносило назад совсем немного.

За собой мы тащили рыболовные веревки. Это был подарок Пурпурного и нам не терпелось испытать их на деле. Однажды мы поймали что-то очень большое и оно полдня тащило нас на восток, прежде чем мы сумели перепилить веревку. Нам пришлось использовать для этого специальный инструмент.

Пища, которой нас снабдил Пурпурный, была не то чтобы несъедобной, но имела неприятный вкус, и мы пользовались ею только тогда, когда есть стало нечего.

На пятый день нам изрядно повезло — мы попали в течение, стремительно уносившее нас в южном направлении. Мы держались в нем, пока оно не стало слишком бурным. Тогда мы поднялись в воздух. Мальчики были в восторге, обнаружив, что ветер дует нам в спину.

Период темноты стал теперь больше — два часа. Один сезон сменял другой. Океан начал отступать. Это будет длиться еще несколько месяцев. Море под нами пенилось вокруг острых скал — это начали обнажаться горные пики. Случился период, когда мы ничего не видели, кроме тумана: голубой туман, красный туман,

черный туман, голубой туман и т. д. — бесконечное повторение в соответствии с циклом солнц.

Мы уже потеряли три воздушных мешка. Их швы расползались неожиданно и как-то одновременно — и лодка неприятно шлепалась на воду. Мы компенсировали их потерю, еще больше накачивая мешок Пурпурного. Он был еще наполовину пуст, но вполне заменял разрушенные баллоны.

В следующие дни мы расстались еще с двумя мешками. Очевидно, была допущена какая-то серьезная ошибка с клеем, который Грим использовал для замазки швов. Возможно, сама ткань оказалась не такой крепкой, как ожидалось. Те мешки, что у нас оставались, держали теперь газ не дольше дня. Шуга и я постепенно подзаряжали их. В момент изготовления воздушная ткань была плотной, но теперь она определенно перестала быть такой.

Мы все еще волочили за собой наши рыболовные снасти, они свисали наподобие тоненьких нитей мерцающей паутины. Я удивился мастерству их изготовления и прикидывал, сможем ли мы сделать такие же.

Нас внесло в новую зону тумана: голубой туман, белый туман, красный туман...

В черном тумане нам на крючок попалось что-то большое, слишком большое, чтобы его можно было вытащить. Мы не решились обрезать нить. Добыча была слишком ценной, чтобы терять ее. Ветер свистел в снастях — так быстро мы двигались!

А затем туман рассеялся, когда голубое солнце выпарило его, и мы увидели, что поймали на крючок... кусок почвы. Пустыня, которую мы пересекли много месяцев назад, которая была потом мороким дном, теперь представляла собой болото. Тина бурно зацвела. Там должны были быть жевательные корни и, возможно, пища. Мы начали наматывать нить, притягивая себя к берегу. До дома оставалось немного.

88

Мы вернулись к мирной жизни близнецов-деревень. Жизнь и в самом деле представлялась даже более спокойной, чем раньше. И ответственность за это несли я и Шуга. Во время отлета «Ястреба» мы просыпали над веселящейся толпой пыль желания. В результате три недели там продолжалась оргия. Непристойная, конечно, но породившая чувство братства между верхней и нижней деревнями. Другим связующим звеном между нами стал сам Шуга. Теперь он был главным волшебником обоих поселений.

Гортик, правда, позволил ему занять этот пост, только заручившись клятвой Шуги, что он выкупит все волшебные плашки в деревне за их полную стоимость. Потребовались уговоры, чтобы он согласился выкупить и плашки Пурпурного, но прощальные слова Пурпурного надолго привели его в хорошее настроение. Однажды его видели улыбающимся.

Конечно, нашлось несколько человек, которые огорчились из-за того, что их планы расстроились. Хинк, например, вложил почти весь свой капитал в плашки Пурпурного и считал, что их следовало бы выкупить по старой цене: десять к одному.

По вечерам я сидел и слушал, как бранятся жены и кричат дети, и думал, до чего же хорошо находиться дома. Жизнь вернулась к своему неспешному ритму. Я по-прежнему вырезал плашки и регулировал этим развитием коммерции. Другие производили товары, а я распределял плашки, теперь уже только голубые, поскольку Пурпурный улетел.

Ткачество оставалось основным ремеслом. Торговцы прибывали не только из других деревень, но и с материка, и даже из таких дальних мест, как Долина Замерзшей Воды. Каждые пять дней прибывал новый караван. Мы стали теперь могущественной торговой деревней, а слава о нашей ткани распространялась все дальше.

Вилвил и Орбур работали над новым «Ястребом». Старый был установлен на почетном месте на специальной поляне, принадлежащей сыну Фрона Кузнеца. Ни один из торговцев не проходил мимо, не остановившись и не удивившись лодке, которая двигалась по воздуху.

Новый «Ястреб» должен был получиться огромным — почти в пятнадцать человеческих ростов длиной. Ему потребуется свыше сотни воздушных мешков и десять мужчин на велосипедах, чтобы приводить его в движение. Теперь следующий болотный сезон не прервет нашу торговлю с материком. Подмастерья ткачей и изготовителей лодок никогда не работали так напряженно, как в последнее время.

Сначала, когда Вилвил и Орбур объявили о своих намерениях, некоторые начали возражать:

— Для чего нужна еще одна летающая машина? Одну мы уже построили, мы доказали, что можем это сделать, так чего ради мы будем делать ее снова? Кому нужна такая трата сил для воздушной ткани? Лучше использовать воздушную ткань для торговли!

— Но как вы собираетесь здесь ею торговать? — последовал вопрос. — Если мы не будем строить другой «Ястреб», нам окажутся не нужны генераторы и генераторные бригады. Нам некуда будет

тратить плашки, которые вы зарабатываете ткачеством, вам негде будет торговать вашей тканью.

Тех, кто в этом не был убежден, скоро перекричали. Гортик и я одобрили намерение моих сыновей, и вскоре на Скале стали расти внушительных размеров подмостья.

Казалось, что женщины теперь навечно обзавелись именами. Шуга думал, что по окончании строительства первой лодки мы сможем отменить даже имя Мисса, но поскольку женщины вновь оказались нужны для прядения нитей, мы не посмели этого сделать. А чума эта распространялась. Новая жена, которую я купил на материке, не успела пробыть в моем доме и трех дней, как уже потребовала себе имя. Мои старые женщины поддержали ее. Каким-то образом им пришла идея, что все женщины должны иметь имена — даже если это просто Мисса. Единственным исключением была моя безволосая дочь. Шуга намеревался вскоре освятить ее. У нее будет свое собственное секретное имя.

Шуга был очень занят. Теперь он мог снять благословение, позволить взять сок и снова наложить благословение на домашнее дерево почти без затрат времени. И это стоило владельцу гнезда всего один волшебный символ. К счастью, Шуга открыл, что взятие сока дерева отгоняет демонов. Он перепродавал кровь домашнего дерева ткачам — по три порции за плашку, и это была очень справедливая цена. Из-за повысившегося авторитета Шуги мне пришлось набрать новых подмастерий. Теперь у меня их было больше десяти и они изготовляли в день плашек больше, чем их мог бы выкупить любой волшебник.

Многие жители деревни не считали, кажется, компенсацию символов необходимой. Они обменивались плашками, как легким ценным и неразрушающимся товаром. Но другие ценили их достаточно высоко. Шуга был постоянно занят. Ткань нужно было благословлять, станки — освящать, у домашних деревьев брать сок. Были еще оплодотворяющие заклинания, благословение имен. И все время приходилось присматривать за своими учениками, которые становились все искуснее в своих попытках убить Шугу.

— Бегаешь и молишься, бегаешь и молишься! — жаловался он. — Для отдыха нет времени! И ты знаешь, Лэнт, они все еще обменивают плашки Пурпурного одну к четырем! Почему? Пурпурный же улетел!

— Но его магия сохранилась. Она впиталась в плашки и делает их приносящими счастье, — объяснил я.

Шуга раздраженно фыркнул.

— Кроме того, ты работаешь лучше. Так мне рассказывали, — сказал я.

— Это верно. Поэтому я собираю плашки Пурпурного. Когда я уничтожу последнюю, здесь от него никаких следов не останется!

Все будет так, как было до прихода к нам ненормального волшебника! Я искореню его память, Лэнт!

— Думаю, ничего не получится, Шуга. Плашки Пурпурного разошлись так же широко, как наша новая ткань. Мы никогда не сможем выкупить их все.

— Но я могу попытаться, Лэнт. Я могу попытаться. Я изгнал его — ты сам это видел — и я смогу уничтожить его символы. — И Шуга заспешил по своим делам. Намерения Шуги, ясное дело, несбыточные. Каждый раз, когда он уничтожает плашку Пурпурного, оставшиеся поднимаются в цене, потому что становятся большей редкостью. Люди неохотно расстаются с ними.

СОДЕРЖАНИЕ

МИР - КОЛЬЦО
Роман
3

ДАР ЗЕМЛИ
Роман
197

ЛЕТАЮЩИЕ КОЛДУНЫ
Роман
367

Литературно-художественное издание

Найвен Ларри

ЛЕТАЮЩИЕ КОЛДУНЫ

Фантастические романы

Ответственный редактор *И.А. Лазарев*
Редактор *А.В. Ларионов*
Художественное оформление студии "Парсек"
Технический редактор *Ю.А. Мухин*
Корректор *Е.Н. Петрова*

Подписано в печать с оригинал-макета 06.08.92.
Формат 60 x 84 1/16. Бумага книжно-журнальная офсетная.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 39,76.
Уч.-изд. л. 36,09. Тираж 60 000 экз. Заказ № 3451.

Торгово-издательское объединение "Центрполиграф".
127018, Москва, ул. Октябрьская, 18.

Издание выпущено совместно с полиграфической фирмой
"Красный пролетарий".

Отпечатано с оригинал-макета в полиграфической фирме
"Красный пролетарий" РГИИЦ "Республика"
103473, Москва, ул. Краснопролетарская, 16.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

ТИО "Центрполиграф" готовит к выпуску собрание сочинений

КОРОЛЯ ЗАХВАТЫВАЮЩЕГО ЖАНРА,
МАСТЕРА КРУТОГО ДЕТЕКТИВА
ДЖЕЙМСА ХЕДЛИ ЧЕЙЗА,

который по праву остается одним из самых читаемых авторов в мире.

В первый том собрания вошли ранние произведения Д.Х.Чейза, заложившие основу будущей популярности автора:

НЕТ ОРХИДЕЙ ДЛЯ МИСС БЛЭНДИШ
ПЛОХИЕ НОВОСТИ ОТ КУКЛЫ
МЕРТВЫЕ МОЛЧАТ
ТЕПЕРЬ ЭТО ЕМУ НЕ ПОНАДОБИТСЯ

МИНИМУМ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПЕРЕЖИВАНИЙ, ОПИСАНИЙ ПРИРОДЫ И ВООБЩЕ ВСЕГО ТОГО, ЧТО УВОДИТ ОТ СЮЖЕТА, ОТ ДЕЙСТВИЯ...

Торгово-издательское объединение "Центрполиграф"
готовит к выпуску серию
"Винчестер. Лучшие Вестерны"

① Луис Ламур КРОВАВОЕ ЗОЛОТО

Тайна сломанного револьвера
Дорога на север
Верхом по темной тропе
Кровавое золото
Опасное путешествие майора Брионна
Романы

Вестерны – это легенды о мужественных людях, покоривших необозримые просторы американского Дикого Запада, о людях, скорых на расправу, но зачастую скрывающих мягкое любящее сердце. Луис Дарбори Ламур – один из наиболее удачливых писателей в жанре вестерна. Его романы наполнены действием, опасностями, приключениями, той особой атмосферой жестокого риска, которая пленяет нас в вестернах.

Торгово-издательское объединение "Центрполиграф" готовит к выпуску

Эд Макбейн

Головоломка

Выкуп
Кукла
Детективы
Головоломка

Новые тревоги, новые расследования, новые испытания боевой дружбы замечательных парней из 87-го полицейского участка.

ТОРГОВО-ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
ЦЕНТРПОЛИГРАФ

ГОТОВИТ К ВЫПУСКУ В 1992-1993 ГОДАХ:

Собрание избранных сочинений Густава Эмара
в 12-ти томах.
84x108 1/32. Тираж 100000 экз. Обложка бумвинил.

том 1
Сурикэ

том 2
Сакрамента
Искатель следов

том 3
Степные разбойники
Закон Линча

том 4
Золотая лихорадка
Флибустьеры

том 5
Курумилла
Валентин Галуа

том 6
Король золотых приисков
Мексиканские ночи

том 7
Охотники за пчелами
Каменное сердце

том 8
Арканзасские трапперы
Пограничные бродяги

том 9
Вольные стрелки
Чистое сердце

том 10
Следопыт
Перст Божий

том 11
Форт Дюкен
Атласная змея

том 12
Черная птица
Карденио

ТОРГОВО-ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
ЦЕНТРПОЛИГРАФ

Научная фантастика, фэнтези, мистика, ужасы, детектив, приключения, вестерн - НАШЕ НАПРАВЛЕНИЕ В КНИГОИЗДАНИИ!

Мы возрождаем традиции российского книгопечатания и следуем примеру таких дореволюционных издателей, как Сытин, Сойкин, Ахматова.

НАША КНИГА -
ВОПЛОЩЕНИЕ ВАШЕЙ МЕЧТЫ !!!

"ЦЕНТРПОЛИГРАФ" также специализируется на оптовых закупках, продаже и обмене художественной литературы, пользующейся спросом у населения, и предлагает всем заинтересованным книготорговым организациям, предприятиям, и кооперативам широкий выбор художественной литературы по номинальной стоимости за наличный и безналичный расчет.

"ЦЕНТРПОЛИГРАФ" -
ВАШ НАДЕЖНЫЙ ДЕЛОВОЙ ПАРТНЕР !!!

Наши адреса:

- 127018, Москва, ул. Октябрьская, 18
  тел. (095) 281-74-11
- 123060, Москва, ул. Расплетина, 32
  тел. (095) 194-99-65
- 123100, Москва, ул. 2-я Черногрязская, 3/1
  тел. (095) 259-53-75
- 109052, ул. Нижегородская, 70/1
  тел. (095) 270-02-42

УВАЖАЕМЫЕ ХУДОЖНИКИ !

Если Вы владеете
ЧЕТКИМ, ДИНАМИЧНЫМ РИСУНКОМ,
ЯРКИМИ КРАСКАМИ,
Знакомыми по обложкам американских книг
детективного и фантастического жанра,
приглашаем Вас к долгосрочному сотрудничеству,
даже если у Вас нет опыта в книжной графике.
Оплата - по самым высоким расценкам.

НЕ ОТКЛАДЫВАЯ,
ПОЗВОНИТЕ
208 74 01
208 56 34